

П. А. ХРОМОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
РОССИИ
В XIX-XX ВЕКАХ

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

П. А. ХРОМОВ

ПРОФЕССОР
ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
РОССИИ
В XIX~XX ВЕКАХ

1800 ~ 1917

*

Государственное издательство
политической литературы
1950

ОТ АВТОРА

«...История развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей»¹.

Чтобы понять закономерности развития общества, в частности современного общества, необходимо изучать историю общественного развития и экономического в особенности, поскольку экономический прогресс есть основа всякого прогресса. Марксистская теория, считая способ производства материальных благ основой жизни общества, не игнорирует при этом и роль идей в общественной жизни.

Изучение экономического развития нашей страны представляет огромный интерес в особенности потому, что Россия «...послужила очагом ленинизма...», потому, что именно в России рабочий класс, руководимый большевистской партией, осуществил в союзе с беднейшим крестьянством первую в мире социалистическую революцию.

В. И. Ленин и товарищ Сталин своими работами внесли неоценимый вклад в дело изучения экономического развития нашей Родины. Произведения классиков марксизма-ленинизма являются основой марксистского подлинно-научного изучения экономического развития нашей страны. Среди произведений корифеев марксистско-ленинской науки, посвящённых истории экономического развития России, выдающееся место занимает капитальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

В. И. Ленин придавал весьма большое значение изучению хозяйственного развития России: он, например, указывал, как

---

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

на общий недостаток книги А. Богданова «Краткий курс экономической науки», на «...отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны...»¹

Экономическое развитие России имело свои особенности. В. И. Ленин, вскрыв их, указывал, что теория К. Маркса «...дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»².

В СССР многими исследователями произведена значительная работа по изучению истории народного хозяйства как нашей страны, так и зарубежных стран.

Наряду с обобщающими работами вышло несколько исследований, посвящённых отдельным проблемам, эпохам, районам и т. д.

Несмотря на это, экономическая история СССР продолжает оставаться слабо изученной областью и одним из отсталых участков советской экономической науки. Подавляющее большинство научных работ рассматривает главным образом проблемы производства (промышленность, сельское хозяйство) и почти не освещает вопросов сферы обращения — денежно-кредитной системы, проблем внутреннего и внешнего рынков.

Глубокое изучение вопросов торговли, например, необходимо также в связи с критикой взглядов школы М. Н. Покровского, отводившего торговому капиталу главную роль в развитии экономической жизни России.

В силу слабой изученности экономики дореволюционной России среди наших экономистов и историков существует большой разноречивой во взглядах на такие вопросы экономической истории нашей страны, как место земледелия в древней Руси, социальная природа петровских мануфактур, время возникновения в России капиталистических отношений, характер первоначального накопления, роль иностранного капитала в экономике России и т. д. и т. п. Особенно слабо исследована экономика России XIX в. — периода монополистического капитализма. Задача состоит в том, чтобы на основе ленинской теории империализма показать экономику России на богатейшем конкретно-статистическом материале, который до сих пор в очень ещё незначительной части пущен в научный оборот.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 39.

² Там же, стр. 192.

Недостаточная изученность экономической истории России объясняется отчасти тем, что некоторые советские экономисты не преодолели ещё безразличия, если не сказать пренебрежения, к хозяйственной истории нашей родины, проявляющегося в ряде их работ. Безродному космополитизму чужда история русской науки и культуры, для него безразлична та огромная роль, которую сыграла русская наука в развитии мировой науки. Задача советских историков и экономистов заключается не только в накоплении новых данных о хозяйственном развитии нашей родины, но вместе с тем и в создании сводных исследовательских монографий по экономической истории нашей страны. «Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций...»¹ Эти задачи по изучению экономики дореволюционной России могут быть разрешены лишь общими усилиями наших экономистов и историков.

В предлагаемом труде автор поставил целью рассмотреть некоторые вопросы экономики России периода промышленного и монополистического капитализма (промышленность, сельское хозяйство, население, денежно-кредитная система, внутренний и внешний рынок и т. д.). Тема чрезвычайно широкая, всестороннее её изучение под силу лишь целому коллективу авторов, поэтому её пришлось ограничить рассмотрением основных вопросов.

Работа состоит из трёх разделов. Раздел, рассматривающий экономику России первой половины XIX в., носит вводный характер. В России в это время интенсивно происходил процесс разложения феодально-крепостнического способа производства и возникновения новых производственных отношений. Кризис сельского хозяйства, проблема населения, рост товарного обращения, формы промышленности, расстройство финансово-денежной системы — вот основные вопросы, рассматриваемые в этом разделе.

Основное место в книге отведено изучению экономического развития России в период промышленного и монополистического капитализма. Капитализм вносит глубочайшие изменения в экономику и демографию страны, поэтому анализ классового состава населения в связи с общественным разделением труда, изучение проблемы избыточного населения, колонизации, эмиграции и т. д. приобретают важное значение при характеристике экономического развития России. Второй раздел

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 4, стр. 40.

работы включает следующие вопросы: развитие капитализма в сельском хозяйстве, в промышленности, демографические сдвиги в стране, внутренний и внешний рынок, финансы, кредит, денежное обращение.

Нередко в специальной финансовой литературе проблемы финансов и кредита рассматриваются самостоятельно, вне связи с экономикой страны, а иногда при изучении проблем народного хозяйства эти вопросы совсем не разрабатываются. Нам представляется это неправильным. Финансовой и кредитно-денежной системе должно быть уделено достаточное внимание. В данной работе относительно подробно рассматривается внешняя торговля как один из показателей роста товарного обращения, её значение в хозяйственном развитии России и связь с аграрным характером страны, расцвет протекционизма, борьба его с фритредерством и т. д.

Движение народного хозяйства изучается в связи с общим циклическим развитием капитализма, анализируются промышленные и денежные кризисы в России и в частности влияние их на положение рабочего класса.

Последний раздел посвящён характеристике экономики России в эпоху монополистического капитализма. Содержание этого раздела: концентрация производства и монополии, новая роль банков и образование финансового капитала, ввоз и вывоз капитала, ввоз и вывоз товаров, сельское хозяйство в эпоху империализма, особенности монополистического капитализма в России.

Автор видит трудности в разработке такой широкой темы, но если его работа в какой-то степени поможет уяснению экономической истории нашей великой страны, он будет считать свою задачу достигнутой.

Считаю своим долгом выразить благодарность академику С. Г. Струмилину, членам-корреспондентам АН СССР Ляшенко П. И. и Пажитнову К. А., профессору Полянскому Ф. Я. за ценные замечания, сделанные ими по данной работе или её отдельным частям, а также младшему научному сотруднику Е. Г. Петровой, оказавшей большую помощь в процессе собирания материала и подготовки рукописи к печати.

Раздел первый

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРИЗИС СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Россия позднее, чем некоторые крупные страны Европы, вступила на путь капитализма. Капитализм как общественно-экономическая формация складывается у нас лишь после крестьянской реформы 1861 г., однако капиталистические отношения в различных отраслях производства возникли значительно раньше.

«Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹. В первой половине XIX в. и в особенности во второй её четверти в России интенсивно происходил процесс разложения феодально-крепостнических отношений, проявлявшийся во всех областях экономической жизни страны. Усиливается рост товарно-денежных отношений, рост внутреннего и внешнего рынков, разложение крепостнических отношений в сельском хозяйстве, рост капиталистических форм в промышленности и упадок промышленности, основывавшейся на крепостном труде, и т. д.

В сельском хозяйстве России первой половины XIX в. продолжали господствовать основные черты феодально-крепостнического способа производства: натуральное хозяйство, наличие средств производства у помещика, непосредственный производитель-крепостной крестьянин был наделён средствами производства вообще и землёю в частности, личная зависимость крестьянина от помещика, внеэкономическое принуждение, низкая техника. Феодально-крепостнические отношения, хотя и разлагались под влиянием роста капиталистических отношений

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 720.

в промышленности и в сельском хозяйстве, всё же продолжали господствовать.

В. И. Ленин писал, что «...крепостничество *может* удерживать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век...)»¹. В стране имелось два основных класса: крестьянство и землевладельцы-помещики. Были три основные группы крестьян: помещичьи, государственные, удельные, или дворцовые, крестьяне; формы внеэкономического принуждения этих крестьян были не вполне одинаковы.

Сущность крепостнической «...хозяйственной системы» состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание... Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими *тем же* инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика...

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством. Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима. Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика... Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»². В условиях феодально-крепостнического способа производства существовала «...единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство...» (Сталин). Крепостной крестьянин в отличие от раба имел своё хозяйство и некоторую заинтересованность в труде. Земля,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 348.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 157—159.

являясь собственностью помещика и государства, служила орудием, с помощью которого присваивался прибавочный продукт крепостного крестьянина в той или иной форме докапиталистической ренты.

В этот период мы можем обнаружить в России все три формы феодальной ренты: денежную, ренту продуктами и отработочную, правда, степень развития и тенденции их были неодинаковы, в особенности в различных районах страны.

Формы феодальной ренты соответствуют различным ступеням развития феодально-крепостнического способа производства.

Отработочная рента, или барщина, — низшая форма феодальной ренты. У нас в России период господства примитивной отработочной ренты начинается с Киевской Руси, позднее эта форма ренты дополняется рентой продуктами, а со второй половины XV в., как об этом свидетельствуют писцовые книги этого периода, возникает и денежная рента, при сохранении старых форм натуральных повинностей.

«В какой бы мере рента продуктами ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство»¹. По мере развития торговли, промышленности, денежного обращения и товарных отношений вообще рента продуктами всё чаще и чаще превращалась в последнюю форму феодальной ренты — в денежную ренту. При денежной ренте крепостной крестьянин должен часть своего продукта превратить в товар, реализовать его на рынке. Возникновение денежной ренты вело к усилению дифференциации крепостной деревни.

«В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, напр., форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором»².

Перед крестьянской реформой 1861 г. среди помещичьих крепостных крестьян имели распространение в различной степени все формы докапиталистической ренты. По мере разложения феодального способа производства возрастала роль оброка, в особенности в денежной форме.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 807.

² Там же, стр. 811.

У крестьянина путём внеэкономического принуждения забирался не только прибавочный продукт, но и значительная часть необходимого продукта.

Распространение оброчной формы эксплуатации увеличилось, но господствующее значение она имела лишь в нечернозёмных великорусских губерниях, отличавшихся значительным развитием промышленности и ремёсел. Источником оброка был не только прибавочный труд, занятый в сельском хозяйстве, но в известной степени и крестьянский труд, занятый на отхожих промыслах — в городах, на фабриках, в кустарных промыслах.

СООТНОШЕНИЕ ОБРОЧНОЙ И БАРШИННОЙ ФОРМ ЭКСПЛУАТАЦИИ
КРЕПОСТНОГО ТРУДА В РАЙОНАХ РОССИИ
(середина XIX в.)¹

Районы	% издольных	% оброчных
I. Великороссия:		
а) Нечернозёмный	41,1	58,9
б) Чернозёмный	71,2	28,8
в) Поволжский	73,3	26,7
г) Приуральский северный .	90,2	9,8
д) Астраханская губерния .	13,0	87,0
е) Восточные степные . . .	83,0	17,0
II. Новороссийские степные .	99,9	0,1
III. Украина:		
а) Правобережная	97,4	2,6
б) Левобережная	99,3	0,7
IV. Северо-Западный край . .	92,4	7,6
V. Земля войска Донского . .	97,2	2,8
	71,9	28,1

Из таблицы видно, что в целом удельный вес барщинной формы феодальной эксплуатации среди помещичьих крестьян был выше, чем оброчной, однако на протяжении первой половины XIX в. удельный вес оброчных крестьян в России возрос, а в отдельных губерниях страны повысился, напротив, процент барщинных крестьян: например, в Воронежской губернии —

¹ См. И. И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, 1910, стр. 289.

с 36 до 55, в Орловской — с 66 до 72 и в Пензенской — с 48 до 75. Таким образом, при общем процессе перехода от отработочной ренты к оброчной форме эксплуатации — к ренте продуктами и главным образом денежной — в некоторых районах имел место обратный процесс, в свою очередь свидетельствовавший о разложении и кризисе крепостного сельского хозяйства.

Государственные крестьяне в первой половине XIX в. уплачивали государству феодальную ренту в форме главным образом денежной ренты, причём размер оброка, взимаемый с государственных крестьян, в большинстве случаев был выше, чем с удельных крестьян. Так, в 1829 г. в Вологодской губернии оброк удельных крестьян равнялся 8 руб., а оброк государственных крестьян — 9 руб.; соответственно в Новгородской губернии — 6 руб. и 8 руб., в Псковской — 6 р. 28 к. и 8 руб., в Смоленской — 6 р. 50 к. и 9 руб., в Черниговской — 5 руб. и 8 руб. и т. д.

Тяжесть оброчного обложения и подушной подати неуклонно возрастала. Профессор Н. М. Дружинин, не учитывая, правда, падения покупательной способности бумажных денег, пишет:

«Если мы сложим подушную подать и оброчные сборы и сопоставим начальный и конечный моменты — петровские указы 1719—1724 годов и конец первого тридцатилетия XIX века, — то увидим, что общее денежное обложение государственных крестьян увеличилось в 9—11 раз, смотря по классу губерний». При этом, по его мнению, соотношение феодальной ренты и государственного налога коренным образом изменилось: если в 20-х годах XVIII в. оброк составлял только половину подушного оклада, то через сто лет он уже превосходил подушную подать в $2\frac{1}{2}$ —3 раза¹. Наиболее высокий процент государственных крестьян был в губерниях Тобольской, Астраханской, Вятской, Енисейской, Иркутской, Казанской. Государственные крестьяне составляли большинство населения в Сибири, в северных губерниях России, Приуралья, в некоторых районах Украины и частично чернозёмного центра. Таким образом, система «государственного феодализма» относительно была более развита в районах страны, где «помещичий феодализм» не получил заметного распространения.

Развитие товарно-денежных отношений в стране, рост промышленности и торговли вносили глубокие изменения и в сельское хозяйство: усиливалось расслоение крестьянства. Зажиточная часть государственных крестьян приобретала на

¹ См. Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, т. I, 1946, стр. 49—50.

основе закона 1801 г. ненаселённые земли в частную собственность. Из государственных крестьян перешло в купечество в 1834 г. 431 человек, в 1835 г. — 1 192¹. В связи с ростом товарно-денежных отношений был снят ряд преград на пути развития крестьянской торговли. Например, в 1801 г. было разрешено крестьянам вести свободную торговлю «с заморскими странами», в 1814 г. было разрешено производить торговлю на ярмарках людям всех состояний, в 1818 г. было разрешено крестьянам казённым, удельным и помещичьим учреждать фабрики и заводы при условии уплаты пошлин и согласия со стороны начальства². Целым рядом постановлений были сняты и другие ограничения, стоявшие на пути развития торговли и промышленности (разрешение о переселении государственных крестьян в города, право открытия фабрик в селениях, не выбирая торговых свидетельств, и др.). Связь с рынком в большей степени имела у государственных крестьян и у помещичьих — оброчных; что же касается барщинных крестьян, составлявших перед реформой значительную часть населения России, то их связь с рынком была весьма слаба. По ориентировочным подсчётам, доля крестьянского хлеба, выбрасываемого на рынок, составляла в 50-х годах XIX столетия всего лишь около 10%³. Крестьянин имел слишком мало «излишков», которые он мог бы выбросить на рынок. К тому же помещики в целях сохранения своего монопольного положения всячески противодействовали крестьянской торговле хлебом. Надо иметь в виду также и то, что в первой половине XIX столетия особенно интенсивно происходил процесс сокращения крестьянского землепользования как в помещичьей, так и в казённой деревне.

Крестьянские наделы особенно стали уменьшаться в связи с ростом товарно-денежных отношений, с увеличением продажи помещиками хлеба как внутри страны, так и на заграничном рынке.

Соотношение земли, находившейся в наделе у крестьян, и барской земли было очень неодинаково в различных губерниях России. В губерниях с наиболее плодородной, с наиболее ценной землёй (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Харьковская, Самарская, Воронежская, Орловская, Тамбовская, Курская и Саратовская) процент помещичьего землевладения был особенно велик; в таких же губерниях, как Петербургская, Владимирская, Ярославская, Нижегород-

¹ См. Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, т. I, 1946, стр. 76.

² См. там же, стр. 79—80.

³ См. И. Сабуров, Влияние земледелия на государственное богатство с русской точки зрения. «Журнал землевладельцев», т. III, № 10, 1858, стр. 58.

ская, он составлял лишь около 20. Помещики отрезали себе лучшие земли; происходило вместе с тем расхищение государственного земельного фонда. Сокращение наделов крестьян — одна из форм возросшей эксплуатации крестьянства в первой половине XIX в. Росло количество безземельных крестьян, тем самым уничтожалось важнейшее условие феодально-крепостнической системы хозяйства — наделение крестьянина землёй. Сокращение земли во владении у крестьян при растущих податях вело к увеличению крестьянских недоимок, особенно в губерниях чернозёмного центра и украинских губерниях. Так, при общей сумме недоимок в 1831 г. в 51,9 млн. руб. по Курской губернии они составили цифру свыше 9 млн. руб., по Орловской — 3,7 млн., по Слободско-Украинской — 6,7 млн. руб., недоимки с украинских казаков составили 6,3 млн. руб. и т. д. Тяжёлое экономическое и политическое положение феодального крестьянства обуславливало многочисленные, но разрозненные волнения крестьян по всей территории России. Особенно тяжело было положение крестьян в неурожайные и голодные годы, которые повторялись довольно часто. Словцов насчитывает для первой половины XIX в. 39 неурожайных лет¹.

«В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Жёлуди, древесная кора, болотная трава, солома, всё идёт в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется; у него делается понос, он пухнет или сохнет; являются страшные болезни. Ещё могло бы пособить молоко, но он продал последнюю корову, и умирающему часто, как говорится, нечем душу отвести. У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут, как мухи»².

Рост товарных отношений создавал стимулы к расширению сельскохозяйственного производства у помещиков. Наблюдалось расширение посевных площадей за счёт крестьянских наделов, за счёт лугов, лесов и т. д. Рост производства хлеба достигался в основном за счёт увеличения распахек; урожайность, как увидим ниже, почти не изменялась на протяжении рассматриваемого отрезка времени. Тяжёлое состояние крестьянского хозяйства отражалось и на помещичьем хозяйстве, поскольку забытый и нищавший крестьянин не мог дать высокой производительности труда и обеспечить большие натуральные и денежные повинности помещику и государству.

---

¹ См. Словцов, Историческое и статистическое обозрение неурожав в России, «Сборник статистических сведений о России», кн. 3, 1858, стр. 467—494.

² А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселёв и его время, т. IV, 1882, стр. 301.

Барщинное хозяйство в это время переживало кризис. Натуральное хозяйство подрывалось развитием товарно-денежных отношений, всё увеличивающимся производством хлеба помещиками на продажу. Увеличивающаяся связь помещичьего хозяйства с рынком расшатывала крепостное хозяйство, которому имманентно присущ характер натурального производства. Конечно, барщинное хозяйство не становилось от усиления его связи с рынком, как считал М. Н. Покровский, «капиталистической барщиной» или каким-то «крепостным капитализмом».

«Помещик, — писал В. И. Ленин, — начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян...»¹

Указ о трёхдневной барщине не соблюдался. Нередки были случаи применения так называемой «сквозной барщины», т. е. 7 дней работы «на барина». Рост товарно-денежных отношений приводил к усилению эксплуатации крестьян.

Эксплуатация крестьянина помещиками усиливалась как за счёт роста барщины и оброка, так и за счёт сокращения надёлов, т. е. обезземеливания крестьян, увеличения подводной повинности крепостных крестьян и т. д. Последняя в связи с ростом товарно-денежных отношений и необходимостью подвоза хлеба в города, на рынки значительно возросла. По подсчётам Заблоцкого, подводная повинность обходилась крестьянам не меньше, чем их летние работы на барщине. Стоимость хлеба, вывезенного за границу, возросла в несколько раз, хотя внутренний хлебный рынок продолжал играть первенствующую роль. На рынок для городов, для войска, неземледельческого населения, за границу и т. д. выбрасывалось уже несколько больше 20% ежегодного урожая хлеба. Ёмкость внутреннего рынка в связи с ростом промышленности и городов росла. Деньги, полученные в частности от продажи хлеба, начинают играть всё большую роль в хозяйстве помещика. Количество хлеба, выбрасываемого на внутренний рынок, было значительно больше того, которое шло на экспорт. Историки и экономисты часто преувеличивают роль экспорта хлеба в разложении натурального хозяйства России первой половины XIX в. Экспорт хлеба составлял значительную величину за пятилетие 1816—1820 гг., т. е. в годы относительно высоких урожаев в России и слабых в Европе; кроме того, экспорт хлеба из России резко увеличился после отмены хлебных законов в Англии. Но в целом доля экспортируемого хлеба составляла в начале XIX в. всего лишь около 1% и только за пятилетие перед крестьянской реформой повысилась до 5% от размера

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 469.

урожая¹. Растущее производство хлеба для внутреннего и внешнего рынка являлось важным показателем разложения крепостнического способа производства вопреки мнению П. Струве, писавшего, что «производство хлеба на продажу вовсе не было чем-то противоречившим существу крепостного хозяйства»².

Экспортные цены на хлеб также повышались, но никакой «революции» хлебных цен, как писал М. Н. Покровский, не произошло. Так, цена на пшеницу в балтийских и черноморских портах изменялась следующим образом (в руб. за четверть)³:

Годы	Балтийские порты	Черноморские порты
1822—1826	5,70	4,28
1827—1831	5,84	4,26
1832—1836	5,83	5,11
1837—1841	8,15	5,39
1842—1846	7,80	5,09

Правда, в 1847 г. отмечалось значительное повышение экспортных цен под влиянием большого вывоза хлеба в Англию после отмены хлебных законов. Так, цена на пшеницу (в Одессе) равнялась в 1842 г. (за четверть) 5 р. 37 к., в 1844 г. — 4 р. 14 к., в 1846 г. — 5 р. 93 к., в 1847 г. — 8 р. 14 к., в 1848 г. — 5 р. 42 к., в 1850 г. — 5 р. 57 к. и в 1852 г. — 5 р. 35 к.⁴ Однако рост как внутренних цен на хлеб, так и экспортных происходил в несколько раз медленнее роста оброка. Тяжесть последнего, следовательно, сильно возрастала.

Внутренние цены на хлеб с 1800 по 1860 г. в общем увеличились примерно процентов на 30, резко колеблясь по отдельным годам под влиянием неурожаев, таможенной политики и т. п.

¹ Академик статистик П. Кетпен правильно писал, что «вывоз хлеба за границу гораздо менее у нас значителен, чем полагают многие, не исследовавшие сего предмета... Вывоз хлеба не составляет и сотой части количества, нужного для потребления в самой империи; из этого следует, что хлебная торговля с чужими государствами не может постоянно иметь значительного влияния на цены наших хлебов...» (см. «Журнал министерства внутренних дел», ч. XXXVI, июнь, 1840, стр. 413—414; «О потреблении хлеба в России»).

² П. Струве, Крепостное хозяйство, 1913, стр. 159.

³ См. Г. Неболсин, Статистическое обозрение внешней торговли России, 1850, ч. 1, стр. 60—61, а также «Журнал министерства государственных имуществ» № 4, 1845, стр. 75—78.

⁴ См. «Журнал министерства внутренних дел», 1854, ч. 4, отд. III, стр. 44.

ДИНАМИКА ЦЕНЫ ПУДА ХЛЕБА В МОСКВЕ
(в коп. серебром)¹

Годы	Годы	Годы	Годы
1800 . . . 33	1816 . . . 31	1832 . . . 30	1848 . . . 39
1801 . . . 34	1817 . . . 33	1833 . . . 44	1849 . . . 39
1802 . . . 38	1818 . . . 45	1834 . . . 62	1850 . . . 35
1803 . . . 42	1819 . . . 35	1835 . . . 42	1851 . . . 38
1804 . . . 40	1820 . . . 36	1836 . . . 25	1852 . . . 39
1805 . . . 37	1821 . . . 52	1837 . . . 24	1853 . . . 35
1806 . . . 36	1822 . . . 43	1838 . . . 28	1854 . . . 37
1807 . . . 34	1823 . . . 28	1839 . . . 44	1855 . . . 39
1808 . . . 28	1824 . . . 24	1840 . . . 76	1856 . . . 50
1809 . . . 24	1825 . . . 26	1841 . . . 62	1857 . . . 47
1810 . . . 22	1826 . . . 28	1842 . . . 40	1858 . . . 45
1811 . . . 25	1827 . . . 25	1843 . . . 33	1859 . . . 54
1812 . . . 32	1828 . . . 22	1844 . . . 25	1860 . . . 60
1813 . . . 36	1829 . . . 24	1845 . . . 28	
1814 . . . 32	1830 . . . 29	1846 . . . 37	
1815 . . . 30	1831 . . . 32	1847 . . . 37	

Колебания цен были очень большие: цена пуда хлеба опускалась в 1810 г. до 22 коп. за пуд и увеличивалась в 1840 г. до 76 коп., а муки ржаной — до 98 коп.² Общий индекс (1913 г. = 100) цен 15 сельскохозяйственных товаров повысился с 40 в 1813 г. до 54,4 в 1853 г. и 63,4 в 1863 г.

Затруднения, переживаемые барщинным хозяйством, усилились в 30-х годах в связи с кризисом сбыта сельскохозяйственной продукции. Ограниченный крепостными отношениями внутренний рынок не мог поглотить возросшую массу товарного хлеба.

«Нам беспрестанно твердят, — писал один помещик Полтавской губернии в 1837 г., — как пахать, как сеять, что разводить; но поучите нас, ради бога, куда сбывать наши произведения по выгодным ценам»³.

¹ См. «Статистика Российской империи», т. X, 1890, стр. 131.

² См. В. И. Покровский, Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения, стр. 15.

³ «Земледельческий журнал» № 1, 1837, стр. 27.

Экономическое развитие, необходимость развития производительных сил страны требовали ликвидации крепостнического способа производства. Передовые люди того времени понимали эту необходимость. Большинство же представителей господствующего класса пыталось решить проблему повышения производительности крепостного труда на базе сохранения крепостного строя, отсюда повышенный интерес к сельскохозяйственной экономике, который наблюдался особенно сильно в 20—40-х годах XIX в.

Возникает целый ряд обществ по изучению сельского хозяйства: Московское общество сельского хозяйства (1819 г.), Белорусское вольное экономическое общество (1824 г.), Общество сельского хозяйства в южной России (1828 г.), далее — Ярославское, Пензенское, Лифляндское, Калужское, Кавказское, Смоленское, Симбирское и др. Этот период оставил довольно богатую литературу по исследованию проблем сельского хозяйства. Пробуждением интереса к сельскому хозяйству в связи с его деградацией надо объяснить также устройство различных сельскохозяйственных съездов, выставок и т. п.

Правительство пыталось внедрить в сельское хозяйство передовые способы ведения хозяйства при помощи устройства образцовых усадеб, сельскохозяйственных ферм и т. п. В 1838 г. было учреждено общество для приготовления искусственных удобрений и снабжения ими населения. Вся деятельность этого общества выразилась в издании маленькой брошюры об искусственных удобрениях. Некоторые помещики стали применять машины для обработки почвы, вводили четырёхполье, рациональный плодосмен и т. п. Все эти меры правительства, как и попытки помещичьей рационализации сельского хозяйства применить «англицкую» систему на основе сохранения крепостного строя, потерпели неудачу. Незаинтересованность крепостного крестьянина в труде не позволяла вести рационально снабжённое машинами хозяйство, а вольнонаёмных квалифицированных рабочих было мало и к тому же они были дороги.

В сельском хозяйстве со всей остротой стояла проблема повышения производительности труда.

Основная масса населения была занята производством хлеба, на что затрачивалось большее количество труда, чем на производство всякого другого продукта.

О медленном росте производительности труда в сельском хозяйстве дореформенной деревни свидетельствует в частности стабильность урожайности на протяжении первой половины XIX в., ибо в этом показателе суммируется уровень сельскохозяйственной техники, качество труда и т. д.

УРОЖАЙ РЖИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1800—1860 гг.¹

В среднем за десятилетие	Четвертей с десятины	В среднем за десятилетие	Четвертей с десятины
1800—1809	8,1	1830—1839	6,4
1810—1819	6,9	1840—1849	6,6
1820—1829	6,7	1850—1859	6,4

Стабильность урожайности в сельском хозяйстве первой половины XIX в. отмечается и в других источниках.

В дополнение к вышеприведённым данным об урожайности ржи приведём данные об урожайности в 50 губерниях Европейской России с 1801 по 1860 г., в «самах»²:

Годы	
1801—1810	3,5
1811—1820	3,5
1821—1830	3,4
1831—1840	3,4
1841—1850	3,6
1851—1860	3,6

Такая динамика урожайности объясняется крепостнической системой хозяйства, вступившей в полосу своего разложения и не создававшей уже стимулов к повышению производительности труда у задавленного нищетой и забитого крестьянина.

Точных данных о величине сбора хлеба в дореформенной России не существует; имеются лишь подсчёты, оценки отдельных экономистов и статистиков. Так, В. П. Андроссов оценивал общий урожай в России для 1813 г.³ в 189 млн. четвертей. Профессор К. И. Арсеньев, не указывая года, в книжке, изданной в 1818 г., определяет сбор хлеба в 200 млн. четвертей⁴; причём об урожайности он замечал, что «получается с небольшим третье зерно». Характерно отметить, что этот учёный видел главную причину медленного развития сельского

¹ См. А. Ф. Фортунатов, Урожай ржи в Европейской России, 1893, стр. 82, 83, 84.

² См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, 1947, стр. 522.

³ См. «Хозяйственная статистика России, составленная В. Андроссовым», 1827, стр. 82.

⁴ См. К. И. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, 1818, стр. 100.

хозяйства в России. Он писал: «Крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия. Человек, не уверенный в полном возмездии за труд свой, в половину не произведёт того, что в состоянии сделать человек, свободный от всяких уз принуждения. Доказано, что земля, возделанная вольными крестьянами, даёт обильнейшие плоды, нежели земля одинакового качества, обработанная крепостными»¹. Вряд ли производство хлеба в России изменилось существенно на протяжении первой половины XIX в. (до реформы). По отчётам министерства внутренних дел ежегодный сбор хлеба в России с 1834 по 1840 г. равнялся 179 млн. четвертей². Правда, эти оценки урожая были крайне условны. Ряд статистиков — Протопопов, Семёнов и другие называли несколько большие цифры.

Официальная комиссия, учреждённая для исследования сельской производительности, опубликовала следующие данные о сборе хлебов в Европейской России³ (без Польши и Финляндии):

Годы	Млн. четвертей
1800—1813	155,0
1834—1840	179,0
1840—1847	209,7
1857—1863	220,0

Нами уже указывалось, что урожайность в дореформенное время не повысилась, а, по некоторым данным, даже снизилась. Стало быть, увеличение сбора было достигнуто главным образом за счёт расширения запашки. Несомненно одно, что производительность труда в сельском хозяйстве не повышалась. Это неудивительно, ибо принудительный труд крепостных крестьян не создавал заинтересованности в росте производительности труда. Как мы видели выше, население России за счёт естественного прироста, а также и за счёт присоединения некоторых территорий увеличилось за 61 год XIX в. почти в 2 раза, сбор же зерновых хлебов не увеличился в такой пропорции.

Зерновые хлеба, являясь решающей статьёй сельскохозяйственной продукции, всё же не исчерпывают её полностью. Некоторые виды продукции, как, например, сахарная свёкла,

¹ К. И. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. I, 1818, стр. 106.

² См. Л. В. Тенгоборский, О производительных силах России, ч. I, 1854, стр. 196.

³ «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 8—9.

дали большее увеличение, чем зерновые. Однако на производство хлеба, как мы уже отмечали, затрачивалась основная, подавляющая масса труда.

Сопоставляя степень увеличения населения и сбора хлебов в XIX в. (дореформенный период), можно обнаружить снижение размера зерновых хлебов на душу населения, т. е. отсутствие роста производительности труда в сельском хозяйстве. Таким образом, в отличие от промышленности, в сельском хозяйстве России, с его устарелой социальной организацией и рутинной техникой, за этот отрезок времени не наблюдалось роста производительности труда. Социальные условия, господствовавшие в стране, тормозили рост производительных сил. Отсутствие повышения производительности труда, а стало быть, снижения стоимости сельскохозяйственного производства находится в известном соответствии с ростом цен на сельскохозяйственные товары в дореформенной России, о котором мы уже говорили выше. Конечно, уровень цен складывается под действием и других факторов, но всё же крайне интересно отметить взаимосвязь этих явлений.

По урожайности Россия занимала одно из последних мест среди основных европейских государств; производительно используемая часть земли в России была значительно меньше, чем во Франции, Пруссии или Австрии. Л. В. Тенгоборский определял урожай с десятины в России в 4,63 четверти, во Франции — в 7,36, в Пруссии — в 5,74, в Австрии — в 6,6 четверти¹. Ещё больше отставание России по урожайности было от капиталистической Англии, самой передовой страны того времени. «В Англии обыкновенный урожай на всякой десятине по вычете семян 10—15 четвертей пшеницы; напротив, во многих местах России по вычете семян едва получают 5—7 четвертей. Притом в Англии к большему противу сего произведению едва нужна пятая часть тех работников, кой в России требуются к гораздо меньшему произведению... В Англии и Германии... два человека с 4 лошадьми обрабатывают 36—40 десятин, следовательно, всякой работник 18—20 десятин (исключая во время жатвы особенных дневных работников). В России же один работник едва обрабатывает 3—4 десятины»². Следовательно, не только по урожайности, но и по производительности труда Россия первой половины XIX в. сильно отставала от Англии, да и не только от Англии. Это отставание объяснялось отнюдь не «северным положением

¹ См. Л. В. Тенгоборский, О производительных силах России, ч. 1, 1854, стр. 205.

² «Груды Вольного экономического общества», ч. LXVI, 1814, стр. 47—48.

почти всех краёв империи»¹, как писал один генерал-майор, взявшийся ответить на вопрос, как выгоднее помещикам обрабатывать землю — крепостными крестьянами или наёмными рабочими. Прогрессивной части русского общества были ясны истинные причины экономической отсталости России.

«Успехи России... были бы ещё совершеннее, — писал крупный русский экономист, декабрист Н. И. Тургенев, — если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и к благосостоянию, не препятствовало существование рабства»², т. е. крепостничества. Наличие феодально-крепостного способа производства в России тормозило развитие производительных сил. Проблема повышения производительности труда приобретала в условиях разложения крепостного хозяйства всё большее значение. Помещик отождествлял часто повышение доходности имения с ростом производительности труда. Однако доходность и производительность — не тождественные понятия. Даже при снижающейся производительности крепостного труда отдельные помещики увеличивали доходность своих хозяйств, увеличивали размер ренты, в частности денежной ренты, за счёт непомерной эксплуатации крестьян, за счёт присвоения части их необходимого труда.

Производительность вольнонаёмного труда и в сельском хозяйстве была выше, чем труда крепостного. Некоторые экономисты приводили много примеров из практики России, Германии и других стран, подтверждающих вышесказанное.

«Принуждённые работники мало помышляют о рабочем дне, работа их столько безуспешна, худа, убыточна и требует столько надзора, что вред сим причинённый превосходит издержки, нужные на наём вольных работников»³.

Л. Якоб берёт имение князя Шаховского (Московской губернии) и сравнивает результаты эксплуатации земли на основе барщины и на основе вольнонаёмного труда. В первом случае доход от поместья составляет около 2 тыс. четвертей (в переводе на рожь), а во втором — 11 488 четвертей. Более правдоподобен следующий вывод этого автора. Рассматривая состояние имения князя Мещерского (Волоколамского уезда, Московской губернии), автор делает вывод, что «если бы возможно было, дабы вся сия земля обрабатывалась вольными людьми, то доход с оного по крайней мере удвоился бы».

Причины низкой производительности труда крепостных людей и принуждённых работников, по мнению Л. Якоба, были следующие:

¹ См. «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI, 1814, стр. 150.

² Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, 1937, стр. 129.

³ «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI, 1814, стр. 7.

1) «Принуждённый работник будет всегда делать столь мало, сколько то возможно».

2) «В слабости и бессилии работника».

3) «В худом имуществе и состоянии крепостных людей».

4) «Крепостные люди, получившие землю от своего владельца, худо пользуются оною; ибо они не имеют ни времени, ни капитала, ниже охоты надлежаще производить земледелие».

5) «Наконец, принудительная работа даже самими владельцами не ценится столь высоко, как работа за наличные деньги, и потому они первую весьма щедро расточают»¹.

А. П. Заблоцкий-Десятовский приводит следующий пример:

В хозяйстве купца Рекка 53 человека (в переводе на годового работника) обрабатывали 480 десятин, или один человек 9 десятин с лишним; в имении же князей К-в при самой усиленной барщине было обработано одним человеком не больше пяти десятин. Приведя ряд подобных примеров эффективности вольнонаёмного труда, А. П. Заблоцкий-Десятовский делает вывод: «Эти примеры достаточно убеждают в возможности обработки земли вольнонаёмными работниками»². Или ещё: «Из всего, что было сказано выше, очевидно, что крепостной труд менее производителен, нежели вольнонаёмный»³.

А. Н. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» приводит интересный разговор с крестьянином, который пахал в праздник землю и поворачивал соху с удивительной лёгкостью. ««Так ли ты работаешь на господина своего?» — спросил Радищев крестьянина. — «Нет, барин, — ответил крестьянин, — грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты шёл знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут»»⁴. Вот типичное отношение к барщине. «Работать, как на барщине» — означало работать медленно, малопродуктивно.

Производительность барщинного труда была низкой. Помещики пытались компенсировать низкую производительность труда усилением барщины, эксплуатацией. Но усиление барщины, повышая в отдельных случаях доходы помещиков, ещё более подрывало хозяйство крестьян, не обеспечивало общего роста производительности труда в сельском хозяйстве. Низкую

¹ См. «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI, 1814, стр. 22—24, 34, 35, 39, 40.

² А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселёв и его время, т. IV, 1882, стр. 284.

³ Там же, стр. 327.

⁴ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, 1906, стр. 14—15.

производительность барщинного труда отмечали и некоторые помещики. «Взглянем на барщинскую работу, — писал один из них, — придёт крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше — ему не дело делать, а день убить. На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, управляет все домашние дела и ещё имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние, или в гнев. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству, как к единственно возможному, чтобы дело вперёд подвинуть»¹. Подобные мысли высказывались неоднократно в дворянской экономической литературе. Некоторые помещики понимали кризис крепостного хозяйства лучше, чем позднейшие экономисты типа П. Струве, доказывавшего, что в первой половине XIX в. падение крепостного права в России будто бы экономическое не было подготовлено², что барщинный труд перед крестьянской реформой был более выгоден, чем вольнонаёмный.

В поисках путей повышения производительности труда в сельском хозяйстве и увеличения доходности имений крепостники-помещики заменяли барщину оброчной формой эксплуатации. Оброк был распространён, как мы уже указывали, главным образом, в промышленных губерниях России. «...Производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей»³. При оброчной форме эксплуатации устанавливался заранее размер прибавочного продукта, отчуждаемого у крестьянина в пользу помещика, и предоставлялась большая, чем при барщине, самостоятельность крестьянскому хозяйству⁴. Однако введение оброка, создавая некоторые возможности экономического развития, не решало задачи повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Оброчная организация труда давала низкую производительность уже потому, что помещики, меняя

¹ «Земледельческая газета», 1847, стр. 790, 791.

² См. П. Струве, Крепостное хозяйство, 1913, стр. 103.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 808.

⁴ Нам представляется неправильным утверждение, что «возрастание удельного веса оброчных крестьян России в XIX в. не являлось выражением прогрессивной тенденции в эволюции феодальной земельной ренты...» (см. статью Н. А. Цаголова, «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права» № 1, 1946, стр. 63).

иногда размер оброка, создавали атмосферу неуверенности среди крестьян, что снижало заинтересованность их в труде, к тому же помещики давали оброчным крестьянам земли наихудшие. Замена барщины оброком, переход от отработочной к натуральной, а затем к денежной докапиталистической ренте свидетельствуют о росте товарно-денежных отношений, подрывавших основы крепостного способа производства. Возникали, правда всё ещё в слабой форме, капиталистические отношения в сельском хозяйстве (применение отдельными помещиками труда вольнонаёмных рабочих, купеческое предпринимательство и т. д.). Происходил, хотя и в слабой степени, процесс разложения крестьянства. Помещики изыскивали различные формы повышения производительности крестьянского труда. Однако паллиативные мероприятия при господстве внеэкономического принуждения к труду не решали проблемы повышения доходности и производительности труда в сельском хозяйстве, которая была центральной экономической проблемой в России в первой половине XIX в. «Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве»¹. Производительность труда была низкой и в хозяйстве крестьян, хотя крепостные и были в некоторой степени заинтересованы в её повышении. Крестьяне не имели ни достаточного времени, ни соответствующих средств производства для работы в своём частном хозяйстве; крепостническая организация труда, основанная на внеэкономическом принуждении, не создавала большой заинтересованности в труде.

Рост производительных сил в сельском хозяйстве дореформенной России тормозился также и непроизводительным размещением населения по стране. Многие плодородные земли не были заселены; рациональному размещению населения, отвечающему требованиям производства, мешало наличие крепостного права, остатки которого влияли на размещение населения по стране даже и в пореформенное время, чем тормозилась «...рациональная хозяйственная утилизация массы окраинных земель России»².

Усиление эксплуатации феодального крестьянства помещиками, государством, церковью и т. д. (повышение феодальной ренты, налогов³, обезземеливание и т. д.) сопровождалось усилением классовой борьбы крестьянства в самых её различных формах — волнения, побег, поджоги и т. д. За 35 лет,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 5.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 226.

³ В начале XVIII в. размер оброка с ревизской души доходил до 1 руб., в середине XVIII в. — до 2 руб., в конце века — до 5—7 руб., а в середине XIX в. — до 20—24 руб. с тягла (см. Н. П. Огановский, Наделение землёй помещичьих крестьян, 1913, стр. 21—22).

с 1826 по 1861 г., насчитывают 1 186 восстаний крестьян. Такое усиление восстаний крестьян создавало серьёзную угрозу господствовавшему строю. К. Маркс считал важнейшим событием в мире накануне крестьянской реформы американское движение рабов и движение крестьян в России.

Весь ход политического и экономического развития страны толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство вынуждено было осуществить отмену крепостного права. Медленное развитие производительных сил, огромная экономическая отсталость в первой половине XIX в. определили и военное поражение России во время Севастопольской кампании. Царское правительство, напуганное многочисленными крестьянскими волнениями, ослабленное во время Крымской войны, оказалось вынужденным отменить в 1861 г. крепостное право. «Это было время, когда правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение. Потому-то правительство, подхлестываемое с двух сторон, вынуждено было уступить и затоворило об освобождении крестьян...»¹.

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 206.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЕЁ РАЗВИТИЕ

В первой половине XIX в. произошли большие изменения в русской промышленности: значительно увеличилось число предприятий и рабочих, возросло применение капиталистических форм труда, произошли существенные изменения не только в структуре промышленности, но и в технике промышленного производства.

Крепостнические формы промышленности — вотчинная и в особенности посессионная — уступали свои позиции промышленности, основанной на вольнонаёмном труде, — казённой, купеческой мануфактурам, мануфактуре крепостных крестьян, работавшей также в этот период большей частью на вольнонаёмном труде. Наряду с ростом капиталистической мануфактуры и машинной индустрии в некоторых отраслях промышленности в первой половине XIX в. развивалась также мелкая кустарная промышленность в форме крестьянской домашней промышленности и ремесла в городе.

Для характеристики динамики промышленного производства этого периода наиболее целесообразным показателем является численность рабочих. Правда, и данные о числе рабочих, имеющиеся в отчётах департамента мануфактур, не вполне сравнимы между собой, но они всё же дают более верную картину. «...Общие числа рабочих в нашей фабрично-заводской статистике гораздо достовернее, чем числа фабрик»¹. В общем же надо иметь в виду, что данные о фабриках совсем не являются достаточно верными для суждения об изменениях в этой отрасли народного хозяйства, так как в число фабрик часто включались мелкие кустарные предприятия.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 19.

ЧИСЛО ФАБРИК, ЗАВОДОВ И ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ В
ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ЗА 1804—1860 гг.¹

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих (в тыс.)	Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих (в тыс.)
1804	2 399	95,2	1836	6 332	324,2
1811	2 421	137,8	1837	6 450	376,8
1812	2 332	119,1	1838	6 855	412,7
1814	3 731	170,6	1839	6 894	455,0
1815	4 189	172,9	1840	6 863	435,8
1816	4 484	187,1	1841	6 831	429,6
1817	4 385	187,3	1842	6 938	455,8
1818	4 457	178,4	1843	6 813	466,6
1819	4 531	176,6	1844	7 399	469,2
1820	4 578	179,6	1845	8 302	507,6
1821	4 658	183,4	1846	8 333	508,6
1822	4 781	172,8	1847	9 029	532,1
1823	4 838	185,8	1848	8 928	483,5
1824	5 092	200,8	1849	9 172	495,4
1825	5 261	210,6	1850	9 843	501,6
1826	5 128	206,4	1851	10 123	465,0
1827	5 122	209,5	1852	10 238	470,9
1828	5 244	225,4	1853	10 087	481,0
1829	5 269	231,6	1854	9 914	459,6
1830	5 453	253,9	1855	10 943	483,2
1831	5 599	264,4	1856	11 556	518,7
1832	5 656	272,5	1857	11 809	591,4
1833	5 664	274,0	1858	13 733	572,7
1834	6 045	279,7	1859	14 214	610,7
1835	6 054	288,1	1860	15 338	565,1

«До половины 80-х годов в нашей фабрично-заводской статистике не было *никаких* определений и правил, ограничивающих понятие фабрики более крупными промышленными заведениями. В статистику «фабрик и заводов» попадали все и всякие промышленные (и ремесленные) заведения, производя,

¹ Настоящая таблица составлена на основании печатных и архивных данных. Большинство этих данных заимствовано из ежегодных отчетов департамента мануфактур и внутренней торговли.

разумеется, превеликий хаос в данных, так как полная регистрация всех подобных заведений абсолютно немыслима при наличных силах и средствах (т. е. без правильной промышленной переписи), и в одних губерниях или производствах считали сотни и тысячи самых мелких заведений, а в других — лишь более крупные «фабрики»¹. Поэтому было бы ошибочным делить общее число рабочих на количество фабрик и выводить из этого средний размер предприятия, как это делал Туган-Барановский.

Рассматривая формы промышленности, Туган-Барановский утверждал, что «первая половина этого (XIX. — П. X.) века характеризуется борьбой домашнего ткачества с фабричным, закончившейся решительной победой мелкого ткачества»². Он писал далее: «Крупное капиталистическое производство решительно теряло свои позиции, а «самостоятельное» кустарное домашнее ткачество, всецело созданное фабрикой, торжествовало победу»³.

Это «распадение» крупных «фабрик» под влиянием конкуренции с ними кустарей, по мнению Туган-Барановского, наблюдалось во всех отраслях промышленности, но особенно резко проявлялось в хлопчатобумажном ткачестве. «Не домашняя промышленность порождала фабрику, а, наоборот, фабрика порождала домашнюю промышленность»⁴. Эту схему развития крупной промышленности Туган-Барановский обосновывал жалобами фабрикантов на конкуренцию кустарей. «Лучшим доказательством разложения крупной фабрики в рассматриваемую эпоху являются жалобы фабрикантов на конкуренцию кустарей»⁵.

Туган-Барановский, повидимому, чувствуя необоснованность этого аргумента, прибегает к статистическим данным, чтобы доказать «раздробление» «фабрики», уменьшение среднего числа рабочих на одну фабрику. Для своих статистических расчётов он некритически воспользовался материалом. В частности он не отличает мануфактуру от фабрики, идя в этом отношении за официальной статистикой, которая объединяла в одну группу фабрики, мануфактуры, светёлки и т. д.

«Теория же Маркса, — писал В. И. Ленин, — называет крупной машинной (фабричной) индустрией лишь определенную, именно высшую, ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 5.

² М. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 181.

³ Там же, стр. 190.

⁴ Там же, стр. 178.

⁵ Там же, стр. 183.

состоит в употреблении для производства системы машин»¹. И дальше В. И. Ленин пишет:

«...в число фабрик попадают у нас мелкие ремесленные, кустарные и сельскохозяйственные заведения, причем чем дальше мы отступаем от настоящего времени, тем большее число мелких заведений попадает в число фабрик»².

Для установления изменений размеров фабрик в первой половине XIX в. Туган-Барановский пользовался отчётами департамента мануфактур, беря их без всякого критического анализа, в то время как эти материалы включали в категорию фабрик и такие «предприятия», в которых имелось по одному столу и одному рабочему. И таких «фабрик» с одним рабочим в ведомости, например, 1813/14 г. можно насчитать несколько; то же самое и в отношении «фабрик» с двумя рабочими и т. д. Такое положение было в ведомостях и за другие годы. Насколько условно число этих «фабрик», указывает хотя бы следующее обстоятельство. В ведомости 1812 г. значится 129 хлопчатобумажных «фабрик», а в ведомости 1813/14 г. — уже 424 фабрики.

Такого роста, да ещё в первый год после войны 1812 г., конечно, быть не могло. Увеличение числа фабрик объясняется просто плохим качеством учёта, неточность которого (вследствие включения в ведомости различных мелких предприятий кустарного типа) не скрывали и авторы этих документов. Но Туган-Барановский этого не заметил. Он механически разделил количество рабочих на общее число фабрик и установил, что с 40-х годов число рабочих на одну фабрику уменьшается и что «...с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился, и фабрики стали раздробляться»³.

Наиболее яркое подтверждение своего тезиса Туган-Барановский видел в кажущемся ему разложении бумаготкацкой фабрики. Аргументировал он это тем, что число рабочих на бумаготкацких фабриках с 94 751 в 1836 г. уменьшилось до 75 517 в 1857 г. при увеличении ввоза хлопка в Россию за это же время более чем в 3 раза⁴.

Мы уже указывали на недоброкачественность дореформенной промышленной статистики. Кроме того, если бы сравнить число рабочих на хлопкоткацких фабриках в 1836 г. не с 1857, а с 1858 или 1859 г., то никакого уменьшения числа рабочих в бумаготкацкой промышленности не было бы установлено и вся концепция о «раздроблении» хлопчатобумажных фабрик и о том, что кустарь бил «фабриканта», оказалась бы явно

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 397.

² Там же, стр. 423.

³ М. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 65.

⁴ См. там же, стр. 190.

несостоятельной. В действительности систематического уменьшения числа рабочих на фабриках не наблюдалось. В 1834 г. на бумаготкацких фабриках насчитывалось 79 тыс. рабочих, в 1836 г. — 94 тыс., в 1858 г. — 92 тыс., а в 1859 г. — уже 97 тыс. Бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики в этот период растут и по своим размерам. В 1861 г. замечается резкое уменьшение среднего числа рабочих на одну бумаготкацкую фабрику. Однако это снижение отнюдь не является показателем раздробления фабрики, а объясняется начавшимся в этой отрасли специфическим кризисом ввиду уменьшения импорта хлопка в Россию из США, в которых шла война между Южными и Северными штатами.

Мануфактура со своей ручной техникой не могла полностью вытеснить мелкие заведения, наоборот, при некоторых обстоятельствах «...мануфактура... даже развивает мелкие промыслы»¹.

Поэтому с ростом промышленности в первой половине XIX в. нельзя обнаружить такого стягивания домашних рабочих на фабрику, какое началось в связи с быстрым развитием крупной индустрии после 1861 г. Больше того, замечался в этот период даже рост числа домашних ткачей. «Это кажется парадоксом: рост мелких (иногда даже «самостоятельных») промыслов, как выражение роста капиталистической мануфактуры, и тем не менее это — факт»².

Наконец, остановимся на следующем утверждении Туган-Барановского. Он считает, что поскольку количество рабочих в бумаготкацком производстве России в 1857 г. уменьшилось против 1836 г., а ввоз хлопка за это же время вырос почти в 3 раза, то весь прирост ввоза хлопка якобы пошёл не на фабрики, а в кустарную избу, «так как техника ткачества в это время не прогрессировала». Это утверждение также неправильно. Уже с 30-х годов XIX в. на некоторых мануфактурах начинают применяться более интенсивно механические станки. Правда, этот процесс в условиях феодально-крепостной экономики встречал на своём пути много препятствий, но всё же перед крестьянской реформой в хлопчатобумажной промышленности имелось уже несколько тысяч механических станков; внедрение механических станков значительно повышало производительность труда в этой отрасли производства.

С 1804 по 1860 г. число рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось почти в 6 раз. 1812 год даёт вполне естественное снижение и числа предприятий и рабочих; в особенности пострадала промышленность Москвы и Московской

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 379.

² Там же, стр. 375.

губернии. Упадок промышленности этого района послужил дополнительным толчком к развитию отраслей промышленности, в частности текстильной, в других губерниях России — Владимирской, Ивановской и т. д.¹

В первой половине века промышленность развивалась в нашей стране значительно быстрее, чем в прежнее время. Ф. Энгельс писал в 1848 г., что «в России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа»². Действительно, в числе фабрикантов фигурировали старинные фамилии русского дворянства: Юсуповы, Щербатовы, Безбородко, Разумовские и др.

На первом месте по численности рабочих в обрабатывающей промышленности стояла отрасль по выработке сукон и других шерстяных материй, за ней следовала полотняная промышленность, далее шёлковая, хлопчатобумажная, вышедшая уже к 30-м годам на первое место, кожевенная и т. д.

ЧИСЛО ФАБРИК И ЗАНЯТЫХ НА НИХ РАБОТНИКОВ
В 1804, 1830 и 1860 гг.

Производства	Число фабрик и заводов			Число рабочих		
	1804 г.	1830 г.	1860 г.	1804 г.	1830 г.	1860 г.
Фабрики суконных и других шерстяных материй	157	389	706	28 639	67 241	120 025
Фабрики бумажных материй . .	199	538	1 200	8 181	76 228	152 236
Полотняные фабрики	285	190	117	23 711	26 845	17 284
Канатные фабрики	58	108	166	1 520	2 780	5 385
Шёлковые и позументные фабрики	365	234	393	9 161	14 019	14 237
Шляпные фабрики	74	87	18	678	1 256	412
Фабрики писчей бумаги	64	111	207	5 957	10 260	12 804
Кожевенные заводы	843	1 619	2 515	6 304	10 547	14 151
Салотопенные, мыловаренные, свечные и воскобойные заводы	(269)	1 031	1 827	687	6 252	12 122
Сахарные заводы	10	57	467	108	1 687	64 763
Табачные фабрики	7	61	343	19	306	6 039
Поташные заводы	116	185	263	469	1 533	1 531

¹ См. А. Корсак, О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России, 1861, стр. 137—138.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 247.

Производства	Число фабрик и заводов			Число рабочих		
	1804 г.	1830 г.	1860 г.	1804 г.	1830 г.	1860 г.
Химические и красочные заводы	12	81	135	нет св.	1 028	3 440
Селитренные заводы	нет св.	98	101	нет св.	1 470	3 467
Хрустальные и стеклянные за- воды	114	172	195	3 937	6 616	11 464
Фарфоровые и фаянсовые заводы .	55	40	55	нет св.	1 274	2 629
Стальные, железные и чугунные заводы	28	198	693	4 121	19 889	54 832
Медные заводы	37	113	161	546	3 103	8 504

Из всех отраслей промышленности наиболее быстрый рост показала молодая отрасль — хлопчатобумажная, увеличившая численность рабочих с 8 тыс. до 152 тыс. Промышленный переворот, начавшийся в этой отрасли промышленности ещё в дореформенные годы и обусловивший удешевление хлопчатобумажных тканей, применение в широких размерах, в отличие от ряда других отраслей, вольнонаёмного труда — основные причины быстрых темпов развития этой отрасли промышленности. В данной отрасли машинная индустрия родилась ещё в недрах крепостного хозяйства.

В несколько раз возросла численность рабочих в суконной промышленности и особенно сильно в сахарной; в последней было учтено в начале века всего 108 человек, накануне же крестьянской реформы — 64,8 тыс.

В связи с быстрым развитием хлопчатобумажной отрасли спрос на продукцию льняной промышленности, в частности на парусное полотно, снизился; в итоге за рассматриваемый период численность рабочих в этой отрасли уменьшилась.

Численность рабочих, занятых в частной и казённой горнозаводской промышленности России, с включением и внезапских рабочих, определяется для 1860 г. в 245 тыс. человек, в том числе на казённых горных заводах — 62 тыс., на частных — 117 тыс., на частных золотых приисках Сибири и Урала — 46 тыс. и в прочих отраслях (соляная и т. д.) — 20 тыс. человек. Характерно, что удельный вес горнозаводской промышленности (по числу рабочих) в промышленности России на протяжении первой половины XIX в. снизился и составлял накануне отмены крепостного права около 30 % против примерно 50 % в начале века. Основная часть горных рабочих

была занята на предприятиях Урала, который в этот период переживал застой в области промышленного развития.

«Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»¹.

В горнозаводской промышленности преобладал крепостной труд, составлявший ещё накануне реформы около 70%; наряду с горной промышленностью крепостной труд широко применялся в суконной и писчебумажной отраслях. Во всей обрабатывающей промышленности в 1860 г., как мы видели в таблице (см. стр. 27), было занято 565 тыс. рабочих, в том числе крепостных 118 тыс., посессионных 17 тыс. и вольнонаёмных 430 тыс.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ВОЛЬНОНАЁМНЫХ РАБОЧИХ
В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ

Отрасли	1804 г.	1825 г.
Хлопчатобумажная	85,4	94,7
Кожевенная	96,9	93,2
Производство канатное . .	85,2	92,0
Шёлковая	74,0	83,1
Льняная	60,4	69,8
Стекольная и хрустальная	42,8	29,7
Писчебумажная	25,7	24,4
Производство стали, желе- за и чугуна	27,8	22,1
Суконная	9,7	18,4

В некоторых отраслях промышленности уже в первой четверти XIX в. капиталистические мануфактуры и фабрики оттеснили посессионные и вотчинные мануфактуры. Преимущества использования вольнонаёмного труда были неоспоримы, он давал более высокую производительность труда.

Крепостные отношения стали оковами развития производительных сил и в промышленности. Производительность вольнонаёмного труда в некоторых отраслях промышленности была

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 425.

выше крепостного почти на 140%. В других отраслях промышленности, в частности в текстильной, как видно из нижеследующей таблицы, это различие было значительно больше.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КРЕПОСТНОГО И НАЁМНОГО ТРУДА
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ (1814 г.)

Производство	Заведения с наёмным трудом			Заведения с принудительным трудом		
	число рабочих	выработка за год		число рабочих	выработка за год	
		общая (в тыс.)	на одного рабочего		общая (в тыс.)	на одного рабочего
Суконных тканей (аршин)	10 589	1 302	124	32 222	1 952	60
Полотняных » (аршин)	16 251	10 217	628	5 809	1 552	267
Бумажных » (аршин)	35 670	25 805	723	717	156	218
Кож выделанных (штук)	3 035	675	223	67	4,13	62

Выработка каждого рабочего за год на предприятиях суконной и полотняной промышленности, основанных на вольнонаёмном труде, была в 2 с лишним раза больше, чем на предприятиях, основанных на крепостном труде, на предприятиях хлопчатобумажной промышленности — в 3 с лишним раза и, наконец, в кожевенной промышленности — почти в 4 раза. Это различие наблюдалось и в других отраслях промышленности. Из ведомостей о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. можно видеть, что и в химической промышленности производительность труда вольнонаёмного рабочего была много выше производительности труда *крепостного*: первый за год вырабатывал моногидрата примерно 137 пудов, а второй — только 59 пудов. Более высокая производительность вольнонаёмного труда была ясна даже для части помещиков.

«Войдите в мануфактуру, где работают по наряду, даже где в виде поощрения даётся некоторая задельная плата. Что вы там найдёте? Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут; они за них не отвечают; можно этих людей наказать, но нельзя прогнать. По этой причине работа производится и дурно и неотчётливо; что же касается до сработанного количества, то верно оно едва в половину вольного работника. Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную! Как там один перед другим боится переработать, так здесь они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого, строже всякого надсмотрщика, наблюдать за чистотою работы. Собственная вы-

года будит его до света и светит ему вечером. — Охота пуще неволи»¹. В этих условиях относительно быстрый рост производительности труда наблюдался лишь в отраслях промышленности с небольшой ролью крепостного труда. Отрасли же промышленности, в которых господствовал крепостной труд (суконная, горнозаводская и др.), на протяжении первой половины XIX в. не достигли заметных улучшений в области техники производства и производительности труда; объём производства в этих отраслях промышленности вырос также незначительно.

Для общей характеристики движения промышленности укажем на размещение её по отдельным районам страны и на те изменения, которые произошли в этом отношении. Горнозаводская промышленность в подавляющей своей части была размещена на уральских заводах (около 70 % рабочих). Ещё в конце XVIII в. наметилась существенная специализация промышленных и сельскохозяйственных районов страны. Районами с наиболее развитой промышленностью были губернии Московская, Владимирская, Петербургская и Киевская, в которой сильно развилась сахарная промышленность.

РАЗМЕЩЕНИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Губернии	Число фабрик и заводов		Численность рабочих (в тыс.)		Увеличение численности рабочих с 1815 по 1860 г.	
	1815 г.	1860 г.	1815 г.	1860 г.	в тыс.	в %
Все губернии	4 189	15 388	172,9	565,1	392,2	227
В том числе						
Московская	515	1 426	31,9	107,3	75,4	236
Владимирская	366	399	28,1	87,1	59,0	210
Петербургская	205	572	5,3	33,1	27,8	524
Киевская	64	236	1,6	32,1	30,5	в 19 раз
Тамбовская	38	278	5,7	16,8	11,1	195
Пензенская	70	98	2,7	15,7	13,0	481
Нижегородская	340	535	9,2	15,3	6,1	66
Оренбургская	1	352	0,4	13,6	13,2	в 34 раза
Симбирская	85	241	2,9	13,1	10,2	352
Калужская	93	253	12,1	12,4	0,3	2
Черниговская	47	245	2,3	12,3	10,0	435
Харьковская	12	330	2,7	12,1	9,4	348

¹ «Земледельческая газета», 1847, стр. 790—791.

Губернии	Число фабрик и заводов		Численность рабочих (в тыс.)		Увеличение численности рабочих с 1815 по 1860 г.	
	1815 г.	1860 г.	1815 г.	1860 г.	в тыс.	в %
Рязанская	55	164	5,4	11,7	6,3	117
Тверская	35	465	1,8	11,5	9,7	539
Вятская	51	196	1,0	11,2	10,2	в 11 раз
Тульская	88	261	2,2	10,4	8,2	373
Курская	174	323	10,7	10,0	—0,7	—6
Лифляндская	50	120	1,3	9,7	8,4	646
Саратовская	193	347	1,3	9,2	7,9	608
Полтавская	32	238	1,5	8,8	7,3	487
Костромская	57	522	6,2	8,6	2,4	39
Пермская	133	332	0,3	6,8	6,5	в 23 раза
Казанская	169	257	3,5	6,2	2,7	77

Текстильная промышленность играла в экономике дореформенной России большую роль: на её долю приходилось в 1860 г. около двух третей рабочих обрабатывающей промышленности.

Ещё при Петре I текстильная промышленность получила характер сравнительно крупного мануфактурного производства. К концу царствования Петра в России имелось уже до трёх десятков суконных и полотняных крепостных мануфактур, причём некоторые из них насчитывали более тысячи работников.

Заведения по обработке льна особенно были распространены в Московской, Владимирской и Ярославской губерниях.

В форме домашней промышленности переработка льна крестьянами издавна была широко распространена. Домашние льняные промыслы составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства. «...Промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое»¹.

Полотняные заведения позднее способствовали возникновению в России хлопчатобумажной промышленности, в частности ситценабивного производства. Переход от набивки по холсту к набивке по бумажным тканям не представлял такой сложности, как, например, организация собственного прядильного и ткацкого хлопчатобумажного производства.

Не случайно текстильные промыслы существовали давно именно в центральных районах России, где большая плотность

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 285.

населения, недостаток земли и пониженное её плодородие, короткий период сельскохозяйственных работ и т. д. создавали относительно больше «свободного» населения.

Позднее домашняя промышленность вынуждается, по выражению К. Маркса, всё более и более служить капиталистическому производству. Забегая вперёд, укажем, что эта домашняя промышленность впоследствии выделяет таких крупнейших капиталистов-текстильщиков, как Рябушинские, Морозовы, Гарелины, Шорыгины, Дербеневы, Скворцовы и др.

В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с лёгкой промышленности. Развитие хлопчатобумажной промышленности является классическим образцом возникновения капитализма в нашей стране; как уже отмечалось, в этой отрасли раньше, чем в какой-либо другой, произошёл промышленный переворот.

Суконная промышленность, размещённая преимущественно в Московской, Петербургской, Гродненской и Лифляндской губерниях, основывалась главным образом на применении крепостного труда. Суконное производство «...было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временнообязанных крестьян... Суконное производство является примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»¹.

Применение машин в этой отрасли способствовало росту производства, поэтому Россия в 50-х годах могла вывозить в азиатские страны часть продукции шерстяной промышленности. Однако эта отрасль, в силу того что она основывалась на крепостном труде, развивалась несравненно более медленно, чем хлопчатобумажная промышленность.

Быстрый рост последней отразился в частности на сокращении производства полотняной промышленности; как видно из таблицы (см. стр. 31), число заведений и число рабочих в этой отрасли накануне реформы значительно уменьшилось; создание парового флота явилось также одной из причин понижения спроса на продукцию льняной промышленности — на полотно. Некоторое увеличение производства в этой отрасли во время Крымской войны оказалось временным, и в дальнейшем полотняная промышленность прочно уступила своё место хлопчатобумажной промышленности.

Хлопчатобумажное производство в России возникает значительно позже других отраслей текстильной промышленности. В «Ведомости мануфактур-контор» за 1727 г. вовсе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 410—411.

не упоминается о хлопчатобумажных заведениях, но в первой половине XVIII в. хлопчаткачество в форме мелкого производства уже существовало. Мы знаем также, что употребление хлопчатобумажных тканей в России относится к очень давнему времени. Они ввозились с Востока через Астрахань, а с середины XVI в., в связи с открытием пути через Белое море, начался привоз хлопчатобумажных тканей и из Западной Европы, через Архангельск. В числе товаров, привозимых в Россию англичанами, были и хлопчатобумажные изделия.

Относительно крупные хлопчатобумажные заведения в России возникают лишь во второй половине XVIII и в начале XIX в. — ситценабивные, потом ткацкие и значительно позднее прядильные. Однако хлопчаткачество в форме мелкого производства, домашней промышленности и ремесла встречается и в первой половине XVIII в.¹ Хлопчатобумажные ткани из заграничной пряжи производились в полотняных, отчасти шёлковых, заведениях и в крестьянских промыслах. На известной полотняной мануфактуре Тамеса в 1726 г. наряду с 300 льноткацкими станками и 28 шелкоткацкими имелось четыре станка, на которых выделялись хлопчатобумажные ткани. Наличие хлопчатобумажного производства в России уже в первой половине XVIII в. подтверждается тем, что из Европы ещё в 1749 г. было ввезено в Россию бумаги хлопчатой (сырца) 287 пуд. на 2 345 руб. серебром и бумаги пряденой белой — 1 961 пуд на 31 304 руб. серебром².

В 1742 г. дана была привилегия «санктпетербургскому мешанину армянину Луке Ширванову с товарищами о заведении в Астрахани и при Кизляре шёлкового завода и сеянии сорочинского пшена и хлопчатой бумаги и для делания шёлковых и полушёлковых бумажных парчей фабрики»³.

С 1752 г. действовало под Москвой, в селе Покровском, заведение купца Ивана Иконникова, которое было устроено для печатания на немецких и российских полотнах выбоек, ситцев, платков и пр.⁴ К моменту получения английскими капиталистами Чанберлином и Козенсом привилегии (1753 г.)⁵

¹ См. «Исторический сборник» № 5, АН СССР, 1936, стр. 39—41.

² См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. III, 1859, стр. 440—441.

³ М. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. II, кн. 2, 1785, стр. 204.

⁴ См. М. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 639.

⁵ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. I, 1859, стр. 220.

на устройство ситцевого заведения в России уже было хлопчатобумажное производство.

В год возникновения заведения Козенса было разрешено строительство в Москве ещё двух «указных» предприятий — Дьяконова и Серебрякова и братьев Власовых¹.

Так как наряду с «указными» предприятиями хлопчатобумажные мануфактуры могли возникать и неуказным путём, рассматривать мануфактуру английских капиталистов как первое ситценабивное производство в России, как это делают некоторые исследователи, в частности Туган-Барановский, не совсем правильно.

Основателями ситценабивного производства в России были русские, армянские и татарские предприниматели, не имевшие, кстати говоря, таких привилегий, как Козенс и Чанберлин.

Чанберлин и Козенс, которым в 1753 г. была дана монопольная привилегия на производство ситцев, выстроили ситценабивное заведение в Петербургской губернии, близ Красного Села. Этим английским капиталистам было предоставлено право беспощинной торговли, беспощинного ввоза иностранных материалов, инструментов и монопольное право изготовления ситцев на 10 лет.

Хотя Чанберлину и Козенсу и было вначале отказано в праве покупки людей с землями, тем не менее через короткое время они получили и эту важную привилегию. Сенатским указом от 21 февраля 1757 г. в интересах этих капиталистов таможенное обложение особой группы тканей увеличивалось с 2½ коп. до 25 коп. с аршина. Им была выдана беспроцентная ссуда в 30 тыс. руб. сроком на 10 лет. Наконец, было удовлетворено и последнее домогательство: мануфактур-коллегия разрешила им покупку 300 крестьян². Таким образом, эта ситценабивная мануфактура выросла под покровом привилегированной системы, как и другие отрасли русской промышленности того времени.

В 1763 г., согласно указу мануфактур-коллегии, организуется новое ситценабивное заведение Сирициуса и Лимана в Шлиссельбурге.

Невозможно дать полный перечень ситценабивных заведений в России в 60—70-х годах XVIII в. А. Семёнов указывал, что в России в 1761 г. было одно ситцевое заведение, которое произвело продукции на 1 700 руб. серебром, а в 1765 г. —

¹ См. «Исторический сборник» № 5, АН СССР, 1936, стр. 48.

² См. Н. Н. Дмитриев, Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в., 1935, стр. 17—18.

на 1 560 руб.¹ В последнем случае явно не учтена Красносельская мануфактура Козенса. Для 1776 г. тот же автор насчитывает уже 10 предприятий, Бурнашев для 1762 г. насчитывает 9 ситценабивных заведений². Однако все эти данные следует считать приблизительными.

По архивным данным, в 1767 г. насчитывалось всего 7 хлопчатобумажных заведений с общим числом работников 491 человек и продукцией в 48 тыс. руб. (серебром). А в то же время заведений полотняных было 86, суконных — 73, шёлковых — 60, на которых соответственно было занято 16 204, 17 833 и 3 695 человек. Таким образом, в начале второй половины XVIII в. число заведений, занятых производством хлопчатобумажных тканей, а также и число работников на них по сравнению с заведениями других отраслей текстильной промышленности (суконной, льняной, шёлковой) было незначительно.

Какова природа этих предприятий? Для ответа на этот вопрос рассмотрим ситценабивные предприятия и в первую очередь наиболее крупное из них — Красносельское. Общее число работников за время с 1763 по 1779 г., т. е. за 16 лет, на этом предприятии колебалось от 110 до 288 человек. Это были вольнонаёмные, а также помещичьи крепостные и в очень небольшом количестве мастера-иностранцы. Характерно, что процент крепостных оброчных крестьян в общем составе рабочей силы этой мануфактуры повысился с 29,7 в 1763 г. до 72 к 1779 г.³ Это значит, что роль труда крепостных крестьян в этом заведении с 1763 по 1779 г. резко возросла, и тем самым Красносельская мануфактура из заведения с сильными элементами крепостнических отношений всё более и более превращалась в промышленное предприятие, основанное на крепостном труде.

Заведение Лимана в Шлиссельбурге насчитывало в 1766 г. 70, а в 1779 г. — 158 человек⁴, в том числе нескольких иностранных мастеров, находившихся в привилегированном положении. В состав работников входили русские вольнонаёмные люди, ученики из солдатских и купеческих детей, оброчные крестьяне, «жёнки» и др. Так называемые «жёнки» и «девки» в 1766 г. играли незначительную роль, а уже в 1773—1779 гг. они составляли основную группу полуквалифицированных и

¹ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, стр. 475.

² См. Бурнашев, Очерк истории мануфактур в России, 1833, стр. 16—18.

³ См. Н. Н. Дмитриев, Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в., 1935, стр. 99.

⁴ См. там же, стр. 139.

неквалифицированных работников. В 1766 г. Лиманом было подано следующее ходатайство: «Потребно ныне на оную фабрику для подведения на ситцах и набойках красками цветов к работе жёнки, которых и отыскать не можно. А как не безызвестно, что из главной полицеймейстерской канцелярии на определение на фабрики присылаются в Мануфактур-контору, прошу дабы повелено было присылаемых из полиции жёнок и девок отсылать для работы на показанную фабрику»¹.

Эти «жёнки» — часто солдатские жёны, формально добровольно, а в действительности в принудительном порядке, отправлялись на эти предприятия. На основании ряда царских указов так называемые бродяги, нищие, проститутки и другие «праздношатающиеся» отсылались на «фабрики», где их жестоко эксплуатировали. Недаром крестьяне, по словам известного русского экономиста Н. И. Тургенева, боялись крепостных «фабрик», как чумы.

История России XVIII в. богата фактами «кровавого законодательства», не уступавшими фактам, описанным К. Марксом и взятым из жизни Англии и Франции. В конце XVIII в. (1797 г.) состав работников Шлиссельбургской мануфактуры Лимана был следующий: из 403—413 наёмных рабочих было 22 иностранца и 198—208 русских, «присыльных» — 153 и крепостных «купленных» — 30². Следовательно, это заведение уже не было полностью основано на труде крепостного населения. Крепостной труд в текстильной промышленности России применялся особенно в тех отраслях, которые обрабатывали непокупное сырьё (лён, шерсть). В меньшей степени на крепостном труде основывались отрасли, работавшие на покупном сырьё (хлопчатобумажная промышленность).

В техническом отношении первые крупные ситценабивные заведения в России характеризовались ручным производством и ограниченным разделением труда. Базисом хлопчатобумажного производства в то время являлась ручная техника. Однако на шлиссельбургском предприятии уже была механизирована подача воды в белильню, а в качестве двигательной силы были использованы водяная энергия и лошадиная сила.

«Мануфактурный период... развивает спорадическое употребление машин, особенно при некоторых элементарных подготовительных процессах, требующих для своего выполнения большого количества людей и большой затраты силы»³.

¹ «Архив истории труда в России», кн. 4, ч. II, стр. 41.

² См. «Мануфактур-коллегия», св. 434/314, д. 55 (приводится по книге Н. Н. Дмитриева «Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в.», 1935, стр. 281).

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 355.

Но применение машин в отдельных случаях, при элементарных процессах, ни в какой степени не затрагивало основ производственного процесса, печатание тканей оставалось ручным. На предприятии Козенса в 1779 г. имелось 42 набивных стола (основное оборудование) и у Лимана—32 стола; в обоих заведениях применялись ручные каландры. Важнейший процесс — беление тканей — в 60—70-х годах XVIII в. проходил очень примитивно — летом на солнце. Лишь в конце 80-х годов был введён новый способ беления полотен, который позволил сократить цикл беления до двух месяцев (вместо целого лета).

Красносельское и шлиссельбургское заведения не являлись, строго говоря, хлопчатобумажными заведениями, ибо в структуре вырабатываемой ими продукции значительную роль, особенно в первые годы, играли льняные ткани. Так, на Красносельской мануфактуре в 1768 г. было произведено 20 634 аршина хлопчатобумажных и 12 425 аршин льняных тканей¹. На Шлиссельбургской мануфактуре также производили хлопчатобумажные и льняные ткани и лишь в конце XVIII в. начали вырабатывать уже исключительно хлопчатобумажные ткани.

В середине XVIII в. в России лён легко конкурировал с хлопком и даже побеждал его. Хлопчатобумажные ткани в то время были дороже льняных и потреблялись лишь верхушкой общества. Падение цен на хлопчатобумажные ткани в России начинается лишь позднее, будучи обусловлено в конечном счёте результатом промышленной революции в текстильном производстве. Вместе со снижением цен на бумажные ткани всё более увеличивалось производство их, в частности и на Шлиссельбургской мануфактуре.

По истечении срока монополии, выданной Козенсу, начинается более быстрое развитие ситценабивного производства, возникает ряд ситценабивных заведений в Москве, Петербурге, Вологде, Юрьеве-Польском и т. д. Ситценабивное крупное производство в Ивановском и Московском районах прививается несколько позднее, чем в Петербургском².

Некоторые авторы считают пионерами ситценабивного производства в Иванове крестьян, которые, изучив это производство на Шлиссельбургской мануфактуре, в частности разведав рецепт красок, возвращались в Иваново и вносили усовершен-

---

¹ См. М. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, 1786, стр. 676. По некоторым другим источникам, доля льняных тканей была ещё выше.

² См. «Описание города Шуи и его окрестностей, составленное Владимиром Борисовым», 1851, стр. 151.

ствования в примитивную постановку ситценабивного производства¹.

Несомненно, что крепостные крестьяне, работавшие как оброчные на Шлиссельбургской мануфактуре, возвращаясь в Иваново, способствовали возникновению ситценабивного и ткацкого хлопчатобумажного производства, что облегчалось, кроме всего прочего, наличием с давних пор в этом районе переработки льна.

В данном случае интересно указание источников на то, что возникновение как ситценабивного, так и хлопчаткацкого производства в Иваново связывается с именами крестьян. Крепостные крестьяне располагали иногда небольшими промышленными заведениями. Эти крепостные владельцы заведений в некоторых случаях имели на своих предприятиях также крепостных, записанных на помещика, а сам «фабрикант» принадлежал помещику. Отдельные такие заведения превращались со временем в крупные мануфактуры, а потом и в фабрики, а сами крепостные откупались от помещика за большие деньги. Такова история некоторых крупных капиталистов в хлопчатобумажной промышленности, например Саввы Морозова, откупившегося от своего помещика за несколько тысяч рублей.

Приведём общие сведения о размерах ситценабивного производства в России в конце XVIII и в начале XIX в.

В 1793 г. Лиман, владелец Шлиссельбургской мануфактуры, представил «Роспись о состоящих в России ситцевых фабриках». Согласно этой «рописи» в Петербурге были три «фабрики», в Псковской губернии — одна и одна в Московской, а кроме того, имелись «фабрики» разных купцов в Юрьеве-Польском, в селе Иванове и т. д.

По далеко не полным данным, в конце XVIII и в начале XIX в. ситцевых и набивных заведений, работавших на миткале, было: в 1797 г. — 43, в 1801 г. — 52, в 1803 г. — 49, причём все эти заведения были размещены главным образом во Владимирской и Московской губерниях².

По тем же данным, за 1802—1803 гг. хлопчатобумажных ситцев, полуситцев и выбойки было произведено 2 520 тыс. аршин и, кроме того, 898 тыс. аршин бумажных платков.

В первое время ситценабивная промышленность России работала почти исключительно на заграничных миткалях.

¹ См. Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, ч. 1, 1884, стр. 147—148; П. Крюков, Очерки мануфактурно-промышленных сил Европейской России, СПб. 1853, стр. 29.

² См. Н. Н. Дмитриев, Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в., 1935, стр. 263.

Заведения Петербургской губернии получали миткаль из Западной Европы (английский), а промышленность Ивановской и Московской губерний получала ткани вначале из Астрахани по Волге под именем бухарских и индийских и лишь потом более дешёвые, английские.

При всей неточности данных они всё же, несомненно, говорят о росте хлопчатобумажного производства в конце XVIII в. Хлопчатобумажных заведений в 1775 г. насчитывалось около 16, а в 1800 г. их было уже около 240¹. Увеличился импорт пряжи и хлопка, что свидетельствует также о росте и хлопко-ткацкого производства.

В 1749 г. в Россию было ввезено из-за границы хлопчатой бумаги (сырца), пряденой белой и крашеной, на 33 тыс. руб. серебром; далее, ввозилось в среднем: за период 1758—1760 гг. на 64 тыс. руб. в год, за 1790—1792 гг. — уже на сумму около 400 тыс. руб. и, наконец, за 1802—1804 гг. — на 950 тыс. руб. серебром².

Во второй половине XVIII в. наряду с ростом ситценабивного производства начало расти и хлопкоткацкое производство. В 1767 г. возникает бумаготкацкое заведение московских купцов Маркелла и Ивана Мещаниновых, в котором работало 76 человек на 30 станах; в 1768 г. в Казанском уезде возникает заведение Усманова, где работало 126 человек на 60 станах³. В сравнении с полотняными и суконными эти бумаготкацкие предприятия были ещё очень скромными по своему размеру, к тому же их было немного.

В 1780 г. московский купец Константинов ввёл тканье бумажных материй⁴. Наряду с такими «указными» фабриками, относительно крупными и основанными, как и набивные, на вольнонаёмном и крепостном труде, ткачеством занимались и крестьяне по домам, в светёлках, работая также на ручных станах.

В 1787 г. начинается тканье бязи из бухарского хлопка в Иванове⁵.

«Хотя ткачество льняных изделий издавна велось в Иванове и здешние ткачи могли бы ткать добротные бумажные

---

¹ См. «Исторический сборник» № 5, АН СССР, 1936, стр. 57.

² См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, 1859, стр. 440—441.

³ См. ГАФКЭ, «Ведомость Мануфактур-коллегии (1770—1773 гг.)», портфель Мюллера, № 385.

⁴ См. П. Крюков, Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, 1853, стр. 29.

⁵ См. Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, ч. 1, 1884, стр. 161.

ткани, но тогда не знали ещё обработки бумажной пряжи, особенно заклейки,— через это, конечно, замедлялось и самое развитие промышленности в здешнем крае. Первоначальное тканье производилось из льна пополам с бумагой, так называемая полубумажная ткань, таким образом, что основа была льняная, а уток бумажный»¹.

Постепенно хлопчатобумажные ткани начинают вытеснять льняные холсты и полотна. «В конце XVIII столетия полотна и бумажные ткани встречаются ещё рядом, но в начале XIX столетия, особенно после того, как здесь (в Иваново) сами стали ткать миткаль,—холст и полотно окончательно уступают место бумажным тканям»².

В связи с развитием хлопчаткачества потребность в хлопчатобумажной пряже росла, в результате чего импорт пряжи увеличивался.

Хлопчатобумажная промышленность России в XVIII в. сосредоточивалась в трёх основных районах: в центральном районе (Московская, Владимирская и другие губернии), в районе Волги (Астрахань, Саратов, Казань) и в районе Петербурга.

В Астрахани на базе персидского и турецкого хлопка уже в середине XVIII в. имелось несколько «указных» хлопчатобумажных заведений, наряду с которыми выработкой хлопчатобумажных и шелковых тканей занимались также кустари.

В 1813—1814 гг. в Астрахани было учтено 70 заведений, имевших каждое не больше 16 рабочих, и 7 заведений с числом рабочих от 16 до 32. Это были, конечно, не фабрики, как их называли в официальной статистике, а мелкие заведения, базирующиеся на ручной технике. На всех этих 77 предприятиях было в 1814 г. 691 работник и 587 станок³. В последующие годы наблюдалось свёртывание хлопчатобумажного производства в этом районе России, в то время как в центральных районах хлопчатобумажная промышленность росла.

Вторым местом размещения хлопчатобумажного производства являлся Петербургский район. Возникновение хлопчатобумажной промышленности здесь было в известной мере связано с иностранным капиталом. Несмотря на то что пряжа ввозилась в Россию уже в первой половине XIX в. главным образом с Запада, через Петербург, в районе Петербурга ткацкое производство было развито слабо, а преобладало ситценабивное производство. В ведомости 1813—1814 гг.

¹ Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, ч. 1, 1884, стр. 161.

² Там же, стр. 151.

³ См. «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», 1816, стр. 197—201.

в Петербургской губернии зарегистрировано 14 хлопчатобумажных заведений, из которых 6 — с числом рабочих до 16, одно заведение — с числом рабочих от 51 до 100 и два — с числом рабочих от 101 до 200; размер остальных неизвестен¹.

Основным районом хлопчатобумажного производства в России уже в XVIII в. был центральный Московско-Владимирский район. Здесь в начале XIX в. была сосредоточена подавляющая часть всех рабочих, станов и «фабрик» хлопчатобумажной промышленности, причём самые крупные «фабрики», с числом рабочих свыше 500 и 1000, находились в этом районе.

РАЗМЕЩЕНИЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ГУБЕРНИЯМ РОССИИ
В 1813—1814 гг.²

Астраханская	77	Могилёвская	1
Виленская	1	Подольская	1
Вологодская	1	Рязанская	6
Вятская	2	Петербургская	14
Владимирская	169	Саратовская	22
Калужская	1	Смоленская	3
Казанская	9	Тульская	1
Лифляндская	1	Херсонская	3
Московская	106	Ярославская	5
		Всего	423

В Астраханской, Саратовской и некоторых других губерниях основная масса заведений были мелкие предприятия кустарного типа; в Московской и Владимирской губерниях имелись уже крупные капиталистические мануфактуры. Несмотря на некоторую дефектность сведений, они явно показывают, что в начале XIX в. центр новой отрасли промышленности—хлопчатобумажной — находился во Владимирской и Московской губерниях.

В 1825 г. было учтено 484 заведения, производивших хлопчатобумажные ткани, в том числе 27 заведений в Астраханской губернии, 175—во Владимирской, 200—в Московской и 19—в Петербургской; в 1849 г. в Астраханской губернии было учтено только 6 заведений, вырабатывавших хлопчатобумажные ткани³. Ко времени реформы 1861 г. хлопчатобумажная промыш-

¹ См. «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», 1816, стр. 241—242.

² Там же, стр. 457.

³ См. «Отчёт департамента мануфактур и внутренней торговли за соответствующие годы». Ленинградский отдел Центрального исторического архива (ЛОЦИА).

ленность в Астраханской, Казанской и некоторых других губерниях под влиянием конкуренции центральных районов почти исчезла.

Особенностью хлопчатобумажной промышленности России являлось то, что уже в дореформенное время в этой отрасли промышленности крепостной, принудительный труд играл незначительную роль. Так, в 1804 г. в этой отрасли вольнонаёмных людей было 85 %, в 1815 г. — около 95 и в 1820 г. — около 96 %. Доля помещичьих и приписных людей уже в первой четверти XIX в. в хлопчатобумажной промышленности была незначительной и уменьшилась с 15 % в 1804 г. до 4 % в конце первой четверти, в то время как во всей промышленности России роль крепостного труда была значительно большей.

КОЛИЧЕСТВО ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ МАНУФАКТУР
И ЧИСЛО РАБОЧИХ В НИХ В 1804 И 1813—1820 гг.¹

Годы	Количество фабрик	В них состояло рабочих				
		всего	приписных	помещичьих	вольнонаёмных	
					абс.	в %
1804	199	8 181	986	222	6 973	85,2
1813/14	424	39 210	318	802	38 090	97,1
1815	466	31 703	1 005	674	30 024	94,7
1816	425	43 246	1 258	496	41 492	95,9
1817	411	32 947	967	514	31 466	95,5
1818	453	42 393	712	1 034	40 647	95,9
1819	438	39 532	1 167	111	38 254	96,7
1820	440	36 071	1 280	271	34 520	95,7

На основе данных приведённой таблицы можно утверждать, что хлопчатобумажная промышленность уже в первой четверти XIX в. почти полностью базировалась на вольнонаёмном труде, в то время как во всей промышленности России вольнонаёмные рабочие составляли в 1812 г. лишь около 50 % (из 119 093 человек — 60 641 вольнонаёмный), а в 1825 г. —

¹ Данные о количестве «фабрик» за 1804 г. взяты из книги А. Семёнова «Статистические сведения о мануфактурной промышленности России», 1857, стр. 82. Данные о числе рабочих за 1804 г. взяты из «Табели к отчёту министра внутренних дел за 1804 г.», ведомость XVIII. Данные за 1813—1814 гг. взяты из «Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.», 1816, стр. 248; на стр. 457 этой книги указаны 423 фабрики. Данные за 1815—1820 гг. взяты из книги «Статистическая ведомость о состоянии российских мануфактур за 1815—1820 гг.», Спб. 1822.

около 54% (из 210 568 человек — 114 515 вольнонаёмных)¹.

Больше всего крепостной труд применялся в металлургической, писчебумажной и суконной промышленности.

Полотняная и шёлковая отрасли промышленности в первой четверти XIX в., вслед за хлопчатобумажной, также имели высокий процент вольнонаёмных рабочих, хотя наёмные отношения и не достигали законченности в силу господства крепостнических отношений в стране. Техническим базисом многих производств хлопчатобумажной промышленности в этот период являлось ручное производство, и большинство крупных заведений представляло собой по существу капиталистическую мануфактуру.

Базируясь на эксплуатации вольнонаёмного труда, хлопчатобумажная промышленность уже в начале XIX в. характеризовалась относительно крупным размером мануфактур, хотя некоторые из них и не были ещё едиными централизованными предприятиями.

Ведомость о мануфактурах за 1813 и 1814 гг. даёт представление о размерах хлопчатобумажных мануфактур в России. В эти годы уже насчитывалось восемь крупных мануфактур с числом рабочих свыше тысячи. В этих мануфактурах было сосредоточено около трети всех рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности. Мануфактур с числом рабочих от 200 до 1 000 насчитывалось 32; в них концентрировалось также около трети всех рабочих. На долю мануфактур с числом рабочих свыше 100 приходилось около четырёх пятых всех рабочих хлопчатобумажной промышленности (по учётному кругу предприятий), в то время как такие мануфактуры составляли лишь четверть всех хлопчатобумажных мануфактур. Самые мелкие заведения — с числом рабочих до 16 — составляли более половины всех хлопчатобумажных предприятий; на их долю приходилась лишь десятая часть выработки тканей.

Капиталистические формы промышленности не достигли ещё в этот период законченности. Наряду с крупными предприятиями капиталистического типа существовало много мелких мастерских, которые, однако, с развитием капитализма всё больше превращались во внешние отделения мануфактуры. Мелкое производство, всевозможные внешние отделения мануфактуры занимали в начале XIX в. в общей выработке хлопчатобумажных тканей значительное место. Однако «ведомостью о мануфактурах» это мелкое производство большей частью охвачено не было. Мелкое ткачество в крестьянских избах и в кустарных мастерских не поддавалось учёту; сами

¹ См. Л. П. Нисселович, История заводско-фабричного законодательства Российской империи, ч. II, 1884. Приложение II, а также см. «Отчёт департамента мануфактур и торговли за 1826 г.»

авторы ведомостей признавали, что «умаление, уменьшение фабрик произошло от недоставления сведений местными начальствами». Это можно подтвердить и данными об объёме производства в хлопчатобумажной промышленности.

В 1799 г. было произведено в России всего около 4 млн. аршин хлопчатобумажных тканей. Объём продукции и число рабочих, занятых в хлопчаткачестве в последующие годы, представлены в следующей таблице:

ОБЪЁМ ПРОИЗВОДСТВА И ЧИСЛО РАБОЧИХ, ЗАНЯТЫХ
В ХЛОПЧАТКАЧЕСТВЕ¹

Годы	Выработано за год хлопчатобумажных тканей (в млн. аршин)	Число рабочих, занятых в хлопчаткачестве	Годы	Выработано за год хлопчатобумажных тканей (в млн. аршин)	Число рабочих, занятых в хлопчаткачестве
1804	6	8 181	1829	84	58 203
1814	26	39 210	1831	63	—
1816	25	43 246	1832	60	80 848
1817	22	32 947	1833	61	79 360
1819	32	39 532	1834	76	79 925
1820	35	36 071	1837	95	—
1825	42	47 021	1850	150	79 039
1826	57	45 415	1857	160	75 517
1827	75	45 415	1858	184	92 277
1828	79	55 966	1859	255	97 233
			1860	228	77 819

Таким образом, данные об объёме производства хлопчатобумажной промышленности в первой половине XIX в. охватывают выработку относительно крупных заведений, учитываемых в Мануфактур-коллегии, и оставляют в стороне значительную часть мелкого производства. С другой стороны, данные о выработке тканей несколько преувеличены, поскольку в них учитывается выработка суровья и отделанных тканей. Поэтому они могут дать не совсем точное представление об объёме производства за этот период. Для суждения о динамике всего

¹ См. «Табели к отчёту министра внутренних дел за 1804 г.», ведомость XVIII, «Ведомость о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.», 1816, стр. 248; «Статистическая ведомость о состоянии российских мануфактур за 1815—1820 гг.», отчёты министра финансов (департамент мануфактур и внутренней торговли), Центральный государственный архив народного хозяйства, фонд № 560.

объёма производства эти данные, повторяем, не совсем точны как потому, что они не учитывают полностью мелкого производства (ткачество), так и потому, что в них возможен повторный счёт, поскольку отражена выработка суровья и отделанных тканей.

Для характеристики мощности хлопчатобумажного ткачества укажем, что в 1804 г. было показано в ведомости около 8 тыс. станов, в 1825 г. — 30 518, в 1829 г. — 39 987, в 1832 г. — 62 737, в 1833 г. — 61 858 и в 1836 г. — 77 225 станов.

Налицо относительно быстрый рост хлопчатобумажного производства, начавшийся в конце XVIII в. и продолжавшийся в первой половине XIX в. Увеличение производства было довольно значительным, хотя и несистематическим — подъёмы сменялись застоями и угнетённым состоянием. Ввоз хлопкового волокна из-за границы в Россию за это время увеличивался, причём особенно росло его поступление по европейской границе.

В 1830 г. хлопчатобумажная промышленность стояла уже на первом месте по числу занятых в ней рабочих среди всех отраслей промышленности России. Продукция других отраслей текстильной промышленности не выдерживала конкуренции более дешёвых хлопчатобумажных тканей.

Однако и на хлопчатобумажной промышленности сильно сказывалось отрицательное влияние феодальных отношений, господствовавших в стране. Ей не хватало вольнонаёмных рабочих; рынок сбыта в силу низкой покупательной способности крепостных крестьян — основной массы населения — был ограниченным; внедрение прядильных и ткацких машин, производивших революцию в хлопчатобумажной промышленности, происходило в этот период сравнительно медленно; машинному производству нужны были квалифицированные, грамотные ткачи, которых не мог дать в достаточном количестве крепостной строй.

Появление первых машин в хлопчатобумажном производстве России относится к последним годам XVIII в. и первой четверти XIX в. Внедрение их в отдельные производства происходило неравномерно. В то время как процесс прядения после промышленной революции стал осуществляться на машинах, в ситцепечатании и особенно в ткачестве, в нашей промышленности, как, между прочим, и в английской, надолго ещё сохранился ручной труд.

Основную причину интенсивного внедрения в хлопчатобумажную промышленность прядильных и отделочных машин мы видим в том увеличении производительности труда, которое обуславливалось их применением. Так, в результате промышленной революции производительность труда прядильщика, работавшего на мюлях и ватерах, возросла по сравнению с ручным трудом в 140—200 раз. Превращение в пряжу 366 фунтов

хлопка при ручном прядении требовало 27 тыс. рабочих часов, а при работе на мюле (450 веретён) — только 150 рабочих часов.

«...одна машина при содействии одного взрослого рабочего или подростка печатает в 1 час столько же четырехцветного ситца, сколько раньше набивали 200 взрослых рабочих»¹.

Следовательно, производительность машинного труда сильно увеличилась по сравнению с ручным трудом (при работе на мюлях примерно в 180 раз, при работе на печатной машине — примерно в 200 раз).

Механический ткацкий станок, вызванный к жизни изобретением прядильных машин, также способствовал росту производительности труда, но рост производительности труда в ткацком производстве в результате внедрения паровых механических станков был всё же значительно меньше, чем в прядильном или отделочном производстве. Это и являлось основной причиной того, что борьба ручного ткацкого производства с машинным была довольно продолжительной.

Впервые в России была заведена прядильная машина на 104 веретена в 1793 г. фабрикантом Лиманом².

Первой прядильной мануфактурой в России, оборудованной прядильными машинами, была Александровская мануфактура (основана в 1798 г.), расположенная в Петербурге за Шлиссельбургской заставой. Это заведение ставило целью содействовать распространению в России машинного производства в хлопчатобумажной и льняной отраслях промышленности. Прядильные машины на этой мануфактуре с 1805 г. приводились в движение паром.

Основателю мануфактуры Осовскому было дано бесплатно помещение, беспроцентная ссуда в 80 тыс. руб. сроком на 7 лет; в качестве рабочих ему было предоставлено до 300 питомцев Воспитательного дома, а кроме того командированы с казённых заводов 20 слесарей и токарей. Мануфактура на 20 лет была освобождена от уплаты пошлин, и под страхом штрафа в 3 тыс. руб. и отобрания машин было запрещено другим в течение 5 лет делать такие машины или их употреблять³.

Александровская прядильная мануфактура сыграла важную роль в истории русской хлопчатобумажной промышленности. По существу это была уже не мануфактура, а хлопчатобумажная фабрика. В 1828 г. там имелось 4 тыс. рабочих, три паровые

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 397.

² См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, 1859, стр. 260.

³ См. там же, ч. II, 1859, стр. 93—94.

машины в 170 л. с.¹; тканьё миткаля на этой фабрике производилось тоже машинами. Современники считали, что эта фабрика — «важнейшая из всех в России фабрик и, без сомнения, может занять место между первейшими в сем роде английскими фабриками... Сия фабрика может служить образцовой для всякого, намеревающегося основать какую-либо фабрику, а равно дать понятие о фабриках, всё производящих машинами»².

В 1808 г. в Москве возникает уже не казённая, а частная бумагопрядильня купца Пантелеева, машины для которой были получены с петербургской Александровской мануфактуры³.

Архивные материалы указывают на существование ещё нескольких прядильных фабрик в Москве ко времени 1812 г. Однако после изгнания Наполеона никаких следов от этих фабрик не осталось, а возникновение новых бумагопрядилен шло медленно. В Шуйском уезде бумагопрядильни начали возникать с 1817 г., однако более или менее быстрое их развитие наблюдалось позднее. С 1838 по 1854 г. во Владимирской губернии возникло 8 бумагопрядилен⁴, в Иванове первая прядильная фабрика возникла в 1838 г. В «Журнале мануфактур и торговли»⁵ помещён список 9 действовавших в 1828 г. бу-

БУМАГОПРЯДИЛЬНИ В 1828 г.

Владельцы бумагопрядилен и местонахождение заведений	Число аппаратов	Число веретён	Количество вырабатываемой пряжи (в пудах)
Тайный советник Рахманов (Курская губерния)	6	5 616	4 000
Пушкин	5	4 720	2 500
Похвиснев	—	3 840	1 200
Вандергерст	—	7 776	4 000
Огарёва (Москва)	2,5	2 808	2 160
Князь Юсупов (Богородский уезд)	1	неизв.	200
Курманалеев (Коломна)	2	»	1 000
Горяинов Алексей	—	1 920	900
Горяинов Иван	—	1 000	450

¹ См. «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1828, стр. 39.

² Там же.

³ См. «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. II, 1886, стр. 79.

⁴ См. А. Свирский, Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии, 1890, стр. 13.

⁵ «Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1828, стр. 41—42.

магопрядильных заведений, причём автор списка указывает, что это лишь те прядильни, которые ему известны.

Следовательно, даже по неполным данным получается, что в 1828 г. в России имелось на 9 бумагопрядильнях 30 тыс. веретён, вырабатывавших за год свыше 16 тыс. пудов пряжи. После этого не требуется доказывать ошибочность утверждения, что «первые бумагопрядильни учреждены были в России в 1831 г.»¹

До 1842 г. вывоз прядильных машин из Англии и передача чертежей с них за границу запрещались английским правительством под страхом смертной казни. Английская буржуазия пожинала плоды этой монополии.

После 1842 г., когда был разрешён вывоз прядильных машин из Англии, развитие машинного бумагопрядения в России пошло несколько быстрее. Наряду с увеличением ввоза прядильных машин увеличился и импорт хлопка в Россию. Однако надо отметить, что английский капитализм, монополизировав поставку машин в Россию, в известной мере тормозил развитие русской промышленности, задерживая создание национальных технических кадров и русского отечественного текстильного машиностроения, сбывая нередко на русские фабрики машины устаревших конструкций.

В 1846 г. возникает Гусевская бумагопрядильня Мальцева и Никольская бумагопрядильня Саввы Морозова. В 1847 г. возникли две бумагопрядильни — в Шуче и в Переяславльском уезде. В 1848 г. в Иванове начинает работать бумагопрядильня Гарелина, а в 1849 г. — братьев Борисовских в Переяславле².

В обозрении, посвящённом мануфактурной выставке 1843 г., указывается, что в России существует уже 48 бумагопрядилен с 350 тыс. веретён. В то время во Франции было уже 3 500 тыс. веретён, а в Англии — свыше 11 млн.

Из российских бумагопрядилен обозрение выделяет Вознесенскую бумагопрядильню под Москвой, приступившую к замене французского и бельгийского оборудования новейшим английским. На этой бумагопрядильне уже в тот период происходили острые классовые схватки рабочих с фабрикантом. В 1844 г. там произошли крупные волнения, вызванные жестокой эксплуатацией рабочих, в частности детей.

Не только на этой бумагопрядильной фабрике, но и на других фабриках зверски эксплуатировался детский труд:

¹ А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, 1859, стр. 271.

² См. А. Свирский, Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии, 1890, стр. 13.

дети работали днём и ночью, продолжительность рабочего дня не была ограничена.

В 40-х годах XIX в. возникают бумагопрядильная фабрика Хлудова в Егорьевске, Рязанской губернии, Охтенская бумагопрядильня в Петербурге, бумагопрядильня в Серпухове и т. д. В 1846 г. в России было уже около 700 тыс. прядильных веретён, а в 1859 г. — около 1 600 тыс. веретён, приводившихся в действие паром.

По губерниям это количество веретён распределялось следующим образом: в Петербургской губернии — 600 тыс. веретён, в Московской — 350 тыс., во Владимирской — 200 тыс. и в прочих губерниях — 450 тыс. веретён¹.

Ф. Энгельс писал К. Марксу в 1851 г., что «русские теперь уже не получают из Англии ни одного аршина бумазеи, очень мало готовых хлопчатобумажных изделий, очень много сырого хлопка: 2 000—3 000 кип в неделю, и несмотря на то, что пошлина на пряжу понижена с 7 до 5 пенсов за фунт, ежедневно все еще возникают новые прядильни»².

Заведение, оборудованное прядильными машинами, приводимыми в движение силой пара, где работали почти только вольнонаёмные рабочие, — это уже не мануфактура, а прядильная фабрика. Правда, эта фабрика родилась ещё при господстве крепостнических отношений и носит на себе их отпечаток.

Таким образом, возникновение прядильных фабрик в России относится к первой четверти XIX в.

Возникновение первых бумагопрядильных фабрик в Англии относится к концу 60-х и началу 70-х годов XVIII в. В конце XVIII в. историки насчитывают уже около 143 бумагопрядильных фабрик в английской хлопчатобумажной промышленности. В 1834 г. в хлопчатобумажной промышленности Англии имелось уже около 8 млн. прядильных веретён, а в 1861 г. — свыше 30 млн. веретён.

В 1820 г. в Англии (и Шотландии) насчитывалось только 14 150 паровых ткацких станков, в 1829 г. — 55 500, а в 1834 г. — около 100 тыс.³; в том же 1834 г. в хлопчатобумажной промышленности работало уже свыше 8 млн. веретён, 110 тыс. механических и 250 тыс. ручных ткацких станков; двигательной энергии на фабриках расходовалось: паровой — 33 тыс. и водяной — 11 тыс. л. с.⁴

¹ См. «Военно-статистический сборник», вып. IV, 1871, стр. 379.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 274.

³ См. E. Baines, Geschichte der Britischen Baumwollen Manufactur, S. 94.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 307.

В России к 1861 г. насчитывалось около 2 млн. механических прядильных веретён и несколько тысяч механических ткацких станков; Соединённое королевство имело к этому времени 400 тыс. паровых ткацких станков и 30 млн. веретён¹.

Механический ткацкий станок захватывал постепенно вслед за хлопчатобумажной промышленностью и другие отрасли текстильной индустрии (льняную, шерстяную и шёлковую), создавая и всё увеличивая армию безработных ткачей.

Первый механический ткацкий станок в нашей стране был установлен в 1808 г. на Александровской мануфактуре². Механизация хлопчаткацкого производства в России шла значительно медленнее, чем механизация прядильного и отделочного производств. Выше указывались причины этого явления.

Обозреватель московской выставки 1843 г. указывает, что первые опыты введения механического ткачества миткалей были у нас совершенно неудовлетворительными. Однако он тут же отмечает, что Волков уже с выгодой производит машинный миткаль лучшей доброты на 45 механических станках, действующих с 1839 г.³ Если изобретение прядильных машин быстро подорвало производство ручной пряжи, то появление механического станка не сразу вытеснило ручное ткачество. Так, мы уже указывали, что если в Англии в 1820 г. насчитывалось 14 тыс., а в 1834 г. уже 100 тыс. механических станков, то наряду с ними продолжало всё ещё существовать около 250 тыс. ручных станков. В России технический прогресс, в частности процесс вытеснения ручного ткацкого станка, задерживался крепостными отношениями, которые и являлись основной причиной, тормозившей промышленное развитие России в первой половине XIX в.

Первая механическая ткацкая фабрика в Шуе была организована в 1846 г.⁴ В начале 50-х годов XIX в. в России имелось около 2 тыс. механических ткацких станков, из которых 300 были в Финляндии у Финлейсона, 400 — у Райта, в Петербурге, 600 — на Охтенской фабрике, 250 — в Шуе и 150 — у Волкова, близ Москвы⁵. Перед крестьянской реформой число их было уже в несколько раз больше.

Развитие крупной машинной индустрии в хлопчатобумажной промышленности России в первой половине XIX в. проходило не с одинаковой быстротой в отдельных её производ-

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 440.

² См. Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, ч. I, 1884, стр. 175.

³ См. «Журнал мануфактур и торговли», ч. I, 1844, стр. 94—95.

⁴ См. «Владимирские губернские ведомости» № 44, 1847.

⁵ См. Л. В. Тенгоборский, О производительных силах России, ч. II, 1858, стр. 364.

ствах. Если прядильное и отделочное производства ко времени реформы 1861 г. уже значительно вытеснили ручное производство на мануфактурах и в крестьянских промыслах, то в ткацком производстве господство крупной машинной индустрии устанавливается несколько позднее.

Внедрение машин в ситценабивное производство России относится к первой четверти XIX в. С изобретением цилиндровой машины для печатания тканей в середине 80-х годов XVIII в. сильно понизились издержки по набивке ситцев. Это изобретение ударило по русской ситценабивной промышленности, поскольку она в конце XVIII и первой половине XIX в. продолжала основываться главным образом на ручном труде. Внедрение машин в ситценабивное производство могло сильно повысить его конкурентоспособность.

В 1817 г. была выдана на 10 лет привилегия московскому купцу и фабриканту Михаилу Веберу на цилиндровую машину для набивки ситцев и выбоек, «доныне нигде в России ещё в употреблении не введённой и совершенно неизвестной»¹. Эта машина, по сообщению журнала, заменяла ручную работу около 500 человек и приводилась в движение паром.

«Сия машина, действующая посредством парового аппарата, в одно и то же время отпечатывает и сушит ситцы и пребывает в движении, доколе вся белая материя с вала сойдёт»².

Одновременно разрешено было иметь такую же цилиндровую машину и другому фабриканту.

В 1818 г. была выдана новая привилегия на цилиндровую машину, отличавшуюся небольшими изменениями по сравнению с предыдущей. Привилегия эта была выдана Битепажу, выстроившему ситцевую фабрику около Петербурга³.

Через 10 лет после выдачи привилегии Битепажу в «Журнале мануфактур и торговли» отмечается, что фабрика располагает 80 медными цилиндрами и в качестве энергии использует пар⁴.

В 1821 г. была выдана привилегия на 10 лет Гребеншикову в Москве тоже на цилиндровую печатную машину, которая приводилась в движение не паром, а людьми и лошадьми.

В конце 30-х годов, в связи с прекращением привилегий, выданных раньше на цилиндровые машины в Московской губернии, ситцевые мануфактуры интенсивно переходили на машинную обработку. «Цилиндры для набивки ситцев дей-

¹ «Журнал мануфактур и торговли» № 2, 1825, стр. 8—9.

² Там же, стр. 15.

³ См. «Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1825, стр. 152—153.

⁴ См. «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1825, стр. 41.

ствовали частью паром, частью лошадьми. У Михайлы Титова, Грачёва, Александрова, Я. Титова, Константиновой, Гребенщикова, Баумбергера и у других фабрикантов цилиндры действуют уже с начала сего года»¹.

Несколько позднее, чем в Петербургском и Московском районах, а именно в 1828 г., появляется первое механическое ситценабивное производство в Иванове, у Спиридонова. По примеру Спиридонова завели цилиндровые машины братья Гарелины и Бабурин в 1829 г.²

Вообще ситценабивное производство в Иванове в начале XIX в. сильно росло, несмотря на континентальную блокаду, выражавшуюся в запрещении покупки английских товаров, в частности миткаля. Английский миткаль и пряжа всё же проникали в Россию под именем американской или под видом ниток, ввозимых из Пруссии. Е. В. Тарле пишет, что, когда посол Наполеона полюбопытствовал, как в России отличают привезённый американский товар от английского, царь отказался ответить на этот вопрос³.

После 1812 г. ситценабивная промышленность в Иванове стала развиваться ещё быстрее. Период 1812—1822 гг. был золотым веком в истории этого города. Дело в том, что после разрушения французами московских фабрик Ивановский район стал почти вне конкуренции, получив в частности значительное количество квалифицированной рабочей силы, раньше используемой в Москве.

Широкое применение цилиндрических печатных машин, естественно, ударило по ручной набивке, и потому русские домашние ручные рабочие, как и на Западе, относились враждебно к этим машинам. Механизация отделочного производства постепенно вытесняла кустарную ручную набивку. Набивной промысел, так сильно развитый в начале XIX в., в середине века уже исчезал, а заработная плата ручных набойщиков, естественно, систематически снижалась. Так, месячная заработная плата набойщика в селе Иванове и окрестностях около 1810 г. равнялась 12—20 руб. серебром, около 1830 г. — 8—15 руб., около 1850 г. — 6—12 руб. и около 1860 г. — уже только 5—8 руб.⁴

В ткацком производстве России вытеснение ручного ткачества затянулось: в Англии оно завершилось в 30-х годах XIX в., а у нас — на несколько десятилетий позже.

¹ «Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1825, стр. 46.

² См. Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, ч. I, 1884, стр. 201.

³ См. Е. В. Тарле, Континентальная блокада, 1913, стр. 487.

⁴ См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельскохозяйственной производительности в России». Приложение 1, 1873, отд. II, стр. 226.

Как указывалось выше, капиталистическая мануфактура и даже частично крупная машинная индустрия в хлопчатобумажной промышленности России родились ещё в недрах крепостного хозяйства. Особенностью русской хлопчатобумажной промышленности является то, что в ней ещё в условиях феодально-крепостнических отношений раньше, чем в других отраслях индустрии, возникают капиталистические формы промышленности. Таким образом, «...капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»¹. Но быстрое развитие крупной машинной индустрии, широкое внедрение машин во все производства хлопчатобумажной промышленности, начинается лишь после уничтожения крепостнических отношений, которые давно уже задерживали развитие производительных сил России вообще и развитие хлопчатобумажной промышленности в частности.

До господства крупной машинной индустрии во главе хлопчаткацкого производства стояли крупные капиталистические мануфактуры. Владельцы их, имея уже большие капиталы, закупали в широких размерах пряжу, которая частью перерабатывалась на крупных мануфактурах, а частью раздавалась мелким производителям — светёлочникам, «мастеркам», крестьянам-кустарям и т. д., работавшим в мелких мастерских или на дому.

В самих мануфактурах отдельные операции закреплялись за рабочим, например окраска пряжи, мотание пряжи, ткачество и т. д. В основе самого производства лежал ручной труд, причём между рабочими распределялись отдельные операции.

Работа на ткацких мануфактурах, в светёлках и на дому, основывалась на ручном труде. Работники мануфактур получали заработную плату и не владели ни сырьём, ни готовой продукцией. В первой половине XIX в. в подавляющем большинстве это были по существу уже наёмные рабочие, хотя наёмные отношения и не достигали тогда ещё вполне законченных форм.

До того, как крупная машинная индустрия в хлопчатобумажной промышленности, особенно в ткачестве, стала господствующей, наряду с мануфактурой большую роль играло и мелкое товарное производство. Именно в мелких крестьянских промыслах — в светёлках, в домах и т. д. — производилась значительная часть хлопчатобумажных тканей. Приведём в качестве иллюстрации несколько примеров, показывающих соотношение оборудования на мануфактуре и в её

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 473.

«отделениях». Так, например, на самой мануфактуре бр. Посылиных имелось ткацких станков не более 200, а по разным деревням Шуйского, Суздальского, Вязниковского, Гороховского, Юрьевского и Кинешемского уездов их насчитывалось уже около 2 тыс.¹ На мануфактуре купчихи Болотовой имелось 170 станков, а по деревням — 250².

Домашнее ткачество хлопчатобумажных тканей по мере развития капитализма всё больше превращалось в капиталистическую работу на дому, которая, встречаясь на всех стадиях развития капитализма в промышленности, получает особое развитие в период мануфактурного капитализма. Приведём несколько примеров распространения капиталистической работы на дому в хлопчатобумажной промышленности в конце 40-х и в начале 50-х годов XIX в.

На принадлежавших купцам Никитину и Лотареву двух миткалевых «фабриках» во Владимире имелось 65 рабочих, а вне «фабрик» — 2 100; на двух миткалевых «фабриках» в Ставроле — 140 рабочих, а по домам — 650; в Суздале на четырёх «фабриках» — 27 рабочих, а вне их — 1 120; в Коврове на четырёх «фабриках» — 207 рабочих, а по деревням — 875; в Лежнёве (Ковровского уезда) на пяти «фабриках» работало 665 человек и вне их — 3 тыс. крестьян по домам; в Шуе на одиннадцати «фабриках» работало 1 670 человек, а вне их — 14 513; в Иванове на четырёх миткалевых «фабриках» работало 109 человек, а вне их — 9 244 и т. д. Значительна была роль мелкого ткачества в этот период и в других губерниях России.

Меньше, но также существенна была роль капиталистической работы на дому в ситценабивном производстве. Так, в том же Иванове на ситценабивных «фабриках» работало 3 586 человек, а вне их — 1 944³.

Немногочисленные крупные капиталистические мануфактуры в ткацком производстве господствовали над огромным числом мелких производителей. Между отдельными формами промышленности наблюдалась самая тесная связь. Из ручного мелкого ткачества образовывались мануфактуры, а последние (с неодинаковой быстротой в отдельных производствах) перерастали в фабрику.

Техника в ткацких мануфактурах, светёлках и мастерских была одинаковая — ручной станок. «При ручной технике крупные заведения не могут вытеснить совершенно мелких,

¹ См. «Журнал мануфактур и торговли» № 2, 1828, стр. 106—107.

² См. там же, стр. 108.

³ См. П. Крюков, Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты, 1853, стр. 13—16.

особенно если мелкие кустари удлиняют рабочий день и понижают уровень своих потребностей: при таких условиях мануфактура, как мы видели, даже развивает мелкие промыслы»¹. Развитие хлопчатобумажной промышленности России в XIX в. — лучшая иллюстрация этого положения. В силу особенно жестокой эксплуатации ткачей, работавших в светёлках и на дому, в силу меньшей сопротивляемости их по причине раздроблённости и т. д. производство хлопчатобумажных тканей в отделениях мануфактур в первую половину XIX в., до реформы, не уменьшается, а, наоборот, вместе с ростом крупных мануфактур растёт. Ручных ткачей, занятых капиталистами, было, по данным А. Семёнова, в 1857 г. примерно около 385 тыс. против 79 тыс. на мануфактурах и фабриках².

«...мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»³.

По подсчётам К. Тихонравова, во Владимирской губернии в начале 50-х годов XIX в. на хлопчатобумажных «фабриках» было 18 тыс. станков, а по деревням, в так называемой кустарной промышленности, а по существу в отделениях капиталистических мануфактур, — 80 тыс. станков⁴.

Между ткацкой мануфактурой и мелким производителем-ткачом стоял комиссионер, или «мастерок». Получая материал от капиталиста, комиссионер раздавал его деревенским ткачам и получал от них готовую ткань. Работали в светёлках по 18 часов и более в сутки. Комиссионер нещадно штрафовал ткачей. Эти, по выражению К. Маркса, «хищные паразиты», вторгавшиеся между капиталистом и рабочим, всевозможными средствами (выдача авансов рабочим, продажа товаров из своей лавки и т. д.) сосали кровь рабочих-ткачей.

Производство железа существует в России с давних пор. В XVIII в. основным центром металлургического производства становится Урал. Россия в XVIII в. занимала по выплавке чу-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 379.

² См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, 1859, стр. 273.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 376.

⁴ См. К. Тихонравов, «Владимирский сборник», 1857, стр. 11.

гуна первое место¹ и выступала крупным экспортёром железа. В. И. Ленин писал, что «во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»². Кризис крепостного хозяйства в первой половине XIX в. сильно отразился и на горнозаводской промышленности, развивавшейся главным образом на принудительном труде. Если в 1830 г. удельный вес нашей страны в мировом производстве чугуна составлял 12%, то в 1859 г. он понизился до 4%³. В 1801 г. в России было произведено около 9 млн. пуд. чугуна.

Общий объём годовой продукции чёрной металлургии (чугуна) в России в 20-х годах XIX в. составлял: в 1822—1824 гг. — 8,96 млн. пуд., в 1825—1827 гг. — 9,06 млн. и в 1828—1830 гг. — 11 млн. пуд.

Горные заводы, добывавшие чугун, медь и другие металлы, в значительной степени занимались и обработкой этих металлов.

Накануне крестьянской реформы основную массу чугуна производил Урал — 71%, на Центр приходилось 15%, на Польшу — 7, на Север — 2, на Сибирь — 1 и на прочие районы — 4%⁴. Технический прогресс, совершавшийся в металлургии других стран, почти не захватил металлургию Урала, основывавшую своё господство «...на монополии и на своем владельческом праве» (*Ленин*). Высокие таможенные пошлины, защищая крепостную промышленность, не содействовали техническому прогрессу. Принудительный труд, внеэкономическое принуждение тормозили рост горнозаводской промышленности России, несмотря на усиленную опеку и поддержку этой отрасли со стороны царского правительства. Более того, отрасли производства, чрезмерно опекаемые правительством (металлургическая, суконная и др.), как раз и характеризовались слабым развитием, застоем в области производства и техники.

¹ А. Семёнов приводил цифру 9½ млн. пуд. для 1767 г. См. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.», ч. III, 1859, стр. 330. С. Г. Струмилин доказывает, что А. Семёнов допустил ошибку, причислив к чугуну и всё железо в переводе на чугун. См. «Чёрная металлургия в России и в СССР», 1935, стр. 174—175. Но и с поправкой С. Г. Струмилиной всё же Россия в это время занимала первое место в мире по производству металла.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 3, изд. 4, стр. 424.

³ См. «Материалы для истории и статистики железной промышленности России», 1896, стр. 4.

⁴ См. В. И. Жданов, *Довоенная мощность металлопромышленности и её значение в экономике страны*, 1925, стр. 5.

За 60 лет XIX столетия производство чугуна увеличилось всего лишь примерно раза в два, в результате чего продукция чугуна в России на душу населения в 60-х годах составляла незначительную величину.

КОЛИЧЕСТВО ЧУГУНА
(в пудах)
НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ
(в 60-х годах)

Англия	8,48
Франция	1,47
США	1,89
Пруссия	1,46
Бельгия	4,35
Россия	0,26.

В общем, на протяжении первой половины XIX в. Россия в силу господства крепостничества значительно отстала в экономическом отношении от ряда более развитых стран.

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ В 1820—1860 гг.
(в тыс. т)¹

Годы	Россия	Велико- британия	США	Германия	Франция	Бельгия
1820	156,3 (1822 г.)	413,2	116,6	—	114,3 (1819 г.)	—
1825	183,1	593,2	195,3	39,0	201,8	—
1830	188,1	692,3	167,7	49,7	270,7	61,2
1835	172,1	1 020,5	—	78,1	299,6	137,7
1840	185,7	1 424,7	291,6	106,6	357,8	89,9
1845	187,2	1 353,0	780,6	104,7	446,1	135,6
1850	227,7	2 295,8	559,0	124,0	412,3	147,4
1855	267,4	3 284,1	796,4	284,9	861,6	239,4
1860	335,5	3 982,0	934,2	388,2	892,2	325,2

В начале XIX в. Англия обгоняет Россию по выплавке чугуна. Накануне реформы, как видно из таблицы, в России производилось чугуна в 10 раз меньше, чем в Англии. Наша страна

¹ См. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 г.», ч. I, 1917, стр. 498.

отстала в течение первой половины этого века по производству чугуна от США и Франции, в 50-х годах — и от Германии.

Поскольку наша металлургия основывалась на древесном топливе, добыча каменного угля не имела серьёзного значения для промышленности в этот период, тем более что и железнодорожное строительство получило более или менее широкое развитие лишь в 50-х годах. О наличии каменного угля в Донбассе известно было давно, и Пётр I будто бы сказал, что «сей минерал, если не нам, то нашим потомкам весьма будет полезен». В дореформенный период спрос на каменный уголь был слабый; частичным потребителем его, наряду с возникшими железными дорогами, был морской транспорт, в особенности во время Крымской войны, которая лишила наши порты иностранного угля. Интересно отметить, что ещё до проведения железных дорог часть из небольшого количества добытого угля в Донбассе отправлялась по воде и гужом в Петербург для потребностей Балтийского флота.

В 1857 г. в России было добыто всего лишь 51,7 тыс. *т* каменного угля против 67 533 тыс. в Великобритании (1856 г.), 14 867 тыс. в Германии (1857 г.), 14 686 тыс. в США (1858 г.) и 3 951 тыс. *т* во Франции¹.

Из других отраслей горной промышленности относительное развитие получила у нас добыча меди, соли, золота, серебра и свинца. При наличии богатых залежей медной руды в России добыча меди колебалась от 235 тыс. пуд. в 1830 г. до 410 тыс. пуд. в 1852 г.², и медь служила одним из важных предметов внешней торговли России. Добыча соли составляла в 1860 г. 26 млн. пуд. Добыча золота в России началась лишь с середины XVIII в. и составляла продолжительное время монополию казны. За 30 лет, с 1830 по 1860 г., добыча золота возросла в 4 раза — с 380 пуд. до 1 491 пуда³, в то время как добыча серебра за эти 30 лет систематически снижалась и составила в 1860 г. 1 070 пуд. против 1 282 пуд. в 1830 г.⁴

Из отраслей, получивших интенсивное развитие за первую половину XIX в., следует отметить сахарную промышленность, насчитывавшую уже в 1860 г. 427 заводов⁵ и 65 тыс. рабочих; на этих заводах было произведено сахарного песка больше 1 млн. пуд. Первый свеклосахарный завод был построен в России в 1802 г. в Тульской губернии под опекой правитель-

¹ См. «Горный журнал» т. IV, 1878, стр. 208.

² См. «Военно-статистический сборник», вып. IV — «Россия», 1871, стр. 287.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, 1886, группа VII, стр. 6—7, 14.

ства, выдавшего заводчику ссуду в 50 тыс. руб. на 20 лет¹. В 30-х и 40-х годах наблюдался интенсивный рост заводов: в 1839 г. было основано 29 сахарных заводов, в 1847 г. — 31 завод и в 1858 г. — 36 заводов.

Из других отраслей, игравших более или менее значительную роль в экономике России, были кожевенная промышленность (14 тыс. рабочих), стекольная (11,5 тыс.), писчебумажная (12,8 тыс.), табачная (6 тыс. рабочих) и др.

Феодализм в силу некоторой заинтересованности крестьян в труде содействовал развитию производительных сил, однако возможности повышения производительности труда при феодализме были крайне ограничены как самой организацией общественного труда, так и низкой рутинной техникой. Промышленность развивалась до начала промышленного переворота главным образом количественно, рост техники и производительности труда, за исключением отдельных отраслей, был очень незначительный. Так, например, затраты труда на одну условную тонну чугуна в 1660 г. составляли 183 часа, а в 1723 г. — 171 час, или за 63 года снизились меньше чем на 10%.

Отрасли, основывавшиеся на вольнонаёмном труде, и в первую очередь хлопчатобумажная, дали значительное увеличение выработки за первую половину XIX в. Именно ролью этих отраслей и надо объяснить в первую очередь значительное увеличение производительности труда.

ДИНАМИКА ГОДОВОЙ ВЫРАБОТКИ НА ОДНОГО РАБОЧЕГО
В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Годы	В руб. серебром	В руб. 1913 г.	В %	Индекс цен (1913 г.=100)
1804	264	156	100	169,6
1825	223	195	125	114,6
1845	287	269	172	106,5
1863	663	764	490	86,9

«В среднем за десятилетие до 1825 г. прирост выработки был не выше 11—12%, с 1825 по 1845 г. — до 17% за десятилетие, после 1845 г. — до 78% за десятилетие. Подобных скачков в приросте и вообще столь высоких темпов производительности труда не знала российская промышленность ни

¹ См. «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, 1886, группа VII, стр. 6.

раньше, ни после 1845—1860 гг., не достигая и половины этих темпов даже в годы наивысшего расцвета капитализма»¹.

Такие темпы роста производительности труда могли иметь лишь отдельные отрасли промышленности, в которых в это время происходило внедрение машин; вся же промышленность с учётом добывающих её отраслей дала значительно меньшее увеличение производительности труда. Кроме того, не следует забывать о несовершенствах промышленной статистики в то время; поэтому крайне необходимо для выяснения динамики производительности труда обратиться к рассмотрению движения натуральных показателей выработки рабочего.

Относительно большим ростом производительности труда в дореформенное время характеризовалась хлопчатобумажная промышленность, основывавшаяся уже в начале XIX в. почти полностью на эксплуатации вольнонаёмного труда.

Как мы уже указывали, предприятия хлопчатобумажной промышленности уже в начале XIX в. были довольно крупными мануфактурами, что способствовало развитию разделения труда, этому важнейшему фактору увеличения производительности труда. Именно растущее разделение труда и начавшееся применение машин на основе эксплуатации вольнонаёмного труда определили значительное увеличение производительности труда в хлопчатобумажной промышленности России ещё в дореформенный период.

ДИНАМИКА ВЫРАБОТКИ ОДНОГО РАБОЧЕГО В ГОД
НА БУМАГОТКАЦКИХ ФАБРИКАХ ЗА 1804—1860 гг.

Годы	Выработка на одного рабочего (в аршинах)	Годы	Выработка на одного рабочего (в аршинах)
1804	733	1829	1 443
1814	663	1850	1 898
1819	809	1857	2 119
1820	970	1858	1 994
1826	1 255	1859	2 623
1827	1 652	1860	2 930
1828	1 412		

Конечно, эти данные о выработке на одного рабочего имеют несколько условный характер уже потому, что на протяжении

¹ С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, 1944, стр. 45.

этого отрезка времени изменялся ассортимент тканей. Кроме того, исчисление продукции, произведённой на фабриках, крайне затруднительно ещё и потому, что возможен повторный счёт продукции и т. п. Всё же они дают основание для вывода об относительно быстром росте производительности труда; последняя увеличилась в 1860 г. по сравнению с 1804 г. примерно в 4 раза. На изменение годовой выработки рабочего могли оказать влияние многие факторы, в частности увеличение отработанного времени в течение года и т. п. Однако основной причиной такого роста был начавшийся в хлопчатобумажной промышленности переход от мануфактуры к фабрике, означавший растущее применение в ткачестве механических ткацких станков, а каждый такой станок заменял 5—6 ручных станков. Конечно, и в этой отрасли рост производительности труда сильно тормозили господствовавшие в стране крепостнические отношения: ей не хватало вольнонаёмных рабочих; внедрение машин происходило относительно медленно уже потому, что машинному производству нужны были квалифицированные, грамотные ткачи, которых не мог дать в достаточном количестве крепостной строй.

Рассмотрим движение производительности труда в других отраслях промышленности. В 1804 г., как указывал А. Семёнов, на 7 сахарных заводах России при 108 рабочих было произведено 42,8 тыс. пуд. сахара, или на одного рабочего 396 пуд.¹ Далее А. Семёнов указывал на производство сахара в 1814 и 1825 гг.: в 1814 г. при 252 рабочих было произведено 573,4 тыс. пуд. сахара, а в 1825 г. при 1374 рабочих — 974,3 тыс. пуд. сахара. Количество рабочих, указанное А. Семёновым для 1814 г., неточно, это подтверждает подсчёт числа рабочих на отдельных сахарных заводах. В 1814 г. на 51 сахарном заводе было 1 035 рабочих, в том числе 963 вольнонаёмных и 72 крепостных. Следовательно, годовая выработка сахара на одного рабочего в 1814 г. равнялась 554 пуд., а в конце первой четверти XIX в. — 709 пуд. Накануне уничтожения крепостного права, в 1860 г., годовая выработка сахара на одного рабочего равнялась по учётному кругу заводов около 708 пуд.² Если за первую четверть XIX в. наблюдалось значительное повышение выработки рабочего в сахарной промышленности (на рафинадных заводах), то с 1825 г. вплоть до крестьянской реформы, повидимому, не произошло заметных изменений, несмотря на некоторые технические

¹ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 3, 1859, стр. 482.

² Исчислено по «Обзору различных отраслей мануфактурной промышленности России», т. I, 1862, стр. 68—75. Приложение.

улучшения, произведённые на рафинадных заводах. Это объясняется главным образом тем, что за рассматриваемый период повысилась доля помещичьих сахарных заводов, основанных на крепостном труде и характеризовавшихся более низкой производительностью труда по сравнению с купеческими заводами, действовавшими на коммерческих началах. В условиях внедрения машин в сахарную промышленность низкая эффективность барщинного труда проявилась в полной мере. «Барщинная работа в свеклосахарном производстве, — читаем мы в одной статье 50-х годов, — если она не основана на взаимном соглашении заводчика с крестьянами... невыгодна потому, что работник... не быв нисколько заинтересован в успешном ходе промышленности, и напротив, находя прямую выгоду в том, чтобы её совсем не было, он исполняет работы как-нибудь. От этого в заводе, основанном на барщинной работе, требуется больше работников и времени... С тех пор, как существует у нас свеклосахарная промышленность, ещё ни один завод, действовавший на коммерческом основании, не закрыл своего производства, между тем, как другие, работавшие барщиною, закрылись...»¹

Другой автор, характеризуя в конце 50-х годов XIX в. производительность барщинного труда в свеклосахарной промышленности, писал, что крестьяне, приневоленные работать на заводах барщиною, считают этот труд более обременительным для себя, чем работы на поле и в лесу. И заводчик от таких работников имеет мало прибыли. Принимаясь за дело неохотно, они исполняют заданные им работы кое-как, а при удобном случае и вовсе уклоняются от них. Этому нельзя и удивляться, во-первых, потому, что заводские работы не по их вкусу, а во-вторых, потому, что они за свой труд не всегда получают вознаграждение, только за излишние дни, определённые барщиною, им дают и то не более 15 коп. в сутки, но большей частью эти излишние дни обращаются в зачёт за их семейства, за извозы и другие господские работы.

О производительности труда на заводах, вырабатывавших сахарный песок, мы располагаем следующими материалами: в «Журнале мануфактур и торговли» приведены были губернские данные о рабочих и продукции свеклосахарных заводов. Суммируя итоги 23 губерний, получаем, что в 1848 г. было произведено на 307 действовавших заводах 796 тыс. пуд. сахара при 4 599 постоянных и 40 562 сезонных рабочих, что даёт около 18 пуд. сахара на рабочего². По отдельным заводам

¹ «Журнал мануфактур и торговли», ч. 1, 1853, стр. 154, 155.

² См. «Журнал мануфактур и торговли», 1849, ч. IV, стр. 419—423.

этот уровень выработки крайне различен, в частности на паровых заводах свеклосахарной промышленности производительность труда была значительно выше, чем на огневых. Некоторые исследователи считают годовую выработку одного рабочего на сахаропесочных заводах в это время несколько более высокой.

Металлургическая промышленность, по вполне понятным причинам, пользовалась особым вниманием царского правительства, в результате чего процент рабочих невольноработоработников в этой отрасли был очень высок. Выше мы уже связывали с этим фактом медленный прогресс техники и производительности труда в горной, в частности в металлургической, промышленности.

В самом деле, в 1660 г. годовая выработка условного чугуна на одного рабочего в России равнялась 16,4 т, в 1723 г. — 17,5 т и в 1863 г. — 21,7 т. За 200 с лишним лет производительность труда в чёрной металлургии увеличилась всего лишь процентов на 30. Увеличение производства чугуна достигалось, стало быть, главным образом не за счёт роста производительности труда, а за счёт увеличения числа рабочих. Особенно низкой выработкой на одного рабочего отличались казённые заводы. Так, например, Демидов на своих заводах производил вдвое больше железа, хотя к его заводам было приписано вчетверо менее крестьян, чем к казённым. Такое положение наблюдалось не только в этой отрасли промышленности, но и в ряде других. Так, годовая добыча медной руды одним рабочим в среднем за 4 года, 1860—1863 гг., на казённых уральских заводах была значительно ниже, чем на частных, и соответственно в таком же положении было и производство меди.

Крепостной труд сильно тормозил рост производительности труда, рост производительных сил в народном хозяйстве, в частности в металлургии. А. П. Заблоцкий-Десятовский в своей интересной записке «О крепостном состоянии в России», относящейся к 1841 г., отмечая «дурное качество нашего крепостного труда», сообщал, что в Оренбургской губернии на одного работника в год приходилось 144 пуда производимого чугуна, а в некоторых графствах Англии — 312,5 пуда чугуна¹. Следовательно, крепостническая Россия далеко отставала от капиталистической Англии к середине XIX в. не только по объёму металлургического производства, но и по производительности труда в этой важной отрасли промышленности.

---

¹ См. А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселёв и его время, т. IV, 1882, стр. 295.

Динамика производительности труда в отдельных отраслях промышленности была неодинаковой: относительная роль вольнонаёмного труда, степень внедрения машин и т. д. влияли на кривую производительности в промышленности. В некоторых отраслях индустрии на протяжении коротких периодов достигалось значительное повышение выработки рабочего, вызываемое обыкновенно специфическими обстоятельствами, связанными, например в отраслях горной промышленности, с эксплуатацией лучших рудников. Это, например, имело место в золотодобывающей промышленности.

В «Горном журнале» в первой половине XIX в. печатались материалы о числе рабочих и продукции на некоторых приисках. С 1842 по 1849 г., т. е. за 8 лет, на приисках, дававших от общей добычи золота в России около 35%, среднегодовая добыча золота одним рабочим составляла 414 г, т. е. немного более фунта, причём значительно более высокая добыча золота на одного рабочего характерна для рудников Восточной Сибири, имевших повышенное против других районов содержание золота в песке. В 1860 г. в золотопромышленности России насчитывалось 41 957 рабочих, в том числе в Восточной Сибири — 27 824, в Западной Сибири — 3 045, на Урале — 11 088 рабочих; добыча же золота в этом году равнялась 24 423 кг, или на одного рабочего 582 г. В других отраслях горной промышленности, в том числе в медной, имелось значительное повышение выработки рабочего. Годовая добыча меди на одного рабочего возросла в 1825 г. до 12,6 пуда против 6,7 пуда в 1814 г.¹

В химической промышленности крепостной России темп роста производительности труда по десятилетиям измерялся в 24,3%². Этот рост, как мы увидим ниже, был значительно меньшим, чем в эпоху промышленного капитализма.

Каков же был средний рост производительности труда в промышленности феодальной России? Хотя и имеются данные о стоимости произведённой промышленной продукции и числе рабочих, в частности для середины XVIII столетия, тем не менее ответ на поставленный вопрос очень труден. Трудность, помимо неточностей в учёте числа рабочих и стоимости продукции, состоит также и в том, что цены на промышленные товары менялись и часто в противоположных направлениях, но в целом индекс промышленных цен в первой половине XIX в. снижался.

¹ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 3, 1859, стр. 483.

² См. «Труды Белорусского института народного хозяйства», вып. 1, 1939, стр. 134.

В 1765 г. было произведено в России фабричных изделий на 5 млн. руб. серебром при 37 862 рабочих (1763 г.), а в 1854 г., т. е. почти через 90 лет, сумма промышленной продукции равнялась уже 151 985 тыс. руб. серебром при 459 637 рабочих; годовая выработка на одного рабочего равнялась в 1765 г. около 130 руб. серебром, а в 1854 г. — около 330 руб. серебром¹. Цены на промышленные изделия за это время изменялись как в сторону снижения, так и повышения, но в общем индекс промышленных цен снизился. Грубо можно считать, что производительность труда за эти 90 лет повысилась в обрабатывающей промышленности примерно в 3 раза.

Движение производительности труда по отдельным отраслям промышленности было неравномерным. Более быстрым ростом характеризовалась хлопчатобумажная промышленность. Относительно быстрый рост производительности труда в хлопчатобумажной промышленности, в которой капиталистическая организация сложилась до крестьянской реформы, влиял на темпы роста производительности труда во всей русской промышленности. Однако рост производительности труда в обрабатывающей промышленности не мог оказать решающего влияния на динамику производительности труда во всём народном хозяйстве, так как господствующее место в экономике России занимало сельское хозяйство, и уровень общественной производительности труда в крепостнической России определялся в основном производительностью труда сельскохозяйственного населения, которое перед крестьянской реформой хотя несколько и уменьшилось, но всё же составляло свыше 90 %. Таким образом, основная масса населения была занята производством хлеба, на это затрачивалось большее количество труда, чем на производство всякого другого продукта.

Рост промышленности и железнодорожного транспорта во второй четверти XIX в. вызвал к жизни акционерную форму в промышленности и на транспорте. Это было обусловлено тем, что уже тогда рост капиталистического производства вступал в противоречие с узкими границами индивидуального капитала. Акционерные общества, объединявшие капиталы многих лиц, создавали условия для проведения сравнительно крупного строительства в промышленности и на транспорте. Собственно впервые акционерные компании возникли в России ещё во второй половине XVIII в., но они не играли тогда существенной роли; лишь во второй половине XIX в., в 30-х и в

---

¹ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 3, 1859, стр. 257—258, 492—493, 502—505.

особенности в конце 50-х годов, началось интенсивное, преимущественно промышленное, учредительство: в 1857 г. было организовано 14 акционерных обществ в промышленности, в 1858 г. — 39, в 1859 г. — 20 акционерных обществ.

РАЗВИТИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ ¹

Годы	Учрежде- но компа- ний	Годы	Учреж- дено компа- ний
1822	1	1849	1
1827	1	1851	1
1833	1	1852	1
1835	4	1853	5
1836	2	1854	3
1838	3	1855	1
1841	1	1856	6
1844	1	1857	14
1846	1	1858	39
1847	2	1859	20
1848	3		

Возникали акционерные предприятия в сахарной, мыловаренной, текстильной и других отраслях промышленности; в 1836 г. была учреждена акционерная компания Царскосельской железной дороги. За 1831—1840 гг. всего учреждено было 38 акционерных обществ, в том числе в сахарной промышленности — 6, в текстильной — 5, в страховом деле — 3, в судоходстве — 2; из 18 обществ, образованных в 1841—1850 гг., 7 приходилось на страховое дело. Из 108 акционерных обществ, созданных за период учредительской горячки второй половины 50-х годов XIX в., 25 обществ приходилось на судоходство, 14 — на текстильную промышленность, 8 — на железнодорожное строительство, 7 — на торговлю и т. д. Наиболее крупные общества были организованы на железнодорожном транспорте: из общего капитала в 317 млн. руб. вновь созданных за это пятилетие акционерных обществ — 177,8 млн. руб., или больше половины, приходилось на железные дороги с их 8 обществами. Таким образом, акционерные общества создавались в дореформенной России главным образом в сфере промышленности, железнодорожного и водного транспорта, в то время как в пореформенной России

¹ См. «Указатель экономический», 1860 г., вып. 4, № 160, стр. 61.

акционерные общества начинают играть всё большую роль в создании банков и других кредитных учреждений.

В 1859 г. учредительство несколько снижается под влиянием разразившегося кризиса, оно ещё более снижается в 1860 г.

«Уже с 1858 г., — писал профессор Безобразов, — начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются, внутри России, в решительный кризис... Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать: оно слишком всем известно: ...место безграничного увлечения акционерным делом заступила или настоящая паника, или полнейшее равнодушие»¹.

---

¹ В. П. Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, 1863, стр. 23—24.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Процесс разложения феодально-крепостнических отношений отразился на структуре и динамике населения страны, выразившись в частности в снижении удельного веса крепостного населения по отношению ко всему населению страны, в уменьшении естественного прироста крепостного населения и т. д.

Люди, трудящиеся, являются главной производительной силой всякого общества, поэтому численность населения имеет огромное значение для экономического развития страны. А. Смит даже писал, что «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности её населения»¹. Некоторые учёные, как, например, русский академик М. Ковалевский, считали, что главным двигателем экономической эволюции является рост населения.

В действительности изучение экономической истории различных стран показывает, что рост населения, плотность его и т. д., оказывая влияние на развитие страны и общества, не являются, однако, основным, определяющим фактором.

Насколько был запутан буржуазной экономической наукой и демографией вопрос о населении, показывает хотя бы господствовавшее у писателей прошлого века представление, что в древности земля прокармливала будто бы гораздо большее число людей, чем в эпоху, в которую они жили. Монтескьё, например, в одном издании своих «Персидских писем» считал, что это число людей в пятьдесят раз более, а в другом

---

¹ А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, 1935, стр. 65,

издании «Писем» — в десять раз более, чем в его время. В «Духе законов» он просто говорил, что в древности все страны были переполнены жителями. Другие писатели считали, что число людей на земном шаре было всегда одно и то же¹.

Представитель классической политической экономии В. Петти (как и многие другие учёные) считал, что государство тем богаче, чем гуще население в нём. «Редкое население — подлинный источник бедности. Страна, имеющая 8 млн. жителей, более чем вдвое богаче страны, где на такой же территории живёт только 4 млн.»². В противоположность В. Петти Мальтус, как известно, видел в быстром росте населения главную причину бедности народов.

В книге «Опыт о законе народонаселения», опубликованной в 1798 г., Мальтус писал, что выдвинутый им закон народонаселения состоит в «постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, распложаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи».

Замедленный рост средств существования, по Мальтусу, определялся законом убывающего плодородия земли, позднее развитым Рикардо, Миллем и другими буржуазными экономистами. По мнению Мальтуса, во всяком обществе «...средства существования при самых благоприятных условиях для труда ни в каком случае не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии», а так как население размножается значительно быстрее, чем средства производства, то многие люди делаются лишними.

Апологетический смысл надуманного Мальтусом «закона» заключается в том, чтобы реабилитировать капитализм, доказать, что бедственное положение трудящихся является якобы результатом «естественного закона» абсолютного перенаселения и что никакими социальными изменениями нельзя устранить нищету и голод народных масс.

Маркс и Энгельс, раскрыв законы общественного развития, разоблачили ложную мальтусовскую теорию народонаселения.

Теория Мальтуса не была оригинальна; по словам К. Маркса, она представляет «...ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат из Дефо, сэра Джемса Стюарта, Таунсенда, Франклина, Уоллеса и т. д.»³

¹ См. Франческо С. Нити, Народонаселение и общественный строй, 1898, стр. 7—8.

² В. Петти, Экономические и статистические работы, т. I—II, 1940, стр. 27.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 622, Примечания.

Мальтузианство оказало большое влияние на буржуазную экономическую науку и государственных деятелей. Даже Чарльз Дарвин считал своё учение не чем иным, как учением Мальтуса, перенесённым на животное и растительное царство. Ч. Дарвин не замечал, что он своей теорией происхождения видов опровергал учение Мальтуса.

«Дарвин в своем превосходном сочинении, — писал К. Маркс, — не видел, что он опровергает теорию Мальтуса, открывая в царстве животных и растений «геометрическую» прогрессию. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он уоллесовскую геометрическую прогрессию человека противопоставляет химерической «арифметической» прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например, в обсуждении причин вымирания видов, заключается и детальное — не говоря об его основном принципе — естественно-историческое опровержение мальтусовской теории»¹.

Мальтузианство имело многих сторонников среди буржуазных экономистов и позднейшего времени. С помощью мальтузианских теорий они объясняли кризисы, безработицу, нищету трудящихся. Антинаучный мальтусовский «закон» абсолютного народонаселения широко используется современными буржуазными идеологами англо-американского империализма.

В своё время К. Маркс прослеживал движение населения и материального производства. Сравнивая темпы роста населения и богатства Англии за отдельные периоды XIX в., К. Маркс делал вывод, что возрастание населения не поспевало за прогрессом промышленности и богатства.

К. Маркс показал, что, несмотря на более быстрый рост производства по сравнению с населением в Англии, положение рабочего класса не только не улучшалось, но ухудшалось.

«Огромная по отношению к населению производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям возрастания стоимости этого все нарастающего капитала»².

Движение народонаселения определяется соответствующим способом производства. Всякому способу производства

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, 1936, стр. 209.

² К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 277.

свойственны свои законы населения. «Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»¹.

Подобную мысль высказывал неоднократно и В. И. Ленин.

«Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из *однородных* явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах»².

Несколько позднее, в полемике с сисмондистами, В. И. Ленин писал:

«Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»³.

Товарищ Сталин, развивая дальше марксистско-ленинское учение о роли народонаселения в общественном развитии, указывает, что рост населения не может являться главной силой развития общества.

«Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, — писал товарищ Сталин, — более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается»⁴.

Движение и структура населения России в период разложения крепостнического способа производства представляют огромный интерес. Разложение феодально-крепостнического способа производства отразилось не только на основных отраслях народного хозяйства России, но и на движении её народонаселения: уменьшился удельный вес крепостного населения по отношению ко всему населению страны, снизился естественный прирост населения и в особенности крепостного населения. Наша страна имела некоторые особенности и в динамике населения, особенности, определяемые всем своеобразием эко-

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 637.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 433.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 157.

⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 549.

номических, исторических и географических условий её развития.

Более или менее достоверные данные о численности населения России имеются лишь с начала XVIII в., т. е. со времени проведения так называемых ревизий¹; до ревизий производились различные описания земель и жившего на них населения, описания, заносимые в так называемые писцовые и переписные книги. Несмотря на отсутствие достоверных сведений о населении, статистики делают различные попытки определить численность его; по некоторым таким данным, численность населения Киевской Руси составляла около 4—5 млн. человек. Конечно, эти цифры весьма условны и могут дать лишь самое общее представление. Динамика и структура населения феодальной России претерпевали глубокие изменения. Феодальный гнёт, низкий уровень развития производительных сил, часто повторявшиеся, как следствие в значительной степени голодных лет, эпидемии, многочисленные войны и т. д. — всё это сильно отражалось на движении населения.

Монгольское нашествие вызвало большую гибель населения. К. Маркс писал, что татары «...установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения. Так как в сравнении с их колоссальными завоеваниями они были немногочисленны, то... путем повторной резни они уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу»².

Вообще же надо иметь в виду, что данные о численности населения России до эпохи Петра I крайне ориентировочны и часто противоречат друг другу. П. Смирнов определял численность населения в середине XVI в. около 3 млн. человек и в конце XVI в. — около 4,5 млн.³ П. Милюков определял

---

¹ Первые зачатки переписей населения отмечаются ещё в Киевской Руси (см. *Н. Д. Чечулин*, Начало в России переписей, 1889). Первая так называемая ревизия была произведена при Петре Великом в 1719 г. и была закончена не ранее 1727 г., вторая продолжалась с 1743 по 1756 г., третья — с 1761 по 1767 г., четвёртая — с 1781 по 1787 г., пятая — в 1794 г., шестая — в 1811 г. и не была окончена ввиду войны 1812 г., седьмая — в 1815 г., восьмая — в 1833 г., девятая — в 1850 г. и десятая — последняя — в 1857 г.

Эти ревизии не дают полного представления о численности населения уже потому, что значительная часть населения (дворяне, войско, духовенство и т. д.) не входила в ревизию, не говоря о том, что от этих ревизий, преследовавших главным образом финансово-податные цели, население всячески уклонялось и т. д. (см. *А. Гурьев*, Природа, население, капитал — три фактора народной производительности, 1903, стр. 82).

² *К. Маркс*, Secret diplomatic history, 1899, p. 78.

³ См. *П. Смирнов*, Русская история в очерках и статьях, т. II, стр. 69.

численность населения в середине XVI в. в 10—11,5 млн. человек, а Вейнберг определял численность населения в 1613 г. в 8,9 млн.¹ Английский статистик Мэлхолл явно ошибочно оценивал численность населения Московского государства в 1480 г. всего лишь в 2,1 млн. человек, в 1580 г. — в 4,3 млн.², а Шницлер насчитывал в 1462 г. 6 млн. жителей³. Лишь за позднейшее время имеются более достоверные сведения. В XVIII в. появляются в России замечательные документы, характеризующие политику в области народонаселения: трактат М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении Российского народа» и «Наказ» Екатерины II. М. В. Ломоносов в этом своём оригинальном произведении, говоря о необходимости и целесообразности для России быстрого роста населения, указывал на препятствия, мешавшие быстрому росту населения, и способы устранения этих препятствий⁴.

В специальной главе екатерининского «Наказа» — «О размножении народа в государстве» высказываются различные идеи в области политики народонаселения. В статье 265 «Наказа» указывается на особую важность для России быстрого роста населения: «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает ещё чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ни же обработаны. Итак, не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве».

В «Наказе» высказывается мысль, что количество населения в стране зависит от экономического состояния государства. «При великом благополучии государства легко умножается число граждан», — читаем мы в статье 272 «Наказа». — «Но страна, которая податями столь много отягчена, что рачением и трудолюбием своим люди с великою нуждою могут найти себе пропитание, через долгое время должна обнажена быть жителей».

Далее указывается на ряд мероприятий, способствующих росту населения. В статье 281 «Наказа» указывается: «В Риме накладывали наказание на лиц, не вступивших в брак, награждали имевших детей, но это не соответствует православным законам».

---

¹ «Известия Русского географического общества», 1915, стр. 402.

² *Mulhall*, The dictionary of statistics, p. 441.

³ *Schnitzler*, L'Empire des tsars au point actuel de la science, 1862, t. II, «La population», p. 58—59.

⁴ Подробнее см. М. Птуха, Очерки по истории статистики в XVII—XVIII вв., 1945; см. также И. К. Сухоплюев, Взгляды Ломоносова на политику народонаселения, 1911.

В век М. В. Ломоносова и «Наказа» динамика населения в России была следующей (в млн. человек)¹:

Годы	Население в границах петровской России	Население на присоединённой территории	Всего
1722	13,0	1,0	14
1742	14,6	1,4	16
1762	17,3	1,7	19
1782	19,3	8,7	28
1796	22,2	13,8	36

Из этих данных видно, что рост населения шёл в эти годы как за счёт естественного прироста, так и за счёт присоединённых территорий.

Прирост населения проходил неравномерно в отдельных частях России: более быстрый рост наблюдался в южной и юго-западной части страны. Также была очень различна и плотность населения: лишь в центральной части России (Московская губерния) плотность достигала в 1724 г. 29,4 человека на 1 кв. версту, в Киевской губернии она равнялась 11,2 человека, а в остальных была значительно меньше. Феодалы, господствовавшие в России, с их замкнутостью и натуральным характером производства тормозили рост городского населения, удельный вес которого в общей численности населения составлял в 1724 г. всего лишь 3%, а в 1796 г. — 4,1%. Более быстрый рост городского населения, отражавший растущее общественное разделение труда в стране, наблюдался в первой половине XIX в. Так, в 1812 г. городское население по отношению ко всему населению составляло 4,4%, в 1835 г. — 5,8 и в 1851 г. — 7,8%.

В начале XIX в. в России насчитывалось уже 634 города². Среди них преобладали, как это видно из нижеследующей таблицы, мелкие города. В Москве имелось 200 тыс. жителей, а в Петербурге — 330 тыс.

¹ См. К. Герман, Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, 1819, стр. 41—42; см. также К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. 1, 1818, стр. 49—51.

² См. К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. 1, 1818, стр. 66—92.

ГОРОДА С ЧИСЛОМ ЖИТЕЛЕЙ ¹					
От 70 тыс.	до 30 тыс.				5
» 30	»	» 10	»		30
» 10	»	» 5	»		89
» 5	»	» 2	»		234
» 2	»	» 1	»		145
Менее 1 тыс.					129
<hr/>					
Итого городов с населением					
от 70 тыс. и ниже . . . 632					

Перед крестьянской реформой имелось в Российской империи уже 678 городов, 28 посадов и местечек. Городское население под влиянием роста промышленности и товарных отношений достигало 5,7 млн. человек².

Росло общественное разделение труда, яснее вырисовывалась хозяйственная физиономия отдельных районов страны.

Как уже указывалось, рост населения страны обуславливался не только естественным приростом, но и присоединением ряда территорий (Грузия, Финляндия, Закавказье) к Российскому государству.

Численность населения России в начале XIX в. составляла около одной пятой населения Европы; за 60 лет XIX в. население феодально-крепостнической России увеличилось в два раза³. Население капиталистической Англии и Уэльса за это время увеличилось немного более чем в два раза, Германии — примерно на 70 %, в значительно меньшей степени возросло население Франции. Высокие темпы роста населения наблюдались в США, что обусловлено было прежде всего широкой иммиграцией, получившей особенно большой размах во второй половине XIX столетия.

Движение населения России в первой половине XIX в. было далеко не равномерным. В годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г., ежегодный прирост составлял около 300 тыс. человек; в 50-х же годах он равнялся от 500 до 700 тыс. и больше. Расширение территории, прямые и косвенные потери населения, связанные с войнами, влияние голодных лет и т. д. — основные причины колебаний ежегодных приростов населения. В 1813 г. число умерших, по некоторым дан-

¹ Исчислено по книге К. Арсеньева «Начертание статистики Российской империи», ч. I, 1818, стр. 66—92.

² См. «Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.», 1858, стр. 222—234.

³ См. «Статистический ежегодник России 1916 г.», вып. 1, 1918, стр. 85.

ным, даже превышало число родившихся¹. Это явилось следствием войны 1812 г. Как правило, в неурожайные годы значительно возрастала смертность, в результате прирост населения уменьшался. Другие факторы, как, например, иммиграция и эмиграция, не имели у нас существенного значения. Эмиграция из России усилилась лишь во второй половине XIX столетия; что же касается иммиграции, то в допетровские времена переселение иностранцев в Россию было явлением крайне редким; лишь в XVIII и XIX вв. усилилась иммиграция в Россию (южные славяне, немцы и т. д.), но всё же относительное значение как эмиграции, так и иммиграции в движении населения России ничтожно.

Важнейшее влияние на увеличение численности населения в России оказывала рождаемость. Россия первой половины XIX в. выделялась высоким коэффициентом рождаемости; ни в одной крупной европейской стране не было таких коэффициентов рождаемости, как в нашей стране.

Так, за десятилетие 1851—1860 гг. коэффициент рождаемости (на каждые 100 жителей) во Франции равнялся 2,6, в Пруссии — 3,8, в Англии — 3,4, в Швеции — 3,6, а в России — 5,24². Вместе с этим в России был и высокий коэффициент смертности, к тому же последний за рассматриваемый отрезок времени возрастал. Крепостничество и в этом отношении задерживало рост производительных сил России.

Об изменении коэффициента естественного движения населения России за дореформенные годы даёт представление следующая таблица³:

Годы	На 100 жителей		
	рождаемость	смертность	естественный прирост населения
1801—1810	4,37	2,71	1,66
1811—1820	4,00	2,65	1,35
1821—1830	4,27	2,75	1,52
1831—1840	4,56	3,36	1,20
1841—1850	4,97	3,94	1,03
1851—1860	5,24	3,94	1,30

¹ См. «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. II, 1897, стр. 185.

² См. там же, стр. 179—182.

³ См. там же, стр. 182.

В результате быстрого роста смертности естественный прирост населения снизился, но по сравнению с другими странами естественный прирост населения в нашей стране, несмотря на высокую смертность, оставался всё же высоким.

Быстрому росту населения следует придать важное значение в экономической истории России. Правда, социально-экономические и исторические условия не давали возможности этой быстро возраставшей массе труда достигнуть соответствующей производительности, что задерживало общий рост производительных сил страны.

Как мы уже указывали, законы народонаселения могут быть правильно поняты лишь в связи с данной системой хозяйства. В России в этот период господствовала феодально-крепостническая система хозяйства.

Значительную часть населения страны составляли крепостные крестьяне. По десятой ревизии крепостное население Европейской России составляло 37,5%¹, в то время как по восьмой ревизии оно равнялось 45, по второй — свыше 50% всего населения страны.

Таким образом, удельный вес крепостного населения снизился, но всё же оно составляло в Европейской России почти 40% населения, а в отдельных губерниях России ещё больше.

Так, процент крепостного населения ко всему населению составлял в 1859 г. в Смоленской и Тульской губерниях 69, Могилёвской — 65, Калужской — 62, Минской — 60, Нижегородской — 59, Владимирской и Киевской — 58, Костромской, Витебской и Ярославской — 57, Волынской и Рязанской — 56, Псковской — 54, Тверской — 51.

В некоторых губерниях крепостных не было. Крепостное население концентрировалось преимущественно в старых губерниях Московского государства, в то время как на окраине России — в Приуралье, Поволжье, на юге и севере страны, в Сибири — численность крепостного населения была незначительна. В некоторых губерниях, как, например, Архангельской, Енисейской, Тобольской, Иркутской, крепостное население составляло даже меньше одного процента от общей численности населения этих районов.

Известный русский статистик К. И. Арсеньев насчитывал для 1812 г. 10,5 млн. помещичьих крестьян, 6,7 млн. казённых, 570 тыс. удельных и крестьян разных ведомств 180 тыс.; купцов — 119 тыс., мещан — 750 тыс.² Интересно, что К. И. Арсеньев делит всё население на два класса — «класс производящий» и

¹ См. А. Тройницкий, Крепостное население в России по 10-й народной переписи, 1861, стр. 49 и 83.

² См. К. И. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. 1, 1818, стр. 63—64. Взято только мужское население.

«класс непроеизводящий». К первому он относит всех тех, «кои спосбствуют посредственно или непосредственно умножению народного богатства, каковы: земледельцы, мануфактуристы или ремесленники и купцы». Ко второму же классу принадлежат все, «живущие на счёт первого класса, каковы: духовенство, дворянство, чины гражданские и военные, войско сухопутное и морское, служители и прочие». Всего он «непроеизводящего класса» насчитывал более 2 млн. человек, в том числе дворянства — 225 тыс., духовенства — 215 тыс., военных — 1 млн. и т. д.

Е. Зябловский делал следующий вывод о соотношении в тогдашней России производящих и непроеизводящих работников: «Класс производящий содержится к непроеизводящему, как 14 к 1»¹.

Для характеристики структуры населения перед крестьянской реформой 1861 г. воспользуемся следующими данными. Правда, они не дают полной картины деления населения по классам общества, но общее представление о сословной структуре населения крепостной России по ним можно себе составить.

По данным десятой ревизии, в 49 губерниях² Европейской России насчитывалось 59 330 тыс. жителей, в том числе помещичьих крестьян было 21 164 тыс., государственных крестьян — 20 050 тыс. (т. е. лишь на 1 млн. с небольшим меньше, чем крепостных, помещичьих крестьян), удельных крестьян — 2 070 тыс., горнозаводских крестьян — 267 тыс. и крестьян других ведомств — 2 450 тыс.; дворовых людей, по этим данным, насчитывалось 1 383 тыс. Имелась огромная армия непроеизводительного населения — дворовые люди. По восьмой ревизии, число дворовых равнялось 4,14% всех помещичьих крестьян, а по десятой — уже 6,79%: число дворовых людей возросло в стране с 914,5 тыс. душ до 1 467,4 тыс. душ³. Особенно был велик процент дворовых людей в земледельческих губерниях, доходивший в Екатеринославской губернии до 21, в Курской, Харьковской и Херсонской — до 24⁴.

Классу крестьян противостоял второй основной класс феодально-крепостнического общества — помещики-дворяне. Дворян потомственных имелось по этим данным 610 тыс., дворян личных и чиновников — 277 тыс., духовенства разных исповеданий — 602 тыс. Следующими двумя крупными группами

¹ Е. Ф. Зябловский, Российская статистика, ч. 1, 1842, стр. 28.

² См. «Статистические таблицы за 1858 г.», 1863, стр. 174, 272, 273.

³ См. А. Тройницкий, Крепостное население России по 10-й народной переписи, 1861, стр. 57—58.

⁴ См. А. Е. Лосицкий, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, журнал «Образование» № 11-а, 1906, стр. 202.

населения являлись так называемые мещане — 3 553 тыс. человек и военное сословие (военные поселенцы — 1 119 тыс., войска регулярные — 620 тыс., войска иррегулярные — 542 тыс., бессрочно отпускные — 479 тыс., отставные солдаты — 291 тыс. и женщины военного сословия — 1 553 тыс.).

Таким образом, наибольшую группу населения составляли помещичьи крестьяне, затем государственные, потом удельные и крестьяне других ведомств.

Перед реформой 1861 г. свыше 90 % всего населения страны приходилось на сельское население, на деревню, поэтому проблемы народонаселения в дореформенной России тесно переплетались с крестьянским вопросом, с вопросом о крепостном праве.

Наличие крепостного права тормозило развитие производительных сил, поскольку крепостничество задерживало и рост населения страны. Уже в начале XIX в. крепостное население росло медленнее остального населения; так, с 1815 по 1835 г. ежегодный прирост всего населения в стране составлял 1,4 %, а крепостного крестьянства — только 0,9 % ¹.

Крепостничество тормозило рост производительных сил и тем, что оно уменьшало массу труда, ибо среди крепостных крестьян имелось на сотню 10—20 человек больных ².

Крепостническая система стояла преградой на пути роста производительных сил России.

¹ См. «Архив истории труда в России», кн. 8, стр. 22.

² См. «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI, 1814, стр. 35.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

РОСТ ТОВАРНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Возникновение торговли на Руси уходит в далёкое прошлое. «...Не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет собою исторически древнейшую свободную форму существования капитала»¹.

В. И. Ленин, рассматривая экономические причины слияния феодальных княжеств в Московском государстве к XVII в., писал, что оно «...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

Вопрос о торговле, т. е. о внутреннем рынке, есть вопрос о степени развития товарного производства, степени общественного разделения труда. Размер внутреннего рынка определялся степенью развития товарного производства и капиталистических отношений. По мере роста городского населения, товарности сельского хозяйства, превращения рабочей силы в товар и т. д. внутренний рынок возрастал. Значение торговли, как внутренней, так и внешней, в хозяйственной жизни России возросло в первой половине XIX в. Сдвиги в общественном разделении труда, рост промышленности, и в первую очередь в центральной части страны, разложение натурального хозяйства, усиление товарно-денежных отношений и т. д. содействовали росту внутреннего и внешнего рынков. При этом характер внутреннего дореформенного рынка вполне отражал экономику крепостной России: торговля

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 337.

² В. И. Ленин, Соч., т. I, изд. 4, стр. 137.

происходила преимущественно в форме ярмарок, отличаясь, по причине отсутствия железных дорог, широкого кредита и т. д., медленностью своего оборота; перевозка товаров осуществлялась гужом и по воде. Только позднее, по мере развития капитализма, по мере создания железных дорог, широкого развития кредита, банков и т. д., была уничтожена замкнутость и ограниченность внутреннего рынка. Большое расширение товарного обращения, которое предшествует, как известно, товарному производству, наблюдалось уже в первой половине XIX в. и особенно интенсивно — во второй четверти, когда происходило резкое углубление кризиса крепостнических отношений.

Помещики всё в большей степени начинали производить хлеб на продажу. По некоторым данным, в 50-х годах оборот хлеба составлял примерно одну пятую от всего производства.

Нельзя отрицать роль торгового капитала в разложении феодально-крепостнического способа производства. Но это не означает ни в коей степени признания торгового капитала главным двигателем экономического развития России. Теория «торгового капитализма», отражающая «экономический материализм» её авторов, ничего не имеет общего с исторической действительностью.

Наряду с хлебом в товарообороте играли важную роль другие продукты сельского хозяйства и изделия обрабатывающей, в первую очередь хлопчатобумажной и кустарной, промышленности.

Определить размер внутренней торговли в дореформенное время крайне трудно из-за абсолютной неизученности этого вопроса. Одно ясно, что внутренний рынок, несмотря на довольно быстрый рост внешнего рынка, имел первенствующее значение. По исчислениям тогдашнего статистика, профессора Арсеньева, оборот внутренней торговли равнялся 900 млн. руб., а оборот внешней — только 235 млн. руб. Для 1831 г. Е. Зябловский определял оборот внутренней и внешней торговли в 1378 млн. руб. и при этом отмечал, что «внутренняя торговля есть важнее внешней по своей цене»¹.

В условиях отсутствия железнодорожного транспорта большую роль в развитии внутренней торговли играли судоходные реки — важнейшее в то время средство связи между отдельными районами страны наряду с гужевым транспортом. Одним из показателей товарного обращения является

---

¹ Е. Ф. Зябловский, *Российская статистика*, ч. 2, 1842, стр. 155, 165.

развитие транспорта, рост перевозки грузов. За 1828 г. по главным судоходным путям империи было доставлено товаров: по Вышневолоцкой системе к Петербургу — на 100 млн. руб., по Тихвинской — на 38 млн., по Марийской — на 14,5 млн., по системе Северной Двины — на 10 млн., по Оке — на 8,5 млн., по Каме вниз с Пермской пристани — на 22 млн., с главных пристаней по Волге от Рыбинска до Астрахани — на 54 млн., по Днепру вместе с реками Березиной, Сожью и Десною — на 10 млн., по Западной Двине — на 16 млн., а всего — на 282,3 млн. руб.

Развитие промышленного производства требовало соответствующего транспорта; потребности расширения товарооборота и товарно-денежных отношений в свою очередь настоятельно требовали улучшения транспорта.

В начале XIX в. строится ряд новых каналов, улучшаются Мариинская и Тихвинская водные системы, зарождается пароводное движение на реках. Развитие внутренней и внешней торговли вынуждало обратить внимание и на улучшение сухопутных дорог. К 1835 г. было сооружено 6 485 вёрст шоссейных дорог. Москва как важнейший экономический центр страны была соединена шоссейными дорогами с Петербургом, Харьковом, Нижним-Новгородом, Ярославлем, Рязанью и Брест-Литовском. Известный знаток железнодорожного транспорта профессор А. Чупров вполне правильно писал: «Россия, вследствие обширности её территории и отдалённости мест производства важнейших продуктов от мест их потребления и вывоза, едва ли не более нуждалась в улучшенных путях, нежели остальные европейские страны»¹.

Развитию внутреннего рынка в частности мешало отсутствие рельсового транспорта.

Первая железная дорога в России, имевшая практическое значение, была сооружена в 1834 г. на Урале. Прогрессивные деятели Мордвинов, Сперанский всячески поддерживали идею сооружения железных дорог в противовес, например, Канкрину и другим реакционерам, препятствовавшим этому важнейшему мероприятию. К 1848 г. была построена Варшаво-Венская железная дорога.

---

¹ А. Чупров, Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношение к интересам страны, 1875, стр. 10.

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ В 1838—1860 гг. (в км)
(БЕЗ ФИНЛЯНДИИ)**

Годы	Открыто железно- дорожных линий за год	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года	Годы	Открыто железно- дорожных линий за год	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года
1838	27	27	1853	45	1 049
1845	117	144	1854	—	—
1846	134	278	1855	—	—
1847	90	368	1856	—	—
1848	14	382	1857	121	1 170
1849	—	—	1858	—	—
1850	119	501	1859	166	1 336
1851	503	1 004	1860	290	1 626
1852	—	—			

Таким образом, перед крестьянской реформой в России имелось свыше 1,5 тыс. км железнодорожных путей. Огромное экономическое значение имела постройка железной дороги Москва — Петербург, соединившей Москву с важнейшим центром хозяйственной и политической жизни страны.

Железные дороги имеют не только экономическое, но и стратегическое значение. Исходя главным образом из последних соображений, было приступлено к строительству Петербургско-Варшавской железной дороги. Эта дорога, а также Московско-Нижегородская были открыты для движения в 1862 г. Железная дорога, соединившая Москву с Нижним, одним из торговых центров России, с Волгой, и проходившая через районы страны с развитой промышленностью, имела большое экономическое значение. По сравнению с потребностями России строительство железных дорог было далеко не достаточным. Крымская война особенно наглядно это подтвердила. После окончания Крымской войны к железнодорожному строительству начинают привлекаться частные, в том числе иностранные, капиталы. Ф. Энгельс писал К. Марксу в 1856 г.: «Россия импортирует капитал, а с ним и спекуляцию; при ее же расстояниях и стомильных железных дорогах спекуляция непременно примет такие размеры, что скоро приведет к краху»¹.

Особенно интенсивное железнодорожное строительство в России начинается лишь после уничтожения крепостного пра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 134.

ва, тормозившего общий рост развития народного хозяйства страны, в том числе и развитие средств транспорта.

Частный капитал в строительстве железных дорог начал играть доминирующую роль в первые два десятилетия после крестьянской реформы; в дореформенный же период большая часть железных дорог, как это видно из нижеследующей таблицы, была построена за счёт казны.

ПРОТЯЖЁННОСТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ, ПОСТРОЕННЫХ ЗА СЧЁТ
КАЗНЫ И ЧАСТНЫХ ОБЩЕСТВ
(в км)

Периоды	Дороги, построенные	
	казной	частными обществами
До 1840 г.	—	27
1841—1850 гг.	473	—
1851—1860 гг.	545	547

Города играли наряду с ярмарками большую роль в развитии дореформенного внутреннего рынка. Торговый оборот таких городов, как Москва, Петербург, Архангельск, Казань, Ярославль, Нижний, Рыбинск, Воронеж, Тобольск, Томск, Иркутск и др., был весьма значительным и возрастал по мере роста населения.

О значительном увеличении товарных отношений свидетельствует рост числа ярмарок и их оборотов, рост числа купцов всех гильдий и т. д. Через ярмарки проходила значительная часть товарооборота страны, ярмарки были распространены в своё время и в странах Западной Европы. Несмотря на известные неудобства ярмарочной торговли (огромные потери времени, порча товаров, резкие колебания цен и т. д.), в России она в первой половине XIX в. играла очень большую роль. Причины развития ярмарочной торговли заключались в обширности территории России, в низкой плотности её населения, слабом развитии путей сообщения, кредита и т. д. В 1831 г. насчитывалось 1 705 ярмарок, на которые было привезено товаров на сумму 563 млн. руб. Размер их оборотов виден из следующей таблицы:

ЧИСЛО И РАЗМЕР ОБОРОТОВ ЯРМАРОК¹

Группы ярмарок по стоимости привоза на них товаров на сумму рублей	Количество ярмарок	На этих ярмарках всего		В среднем на одну ярмарку		В процентах к итогу		
		привезено товаров (в тыс. руб.)	продано товаров (в тыс. руб.)	привезено товаров (в тыс. руб.)	продано товаров (в тыс. руб.)	количество ярмарок	привоз товаров	продажа товаров
От 10 млн. до 140 млн. . .	10	303 000	55 750	30 300	5 575	0,6	54,8	27,1
» 3,5 » » 10 » . .	10	55 100	17 000	5 510	1 700	0,6	9,8	8,2
» 1 » » 3,5 » . .	44	81 400	30 540	1 850	694	2,6	14,5	14,8
Итого ярмарок с привозом свыше 1 млн. руб. . . .	64	439 500	103 290	6 867	1 614	3,8	78,1	50,1
Прочие ярмарки с привозом товаров меньше чем на 1 млн. руб.	1 641	123 500	102 710	75	63	96,2	21,9	49,9
Всего ярмарок. . .	1 705	563 000	206 000	330	121	100	100	100

Самой большой ярмаркой в России и крупнейшей в Европе была Нижегородская (проходившая с 10 июля по 15 августа), перенесённая сюда из города Макарьева в 1817 г. Нижний-Новгород, расположенный при впадении Оки в Волгу и находящийся почти на рубеже Европы и Азии, имел все предпосылки для интенсивной ярмарочной торговли.

На Нижегородской ярмарке можно было найти всё, что только производили в то время промышленность и сельское хозяйство.

«Значением своим она обязана всего более счастливому географическому положению Нижнего-Новгорода: здесь Ока вливается в Волгу и, таким образом, связывает самые промышленные, населённые коренным русским народом, губернии с одной стороны — с Балтийским морем и Западной Европой, с другой — с Центральной Азией. Недалеко отсюда впадает в Волгу наибольший из её притоков — Кама, связывающая

¹ Таблица составлена по книге Е. Ф. Зябловского «Российская статистика», ч. 2, 1842, стр. 157—164. Данные относятся к 30-м годам.

Нижний-Новгород с отдалёнными северными и северо-восточными краями России, с Уралом и Сибирью. Таким образом, Нижний оказывается средоточием нескольких бассейнов, где происходит самое сильное встречное движение судоходства вверх и вниз по Волге и где она течёт среди наиболее энергических промышленных и торговых поселений. Уже в самой отдалённой древности на этом пространстве Волги проявлялась оживлённая торговая деятельность; собственно же начало Макарьевской ярмарки можно считать с 1624 г., когда она установилась при Макарьевском Желтоводском монастыре, в 80 верстах ниже Нижнего...»¹

Наряду с русскими заводчиками и купцами на Нижегородской ярмарке участвовал широко и иностранный торговый капитал, особенно греческий, турецкий, персидский, немецкий и английский. Основные товары русского производства, представленные на ярмарке, были: хлопчатобумажные изделия, железо, сукна, меха, хлеб, кожи и т. д. От хода реализации бумажных изделий на этой ярмарке зависела в значительной степени работа текстильных фабрик Иванова, Шуи, Кохмы, Москвы и др.

Широко были представлены на ярмарке товары из европейских стран, как то: шерстяные, шёлковые и бумажные ткани, краски, товары косметические, инструменты и т. д.

Азиатские страны привозили главным образом чай (Китай), хлопок, пряжу (Бухара), ковры, платки, шёлковые изделия (Персия) и т. д.

Стоимость привезённых и проданных товаров на Нижегородской ярмарке резко колебалась за отдельные годы. В целом привоз товаров на Нижегородскую ярмарку увеличился за рассматриваемые годы (1817—1861) в 4—5 раз, что свидетельствовало о росте внутреннего рынка в дореформенной России.

Крупными ярмарками с привозом товаров на сумму свыше 10 млн. руб. были: Крещенская, Успенская и Покровская — в Харькове, Ростовская — в Ростове Ярославской губернии, Ильинская — в Полтавской губернии, Ирбитская — в Пермской, Коренная — в Курской, Онуфриевская — в Бердичеве, Парская — в Костромской губернии.

Привоз товаров на Ирбитскую ярмарку возрос с 1840 по 1861 г. в 4 раза, и она в 50-х годах занимала второе после Нижегородской ярмарки место².

¹ «Военно-статистический сборник», вып. IV, 1871, стр. 648.

² См. там же, стр. 661.

ДИНАМИКА ПРИВОЗА И ПРОДАЖИ ТОВАРОВ НА ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКЕ

Годы	Привезено	Продано	Годы	Привезено	Продано
	(в тыс. руб.)			(в тыс. руб.)	
1840	12 232	7 632	1851	35 830	28 741
1841	12 800	9 479	1852	30 854	25 362
1842	14 044	7 887	1853	36 955	29 262
1843	14 484	10 363	1854	37 296	29 164
1844	17 023	12 625	1855	23 343	17 601
1845	20 222	17 426	1856	20 678	18 541
1846	26 934	22 246	1857	17 969	17 141
1847	28 090	23 642	1858	41 764	38 847
1848	31 151	26 902	1859	44 789	42 628
1849	32 534	25 701	1860	49 928	45 620
1850	35 893	25 331	1861	47 620	42 370

Важнейшее место среди товаров, привозимых на Ирбитскую ярмарку, занимали сырые кожи и обработанный кожевенный товар, меха, чай, железо, медь, сало, мёд, масло, хлопчатобумажные и льняные ткани.

В начале 60-х годов в городах Европейской России имелось 1 127 ярмарок и 4 768 ярмарок сельских¹.

В каждом более или менее значительном экономическом районе имелаь ярмарка, через которую торговцы осуществляли сбыт и закупку товаров. Особенно много ярмарок было в губерниях Украины. Так, в Харьковской губернии имелось 77 городских и 525 сельских ярмарок, в Полтавской — 63 и 388, в Черниговской — 52 и 164 и т. д. На ярмарках Украины продавались текстильные, металлические и другие товары, производимые в мануфактурах, фабриках и крестьянских промыслах центральных (Московская, Владимирская, Нижегородская и др.) губерний страны. С Украины же поступали туда сельскохозяйственные продукты — пшеница, сало, масло, шерсть, позднее сахар и т. д.

При относительно низком уровне экономического развития страны ярмарки имели большое значение, поскольку плохие пути сообщения мешали периодическому подвозу товаров во все районы страны. С развитием железнодорожного строительства, развернувшегося интенсивно после крестьянской реформы, значение ярмарочной торговли начало сильно сни-

¹ См. «Статистический временник», серия 1, 1866, стр. 158—159.

ИНДЕКСЫ ОПТОВЫХ ЦЕН В ПЕТЕРБУРГЕ¹

(1913 г. = 100)

Годы	Сельскохозяйственный индекс			Промышленный индекс		
	животно- водство (3 товара)	растение- водство (12 това- ров)	общий (15 това- ров)	кожевен- но-обув- ной (2 товара)	хлопчаточ- бумажные изделия (3 товара)	общий (26 това- ров)
1803	—	—	—	23,7	374,0	171,6
1813	33,7	43,0	40,0	26,1	368,5	161,8
1823	38,7	41,9	40,8	40,7	241,8	116,4
1833	34,6	41,7	39,4	31,3	227,4	107,1
1843	38,4	47,0	44,2	35,8	234,2	111,5
1853	42,4	55,7	54,4	42,9	143,2	84,6
1863	50,6	69,5	63,4	52,3	115,7	86,9

жаться. Железные дороги оказали глубокое влияние на развитие внутреннего и внешнего рынка путём привлечения к торговле ранее незатронутых районов.

Развитие транспорта способствовало также уничтожению огромных разрывов цен на товары, существовавших в отдельных районах страны. Вообще же динамика цен в дореформенной России изменялась так: цены на сельскохозяйственные товары повышались, а на промышленные изделия снижались.

За 50 лет оптовые цены на товары сельскохозяйственного производства повысились примерно на 50%, общий же товарный индекс на промышленные товары снизился раза в 2, причём цены на ткани хлопчатобумажной промышленности, в которой имелся наибольший рост производительности труда в этот период, снизились в 3 раза с лишним.

Выше мы уже указывали на то, что внутренний рынок имел в России большее значение, чем внешний, хотя при этом надо учитывать, что существует известная условность понятий о границах между внутренним и внешним рынком. «Если Средняя Азия — внутренний рынок, а Персия — внешний, то куда отнести Хиву и Бухару? Если Сибирь — внутренний рынок, а Китай — внешний, то куда отнести Манчжурию?»² — писал В. И. Ленин.

Расширение товарного производства, развитие капиталистических отношений всё больше и больше втягивали Россию

¹ См. С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, 1944, стр. 34.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522.

в систему мирового рынка. В связи с этим внешняя торговля приобретала новое содержание и значение для экономики феодально-крепостной России. Помещики стали всё большую часть хлеба производить на продажу, в частности для внешнего рынка. Рост товарности сельского хозяйства подрывал основы крепостнической экономики. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старомо режима»¹.

Значительная часть хлеба вывозилась на заграничные рынки, на которых за Россией закреплялась роль экспортёра сельскохозяйственных товаров. Общая динамика (среднегодовая) русской внешней торговли в дореформенные годы XIX в. была следующей²:

ДИНАМИКА РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Годы	В тыс. руб. (1 руб. = 1/10 империала)		Вывоз больше (+) или меньше (-) привоза
	вывоз	привоз	
1801—1805	75 108	52 765	+ 22 343
1806—1808	43 169	31 819	+ 11 350
1812—1815	61 986	39 106	+ 22 880
1816—1820	91 712	70 049	+ 21 663
1821—1825	81 372	72 250	+ 9 122
1826—1830	85 715	79 657	+ 6 028
1831—1835	94 319	80 999	+ 13 320
1836—1840	118 435	101 096	+ 17 339
1841—1845	132 323	119 864	+ 12 459
1846—1850	151 757	131 522	+ 20 235
1851—1855	133 173	129 962	+ 3 211
1856—1860	225 594	205 866	+ 19 728

Торговые обороты подвергались большим колебаниям в результате изменений таможенной политики, неурожаев, неустойчивости международных отношений и т. д. Всё же размер внешней торговли России за этот период увеличился в 3 с лишним раза. За большинство лет имелся активный торговый баланс, правда, в 1820, 1821, 1826, 1848, 1849, 1851 и 1855 гг. ввоз превышал вывоз. Либеральный тариф 1819 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 158.

² См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XXXIV.

способствовал в известной степени усилению привоза иностранных товаров в Россию в последующие годы, в то время как введение континентальной блокады задержало рост товарооборота.

Русская статистика внешней торговли разделяла вывозимые и ввозимые товары на 4 основные группы: 1) жизненные припасы, 2) сырые и полуобработанные материалы, 3) животные, 4) изделия. В начале века, в 1802—1804 гг., в экспорте удельный вес первой группы равнялся 19,4%, второй — 70,1, третьей — 2,1 и четвертой — 8,4%. Основную роль в экспорте играли сельскохозяйственные товары — зерно и мука, лён, пенька, семена, скот, сало, шетина и т. д.; значительную роль играл экспорт леса и мягкой рухляди.

Среднегодовой вывоз хлеба (пшеница, рожь, ячмень и овёс) изменялся следующим образом (в тыс. пуд.):

1801—1805 гг. . . .	19 873	1831—1835 гг. . . .	18 469
1806—1810 » . . .	5 120	1836—1840 » . . .	28 831
1811—1815 » . . .	9 089	1841—1845 » . . .	27 205
1816—1820 » . . .	29 635	1846—1850 » . . .	51 211
1821—1825 » . . .	10 671	1851—1855 » . . .	45 396
1826—1830 » . . .	23 950	1856—1860 » . . .	69 254

В результате увеличения спроса на хлеб экспорт его увеличивался. Стоимость вывезенного хлеба составляла в пятилетие, предшествовавшее крестьянской реформе, от стоимости всего экспорта России свыше одной трети. Конечно, частые неурожай, а также таможенная политика стран, ввозивших русский хлеб, очень влияли на динамику экспорта. Всё же экспорт хлеба составлял незначительную долю его производства. По исчислениям экономиста Протопопова, оборот хлеба (внутренний и внешний) составлял около одной пятой всего производства (59½ млн. четвертей из 250) ¹. Некоторые другие статистики также считали, что оборот хлеба составлял около одной пятой его производства.

На долю экспорта в начале XIX в. приходилось немного более 1% урожая основных хлебов. Этот процент повысился в пятилетие (1850—1855) до 2,4 и в 1856—1860 гг. — до 5.

Россия в первой половине XIX в. делается главным поставщиком хлеба для мирового рынка. Русской пшеницы много ввозила в частности Англия, в особенности после отмены хлебных законов.

К. Маркс писал, что особенно быстро возрос вывоз хлеба из России после того, как в 1846 г. в Англии были отменены

¹ См. Д. Протопопов, О хлебной торговле в России, «Журнал министерства государственных имуществ», ч. 5, кн. 3, 1842, стр. 93, 99, 100.

хлебные законы, ограничивавшие ввоз русского хлеба на английский рынок. «...Ввоз из России в Англию вследствие отмены хлебных законов в огромной степени возрос»¹. В статье «Международные обзоры» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что высокие цены на хлеб в первой половине 1847 г. вследствие неурожая и картофельной болезни также способствовали росту хлебного ввоза в Англию² вообще и в частности ввоза русского хлеба.

Снижение хлебного экспорта в 1851—1855 гг. против предыдущего пятилетия было результатом главным образом начавшейся в 1853 г. Крымской войны.

Позднее сильным конкурентом России на хлебном рынке явились Соединённые Штаты Америки.

Структура русского экспорта и её динамика видны из следующей таблицы (см. табл. на стр. 97).

Перед крестьянской реформой стоимость вывозимого хлеба составляла 35,1% стоимости всего экспорта. Второе место принадлежало пеньке, правда, значение её в экспорте снизилось в 1856—1860 гг. до 4,9%; крупную роль играл вывоз сала, льна, хотя роль их в вывозе тоже уменьшилась, как и льняных изделий. Вместе с хлебом увеличилась в экспорте роль семян, шерсти и некоторых других товаров. Крайне интересно указать на резкое в рассматриваемый период уменьшение в экспорте роли металлов и изделий из них, в то время как железо играло большую роль в русском экспорте в XVIII в. В результате изобретения плавки чугуна на каменном угле производство чугуна в европейских странах (Англия, Германия, Франция) и США резко увеличилось, в России же в первой половине XIX в. производство чугуна возрастало слабо, в силу чего доля её в мировом производстве сильно уменьшилась, а потребность других стран в русском чугуне снизилась. Следовательно, стоимость продуктов земледелия и животноводства занимала подавляющую часть стоимости всего экспорта из России в это время. Продукция обрабатывающей промышленности занимала лишь несколько процентов во внешнем товарообороте и направлялась почти исключительно в азиатские страны; роль промышленных товаров в экспорте в этот период даже была меньше, чем в конце XVIII в. Это в свою очередь является одним из показателей крайне медленного развития русской промышленности в условиях крепостного хозяйства первой половины XIX в.

Из других предметов экспорта, игравших сравнительно небольшую роль, укажем на меха, продукты животноводства, лес, шетину и т. д.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 210.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 221—222.

ВЫВОЗ ГЛАВНЕЙШИХ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ (1802—1860 гг.).¹

В среднем за годы	Вывоз главнейших товаров в процентах к общей стоимости вывоза																
	всего хлебов, зерно- вых	семена всякие	масло растительное	лен	пенька	лесной товар вся- кий, кроме дерева	сало животное	шестина	скот живой всякий	мягкая рухлядь	кожи выделанные и юфть	кожи невыделан- ные	шерсть в сыром виде	изделия		металлы, кроме зо- лота, серебра и платины	поташ
														льняные и пень- ковые	бумажные		
1802—1805	20,2	3,6	1,7	10,8	17,5	2,3	14,7	1,0	1,9	3,2	2,9	0,2	0,05	5,7	...	5,5	1,2
1806—1807	15,3	3,4	1,0	12,1	20,5	1,8	13,1	1,4	1,8	3,1	2,8	0,2	0,04	6,5	...	6,1	2,6
1812—1815	10,5	3,0	1,3	9,0	16,4	1,4	16,7	1,6	1,8	2,9	2,5	0,7	0,2	4,9	0,4	4,1	1,4
1816—1820	31,2	4,7	1,8	8,1	10,0	1,9	16,0	1,4	1,9	2,0	1,7	0,3	0,4	3,4	0,4	4,0	1,8
1821—1825	8,4	3,8	1,4	13,7	12,1	3,8	18,9	2,5	1,2	3,5	2,1	1,0	1,1	5,2	1,0	7,8	2,1
1826—1830	15,7	5,1	1,4	10,7	9,6	3,7	16,4	1,9	1,2	2,7	2,5	1,8	0,7	4,5	2,8	6,0	1,6
1831—1835	14,1	6,4	0,9	9,5	7,8	3,3	19,1	1,6	3,0	2,4	2,4	2,9	2,7	4,3	2,1	5,3	1,3
1836—1840	17,7	8,4	0,5	9,7	9,3	3,3	17,9	1,6	2,1	2,2	1,8	1,7	3,9	3,6	1,6	3,5	0,9
1841—1845	16,4	10,4	0,4	10,3	7,4	3,0	13,7	1,8	2,2	2,9	1,7	1,7	7,2	2,6	2,3	2,3	0,8
1846—1850	31,2	7,4	0,1	8,7	6,5	3,0	12,4	2,2	1,6	2,4	1,3	0,9	4,7	1,6	2,2	1,9	0,7
1851—1855	29,7	8,5	0,4	7,8	6,0	3,8	7,9	1,9	1,3	2,6	1,3	0,6	8,3	0,9	2,9	3,2	0,8
1856—1860	35,1	8,7	0,3	8,4	4,9	3,2	9,2	1,4	1,1	1,7	0,8	1,1	7,5	0,8	2,1	1,5	0,8

¹ Исчислено по книге «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902.

В мировом товарообороте на долю России приходилось в 1800 г. 3,7%, а в 1850 г. — 3,6%, т. е. удельный вес России в мировом товарообороте остался почти без изменения, а к концу XIX в. немного даже снизился — до 3,4%¹. Среди стран, торговавших с Россией, первое место как по экспорту, так и по ввозимым товарам принадлежало Англии. Одна треть всего внешнего товарооборота России принадлежала Англии — 37% по вывозу и 29,2% по привозу. Россия была поставщиком хлеба и сырых материалов — льна, пеньки, шерсти, кож и т. д. — для быстро развивавшейся английской промышленности. Часть сырья, ввезённого из России и переработанного в Англии, ввозилась в Россию уже в виде готовых товаров.

Наряду с Россией, США с 50-х годов XIX в. превращаются также в крупнейшего экспортёра сельскохозяйственных продуктов. Однако вытеснить Россию с мирового хлебного рынка в тот период они не могли. К. Маркс и Ф. Энгельс в 1855 г. отмечают большую роль России в английском экспорте хлеба и сырья. «Русский хлеб и сейчас играет громадную роль в потреблении Англии. Если же Россия завладеет и соседними, производящими зерно странами, то Британия попадет в полную зависимость от России и Соединенных Штатов, и эти две страны явятся регулятором хлебного рынка всего мира»².

Несколько лет позднее К. Маркс отмечал, что «двумя главными экспортными рынками, с которых Англия и Франция могут получать хлеб, являются Соединенные Штаты и Южная Россия»³.

Интересно то, что торговые отношения России с Англией фактически не прекращались даже во время Восточной войны. Посредником в этой торговле выступала Пруссия, экспортировавшая русские товары в Англию через свои порты, используя нейтральные суда. К. Маркс и Ф. Энгельс приводят данные, опубликованные в английской газете «Morning Post», характеризующие значительный рост торговли Англии с Пруссией за счёт экспорта Пруссией русского сырья и хлеба⁴.

Из Пруссии в Англию было вывезено:

	1853 г.	1854 г.
	в центнерах	
Сала	54	253 955
Конопля	3 447	366 220
Льна	242 383	667 879
Льняного семени	57 848	116 267

¹ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XXXVIII.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 379—380.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 140.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 400.

Англия нуждалась в сельскохозяйственных продуктах и должна была разрешить их ввоз, несмотря на строгую блокаду русских портов.

Второе место в торговом обороте России принадлежало Германии (11,4%), третье — Франции (9,8%) и четвертое — Китаю (6,7%).

РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В ТОРГОВЛЕ С РОССИЕЙ¹

Государства	1846—1848 гг.			1846—1848 гг.		
	вывоз	привоз	общий оборот	вывоз	привоз	общий оборот
	в млн. руб.			в процентах		
Англия	59,3	37,2	96,5	37,0	29,2	33,6
Германия	12,8	20,0	32,8	8,0	15,7	11,4
Франция	16,6	11,7	28,3	10,4	9,2	9,8
Китай	9,7	9,7	19,4	6,1	7,6	6,7
Голландия	8,2	9,4	17,6	5,1	7,4	6,1
Дания	17,0	0,4	17,4	10,6	0,3	6,0
Турция	8,4	6,0	14,4	5,2	4,7	5,0
Италия	8,2	3,8	12,0	5,1	3,0	4,2
Австрия	6,5	4,2	10,7	4,1	3,3	3,7
США	2,6	6,3	8,9	1,6	4,9	3,1
Испания и Португалия	0,7	3,7	4,4	0,4	2,9	1,6
Швеция и Норвегия	2,2	2,1	4,3	1,4	1,6	1,5
Прочие страны	8,1	13,0	21,1	5,0	10,2	7,3
Итого	160,3	127,5	287,8	100,0	100,0	100,0

Экспорт России по западной границе составлял около 90% и по восточной — около 10%. В Китай вывозились пушнина, сукна, ткани льняные и хлопчатобумажные, юфть и др. Основным товаром, импортируемым из Китая, был чай, привоз которого в Россию возрос с 45 тыс. пуд. в 1802 г. до 461 тыс. пуд. в 1860 г.

Характерно, что торговый баланс России с восточными странами по азиатской границе в отличие от торговли по европейской границе был всё время пассивным, т. е. Россия ввозила

¹ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, Спб. 1902, стр. XXXVIII—XXXIX.

из Китая, Персии, стран Средней Азии товаров больше, чем вывозила. Притом и структура самого экспорта была иной: если в европейские страны Россия поставляла почти исключительно сырьё, то в восточные страны направлялись преимущественно изделия промышленности. Так, в экспорте в Среднюю Азию (Киргизская степь, Хива, Бухара, Ташкент и Коканд) изделия промышленности составляли за 1851—1853 гг. 75,8%, среди них на первом месте были хлопчатобумажные ткани — на 1 201 тыс. руб. серебром, шерстяные ткани — на 126 тыс., шёлковые ткани — на 26 тыс., юфть и выделанные кожи — на 340 тыс., металлические изделия — на 94 тыс. руб. серебром.

Среди ввозимых товаров впервые в 1816 г. встречаются выделенные самостоятельно машины и аппараты на сумму всего лишь в 35 тыс. руб. ассигнациями. В структуре импорта за первую половину XIX в. произошли значительные изменения, отразившие изменения, происшедшие в русском народном хозяйстве: сильно снизилась доля сахара, тканей и хлопчатобумажной пряжи в стоимости импорта и увеличилась доля хлопка-сырца для относительно быстро растущей хлопчатобумажной промышленности; стоимость ввозимых машин составляла в 1860 г. уже 5,1% всего импорта. В среднем за время 1856—1860 гг. первое место по стоимости среди ввозимых товаров принадлежало уже не готовым хлопчатобумажным тканям, а хлопку-сырцу, ввоз которого с целью поощрения его не облагался таможенной пошлиной до 1840 г., и лишь в этом году была введена небольшая пошлина (25 коп. с пуда), которая оставалась без изменений и по тарифам 1850 и 1857 гг. Второе место среди ввозимых товаров принадлежало красителям, далее машинам и аппаратам, вину, сахару, чаю и т. п. Первое место по стоимости привозимых товаров в Россию принадлежало (см. табл. на стр. 99) Англии — 29,2%, далее следовала Германия — 15,7%, потом Франция — 9,2%, Китай — 7,6%.

Среди ввозимых товаров ткани хлопчатобумажные, шерстяные и шёлковые составляли в начале XIX в. около одной трети, но по мере развития русской текстильной промышленности их роль несколько снизилась; далее, ввозились на значительные суммы сахар, шёлк, вина, красители, сласти, хлопок и пряжа, кофе, табак и т. п. Импортные товары обслуживали главным образом потребности господствующего класса — дворянства.

Внешняя торговля проходила преимущественно по морским границам, и лишь только в середине XIX столетия значение сухопутной границы в торговле заметно возросло. Следует указать, что вывоз и привоз товаров в Россию в большей степени происходил на иностранных судах, что указывает на

слабость русского торгового флота того времени. Из числа судов, приходивших в 1802 г. в русские порты, русские суда составляли всего лишь 7,2%, правда, этот процент поднялся к 1850 г. до 16,6, в то время как английские суда составляли 25,8 и 27,5%, германские — 26,5 и 10,5%.

ПРИХОД СУДОВ ЗАГРАНИЧНОГО ПЛАВАНИЯ
В РУССКИЕ ПОРТЫ¹

(в процентах к общему итогу)

	1802 г.	1850 г.
Английских	25,8	27,5
Германских	26,5	10,5
Русских	7,2	16,6
Шведских и норвежских	11,8	3,9
Датских	9,5	2,2
Турецких	10,9	13,0
Итальянских	—	4,4
Французских	0,4	1,8
Голландских	5,2	6,5
Прочих стран	2,7	13,6
Итого	100,0	100,0

Эти данные свидетельствуют об огромной роли иностранцев в русской торговле. Ещё Посошков во времена Петра I жаловался на засилие иностранных купцов. Россия, не располагая в необходимом количестве торговым флотом, не могла взять в свои руки всю свою внешнюю торговлю.

Торговля велась главным образом через Балтийское море; из 3 710 судов заграничного плавания, пришедших в русские порты, в порты Балтийского моря прибыло 2 786, Чёрного и Азовского морей—706, Белого и др.—236. В связи с усиленным ростом экспорта хлеба, совершавшегося преимущественно через черноморские порты, значение последних быстро возрастало. Из 6 560 судов в 1850 г. в порты Балтийского моря зашло 3 423 и в порты Чёрного и Азовского морей — уже 2 590 кораблей.

Правительственная политика поощряла развитие торговли на Чёрном море. В 1803 г. все таможенные пошлины на ввозимые и вывозимые товары были понижены для Черноморья на 25%.

¹ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, стр. XXXV.

Внешняя торговля не может быть понята без рассмотрения вопросов таможенной политики. Последняя представляет собой очень интересную и вместе с этим важную сторону в экономической истории России. Вся проблема протекционизма и фритредерства может быть правильно понята лишь на фоне анализа конкретных социально-исторических условий развития страны. Таможенная политика России первой половины XIX в. подвергалась довольно частым изменениям под влиянием различных обстоятельств. Несмотря на частичные отступления и временные победы фритредеров, в общем таможенная политика царского правительства на протяжении первой половины прошлого столетия характеризуется или запретительными, или высокопокровительственными принципами: ввоз многих товаров совершенно запрещался, ввоз же других товаров облагался высокими пошлинами. В 1800 г. был совершенно запрещён ввоз многих товаров в Россию — тканей (шёлковых, хлопчатобумажных, льняных и пеньковых), стекла, фарфора и др. Далее, было запрещено торговать английскими товарами, запрещено вывозить в Англию и ввозить из этой страны какие-либо товары. Это, конечно, подрывало торговлю, поскольку Англия была главным потребителем русского сырья и, как мы видели выше, играла первую роль среди других стран в торговле с Россией. Купцы и земледельческое дворянство были недовольны этим решением Павла I, и оно было отменено через несколько дней после его смерти.

Многочисленные войны в начале XIX в. (участие России в коалиции против Наполеона 1805—1807 гг., русско-иранская война 1805—1813 гг., русско-турецкая война 1806—1812 гг., русско-шведская война 1808—1809 гг., Отечественная война 1812 г.) затрудняли внешнюю торговлю и обуславливали частые изменения таможенной политики. Тильзитский мир, по которому Россия присоединялась к континентальной блокаде, оказал большое влияние на таможенную политику. Для России «торговая блокада, — писал Ф. Энгельс, — становилась невыносимой... торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.»¹

Континентальная система просуществовала до 1810 г. Затем было введено новое «Положение о внешней торговле», согласно которому ввоз английских товаров разрешался на нейтральных судах; по этому же «положению» ввоз многих товаров был совершенно запрещён, в частности предметов роскоши, поступавших главным образом из Франции. Это обстоятельство и

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 20.

фактическая отмена континентальной системы обостряли отношения России с Францией.

В 1816 г. был введен новый тариф, в котором было уменьшено число товаров, запрещенных к ввозу в Россию. Через три года вводится общий тариф для империи и Польши, разрешавший к привозу почти все ранее запрещенные товары и снизивший таможенные пошлины. Это был либеральный тариф, введение которого, означая победу точки зрения сторонников свободной торговли, способствовало росту импорта товаров в Россию: в 1820 г. было ввезено товаров на 245 млн. руб. вместо 177 млн. в предыдущем году. Результатом этой политики был пассивный торговый баланс России в 1820 и 1821 гг.

«Внезапный переход к системе, допустившей большую свободу по ввозу к нам иностранных товаров, отразился крайне неблагоприятно на фабрично-заводской промышленности России. Вместе с тем обнаружилось, что иностранные правительства отнюдь не намеревались, как о том говорилось на Венском конгрессе, ввести у себя систему свободной торговли, которая могла бы благоприятствовать нашему вывозу: во Франции введен был таможенный тариф с резко запретительным характером и установлена пресловутая подвижная шкала (*échelle mobile*) для хлебных пошлин; Пруссия повысила пошлины на ввозимые к ней сырые материалы.

Ввиду всех этих обстоятельств Россия признала необходимым изменить свою таможенную политику и возвратиться к запретительным началам»¹.

Здесь перечислены далеко не все причины резкого изменения таможенной политики. Фритредерская политика наносила существенный вред нарождавшейся промышленной буржуазии. Государство, утверждали представители буржуазии, оказывает поощрение изделиям других стран, а собственные предприятия его должны закрыться; земледелие без рынка, промышленность без охраны должны заглохнуть, монета уйти за границу, самые солидные предприниматели не могут этого выдержать.

На тарифную политику оказывали существенное влияние и фискальные соображения правительства, которым оно придавало особенное значение в периоды трудного финансового положения страны. В 1822 г. был введен строго запретительно-протекционистский тариф. По этому тарифу был запрещен ввоз в Россию 3110 различных товаров, другие же товары облагались высокими пошлинами. Строго протекционистское

---

¹ «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 141.

направление таможенной политики, можно сказать, сохранилось до середины XIX в. — до принятия тарифа 1850 г., несмотря на то что тариф 1822 г. подвергался многочисленным изменениям (в 1824, 1825, 1826, 1830, 1838, 1841, 1845 гг.) в направлении главным образом частичной отмены запретительных статей, с заменой их высоким обложением товаров в целях увеличения таможенных доходов.

В 20-х годах XIX в. пошлинный сбор составлял 27% стоимости привезённых товаров в Россию, в 30-х же годах этот процент поднялся до 45, и в 40-х годах он опять снизился до 30¹. Насколько возросли пошлины в первой половине XIX в., следует из того, что в начале века они редко превышали 15% стоимости импорта. Большие таможенные пошлины на ввозимые товары были одной из причин огромных прибылей, получаемых промышленными капиталистами. Как увидим ниже, таможенные пошлины в 50-х годах резко были снижены, и процент таможенного обложения составил к ценности ввезённых товаров в 1851 г. 26,1 и в 1860 г. — уже только 19.

Несмотря на такую резко выраженную протекционистскую политику, ввоз товаров не только не снижался, но, за исключением отдельных лет, систематически увеличивался.

Наметившееся некоторое ослабление протекционистской политики в 40-х годах завершилось под давлением дворянства введением тарифа, по которому по 725 статьям были понижены пошлины, из 89 статей запрещённых товаров были разрешены к привозу 76. С введением этого тарифа протекционистская политика правительства приобретала более умеренный характер.

Введением этого тарифа преследовались следующие цели: «1) Упростить тарифные статьи; 2) улучшить классификацию товаров, с назначением пошлин, более соответствующих ценности облагаемых предметов; 3) поощрить внутреннюю промышленность как через иностранное сотрудничество, так и через уменьшение пошлин на подлежащие обработке предметы и на главные фабричные материалы, как-то: химические произведения и красильные вещества; 4) отменить такие запрещения, которые не оказывались нужными по особо уважительным причинам; 5) понизить некоторые пошлины, которые, превосходя нужную степень покровительства отечественной промышленности, могли вредить правильной торговле и доходам казны через поощрение контрабанды; 6) подобным преобразованием таможенного тарифа оказать некоторое облегчение потребителям и поощрить развитие внешней торговли, предо-

---

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 144—145.

ставив ей более предметов мены, и 7) открыть Государственному казначейству более обильный источник дохода, через допущение к привозу таких предметов, которые вовсе не привозились по причине запрещения, и вообще подготовить переход к системе умеренного покровительства»¹.

Фискальные задачи стояли на одном из первых мест при введении тарифа. В этом тарифе были введены дифференцированные пошлины по границам — более высокие для товаров, ввозимых морем, и более низкие для товаров, привозимых сухопутным путём. Число статей в тарифе было сокращено с 1 176 до 442.

Дополнительное понижение пошлин по сухопутной западной границе было произведено в 1854 г., во время Крымской войны, приостановившей внешнюю торговлю по Чёрному морю.

Фритредерские тенденции особенно были усилены в тарифе 1857 г., который был назван известным финансистом Н. Х. Бунге «светлым экономическим явлением». По этому тарифу пошлины были ещё больше снижены, число запрещённых товаров было уменьшено.

Характерно, что при обсуждении проекта этого тарифа, как и перед принятием тарифа 1854 г., возникали острые разногласия в среде промышленной буржуазии, например между владельцами прядильных фабрик, с одной стороны, и ткацких — с другой.

«Ткацкие фабриканты Бутиков и Елисей Морозов подали прошение (от 20 августа 1853 г.) о понижении пошлины на пряжу для уравнивания выгод прядильщиков и ткачей. К этому присоединилось заявление нескольких ткацких фабрикантов в апреле 1856 г. о понижении пошлины на пряжу, ибо, несмотря на понижение пошлины в 1854 г. до 3 р. 50 к., привоз пряжи продолжает отсутствовать вследствие чрезмерности обложения, а это обстоятельство позволяет прядильщикам назначать произвольные цены; ткацкие фабриканты настаивали на понижении ещё и потому, что их положение подрывают те ткацкие фабрики, которые одновременно занимаются и прядением»².

Против такого домогательства выступили сейчас же бумагопрядильные фабриканты, которые в прошении министру финансов в сентябре 1856 г. заявили: «Относительно дороговизны известно, что ткацкие изделия едва ли не более повы-

---

¹ «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 146.

² М. Н. Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX в., 1911, стр. 161—162.

сились в цене, чем бумажная пряжа; вследствие чрезвычайно большого требования на их товары, ткацкие фабриканты с излишком получают надбавку, сделанную на пряжу; но эта последняя надбавка имеет временный характер вследствие продолжительного бездействия многих прядильных фабрик и сокращения рабочих часов. В 1854 г. ткацкие фабриканты сократили производство, вызвали падение цен на пряжу и остановку многих прядилен, теперь же просят о сбавке пошлины, не дав прядильщикам времени оправиться от потерь».

Все производства русской хлопчатобумажной отрасли, а также и хлопководство развивались под покровом запретительной системы. На протяжении истории хлопчатобумажной промышленности России мы обнаруживаем огромные переплаты фабрикантам за ткани. Лишь за период 1824—1850 гг. эти переплаты составляли около 455 млн. руб. серебром. Нарождающаяся буржуазия меньше заботилась о техническом прогрессе хлопчатобумажной промышленности, а чаще — в интересах конкуренции и в целях увеличения прибыли — обращалась к испытанному средству: повышению государственных таможенных пошлин.

Так, в 1816 г. был выработан тариф, носивший протекционистский характер; в 1819 г. тариф на хлопчатобумажные изделия был сильно снижен, а в 1822 г. составляется новый тариф в ярко протекционистском духе, влияние которого, по-видимому, сказалось на росте бумагопрядильного производства в стране.

До 1840 г. ввоз хлопка-сырца из-за границы не облагался таможенной пошлиной. В 1840 г. было установлено обложение в размере 25 коп. с пуда, причём этот размер пошлины на хлопок оставался без изменения и по таможенным тарифам 1850 и 1857 гг. В 1863 г. ввоз хлопка-сырца был полностью освобождён от пошлин. В 1887 г. царское правительство повысило пошлину на хлопок, а тарифом 1891 г. и последующими тарифами она была увеличена ещё больше.

В 1854 г., поскольку привоз иностранных товаров морем вследствие войны был затруднён, тариф на хлопчатобумажные изделия, привозимые по сухопутной границе, был уменьшён. В 1857 г. тариф на хлопчатобумажные товары был ещё больше понижен.

Размеры пошлин и степень их снижения по сравнению с 1841 г. видны из следующей таблицы:

РАЗМЕР ПОШЛИН ПО ТАРИФАМ 1841 и 1857 гг.¹

	1841 г.	1857 г.
Кофе с пуда	6 р. 10 к.	2 р. 50 к. по морским границам, 2 р. 35 к. сухопутным
Чай с пуда	запрещ.	запрещ.
Сахар-сырец с пуда	3 р. 80 к.	3 руб. морским, 2 руб. сухопутным
Сахар-рафинад с пуда	запрещ.	5 руб. морским, 4 руб. сухопутным
Кожки выделанные с пуда . . .	40 руб.	10 руб. морским, 4 руб. сухопутным
Пряжа льняная с пуда	4 р. 80 к.	3 руб.
Шерсть сырец с пуда	1 р. 90 к.	— 20 коп.
Шерсть пряжа с пуда	4 руб. (некрашен.) } 8 руб. (крашен.) }	4 руб.
Хлопок с пуда	— 25 коп.	— 25 коп.
Бумажная пряжа с пуда	6 р. 50 к. (некрашен.)	3 р. 50 к.
» » » »	8 руб. (крашен.) } 15 р. 20 к. (в адриан цв.) }	5 руб.
Полотно с фунта	1 р. 85 к. и 5 р. 60 к. (по сортам)	25% с цены морем и 20% » » сухоп.
Шерстяные ткани, печатные и набивные с фунта	запрещ.	80 и 160 коп. морским, 79 и 160 коп. сухопутным
Мыло простое с пуда	5 руб.	1 р. 50 к.
Бумажные ткани не прозрачные с фунта	от 83 коп. до 3 р. 50 к. (по сортам)	плотн. { 30 коп. морем, 35 коп. сухопутным
Чугун с пуда	морским запрещено, сухопутным 1 р. 03 к.	{ 15 коп.

¹ «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 151—153.

	1841 г.	1857 г.
Железо полосовое с пуда . .	морским запре-	морским 30
» сортовое » » . .	шено, сухопутным	и 70 коп., сухо-
	1 р. 38 к.	путным 30 коп.
Сода с пуда	30 коп. неочищен.,	10 коп. всякая
	1 р. 50 к. очищен.	
Поташ с пуда	30 коп.	5 коп.
Серная кислота с пуда . . .	1 р. 90 к.	70 коп.
Гончарные изделия с пуда . .	4 р. 65 к.	морским 40 коп.,
		сухопутным
		20 коп.
Чугунные изделия с пуда . .	морским запре-	морским 80 коп.,
	щено, сухопут-	сухопутным
	ным 1 р. 38 к.	50 коп.
Железные изделия с пуда . .	3 р. 60 к.	1 руб.
Свинец в изделиях с пуда . .	12 руб.	1 р. 20 к.
Инструмент для фабрик и ре-		
мёсел с пуда	1 р. 50 к.	морским 80 коп.,
		сухопутным
		50 коп.
Машины с пуда	беспошл.	беспошл.

Из таблицы видно, что пошлины на отдельные товары были значительно снижены. В общем протекционистская политика перед крестьянской реформой носила относительно умеренный характер. Вокруг тарифной политики происходила острая классовая борьба. Требование высоких таможенных пошлин промышленниками обосновывалось благоденствием народа, желанием дать работу рабочим, ремесленникам и т. д.¹

Земледельческое дворянство в большинстве случаев всяческими способами старалось добиться отмены пошлин или в всяком случае снижения их до минимума. Следовательно, решение вопроса о таможенной политике затрагивало одновременно другой вопрос — о дальнейших путях экономического развития, о целесообразности развития промышленности в России и о темпах этого развития. Представители свободной торговли — фритредеры — доказывали, что экономическое развитие страны нужно предоставить естественному ходу событий, что не следует искусственными средствами (таможенные пошлины) форсировать развитие промышленности в России. В своих доводах они опирались на аргументы о преимуществах свободной конкуренции, на принцип о невмешательстве государства в

¹ См. М. Н. Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX в., 1911, стр. 150—156.

экономическую жизнь и т. д. Они заявляли, что в результате высоких пошлин потребитель переплачивает за товары значительные суммы. Потребителем импортных товаров было преимущественно дворянство. Носителем фритредерских принципов выступали министр финансов Гурьев, экономисты Бутовский, Вернадский, Бунге и др. Идеи свободной торговли использовали и идеологи реакционного дворянства. Крепостники-помещики доказывали вредность увеличения числа фабрик в России, а поскольку покровительственный тариф способствует росту капиталистической промышленности, по их мнению, он вреден и не должен применяться. Представители очень различных общественных групп являлись сторонниками свободной торговли.

Одним из первых фритредеров в России был декабрист Н. И. Тургенев. Правда, декабристы далеко не все защищали фритредерскую точку зрения. Так, декабрист Штейнгель осуждал либеральный тариф 1819 г. Он писал Николаю I, что если Москва после 1812 г. быстро восстановилась, «...то не столько помогла тому сия помощь (со стороны правительства. — П. Х.), сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворённых тарифом 1810 г., который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу Отечества. Внезапу сей самый тариф в 1816 г. изменён в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли по крайней мере располагать свои спекуляции на сие императорским словом определённое время; но и в этом ошиблись: в 1819 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкрутились и народ через то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили её тарифом 1823 г., но причинённый вред невозвратен»¹.

Следует, однако, указать, что в политико-экономической концепции декабристов, в частности Н. И. Тургенева, вопрос о таможенной политике являлся частным вопросом при рассмотрении путей развития России.

Защиту протекционистских принципов, так же как и фритредерских, можно встретить у различных представителей русской экономической мысли.

Наиболее полно идеи протекционизма выразил известный русский экономист Н. С. Мордвинов. Мордвинов писал, что Россия, отставшая в своём экономическом развитии от более

---

¹ «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. Бороздина, 1906, стр. 58.

развитых западноевропейских стран, нуждается в осуществлении протекционистской политики.

Н. С. Мордвинов написал специальную работу о тарифе — «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе». Поводом к её написанию и изданию послужили выступления фритредеров в Государственном совете и выход в 1815 г. в свет книги Шторха «Cours d'Economie Politique...» В письме к Александру I с просьбой о разрешении напечатать книгу о тарифе Н. С. Мордвинов писал: «Я рассудил оные напечатать, потому что в недавних числах вышла книга, которая привлекла на себя общее внимание и которая во всех руках находится. В оной много хорошего и основательного, но и много ложного и вредного в отношении России. Сочинитель, предавшись отвлечённым рассуждениям и забыв сопричастные и нераздельные от тарифа виды и обстоятельства, проповедует неограниченную свободу внешней иностранной торговли и советует российскому народу не заниматься ничем иным, кроме земледелия»¹.

В этой работе Н. С. Мордвинов подробно исследует выгоды от применения запретительной системы. В противовес фритредерам он считает, что разрешение ввоза запрещённых ныне товаров повлияет на повышение цен; что если бы промышленник был уверен, что «...иностранные изделия останутся навсегда запрещёнными, то в самое непродолжительное время могли бы мы увидеть устройство множества у нас новых заведений...»² Он указывает, что и в Англии промышленность не сразу достигла цветущего состояния, что свободная торговля могла бы быть полезной лишь тогда, когда все народы уничтожили бы запретительные узаконения по торговле; но начать с России без взаимного и единообразного согласия других держав было бы, по мнению Мордвинова, крайне неосторожно.

Н. С. Мордвинов упрекает в ограниченности тех, кто против заведения фабрик в России; он подробно опровергает тезис, что «Россия не имеет капиталов для умножения фабрик»³. В общем Мордвинов считает, что запретительная таможенная политика приносит следующую пользу:

«I. Капиталы денежные, употребляемые на производство иностранной торговли, оставаясь праздными внутри государства, обращаются на внутреннюю промышленность и домашнее рукоделие.

---

¹ Н. С. Мордвинов, Избранные произведения, 1945, стр. 28.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 106.

- II. Временная дороговизна, неизбежная при начале вос-
прещения, увеличивает прибыли, получаемые от домаш-
него рукоделия...
- III. Плата, производимая за труд иностранный, за работу,
перевозы и прибыль, иностранными торговцами полу-
чаемую, остаётся в государстве и составляет знатный
денежный капитал, превосходящий потребные для за-
ведения фабрик издержки.
- IV. Отвращает предрассудки и пристрастия к чужеземным
изделиям, сопряжённые со вредом для собственных
своих.
- V. Уменьшает роскошество или умеряет вредное действие
и быстрое возрастание оногo.
- VI. Снимает узы, связующие распространение внутреннего
труда, искусства и просвещения...
- VII. Возвышает политическую свободу ослаблением зависи-
мости, в коей необходимо находится народ, не могущий
сам собою удовлетворять собственным потребностям.
- VIII. Способствует и ускоряет введение просвещения, ис-
кусств, всякого полезного и прибыльного труда и слу-
жит к обогащению народному.
- IX. Удерживает иностранный курс от упадка и тем сохра-
няет великие сокровища, при упадке оногo выходящие
за границу.
- X. Уготовляет впредь дешевизну на всё, внутри государ-
ства производимое.
- XI. В настоящее время удерживает от дальнейшего упадка
ассигнации и умеряет дороговизну, которая должна
увеличиться, как скоро курс иностранный упадёт, что
и последует неминуемо по разрешении неограниченного
ввоза иностранных изделий в Россию»¹.

Протекционизм Н. С. Мордвинова основывался на обще-
экономических соображениях, в то время как протекционизм
официального защитника протекционизма графа Канкрин
диктовался главным образом фискальными соображениями.
Последний был противником запретительного тарифа, по-
скольку запрещение снижает доход от таможенных пошлин.
«Таможенные эти пошлины должны быть крайне низки, —
писал Канкрин по поводу требования фритредеров и отвечал
им, — ну, а каким же образом сообразовали бы вы тогда
выжимать у нации миллионы, взамен имеющего упасть до
незначительности таможенного сбора, когда, как водится, всё
обложимое значительно уже обложено?»²

¹ Н. С. Мордвинов, Избранные произведения, 1945, стр. 115—116.

² «Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии»,
1894, стр. 198.

Необходимость протекционизма Канкрин мотивировал и политическими соображениями.

Если бы отменить покровительственные пошлины, то, по мнению Канкрина, «многие фабрики, — мало того, — целые отрасли промышленности должны были бы упасть, и много людей, в особенности в густонаселённых пунктах, остаться без куска хлеба. Последствия такой катастрофы наверно пробудили бы всюду, где существуют покровительственные системы, наивеличайшее и опаснейшее возбуждение в промышленных и рабочих классах, при молчании выигрывающих при этом потребителей и проповедях журналистики на ветер»¹.

Не подлежит сомнению, что покровительственная система способствовала насаждению в России крупной промышленности и притом в капиталистической форме. С этой точки зрения протекционизм в тот период был прогрессивным явлением.

Русскому государству нужны были крупная промышленность, железные дороги и т. д. Поэтому дворянско-крепостническое правительство принялось растить класс русских капиталистов «...посредством обильной государственной поддержки, субсидий, премий и покровительственных пошлин, дошедших мало-по-малу до крайних пределов»².

Конечно, главный вопрос, стоявший перед Россией в первой половине XIX в. и требовавший своего разрешения, был вопрос о ликвидации крепостного права. Поэтому вопрос о тарифе на этом фоне был частным, хотя и очень важным вопросом.

Для России, как говорил Н. Г. Чернышевский, «есть... десятки экономических потребностей более важных»³, чем вопрос о тарифе. Самой главной экономической потребностью России был вопрос об отмене крепостничества, тормозившего рост её производительных сил.

Протекционизм в дореформенной России был только одним из условий промышленного развития страны. С этой точки зрения протекционизм имел существенное значение как фактор насаждения промышленного производства.

Крупная промышленность необходима была для России, что особенно стало ясно после Крымской войны. Промышленность не могла быть создана без покровительственной системы, поскольку в это время Россия отставала в промышленном отношении от ряда стран, в частности от Англии.

---

¹ «Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии», стр. 199.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 251.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1906, стр. 26.

Ф. Энгельс в письме к Николаю Даниельсону писал, что «если она (Россия. — П. Х.) оградила себя стеной покровительственных пошлин, то это вполне естественно, ибо конкуренция Англии принудила к такой политике почти все большие страны; даже Германия, где *крупная промышленность* успешно развивалась *при почти полной свободе торговли*, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов только для того, чтобы ускорить тот процесс, который Бисмарк называл выращиванием миллионеров (Die Züchtung von Millionären). А если Германия вступила на этот путь даже без всякой необходимости, можно ли порицать Россию за то, что для нее *было* необходимостью, раз уж определилось новое направление промышленного развития?»¹

Вся проблема протекционизма и фритредерства может быть правильно понята лишь при учёте конкретно-исторической обстановки той или иной страны; так, К. Маркс указывал, что промышленность Англии нуждалась в свободной торговле, а промышленность Франции (40-е годы) — в охранительных пошлинах.

Ф. Энгельс в другом письме Даниельсону писал: «В одном можно не сомневаться: если Россия действительно нуждалась в отечественной крупной промышленности и твердо решила иметь ее, то она не могла ее приобрести иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма, — и это Вы допускаете. С этой точки зрения вопрос о протекционизме становится тогда только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен»².

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 37.

² Там же, стр. 128.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАССТРОЙСТВО ФИНАНСОВО-ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

Углубление кризиса крепостного хозяйства в первой половине XIX в., медленный рост производительных сил и т. д. осложняли финансовое положение страны. Причину расстройств финансов и денежной сферы надо искать в общих условиях экономического и политического развития страны. Расложение крепостничества проявлялось во всех областях экономической жизни, в том числе и в финансово-денежной системе. Несмотря на рост товарного обращения и товарного производства, всё ещё продолжали господствовать натуральные формы хозяйства, не создававшие прочной экономической основы для развития денежного обращения, хотя рост товарных и капиталистических отношений, рост общественного разделения труда усиливали значение денег в экономике страны. С целью получения денег помещики всячески увеличивали продажу сырья и хлеба, в частности за границу.

Слабая, но всё же растущая связь крестьян с рынком, в большей степени крестьян государственных и оброчных и в меньшей — барщинных, усиливала роль денег в крестьянской жизни, порождая хроническую нужду крестьянина в деньгах.

Страна переживала в первой половине XIX в. тяжёлое финансовое положение, перешедшее собственно ещё со времени XVIII в. Дефицит бюджетов¹ за многие годы, использование печатного станка для выпуска ассигнаций, начатое ещё при Екатерине II, огромные недоимки налогов², свидетельствующие о чрезмерной тяжести налогового пресса на тру-

---

¹ См. И. С. Блюх, *Финансы России XIX столетия*, т. I, 1882, стр. 51—52.

² См. «Сборник Русского исторического общества», т. V, 1870, стр. 230—231.

дящихся и т. д., — все эти явления имели место ещё в конце XVIII в. Но усиление кризиса крепостного хозяйства в первой половине XIX в. и ряд войн привели финансы страны в полное расстройство. По официальным данным, за многие годы первой половины XIX в. бюджет был дефицитным — расходы превышали доходы¹, а надо учитывать, что бюджеты очень часто фальсифицировались. Ф. Энгельс даже писал, что «русские бюджеты не стоят той бумаги, на которой они написаны. Одна только ложь и фальсификация, в гораздо большей еще степени, чем прусские бюджеты до 1848 г.»²

Специалист в области бюджета профессор Боголепов так характеризовал состояние бюджетного дела в дореформенной России:

«О порядках, царивших в русском государственном бюджете до реформы 60-х годов, говорить не приходится, так как в то время порядок был заменён беспорядком»³.

Составление государственной сметы доходов и расходов находилось в неудовлетворительном состоянии. Господствующие классы скрывали состояние финансов от народа, росписи доходов и расходов не обнародовались. Даже профессор Озеров признавал, что «при таких порядках в финансах страны существовала полная анархия»⁴. Налоговая политика носила ярко выраженный классовый характер: господствующий класс почти не платил налогов, переложив их полностью на тощие плечи крепостного крестьянина. Ф. Энгельс вполне правильно замечал, что «...в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все»⁵.

На протяжении всей первой половины XIX в. дефициты носили хронический характер. Из приложения в конце книги (табл. № 2 и 3) можно видеть, что лишь только в 1837 г. бюджет был бездефицитен. Заявление Канкрин о том, что из двадцати проведённых им бюджетов было только шесть дефицитных, не соответствует действительности. На самом деле и все канкринские бюджеты были дефицитны, за исключением одного — в 1837 г.⁶ Весь вопрос заключался в степени дефицитности бюджетов в том или ином году. Хронический характер дефицитности бюджетов — яркий показатель расстройства финансов России в период разложения крепостной экономики,

¹ См. «Министерство финансов 1802—1902 гг.», ч. 1, 1902.

² «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928, стр. 62; см. также о подтасовке цифр в отчётах финансового ведомства у Блиха, стр. 86—87.

³ М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 61.

⁴ И. Х. Озеров, Основы финансовой науки, вып. II, 1910, стр. 34.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 255.

⁶ См. М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 408.

причины которого заложены были в экономическом и политическом положении страны: в слабом развитии производительных сил как результат кризиса крепостной экономики, многочисленных войнах, расходы на которые явно превышали финансово-экономические возможности страны, в заключении царским правительством кабальных внешних займов и т. д. За годы с 1845 по 1861 дефицит в бюджете составил свыше 1 млрд. руб. Какими средствами покрывались эти дефициты? Займы внешние, внутренние и выпуск бумажных денег — вот основные пути покрытия дефицита. Так, дефицит 1848 г. был покрыт внешним займом в 10,5 млн. руб., займом из кредитных установлений — 27,5 млн., из оборотного капитала Комиссии погашения долгов — 9 млн., билетами государственного казначейства — 15 млн. руб. Образовавшийся дефицит в размере свыше 700 млн. руб. с 1853 по 1857 г. был покрыт следующим образом: займами внешними — на 83,8 млн. руб., из кредитных установлений — на 188,6 млн., из оборотного капитала Комиссии погашения долгов — 8,8 млн., выпуском билетов государственного казначейства — 30 млн. и кредитных билетов — на 390 млн. руб.¹ Следовательно, больше половины дефицита бюджета за это время было покрыто путём выпуска бумажных денег.

Ф. Энгельс писал, что «финансы империи, пришедшие в полный беспорядок к концу Крымской войны, стали ухудшаться все более и более. За одним займом заключали другой, так что не было уже другого средства оплатить проценты по старым долгам, как только заключая новые займы»².

Основную часть доходов бюджета составляли подати — подушная, оброчная и налоги — питейный, соляной, таможенный и другие. Если в дореформенный период большую часть в бюджете составляли подушный и оброчный налоги, то уже перед крестьянской реформой первое место в бюджете стал занимать так называемый питейный доход — около 30%. За определённую сумму денег откупщики получали от царского правительства право торговли водкой в определённом районе страны. Прибыль откупщиков от продажи водки была несравненно больше тех платежей, которые они уплачивали в казну. Откупа являлись одной из форм накопления крупнейших богатств в царской России.

В 1827 г. была введена казённая винная монополия, но она опять была вскоре заменена системой откупов. Банкир Блюх признавал, что «экономические последствия откупов для на-

¹ См. Н. Бржецкий, Государственные долги России, 1884, стр. 243—244.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 408.

рода хорошо известны: это было, можно сказать, вторичное его закрепощение».

Великий русский экономист Н. Г. Чернышевский писал: «...откупщик — это чеченец, на несколько часов вторгающийся в поместье... Нет, наше сравнение ещё не полно: разорительный набег уничтожает только жатву и уже готовое богатство жителей, он не портит самой почвы, он не портит нравственных сил ея населения. Откуп делает и это»¹.

Роль таможенных пошлин колебалась в бюджете от 2 до 15% в годы наибольшего обложения импортируемых товаров. По мере развития товарного производства и капиталистических отношений в стране всё большее значение приобретали, как источник покрытия чрезвычайных расходов, выпуск ассигнаций и займы — внешние и внутренние². В своём историческом развитии государственный кредит в России имел специфические формы: порча монеты, займы денег у монастырей, городов, частных лиц, принудительное отбирание ценностей и т. д.³ Кредит являлся одной из форм первоначального накопления капиталов. В первой половине XIX в. внешние займы начинают играть существенную роль в покрытии дефицитов бюджета.

В 1820 г. царское правительство заключает заём с банкирами Берринг в Лондоне и Гоппе в Амстердаме с «платежом ежегодно по 5 на 100». Через два года был заключён новый заём у Парижского дома Ротшильда на тех же условиях; первый заём дал 28,8 млн. серебром, а второй — 32,9 млн. Голландские банкиры кредитовали царское правительство ещё в 1828, 1831 и 1832 гг. Внутренние доходы не покрывали расходную часть бюджета, несмотря на жёсткие методы выколачивания налогов у основного налогоплательщика — крестьянина. Бюджет в этот период весьма часто был дефицитен, а недоимки налогов составляли большие суммы. В 1841 и 1843 гг. согласно указам были открыты ещё два внешних займа по 8 млн. руб. серебром, первый из которых предназначался для устройства Петербургско-Московской железной дороги. Неурожай во многих губерниях России, большие расходы, связанные с интервенцией Николая I в Венгрию, и т. д. расстроили финансы в ещё большей степени. Царское правительство

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. IV, 1906, стр. 242.

² О первых иностранных займах см. С. Соловьёв, История России, т. IX, стр. 85 и т. XII, стр. 240, 251. И. С. Блиох считает, что первый внешний русский заём был получен в Голландии, при Екатерине II, у голландских банкиров (см. И. С. Блиох, Финансы России XIX столетия, т. I, стр. 147).

³ См. Н. Бржеский, Государственные долги России, 1884, стр. 9—46.

наряду с выпуском бумажных денег организует получение нового займа.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 г.: «Россия также не была достаточно богата, чтобы заплатить за свою славу, за которую она к тому же должна была еще заплатить наличными деньгами. Несмотря на свои прославленные золотые рудники на Урале и на Алтае, несмотря на неисчерпаемые сокровища в подвалах Петропавловской крепости, несмотря на скупку ренты в Лондоне и Париже, являющуюся якобы результатом излишка денег, православный царь видит себя вынужденным не только под различными предложениями заимствовать 5.000.000 серебряных рублей из хранящегося в Петропавловской крепости для обеспечения бумажных денег наличного запаса и распорядиться о продаже своих рент на парижской бирже, но и обратиться к недоверчивому лондонскому Сити с просьбой о ссуде в 30.000.000 серебряных рублей»¹.

Крымская война дорого обошлась России, дефицит бюджета за 4 года войны составил 797 млн. руб. Правительство вновь пытается получить внешние займы. Через посредство банкирского дома Штиглица был заключён заём на 50 млн. руб., а в 1855 г. вновь был заключён 5-процентный внешний заём.

«Россия, хотя и изгнанная формально со всех крупных европейских бирж, без всякого труда заключила заем; ее бумажные деньги, несмотря на повторные недавние выпуски, продолжают пользоваться кредитом; ...Несмотря на блокаду ее портов, она сумела до сих пор обойти все финансовые подводные камни, о которые, по твердому убеждению лондонских мудрецов, она должна была разбиться»².

В общем на протяжении первой половины XIX в. государственный долг России возрастал не только абсолютно, но и относительно к размеру бюджета.

Внешние займы Россия получала в конце первой половины XIX в. преимущественно в Англии, позднее же, когда интересы России столкнулись на Ближнем Востоке с интересами Англии, английский рынок капиталов был для России закрыт.

В начале XIX в. сумма государственного долга (внутренние и внешние займы, ассигнации) равнялась почти четырём годовым бюджетам России, а накануне крестьянской реформы государственный долг превышал ежегодный бюджет примерно уже раз в 8. В результате такого увеличения государственного долга уплата процентов поглощала в отдельные периоды от 10

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 203.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 543.

до 20% бюджета, а в 1860 г. платежи по государственным долгам равнялись уже 25,6% бюджета.

Государственный долг в конце XVIII в. равнялся (без ассигнаций) 53,5 млн. руб., в 1832 г. — 213,6 млн., в 1843 г. — 462,3 млн., в 1852 г. — 732,2 млн. и в 1861 г. — 1 264 млн. руб.¹

Внешние и внутренние займы, а также выпуск бумажных денег покрывали дефициты в бюджете, которые, начиная с XIX в. и до крестьянской реформы, носили, как мы указывали, хронический характер. Особенно возросли дефициты в годы Крымской войны: при 206,8 млн. руб. доходной части бюджета в 1855 г. дефицит равнялся 240 млн., возросши в следующем году до 307 млн. руб. при стабильности доходов.

По другим источникам, движение государственного долга России характеризуется следующими данными (на начало года): в 1801 г. — 408 млн. руб. ассигнациями, в том числе беспроцентного бумажноденежного долга — 195 млн. руб.; в 1825 г. — 1 323 млн. руб. ассигнациями, в том числе беспроцентного бумажноденежного долга — 595 млн. руб.; в 1834 г. — 934 млн. руб., в том числе беспроцентного бумажноденежного долга — 338 млн. руб., и в 1855 г. — 1 198 млн. руб. серебром (после девальвации), в том числе беспроцентного бумажноденежного долга — 356 млн. руб.

Самой крупной статьёй расхода в бюджете был расход на армию и флот. Ещё Адам Смит в своё время обратил внимание на удорожание государственной обороны. В России на содержание армии тратилась значительная часть бюджета. Такие крупные непроизводительные затраты национального дохода на содержание армии, несомненно, задерживали экономический рост страны.

В 1804 г. из 122 млн. руб. бюджета по этой статье было израсходовано почти 53 млн., в 1812 г. из 342 млн. — 184 млн. (армия и флот), в 1813 г. из 423 млн. — 285 млн., в 1855 г. из 526 млн. (серебром) — 270 млн.² Специальные военные расходы на Отечественную войну 1812 г. равнялись 157 млн. руб. ассигнациями³, а расходы по бюджету на армию и флот равнялись за три года (1812—1814) 769 млн. руб. ассигнациями, т. е. все расходы войны составили, не считая всевозможных колоссальных убытков, свыше 900 млн. руб. Отечественная война 1812 г. сильно отразилась на состоянии народного хозяйства страны.

¹ См. П. П. Мигулин, Русский государственный кредит (1769—1899), т. III, вып. V, стр. 1147, а также М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 26.

² «Министерство финансов 1802—1902 гг.», ч. 1, 1902, стр. 620—639.

³ См. «Русский архив» № 9, 1874, кн. II, стр. 735.

Не меньшие расходы вызвала Крымская кампания, показавшая бессилие царизма и его неумение защищать интересы страны. В результате Крымской кампании дефицитность бюджета составила за 4 года (1853—1856) 797 млн. руб. Значительные военные расходы, трудности, связанные с получением внутренних платежей, обусловленные обнищанием налогоплательщика-крестьянина, затруднения, связанные с получением внешних займов, рост дефицитности бюджета — отличительные черты финансового состояния России первой половины XIX в. Несмотря на такое финансовое состояние, царизм впутывался часто во внешнеполитические авантюры (интервенция Николая I в Венгрии), не вызывавшиеся непосредственно государственными и национальными интересами страны.

На содержание чиновничьей бюрократии шла значительная часть бюджета дореформенной России. После расходов на армию, флот и платежей по государственному долгу содержание чиновников различных министерств являлось важнейшей частью государственных расходов.

«Откуда казна, откуда народ возьмёт денег для удовлетворения этой бездонной, всепоглощающей бездны? — писал Огарёв. — Правительство прибегнет к займам, мужик продаст последнюю коровёнку... И всё это для того, чтобы судопроизводство равнялось неправосудию, администрация — насилию и побоям, и то и другое — организованному грабежу. Есть из чего платить налоги! Бедный народ!»¹

Затруднительно исчислить долю народного дохода, проходившую через бюджет, но ясно, что расходная часть бюджета носила ярко выраженный непроизводительный характер. Так, затраты по министерству просвещения на протяжении всего этого периода составляли меньше 1% всех бюджетных расходов.

Важнейшим средством покрытия дефицита в бюджете являлся выпуск бумажных денег (ассигнации, а позднее так называемые кредитные билеты). Ассигнации были впервые выпущены в России при Екатерине II, в 1769 г.

Рост торговли вызывал спрос на более удобные средства обращения, чем медь. Однако выпуск бумажных денег был использован потом как самое радикальное средство покрытия государственных расходов. В первый год выпуск ассигнаций составил 2,6 млн. руб., и далее ежегодный размер его колебался от 500 тыс. руб. до 5 млн., но в 1787 г. было сразу выпущено ассигнаций на 53,8 млн. руб., в результате чего цена ассигнационного рубля против серебряного составила 97 коп. Даль-

---

¹ «Колокол» № 12, 1858, стр. 94.

нейший выпуск бумажных денег привёл к тому, что к началу 1800 г. их было выпущено на сумму 210 млн. руб., а курс их равнялся 65,5 коп.

Хотя в Манифесте 1787 г. было заверено «святостью слова царского за Нас и за преемников Императорского Российского Престола, что число банковых ассигнаций никогда и ни в каком случае не долженствует простирается в Нашем Государстве выше 100.000.000 р.», однако обещанное количество ассигнаций держалось только три года, а затем печатный станок заработал опять очень интенсивно. Так экономические законы господствуют над волей людей, в том числе, конечно, и над царской волей¹.

КОЛИЧЕСТВО ВЫПУЩЕННЫХ АССИГНАЦИЙ В РОССИИ
И ИХ КУРС ЗА 1769—1799 гг.²

Годы	Выпуск ассигнаций (в тыс. руб.)	Сумма всех ассигнаций (в тыс. руб.)	Цена ассигнационного рубля против серебряного на петербургской бирже (в коп.)
1769	2 620	2 620	99
1770	3 758	6 379	99
1771	4 291	10 670	98
1772	3 378	14 048	97
1773	3 796	17 845	98
1774	2 207	20 052	100
1775	1 448	21 500	99
1776	1 500	23 000	99
1777	500	23 500	99
1778 }	выпуска не было	23 500	99
1779 }		23 500	99
1780	1 000	24 500	99
1781	2 892	27 392	99

¹ В Манифесте 1810 г. вновь было сказано, что «новый выпуск ассигнаций отныне пресекается. Отныне всё производство государственного ассигнационного банка будет состоять в одном промене ветхих ассигнаций на новые». Это царское слово также не было выполнено.

² «Краткая историческая справка о государственных ассигнациях, депозитных билетах, кредитных билетах 1841 года, государственных кредитных билетах 1843 года и депозитных квитанциях 1876 и 1895 годов», 1895, стр. 4—5.

Продолжение			
Годы	Выпуск ассигнаций (в тыс. руб.)	Сумма всех ассигнаций (в тыс. руб.)	Цена ассигнационного рубля против серебряного на петербургской бирже (в коп.)
1782	5 897	33 289	99
1783	3 451	36 740	99
1784	3 416	40 156	98
1785	5 154	45 310	98
1786	909	46 219	98
1787	53 781	100 000	97
1788 }	выпуска не было	100 000	92 $\frac{3}{4}$
1789 }		100 000	91 $\frac{3}{4}$
1790	11 000	111 000	87
1791	6 000	117 000	81 $\frac{1}{3}$
1792	3 000	120 000	79 $\frac{1}{3}$
1793	4 000	124 000	71
1794	21 550	145 550	68 $\frac{1}{2}$
1795	4 450	150 000	70 $\frac{1}{2}$
1796	7 704	157 704	79
1797	5 871	163 575	73
1798	31 357	194 932	62 $\frac{1}{2}$
1799	15 068	210 000	65 $\frac{1}{2}$

К. Маркс следующим образом характеризовал эволюцию с бумажными деньгами в России XVIII в.:

«В конце 1768 г., для покрытия расходов на войну с Турцией, Екатерина II основала ассигнационный банк якобы на принципе выпуска разменных денег на предъявителя. Но при этом, однако, нарочито забыли сказать публике, какими деньгами эти бумаги будут оплачиваться, и несколько месяцев спустя оплата стала производиться медными деньгами. Благодаря другой непредусмотренной «случайности» эти медные монеты, в сравнении с неотчеканенным металлом, были переоценены на пятьдесят процентов и циркулировали по их номинальной

стоимости только благодаря редкости и недостатку разменных денег в мелкой торговле. Размен денег оказался, таким образом, простой уловкой.

Сначала Екатерина ограничила весь выпуск 40.000.000 р. в 25-рублевых билетах; рубль представлял серебряную монету в 38—40 пенсов в английских деньгах, по вексельному курсу он стоил несколько больше 100 медных копеек. Ко времени смерти Екатерины количество этих бумажных денег возросло до 157 миллионов рублей, т. е. почти вчетверо в сравнении с первоначальным количеством.

Вексельный курс на Лондон был 41 пенс в 1787 г. и упал до 31 пенса в 1796 г.»¹

В условиях частых дефицитов бюджета и при огромной потребности в деньгах в связи с многочисленными войнами в начале XIX в. царское правительство продолжало, и притом особенно интенсивно, использовать печатный станок для покрытия дефицитов. В 1803 г. выпуск ассигнаций равнялся 19,5 млн. руб., в 1805 г. — уже 31,5 млн., в 1808 г. — 95 млн., а в 1812 г. он составил 64,5 млн. и, наконец, в 1813 г. достиг максимальной цифры — 103,4 млн. руб.; в итоге курс бумажного рубля упал в 1814—1815 гг. до 20 коп. — это было наибольшее его падение. Положение ухудшалось ещё увеличением числа ассигнаций за счёт ввезённых фальшивых ассигнаций войсками Наполеона. Чрезмерный выпуск бумажных денег отрицательно отражался на народном хозяйстве, в частности на ведении сметнобюджетного дела. В целях поддержания курса ассигнаций правительство ввело принудительное обращение ассигнаций. Налоги и недоимки стали взиматься ассигнациями по 2 руб. за 1 руб., различные доходы (таможенные, лесные и др.) — по 3 руб. за 1 руб. серебром; все платежи между частными лицами должны были совершаться ассигнациями.

Начиная с 1817 г. правительство приступило к изъятию из обращения некоторого количества ассигнаций, для чего были использованы внешние и внутренние займы, доходы с государственных имуществ и т. д. В 1818 г. было изъято ассигнаций на 38 млн. руб., в 1819 г. — на 78,6 млн., в 1820 г. — на 34,2 млн., в 1822 г. — на 44,9 млн. руб. Всего было изъято ассигнаций на сумму около 230 млн. руб., однако курс их почти не изменился. Кроме уничтоженных ассигнаций не было предъявлено к обмену ассигнаций на 10,9 млн. руб. В связи с прекращением в дальнейшем выпуска ассигнаций в обращении их находилось с 1823 по 1843 г. — до обмена ассигнаций на так называемые кредитные деньги — на сумму 595,8 млн. руб.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 625—626.

В дальнейшем образовался «простонародный лаж» на ассигнации. Дело в том, что закон требовал уплачивать налоги обязательно ассигнациями, и в тех местах, где их трудно было достать, за них приплачивали. Борьбу с лажом преследовала в частности и денежная реформа 1839 г., заменившая ассигнации так называемыми кредитными билетами.

Хроническая инфляция была в известной степени в интересах помещиков — как экспортёров хлеба и как должников ипотечных банков, поскольку помещики уплачивали долги падающим рублём.

Но рост капиталистической промышленности и товарно-денежных отношений вообще требовал хотя бы минимального упорядочения денежного обращения. Усиленный вывоз хлеба помог иметь перед денежной реформой 1839 г. активный торговый и платёжный баланс; одновременно увеличивалась и ежегодная добыча золота в стране. Всё это создало некоторые предпосылки для проведения на протяжении 1839—1843 гг. денежной реформы по принципу девальвации. Ассигнации были обменены по курсу 3 р. 50 к. за 1 руб. новых кредитных денег, обеспеченных золотом и серебром и размениваемых на звонкую монету. Размен продолжался до 1851 г. К. Маркс в яркой, сжатой форме дал следующую характеристику эволюции денежного обращения России в первой половине XIX в. Он писал: «...в 1810 г. бумажное обращение достигло 577.000.000, и бумажный рубль стоил только 25 копеек, четвертую часть его стоимости в 1788 г., и вексельный курс на Лондон осенью 1810 г. понизился до 11½ пенсов за рубль вместо прежних 38—40 пенсов. В 1817 г., по отчету графа Гурьева, количество обращающихся бумаг достигло 836.800.000 рублей. Так как таможенные пошлины и другие налоги рассчитывались в серебряных рублях, то правительство распорядилось, чтобы ассигнации принимались в отношении 4 к 1, что было равнозначно обесценению в 75 процентов. В то время как это обесценение шло дальше, в равной мере поднимались цены товаров, и они подвергались таким колебаниям, что правительство само было сильно обеспокоено и увидело себя вынужденным сделать внешние займы, чтобы часть бумаг извлечь из обращения. К 1 января 1821 г. таким образом их количество уменьшилось до 640.000.000. В последующих затем войнах с Турцией, Персией, Польшей, Хивой и т. д. число ассигнационных бон снова возросло, вексельный курс снова пошел вниз, и все товары снова испытали резкие и неправильные колебания цен. Только к 1 июля 1839 года вексельный курс поправился благодаря огромному вывозу хлеба в Англию, и царь издал манифест, по которому огромное количество банковых ассигнаций должно было превратиться в банковые билеты, ко-

торые по требованию должны были оплачиваться полными серебряными рублями в 38 пенсов. Царь Александр объявил, что сборщиками податей ассигнации будут приниматься в отношении 4 к 1; о царе Николае говорят, что он при помощи конверсии восстановил их полную стоимость. Все же была прибавлена одна замечательная статья, которая предписывала, что за *один* этот новый билет должны приниматься три с половиной старых. Таким образом, не было объявлено, что старый билет обесценен до 28 процентов его первоначальной стоимости, но три с половиной старых билета признавались равноценны одному целому *новому* билету»¹.

В 1843 г. было выпущено кредитных билетов всего на 30,4 млн. руб., а разменный фонд составлял 35,9 млн. руб., или 118%. В дальнейшем количество кредитных билетов, находившихся в обращении, начало возрастать, а процентное отношение металлического фонда к выпущенным кредитным билетам снижаться, так что перед Крымской кампанией оно составляло уже только 39,8%, а в год крестьянской реформы — 11,8%. Одновременно с кредитными билетами в обращении находились и другие виды бумажноденежных знаков. Выше мы видели, что Крымская война вызвала огромное увеличение дефицита в бюджете. Эти бюджетные дефициты покрывались главным образом выпуском бумажных денег — кредитных билетов. В 1855 г. было выпущено их на сумму 153 млн. руб., курс же их по отношению к золоту составил 93 коп. Металлический разменный фонд уменьшился (см. табл. на стр. 126).

Интенсивный выпуск кредитных билетов, особенно в годы Крымской войны, начал подрывать известную устойчивость валюты, достигнутую в результате проведённой денежной реформы. Стабильность валюты окончательно была подорвана Крымской войной, поскольку в этот период выпуск бумажных денег для покрытия дефицита в бюджете достиг колоссальных по тому времени размеров.

В 1854 г. уже появился лаж на серебро, а в 1858 г. был прекращён размен кредитных билетов. Вместе с тем в этом же году удалось часть кредитных билетов изъять из обращения, но всё же курс кредитного рубля по отношению к золоту составил в 1859 г. 83,5 коп. Ко времени проведения реформы 1861 г. в России в качестве бумажных денег обращались кредитные билеты, билеты государственного казначейства и бессрочные вклады бывших казённых банков, всего почти на 1 млрд. руб., т. е. сумма, в несколько раз превышавшая государственные доходы бюджета.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 626.

КОЛИЧЕСТВО КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ, СОСТОЯНИЕ РАЗМЕННОГО
МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ФОНДА И КУРС КРЕДИТНОГО РУБЛЯ ¹

Годы	Количество выпу- щенных кредит- ных билетов на 1/I в тыс. руб.	Весь разменный фонд в тыс. руб.	% отношен. метал- лического размен- ного фонда к налич. кредитных билетов	Курс кредит- ного рубля в зол. коп.
1844	30 422	35 916	118,3	98,5
1845	121 807	59 405	48,8	98,1
1846	189 416	86 812	45,8	98,6
1847	226 168	101 287	44,8	99,5
1848	289 586	147 218	40,7	95,0
1849	306 629	146 839	38,1	95,7
1850	300 317	136 970	35,8	98,7
1851	301 578	137 215	45,5	97,9
1852	303 797	139 432	39,8	98,8
1853	311 376	140 322	45,1	99,5
1854	333 443	161 362	46,6	94,2
1855	356 337	151 791	42,2	93,0
1856	509 181	138 017	26,9	98,4
1857	689 280	146 552	21,3	96,3
1858	735 297	141 461	19,2	94,6
1859	644 649	110 812	16,8	83,5
1860	678 211	95 675	14,1	94,4
1861	712 977	92 884	11,8	88,7

К. Маркс писал в 1860 г. о крайней нужде русского правительства в деньгах, о такой расстроенности финансов, что царское правительство стояло на грани финансового банкротства ².

Такое тяжёлое финансово-денежное состояние России в первой половине XIX в. являлось одним из показателей разложения крепостного хозяйства страны.

Потребности экономического развития страны требовали создания нового механизма обмена по мере развития капиталистических отношений.

¹ См. М. Кашкаров, Денежное обращение в России, т. I, 1898, стр. 72—73 и Краткая историческая справка о государственных ассигнациях, депозитных билетах, кредитных билетах и т. д., 1895, стр. 22—23.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 140—141.

В условиях феодально-крепостного хозяйства кредит был развит слабо. Банки, осуществляя свою деятельность в основном в Москве и Петербурге, служили не столько интересам развития торговли и промышленности, сколько были источниками пополнения хронических бюджетных дефицитов. Лишь накануне крестьянской реформы создались некоторые условия для развития кредита — организация Государственного банка в 1860 г. и пр. Известно, что зачатки кредита свойственны ещё простому товарному производству. В России, в докапиталистический период, наиболее распространённой формой кредита было ростовничество, игравшее большую роль в деле централизации капиталов в период первоначального накопления¹. Образование государственных кредитных учреждений в России относится к 1733 г., когда были открыты ссуды из Монетной конторы. Несколько позднее были образованы государственные заёмные банки для дворянства в Москве и Петербурге и «Банк для поправления при Санктпетербургском порте коммерции и купечества».

Деятельность этих банков проходила неудовлетворительно: выданные капиталы из банка помещикам и купцам не возвращались; заёмщики часто не платили и процентов; процветали злоупотребления² и т. д. В итоге такой деятельности в 1786 г. дворянские банки были закрыты, и был создан новый государственный Заёмный банк; несколько раньше, в 1782 г., был закрыт также и Купеческий банк.

Деятельность нового Заёмного банка, призванного оказывать содействие дворянскому землевладению, как видно из приводимых данных, расширилась со второй четверти XIX в.: так, если вклады в 1817 г. равнялись 31,5 млн. руб., в 1825 г. — 40,3 млн., то в 1840 г. они уже составляли 160,8 млн. и в 1859 г. — 317,8 млн. руб.

Почти одновременно с организацией Земельного и Купеческого банков был учреждён Медный банк и банковые

¹ Даже ещё в начале XIX в., как сообщает «Дух журналов», до учреждения банка в Одессе процент равнялся 36, понизившись с учреждением банка до 12. См. «Дух журналов», т. IV, 1818, стр. 317.

² В указе Петра III в 1762 г. так характеризовалась деятельность этих банков: «Учрежденные для дворянства и купечества здесь и в Москве банки имели служить для вспоможения всему обществу, но нам известно, что следствие весьма мало соответствовало намерению, и банковые деньги остались по большей части в одних и тех же руках, в кои розданы с самого начала; сего ради повелеваем: в розданных в заем деньгах отсрочек более не делать, но все оныя надлежало собрать и ожидать нашего дальнейшего указа».

конторы вексельного производства; в 1817 г. был создан государственный Коммерческий банк для расширения коммерческого и промышленного кредита.

ДВИЖЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА ЗА 1818—1859 гг.

(в млн. руб.)

Годы	Вклады к концу года	Вклады для трансферта	Учёт векселей	Ссуды под товары
1818	2,9	0,2	10,9	1,4
1820	17,1	1,2	38,3	0,8
1825	28,0	0,1	34,2	0,8
1830	44,7	0,2	13,7	0,6
1835	65,9	0,3	9,2	0,7
1840	95,8	0,6	12,8	0,7
1845	125,7	0,1	12,2	0,6
1850	175,0	2,4	21,7	0,9
1855	215,9	0,5	17,8	2,1
1856	241,1	0,5	17,6	1,3
1857	240,0	2,9	20,8	2,1
1858	240,3	3,0	26,9	2,1
1859	198,0	1,9	47,6	4,7

Как видно из таблицы, под учёт векселей и в товарные ссуды направлялась незначительная часть капиталов банка. Деятельность банков в этот период вполне отражала крепостнический характер экономики царской России, поскольку отсутствовали широкие условия для развития коммерческого кредита.

Анализ банковских операций вскрывает явное несоответствие между активными и пассивными операциями как Коммерческого, так и Заёмного банков. Банки имели большие вклады, поскольку свободные денежные ресурсы направлялись в государственные банки, которые платили, между прочим, более высокий процент по сравнению с банками западноевропейских государств. Но спрос на ссудный капитал, помещённый в банках, в силу слабого развития товарно-денежных отношений и господства натурального характера хозяйства был незначительный.

Вексельные операции Коммерческого банка на протяжении 30-х и 40-х годов даже уменьшились. Основную часть активных операций банка составляли ссуды под залог дворян-

ских имений и передача средств в ссуду государственному казначейству.

Во второй половине 50-х годов, после окончания Крымской войны, имело место увеличение частных вкладов в государственные кредитные учреждения — общая сумма их достигала в середине 1857 г. 1 276 млн. руб.

В условиях, когда учёт векселей и ссуды под товары составляли незначительную часть активных операций банков, банки вынуждены были значительную часть вкладов оставлять без употребления, часть обращать в долгосрочные ссуды, часть же передавалась в долг правительству. Банки, естественно, терпели убытки, удерживая в кассах без употребления значительные суммы. В результате этого в 1857 г. процент по частным вкладам был уменьшён с 4 до 3, а по казённым — до 1½. Понижение процента по вкладам совпало с лихорадочной организацией акционерных обществ в России в это время, вследствие чего вклады из банков быстро начали изыматься и направлялись на покупку различных акций, что ставило в очень затруднительное положение кредитные учреждения. После ряда паллиативных мероприятий царское правительство, поставленное перед необходимостью проведения крестьянской реформы, вынуждено было встать на путь изменения всей системы государственных кредитных учреждений: Заёмный банк был ликвидирован, точно так же был упразднён и государственный Коммерческий банк с передачей всех дел Государственному банку.

Кредитная система дореформенной России отражала крепостническую экономику страны, которая характеризовалась растущим, но всё ещё слабым развитием товарно-денежных отношений; широкое распространение имели в то время докапиталистические формы кредита.

В 1823 г. насчитывалось в России 2 287 так называемых менял. Частный коммерческий не акционерный кредит был представлен рядом банкирских домов: Штиглиц, Юнкер, Симон Якоби, Гинзбург, Кенгер — представитель Ротшильдов — и несколькими банкирскими домами в провинциальных городах, которые успешно наживались. Бунге писал, что «...всем известны образовавшиеся в 1854—1856 гг. богатства, которые заявляют ныне о своём существовании учреждением банкирских контор»¹.

Существовал мелкий ломбардный кредит. В первой половине XIX в. возникли в России сберегательные кассы для приёма мелких вкладов. Несмотря на существование нескольких городских частных и общественных банков, всё же

---

¹ «Журнал для акционеров» № 194, 1860, стр. 1463.

широкого коммерческого кредита в России в первой половине XIX в. не было, в результате чего процветало ростовщичество.

Частный коммерческий кредит не получил широкого распространения. Дело не только и не столько заключалось в кредитной политике Канкрин, всячески тормозившего организацию частных кредитных учреждений, сколько в отсутствии, в связи с господством крепостнического способа производства, условий для широкого экономического развития страны. Лишь в конце 50-х годов имело место невиданное промышленное учредительство. Капитализм особенно быстро начал развиваться после крестьянской реформы.

«Давно ли было время, — писал «Экономический указатель», — когда в России капиталы не имели почти никакого движения. Говоря вообще, им не было другой дороги, как в банк, где, заняв почётное место, они с него не трогались и скорее обременяли банк, нежели приносили ему пользу.

Но всё изменилось: как будто по какому-то волшебству капиталы зашевелились»¹.

В 50-х годах число проектов организации частных коммерческих банков всё увеличивалось, но царское правительство относилось к этому вопросу отрицательно, видя в будущих банках конкурентов государственным банкам.

Однако потребности экономического развития требовали своего, всё громче и громче стали выдвигаться требования учреждения частных акционерных банков. Буржуазная экономическая наука в лице Бунге, Безобразова, Вернадского, Бабста и др. доказывала, что государственный кредит должен «уступить место другому, частному и коммерческому»².

«Появление акционерных банковых товариществ освободило бы наше производство от застоя, — писал Н. Бунге, — духа рутины и позволило бы нам употребить в дело немногие из существующих у нас спекулятивных умов. Акционерные банки дали бы прибыльное назначение тем средствам, для которых правительство наше с трудом приискивает помещение, между тем как мы слышим жалобы на недостаток капиталов и кредита!»³

Первый акционерный Коммерческий банк был открыт уже после крестьянской реформы — в 1864 г.⁴, хотя не акционер-

¹ «Экономический указатель» № 47, 1861, стр. 1106.

² В. Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, ч. 3, 1863, стр. 90; см. также речь Вернадского, «Экономист», кн. 5/6, 1862, стр. 103.

³ Н. Бунге, Значение промышленных товариществ и условия их распространения, ч. 3, 1858, стр. 40—41.

⁴ Некоторые объясняют возникновение акционерных коммерческих банков в России не потребностями развивавшегося капитализма, а влиянием идей сен-симонизма. Так, в книге бывш. приват-доцента Петроград-

ный частный коммерческий кредит развивался и во второй четверти XIX в.

Тяжёлое финансовое состояние страны в период разложения феодально-крепостной экономики привлекало к себе внимание передовых русских людей. Известный «русский реформатор» М. М. Сперанский составил в 1809 г. «план финансов»¹, намечая радикальные реформы в финансово-денежной области. М. М. Сперанский предлагал новый порядок утверждения бюджета, введение принципа гласности, реформу налогов, установление в качестве основной монеты в России серебряного рубля и т. д. Согласно тому же плану выпуск ассигнаций должен был быть прекращён, а ранее выпущенные ассигнации подлежали изъятию и уничтожению. «Главное расстройство в финансах есть несоразмерность расходов с приходами». План М. М. Сперанского, хотя и не учитывал многих экономических условий тогдашней России, но намечал улучшение финансов страны и мог бы иметь прогрессивное значение. Но мероприятия М. М. Сперанского потерпели крушение, война 1812 г. выдвинула на первое место другие проблемы, автор плана попал в опалу.

Консервативное дворянство, добившееся ссылки Сперанского, ставило ему в вину, между прочим, и его проекты по финансовым вопросам, доказывая, что будто бы М. М. Сперанский финансовыми делами «старался расстроить государство...»²

Крайне тяжёлое состояние финансов России волновало передовые умы того времени. Друг Пушкина М. Ф. Орлов написал книгу «О государственном кредите». Вопросы, связанные с финансовым состоянием страны, интересовали и декабристов. Крупный экономист и один из участников организаций декабристов Н. И. Тургенев написал специальную работу о налогах. В предисловии к своей книге «Опыт теории налогов», впервые изданной в 1818 г., Н. И. Тургенев писал:

ского университета И. Левина «Акционерные коммерческие банки в России», т. I, 1917, стр. 76, читаем: «Происхождение наших акционерных коммерческих банков во многом аналогично возникновению их французского прототипа. Идейные мотивы и в России играли видную роль. Любопытнее всего, что и их источником был также сен-симонизм, рассеявший по всей Европе того времени свои банковые идеи».

¹ См. «Сборник Русского исторического общества», т. 45, 1885.

² См. «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», 1905, стр. 343. М. И. Боголепов, крупнейший знаток финансов, говоря о плане Сперанского, писал, что «министры финансов конца XIX и начала XX в., среди которых был такой безусловно видный деятель, как С. Ю. Витте, питали свою официальную идеологию, прикрывавшую их деятельность и их планы, обрывками из «плана финансов» Сперанского» (М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 405).

«...Изложение теории налогов, служащих основанием финансов, как бы оно недостаточно не было, не может быть совершенно излишним в такое время, когда у нас столь многие говорят о финансах и столь немногие о них пишут».

В этой книге была рассмотрена природа налогов, в частности их влияние на народное хозяйство, собственность и т. д. Особая глава посвящена бумажным деньгам. В концепции декабристов финансовые проблемы носили частный характер. Основную причину бедности России, причину, тормозившую рост производительных сил страны, они видели в крепостном праве.

Крупнейший русский экономист Н. С. Мордвинов, будучи назначен председателем департамента Государственной экономики в 1816 г., направил царю записку о вредных последствиях бумажных денег. «Из всех, наиболее государственное казначейство расстраивающих мер, признано уже вреднейшей излишество бумажной монеты против должного количества, удерживающего единство монеты... При упадке монеты ропщет воин, негодует гражданин, лихоимствует судья, охладевает верность, ослабевают взаимные услуги и пособия; благочиние, мир и добродетель уступают место разврату, порокам и буйным страстям. Да и может ли быть иначе, когда достояние каждого ежедневно уменьшается... Превышение меры в выпусках бумажной монеты по строгой правде не может быть иначе предоставляемо как в виде неприметного похищения частей из имущества каждого». Н. С. Мордвинов предложил программу оздоровления денежного хозяйства, из которой были осуществлены лишь некоторые мероприятия.

В ряде своих «мнений» Н. С. Мордвинов затрагивает вопрос о вреде, приносимом обесценением бумажных денег. В качестве одного из средств улучшения денежного обращения России Н. С. Мордвинов предлагал уменьшить количество ассигнаций. Разрабатывая программу экономического развития России, Н. С. Мордвинов уделял большое внимание накоплению и мобилизации капиталов в России. Именно в этой связи им и были написаны работы «Проект трудопоощрительного банка» и «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков».

Мордвинов выдвигал идею организации частных банков, видя в этом важнейшее средство аккумуляции распылённых средств для развития промышленности.

В поле зрения интересов Н. С. Мордвинова находилась вся проблема финансово-денежных и кредитных отношений тогдашней России. Частые дефициты бюджета, огромные расходы, недоимки налогоплательщиков, т. е. общее расстройство

финансов страны, привлекали внимание Н. С. Мордвинова. Он написал Александру I специальное мнение «о причинах нынешнего расстройства финансов наших и о мерах, могущих способствовать к отсечению сих причин и к постепенному улучшению народного благосостояния и государственных доходов».

В этой записке Н. С. Мордвинов писал, что «... по пространству империи Российской настоящие доходы её не соответствуют потребным для всеобщего благоустройства расходам», что «...источники доходов чувствительно приходят в упадок», что «...народ ощутительно и повсеместно почти обеднел», что «...по соделанным в чужих краях долгам государственное казначейство приходит в вящее расстройство, будучи обязано производить уплаты процентов при невыгодном для нас курсе»¹.

Среди причин народного обеднения Н. С. Мордвинов указывает на «породившееся разделение между частною и казенною пользами» и «излишние усилия управлять частную пользу уставами или регламентами», на «стеснение внутренней торговли и всякого рода промышленности» и «последовавшее в 1816 году разрешение ввоза иностранных изделий», на «нераспределение налогов на правильнейших и хозяйственных основаниях»² и т. д. и т. д. Но он не выдвигает на первое место основной причины народного обеднения — существование крепостного права, в то время как современники Н. С. Мордвинова — дворянские революционеры, декабристы — в крепостном праве видели главное зло России.

---

¹ Н. С. Мордвинов, Избранные произведения, 1945, стр. 193.

² Там же, стр. 195.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

Развитие русской экономической мысли, отразившее воззрения отдельных классов русского общества, к сожалению, изучено слабо, а между тем русская экономическая мысль сыграла важную роль как в развитии русского государства, так и в развитии мировой экономической науки. Многие русские экономисты являлись оригинальными мыслителями, стоявшими в уровень с мировой экономической наукой своего времени и двигавшими эту науку вперёд.

Изучение русской экономической мысли показывает необходимость, ненаучность попыток некоторых экономистов рассматривать историю политической экономии, игнорируя развитие её в России, и изображать русских экономистов эпигонами, лишёнными творческой самостоятельности, простыми подражателями или в лучшем случае только учениками западноевропейских учёных. Некоторые советские экономисты, переоценивая влияние Сэя, Смита, немецких камералистов и других экономистов Западной Европы на русскую экономическую мысль, совершенно не вскрывают влияния крупнейших передовых русских учёных на мировую экономическую науку, игнорируя прогрессивную роль, которую сыграли их работы в развитии экономической теории¹.

---

¹ См. статьи автора по этому вопросу: «К истории русской экономической мысли», «Большевик» № 6, 1944; «Некоторые вопросы развития русской экономической мысли», «Известия отделения экономики и права» № 3, 1945 г.; «Вопросы развития русской экономической мысли», «Юбилейная сессия 220 лет Академии Наук СССР», т. II, 1947 г.; «Против космополитических извращений русской экономической мысли», «Большевик» № 5, 1949.

Экономисты, утверждающие, что политическая экономия России была в значительной мере иностранной наукой, импортируемой с Запада, явно недооценивают самостоятельность русской экономической науки, значение экономических работ многих крупных русских теоретиков. Экономисты, доказывавшие импортный характер русской экономической мысли, повторяют по существу утверждения немецких буржуазных учёных¹.

Среди профессоров политической экономии в России в конце XVIII и в начале XIX в. было значительное число немцев, читавших лекции на немецком языке и по немецким учебникам; к ним вполне приложимо выражение К. Маркса о том, что они давали лишь мешанину «разнообразнейших сведений», в то время как передовые русские учёные (Радищев, Тургенев, Пестель и др.) развивали подлинную науку, были патриотами своей страны, своего народа.

Характерно, что большинство немецких учёных-экономистов играло у нас в России реакционную роль. Так, Шторх, высказав ряд критических замечаний о крепостном праве, в то же время доказывал необходимость для России одностороннего, аграрного развития, за что и получил резкую отповедь со стороны Н. С. Мордвинова. Канкрин всеми силами тормозил развитие в России железных дорог, крупного фабричного производства и т. д. В этой связи укажем, что и Бисмарк пытался использовать экономическую науку во вред России. Так, он старался через посредство своих *Gelehrter* ов внушить русским влиятельным учёным-экономистам «ложные экономические доктрины», задерживавшие рост производительных сил России².

Некоторые историки политической экономии ошибочно полагают, что история экономической мысли в России начинается лишь с эпохи Петра I, ставя тем самым крест над экономической мыслью России предыдущего времени. Профессор Святловский, давший сводные, правда уже устаревшие, работы по истории экономических идей в России, усматривал начало первых этапов нашего народнохозяйственного самосознания в протесте Даниила Заточника и в «Слове о Правде» Стефана Вонифатьева³; в своей позднейшей работе он более верно видел зачатки русской экономической идеологии в Киевской Руси, указывая при этом на двойственность этой

¹ См. *W. Roscher, Geschichte der national ökonomik in Deutschland, München 1874, S. 790—791.*

² См. *Ф. Лист, Национальная система политической экономии, 1891. Вступление К. В. Трубникова, стр. II—III.*

³ См. *В. В. Святловский, К истории политической экономии и статистики в России, 1906, стр. 4.*

идеологии: «...богатые и сильные стоят за новые денежные отношения, за капитал, другие — против»¹.

Другие экономисты усматривают зародыш русской экономической мысли в «Домострое» Сильвестра и в идеях московского государственного человека XVII в. А. Л. Ордин-Нащокина².

Итальянский профессор Луиджи Коссе в своей книге «История экономических учений» писал: «Если не считать Домостроя, то русская экономическая литература начинается во второй половине следующего столетия сочинениями учёного сербского меркантилиста Крижанича и любопытным произведением «Бедность и богатство» Посошкова, самоучки-крестьянина, торговца и промышленника»³.

Изучение исторических фактов показывает, что зарождение русской экономической мысли, как и возникновение русской культуры и науки вообще, относится к значительно более раннему периоду.

Русская экономическая мысль имеет многовековую историю; развитие и характер её обуславливались производительными силами и производственными отношениями того или иного периода нашей истории, особенностями экономической истории России. Экономическое бытие определяло сознание, идеи, взгляды мыслителей по экономическим вопросам. Материалистическое понимание истории⁴ учит, что «...источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.»⁴ Экономические явления всегда привлекали к себе внимание передовых русских людей. При характеристике экономических идей ранних периодов русской истории приходится пользоваться не специальными экономическими произведениями, а главным образом материалами и документами косвенного порядка — историческими, правовыми и др., в кото-

¹ В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. I, 1923, стр. 12.

² См. А. А. Мануилов, Политическая экономия, курс лекций, 1914, стр. 40.

³ Луиджи Коссе, История экономических учений, 1900, стр. 392. Л. Коссе, указывая на роль Третьякова и других учёных в распространении политической экономии в России, отмечает точность и ясность работы «Начала экономии» Горлова (1859 г.), давшего также первый трактат о науке финансов (1845 г.); указывает на «самое замечательное произведение» этого периода — «...прекрасное сочинение Н. И. Тургенева о налогах» и т. д.

⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 545.

рых нашла частичное отражение и экономическая мысль. Эти письменные документы, например периода Киевской Руси, служат богатым материалом для характеристики хозяйственного уклада и в известной степени экономической мысли того времени. «Русская Правда», например, является важнейшим памятником русской жизни XI и XII вв., проливающим свет и на экономические отношения и понятия, существовавшие в тот период у восточных славян.

Летописи, договоры с иноземцами, народный эпос, былины и некоторая богословская литература — таковы источники для характеристики русской экономической мысли эпохи Киевской Руси. Для этого периода характерно то, что экономические проблемы обсуждаются и высказываются в религиозно-морализующей форме. Таков прежде всего памятник «Слово Даниила Заточника», в котором виден уже ропот и недовольство против экономического угнетения в тогдашнем обществе. Памятник XVI в. «Домострой», содержащий суждения по экономическим вопросам, разнообразные советы по наилучшему ведению хозяйства, наивные с точки зрения нашего времени, представляет несомненный интерес для истории русской экономической мысли. В XVII в. экономическая мысль России характеризуется, в отличие от «домостроевского» взгляда, уже широким пониманием и развитием общенациональных экономических интересов страны. В основе этого взгляда лежал процесс хозяйственной централизации страны, роста все-русского рынка, общественного разделения труда и т. д. Экономическая идеология России XVII в. представлена такими крупными меркантилистами, как Ордин-Нащокин, Юрий Крижанич, придававшими огромное значение развитию производительных сил страны.

Одним из первых крупных русских экономистов является Ордин-Нащокин. В истории экономической мысли деятельность Ордин-Нащокина связывается прежде всего с созданием «Торгового устава» 1667 г., в котором была сделана серьёзная попытка ограничить влияние иностранного торгового капитала в России. Вообще Ордин-Нащокин отстаивал ряд мероприятий, проведение которых способствовало росту национального хозяйства России. Кроме Ордин-Нащокина ранним выразителем меркантилизма был также Ю. Крижанич.

Крижанич, этот, по выражению Плеханова, «неутомимый защитник славянства и непримиримый противник «немцев»...», является крупным экономистом России XVII столетия. В работе «Русское государство в половине XVII века», изданной много времени спустя после его смерти, он рассмотрел целый ряд экономических вопросов: о русской земле, о торговле, о причинах убожества и богатства, нужды и счастья, о ремёслах

и т. д. Крижанич как меркантилист, отождествляя богатство с деньгами, полагал, что лишь та страна богата, в горном деле которой имеются как рудники драгоценных металлов, так и произведения добывающей и обрабатывающей промышленности. Широкий экономический кругозор, выходящий нередко за пределы меркантильного горизонта, смелая и оригинальная трактовка некоторых вопросов обеспечивают за Крижаничем значение крупного экономиста своего времени.

Крижанич, как и Пётр Великий, придавал огромное значение развитию производительных сил страны.

Пётр выступает перед нами как своеобразный представитель русского меркантилизма. Экономическая политика Петра, несомненно, дала сильнейший толчок хозяйственному развитию России. При этом «всем известно теперь, какой дорогой ценой пришлось заплатить русскому народу за реформу Петра Первого»¹.

Русское государство пыталось преодолеть экономическую отсталость и догнать более развитые страны Европы. «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»². Однако этой программе поднятия производительных сил России свойственны были глубокие противоречия уже потому, что Пётр мыслил достигнуть развития промышленности и преодоления хозяйственной отсталости страны на базе крепостного права.

В борьбе за развитие производительных сил России Пётр отводил большое место науке. Создание Академии наук он рассматривал как важнейшее мероприятие для развития производительных сил, для повышения производительности народного труда и разработки нетронутых естественных богатств страны.

Пётр предполагал в Академии наук учредить изучение и преподавание также и экономических наук. В проекте учреждения Академии наук было сказано: «Аще, же, при том, экономия учена будет, то похвально и весьма полезно, ибо во всем жителстве учением ее великая прибыль и польза чинится»³.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXI, 1925, стр. 103.

² И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 248—249.

³ Первыми академиками по кафедре политической экономии и статистики были Шторх и Герман. Шторх был крупным экономистом вульгарной школы политической экономии. К. Маркс часто критиковал произведения Шторха в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Капитале». Шторх писал свои экономические произведения на французском и немецком языках, поэтому он был больше известен за границей.

Кроме Шторха и Германа академиками-экономистами и статистиками в дореволюционные годы были: Кеппен П. И., Арсеньев К. И., Веселов-

В эпоху Петра I Россия выдвинула крупнейшего оригинального экономиста—Ивана Посошкова, выходца из крестьян, автора знаменитой «Книги о скудости и о богатстве» (1724 г.). Посошков явился наиболее крупным представителем меркантилизма. Круг экономических вопросов, затрагиваемых И. Т. Посошковым, очень разнообразен. Как меркантилист он считал, что Россия должна больше продавать товаров и меньше покупать, он ратовал за организацию в России ремёсел, купеческих компаний и т. п., рекомендовал всеми мерами развивать национальную промышленность, торговлю и бороться против засилья иезуитов.

Стремясь в своей книге выяснить, «отчего приключается напрасная скудость и отчего бо гобзовитое богатство умножается», Посошков рассматривал вопросы о купечестве, о крестьянах, о царском интересе, о воинских делах и т. д.

«Книга о скудости и о богатстве» была написана И. Т. Посошковым за 50 лет до появления исследования Адама Смита «О природе и причинах богатства народов». Это позволило историку М. Погодину написать в предисловии к книге Посошкова: «Родясь лет за пятьдесят до политической экономии в Европе, Посошков постигал живо её правила и учил своих соотечественников, только не отвлечёнными положениями системы, а по действительным явлениям жизни»¹. Не зная иностранных языков, без какого-либо литературного влияния западных учёных, Посошков, этот русский самородок, самостоятельно высказал много оригинальных экономических идей, главным образом в области меркантилистской политики, проводившейся Петром I. Несомненно, что главный труд И. Т. Посошкова — «Книга о скудости и о богатстве» — по разносторонности и по глубине анализа затронутых в ней вопросов несравненно выше, чем аналогичные работы многих западноевропейских экономистов-меркантилистов. В истории русской экономической мысли Посошкову по праву должно принадлежать то же место, какое во Франции занимает Монкретьен, в Англии — Вильям Стаффорд, Джеймс Стюарт.

Будучи прежде всего идеологом купечества, Посошков выставил ряд полезных для народа и в этом смысле прогрессивных требований. На первом месте у Посошкова находится «...осмысленная заботливость о развитии производительных

ский К. С., Безобразов В. П., Бунге Н. Х., Янжул И. И. и Струве П. Б.

Почётными членами Академии были: Сперанский М. М., Канкрин Е. Ф., Мордвинов Н. С., Семёнов-Тяньшанский, Витте С. Ю. Из числа иностранных экономистов почётными членами императорской Академии наук были Сисмонди и Мальтус и членами-корреспондентами — Сарториус, Гильдебрант, Густав Шмоллер.

¹ И. Посошков, Книга о скудости и о богатстве, 1842. Предисловие М. Погодина, стр. VIII.

сил России и огромное уважение к техническим занятиям»¹. Выработывая программу экономической политики, И. Т. Посошков неоднократно упрекал иностранцев в стремлении эксплуатировать русского человека.

Достойное место в истории экономической мысли должно быть отведено основоположнику русской науки М. В. Ломоносову, который, по выражению А. С. Пушкина, не только «...создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»².

Работы М. В. Ломоносова в области экономики, статистики и экономической географии имели для нашей страны огромное прогрессивное значение.

Обширность его экономических интересов необычайна. Он писал Шувалову по поводу своих экономических взглядов: «Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы: 1) О размножении и сохранении Российского народа. 2) О истреблении праздности. 3) О исправлении нравов и о большом народе просвещении. 4) О исправлении земледелия. 5) О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. 6) О лучших пользах купечества. 7) О лучшей Государственной Экономии. 8) О сохранении военного искусства во время долговременного мира»³.

М. В. Ломоносов поднял огромной экономической важности вопрос о пути через Северный Ледовитый океан. Он писал, что Россия, «простираясь по великой обширности матерой земли, и только почти одну пристань у городе Архангельского, и ту из недавних времён имея», встречается с огромными трудностями «купеческого сообщения с восточными народами» и что «все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом»⁴.

Деятельность М. В. Ломоносова в области экономической практики очень разнообразна: он собирал цены всех российских товаров, переводил иностранные сочинения по экономике сельского хозяйства, выдвинул идею издания в России экономической газеты, содействовал возникновению Вольного экономического общества, просуществовавшего свыше 150 лет, и т. д. Материалы этого общества являются, между прочим, богатейшим источником при изучении экономической мысли в России.

М. В. Ломоносов доказывал ошибочность мнения, что «приращение народа вредно». Главным источником благополучия,

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXI, стр. 118.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 6, 1936, стр. 198.

³ «Русская старина», октябрь 1873, стр. 566.

⁴ М. В. Ломоносов, Соч., т. VII, 1934, стр. 288—289.

славы и цветущего состояния государства он считал наряду с внутренним покоем в государстве и заключением «прибыточного» мира против неприятеля, взаимное сообщение «внутренних избытков с отдалёнными народами чрез купечество»¹ и вместе с тем придавал огромное значение развитию «искусства» промышленности, «ремесленных дел», а также и земледелия. Последнее выделяет меркантилиста М. В. Ломоносова, как и меркантилиста Петра I, из среды современных им западноевропейских меркантилистов, не отдававших, как известно, должного развитию сельского хозяйства.

Исследования во всех областях науки (физики, химии, географии, экономики и т. д.) М. В. Ломоносов подчинял общей задаче — развитию производительных сил нашего отечества. Да и поэзию он иногда ставил на службу этой задаче:

В земное недро ты Химия
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия
Драги сокровища открой².

М. В. Ломоносов был не только знаком с экономической литературой западных стран, но, как мы уже отмечали, перевёл на русский язык некоторые работы по экономике сельского хозяйства.

Не менее яркой личностью в русской экономической мысли является А. Н. Радищев, написавший по экономическим вопросам ряд интересных работ. В его работах «Путешествие из Петербурга в Москву», «Письмо о китайском торге», «Описание моего владения»³ и др. наряду с революционной критикой феодально-крепостнического способа производства имеются интересные высказывания о промышленности, о торговле внутренней и внешней, о деньгах и т. д. В области экономических взглядов Радищев уделяет производству большее внимание по сравнению с рядом своих предшественников.

Радищев, с одной стороны, и Щербатов, с другой — яркие представители двух основных направлений в развитии русской экономической мысли второй половины XVIII в.: прогрессивно-демократического и реакционного, выражавших интересы определённых классов.

А. Н. Радищев является представителем революционно-демократического направления русской общественной мысли. В своих сочинениях Радищев дал уничтожающую критику крепостнической системы. Он выступал как сторонник ликвидации крепостничества и самодержавия революционным путём.

¹ М. В. Ломоносов, Соч., т. VII, 1934, стр. 287.

² М. В. Ломоносов, Соч., т. I, 1891, стр. 219.

³ См. А. Н. Радищев, Соч., т. II, 1941.

«Мы гордимся тем, — писал В. И. Ленин, — что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев...»¹

Вторая половина XVIII в. характеризуется развитием физиократических идей во Франции. В России, по мнению некоторых учёных, «чистых представителей» физиократической теории не было, но влияние прикладных выводов учения физиократов сказалось в первой половине царствования Екатерины II². При этом надо указать на работу Голицына «Сущность взглядов экономистов», изданную в 1796 г., правда, опубликованную во Франции и на французском языке.

При Екатерине II был создан «Наказ», в котором подчёркивалась необходимость усиленного развития земледелия, было образовано Вольное экономическое общество, много сделавшее в области создания оригинальных исследований по сельскохозяйственной экономике (труды А. Болотова и др.). Экономический либерализм, проводимый некоторое время Екатериной и выражавшийся в политике «свободы» торговли и промышленности (уничтожение монополий и т. д.), — всё это могло находиться в какой-то связи с экономической политикой физиократизма. Но было бы неправильно объяснять политику Екатерины французским влиянием. Надо «...искать объяснений течением общественной мысли... в материальных интересах различных классов русского общества»³. Экономическая политика Екатерины II определялась классовыми отношениями внутри России, в частности политика в области торговли и промышленности, проводимая Екатериной, по существу означала расширение прав дворянства в этой области.

Одним из первых представителей теории трудовой стоимости в России был профессор И. А. Третьяков, опубликовавший в 1772 г. свою речь «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и нынешних народов»⁴. Следует отметить, что эта работа И. А. Третьякова появилась за 4 года до опубликования труда

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 4, стр. 85.

² См. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXVa, стр. 694.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 461—462.

⁴ И. А. Третьяков и С. Е. Десницкий слушали в Глазго лекции А. Смита, куда они были посланы Академией наук в 1761 г. Профессор Святловский по этому вопросу пишет, что «ни Десницкому, ни Третьякову не пришлось основательно познакомиться с экономическим учением А. Смита, во-первых, потому, что время, когда они слушали Смита, приходилось почти за 15 лет до написания его «Богатства народов», во-вторых, потому, что уже в 1764 году Смит... прекратил чтение лекций» (В. Святловский, История экономических идей в России, т. I, 1923, стр. 125).

А. Смита о богатстве народов. И. А. Третьяков выдвигал на первое место в числе факторов «обогащения государства» разделение труда, «изобретение художеств» и учреждение банков.

О пользе разделения труда он писал: «Польза сего разделения сколько важна для обогащения государств, о том и сомневаться не должно».

Он решительно высказывался против заблуждения, «что государственное сокровище состоит во множестве серебра и золота»¹. И. А. Третьяков считал, что «человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет хотя не всегда в одинаковой пропорции». Он полагал, что запрещение вывоза монеты вне государства «чрезмерно вредно той земле». Бедность страны, как и отдельного человека, он объяснял тем, что «человек, ежели издерживает больше, нежели снискивает трудом, должен обнищать, равным образом и страна, когда она больше издерживает, нежели производит трудом внутри, а купечеством извне, нищета следует неизбежно». Русская экономическая мысль XVIII в. не может быть полно охарактеризована без указания на работы М. Д. Чулкова, написавшего многотомную «Историю российской коммерции», И. И. Голикова, опубликовавшего 36 томов своих работ, посвящённых Петру I, на работы П. И. Рычкова, А. Т. Болотова и др.

Неправильно думать, что развитие русской экономической мысли проходило абсолютно замкнуто, в стороне от мировой экономической науки. Русская экономическая мысль, оказывая влияние на мировую экономическую науку, в свою очередь подвергалась влиянию последней, сохраняя, однако, свою оригинальность, отражая всё своеобразие экономических условий развития России.

Русская экономическая наука в лице лучших её представителей следила за всем передовым и прогрессивным, что было в мировой экономической науке. Исследование А. Смита «О природе и о причинах богатства народов» было широко известно в прогрессивных кругах России. Уместно в связи с этим напомнить известные пушкинские строфы из «Евгения Онегина», в которых поэт, характеризуя своего героя, писал:

...читал Адама Смита.
И был глубокий эконом,
То-есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему

---

¹ И. А. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и нынешних народов, 1772, стр. 7—8.

Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

«Богатство народов» А. Смита на русском языке было опубликовано в 1802—1806 гг. и, несомненно, оказало влияние на развитие русской экономической науки. Это произведение, очевидно, читал и А. Н. Радищев.

С учением А. Смита — этого идеолога передовой буржуазии — были прекрасно знакомы Н. С. Мордвинов и Н. И. Тургенев. Однако из этого факта далеко ещё не следует, что последние являлись лишь пересказчиками идей Смита, что их можно определять как «русских смитианцев». Достаточно сравнить взгляды Н. С. Мордвина, Н. И. Тургенева со взглядами Смита, чтобы убедиться в несостоятельности подобных утверждений.

Исходя из интересов усиления экономической самостоятельности России, Н. С. Мордвинов в отличие от А. Смита считал целесообразной государственную поддержку фабрикантов, торговцев и т. д. А. Смит высказывался в первую очередь за разделение труда в мировом масштабе, Н. С. Мордвинов же, по национальным соображениям, стоял за разделение труда внутри государства, поскольку оно способствует росту производительных сил страны. Н. С. Мордвинов не просто излагал учение А. Смита, а критически его перерабатывал (в соответствии со своеобразными условиями России) и был оригинален в своих экономических суждениях.

В своих работах Н. С. Мордвинов затронул самые разнообразные вопросы: о мануфактурах, о частных банках и денежном обращении, о таможенном тарифе, о крепостном праве, о собирании статистических сведений, о налогах и т. д.

Прогрессивность взглядов Н. С. Мордвина по некоторым вопросам выражается в том, что он, как и И. Т. Посошков и М. В. Ломоносов, отыскивал средства усиления хозяйственного развития России, поднятия её производительных сил (под этим углом зрения он подходил, между прочим, к учению А. Смита). Работа Н. С. Мордвина «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» имела огромный успех и была переведена на итальянский язык. В рецензии на эту книгу известный в то время итальянский экономист Мелхиор Джойя писал, что Н. С. Мордвинов выдвинул ряд экономических положений, ставших лишь потом известными немецким и французским экономистам.

Важнейшее значение придавал Н. С. Мордвинов хозяйственной самостоятельности России. «Народ до тех пор не

может быть истинно благосостоятельным, — писал он, — пока не будет в силах сам собою удовлетворять нуждам своим и просвещённой роскоши»¹. Развитие производительных сил России и в первую очередь промышленности — центральная идея экономических работ Н. С. Мордвинова. Основной причиной отставания России от других государств он считал слабое развитие промышленности. «Можно не обинуясь сказать, что Россия отстала от прочих народов в обогащении потому, что предпочитала доселе сельские занятия городской промышленности»².

Н. С. Мордвинов смело критиковал немецких учёных, пытавшихся хозяйничать в области экономической науки в России. Характерно высказывание его против Шторха, доказывавшего в своём курсе политической экономии необходимость одностороннего аграрного развития России ввиду недостатка якобы в ней капиталов. «Россия не так бедна, — писал Н. С. Мордвинов, — как некоторые на русском языке её описуют, заимствуя суждения о ней из французских книжек. Но российскому языку несвойственны изречения: «Россия есть бедная страна; работа русского неприбыточна; польза России требует уступления прав рукоделия и торговли богатым её державам; Россия в нынешнем её положении не должна и не возможет выйти из зависимости чуждых народов». Всё сие может быть сказано на французском языке, на русском же оно непонятно»³. Не следует, однако, забывать, что в таком важном для России вопросе, как крепостное право, Н. С. Мордвинов не преодолел классовую, дворянскую ограниченность.

А между тем «...все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»⁴.

Принадлежность Н. С. Мордвинова к классу помещиков даёт себя знать при решении многих экономических вопросов, выдвигаемых Н. С. Мордвиновым. Он озабочен растущим обеднением части дворянства, он стоит за помещичье землевладение и за увеличение повинностей крестьян, нередко идеализируя взаимоотношения последних с помещиками. В целом его экономическая программа очень противоречива.

Н. С. Мордвинов не понимал, что осуществление всех его финансовых, технических и других мероприятий невозможно без ликвидации крепостного права.

¹ Н. С. Мордвинов, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе, 1839, стр. 59—60.

² «Архив графов Мордвиновых», т. IV, 1902, стр. 204.

³ «Архив графов Мордвиновых», т. V, стр. 111.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

Среди декабристов наиболее крупными экономистами были Пестель и Тургенев. А. С. Пушкин писал о Тургеневе следующее:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Н. И. Тургенев — образованнейший экономист своего времени, прекрасно знавший мировую экономическую и философскую литературу, — как и Н. С. Мордвинов, не был просто подражателем А. Смита. Глубоко ошибочно поэтому рассматривать его в качестве «смитианца совершенно иного толка». Н. И. Тургенев был одним из первых фритредеров в России. Позднее фритредерские, или манчестерские, взгляды разделяли в России экономисты Бутовский, Вернадский, Горлов и др.

Перу Н. И. Тургенева принадлежит несколько работ: упоминаемая уже книга «Опыт теории налогов», «Россия и русские» (три тома на французском языке), «О новом устройстве крестьян», «О разноплеменности в русском государстве» и др. Центральное место в работах Н. И. Тургенева занимала критика крепостничества.

Наибольший интерес представляет его «Опыт теории налогов». В этой книге Н. И. Тургенев писал: «Никакая теория, как экономическая или финансовая, так и правительственная, не может принести результатов, если она не основывается на свободе». В вопросе о крепостном праве позиция Н. И. Тургенева была в отличие от позиции Н. С. Мордвинова вполне определённой. Правда, в решении крестьянского вопроса Н. И. Тургенев уступал Пестелю. Однако при всей ограниченности своей программы освобождения крестьян Н. И. Тургенев считал крепостное право главной причиной отсталости России и тяжёлого положения народа. «Успехи России, — писал он, — при таком духе народа и правительства, каковой существует в отечестве нашем, были бы ещё совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и к благосостоянию, не препятствовало существование рабства»¹.

Книга «Опыт теории налогов» была встречена одобрительно в прогрессивных кругах России. Рецензия, помещённая в «Сыне отечества», отмечала, что «книга Тургенева сделала такую же эпоху в финансовой науке, как книги графа Верри по государственному и Адама Смита по народному хозяйству».

¹ Н. И. Тургенев, Опыт теории налогов, 1937, стр. 129.

Эта книга русского экономиста в научном отношении, по оригинальности рассматриваемых вопросов несколько не уступает, а даже превосходит многие крупные экономические работы учёных Европы того времени. Она являлась одной из лучших работ по теории налогов в современной ей мировой экономической литературе.

Декабристы были знакомы с произведениями А. Смита, Рикардо, Сэя, Сисмонди и других экономистов. Однако они не преклонялись слепо перед западноевропейскими учёными, а оригинально разрешали многие экономические вопросы. Критика декабристами некоторых положений Юма, Канта и др. представляет большой интерес. Н. И. Тургенев смело выступил по вопросу о рабстве против вульгарного экономиста Сэя¹.

По этому же вопросу против Сэя высказался в своих «Практических началах политической экономии» экономист декабрист Пестель. Изучение этой экономической работы Пестеля (опубликованной впервые в 1925 г.), а также его «Русской Правды» имеет большое значение для характеристики экономических воззрений декабристов, эволюции их взглядов. Необходимо подчеркнуть, что экономические взгляды, в частности по аграрному вопросу, декабристов (Тургенев, Пестель, Бестужев и др.), этих дворянских революционеров, по выражению В. И. Ленина, представляют огромный интерес для истории экономической мысли в России.

В русской экономической литературе всегда уделялось огромное внимание аграрной проблеме. Это и понятно. Большая роль сельского хозяйства в экономике России и острота классовых противоречий находили отражение в общественной мысли. В этом отношении особенный интерес представляет разработка аграрного вопроса декабристами и в первую очередь наиболее революционной частью их в лице Пестеля, выдвинувшего идею частичной национализации земли.

Несомненный интерес представляют экономическая деятельность и взгляды М. М. Сперанского — русского реформатора, по выражению Н. Г. Чернышевского.

Между прочим, в «Записке о монетном обращении» М. М. Сперанский писал: «Богатство государства образуется и возрастает трудом»².

В эволюции русской экономической мысли важнейшее место занимает вопрос о путях экономического развития России. Крижанич и Посошков, Пётр I и Ломоносов, Радищев и Щербатов, Тургенев и Мордвинов, фритредеры и протекционисты,

¹ См. «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, 1921, стр. 408.

² Граф Сперанский, Записка о монетном обращении, 1895, стр. 5.

славянофилы и западники, народники и т. д. — все в конечном счёте пытались разрешать эту проблему в соответствии с интересами различных классов русского общества.

Славянофилы, например, полагали, что формы экономического развития самобытной России абсолютно противоположны западноевропейским; они отрицательно относились к реформам Петра I, в том числе и в экономической области, видя в них отказ от основных принципов русского быта и хозяйства. Проблема общины занимала важное место во взглядах славянофилов. По мнению Ю. Самарина, «общинное начало составляет основу, грунт всей Русской истории, прошедшей, настоящей и будущей; семена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, глубоко зарыты в его плодотворной глубине, и никакое дело, никакая теория, отвергающая эту основу, не достигнет своей цели, не будет жить»¹.

Славянофилы Кошелев, Хомяков, Самарин рассматривали общину как едва ли не главное средство против пролетаризации крестьян и пауперизма. Общине, как увидим ниже, придавал большое значение и А. И. Герцен, но в отличие от славянофилов Герцен видел и ту консервативную роль, которую играла община.

Н. Г. Чернышевский видел некоторую заслугу славянофилов в постановке вопроса об общине. «Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сёл должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях»².

Экономические взгляды славянофилов очень противоречивы; некоторые из них высказывались против крепостного права, отрицательно относясь к реакционной политике правительства, выступали за развитие производительных сил страны, за укрепление её независимости от иностранных государств и т. д.

Значительная же часть славянофилов опасалась отмены крепостного права и развития капиталистических отношений в России и выражала по существу реакционную идеологию помещиков.

Мы не имеем возможности остановиться на характеристике экономических воззрений Н. Полевого, петрашевцев, многих представителей университетской мысли и т. д.

---

¹ Ю. Самарин, Соч., т. I, 1877, стр. 51.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1906, стр. 199.

Важное место в истории русской экономической мысли занимает А. И. Герцен. По выражению В. И. Ленина, — «Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества»»¹.

По мнению А. И. Герцена, развитие России мыслимо на трёх следующих началах: 1) право каждого на землю, 2) общинное владение ею, 3) мирское управление. Герцен утверждал, что «...только на них может развиваться будущая Русь»².

В. И. Ленин, давая оценку Герцену, писал: «...он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»³.

Глубочайший творческий ум А. И. Герцена не мирился со слепым преклонением перед иностранными учёными. Он писал: «...надобно, читая Прудона, как П. Леру и других французов-философствующих, непрерывно помнить, что у них есть свои странные мысли и приёмы, *des piaiseries* (вздор), иллогизмы и пр. Сквозь это надобно пробиться...»⁴.

А. И. Герцен глубоко критиковал буржуазную политическую экономию. «До человека, — писал он, — собственно, ей (политической экономии. — П. Х.) не было дела... В такой форме наука о богатстве, основанная на правиле: «имущему даётся», должна была сделать великий успех в мире торговли, купечества и буржуазии, но для неимущих такая наука не представляла больших прелестей»⁵.

Показывая, насколько измелъчала вульгарная политическая экономия, Герцен констатировал отход от неё наиболее глубоких умов. «Зато пошлая посредственность прильнула к ней; в ея руках наука Адама Смита измелъчала, выродилась в торговую смышлённость, в искусство с наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведений и обеспечивать им наивыгоднейший сбыт»⁶.

«...Громадный шаг вперед против Герцена»⁷ сделал в области экономической науки Н. Г. Чернышевский. Фигура Н. Г. Чернышевского многогранна: экономист, революционер, философ, литератор.

Экономические работы Н. Г. Чернышевского отличаются большой глубиной мысли.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 11.

² А. И. Герцен, Соч., т. X, 1919, стр. 120.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 9—10.

⁴ А. И. Герцен, Соч., т. III, 1919, стр. 448.

⁵ А. И. Герцен, Соч., т. V, 1919, стр. 164.

⁶ Там же, стр. 166.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.

Н. Г. Чернышевский разработал вопрос о социализме глубже, чем Герцен, но он всё же оставался утопистом, связывая переход к социализму с крестьянской общиной. От произведений Н. Г. Чернышевского, как указывал В. И. Ленин, «веет духом классовой борьбы». Однако Н. Г. Чернышевский ошибочно полагал, что социалистический переворот в России сделает крестьянство.

Н. Г. Чернышевский «...был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»¹.

В. И. Ленин писал, что «либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»².

Н. Г. Чернышевский написал ряд прекрасных экономических работ: статьи по крестьянскому вопросу («О поземельной собственности», «О новых условиях сельского быта», «Устройство быта помещичьих крестьян»), «Примечания к Миллю», «Капитал и труд», «Начала народного хозяйства», «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединённых Штатов Г. К. Кэри» и др. Всё это создало ему заслуженную известность крупнейшего экономиста. К. Маркс в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» характеризует Н. Г. Чернышевского как «великого русского ученого», который в своих «Очерках политической экономии по Миллю» «мастерски выяснил банкротство буржуазной политической экономии».

К. Маркс хорошо знал и высоко ценил Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Маркс писал, что не может погибнуть страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского.

Прекрасно зная западноевропейскую экономическую литературу, Н. Г. Чернышевский подверг в своих работах глубокой и оригинальной критике таких экономистов, как Мальтус, Кэри, Сэй, Бастиа, Рошер, Тюрго и др. Критикуя немецкого экономиста Рошера и в лице его старую «историческую школу», Н. Г. Чернышевский убедительно показал, что последняя превращает теорию в историю предмета, политическую экономию — в историю народного хозяйства. Н. Г. Чернышевский высмеивал немецких экономистов за их сухой педантизм, за их «метод приготовления книг», который, писал он,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

«...в Германии очень распространён между учёными (и даже неучёными) писателями»¹.

Н. Г. Чернышевский доказал ошибочность мнения американского экономиста Кэри, что «протекционизм спасителен для нации». Главную причину экономических затруднений Соединённых Штатов Америки Н. Г. Чернышевский видел в невольничестве. Самой главной экономической потребностью России был, по мнению Н. Г. Чернышевского, вопрос об отмене крепостного права, тормозившего рост производительных сил страны.

Огромный интерес представляют работы Н. Г. Чернышевского, направленные на доказательство ложности учения Мальтуса. По справедливому мнению Н. Г. Чернышевского, «целью его (Мальтуса. — П. Х.) было показать, что человеческие бедствия проистекают главнейшим образом не из недостатков экономического устройства, а из законов самой натуры, что никакие реформы не принесут прочного улучшения человеческого быту...»² Апологетический мальтусовский закон народонаселения подвергался резкой критике не только Чернышевским, но и рядом других русских экономистов. Так, например, оригинальный русский экономист 40—50-х годов XIX в. В. А. Милютин³ в своей статье «Мальтус и его противники» выдвинул против учения Мальтуса ряд серьёзных возражений.

Резкой критике Н. Г. Чернышевский подверг и других представителей вулгарной буржуазной политической экономии. По поводу учения Сэя он писал: «...теория Сэ мертва для нас. Она сама по себе поверхностна и фальшива. В науке это уже давно доказано»⁴.

Оригинальная глубокая трактовка экономических вопросов Н. Г. Чернышевским составляет блестящие страницы истории русской экономической мысли. В работе о земельной собственности Н. Г. Чернышевский по существу подходил к пониманию категории абсолютной ренты.

К. Маркс в беседе с Лопатиным дал следующую оценку Н. Г. Чернышевскому как экономисту: «...из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы... его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли... они... единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; ...русские должны

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1906, стр. 129.

² Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. II, ч. 2, 1935, стр. 483.

³ См. В. А. Милютин, Избранные произведения, 1946.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1906, стр. 113.

стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем»¹.

Н. Г. Чернышевский, как и другие передовые представители экономической мысли в России, был глубоким патриотом своей страны. Поэтому естественно, что в его работах вопрос о путях экономического развития России занимал важнейшее место. Прогрессивная экономическая мысль России была пропитана духом и стремлением изменить экономические условия жизни своей страны.

Н. Г. Чернышевский был пламенным патриотом нашего отечества. В его экономических работах последовательно проводится идея борьбы за улучшение положения русского народа, за рост производительных сил России: «...содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества, — что может быть выше и вожделеннее этого?» — писал Чернышевский.

Мы не имеем возможности коснуться финансовых работ и работ экономистов-статистиков, а между тем русской статистической науке принадлежит ряд крупных имён в области теории статистики, а некоторые статистические исследования, проведённые в России, представляют своего рода уникум в статистической литературе мира. В. И. Ленин писал о русской статистике пореформенного периода следующее: «...наша *земская* статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки... Ближайшее ознакомление европейцев с нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще»².

Мы кратко охарактеризовали наиболее крупных представителей русской экономической мысли. Однако мы назвали имена далеко не всех экономистов, игравших в той или иной связи прогрессивную роль. Например, пристального внимания заслуживают взгляды такого экономиста, как Н. Зибер, своеобразного комментатора экономического учения К. Маркса, автора двух капитальных работ — «Теория ценности и капитала Рикардо» и «Очерки первобытной экономической культуры». К. Маркс в послесловии ко второму изданию «Капитала» писал относительно первой из названных работ Зибера: «При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»³.

¹ См. «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)», 1922, стр. 71.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 195.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 14.

Мы не охарактеризовали и другого русского учёного, Н. Флеровского, книга которого «Положение рабочего класса в России» обратила на себя серьёзное внимание не только у нас в России, но и за границей. К. Маркс в связи с получением этой книги начал специально изучать русский язык. В 1870 г. он писал Ф. Энгельсу: «...это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии»». Несколько позднее, в письме к членам русской секции I Интернационала в Женеве, К. Маркс писал:

«Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России...»¹

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 354.

Раздел второй

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

После отмены крепостного права развитие капитализма в России пошло быстрее, несмотря на остатки крепостничества, задерживавшие это развитие. Все отрасли народного хозяйства — земледелие, добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт — показали невиданные в условиях крепостничества темпы роста. «Пореформенная эпоха, — писал В. И. Ленин, — резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепы, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»¹.

В текстильной, каменноугольной, металлургической, нефтяной и других отраслях промышленности быстро вводилось машинное производство; росло применение паровых двигателей, внедрялась передовая технология производства (применение минерального топлива в металлургии вместо древесного, применение бессемеровского и мартеновского способов и т. д.), возрастал органический состав капитала, увеличивалась концентрация производства.

Не меньшие технические сдвиги происходили и на железнодорожном транспорте. Развитие капиталистических отношений требовало создания парового транспорта: длина железнодорожной сети возросла с 1,6 тыс. км в 1860 г. до 53,2 тыс. км в 1900 г. и 81,1 тыс. в 1917 г. Этот рост железнодорожной сети сыграл большую роль в расширении рынка, в частности сельскохозяйственного рынка. Возникновение парового транспорта оказало большое влияние на рост промышленности, в особенности горнозаводской.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 524.

Крестьянская реформа создала предпосылки для развития капиталистических отношений в деревне; барщинная система хозяйства была подорвана реформой. «Подорваны были все главные основания этой системы: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины, тесная связь между ее отдельными элементами, власть помещика над крестьянами»¹. В результате осуществления реформы крестьянское хозяйство перестало быть частью помещичьего, хотя и не окончательно, так как в руках помещиков остались значительные части крестьянских наделов: «отрезки», водопой, леса и т. д.

Дворянство, руководившее реформой, поставило основную массу населения страны в тяжёлые условия, так что «...крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»². Крестьяне получили земли в наделы значительно меньше, чем они имели до реформы. Как правило, земли, оставленные в надел крестьянам, были хуже земель помещиков, размежевание земель было проведено так, что крестьяне оказывались в западне у «своего» помещика. Выкуп за землю, назначенный царским правительством, значительно превышал цену земли.

Наиболее важным явлением в крестьянском хозяйстве России после реформы была дифференциация: разложение или «раскрестьянивание» крестьянства. Этот процесс В. И. Ленин прекрасно показал в своей работе «Развитие капитализма в России». Используя богатейший материал земской статистики о Новороссии, о Самарской, Саратовской, Пермской, Орловской, Воронежской, Нижегородской и других губерниях, а также другие многочисленные источники, В. И. Ленин показал, что из крестьянства выделялись деревенская буржуазия и сельский пролетариат. Рост товарного производства означал и рост расслоения крестьянства, особенно усилившийся в 80—90-х годах XIX в. Расслоение крестьянства вело, вопреки утверждениям народников, к росту внутреннего рынка. За счёт разложения среднего крестьянина создавались два новых типа сельского населения — зажиточное крестьянство и наёмные рабочие с наделом. «Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов... причем это отношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства, — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 65.

производства, в общем количестве производимых крестьянством сельскохозяйственных продуктов, — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей»¹.

В группу сельского пролетариата входит: «...неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом»².

Разложение крестьянства создавало рынок на рабочую силу. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» приводил следующие итоговые данные о разложении крестьянства в русской деревне:

ЧИСЛО КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ³

	1888—1891 гг.		1896—1900 гг.	
	млн.	%	млн.	%
Безлошадные	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадию	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
« 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и более	1,1	11,4	1,0	9,1
Всего	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства уже потому, что весь миллионный прирост числа дворов пошёл на увеличение двух низших групп. Следует сказать, что процесс разложения крестьянства в связи с ростом товарного хозяйства в пореформенное время задерживался рядом явлений в экономике русской деревни, в частности остатки барщинного хозяйства — отработки — задерживали дифференциацию крестьянства, поскольку они основывались на натуральной оплате труда, на слабом развитии товарного производства. По мере развития сельского хозяйства в пореформенное время зажиточная часть крестьянства в большей степени превращалась в поземельных собственников. Так, если в 1877 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 144—145.

² Там же, стр. 145.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 105.

крестьяне владели на правах собственности 5,8 млн. десятин земли, или 6,3 % всей частновладельческой земли, то в начале XX в. крестьянам принадлежало уже 13,2 млн. десятин земли, или 15,4 %.

Хотя дворянство и к концу XIX в. продолжало быть главным собственником земли, но развитие шло к созданию буржуазной частной собственности на землю.

Доля крестьян, купцов и мещан — частных поземельных собственников — возросла. Кроме частновладельческой, крестьянство имело наделные земли — 136,9 млн. десятин земли в конце XIX столетия, находившейся во владении 12,3 млн. крестьянских дворов. Надельная земля хотя и не в такой степени, как частновладельческая, но тоже была распределена неравномерно. Почти около половины наделной земли находилось в руках 2,1 млн. дворов, несколько больше половины дворов имело до 8 десятин земли на двор. Таким образом, в распределении наделной земли зажиточные группы крестьянства получали перевес над беднейшими слоями. Крестьянская община далеко ещё не гарантировала уравнительности в землепользовании. Более яркое представление о неравномерности пользования землёй даёт распределение арендованной и купчей земли, сосредоточенной главным образом в руках зажиточных групп; распределение скота между крестьянскими хозяйствами было ещё более неравномерно, чем распределение наделной земли. Разложение крестьянского хозяйства в пореформенное время выражалось в самых различных формах: обезлошадивание низших групп крестьянства, пролетаризация, рост недоимок и т. д. Недоимки выросли за последнюю четверть XIX в. в огромных размерах.

ДИНАМИКА КРЕСТЬЯНСКИХ НЕДОИМОК¹

(Процентное отношение недоимок к годовому окладу податных сборов)

Губернии	1871— 1875 гг.	1891— 1895 гг.	1896 г.	1898 г.
Симбирская	5	204	223	277
Тульская	3	124	151	244
Казанская	4	370	334	418
Оренбургская	43	448	334	277
Самарская	48	433	315	363
Уфимская	25	336	360	397

¹ См. А. Д. Поленов, Исследование экономического положения центрально-чернозёмных губерний, 1901, стр. 8.

Обедневший крестьянин бежал в город. Проникновение капитализма в сельское хозяйство разрушало общину и быстрыми темпами пролетаризировало низшие группы крестьянства.

«Чтобы экспроприировать земледельцев, — писал К. Маркс в письме к В. Засулич в 1881 г., — нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»¹.

Подати с крестьян в пореформенное время отражали огромное влияние крепостничества: неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, всевозможные натуральные повинности и т. д. В. И. Ленин, приводя данные воронежской статистики крестьянских бюджетов, писал: «Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежащих ему в собственности крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое-вдвое меньше пропорционально своему доходу»².

После краткой характеристики крестьянских хозяйств перейдем к выяснению общественно-экономического строя помещичьего хозяйства, который, несмотря на многообразие форм, сводился в конечном счете к отработочной и капиталистической системам. «Первая состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, причем форма платы не изменяет сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издельном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землей или угодьями, как при отработках в узком смысле слова)»³.

Отработочная система представляла непосредственно пережиток барщинного хозяйства, подорванного, но не уничтоженного отменой крепостного права. «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской Правды» и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем...»⁴

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 685.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 90.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 272.

«Капиталистическая система состоит в найме рабочих (годовых, сроковых, поденных и пр.), обрабатывающих землю инвентарем владельца. Названные системы переплетаются в действительности самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам»¹.

Из 43 губерний России в 19 губерниях у землевладельцев преобладала капиталистическая система, в 7 губерниях — смешанная система и в 17 губерниях преобладала отработочная система. По мере развития товарного хозяйства, разложения крестьянства, применения машин в сельском хозяйстве значение отработочной системы падало, и она всё в большей степени вытеснялась наёмным трудом.

Дворянству в первое время после реформы принадлежала главная масса всей частновладельческой земли: в 1877 г. дворянство имело 73,1 млн. десятин земли, в 1887 г. — 68,3 млн. и в 1905 г. — 53,2 млн. десятин². Следовательно, за эти годы дворянство продало около 20 млн. десятин земли, причём по всё возрастающим ценам. Так, если средние цены на землю перед крестьянской реформой равнялись 12 р. 69 к. за десятину, в 60-х годах они равнялись 20 р. 44 к., то в конце 90-х годов — уже 66 р. 92 к., а в некоторых районах страны они увеличились ещё больше³.

Созданные царским правительством в 80-х годах Крестьянский и Дворянский поземельные банки помогали осуществлять продажу земель помещиками на весьма выгодных условиях.

В целом землевладение в Европейской России на рубеже XIX и XX вв. характеризуется следующими данными поземельной статистики.

Землевладение распределялось на следующие три основные группы⁴:

а) Земли в частной собственности	101,7 млн. десятин
б) Надельной земли	138,8 » »
в) Земли казённой, церковной и учреждений	154,7 » »

Всего земли в Европейской России 395,2 млн. десятин

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 161.

² См. «Статистика землевладения 1905 г.»; «Свод данных по 50 губерниям Европейской России», 1907.

³ См. «Сведения о продажных ценах на земли», 1859; «Временник Центрального статистического комитета» № 11, 1889; «Цены на землю в Европейской России по продажам, сделанным в 1882 и 1887 гг.»; «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. IV, 1891.

⁴ См. «Статистика землевладения 1905 г.»; «Свод данных по 50 губерниям Европейской России», 1907, стр. 11, 15.

Из 101,7 млн. десятин частновладельческой земли находилось в личной собственности 85,9 млн. и 15,8 млн. десятин принадлежало обществам и товариществам.

Действительный сельскохозяйственный фонд Европейской России В. И. Ленин определил в 280 млн. десятин и дал следующую картину русского землевладения к концу XIX в.:

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ К КОНЦУ
XIX В.¹

	Число		
	владений	десятин	На одно владение дес.
	в млн.		
а) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство . . .	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333
Всего . . .	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений	—	50,0	—
Итого . . .	13,03	280,0	21,4

К первой группе В. И. Ленин отнёс земельные владения до 15 десятин, ко второй — от 15 до 20, к третьей — от 20 до 500 и, наконец, к четвёртой — крепостнические латифундии размером свыше 500 десятин. «...Суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10½ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутораста населения) с 70 млн. десятин земли»².

Развитие капиталистического способа производства вело к росту производительных сил в сельском хозяйстве.

Прогресс в пореформенном сельском хозяйстве был связан в первую очередь с расширением вольнонаёмной системы на

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 62.

² Там же, стр. 63.

частновладельческих землях. Частновладельческие хозяйства, как правило, имели более высокую технику и агрономию сельского хозяйства. Они применяли больше удобрений и шире внедряли травосеяние, в результате чего урожайность за ряд лет на помещичьих землях была выше, чем на крестьянских.

СРЕДНЯЯ УРОЖАЙНОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
ЗА 1883—1900 гг.¹

	В четвертях с десятины			
	рожь	пшеница озимая	пшеница яровая	овёс
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян	5,0	5,0	4,25	7,0

Прогресс совершался и в крестьянском хозяйстве, главным образом в хозяйствах зажиточного крестьянства, поскольку вводились травосеяние, машины, удобрения и т. д. Сельское хозяйство принимало всё в большей степени торговый характер, образуя внутренний рынок для капитализма. Развитие капитализма в сельском хозяйстве создавало в России крупное производство с применением машин, оно подрывало крепостнические отработки и личную зависимость крестьянина.

«...Земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда. Несколько десятилетий капиталистической «ломки» сделали в этом отношении больше, чем целые века предшествующей истории»². Однако прогрессу в сельском хозяйстве сильно мешали различные крепостнические пережитки. Кризис земледелия в России в конце XIX в. объяснялся в значительной степени крайне медленным освобождением земледелия от средневековых пут. После реформы 1861 г. ясно обозначились два пути развития сельского хозяйства — «прусский» и «американский», крестьянство, с одной стороны, помещики — с другой, боролись за различные пути решения аграрного вопроса.

«Американский» путь развития сельского хозяйства обеспечивал в неизмеримо большей степени рост производительных

¹ См. «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.», вып. I, 1902, стр. 122.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 270.

сил страны, этого высшего критерия общественного развития. «Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов»¹.

*   *
*

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось ростом сельскохозяйственного производства: увеличились сборы хлебов, посевные площади и т. д.

Производство зерновых хлебов за последние три года XIX столетия было раза в 2 больше, чем за три года первого пятилетия после реформы 1861 г.; сбор картофеля, сахарной свёклы и некоторых других сельскохозяйственных культур увеличился ещё больше. Резко возросло промышленное производство. Население также увеличивалось, но в меньшей степени, чем росла промышленная и сельскохозяйственная продукция, что указывает на имевшийся рост производительности труда в народном хозяйстве.

«Менее, чем за сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населения — в каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда»².

Рост народного хозяйства России не был систематическим и равномерным по отдельным годам и производствам. Особенно в этом отношении выделялось сельское хозяйство. Анализируя динамику сбора хлебов в России, легко заметить резкие колебания ежегодного сбора сельскохозяйственной продукции, отражавшие в известной степени изменения производительности земледельческого труда.

В. И. Ленин приводит следующие данные о размере зерновых хлебов и картофеля на одну душу населения в Европейской России (50 губерний)³:

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 125.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 488.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 214.

Периоды	На одну душу населения приходится четвертей чистого сбора		
	зерновых хлебов	картофеля	всего хлеба
1864—1866 гг.	2,21	0,27	2,48
1870—1879 »	2,59	0,43	3,02
1883—1887 »	2,68	0,44	3,12
1885—1894 »	2,57	0,50	3,07
(1900—1904)—1905 гг. .	2,81	0,87	3,68

Душевой сбор * зерновых и в особенности картофеля за этот период увеличился; посевы всех хлебов и картофеля выросли с 72,2 млн. четвертей (1864—1866 гг.) до 103,5 млн. четвертей (1900—1905 гг.), а чистый сбор зерновых и картофеля — с 152,8 до 396,5 млн. четвертей, т. е. больше чем в 2,5 раза. «Производительность земледельческого труда повышается: во-первых, величина чистого сбора возрастает быстрее, чем величина посева (за некоторыми частичными исключениями); во-вторых, надо принять во внимание, что доля населения, занятого земледельческим производством, за указанное время постоянно уменьшалась вследствие отвлечения населения от сельского хозяйства к торговле и промышленности, а равно и вследствие выселения крестьян за пределы Евр. России»¹.

Следовательно, в связи с техническим прогрессом, имевшимся в земледелии, относительно уменьшившееся сельскохозяйственное население России производило больше сельскохозяйственной продукции.

Доля сельского населения в России равнялась в 1859 г. 94,3%, в 1897 г. — уже только 87,4% и на 1/1 1911 г. — 86,1%. Средний сбор зерновых хлебов в Российской империи за 1864—1866 гг. равнялся 240,7 млн. четвертей², или около 1,9 млрд. пуд., а за пятилетие (1896—1900) — около 3,3 млрд. пуд. Сельскохозяйственное население дореволюционной России уменьшалось относительно, абсолютно же увеличивалось, но оно всё же в послереформенный период увеличилось в меньшей

* Валовой сбор зерновых хлебов на душу населения составлял (в четвертях) в 70-х годах в России — 4,5, в США — 6,2, во Франции — 3,0, в Пруссии — 3,5, в Великобритании — 2,9. См. «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 10.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 214.

² См. «Военно-статистический сборник», вып. IV, 1871, стр. 245.

степени, чем производство зерновых хлебов и всей сельскохозяйственной продукции. Однако для решения вопроса о производительности земледельческого труда недостаточно сравнить темпы роста населения и сбора зерновых хлебов, ибо затраты труда на производство зерновых хлебов хотя и являлись основными в общем балансе сельскохозяйственного труда, но не исчерпывали все затраты труда деревни. В 60-х годах XIX в. главная часть труда в земледелии была занята производством зерновых хлебов, но значительное количество труда затрачивалось на производство льна, картофеля, свёклы и т. п.

Развитие капиталистических производственных отношений в деревне сопровождалось усилением разделения труда, применением сельскохозяйственных машин, удобрений, улучшением севооборотов и т. д. — всё это вело к росту производительности земледельческого труда.

Ввоз сельскохозяйственных машин в 1893—1896 гг. превышал ввоз за время с 1869 по 1872 г. больше чем в 6 раз (по стоимости); одновременно увеличивалось и внутреннее производство земледельческих машин, так что значительно возросшее количество применяемых машин в сельском хозяйстве способствовало росту производительности труда. «Машины в громадной степени повышают производительность труда в земледелии, которое до современной эпохи оставалось почти совершенно в стороне от хода общественного развития»¹. Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось также ростом потребления искусственных удобрений. Так, например, ввоз туков в Россию из-за границы равнялся в 1866 г. 26,7 тыс. пуд., в 1893 г. — 1 082 тыс. пуд., а в 1900 г. — уже 6 009 тыс. пуд. Производство минеральных удобрений в России росло одновременно с ростом ввоза искусственных удобрений. Несмотря на растущее употребление минеральных удобрений в дореволюционной России, ежегодный вынос азота из почвы далеко не покрывался искусственными и естественными удобрениями, что вело к резким колебаниям урожайности. К. Маркс следующим образом обрисовал этот процесс, происходивший в земледелии России:

«Почва, которая непрерывно истощается и не получает путем растительного, животного или искусственного удобрения и т. п. необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, т. е. от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по своему изобилию жатвы; хотя при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., за-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 194.

стойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год*, и тем более ряд последующих неурожайных годов, позволяют находящимся в почве минералам накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия...

Так, в 1870 г. в Вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год. Весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному — 1874-году, за которым непосредственно следует голодный 1875 г.; затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще более тяжелым голодным — 1880 — годом»¹.

Урожайность в 70-х годах в России попрежнему была ниже, чем в европейских странах и США². Движение объёма сельскохозяйственного производства в России было крайне неравномерным. Анализируя динамику сбора хлебов, можно заметить резкие изменения величины ежегодной сельскохозяйственной продукции³. К. Маркс отмечает, что в 1870 г. Россия имела прекрасную жатву: действительно, сбор зерновых хлебов в этом году в 50 губерниях России составил 282 млн. четвертей и не был превышен до 1884 г. За хорошим урожаем в 1870 г. последовал плохой урожай в 1871 г. — сбор зерновых упал с 282 до 219 млн. четвертей. В последующие годы особенно низкое производство зерновых хлебов было в связи с кризисом в 1891 и 1892 гг. Ф. Энгельс писал по поводу этого голода следующее: «...прошлогодний *неурожай* — употребляя официальное выражение — вовсе не изолированное и случайное явление, а неизбежное следствие всего развития России после окончания Крымской войны...»⁴

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 341—342.

² См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 10.

³ Зерновые хлеба и картофель являлись решающими элементами сельскохозяйственной продукции России. Из общей ценности земледельческих произведений в 1 392 млн. руб. на зерновые и картофель приходилось 1 300 млн. руб. и на остальные культуры — лишь 91,7 млн. руб. См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 15.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 65.

Таким образом, частые неурожаи являлись следствием не только неблагоприятных естественных условий. Основная причина систематических неурожаев крылась в характере социального строя. Неурожай привёл к голоду. Этот голод был частью тех экономических противоречий, которые переживала Россия после реформы 1861 г. Голод усилил расслоение крестьянства, разорение бедноты и обогащение деревенской верхушки, ускорил переход «...земельной собственности из рук дворянства и крестьян в руки новой буржуазии»¹, он обнаружил все противоречия пореформенной экономики в целом. Голод резко сказался на положении трудящихся городов и крестьянской бедноты, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что производство картофеля в эти годы не только не уменьшилось, но увеличилось, что указывает на ухудшение питания трудящихся масс. Рост производительности труда в сельском хозяйстве России был значительно меньше, чем в промышленности и на транспорте. «Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д.»²

Остатки крепостничества в сельском хозяйстве России тормозили внедрение машин, удобрений, лучших севооборотов и т. д.; они тормозили рост производительности земледельческого труда. «Несмотря на отмену крепостного права, — читаем мы в материалах правительственной комиссии, — крестьянин остался, в известной мере, прикрепленным к земле. Круговая порука и принадлежность к общине, коллективному произволу коей подчиняется его личная самобытность, тяготят над его трудом. Переделы полей не допускают усовершенствованного хозяйства, семейные разделы ослабляют производительные средства»³. В. И. Ленин приводил интересные данные об урожайности при различных формах эксплуатации земли. Урожай на наделной земле составлял 54 пуда с десятины, «...на помещичьей земле при хуторском посеве и при обработке на счет помещика с помещичьим инвентарем и при пользовании наемным трудом — 66 пудов, на той же помещичьей земле при т.-н. «испольной» обработке — 50 пудов и, наконец, на земле помещичьей, арендованной крестьянами, — 45 пудов»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 254.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 114.

³ «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». 1873, стр. 40.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 137.

Следовательно, наименьший урожай собирали с земель, арендованных крестьянами, и с помещичьих земель, обрабатываемых на основе системы использования; урожайность на них была ниже, чем на худших по своему качеству наделных землях. Помещичьи земли давали, как видно, различную урожайность; повышение урожайности на этих землях находилось в зависимости от развития капиталистических отношений, в зависимости от перехода от отработочной системы к вольнонаёмной: помещичьи земли, обрабатываемые наёмным трудом — капиталистически, давали 66 пуд., а обрабатываемые «испольно» — только 50 пуд. с десятины. «Невероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ: «на барина»»¹.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, подрывая отработочную систему и другие пережитки крепостничества, усиливало классовую дифференциацию в деревне; одновременно капитализм, способствуя внедрению машин и удобрений в сельское хозяйство России, создавал «...крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих»².

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, вызвавшее значительное увеличение производства зерна в России, сопровождалось большими изменениями главных центров производства зерновых хлебов. Рост торгового земледелия в пореформенную эпоху сопровождался возникновением районов торгового зернового хозяйства. В 60-х годах наибольший чистый сбор зерна на душу населения имелся в Северо-чернозёмном районе (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская губернии), затем в Западной Сибири, в Привислинском и Прибалтийском районах; в 80-х годах на первое место выходит Южный степной район (Херсонская, Бессарабская, Таврическая, Донская, Екатеринославская, Донецкая губернии), затем Нижневолжский и Заволжский районы (Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская, Саратовская губернии). Таким образом, наблюдалось перемещение основного центра зернового хозяйства.

«Этот интересный факт громадного роста земледельческого производства в описываемом районе объясняется тем, что степные окраины были в пореформенную эпоху колонией

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 71.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 271.

центральной, давно заселенной Евр. России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы»¹.

ЧИСТЫЙ СБОР ЗЕРНА НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в пудах)²

Районы	Годы				
	1864— 1866	1870— 1879	1883— 1887	1909— 1913	1909—1913 в % к 1864—1866
Всего	19,3	21,8	—	24,4	126,4
Северный	11,5	11,3	14,1	12,0	104,3
Северо-западный . .	11,4	11,3	13,5	8,4	73,7
Средневолжский и Заволжский	18,9	23,5	25,8	22,0	116,4
Промышленный . . .	16,2	13,1	14,8	9,8	60,4
Западный	14,9	18,3	14,4	15,4	103,3
Прибалтийский . . .	22,4	19,1	21,9	21,1	94,2
Привислинский . . .	23,2	21,8	—	19,4	83,6
Северо-чернозёмный .	28,9	33,9	28,5	25,1	86,9
Юго-западный	17,5	22,6	21,6	25,3	144,6
Южно-чернозёмный .	18,8	25,2	24,0	31,6	168,0
Южный степной . . .	18,2	18,3	29,4	49,0	269,2
Нижневолжский и Заволжский	19,1	25,2	29,2	28,8	150,7
Предкавказье	10,1	—	—	56,8	562,3
Сибирь Западная . .	26,1	27,8	—	20,9	80,1
Сибирь Восточная . .	5,9	—	—	16,5	279,7
Степной	5,0	4,4	—	11,6	232,0
Туркестан	—	13,9	—	13,4	—

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 218.

² В районы входят следующие губернии: Северный — Архангельская, Олонецкая, Вологодская; Северо-западный — Петербургская, Новгородская, Псковская; Средневолжский и Заволжский — Костромская, Нижегородская, Вятская, Пермская; Промышленный — Тверская, Московская, Смоленская, Калужская, Владимирская, Ярославская; Западный — Витебская, Виленская, Минская, Могилёвская, Гродненская, Ковенская; Прибалтийский — Эстляндская, Лифляндская, Курляндская; Привислинский — Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская, Седлецкая; Юго-западный — Киевская, Подольская, Волинская; Южный степной — Бессарабская,

Из таблицы видно, как неравномерно было движение чистого сбора зерна на душу населения в отдельных районах страны. Средний чистый сбор зерна на душу населения возрос в стране с 19,3 пуд. в 60-х годах до 24,4 пуд. или на 26,4%. Наибольшее увеличение за весь капиталистический период дало Предкавказье, затем Восточная Сибирь, потом Южный степной район и т. д. «Широкое развитие *торговых* посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно»¹. В ряде районов производство зерна на душу населения снизилось: к таким относятся в первую очередь Промышленный район (Тверская, Московская, Смоленская, Калужская, Владимирская, Ярославская губернии); Северо-западный (Петербургская, Новгородская, Псковская губернии); Западная Сибирь, Привислинский, Северо-чернозёмный и Прибалтийский районы. Районы резко делились на производящие и потребляющие.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось возникновением новых отраслей производства, более быстрым ростом производства картофеля, свёклы, табака, чем зерновых хлебов. В 1861 и 1866 гг. в 50 губерниях России было собрано около 200—250 млн. пуд.² картофеля, а средний сбор картофеля за пятилетие (1895—1900) составлял в несколько раз большую величину. В среднем в 1860—1865 гг. собирали ежегодно около 1,4 млн. пуд. табака, а в конце XIX столетия сбор его увеличился в несколько раз; площадь посевов свекловицы, составляя в 60-х годах около 100 тыс. десятин, возросла также в несколько раз; в результате роста посевных площадей и урожайности количество собираемой и обрабатываемой свекловицы значительно возросло.

В. И. Ленин, отмечая в книге «Развитие капитализма в России», что количество переработанной свёклы в 1895/96—1897/98 гг. возросло по сравнению с 60-ми годами более чем в 8 раз, писал: «След., в громадной степени повысилась

Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донецкая; Северо-чернозёмный — Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская; Южно-чернозёмный — Воронежская, Харьковская, Полтавская; Нижегородский и Заволжский — Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская, Саратовская.

См. Е. С. Карнаухова, Колхозное производство в годы Отечественной войны, 1947, стр. 26, 27.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 218—219.

² См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 15.

урожайность свеклы, т. е. производительность труда в крупных, капиталистически организованных, имениях»¹. Производство таких культур, как картофель, свёкла, табак, увеличилось в пореформенное время значительно больше. Продукция огородничества и садоводства тоже значительно увеличилась. Возникли такие новые отрасли растениеводства, как промышленное хлопководство; производство хлопка-сырца в 1915 г. достигло 38,6 млн. пуд., что отразилось, между прочим, на производстве льна, сильно замедлив его увеличение: в 60-х годах производилось льна-волокна в России около 12 млн. пуд.², а в 1911—1915 гг. — 26,5 млн. пуд.³ В результате всего этого произошли значительные изменения в распределении труда в производстве отдельных сельскохозяйственных культур: относительно снизилась роль труда, занятого производством зерновых хлебов, и соответственно увеличилась доля труда, занятого производством технических культур (свёкла, хлопок, табак) и картофеля. Несмотря на всё это, основная масса сельскохозяйственного труда России и в конце XIX в. была занята производством зерна. К числу основных отраслей сельского хозяйства относится наряду с зерновыми и техническими культурами животноводство, которое потребляло в дореволюционной России значительное количество труда. Динамика поголовья скота в дореволюционной России была следующей: в 1856 г. в России имелось 18,6 млн. лошадей, 26,2 млн. голов рогатого скота, 9,7 млн. свиней, 52,2 млн. овец, 1,7 млн. коз⁴. Количество скота в России в первые годы пореформенного времени было примерно такое же, как и в 1856 г.

Поголовье скота и продукция животноводства за весь капиталистический период развития России возросли, грубо говоря, немного больше чем в 2 раза при росте зерновых хлебов в 2,7 раза, при значительно большем росте технических культур и картофеля и при росте сельскохозяйственного населения России в 2,2 раза. Таким образом, производительность сельскохозяйственного труда возросла; при этом должно быть учтено также усиление неземледельческого отходничества по мере развития капиталистических отношений. Число неземледельческих отхожих рабочих составляло не менее чем 3 млн. человек. Рост производительности труда в земледелии определялся расширением посевных площадей и увеличением уро-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 249.

² См. там же, стр. 241.

³ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 122.

⁴ См. «Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.», 1858, стр. 220.

жайности хлебов, увеличением количества скота и его продуктивности. Обилие земель позволяло развивать хозяйство вширь. По сравнению с сельским хозяйством главных европейских государств наше сельское хозяйство носило характер экстенсивного хозяйства: затраты капитала (удобрений, машин и т. д.) на единицу площади были во много раз меньше, чем, например, в Германии или Англии.

В результате низкой обеспеченности скотом в России было относительно меньше естественных удобрений на единицу площади, чем в указанных странах; если же учесть, что химических удобрений (фосфориты, суперфосфат, калийные соли, сернокислый аммоний и т. д.) на единицу посева у нас вносилось также меньше¹, то нам станут ясны основные причины более низкой урожайности в сельском хозяйстве России против Германии, Англии и Франции. Правда, наряду с производством удобрений в стране часть их ещё ввозилась в Россию, но всё же естественные и искусственные удобрения, вносимые в почву, не покрывали тех питательных веществ, которые брались из почвы ежегодно. Капитализму присуща особенность — рост производительности труда идёт не только за счёт эксплуатации трудящихся, но в известной мере и за счёт хищнического использования естественных ресурсов. Уже в первые десятилетия победного шествия капитализма в России правительственная комиссия была вынуждена констатировать, что «обезлесение... идёт с такой ужасающей быстротой, что оно уже начинает отражаться на изменении климата, который делается суровее и суше, на обмелении рек... на гибели садов, которых значительное количество вымерзло, и даже на культуре некоторых полевых растений»².

Незначительность вносимых в почву удобрений, отсталая система полеводства, низкая механизация сельскохозяйственных работ определяли низкую урожайность хлебов, несмотря на наличие значительных площадей под чернозёмом, а низкая урожайность была выражением до известной степени и низкой производительности труда в этой основной отрасли народного хозяйства дореволюционной России.

По степени роста производительности труда сельское хозяйство стояло на последнем месте после обрабатывающей промышленности, транспорта и добывающей индустрии. «Что земледельческий труд в процессе развития капиталистического

---

¹ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 650—654.

² «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, стр. 7.

производства стал относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с той же быстротой и не в той же мере»¹. Отставание сельского хозяйства дореволюционной России, в частности в области темпов роста производительности труда, усугублялось наличием всевозможных пережитков крепостничества в деревне, окончательно сломленных лишь Октябрьской революцией.

---

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, 1936, стр. 115.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НА ТРАНСПОРТЕ

В пореформенной экономике России промышленность существовала в нескольких формах, значение и роль которых по мере развития капитализма резко изменялись. В захолустных местах страны продолжала существовать так называемая домашняя промышленность, или домашние промыслы, составлявшие необходимую принадлежность натурального крестьянского хозяйства.

«Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»¹. По мере развития хозяйства ремесленник всё в большей степени начинает производить на рынок, «...т. е. делается *товаропроизводителем*»².

Рост мелких промыслов, выражая собой начальные шаги развития капитализма в России, сопровождался переселением мелких товаропроизводителей на окраины России и возникновением новых промыслов. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» прекрасно показал формы и значение роста мелких промыслов.

«Образование мелкими товаропроизводителями сравнительно крупных мастерских представляет из себя переход к более высокой форме промышленности. Из раздробленного мелкого производства вырастает *капиталистическая простая кооперация*»³.

Более или менее крупные мастерские постепенно вводили превращение труда, и тем самым капиталистическая кооперация превращалась в мануфактуру. В мануфактуре, как и в мелких

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 285—286.

² Там же, стр. 288.

³ Там же, стр. 308.

промыслах, основой является ручной труд; вместе с тем мануфактура имеет дело уже с крупным рынком, с крупным капиталом и значительным числом рабочих — это сближает её уже с крупной машинной индустрией. Разделение труда, осуществлённое в мануфактуре, имело, как показал ещё в своё время А. Смит, огромное значение для развития производительных сил. Работники капиталистической мануфактуры в подавляющей массе были наёмные рабочие, «...хотя это отношение никогда не достигает в мануфактуре той законченности и чистоты, которая свойственна фабрике»¹.

Мануфактура была распространена во всех основных отраслях русской промышленности: в текстильной, деревообрабатывающей, в производствах, обрабатывающих животные продукты, минералы, металлы и т. д.

Мануфактурной стадии развития промышленности в широких размерах свойственна капиталистическая работа на дому, представлявшая собой по существу придаток к мануфактуре.

Все эти разнообразные формы промышленности (домашняя, мелкие промыслы, мануфактура, капиталистическая работа на дому) многие русские экономисты, в первую очередь экономисты-народники, называли кустарной промышленностью, смешивая различные формы экономической организации и рассматривая их как нечто однородное.

В. И. Ленин писал, что выражение — кустарная промышленность — «...это — абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах»².

Так называемая «кустарная» промышленность не была оторвана от фабрично-заводской. Между всеми формами промышленности существовала тесная связь. Три главные стадии в развитии капитализма в русской промышленности — мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура и крупная машинная индустрия, или фабрика. Эти три главные формы промышленности отличались между собой прежде всего по уровню техники.

Мелкотоварные крестьянские промыслы и мануфактура характеризовались ручными процессами труда. Мануфактурное разделение труда хотя и вносит существенные изменения в технику производства, однако только фабрика, крупная машинная индустрия, преобразует производство на новых началах. Крепостной строй задерживал рост промышленности уже тем,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 381.

² Там же, стр. 395.

что не создавал ни резервной армии рабочих в достаточных размерах, ни широкого рынка потребления. В пореформенное время количество фабрик и заводов быстро увеличивается, несмотря на остатки крепостничества. Рост крупной машинной индустрии был для России в пореформенное время, по выражению Ф. Энгельса, и политической необходимостью.

После 1861 г. в России началась новая промышленная эра.

Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от эпохи крепостничества. Все отрасли промышленности (текстильная, металлургическая, каменноугольная и т. д.) за вторую половину XIX в. (после реформы) сильно увеличили объём производства. Во всех отраслях промышленности мануфактуры превращались в фабрики, развивалась машинная индустрия, растущая в эпоху промышленного капитализма с громадной быстротой, невиданной при крепостничестве. Крупная машинная индустрия стягивала домашних рабочих на фабрику.

По мере внедрения машин ручное производство уменьшалось. В 1866 г. на 35 фабриках имелся 13 221 механический станок, а в 1879 г. на 89 фабриках было уже 50 296 станков. В 1879 г. выработка ткача на механическом станке за год составила 202,1 куска, а на ручном — только 34,1 куска¹. Естественно, что в этих условиях невозможно было ручному ткачеству конкурировать с машинным. Заработная плата ручных ткачей в селе Иванове и его окрестностях снизилась в среднем с 6 руб. в месяц в 1810 г. до 3—3,5 руб. в 1860 г. и до 1,5—2 руб. в начале 70-х годов².

О размерах домашнего производства в эпоху промышленного капитализма, насколько оно было учтено официальной статистикой, можно судить по следующим данным.

В 1866 г. было произведено хлопчатобумажных тканей вне фабрик 1 398,7 тыс. кусков, в том числе в Костромской губернии — 642,9 тыс., во Владимирской — 469,4 тыс. и в Московской — 282,9 тыс. кусков. В 1879 г. выработка падает до 1 034,7 тыс. кусков, в том числе в Костромской губернии — до 288,7 тыс., во Владимирской — до 389,7 тыс. кусков. От производства тканей на мануфактурах и фабриках это примерно составляло в 1866 г. около 35%, а в 1879 г. — меньше десятой части (7%)³. Машинная индустрия вытесняла

¹ См. Н. Я. Масленников, К вопросу о развитии фабричной промышленности в России, «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VI, 1889, стр. 247—248.

² См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Приложение 1, отд. II, 1873, стр. 226.

³ См. Н. Я. Масленников, К вопросу о развитии фабричной промышленности в России, «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VI, 1889, стр. 259—260.

не выдерживавшее конкуренции внефабричное мелкое производство.

В. И. Ленин иллюстрирует процесс вытеснения контор и светёлок фабрикой на примере двух фабрик¹.

Фабрика И. М. Терентьева в г. Шуе							Фабрика И. Н. Гарелина в г. Иваново-Вознесенске						
Годы		Число механи- ческих ткацких станков	Число рабочих			Сумма производ- ства (в тыс. руб.)		Число механи- ческих ткацких станков	Число рабочих			Сумма производ- ства (в тыс. руб.)	
			в заведении	на стороне	всего				в заведении	на стороне	всего		
1866	Ручная	—	205	670	875	130	Раздат. контора	—	?	1917	1917	158	
1879	Паро- вая	648	920	—	920	1 346	Паровая	893	1 274	—	1 274	2 137	
1890	»	1 502	1 043	—	1 043	1 244	»	1 141	1 483	—	1 483	2 058	
1894/95	»	?	1 160	—	1 160	1 878	»	?	2 134	—	2 134	2 933	

Домашнее ручное производство, не выдерживая конкуренции, постепенно замирало. Фабричные сёла, в которых раньше имелись раздаточные конторы, т. е. центры капиталистической мануфактуры, превращались в центры крупной машинной индустрии, стягивавшие тысячи ручных ткачей и набойщиков и превращавшие их в фабричных рабочих².

В 1880 г. в Александровском уезде, Владимирской губернии, было 98 ткацких светёлок с 1 004 станками, на которых работали 873 ткача, из них 651 посторонний. Кроме светёлок по избам имелось 2 052 станка.

В Медынском уезде, Калужской губернии, в этом же году хлопчаткачеством занимались в 96 селениях, причём исключительно через посредство «мастерков» и в большинстве в их

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 413.

² Следует сказать, что в обследованиях промышленности за 1900 и 1908 гг. ещё встречались раздаточные конторы. Даже перед войной 1914 г. насчитывалось около 50 раздаточных контор, сосредоточенных главным образом во Владимирской, Саратовской и Московской губерниях.

См. «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г.»; «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.» и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», 1914, отд. К. «Обработка волокнистых веществ».

светёлках. Работа начиналась в 3—4 часа утра и продолжалась до 9—10 час. вечера с перерывом от 1 до 1½ часов¹.

М. Туган-Барановский определял количество рабочих, занятых в 1866 г. на хлопчатобумажных фабриках Европейской России, в 94,5 тыс., а на дому — в 66 тыс.; в 1879 г. соответственно — 163 тыс. и 50 тыс. и в 1894—1895 гг. — 242 тыс. и 20 тыс.²

Ни 18-часовой рабочий день ручного ткача, ни нищенская заработная плата (которая к тому же выдавалась в большинстве случаев не деньгами, а натурой — из лавки «мастерка») — ничто не могло спасти мелкое ручное производство.

Когда промышленная статистика не смешивает домашних работников и фабричных рабочих, можно показать процесс стягивания домашних рабочих на фабрику. Но «...мы наблюдаем одну из самых крупных ошибок нашей фабрично-заводской статистики, именно: смешение с фабричными рабочими — капиталистически занятых рабочих на дому»³.

Для тогдашней промышленной статистики не существовало научных правил классификации заведений. Крестьяне, работавшие по домам, а также в мелких мастерских и светёлках, относились к кустарной промышленности, а более крупные светёлки относились к фабрикам.

В результате такой классификации нередко официальная статистика показывала и в пореформенное время уменьшение числа фабрик, в то время как в действительности это был процесс вытеснения светёлок и контор фабрикой. В. И. Ленин, отнеся к светёлкам заведения с суммой производства менее 2 тыс. руб. и к конторам — заведения, раздающие работу по домам, показал, что скрывалось в нашей промышленности за туманным термином «фабрика».

Следующие данные, приведённые В. И. Лениным⁴, показывают, какие различные заведения попадали в число «фабрик»:

Годы	Все число бумаготкающих «фабрик»	В том числе		
		фабрик	контор	светелок
1866	436	256	38	142
1879	411	209	66	136
1890	311	283	21	7

¹ См. «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. II, 1886, стр. 122.

² См. М. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 370. Эти данные более правдоподобны, чем данные Семёнова, приведённые нами выше.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 412.

⁴ См. там же, стр. 413.

Смещение с фабриками самых мелких ремесленных заведений, имевших по 1—2 рабочих и объём производства в несколько сот рублей, наблюдалось в различных производствах. Вот почему данные официальной статистики о количестве «фабрик» не могут служить надёжным показателем.

В. И. Ленин указывал, что «...для суждения о развитии крупной машинной индустрии в данной отрасли всего удобнее взять данные о числе механических ткацких станков. В 1860-х годах их было около 11 тыс., в 1890 — около 87 тыс.»¹.

В 1895 г. механических станков насчитывалось уже 108 тыс.², а в 1900 г. — 151 тыс.³ Следовательно, крупная машинная индустрия развивалась в русской текстильной промышленности с громадной быстротой.

Развитие машинной индустрии в промышленности привело к отделению промышленности от сельского хозяйства. Мануфактура не произвела полностью этого отделения, и лишь превращение мануфактуры в фабрику коренным образом разобщало рабочих с сельским хозяйством и тем самым содействовало возникновению промышленного пролетариата. В. И. Ленин иллюстрирует процесс отделения рабочих промышленности от деревни следующими материалами⁴:

Фабрики и заводы	Процент уходящих на полевые работы
Ручные бумаготкацкие с красильнями	72,5
Шелкоткацкие	63,1
Фарфоро-фаянсовые	31,0
Ручные ситценаб. и конторы для раздачи основ	30,7
Суконные (полное производство) . .	20,4
Бумагопрядильные и самоткацкие .	13,8
Самоткацкие с ситценаб. и отделочными	6,2
Машиностроительный завод	2,7
Ситценабивные и отделочные механические	2,3

Ручное производство

Механическое производство

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 414.

² См. «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», 1901, стр. 3.

³ См. «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг.», 1911, стр. 3.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 472.

Крупная машинная индустрия завершает полное отделение рабочего от сельского хозяйства и превращает рабочих в фабрично-заводской пролетариат.

Машинизация промышленности сопровождалась в пореформенное время процессом концентрации производства, изменением размещения его, растущим, правда, неравномерно по годам, объемом производства.

По весьма грубым подсчётам получается, что промышленная продукция России увеличилась за весь период промышленного капитализма почти в 8 раз. Темпы роста за отдельные отрезки времени были неодинаковы, как неодинаков был и рост отдельных отраслей промышленности. Кризисы, депрессивное состояние сильно тормозили рост промышленного производства; за период 1887—1900 гг., по официальным данным, динамика фабрично-заводской промышленности России была следующей¹:

Годы	Число предприятий	Общая сумма производства (в млн. руб.)	Число рабочих (в тыс.)
1887	30 888	1 334,5	1 318,0
1890	32 254	1 502,7	1 424,7
1897	39 029	2 839,1	2 098,3
1900	38 141	3 005,9	2 373,4

Стоимость продукции возросла за эти 13 лет в 2,3 раза, численность же рабочих увеличилась всего лишь на 80%, в результате чего значительно увеличилась годовая выработка на одного рабочего.

Продукция мелкой промышленности увеличивалась значительно медленнее. Внутри промышленности наиболее быстро росли отрасли, производившие средства производства.

Темп развития промышленности в России был более высок, чем в Англии, Франции и даже Германии, развивавшейся в этот период относительно быстро. Как показывают приблизительные исчисления немецкого Конъюнктурного института, продукция русской промышленности увеличилась с 1860 по 1900 г., т. е. за 40 лет, в 7 раз с лишним, промышленность Германии — почти в 5 раз, Франции — почти в 2,5 раза и Англии — в 2 раза с лишним.

¹ См. «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», 1900, стр. XX и «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», 1912, стр. 3.

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ВАЖНЕЙШИХ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ¹ (1913 г. = 100)

Годы	Страны					
	Германия	Великобритания	Франция	Россия	США	Весь мир
1860	14	34	26	8	8	14
1870	18	44	34	13	11	19
1880	25	53	43	17	17	26
1890	40	62	56	27	39	43
1900	65	79	66	61	54	60

Несмотря на известную условность этих данных, они очень показательны; они свидетельствуют, как неравномерно было экономическое развитие отдельных капиталистических государств.

Промышленность капиталистической России развивалась весьма быстро. «Развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран» ². Но русская промышленность имела всё ещё небольшие абсолютные размеры, поэтому, несмотря на такое развитие, размер промышленного производства на душу населения был низок.

Одновременно с ростом объёма производства шёл процесс концентрации промышленности, выражавший процесс обобществления труда капитализмом. Росло число крупных фабрик, число фабрик, применявших паровые двигатели, увеличивалось среднее число рабочих на одно промышленное заведение и т. д. Если в 1866 г. имелись всего лишь 42 фабрики (по 71 производству) с численностью рабочих в 1 тыс. и более, то в 1890 г. таких фабрик насчитывалось уже 99, а в 1894/95 г. — 117, на которых концентрировалось 259 тыс. рабочих из 655 тыс.

Рост органического строения капитала, концентрация промышленности и т. д. обуславливали повышение производительности труда. Правда, выразить количественно рост производительности труда весьма сложно, так как имеется ряд трудностей, стоящих на пути исследования производительности труда во всей промышленности. Как мы уже отмечали, во второй половине XIX в. промышленная статистика России имела существенные недостатки, которые затрудняют анализ производительности труда в русской промышленности.

¹ См. Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Sonderheft 31, 1933, стр. 18 (продукция горной, текстильной, железной и пищевой промышленности).

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 429.

В отдельных источниках¹ имеются данные о числе рабочих и стоимости промышленной продукции, но дефектом этих данных является то, что за разные годы имеются сведения о различных производствах.

Учитывая это обстоятельство, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» выделил из числа всех отраслей 34 производства, о которых имелись сведения за ряд лет, и получил следующую динамику:

ДИНАМИКА ОБЪЕМА ПРОИЗВОДСТВА, ЧИСЛА РАБОЧИХ И ГОДОВОЙ
ВЫРАБОТКИ РАБОЧЕГО В РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(34 ПРОИЗВОДСТВА) ЗА 1864—1890 гг.

Годы	Сумма производ- ства (в тыс. руб.) ²	Число рабо- чих ²	Годовая выработка рабочего		
			в руб.	в % к предыду- щему году	в % к 1864 г., принятому за 100
1864	201 458	272 385	739	—	100
1865	210 825	290 222	726	98,2	98,2
1866	239 453	310 918	770	106,1	104,2
1867	235 757	313 759	751	97,5	101,6
1868	249 310	329 219	757	100,7	102,4
1869	283 452	341 425	830	109,6	112,3
1870	313 517	354 063	885	106,6	119,7
1871	329 051	372 608	883	99,7	119,5
1872	352 087	400 325	879	99,5	118,9
1873	346 434	405 050	855	97,2	115,7
1874	352 036	399 376	882	103,1	119,3
1875	362 931	412 291	880	99,7	119,1
1876	354 376	400 749	884	100,4	119,6
1877	371 077	405 799	914	103,3	123,7
1878	450 520	432 728	1 041	113,8	140,9
1879	530 287	466 515	1 136	109,1	153,7
1885	479 028	436 775	1 096	96,5	148,3
1886	464 103	442 241	1 049	95,7	141,9
1887	514 498	472 575	1 089	103,8	147,4
1888	580 451	505 157	1 149	105,5	155,5
1889	574 471	481 527	1 193	103,8	161,4
1890	577 861	493 407	1 171	98 2	158,5

¹ См. «Статистический временник Российской империи», вып. I, 1866; «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», 1866; «Ежегодник министерства финансов»; «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России».

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 529—530. (См. продолжение на 182 стр.)

Годовая выработка рабочего была, по этим данным, в 1890 г. на 58,5% выше, чем в 1864 г. Поскольку в этих данных не элиминировано влияние цен, выявить по ним ежегодные изменения производительности труда невозможно, но они дают общее представление о росте производительности труда за этот отрезок времени, близкое к действительности, так как индекс промышленных цен за это время повысился не так значительно. Движение годовой продукции на рабочего, даже взятой в ценах соответствующих лет, вскрывает некоторые интересные явления, а именно: большую неравномерность в динамике производительности труда, падение в кризисные 1873 и 1890 гг. и, наоборот, интенсивный рост в послевоенные годы подъёма — 1878—1879.

По своду данных о фабрично-заводской промышленности России, годовая сумма производства на одного рабочего равнялась в 1887 г. 1 012 руб. и в 1897 г. — 1 353 руб., т. е. увеличилась за 10 лет на 33,7%¹.

Индекс промышленных цен составлял в 1897 г. 73,6 против 78,9 в 1887 г. (1913 г. = 100), следовательно, повышение производительности труда с учётом этого момента за эти 10 лет будет несколько больше. Не следует забывать, что значительная часть рассматриваемого периода падает на годы невиданного в условиях России промышленного подъёма. Механизация труда, концентрация производства за время подъёма значительно усилились, в результате чего, несмотря на уменьшение отработанного времени в течение 1897 г. (2 июня этого года продолжительность рабочего дня была ограничена 11½ час.), выработка рабочих повысилась.

Огромную роль в процессе развития капитализма в России играла текстильная промышленность, в частности в создании внутреннего рынка. Обычно индустриализация капиталистических стран начинается с лёгкой промышленности. В пореформенное время текстильная промышленность представляла

В число 34-х производств входят следующие: бумагопрядильное; бумаготкацкое; льнопрядильное; ситценабивное; пенькопрядильное и канатное; шерстопрядильное; суконное; шерстоткацкое; шелкоткацкое и ленточное; парчовое, позументное; золотопрядильное и плющильное; вязаных изделий; красильное; отделочное; клеёночное и лакировальное; писчебумажное; обойное; резиновое; химическое и красочное; косметическое; уксусное; минеральных вод; спичечное; сургучное и лаковое; кожевенное, замшевое и сафьянное; клееваренное; стеариновое; мыловаренное и свечносальное; восковых свечей; стеклянное, хрустальное и зеркальное; фарфоровое и фаянсовое; машиностроительное; чугунолитейное; медное и бронзовое; проволоочное, гвоздильное и некоторых мелких металлических изделий. Годовая выработка продукции на рабочего подсчитана нами.

¹ Исчислено по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», 1900, стр. II—III.

различные стадии развития капитализма, различные формы организации промышленности. Как мы видели выше, хлопчатобумажная промышленность в первой половине XIX в. по скорости своего развития стояла впереди остальных отраслей. Относительно быстрые темпы роста производительности труда в этой отрасли объяснялись большой ролью вольнонаёмного труда в хлопчатобумажной промышленности России. Раньше уже говорилось о том, что промышленный переворот и возникновение капиталистической организации производства в этой отрасли промышленности произошли ещё до освобождения крестьян. Развитие капитализма и в хлопчатобумажной промышленности означало дальнейшее превращение мануфактур в фабрики, широкое применение машин, рост разделения труда и концентрации производства. В 60-х годах XIX в. в хлопчатобумажной промышленности насчитывалось около 11 тыс. механических станков, а в 1890 г. их было уже 87 тыс. В связи с ростом машинного производства повышалась интенсивность труда; крупная машинная индустрия завершила отделение рабочего от сельского хозяйства и превратила рабочих в фабрично-заводской пролетариат. Росло применение детского и женского труда.

В первые годы после реформы 1861 г., правда, имело место значительное падение хлопчатобумажного производства. В хлопчатобумажной промышленности России в эти годы разразился специфический кризис, связанный с войной Северных штатов Америки с Южными. Война эта приостановила экспорт американского хлопка в Европу, в том числе и в Россию. Ввоз хлопка в Россию упал в 1862 г. в 3 с лишним раза против 1861 г. Правда, динамика ввоза хлопка в Россию может лишь в самой общей форме отразить развитие хлопчатобумажной промышленности, поскольку ввезённый хлопок не всегда перерабатывался в том же году; на количество закупленного хлопка влиял также уровень цен. Попытка компенсировать недостаток американского хлопка ввозом азиатского хлопка — туркестанского, бухарского и др. — дала незначительные результаты; кроме того, качество азиатского хлопка уступало тогда американскому. Падение производства хлопчатобумажной промышленности в результате нехватки хлопка оживило, между прочим, на некоторое время нашу льняную промышленность. С другой стороны, недостаток хлопка вызвал огромный рост цен на него. Так, цена азиатского хлопка с 7 р. 75 к. за пуд в 1861 г. поднялась в 1862 г. до 12—13 руб., а к 1864 г. дошла до 22—23 руб.¹, причём этот хлопок давал до 30% угара. Вздорожали также хлопчатобумажная пряжа и ткани.

¹ См. «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. II, 1886, стр. 96—97.

Подъём в хлопчатобумажной промышленности начинается лишь в 1864 г., хотя ввоз хлопка значительно возрос уже в 1863 г., правда, не достигнув при этом всё же и половины ввоза 1861 г. Этот рост в хлопчатобумажной промышленности наблюдался в течение трёх лет — до 1867 г. В 1867 г., как и в последующем году, имело место падение объёма производства, ухудшение условий сбыта и падение цен на хлопок, пряжу и ткани.

Сокращение объёма производства, хотя и в меньших размерах, отмечается в этой отрасли и в 1873 кризисном году.

Текстильный фабрикант Гарелин, он же историк Иваново-Вознесенска, следующим образом охарактеризовал конъюнктуру хлопчатобумажной промышленности в 1873 г.:

«Конец 1872 г. и начало 1873 г. ознаменованы были банкротствами, которые по большей части кончались мировыми сделками со скидкой от 40 до 50 и более копеек с рубля. Такой ход торговли не объясняется конкуренцией с иностранными фабрикантами, так как вследствие дешевизны отечественных фабрикаций иностранцы почти не привозили своих ситцев на ярмарку; главная причина такой плохой торговли заключалась в том, что ситцев наработано было громадное число и их нужно было сбыть во что бы то ни стало»¹.

В послевоенные 1878 и 1879 гг. имел место большой подъём в этой отрасли промышленности. Объём прядильного производства с 44 млн. руб. в 1877 г. увеличился до 56 млн. руб. в 1878 г.; ещё больший рост показывает ткацкое производство. Оживление, начавшееся в хлопчатобумажной промышленности в 1877 г., перешло в следующие годы в сильный подъём, замедленный лишь в 1880 г. «Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширилась на 900 тыс. (и, может быть, до 1 млн., как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретён. Это расширение, когда всё количество веретён исчисляется у нас до 3½ млн., даёт понятие о том необычайном полёте, который принимала вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие»².

За подъёмом в хлопчатобумажной промышленности, как и следовало ожидать, последовал затяжной промышленный кризис. Уже в 1883 г. объём прядильного производства составлял к предыдущему году только 91,5%, а ткацкого — даже 85,9%.

¹ Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад, т. II, 1885, стр. 59—60.

² В. Безобразов, Народное хозяйство России, ч. I, 1882, стр. 279,

Цены на пряжу и ткани в 1883 г. снизились. Так, цена пуда хлопчатобумажной пряжи (Москва) № 38/40 равнялась в 1882 г. 11 р. 88 к., а в 1883 г. — 9 р. 99 к.; соответственно цена миткаля (среднего) за аршин снизилась с 5,2 до 4,2 коп. золотом.

Кризис сильно ударял по рабочему классу. Заработная плата падала. Так, например, на Ореховской фабрике Морозова с 1882 по 1884 г. заработная плата снижалась 5 раз, причём в 1884 г. расценки были понижены сразу на одну четверть, что послужило одной из причин знаменитой забастовки орехово-зுவеских текстильщиков.

Судя по материалам, приведённым выше, роста продукции в этой отрасли промышленности не было вплоть до 1887 г. Значительный подъём в хлопчатобумажной промышленности наблюдался в 1888 г.

Падение объёма производства, а частично и цен в хлопчатобумажной промышленности в 1890 г. и особенно значительное падение цен в следующем году сменилось общим промышленным подъёмом 90-х годов в русской промышленности, который захватил и хлопчатобумажную промышленность.

Однако по сравнению с отраслями тяжёлой промышленности хлопчатобумажная промышленность (как, между прочим, и другие отрасли лёгкой и пищевой промышленности) за этот период невиданного в условиях России промышленного подъёма развивалась слабее. Эта отрасль промышленности опиралась попрежнему хотя и на расширяющийся рынок, но всё же не большой, по причине низкой покупательной способности трудящихся.

«...Рост капиталистического производства, а, следовательно, и внутреннего рынка, идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства»¹.

Объём продукции прядильного производства России увеличился с 7 394 тыс. пуд. пряжи в 1890 г. до 14 605 тыс. пуд. в 1900 г., или на 97,5%; продукция ткацкого производства — с 6 671 тыс. пуд. суровья до 11 703 тыс. пуд., или на 75,4%. Примерно в таком же отношении, как объём производства, увеличилось и количество оборудования.

В течение 1890—1900 гг. основной капитал хлопчатобумажной промышленности России увеличивался ежегодно в среднем примерно на 220 тыс. веретён и на 6 400 ткацких станков. За время промышленного подъёма 90-х годов хлопчатобумажная промышленность заметно усовершенствовала красильное и ситценабивное производство — ввела гребенное чесание, начала производить нитки и т. д. В прядильном

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 32;

производстве интенсивно внедрялись ватерные машины, доля которых повысилась с 22,5% в 1890 г. до 43,5% в 1900 г. Эти машины, способствуя увеличению эксплуатации женского и детского труда, снижая издержки производства, главным образом за счёт заработной платы, относительно быстро внедрялись в производство.

В хлопчатобумажной промышленности уже в начале 90-х годов наблюдался подъём. В 1891 г. производство пряжи увеличилось на 10,6%, переработка хлопка — на 11,2%. Максимальный рост хлопчатобумажной промышленности имел место в 1893 г., когда выработка пряжи возросла на 15,2% против предыдущего года, а выработка суровья — на 11,2%. Такому росту продукции хлопчатобумажной промышленности в некоторой степени способствовал и хороший урожай в России в этом году, который мог повлиять на покупательную способность крестьянина — основного потребителя текстильных товаров в дореволюционной России.

Рост производства в хлопчатобумажной промышленности замедлился в 1894 г.: прядильное производство увеличилось очень незначительно, а ткацкое даже несколько уменьшилось. Этому депрессивному состоянию предшествовал год, когда хлопчатобумажная промышленность дала максимальный прирост производства. Аналогичная картина наблюдалась и в конце 90-х годов: после интенсивного увеличения продукции и основного капитала в 1899 г. в следующие два года наступило депрессивное состояние — производство пряжи и суровья почти не увеличивалось, а объём переработанного хлопка в 1900 г. хотя и незначительно, но всё же уменьшился.

Кризис, разразившийся в русской промышленности в начале 900-х годов, особенно поразил отрасли тяжёлой индустрии.

Хлопчатобумажную промышленность, опиравшуюся главным образом на деревенского потребителя, этот промышленный кризис захватил в меньшей степени, чем отрасли тяжёлой индустрии; переработка хлопка снизилась в 1900 г. очень незначительно, а производство пряжи и тканей (в натуре) даже не снизилось вообще. Надо иметь в виду, что падение производства в натуре в период кризиса бывает меньше, чем в стоимостном выражении, так как наряду с уменьшением объёма производства обычно снижаются и цены.

В середине 60-х годов XIX в. (в 1866 г.) производство хлопчатобумажной пряжи и тканей (в крупных заведениях) распределялось по губерниям страны следующим образом ¹:

¹ См. Н. Я. Масленников, К вопросу о развитии фабричной промышленности в России, «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VI, 1889, стр. 257—258.

**ВЫРАБОТКА ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРЯЖИ И ТКАНЕЙ
ПО ГУБЕРНИЯМ
(в 60-х годах XIX столетия)**

Губернии	Выработано хлопчатобу- мажных тка- ней (в тыс. куск.)	Выработано пряжи (в тыс. пуд.)	Число фабрик	
			ткац- ких	пря- диль- ных
Астраханская	0,01	—	3	—
Владимирская	770,9	460,1	29	9
Вятская	7,2	0,8	2	1
Казанская	18,9	—	5	—
Калужская	52,5	—	9	—
Костромская	90,0	—	4	—
Лифляндская	8,1	28,2	2	4
Московская	1 614,7	477,1	219	14
Петербургская	696,7	475,0	6	12
Рязанская	118,7	90,0	19	1
Смоленская	—	—	—	—
Тверская	379,1	183,9	29	5
Тульская	0,3	0,4	1	1
Харьковская	1,0	—	1	—
Эстляндская	213,8	109,3	1	1
Ярославская	—	70,7	—	2
Итого	3 971,91	1 895,5	331	50

Из таблицы следует, что почти 20% тканей и 25% пряжи вырабатывалось во Владимирской губернии, около 40% тканей и около 25% пряжи — в Московской губернии. Таким образом, мы видим, что хлопчатобумажные фабрики были размещены в основном в Московской, Владимирской, Петербургской и Тверской губерниях. Кроме того, в это время ещё значительное количество хлопчатобумажных тканей производилось во Владимирской, Костромской и Московской губерниях вне фабрик.

Нельзя не указать на некоторые естественно-географические особенности этого центрального района, которые содействовали вначале широкому развитию домашней промышленности, крестьянских промыслов, а позднее явились важнейшим условием возникновения капиталистической мануфактуры и фабрик в хлопчатобумажной промышленности этих губерний.

К. Маркс писал по этому вопросу следующее:

«Там (в России. — П. Х.) в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Легко представить себе, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы. Не считая 200 000 крестьян, работающих на 10 500 фабриках, в деревнях России повсюду развилась своя домашняя промышленность. Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножовщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской. Кстати сказать, эта домашняя промышленность все более и более вынуждается служить капиталистическому производству: ткачам, напр., основа и уток доставляются скупщиками или непосредственно, или при посредстве торговых агентов... Отсюда видно, что расхождение периода производства и рабочего периода, причем последний образует только часть первого, является естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами и что, с другой стороны, эти последние, в свою очередь, дают точку опоры капиталистам, которые сначала проникают сюда в качестве скупщиков»¹.

Несовпадение периода производства и рабочего периода в сельском хозяйстве явилось важнейшей причиной развития домашней, в частности льняной, промышленности. Конечно, не все крестьянские промыслы выросли из домашней промышленности. В частности хлопчатобумажное производство, сырьё для которого покупалось, не выделилось в центральных губерниях непосредственно из натурального хозяйства. Но центральные районы России давно имели льняные и суконные промыслы. Ко времени появления хлопчатобумажной промышленности там существовала уже развитая льняная, шерстяная и шёлковая промышленность в форме крепостных мануфактур, ремесла и особенно домашней промышленности. Процесс переработки хлопка был почти одинаков с процессом переработки льна. Поэтому не только ткачество, но и набивка хлопчатобумажных тканей не представляла особенных трудностей для кустаря по сравнению с набивкой на холсте. Часто в одних и тех же мануфактурах набивали и полотна, и бумажную ткань, как равно в ткацких мануфактурах и мастерских ткали шёлковые, льняные и хлопчатобумажные ткани.

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, 1949, стр. 237—238.

Хлопчатобумажная промышленность встретила в центральном районе однородные льняные, суконные и шёлковые производства; она нашла в населении района технические навыки, которые были важнейшим условием развития бумажного производства. Переход от льняного или суконного ткачества к бумажному не представлял уже особых затруднений.

Ткачество и отделка тканей в форме домашней промышленности явились благоприятствующим условием для развития хлопчатобумажной мануфактуры. Последняя находила уже подготовленных ткачей, подчиняла их, привлекала к работе в мануфактуре или организовывала капиталистическую работу на дому, т. е. домашнюю переработку материала за сдельную плату, получаемую от предпринимателя.

Исследование районов мелкого ткачества показывает, что на местоположение хлопчатобумажных мануфактур, а позднее и фабрик, несомненно, оказывала влияние степень развития в этом районе ткачества в форме домашней промышленности. Капиталист искал дешёвого рабочего. Такую дешёвую рабочую силу капиталист находил в деревнях. Крестьяне, будучи связаны круговой порукой и стеснением выхода из общины, не имели возможности беспрепятственно уходить на фабрику — в город, — чем и объясняется тот факт, что многие фабрики организовывались в деревнях.

Наличие развитой домашней промышленности, дешёвого рабочего во Владимирской, Московской, Ярославской и Тверской губерниях, близость главных рынков сбыта, удобные транспортные пути по Волжской системе рек и т. д. создавали преимущества для развития хлопчатобумажной промышленности в этих районах по сравнению с другими районами России.

Первое место по числу прядильных веретён за все эти годы занимала Московская губерния, в которой было сосредоточено около одной четверти всего количества веретён; она же вырабатывала и наибольшее количество пряжи.

Второе место после Московской губернии в 1890 г. занимала Петербургская, а в 1900 г. — уже Владимирская губерния. В 1890 г. Владимирская губерния имела меньше прядильных веретён, чем Петербургская (565 тыс. против 828 тыс.), однако в 1900 г. Владимирская губерния уже значительно обогнала Петербургскую; удельный вес последней в бумагопрядильном производстве за 20 лет сильно уменьшился, несмотря на абсолютный рост производства в этой губернии. В 1890 г. здесь было сосредоточено 24% всех веретён, а в 1910 г. — только 14,3%, также снизилась и доля пряжи, выработанной в Петербургской губернии.

Прядильные фабрики Петербургской губернии по своим размерам превышали средний размер фабрик в России;

производительность оборудования и уровень производительности труда на них были выше, чем на фабриках Московской губернии. Несмотря на это, Петербургская губерния, через которую главным образом шёл американский хлопок, не сделалась центральным районом хлопчатобумажной промышленности России. Даже больше того: в рассматриваемые годы роль хлопчатобумажной промышленности этого района, как видим, резко уменьшилась.

Значительное снижение роли Петербургской губернии в хлопчатобумажном производстве совпадает с быстрым развитием собственного хлопководства в России. Доля хлопка внутреннего производства составляла в 1890 г. 23,8%, а в 1910 г. — уже 50,9%. Важнейшее экономическое преимущество Петербургского района — относительная территориальная близость к импортному хлопку по сравнению с Московско-Владимирским районом — по мере развития собственного производства хлопка в России уменьшилось. Петербургский район, специализируясь на производстве более высоких номеров пряжи и сортов ткани, не стал основным центром текстильной промышленности в противоположность ситцевой Москве и Иванову — русскому Манчестеру, расположенным в центре страны, вблизи от главных рынков сбыта хлопчатобумажных тканей.

Говоря о причинах снижения роли Петербургской губернии в хлопчатобумажном производстве, нельзя не указать на более высокую заработную плату рабочих-текстильщиков в Петербургской губернии по сравнению с другими губерниями. Так, средний годовой заработок в 1901 г. был следующий: в Петербургской губернии 302 р. 45 к., Московской — 202 р. 68 к., Тверской — 190 р. 59 к., Владимирской — 160 р. 65 к., а в Костромской — только 139 р. 71 к.

Годовой заработок рабочего на хлопчатобумажных фабриках Петербургской губернии в 1901 г. был почти в 2 раза выше, чем во Владимирской, и почти в 3 раза выше, чем в Костромской. Это положение остаётся правильным и в том случае, если мы сделаем поправки, обусловленные неодинаковой структурой хлопчатобумажного производства (более высокий удельный вес прядильного и отделочного производств в Петербургской губернии, оплата труда в которых была несколько выше, чем в ткацком производстве), неодинаковой ролью женского труда (оплачивавшегося дешевле) и, наконец, несколько различной продолжительностью рабочего дня в этих губерниях. Надо отметить, что наряду с более высокой заработной платой текстильщиков Петербургской губернии производительность труда на петербургских фабриках тоже была выше, чем на фабриках центрального района. Густота населения в центральном районе, большее предложение там рабочей

силы, особенно в Костромской и Владимирской губерниях, значительная связь рабочих-текстильщиков этих губерний с деревней и т. д. объясняют более низкую заработную плату текстильщиков в этих губерниях по сравнению с заработной платой текстильщиков Петербургской губ. Следует отметить значительное повышение роли Костромской губернии: более низкая заработная плата на фабриках Костромской губернии, относительно дешёвый транспорт хлопка из Средней Азии по Волге и обратно готовой продукции, в частности на Нижегородскую ярмарку, обеспечивали капиталу более высокую прибыль. Капитал устремлялся не только в отрасли производства с наивысшей нормой прибыли, но также и в такие районы производства, где ему удавалось получить более высокую норму прибыли.

Крупнейшим районом текстильной промышленности России была Польша. «...Русские рынки сбыта, — писала Р. Люксембург, — являются настоящим двигателем современного крупнопромышленного развития Польши»¹.

Между текстильной промышленностью центрального района России и Лодзью существовала острая конкурентная борьба².

В 1900 г. в Петроковской губернии было сосредоточено 972 тыс. прядильных веретён (14,6 %) и 23 449 станков (15,6 %) и в Варшавской губернии — 54 тыс. веретён и 325 станков³.

Важнейшей отраслью текстильной промышленности была шерстяная и внутри её суконная. В пореформенное время число рабочих в этой отрасли, в противоположность хлопчатобумажной, падало. При этом должно быть учтено, что «значительное число рабочих в суконном производстве 60-х годов вовсе не были фабричными рабочими в точном значении этого термина; это были зависимые крестьяне, работавшие на помещиков. Суконное производство является примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»⁴.

Переходим к анализу другой отрасли, перерабатывающей тоже сельскохозяйственное сырьё, — сахарной. Эта отрасль, как и другие, освобождённая от основных крепостнических пут,

¹ Р. Люксембург, Промышленное развитие Польши, 1899, стр. 35.

² См. И. И. Янжул, Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, 1887; А. С., Борьба Москвы с Лодзью, 1889; «Отчёты Н. П. Ильина и Н. П. Лангового по исследованию фабричной промышленности в Царстве Польском», 1888; «Вестник Европы», т. I, февраль 1888, стр. 785—811.

³ См. «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг.», 1911, стр. IV, 8, 26.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 411.

начала быстро развиваться. Исследование динамики производства в сахарной индустрии осложняется наряду с недостатками учёта тем обстоятельством, что в этой отрасли имеются два производства — свеклосахарное и рафинадное, резко отличающиеся по уровню и динамике производительности труда. Движение продукции, числа рабочих и годовой выработки рабочего в свеклосахарной промышленности с 1862 по 1881 г. характеризуется следующими данными:

ДИНАМИКА СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ с 1862/63 по 1879/80 г. ¹

Годы	Продукция (в тыс. пуд.)	Число рабочих	Выработка на одного рабочего (в пуд.)
1862/63	1 939	57 900	33,4
1863/64	2 867	57 006	50,2
1864/65	3 943	61 672	63,9
1865/66	2 982	68 334	43,6
1866/67	5 651	75 096	75,2
1867/68	7 492	95 825	78,2
1868/69	5 056	86 216	58,6
1869/70	6 434	85 557	75,2
1870/71	7 491	83 159	90,1
1871/72	5 469	80 332	68,0
1872/73	7 454	88 134	84,6
1873/74	7 834	85 374	91,8
1874/75	8 006	85 885	93,2
1875/76	9 479	89 713	105,7
1876/77	12 811	95 871	133,6
1877/78	10 489	91 420	114,7
1878/79	11 101	89 512	124,0
1879/80	12 545	89 947	139,5

¹ *Источники:* Ежегодники министерства финансов, вып. II, стр. 486—487; вып. III, стр. 350—353; вып. IV, стр. 450—453; вып. VII, стр. 369—371; вып. VIII, стр. 336—339; вып. X, стр. 449—451; вып. XII, стр. 400—403; показатели даны по всей империи, за исключением 1862/63—1866/67 гг., по которым не учтена Польша. Продукция означает выработку песка.

Производство сахарного песка возросло в значительно большей степени, чем число рабочих, в результате чего выработка на одного рабочего за 3 последних года была раза в 2,5 выше по сравнению с уровнем её в первые 3 года рассматриваемого отрезка времени. Этот процесс был связан в первую очередь с внедрением новой техники в свеклосахарную промышленность, развивавшуюся после 1861 г. на базе вольнонаёмного труда. Происходило закрытие огневых заводов, имевших производительность труда более низкую, чем на паровых заводах. В 1854/55 и 1855/56 гг. действовало 307 огневых заводов сахарной промышленности, а в последующие годы число их уменьшалось, и в 1869/70 г. имелось уже только 39 заводов¹.

Влияние технического прогресса на производительность труда сказалось и в последующие годы. Применение диффузии вместо прессования в свеклосахарном производстве означало увеличение производительности труда раза в три. Так, на заводе с суточным объёмом производства в 1 000 берковцев требовалось 310 рабочих (в две смены) против 92 рабочих при диффузии². Действовавших диффузионных заводов было в 1887/88 г. 207, в 1897/98 г. — 238, а прессовых в 1889/90 г. — 7, в 1892/93 г. — 2, в 1894/95 г. — лишь 1 завод³. Рост концентрации производства, в частности рост объёма диффузов, улучшение в области утилизации свекловицы, увеличение отработанного времени заводами в течение года, рост органического состава капитала — основные факторы повышения производительности труда в сахарной промышленности России.

В 1886/87 г. приходилось на завод 144,4 л. с. паровых машин, а в 1897/98 г. — 209,1⁴. Как правило, наиболее высокий технический уровень имели крупные заводы сахарной промышленности (в результате чего и производительность труда на этих заводах была выше, чем на средних и тем более мелких предприятиях), правда, на выработку рабочего действовали и некоторые другие факторы, как, например, длительность работы различных заводов в течение года, но влияние фактора техники было решающим.

Уровень годовой выработки сахара одним рабочим тем выше, чем крупнее сахарный завод. Именно рост концентрации производства в связи с повышением технического уровня сахарной промышленности, улучшение технологии обработки

¹ См. «Ежегодник министерства финансов на 1871 год», вып. III, 1872, стр. 356.

² См. «Доклад министру финансов комиссии для рассмотрения вопросов об акцизе с туземного и пошлины — с привозного сахара», 1871, стр. 98—99.

³ См. «Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1900 г.», 1901, стр. 311.

⁴ См. «Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1897 и 1898 гг.», 1900, стр. 312.

свёклы, рост отработанного времени в течение года явились основными причинами быстрых темпов повышения производительности труда в этой отрасли в капиталистический период её развития.

ДИНАМИКА ПРОДУКЦИИ, ЧИСЛА РАБОЧИХ И
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СВЕКЛСАХАРНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ С 1880/81 ПО 1899/1900 г.¹

Годы	Продукция (в тыс. пуд.)	Число рабочих	Выработка на 1 рабоче- го (пуд.)
1880/81	12 400	87 401	141,9
1883/84	18 725	94 560	198,0
1884/85	20 926	94 289	221,9
1885/86	29 016	93 395	310,6
1886/87	25 935	89 150	290,9
1887/88	23 749	82 482	287,9
1888/89	28 393	85 508	332,1
1889/90	24 606	85 696	287,1
1890/91	28 475	86 681	328,5
1891/92	29 650	88 497	335,0
1892/93	24 388	88 485	275,6
1893/94	35 316	87 602	403,1
1894/95	32 263	89 000	362,6
1895/96	41 482	89 180	465,1
1896/97	38 741	90 145	429,8
1897/98	39 949	93 314	428,1
1898/99	41 674	94 954	438,9
1899/1900 . . .	48 477	105 059	461,4

¹ Источники: «Ежегодники министерства финансов», вып. XIII, стр. 504—505; вып. XV, стр. 612; вып. XVII, стр. 702—705; вып. XVIII, стр. 714—715, 728—729, 732—733; «Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1897 и 1898 гг.», стр. 354, 378, 382; за 1905 г., стр. 134, 137, 149.

Приведённые в этой таблице данные о выработке сахара на одного рабочего характеризуют лишь темп роста производительности труда за этот отрезок времени, но не могут быть сравнимаемы с выработкой за предыдущие годы, так как с 1881/82 г. в продукции учтён песок и рафинад, выработанный на песочно-рафинадных заводах. По состоянию статистических материалов нельзя выделить из общего числа рабочих свеклосахарной промышленности рабочих, занятых на песочно-рафинадных заводах. Статистика этой отрасли имела существенные недостатки. В. И. Ленин отмечал, что «в свеклосахарном и сахарорафинадном производствах «Военно-стат. сборник» преувеличивает число рабочих на 11 тысяч, считая 92 126 чел. против 80 919 по данным «Ежегодника м-ва фин.» (в 1890 г.: 77 875 раб.)». (В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 422).

Объём производства и производительность труда увеличивались в этой отрасли крайне неравномерно: объём производства много раз снижался по сравнению с предыдущим годом. Динамика производительности труда находилась в прямом соответствии с динамикой объёма производства в свекло-сахарной промышленности: годы снижения объёма производства были и годами снижения производительности труда, и наоборот. Общий циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявлялся и в сахарной промышленности. На многочисленные колебания объёма производства и производительности труда в сахарной промышленности влияло в известной степени и сельское хозяйство — количество собранной свёклы, её качество и т. д. Ввиду резких колебаний объёма производства и производительности труда в свекло-сахарной промышленности России для сравнений, в частности выработки рабочих, необходимо брать данные за ряд лет.

Металлургическая промышленность переживала в течение целого десятилетия после реформы угнетённое состояние, связанное главным образом с тем, что эта отрасль основывалась до реформы преимущественно на крепостном труде. После реформы значительная часть рабочих ушла с заводов, возвратилась в деревню.

Уровень производства чугуна 1860 г. был достигнут только в 1870 г. Перед реформой и в первые годы после неё Урал продолжал оставаться основным районом страны по производству металла. Но по мере развития капитализма Урал начал отесняться капиталистической промышленностью южного района России.

Остатки крепостнических отношений были главной причиной застоя промышленности на Урале в послереформенное время: «...горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»¹.

В конце периода промышленного капитализма южный район отеснил все другие районы страны.

В 1900 г. доля районов страны в производстве чугуна была такая: Урал и Сибирь — 28,7%, Центр — 8,3, юг — 52,5, Польша — 10,3 и прочие районы — 0,2%. В отношении производства стали и проката роль юга и Урала была несколько ниже, чем по производству чугуна, соответственно доля Центра, Польши и других районов была несколько выше.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 425.

Уральская металлургическая промышленность, скованная в своём развитии остатками различных дореформенных отношений, низкой техникой, наличием своеобразных монополий и т. д., уступила первое место молодой промышленности юга, развивавшейся на капиталистических основаниях, на конкуренции и т. д. В южный металлургический район усиленно, особенно в 90-е годы, вливались иностранные капиталы, переселяясь внутрь таможенной стены и загребая огромные прибыли на эксплуатации низкооплачиваемых рабочих и использовании богатых естественных ресурсов края. В начале XX столетия южный район производил больше половины всего металла. Добыча железной руды на юге также сильно увеличилась: в 1870 г. юг давал только 2,8% от общей добычи, в 1890 г. — уже 21,6, в 1895 г. — 35,2 и в 1900 г. — 57,2%.

Особенно большое увеличение производства металлургической промышленности было в 90-е годы: за одно десятилетие производство чугуна возросло в 3 раза — с 56,6 млн. пуд. в 1890 г. до 179,1 млн. в 1900 г. Развитие металлургической промышленности и некоторых других отраслей происходило в это время в России быстрее, чем в других капиталистических странах, в результате чего удельный вес России в мировом производстве чугуна поднялся с 2,9% в 1870 г. до 5,1% в 1894 г. «За 10 последних лет (1886—1896), — писал В. И. Ленин, — выплавка чугуна в России утроилась (32½ и 96½ млн. пуд.), тогда как Франция, напр., сделала подобный шаг в 28 лет (1852—1880), С. Штаты в 23 года (1845—1868), Англия в 22 (1824—1846), Германия в 12 (1859—1871...)»¹. Одновременно с ростом производства повышалась и производительность труда рабочих.

Согласно данным академика Германа можно определить дневную выработку на одного рабочего на Урале в 1800 г. в 15—16 пуд.², а годовую — около 3 000—3 500 пуд. Академик С. Г. Струмилин определяет годовую производительность труда в 1801 г. в доменном производстве в 3 300 пуд.; спустя целый век, в 1900 г., выработка чугуна на одного рабочего равнялась 6,9 тыс. пуд.³ Производительность труда в доменном производстве чёрной металлургии возросла за 100 лет, грубо говоря, в 2—2½ раза, причём этот рост падал главным образом на пореформенные годы, и особенно значительно поднялась производительность труда в чёрной металлургии России в годы промышленного подъёма конца XIX в. Характерно, что повы-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 428—429.

² См. И. Герман, Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, 1808.

³ См. С. Г. Струмилин, Чёрная металлургия в России и в СССР, 1935, стр. 251.

шение производительности труда в чёрной металлургии было больше, чем рост энерговооружённости рабочих, в то время как в добывающих отраслях имело место обратное соотношение.

В то время как в крепостническую эпоху увеличение производства чугуна в России достигалось главным образом за счёт массы труда, увеличения численности рабочих, рост производительности труда в пореформенный период был связан в первую очередь с возраставшей механизацией производства, с внедрением передовой технологии в эту отрасль промышленности. Горячее доменное дутьё, плавка чугуна на минеральном топливе, бессемеровские и томасовские конверторы, мартеновские печи и т. д. — вот неполный перечень технических достижений, внедрённых в русскую чёрную металлургию и оказавших огромное влияние на динамику производительности труда в сторону её повышения. В чёрной металлургии зависимость уровня производительности труда от степени концентрации производства очень большая. На протяжении всего рассмотренного периода размер агрегатов — доменных печей, мартенов — увеличивался, росла интенсивность труда; в результате производительность труда в чёрной металлургии повышалась, хотя и не систематически (как и в других отраслях промышленности), но всё же относительно быстро. Но темпы роста производства и производительности труда в чёрной металлургии в царской России были далеко не достаточными, чтобы ликвидировать отставание этой отрасли в области производительности труда от передовых капиталистических стран.

Добывающая промышленность близко примыкает по своему характеру к сельскому хозяйству: в этих обеих сферах материального производства естественный фактор оказывает большое влияние на производительность труда.

«...В земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда»¹.

Каменноугольная промышленность увеличила объём производства за весь период капиталистического развития по сравнению с первыми годами после реформы больше чем в 100 раз.

Несмотря на богатейшие месторождения каменного угля в России, добыча его в условиях феодально-крепостного строя развивалась очень слабо. Металлургия потребляла древесное топливо, а железные дороги — этот основной потребитель и

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 779—780.

распространитель каменного угля — стали возникать в России лишь в 30-х годах XIX в. Железнодорожное строительство, развитие металлургической промышленности после реформы 1861 г. вызвали интенсивное развитие каменноугольной промышленности и в первую очередь Донецкого бассейна, удельный вес которого резко повысился в общей добыче угля в стране при снижении роли всех остальных угольных бассейнов.

Правда, за первые два года после реформы добыча угля в России снизилась, и вообще в 60-х годах она росла всё ещё медленно. За 70-е годы добыча каменного угля возросла уже в 4 с лишним раза; очень быстро развивалась эта отрасль и в течение промышленного подъёма 90-х годов. Растущие паровой транспорт, машинная индустрия, города и т. д. предъявляли всё больший спрос на минеральное топливо, который не смогла полностью удовлетворить отечественная угольная промышленность. Россия вынуждена была ввозить иностранный уголь: в 1886—1890 гг. было ввезено около 25% общего потребления его в стране, а в 1911—1913 гг. — около 17%. В 90-х годах особенно интенсивно начал проникать и в угольную промышленность иностранный капитал, на долю которого в каменноугольной промышленности приходилось в XX в. больше половины всех инвестированных капиталов. Основная масса иностранных капиталов приходилась на Донбасс и Домбровский район, являвшиеся основными бассейнами страны.

Крайне важно отметить одну особенность капиталистического развития каменноугольной промышленности России: увеличение добычи угля определялось в основном ростом числа рабочих и в меньшей степени ростом производительности труда, динамика которой, как следует из приведённых данных, была неравномерной, а темп роста в целом по отрасли очень незначительным (см. табл. на стр. 200—201).

Годовая выработка угля одним рабочим за 1909—1911 гг. была всего на 9% больше выработки за 1883—1885 гг. и ниже уровня выработки, достигнутого каменноугольной промышленностью за период промышленного подъёма 90-х годов.

Наивысший уровень производительности труда был достигнут в каменноугольной промышленности в годы промышленного подъёма и в первые два года после кризиса, разразившегося в промышленности в начале XX в.

Годы промышленного кризиса дали меньшую производительность труда; особенно снизилась она в Донецком угольном бассейне — с 8,8 тыс. пуд. в 1899 г. до 7,9 тыс. пуд. в 1900 г.

На динамику производительности труда в каменноугольной промышленности России влияли следующие основные факторы:

изменения в области техники и квалификации рабочих, изменения естественных условий (глубина шахт, длина подземных ходов, характер кровли и т. д.) и роли отдельных каменноугольных бассейнов, имевших далеко не одинаковый уровень производительности труда.

Судя по небольшому увеличению производительности труда в каменноугольной промышленности России, можно было бы заключить о незначительной механизации, имевшей место в этой отрасли. Однако дело обстоит не совсем так. Используя ежегодные сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности, мы подсчитали и получили, что энерговооружённость труда в каменноугольной промышленности России возросла в предвоенные годы по сравнению с 1883 г. раза в три, а производительность труда увеличилась всего процентов на 10. Слабое влияние энерговооружённости на рост производительности труда в каменноугольной промышленности России объясняется рядом причин, в частности и характером самой механизации: механизация в каменноугольной промышленности в тот период внедрялась главным образом в вспомогательные процессы угледобычи (водоотлив, подъём угля и т. д.), а самый процесс добычи угля продолжал базироваться на ручном труде, врубовые машины появились лишь в предвоенные годы. Отсутствие механизации непосредственно подземных работ по добыче угля влияло на темп роста производительности труда. Глубина угольных шахт по мере увеличения добычи угля возрастала: так, если в 1837—1839 гг. она составляла около 17 м, то в 1909 г. средняя глубина 420 шахт Донбасса равнялась уже 107,5 м¹. Естественно, что рост глубин шахт, как и глубин нефтяных скважин, требует дополнительных затрат труда на единицу продукции, тормозит повышение производительности труда, а в условиях медленного технического прогресса может даже вести к падению производительности труда.

«Производительность труда, — писал К. Маркс, — связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее производительными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других»². Анализ динамики производительности труда в промышленности капиталистической России как раз и показывает регресс её в некоторых отраслях (золотодобывающая, нефтяная), медленный рост в других (каменноугольная) и довольно быстрый рост в третьих (текстильная, сахарная и т. д.).

¹ См. П. А. Хромов, Промисловість України перед вітчизняною війною, 1945, стр. 7.

² К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 270.

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ
с 1884

Годы	Годовая выработка на одного рабочего,					
	Россия		В том			
			Подмосковный бассейн		Южный бассейн	
	тыс. пуд.	1884 г.=100	тыс. пуд.	1884 г.=100	тыс. пуд.	1884 г.=100
1884	8,7	100,0	6,6	100,0	7,3	100,0
1885	8,4	96,6	8,4	127,3	6,6	90,4
1886	8,4	96,6	8,1	122,7	6,8	93,2
1887	8,4	96,6	6,6	100,0	6,6	90,4
1888	8,3	95,4	5,8	87,9	6,7	91,8
1889	8,8	101,2	6,0	90,9	7,4	101,4
1890	9,1	104,6	5,8	87,9	7,3	100,0
1891	9,5	109,2	5,3	80,3	8,2	112,3
1892	9,8	112,7	5,1	77,3	8,4	115,1
1893	9,7	111,5	5,2	78,8	8,3	113,7
1894	10,5	120,7	6,5	98,5	9,1	124,7
1895	10,8	124,1	6,8	103,0	9,2	126,0
1896	10,9	125,3	6,3	95,5	9,4	128,8
1897	10,5	120,7	8,9	134,9	9,0	123,3
1898	10,7	123,0	5,6	84,9	9,3	127,4
1899	10,0	115,0	7,3	110,6	8,8	120,6
1900	9,0	103,5	7,7	116,7	7,9	108,2

1 Исчислено по «Сборникам статистических сведений о горнозаводской

ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В ЦЕЛОМ И В ЕЁ ОТДЕЛЬНЫХ БАСЕЙНАХ
по 1900 г.¹

занятого в коях и на поверхности

числе

Урал		Сибирь		Домбровский бассейн	
тыс. пуд.	1884 г.=100	тыс. пуд.	1884 г.=100	тыс. пуд.	1884 г.=100
4,6	100,0	3,4	100,0	13,5	100,0
5,5	119,6	3,4	100,0	13,9	103,0
5,1	110,9	1,7	50,0	13,8	102,2
5,7	123,9	1,8	52,9	14,4	106,7
4,7	102,2	1,5	44,1	14,5	107,4
5,5	119,6	1,6	47,1	14,5	107,4
6,3	137,0	1,6	47,1	17,3	123,2
7,6	165,2	2,6	76,5	13,9	103,0
6,5	141,3	1,8	52,9	15,6	115,6
8,2	178,3	2,1	61,8	14,4	106,7
7,5	163,1	2,9	85,3	15,9	117,8
7,0	152,2	2,5	73,5	17,1	126,7
9,3	202,2	1,9	55,9	16,6	123,0
7,7	167,4	2,4	70,6	17,3	128,2
6,4	139,1	2,8	82,4	19,0	140,7
6,6	143,5	4,8	141,2	17,5	129,6
7,1	154,4	7,6	223,5	15,9	117,8

промышленности России» за соответствующие годы.

Динамика производительности труда в каменноугольной промышленности России была неравномерной не только по отдельным годам, но и по отдельным бассейнам. Характер социально-экономических и естественных условий отдельных угольных бассейнов, уровень энерговооружённости труда — главные причины различий годовой выработки на одного рабочего Донбасса, Урала, Домбровского бассейна и т. д. В 1884 г. годовая добыча угля на одного рабочего равнялась в Подмосковном бассейне 6,6 тыс. пуд., в Донеском — 7,3 тыс., на Урале — 4,6 тыс. и в Домбровском районе — 13,5 тыс. пуд.¹ При такой разнице в уровне производительности труда изменение доли отдельных бассейнов в общей добыче угля влияло на средний уровень выработки рабочих в каменноугольной промышленности России. А удельный вес бассейнов сильно изменялся: в 1864 г. добыча угля в Домбровском бассейне составляла от общей добычи угля в России 56,3%, в Донбассе — 28,5, на Урале — 4,7, в Подмосковном бассейне — 7,1, а в 1913 г. — соответственно 19,2; 70,3; 3,3; 0,83². Такое относительное снижение доли Домбровского района при абсолютном росте добычи в этом бассейне, имевшем значительно более высокую выработку рабочих, главным образом определяемую более высоким техническим уровнем этого бассейна, уменьшало темпы роста производительности труда в этой отрасли.

Энерговооружённость труда в Домбровском бассейне была в 2 с лишним раза выше, чем по всей русской каменноугольной промышленности. Мощность угольного пласта, разрабатываемого в 90-х годах в Домбровском бассейне, доходила до 3—5, а в Донбассе редко превышала 1 сажень.

Более высокий уровень механизации, лучшие естественные условия (мощность пласта) определяли и более высокую выработку рабочих в Домбровском бассейне по сравнению с другими бассейнами России. Более высокий уровень производительности труда в Домбровском бассейне характерен для всего рассматриваемого периода.

Уровень выработки на одного рабочего в каменноугольной промышленности Польши подвергался резким колебаниям; однако годовая выработка на одного рабочего изменялась слабо, хотя в некоторые годы уровень её резко повышался. Если по уровню производительности труда Домбровский бассейн занимал первое место в России, то по темпам роста он отставал от всех бассейнов, кроме Подмосковского.

¹ См. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1884 г.», стр. 210—220.

² См. «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915, стр. 233.

На втором месте (за исключением отдельных лет) по уровню производительности труда стоял Донецкий бассейн, занявший по причине внедрения передовой техники, отсутствия замкнутости и дореформенных порядков, тормозивших развитие индустрии на Урале, положение первой угольной базы России. Правда, рост добычи угля не был систематическим; циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявлялся в изменении объёма производства — годы подъёма сменялись годами кризисов, застоя и т. д. Динамика ежегодной добычи угля не всегда совпадала с динамикой производительности труда; последняя росла и в каменноугольной промышленности южного бассейна России крайне неравномерно и увеличивалась незначительно.

Наиболее низкую производительность труда и энерговооружённость в каменноугольной промышленности в первое десятилетие после 1861 г. имели Урал и Сибирь. Лишь потом годовая выработка рабочего на Урале превысила уровень её в Подмосковном бассейне, оставаясь на всём протяжении рассматриваемого периода ниже выработки донецких шахтёров. Техническая отсталость уральской каменноугольной промышленности, низкий уровень энерговооружённости труда (на одного рабочего приходилось 0,11 л. с. паровых машин против 0,81 л. с. в Домбровском районе), потребление металлургической промышленностью древесного топлива, слабое развитие транспорта и т. д. — основные причины медленного развития каменноугольной промышленности на Урале и низкой производительности труда.

«Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»¹.

Интересной была динамика производительности труда в каменноугольной промышленности Сибири: до начала XX в. выработка на одного рабочего там была самой низкой по сравнению с другими районами и вполне соответствовала низкой энерговооружённости труда в этом бассейне.

Увеличение механизации при наличии хороших естественных условий в этом каменноугольном бассейне вызвало значительный рост производительности труда. Прочно

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 427.

же одно из первых мест по производительности труда в каменноугольной промышленности этот бассейн занял лишь в советские годы, после того как была осуществлена радикальная техническая реконструкция Кузнецкого бассейна.

Движение производительности труда в Подмосковном угольном бассейне может быть понято лишь в связи с представлением об общем характере экономического развития этого бассейна. Мы уже отмечали снижение роли этого бассейна в общей добыче угля в стране; но в отличие от других районов Подмосковский угольный бассейн уменьшил не только относительно, но и абсолютно объём производства. Такое экономическое развитие Подмосковского бассейна объяснялось возросшей конкуренцией донецкого угля, частично местного торфа и привозной нефти. Благодаря дешёвым транспортным тарифам, более высокой калорийности донецкого угля железные дороги (Московско-Курская, Рязанская и др.) стали потреблять этот уголь, что создало серьёзную угрозу Подмосковному бассейну. В этом же направлении действовала и усилившаяся конкуренция нефти в связи с удешевлением транспортировки её (применение наливных судов, специальных вагонов на железных дорогах и т. д.). Эти обстоятельства задерживали развитие Подмосковского бассейна, задерживали прилив капитала в этот бассейн. В начале 80-х годов XIX в. Подмосковский бассейн по уровню механизации стоял на втором месте среди каменноугольных бассейнов России, позднее энерговооружённость шахтёров Подмосковского бассейна возрастала слабо. Годовая выработка угля одним рабочим в Подмосковом бассейне в 1884 г. была почти в 2 раза выше, чем в коях Сибири, и почти в 1,5 раза выше, чем на Урале, сильно уступая выработке домбровских рабочих и незначительно — выработке донецких рабочих.

Такова вкратце характеристика развития отдельных бассейнов каменноугольной промышленности России периода промышленного капитализма.

Второй крупнейшей отраслью добывающей промышленности России являлась нефтяная индустрия. Хотя добыча нефти в нашей стране и насчитывает несколько сот лет, тем не менее достоверные материалы о размерах добычи и числе рабочих, занятых в этой отрасли, имеются лишь за довольно позднее время. Добыча нефти равнялась в 1865 г. 557 тыс. пуд., в 1870 г. — 1,7 млн., в 1875 г. — 5,2 млн., в 1880 г. — 21,5 млн. пуд. Почти вся нефть добывалась в Бакинской губ. При крепостнической организации труда в Бакинском районе на одного рабочего годовая добыча нефти равнялась в 1825 г. 3,3 тыс. пуд. Техника была примитивная, добыча основывалась на

ручном труде; скважины были минимальной глубины. В 1873 г. на одного рабочего добывалось нефти за год уже 8,8 тыс. пуд.; добыча нефти на одного рабочего в пореформенное время в условиях применения вольнонаёмного труда и внедрения машинной техники поднялась больше чем в 2,5 раза по сравнению с уровнем её в конце первой четверти XIX в.; в последующие годы динамика добычи нефти, числа рабочих и производительности труда в нефтяной промышленности России была следующей:

ДИНАМИКА ДОБЫЧИ НЕФТИ, ЧИСЛА РАБОЧИХ,
ПАРОЗЫХ МАШИН, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И
ЭНЕРГОООРУЖЕННОСТИ ТРУДА В НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ с 1883 по 1900 г.¹

Годы	Добыча нефти в России (в млн. пуд.)	Число рабочих	Число паровых машин (л. с.)	Добыча нефти на одного рабочего (в тыс. пуд.)	Количество л. с., приходящихся на одного рабочего
1883 . .	60,4	1 789	1 444	33,8	0,81
1884 . .	90,2	1 878	1 636	48,0	0,87
1886 . .	120,4	3 051	2 781	39,5	0,91
1887 . .	166,8	4 102	3 425	40,7	0,83
1888 . .	194,3	3 346	3 244	58,1	0,97
1889 . .	262,1	4 793	4 910	42,2	1,02
1890 . .	242,9	5 094	5 245	40,5	0,88
1891 . .	290,4	7 206	10 054	40,3	1,40
1892 . .	293,9	5 809	10 628	51,5	1,83
1893 . .	353,6	7 308	10 360	48,4	1,42
1894 . .	315,1	6 251	11 726	50,4	1,87
1895 . .	430,8	7 121	14 104	60,5	1,93
1896 . .	433,8	11 727	19 826	37,0	1,69
1897 . .	478,1	11 936	25 089	40,1	2,11
1898 . .	549,6	18 616	35 314	29,5	1,89
1899 . .	546,8	24 811	50 134	22,0	2,02
1900 . .	633,6	27 566	63 547	23,0	2,31

¹ Исчислено по данным «Сборников статистических сведений о горно-заводской промышленности России» за соответствующие годы.

Эти данные не являются точными. Не только общепромышленная статистика дореволюционной России хромала, но хромала также и статистика отдельных отраслей производства. Некоторые нефтяные промыслы показывали только добычу, другие — наоборот, лишь число рабочих. Однако недоучёт продукции или рабочих таких нефтепромыслов не изменяет общей резко колебавшейся динамики производительности труда в этой отрасли промышленности. Так, годовая добыча нефти на одного рабочего равнялась в 1883 г. 33,8 тыс. пуд., в 1895 г. — 60,5 тыс., снизившись в 1900 г. до 23 тыс. пуд.

Производительность труда снизилась, а энерговооружённость труда в 1900 г. была почти в 3 раза выше, чем в 1884 г.

На динамику производительности труда и объём продукции нефтедобывающей промышленности оказывали влияние различные факторы. Господство монополий в нефтяной промышленности сильно тормозило развитие этой отрасли народного хозяйства. Несомненно, большую роль играли технический прогресс и изменение естественных условий нефтедобычи (глубина шахт, доля фонтанной нефти и т. д.). Удельный вес фонтанной нефти в общей добыче нефти изменялся так: в 1887 г. — 42%, в 1888 г. — 40, в 1891 г. — 14, в 1893 г. — 33, в 1895 г. — 32,5, в 1898 г. — 23,7 и, наконец, в 1900 г. — только 10,5%¹.

В общем можно констатировать, что годы с повышенной долей фонтанной нефти характеризуются более высокой выработкой рабочих по отношению к другим годам; так, резко повышенная добыча нефти одним рабочим в 1895 г. находит в известной степени объяснение именно в этом факте. Увеличение глубины скважин требует в условиях неизменной или слабо развивающейся техники дополнительных затрат труда на единицу продукции. В начале XIX в. глубина нефтяных колодцев в России не превышала 5 сажен, а к концу XIX в. глубина скважин в Баку достигла 150 сажен. Снижению производительности труда в нефтяной промышленности в связи с ухудшением естественных условий добычи сильно противостоял фактор возраставшей систематически (за исключением нескольких лет) энерговооружённости труда. Однако технический прогресс в этой отрасли был недостаточен, чтобы изменить кривую производительности труда в сторону систематического её повышения.

Наличие дешёвой рабочей силы не содействовало быстрому развитию техники в русской нефтедобывающей промышленности. Синдикатское движение, возникшее в этой отрасли ещё

---

¹ См. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1894 г.», 1900, стр. XLIV; тоже за 1900 г., стр. XLV.

в 90-х годах XIX в., сдерживая производство, тормозило рост техники и производительности труда в нефтяной промышленности; это особенно сильно проявилось в XX столетии, когда русская нефтяная промышленность была фактически полностью монополизирована; производительность труда в нефтяной промышленности продолжала падать.

«Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая область материального производства, которая так же проходит различные ступени ремесленного, мануфактурного и механического производства — это *транспортная промышленность* (Lokomotionsindustrie), — все равно, перевозит ли она людей или товары»¹.

Выше мы отмечали быстрое увеличение железнодорожной сети в России после крестьянской реформы. Этот рост железных дорог оказал огромное влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства и особенно большое влияние на горнозаводскую промышленность, отличающуюся громоздкостью своей продукции. Средства транспорта, характерные для крепостнической России, тормозили рост крупной промышленности. Возникновение механического транспорта позволило производить регулярные, быстрые перевозки большого количества товаров и, что особенно важно, с меньшей затратой труда. В условиях России с её обширной территорией и большим отрывом мест производства важнейших товаров от рынков их потребления развитие железнодорожного транспорта имело особенно большое значение. В нашей стране с её громадными пространствами железные дороги имеют то особо важное значение, что они, как говорил К. Маркс, «...объединяют и концентрируют ее силы, расцениваемые на огромном пространстве»².

Железнодорожное строительство являлось мощным фактором развития промышленности. Создавая огромный спрос на товары тяжёлой промышленности — металл, рельсы, машины, — увеличивая рынок сбыта и на предметы потребления, железнодорожное строительство вызывало появление новых отраслей крупной промышленности. Проведение железных дорог расширяло не только внутренний, но и внешний рынок, содействуя росту внешней торговли.

Железные дороги явились важнейшим фактором образования внутреннего рынка. В. И. Ленин в качестве одного из основных показателей быстроты роста внутреннего рынка в России в пореформенное время приводил данные о развитии

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, 1936, стр. 265.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 192.

русской железнодорожной сети, о перевозке грузов, пассажиров и т. д.

«В развитии ж.-дорожного строительства России было два периода громадного подъема: конец 60-х (и начало 70-х) годов и вторая половина 90-х годов. С 1865 по 1875 г. средний годовой прирост русской жел.-дорожной сети составлял 1½ тыс. километров, а с 1893 по 1897 — около 2½ тыс. километров»¹.

В 60-х годах были построены железные дороги Москва — Курск, Москва — Воронеж, Москва — Нижний и др. Эти дороги, связывая Москву с важнейшими районами страны, содействовали развитию многих отраслей промышленности, усилению товарности сельского хозяйства, в частности усилению экспорта продукции сельского хозяйства.

Железные дороги, связывая отдаленные местности, открывали широкую возможность вывоза хлеба и сырья из деревни и, с другой стороны, ввоза изделий крупной промышленности.

Строительство железных дорог требовало крупных капиталов, следствием чего было усиленное учреждение акционерных обществ на железнодорожном транспорте. Если за 1856—1860 гг. было организовано на железных дорогах 8 акционерных обществ с капиталом в 177,8 млн. руб., а за пятилетие (1861—1865 гг.) — 4 общества с капиталом в 22,6 млн. руб., то за вторую половину этого десятилетия (1866—1870 гг.) было организовано 35 акционерных обществ с капиталом свыше полумиллиарда руб. — 586,3 млн. из 669,2 млн. руб. капитала всех акционерных обществ. Следовательно, свыше 80% всех капиталов акционерных обществ было направлено в этот период на строительство железных дорог. Царское правительство, предоставляя акционерным обществам строительство железных дорог, гарантировало им определенный процент дохода, беря на государство все убытки. Железные дороги явились основой возникновения акционерных обществ и «...дали... сильный толчок концентрации капитала...»² Вокруг железнодорожного строительства разыгрывалась неимоверная спекуляция.

Покровительствуя частному предпринимательству, казна развивала в свою очередь весьма интенсивную деятельность по постройке казенных железных дорог. Правда, до 80-х годов XIX в. железные дороги строились преимущественно акционерными обществами (с 1861 по 1880 г. казна выстроила 1 204

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 486.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 32.

версты железнодорожных линий, а частный капитал — 18 540 вёрст)¹. Но с 80-х годов казна усиливает строительство, и за десятилетие, с 1881 по 1890 г., ею было построено 5 023 версты, а частными обществами — только 2 349 вёрст. Многие дороги были выкуплены государством.

Расходы по постройке и содержанию казённых железных дорог составляли немалую долю в государственном бюджете. Средства на строительство дорог изыскивались также при помощи государственных займов. Ряд займов за границей был предназначен исключительно для железнодорожного строительства.

Железнодорожное строительство во многих странах является весьма важной сферой приложения интернационального ссудного капитала, поскольку железные дороги «...ускорили и расширили в громадной степени *космополитическую деятельность ссудного капитала*, охватывающего, таким образом, весь мир одной обширной сетью финансового плутовства и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного братства»»².

В 60—70-х годах были построены такие важнейшие железные дороги, как Курск — Харьков — Одесса, Харьков — Ростов, Царицын — Рига, Москва — Ярославль и др. В 70-х годах началось строительство железных дорог и на окраинах России. В 1878 г. была построена линия от Перми до Екатеринбурга.

В 80-х годах были выстроены Екатеринославская дорога, соединившая Донецкий бассейн и Кривой Рог, несколько дорог на Урале, дорога Самара — Уфа, дороги на Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии и т. д.

«Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...»³, — писал В. И. Ленин.

Численность рабочих на железных дорогах увеличилась с 32 тыс. человек в 1865 г. до 252 тыс. в 1890 г.

Огромный подъём железнодорожного строительства имел место в 90-х годах; этот подъём содействовал промышленному подъёму 90-х годов. Начиная с 1893 г. ежегодно открывалось от 1 668 км железнодорожных линий и до 5 248 км в 1899 г.

В 90-х годах была построена Сибирская магистраль, имевшая большое значение для экономики России, значительно способствовавшая расширению внутреннего рынка в стране;

¹ См. «Статистический ежегодник на 1913 г.», под ред. Шарого, 1913, стр. 577.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 32.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 74.

эта железная дорога способствовала росту населения в Сибири, в частности за счёт переселения, росту торгового земледелия и животноводства, росту российского капитализма «вширь».

По замыслу идеологов царизма проведение великой Сибирской магистрали должно было также повести к овладению Россией внешними восточными рынками — Китая, Японии, Кореи и т. д. «Китай, Япония и Корея, — писал министр финансов Витте в докладе о значении Сибирской магистрали для экономического развития России, — население которых в совокупности не менее 460 млн., а современные обороты международной торговли не менее 500 млн. руб. золотом, далеко ещё не развили своих торговых сношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают ещё начальный фазис. Неудивительно поэтому, что народы европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами».

В действительности проведение Сибирской магистрали лишь немного увеличилось торговый оборот России с Китаем, а мечты Витте, что «великий Сибирский путь, устанавливая непрерывное рельсовое сообщение Европы с Великим океаном и Азиатским востоком...», вызовет коренной переворот в экономических отношениях между государствами, откроет новые горизонты для русской и мировой торговли, не оправдались.

Другие железнодорожные линии, построенные в эти годы на окраинах страны, также способствовали расширению внутреннего рынка, созданию рынков сбыта для продукции промышленности центральной части России и выкачиванию из этих окраинных районов сырья и продовольствия. В 90-е годы были построены линии, установившие связь Центра с Поволжьем, железные дороги Вологда — Архангельск, Пермь — Котлас, линии, ведущие к Риге, Виндаве и т. д.

Железные дороги повышали производительность труда по сравнению с гужевым транспортом в десятки раз. На железнодорожном транспорте производительность труда по мере освоения железных дорог, по мере их технического усовершенствования росла. В 1865 г., когда протяжённость железных дорог в России равнялась 3,8 тыс. км и имелось 30 тыс. персонала на них, годовая выработка одного железнодорожника составляла около 3 млн. пудо-вёрст. В более позднее время динамика производительности труда на железнодорожном транспорте России была следующей:

**ДИНАМИКА ДЛИНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ, ОБЪЕМА ПЕРЕВОЗОК
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ РОССИИ¹**
(дороги общего значения)

Годы	Длина сети средняя го- довая (в тыс. вёрст)	Персонал (в тыс. ра- ботн.)	Грузы (в млрд. пудо- вёрст)	Пассажиры (в млн. пас- сажиро-вёрст)	Итого перевозок		
					всего (в млрд. при- вед. пудо- вёрст)	на 1 вер- сту (в млн. пудо- вёрст)	на 1 ра- ботника (в млн. пудо- вёрст)
1883 . .	21,9	216,1	619	3 829	849	38,8	3,93
1884 . .	22,5	214,8	626	3 748	850	37,8	4,00
1885 . .	23,5	213,0	643	3 683	865	36,8	4,06
1886 . .	24,3	216,4	622	3 672	842	34,7	3,90
1887 . .	24,8	218,0	747	3 741	971	39,2	4,46
1888 . .	25,6	239,8	853	4 350	1 115	43,6	4,65
1889 . .	26,3	249,9	874	4 490	1 143	43,4	4,58
1890 . .	26,7	248,3	854	4 699	1 136	42,6	4,57
1891 . .	27,3	259,7	915	4 990	1 214	44,4	4,68
1892 . .	27,4	284,1	953	5 283	1 270	46,4	4,47
1893 . .	27,7	301,3	1 030	5 339	1 350	48,7	4,48
1894 . .	30,3	320,8	1 193	5 758	1 538	50,9	4,80
1895 . .	31,5	344,0	1 294	7 105	1 720	54,5	5,00
1896 . .	33,2	386,1	1 429	8 065	1 913	57,6	4,96
1897 . .	34,2	407,0	1 576	8 507	2 087	60,9	5,13
1898 . .	40,0	456,7	1 772	9 987	2 371	59,4	5,19
1899 . .	43,8	489,3	1 901	10 596	2 537	58,0	5,18
1900 . .	47,8	554,4	2 224	12 187	2 955	61,9	5,33

За эти годы развития промышленного капитализма в Рос-
сии основные показатели железнодорожного транспорта при-
близительно изменились так: железнодорожная сеть увеличи-
лась раза в 2 с лишним, грузооборот — в 3 раза с лишним,
количество перевозок — на 1 версту и на одного рабочего —
меньше чем в 2 раза. Характерно, что в годы подъёма желез-
нодорожного строительства имелся относительно слабый рост

¹ До 1897 г. только по Европейской России. В работу сети включены
и бесплатные перевозки. Одна пассажиро-верста принята эквивалентной
по себестоимости 60 пудо-вёрстам груза (см. С. Г. Струмилин, *Очерки со-
ветской экономики*, 1928, стр. 204—205).

производительности труда, объясняемый, повидимому, неосвоенностью вводимых в эксплуатацию новых дорог. Производительность труда на железных дорогах снижалась в отношении предыдущего уровня много раз, причём характерно, что в большинстве случаев годы снижения её не были годами снижения грузооборота и объёма перевозок вообще. Производительность труда на отдельных железных дорогах была неодинаковой, что помимо различного технического и организационного уровня дорог объяснялось и характером перевозимых грузов. Дороги, занятые перевозкой главным образом промышленной продукции, имели большую интенсивность движения, что влияло и на производительность труда на этих дорогах. Дороги, занятые преимущественно перевозкой хлеба, имели большие годовые колебания в количестве перевозимых грузов в течение года в связи с размером урожая в том или ином году. Однако это обстоятельство не играло решающей роли; уровень производительности труда на транспорте складывался главным образом под влиянием следующих факторов: технической вооружённости, организации труда, степени загрузки и дальности пробега грузов и пассажиров.

Несколько менее интенсивно, чем железнодорожный транспорт, но всё же довольно быстро развивался и водный транспорт: росло число пароходов, их подъёмная способность, количество грузов, перевозимых по воде, число рабочих и т. д. За последнюю четверть XIX в. объём товарных перевозок по водному транспорту возрос примерно раза в 2, а по железным дорогам — раза в 3; на водный транспорт в конце века приходилось около одной трети всего объёма грузового движения.

Анализ развития капитализма в сельском хозяйстве, промышленности и на транспорте показал, что прогрессивная сторона капитализма заключалась в повышении производительных сил общественного труда и его обобществлении. Этот процесс проявлялся, как мы видели, крайне разнообразно в различных областях народного хозяйства России.

Капитализм осуществил глубокие преобразования техники производства. «Процесс этого преобразования по самой природе капитализма не может идти иначе, как среди ряда неравномерностей и непропорциональностей: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе — одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия и т. д.»¹

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 524.

После того как в стране была создана крупная машинная индустрия, её развитие проходило циклически, т. е. подъёмы сменялись кризисами, которые сильно отражались на рабочем классе. Применение машин в отдельных отраслях производства имело место и в дореформенное время, особенно в хлопчатобумажной промышленности. О степени развития механической промышленности свидетельствует тот факт, что в 1860 г. в России имелось уже 99 заведений, производивших машины, с 11 600 рабочими. Но только с того времени, когда механическая промышленность стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность, развитие последней приобрело циклический характер.

Некоторые исследователи усматривают начало промышленных циклов в России ещё в дореформенные годы. Так, академик С. Г. Струмилин возникновение кризисов относит к 1847 г.¹

В движении русской промышленности ещё в дореформенную эпоху можно наблюдать известные спады производства, заминки и т. д., но всё это не может быть названо кризисами циклического характера, поскольку эти снижения производства вызывались в основном специфическими факторами.

В феодально-крепостном хозяйстве, в котором большая часть продуктов не являлась товаром, затруднения в сбыте продукции представляли собой случайные явления. Но там нельзя обнаружить всеобщего перепроизводства, тем более периодически повторяющегося.

Конечно, мировые кризисы отражались в той или иной форме на экономике России и прежде всего в сфере торговли, денежного обращения, кредита и т. д., поскольку Россия находилась в известных экономических отношениях с другими странами. Так, разразившийся в 1847 г. кризис в Англии оказал влияние не только на все европейские государства, но и на США, хотя и в меньшей степени. В России в результате влияния этого кризиса имело место значительное снижение внешней торговли, точнее вывоза.

Характерно, что в некоторых отраслях промышленности России наблюдалось снижение производства уже в 1847 г. К числу этих отраслей относились: шерстяная, льняная, каменноугольная и, наконец, производство чугуна; в следующем году снижение производства имело место в металлообрабатывающей промышленности, в ситценабивном и красильном производстве, в шёлковой, писчебумажной, стеклянной, химической промышленности.

---

¹ См. С. Г. Струмилин, Промышленные кризисы в России, «Проблемы экономики» № 5, 1939, стр. 129, и № 2, 1940.

Мировой кризис 1857 г. также вызвал незначительное уменьшение русского экспорта и импорта. Этот экономический кризис особенно остро проявился в России в денежно-кредитной сфере (кризис платёжных средств, недостаток их и т. д.), весьма чувствительной, как известно, к различным изменениям в сферах народного хозяйства.

«...нужда в деньгах лежит тяжёлым гнѣтом на всех торговых сделках», «мы зарвались, нам платить нечем»¹, — читаем мы у современников.

Министр финансов Бунге писал: «...в конце 1858 г. кризис становится заметным; в половине 1859 г. он ни для кого уже не составлял тайны. Монета исчезла из обращения, вексельный курс упал до крайних пределов, перевес в извлечении вкладов над взносами капиталов в банки усиливался в возрастающих размерах, безденежье ощущалось сильнее и сильнее, — несмотря на то что извлечение вкладов из банков увеличивало количество денег в народном обращении»².

Что же касается движения объёма производства в это время, то, по не вполне сравнимым данным, можно отметить падение его в шерстяной промышленности, в шёлковой, бумаготкацкой, в металлообрабатывающей, кожевенной, химической и стекольно-фаянсовой.

Некоторые исследователи считают, что «в России кризис 1866—1867 гг. был, повидимому, в указанном отношении (падение продукции. — П. Х.) глубже, чем в США, Англии, Германии и Франции. А между тем в нашей экономической литературе этого кризиса до сих пор никто даже не заметил»³. В действительности общий объём промышленного производства в 1867 г. снизился против предыдущего года всего лишь немного более чем на 1%, а объём производства ряда отраслей промышленности упал значительно больше. Имело место падение цен на отдельные товары, понижение вексельного курса Петербургской биржи на Лондон, повышение учётного процента Государственным банком, небольшое снижение в 1868 г. внешней торговли России и т. д. С 1868 г. учреждение акционерных обществ снова заметно увеличивается; сумма капитала вновь учреждённых обществ равнялась в этом году 184 млн. руб. против 70 млн. в 1867 г. и 63,9 млн. в 1866 г.

---

¹ «Вестник промышленности» № 4, 1861, стр. 17, 7.

² «Журнал для акционеров» № 194, 1860, стр. 1462. Статья Н. Бунге.

³ С. Г. Струмилин, Промышленные кризисы в России, «Проблемы экономики» № 5, 1939, стр. 144.

По мере развития капитализма в России, по мере развития крупной машинной индустрии, когда она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность, глубина кризисов делается иной.

Кризис 1873 г. был ознаменован в России падением промышленного производства в основных отраслях промышленности: в производстве чугуна, хлопчатобумажной промышленности, шерстяной, льняной, машиностроении, кожеработке, шёлковой, химической, стекольно-фарфоровой и бумажной. Отмечалось падение привоза товаров на Нижегородскую ярмарку и падение цен как следствие перепроизводства товаров.

Учётная ставка Государственного банка в связи с денежными затруднениями была повышена с 6 в конце 1872 г. до 8 и держалась на таком уровне до января 1873 г. Промышленность и банки испытывали большие финансовые затруднения, наблюдались банковские крахи. Из 24 банков, созданных в 1871—1872 гг., значительная часть терпит крах уже в 1873 г., в том числе банки Херсонский, Курский, Рыбинский и т. д. «Прежде всего банкротства разразились в метрополии русской торговли — в Нижнем-Новгороде. Уже к концу августа сделалось известным, что трое купцов оказываются несостоятельными на сумму в 1 170 тыс. руб... Торговцев, оказавшихся несостоятельными на более мелкие суммы, было очень много... Перепуганные кредитные банки, которые перед этим щедро расточали направо и налево свой кредит, стали усиленно стягивать обратно выданные ими ссуды и этим только усилили общее смятение»¹.

Возникновение этого кризиса некоторые связывают с сокращением железнодорожного строительства, которое после очень большого подъёма действительно резко снизилось ещё в 1872 г.; ряд дореволюционных русских экономистов склонен был видеть причину кризиса в неурожае и т. п.

В действительности неурожай не могут быть причиной циклических промышленных кризисов; неурожай, голодовки способны лишь усилить глубину кризиса. В. И. Ленин писал, что «в России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян»².

Депрессивное состояние промышленности продолжалось несколько лет; лишь в конце 70-х годов началось оживление экономической жизни.

¹ Вирт, История торговых кризисов в Европе и Америке, Спб. 1877, стр. 475.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 77.

Циклический характер развития русской промышленности становится всё более ясным по мере развития крупной машинной индустрии. Новое падение промышленного производства наблюдалось в 1882/83 г., а в некоторых отраслях оно продолжалось и несколько позднее. Снижение производства было относительно весьма высоким. «...Кризис 80-х годов в России был не только продолжительнее, но и глубже, чем в таких наиболее развитых капиталистических странах Запада, как США, Англия, Германия и Франция»¹.

Профессор А. И. Чупров в статье «Кризис русской промышленности» писал, что «центр тяжести затруднений, переживаемых в последние годы, состоит не в недостатке капиталов, не в каких-либо стеснениях производства, а преимущественно, если не исключительно, в трудности сбыта изделий. Эта трудность зависит прежде всего от чрезмерного расширения производства в недавнем прошлом»².

Перепроизводство промышленных товаров вело к трудностям реализации, к снижению цен на товары, к росту безработицы, к снижению заработной платы рабочих и т. п. Небольшое снижение производства имело место в 1890 г., после значительных темпов роста производства за предыдущий период.

Общее снижение производства было незначительным, но по отдельным отраслям колебания были более существенны. 90-е годы были годами невиданного в экономической истории России промышленного подъёма, правда, в 1891 г. имелось депрессивное состояние промышленности, осложнённое глубочайшим неурожаем в этом году.

Промышленный подъём 90-х годов был связан в первую очередь с усиленным железнодорожным строительством. За десятилетие (1890—1900 гг.) было выстроено в России свыше 21 тыс. вёрст новых железнодорожных путей. Железнодорожное строительство требовало огромного количества металла и топлива, что привело к значительному росту этих отраслей промышленности. Производство чугуна возросло за 90-е годы в 3 с лишним раза; добыча каменного угля — почти в 2,7 раза³; производство суровых хлопчатобумажных тканей увеличилось на 75 %.

---

¹ С. Г. Струмилин, Промышленные кризисы в России, «Проблемы экономики» № 2, 1940, стр. 122.

² А. И. Чупров, Речи и статьи, т. III, М. 1909, стр. 446—447.

³ См. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 заводском году», 1892, стр. XVI и XXX; «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г.», 1903, стр. XIV и XXIX.

Общее увеличение количества предприятий, численности рабочих и суммы производства фабрично-заводской промышленности России за 90-е годы было следующее ¹:

Годы	Число предприятий	Число рабочих (в тыс.)	Общая сумма производства (в млн. руб.)
1890	32 254	1 424,7	1 502,7
1900	38 141	2 373,4	3 005,9

За десятилетие число предприятий возросло на 18,3%, число рабочих — на 66,5% и сумма производства — в 2 раза.

Относительный рост каменноугольной, металлургической, текстильной промышленности в нашей стране за эти годы был более быстрый, чем в Англии, Германии и США. Так, число веретён за эти 10 лет увеличилось в Англии на 3,8%, в США — на 25,6, в России же — на 76% ². Конечно, надо учитывать ещё сравнительно небольшой размер производства в этих отраслях, но тем не менее процесс промышленного развития капитализма за этот период далеко продвинулся у нас вперёд. Такое расширение производства неизбежно должно было закончиться кризисом перепроизводства.

«В настоящее время, — писал В. И. Ленин в 1897 г., — мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности» ³.

Промышленный подъём 90-х годов характеризовался интенсивным ростом не только производства, но и горячей в области учреждения акционерных обществ, которая резко сокра-

¹ См. «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», стр. XX; «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.», под ред. В. Е. Варзара.

² См. П. А. Хромов, Очерки экономики текстильной промышленности СССР, 1946, стр. 43.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 322.

тилась в годы кризиса, разразившегося в начале XX в. «Конечно, последнее десятилетие (1888—1898) есть период особой горячки, которая, как и всякое капиталистическое процветание, неизбежно ведет к кризису; но иначе как скачками капиталистическое развитие вообще не может идти»¹.

Кризисы сильно ударяли по рабочему классу, понижалась заработная плата, росла безработица. Развитие капитализма, внедрение машин сопровождались огромным ростом интенсификации труда, хищнической эксплуатацией капиталом не только мужской рабочей силы, но и женского и в особенности детского труда. В 1894/95 г. удельный вес женщин в отдельных отраслях производства был очень велик. Так, в текстильной промышленности он составлял 40,1%, в бумажно-полиграфической — 24,9, в пищевой — 18,2, в обработке животных продуктов — 13,2, в обработке дерева — 10,9 и металла — 4,1%². Фабрикантам было выгодно иметь подростков, особенно при машинной работе, где не требуется долгого обучения и большого искусства, — выгодно потому, что заработная плата подростков была значительно меньше, чем взрослых; кроме того, взрослые, встречая часто конкуренцию со стороны молодёжи, должны были подчиняться той расценке в поштучной работе, какую давала фабрика.

Применение детского труда доходило в отдельных отраслях (хлопчатобумажная, рогожная, стекольная, шляпная и др.) до 20—40%.

Рабочий день детей был такой же, как и у взрослых. По общению комиссии, осмотревшей петербургские бумагопрядильные фабрики, где работали днём и ночью малолетние (от 8 до 14 лет), «дети показывали, что в последние часы работы, к вечеру, они бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и, возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть. Тринадцать или четырнадцать часов в пыльной атмосфере на фабрике, час или два в дороге, а остальное время в душной или сырой квартире, в комнате, набитой чрезмерно людьми, вот воздух, которым постоянно дышат эти дети»³.

В 1859 г. была образована комиссия с целью изменения в некоторой степени фабричного законодательства. Эта комиссия намечала воспреещение работы на фабриках детям, не достигшим 12 лет, установление продолжительности рабочего дня

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 429.

² См. А. В. Погожев, Учёт численности и состава рабочих в России, 1906, стр. 82—84.

³ «Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде», 1860, Объяснительная записка, стр. 19.

подростков в возрасте от 12 до 18 лет в 12 час. установление института инспекторов и т. д.¹

Эти намеряемые мероприятия, как и проекты 1871, 1873, 1875 гг., направленные на ограничение эксплуатации детского и женского труда, ограничение ночной работы и т. д., разбивались о противодействие капиталистов.

Лишь 1 июня 1882 г. был издан закон, согласно которому дети, не достигшие 12 лет, к работам на фабриках не допускались; кроме того, малолетние, от 12 до 15 лет, согласно этому закону не могли работать больше 8 час. в сутки и не допускались к ночной работе (от 9 час. вечера до 5 час. утра). Но вследствие сопротивления фабрикантов применение закона о малолетних было отсрочено на 2 года, да и впоследствии этот закон в очень многих случаях игнорировался².

Внедрение машин в промышленность снижало заработную плату рабочих. Фабрикант Я. Гарелин с нескрываемой радостью отмечает этот факт. Он пишет следующее: «Блестящая пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин. Пока машин не было или они являлись отдельными нововведениями, рабочих, можно сказать, царил на фабрике... Но вот являются машины и мало-помалу завладевают всем делом. Рабочим пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным машинам, с которыми разговоров вести, конечно, невозможно было и которые вдобавок срабатывали по меньшей мере в десять раз больше, чем могли сделать все рабочие, находящиеся на фабрике... Рабочий сделался теперь вполне зависимым от машины. Начинается совершенно новая эпоха в его жизни...»³ Началась действительно новая эпоха в эксплуатации рабочих. Туган-Барановский, сопоставляя величину заработной платы на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда в 1883 г. с величиной заработной платы в 1856 г., признаёт, что к началу 80-х годов реальная заработная плата рабочих на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда понизилась в общем не менее чем на 20—30%⁴.

Средняя месячная заработная плата в 1854 г. на бумагопрядильной фабрике в Переяславле-Залесском равнялась (серебром) у трепальщиков 6 руб., у чесальщиков — 7 руб., у

¹ См. «Труды комиссии, учреждённой для пересмотра уставов фабричного и ремесленного», ч. I, 1863, стр. III, 67, 68.

² См. К. А. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. II, 1924, стр. 25—26.

³ Я. П. Гарелин, Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново, и Вознесенский посад, ч. II, 1885, стр. 100—101.

⁴ См. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 351.

банкаброшниц—3 р. 50 к., у ленточниц—3 р. 50 к., у присучальщиц—5 руб., у прядильщиков—12 р. 50 к., у мотальщиц—4 р. 50 к., у кочегаров—6 р. 50 к., у молотобойцев—7 руб.¹ К началу 80-х годов заработная плата рабочих хлопчатобумажных фабрик в денежном выражении несколько повысилась, но реальная заработная плата значительно снизилась. Буржуазия исходила из принципа: «Сытый рабочий ленив к работе». В среднем в русской промышленности в конце XIX в. часовая заработная плата составляла 4,26 коп. (в Московской губ.) против 16,38 коп. в Англии и 22,28 коп. в Америке (Массачузетс), т. е. оплата труда русского рабочего была почти в 4 раза ниже оплаты английского и в 5 раз ниже оплаты труда американского рабочего.

Несмотря на значительный рост среднегодовой выработки, заработная плата не увеличивалась. Введение машин в промышленность не только не облегчило труда рабочих, но являлось «...могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов»².

Там, где в промышленности был 12-часовой рабочий день, практиковалась иногда система двух смен по 6 час. При этой системе рабочие попеременно замещали друг друга каждые 6 час., работая 6 час. днём и 6 час. ночью. Эта система особенно губительно отражалась на их здоровье.

Лишь в конце XIX в. (1897 г.) в результате забастовки 30 тыс. петербургских рабочих-текстильщиков царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивавший рабочий день до 11½ час. и накануне праздников до 10 час. До этого закона рабочий день вообще не был ограничен, и основная масса рабочих промышленности добывала кусок чёрного хлеба, работая от 12 до 18 час. в сутки³. Сокращение рабочего дня до 11½ час. капитал компенсировал повышением интенсивности труда, в результате чего прибавочная стоимость и выработка на одного рабочего не снижаются, а даже возрастают. Так, владимирский фабричный инспектор пишет, что переход от суточной работы к дневной или сменной 18-часовой, несомненно, повышает производительность труда в единицу времени. Такое же повышение наблюдается и при сокращении дневной работы, в особенности при переходе с 13½ час. на 12 или 11.

Продуктивность труда рабочего в единицу времени вследствие отмены ночных работ при переходе на 18-часовую работу

¹ См. «Журнал мануфактур и торговли», т. II, 1858, стр. 8—9.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 408.

³ См. Е. М. Дементьев, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт, 1897, стр. 104.

или вследствие сокращения дневного труда на 1—2 часа, возрастает приблизительно следующим образом:

для прядильных фабрик . . . на 3—5%,
 для ткацких фабрик . . . на 7—10%,
 для расильно-набивных и механических заводов . . . до 15%¹.

Но капитал всячески сопротивлялся сокращению рабочего времени, в результате чего закон 1897 г. рядом дальнейших ограничений (разрешение на сверхурочные часы, нераспространение ограничений рабочего времени на вспомогательных рабочих, при подрядах на сдельную работу и т. д.) был в значительной степени лишён его практической силы.

Продолжительный рабочий день, отсутствие надлежащих мер к охране жизни и здоровья рабочих вели к многочисленным несчастным случаям на производстве.

Особенно отрицательное влияние на здоровье рабочих оказывали плохие жилищные условия. Жилыми помещениями для рабочих служили громадные сырые, холодные казармы с тёмными длинными коридорами, с маленькими каморками, в которых помещалось по несколько семей. Никаких пределов заполнения каморок не было. На многих фабриках устраивали даже с целью увеличения их вместимости так называемые вторые «этажи», полати и т. д.

Исключительно продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, выдававшаяся часто ещё натурой и снижаемая высокими штрафами, плохие жилищные условия, отсутствие надлежащей техники безопасности на производстве, небезопасность рабочих во время болезней и старости и т. д. и т. п. — таково было положение русского рабочего класса в период развития промышленного капитализма. Это и без того тяжёлое положение рабочего класса ещё более ухудшалось в годы кризисов.

История революционного движения в России знает огромное число волнений рабочих ещё на так называемых помещичьих, вотчинных и казённых предприятиях. Причинами этих волнений были низкая оплата труда, штрафы, жестокое обращение с рабочими и т. д.

Классовая борьба становится острее и организованнее в пореформенное время, когда на сцену выступил «...промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших

¹ См. «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России», 1896, стр. 49—50.

капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»¹.

Огромное значение в истории революционного движения имела большая стачка, вспыхнувшая в 1885 г. в Орехово-Зуеве на хлопчатобумажной фабрике Морозова, насчитывавшей около 8 тыс. рабочих, условия труда которых были очень тяжелы.

Большие стачки происходили в 1885 г. и на фабриках Иваново-Вознесенска. В 90-х годах во время промышленного подъема рабочее движение усилилось. Как мы уже говорили выше, в результате забастовки 30 тыс. петербургских текстильщиков, руководимой «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», царское правительство вынуждено было издать 2 июня 1897 г. закон, ограничивавший рабочий день в промышленности до 11½ час.

Влияние этой забастовки текстильщиков из Петербурга распространилось на фабрики Москвы, Иваново-Вознесенска, Владимирской и Тверской губерний, Орехово-Зуева и других городов.

В. И. Ленин писал по поводу закона о сокращении рабочего дня следующее:

«Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет,— и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2-го июня 1897 г.) о сокращении рабочего дня; в комиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь голос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2-го июня 1897 г.»). А попечительный закон, между тем, под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис,— рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе,— новые волнения и уличные битвы,—новое беспокойство правительства,— новые полицейские речи о «государственной попечительности», изрекаемые на этот раз в газете «Новое Время»»².

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 7.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 68—69.

Процесс развития капитализма в пореформенный период, сопровождавшийся значительным ростом производительных сил, развитием промышленности, возникновением новых отраслей и т. д., неразрывно был связан с ростом технического изобретательства и русской науки. Талантливейший русский народ выдвинул из своей среды многих крупнейших учёных и изобретателей ещё в феодально-крепостную эпоху. Достаточно назвать таких гениальных изобретателей XVIII в., как И. Кулибин, И. Ползунов и гениальный учёный-энциклопедист М. Ломоносов. Несмотря на неблагоприятные исторические условия, русский народ своими вкладами обогатил мировую науку, технику и культуру. Недаром говорил В. И. Ленин, что Европа беднее нас талантливыми людьми.

В XIX и в начале XX в. русская научно-техническая мысль развивалась особенно быстро: получение электрической светящейся дуги профессором Петровым, изобретение электромагнитного телеграфа, открытие Якоби гальванопластики, открытие Яблочковым электрической «свечи Яблочкова», изобретение русским физиком Поповым радио, гениальные открытия и исследования в области физики Лебедева, Столетова, в области химической науки — Менделеева, Зинина, Бутлерова, Бекетова и др.; исследования и гениальные открытия в области математики Лобачевского, Остроградского, Чебышева, Ляпунова и одной из первых женщин-математиков — С. Ковалевской; в области астрономии — Бредихина; в области сейсмологии — Голицына; в области механики — отца русской авиации — Жуковского, Циолковского и др.; в области геологии и минералогии — Карпинского, Чернышева, Фёдорова и т. д.; в области медицины — Пирогова, Боткина, Бехтерева, крупнейшего учёного-физиолога Павлова; в области биологии — Тимирязева, Мичурина, Мечникова, Сеченова и т. д.; в области почвоведения — Докучаева; в области палеонтологии — Ковалевского и многие другие гениальные открытия и исследования — яркое свидетельство великих достижений научно-технической мысли наших русских учёных, обеспечивших во многих областях науки и культуры приоритет русской науки. Однако в силу относительно низкого уровня развития производительных сил России и политики царизма ряд технических изобретений не был внедрён своевременно в производство. Иностранные капиталисты, поддерживаемые многими представителями господствовавшего класса в России, всячески тормозили развитие русской науки и техники, отводя

русским роль учеников у западноевропейских учёных. Несмотря на многие неблагоприятные условия, русские учёные внесли буквально во все области науки и культуры неоценимый вклад.

Одной из предпосылок развития производительных сил является знание природных условий страны. Русские учёные своими географическими исследованиями также вписали блестящую страницу в мировую науку; вместе с тем эти исследования сыграли важную роль в развитии производительных сил нашей родины. Русские географы и путешественники — С. Крашенинников, Ю. Лисянский, О. Коцебу, Ф. Литке, П. Семёнов-Тян-Шанский, Н. Пржевальский, Н. Северцов, Г. Потанин, Г. Грум-Гржимайло и др. — своими исследованиями содействовали развитию народного хозяйства России, развитию русской и мировой науки.

В пореформенное время буржуазная политическая экономия была представлена в России рядом крупных экономистов: Туган-Барановский, Чупров, Янжул, Железнов и др. К. Маркс во втором томе «Капитала» ссылается на определение транспорта, данное Чупровым. Ф. Энгельс отмечал заслуги М. Ковалевского в исследовании происхождения собственности и семьи.

В области гуманитарных наук и общественно-политических идей Россия выдвинула А. Н. Радищева, декабристов, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Г. В. Плеханова и многих других. Наконец, Россия явилась родиной ленинизма, являющегося высшим достижением русской и мировой культуры.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Без преувеличения можно сказать, что авторитет К. Маркса в России был так высок, как ни в одной, быть может, стране мира. Характерно, что в России даже во многих дореволюционных университетских курсах политической экономии элементы экономической теории марксизма нашли некоторое своё отражение.

Много сделал в области широкой популяризации политической экономии Маркса в России Г. В. Плеханов — великий пионер марксизма в нашей стране. Конечно, наиболее ценными в теоретическом наследстве Г. В. Плеханова являются его работы по философии. Но вопросы экономической теории

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 175.

и истории, в особенности истории экономического развития России, получили в трудах Г. В. Плеханова также широкое освещение.

Г. В. Плеханов написал ряд интересных экономических работ, посвящённых критике народничества, критике экономической теории Родбертуса, Джона Стюарта Милля, немецкой «исторической школы» в политической экономии и т. д.

Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» высказал глубокие и интересные идеи об экономическом развитии нашей страны, хотя с многими его выводами нельзя согласиться. Так, Г. В. Плеханов недооценил оригинальность и прогрессивность воззрений ряда русских экономистов, в частности Посошкова, Крижанича и др., преувеличил роль географической среды в экономическом развитии России и т. д.

Высшего развития марксистская экономическая мысль достигла в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Работы В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», работы по аграрному вопросу и др. составили эпоху не только в истории русской, но и мировой экономической науки.

Уже самые первые экономические работы В. И. Ленина — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «К характеристике экономического романтизма» и др. — дают блестящий марксистский анализ общественно-экономического строя России.

В этих работах В. И. Ленин показал образцы применения научного метода к изучению экономической действительности нашей страны. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹.

Это творческое понимание экономической теории марксизма пронизывает все работы В. И. Ленина. В реферате «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин, используя схемы воспроизводства К. Маркса, доказал неправоту народнической теории о невозможности развития

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 191—192.

капитализма в России по причине «сокращения» внутреннего рынка и «снижения» покупательной способности крестьянства. Теорию воспроизводства В. И. Ленин разработывал и в ряде последующих своих работ. В произведении «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин опроверг теорию рынков народников и их теоретического предшественника швейцарского экономиста Сисмонди.

В своей капитальной работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подробно исследовал проблему развития капитализма и образования внутреннего рынка в России, разрешив тем самым окончательно вопрос о направлении русского народного хозяйства и завершив идейный разгром народничества.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин мастерски применил метод К. Маркса к изучению русской экономической действительности.

Книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» поражает не только глубиной своих теоретических выводов, но и богатством использованных источников. В данной работе В. И. Ленин цитирует свыше 400 источников — книг, справочников, статей и т. д. Фактически же использованная литература при подготовке этой работы значительно больше.

В этой работе В. И. Ленин рассмотрел весь процесс развития капитализма в России в целом. В. И. Ленин развил учение К. Маркса о внутреннем рынке. Используя богатейший статистико-экономический материал, характеризующий народное хозяйство России, В. И. Ленин показал, что создание внутреннего рынка есть результат общественного разделения труда; что разорение крестьянства ведёт вопреки утверждению народников к росту внутреннего рынка и т. д. В. И. Ленин показал значение внешнего рынка в развитии капитализма и доказал ошибочность привлечения этого вопроса народниками при теоретическом исследовании проблемы реализации.

В этом капитальнейшем экономическом труде В. И. Ленин вскрыл особенности развития капитализма в России, показал значение применения машин в сельском хозяйстве, значение торгового земледелия, роста городов, фабричных и торгово-промышленных местечек, крупной промышленности, значение окраин, роста вольнонаёмного труда и т. д. В. И. Ленин показал прогрессивную роль капитализма — «повышение производительных сил общественного труда и обобществление его», доказав полную неосновательность утверждений народнических экономистов о невозможности развития капитализма в России.

Марксистско-ленинская экономическая теория нашла дальнейшую разработку и была поднята на новую ступень в трудах

товарища Сталина. Товарищ Сталин дал классическое определение ленинизма, мастерски изложил теорию ленинизма и в свете новейших данных развил её дальше. Величайшее значение в деле борьбы мирового пролетариата за своё освобождение имеет дальнейшая разработка товарищем Сталиным ленинской теории империализма, ленинского учения о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране.

В трудах И. В. Сталина дан всесторонний анализ экономики России в эпоху капитализма, анализ её противоречий, состояния классовой борьбы в стране. И. В. Сталин с предельной ясностью показал особенности экономического развития России, вскрыл основные причины, обусловливавшие экономическую отсталость страны и пути её ликвидации.

Товарищ Сталин, развивая ленинское учение о возможности прорыва цепи империализма в наиболее слабом её звене, на основе глубокого марксистско-ленинского анализа экономического и политического развития России показал, что цепь империализма будет прорвана в первую очередь в России, «...что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»¹.

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 186.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СТРАНЕ

Развитие капиталистического способа производства в России создало новую классовую структуру общества, новый, свойственный капитализму, закон народонаселения.

Движение населения определяется способом производства, а не наоборот, как утверждал, например, М. Ковалевский. По его мнению, «большая или меньшая густота населения... определяет и самый характер общественных отношений»¹.

На какие основные группы делилось население России по своему положению в общественном производстве? По своему классовому положению население распределялось в конце эпохи промышленного капитализма следующим образом: из 125,6 млн. населения около половины было пролетариев и полупролетариев, живущих преимущественно или наполовину продажей рабочей силы; 35,8 млн. человек беднейших хозяев; 23,1 млн. зажиточных мелких хозяев и 3 млн. человек крупной буржуазии, помещиков, военных чинов и т. д.

В конце XIX в. сельскохозяйственного населения насчитывалось 97 млн. человек, торгово-промышленного — 21,7 млн. и непроизводительного населения — 6,9 млн. Обработав данные переписи 1897 г., В. И. Ленин дал следующую структуру населения России по занятиям (в млн.)²:

---

¹ М. Ковалевский, Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I, 1898, стр. VIII.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 438. «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 28/1 1897», т. II, табл. XXI, стр. 296.

Занятия	Самостоя- тельные	Члены семей	Всего населения
	(обоёго пола)		
а) Чиновники и войско	1,5	0,7	2,2
б) Духовенство и своб. профессии .	0,7	0,9	1,6
в) Рантье и пенсионеры	1,3	0,9	2,2
г) Лишенные свободы, простит., не- опред., неизвестные	0,6	0,3	0,9
И т о г о непроизводительного населения	4,1	2,8	6,9
д) Торговля	1,6	3,4	5,0
е) Пути сообщения и сношений . .	0,7	1,2	1,9
ж) Частная служба, прислуга, по- денщики	3,4	2,4	5,8
И т о г о полупроизводительного населения	5,7	7,0	12,7
з) Сельское хозяйство	18,2	75,5	93,7
и) Промышленность	5,2	7,1	12,3
И т о г о производительного на- селения	23,4	82,6	106,0
Всего . . .	33,2	92,4	125,6

Приведённые данные дают яркую картину разделения общественного труда «как основы всего товарного производ-ства и капитализма в России». Непроизводительное население равнялось 6,9 млн. человек и составляло 5,5% всего населения Российской империи, производительное и полупроизводитель-ное население — 94,5%.

Капитализм, развивая производительные силы, калечит рабочего, обрекает на односторонность развития главную про-изводительную силу — человека, поскольку развитие произво-дительных сил при капитализме происходит в громадной мере за счёт усиления эксплуатации живого труда.

По мере развития капитализма растёт доля избыточного населения, повышается удельный вес непроизводительного

населения. Развитие техники и общий рост производительных сил ведут к выталкиванию рабочих из процесса производства, к образованию относительного перенаселения в различных формах (текущее, скрытое, застойное). Перед экономической наукой встала задача объяснить это явление — образование избыточного населения по мере развития капитализма. Мальтус пытался объяснить его естественно-историческими причинами. Сисмонди, как писал В. И. Ленин, указал на вытеснение населения машинами и негодовал по этому поводу.

В пореформенной экономике России по мере развития капитализма также образовывалось избыточное население, приходу которого, неизбежность и необходимость в условиях развивавшегося капитализма так и не смогли понять народники.

«Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя несомненно противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью* капиталистического механизма. Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего *средний* спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия»¹.

В силу циклического характера развития капитализма спрос на рабочую силу подвергается резким колебаниям. Русские народники не понимали вопроса о потребностях капиталистического хозяйства в резервной армии рабочих.

«Могли ли бы быть построены железные дороги, — писал В. И. Ленин, — если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 159—160.

промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной подневной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, причем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями — лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так наз. кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся главным образом после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, *требуемого капитализмом*¹.

По мере развития капиталистической промышленности росло промышленное население страны за счёт земледельческого. Одним из основных показателей этого процесса является быстрый рост городов в пореформенной России. Удельный вес городского населения систематически возрастал, поскольку городское население росло почти в 2 раза быстрее, чем остальное население страны. Особенно быстро возрастала численность населения в тех городах, которые являлись промышленными или торговыми центрами.

Городов Европейской России, имевших населения больше 200 тыс., было в 1863 г. — 2, в 1897 г. — 5; с населением от 100 тыс. до 200 тыс. в 1863 г. — 1, а в 1897 г. — 9 и от 50 тыс. до 100 тыс. в 1863 г. — 10, а в 1897 г. — 30.

Процент городского населения в европейских губерниях России равнялся в 1863 г. 9,94, в 1897 г. — 12,76. Следует учесть, что промышленное население страны превышало численность городского населения, поскольку значительная часть фабрично-заводских рабочих и в особенности рабочих горных отраслей промышленности была размещена вне городов. Численность рабочего класса резко возрастала.

Многие фабрики возникали в деревнях, в фабричных сёлах и т. д. Крестьянская община с её замкнутостью затрудняла

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 161—162.

отход рабочей силы в города, но растущий капитализм преодолевал эти затруднения.

«Если устройство фабрик в деревнях представляет не мало неудобств, зато оно обеспечивает дешевого рабочего. Мужика не пускают на фабрику, — фабрика идет к мужику. Мужик не имеет полной свободы (благодаря круговой поруке и стеснениям выхода из общины) искать себе самого выгодного нанимателя, а наниматель прекрасно умеет отыскивать самого дешевого рабочего»¹.

Резко возросла подвижность населения в противовес оседлости, свойственной дореформенной России. Уничтожение крепостничества, тормозившего свободное расселение по стране, создало условия для хозяйственного использования многочисленных земель на окраинах России.

«Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — создало такие условия, при которых (как я показал подробно в «Развитии капитализма») население бежало во все стороны из этого насиженного местечка крепостников-последней. Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли»².

Рост подвижности населения пореформенной России проявлялся также в усилении отхожих неземледельческих промыслов, что выражало отвлечение населения из сельского хозяйства в промышленность.

Число рабочих, занятых различными отхожими промыслами, равнялось 5—6 млн. человек. Капитализм, превратив рабочую силу в товар, резко увеличил употребление наёмного труда, образовав внутренний рынок на рабочую силу.

«Главнейшие передвижения *земледельческих* рабочих, — писал Ленин, — следующие: 1) Из центральных земледельческих губерний на южные и восточные окраины. 2) Из северных черноземных губерний в южные черноземные губернии, из которых, в свою очередь, уходят рабочие на окраины... 3) Из центральных земледельческих губерний в промышленные губернии... 4) Из центральных и югозападных земледельческих губерний в район свекловичных плантаций (сюда идут даже отчасти рабочие из Галиции)»³. Не менее интенсивное передвижение имело место среди *неземледельческих рабочих*, которое шло по следующим направлениям;

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 459—460.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 227.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 514—515.

«1) В столицы и в большие города главным образом из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний. 2) В промышленный район на фабрики Владимирской, Ярославской и других губерний из тех же местностей. 3) Передвижение к новым центрам промышленности или к новым отраслям ее, к центрам промышленности не-фабричной и пр.»¹ (на свеклосахарные заводы, в южный горный район, на портовые работы, на разработку торфа, в Уральский горно-промышленный район, на рыбные промыслы, на судовые, судостроительные работы, на вырубку и сплав леса и т. д.).

Население восточных губерний, нижеволжских, новороссийских — росло значительно быстрее, чем по Европейской России в целом. Вытесняемое из земледелия население высокозаселённых районов направлялось в города — в промышленность, а часть переезжала в незаселённые части территории и принималась за обработку новых земель. Россия имела огромные незаселённые территории, что создавало возможность развитию капитализма и «вширь». В. И. Ленин в работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» писал: «Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета.

Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции русского земледелия по американскому образцу»².

Конечно, различные крепостнические пережитки и в пореформенное время тормозили расселение населения по территории страны, тем самым задерживая хозяйственное использование земель. Однако пореформенная Россия в этом отношении сильно отличается от дореформенной. Развитие капитализма резко усилило переселенческое движение и в первую очередь из центрально-земледельческого района России в южные и восточные окраины страны, которые в 60-х годах были слабо заселённой территорией.

П. Струве считал, что перенаселение в пореформенной земледельческой России не носило капиталистического характера. Он писал, что «...такой некапиталистический характер носит и то перенаселение, которым характеризуется переживаемый земледельческой Россией кризис»³. П. Струве полагал,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 515.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 229.

³ П. Струве, Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I, 1894, стр. 183.

что перенаселение в России объясняется несоответствием размножения со средствами существования. Он видел основную причину обеднения крестьян в перенаселённости сёл, а «кризис русского крестьянского хозяйства, — по его мнению, — объясняется прежде всего ростом населения»¹. Этот мальтузианский довод не вскрывал общественно-экономических отношений пореформенного русского сельского хозяйства, вся история которого характеризуется в этот период вторжением капитала. Народнические рассуждения о малоземелье также не вскрывали истинного положения с перенаселением в земледельческой России.

«...Нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения в России, — писал В. И. Ленин, — как нельзя отрицать господства капитала в земледелии»².

Собственно, крестьянские переселения в России известны с давних пор. Крестьяне бежали от неимоверного гнёта крепостников-помещиков и абсолютистского правительства. Наряду с таким стихийным переселением государство ещё в дореформенное время проводило переселение крестьян. Постепенно русский крестьянин колонизовал земли, расположенные в области среднего и нижнего течений Волги, Дона и т. д., проник на Урал, а потом и в Сибирь. Но после ликвидации крепостничества переселенчество проходило на иной социально-экономической основе. Развитие капитализма сопровождалось расслоением крестьянства, образованием безземельных крестьян; знаменитые «отрезки» усилили ещё больше крестьянское безземелье; рост цен на землю по мере проникновения капитализма в сельское хозяйство создавал условия для подвижности населения, в частности для переселения крестьян в Сибирь, в особенности в Томскую губернию, на Кавказ, в Среднюю Азию, в Уфимскую, Оренбургскую и другие губернии, где феодальные пережитки были слабее. Поскольку значительная и, как правило, лучшая часть земли принадлежала помещикам, купцам и сельской буржуазии, — трудовое крестьянство испытывало недостаток в земле. Основная масса переселенцев (до 80%) перемещалась стихийно, часто даже без согласия своего «общества» — общины, тормозившей уход каждого члена общины, поскольку все платежи и различные повинности при его уходе переходили на общину.

Неорганизованность переселения, стихийный его характер приводили к тому, что в отдельные годы значительная часть переселенцев возвращалась обратно. Так, в 1885—1893 гг.

¹ П. Струве, Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1, 1894, стр. 284.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 445.

вернулось из Сибири 3,6 %, в 1896 г. — 13, в 1897 г. — 40 % переселенцев.

В 1881 г. были изданы царским правительством «временные правила», разрешавшие переселение, а в 1889 г. был издан закон, предоставлявший ряд льгот переселенцам (путевые пособия, ссуды переселенцам и т. д.). Колонизационное движение в Сибирь особенно усилилось с проведением Сибирской железной дороги и рассматривалось царским правительством как средство борьбы с так называемой «жёлтой опасностью». Ниже мы увидим, что царское правительство, начиная поощрять переселение и сделав, наконец, в 1906 г. переселение свободным, исходило из политических соображений: переселение крестьян из центральных губерний рассматривалось как одна из форм борьбы с растущим революционным движением крестьянства. Конечно, переселение не могло разрешить аграрный вопрос в дореволюционной России. Ежегодный прирост населения в России в XX в. составлял около 2 млн. человек, максимальное же число переселенцев за Урал (без ходоков) достигло в 1908 г. 665 тыс., снизившись в 1913 г. до 327 тыс. человек.

Всего за время капиталистического развития России число переселенцев на восточные земли (за Урал) составило около 5,6 млн. человек. Колонизационная волна нарастала почти систематически и достигла своего максимума в годы после первой русской революции.

Среднегодовое число переселенцев, включая и ходоков, составляло ¹:

с 60-х годов по 1884 г.	около	10 000
» 1885 г. » 1895 »	»	14 697
» 1893 » » 1900 »	»	186 423

Наибольшее количество переселенцев направлялось в конце XIX в. в Томскую губернию. Из 785,6 тыс. человек переселенцев за 1897—1903 гг. в эту губернию переселилось почти половина — 352 тыс. человек. Второе место по числу влившихся переселенцев занимала Енисейская губерния — 112,5 тыс., затем Акмолинская — 100 тыс., потом Тобольская — 72 тыс., Оренбургская — 25,6 тыс. и т. д. ²

По месту выхода переселенцы, шедшие на восток, в большинстве случаев были выходцами из чернозёмной полосы

¹ См. «Статистический ежегодник России, 1915 г.», 1916, разд. II, стр. 21.

² См. «Ежегодник России 1904 г.», 1905, стр. 118—119,

Европейской России, и в первое время после реформы, когда переселенческое движение только стало развиваться, почти все переселенцы происходили из чернозёмных губерний.

Всего за 1897—1903 гг. из Полтавской губернии переселились 78 тыс. человек, из Могилёвской — 53 тыс., из Черниговской — 52 тыс., из Курской — 50 тыс., из Витебской — 46 тыс., из Самарской — 49 тыс., из Тамбовской — 42 тыс., из Воронежской — 37 тыс., из Харьковской — 35 тыс., из Орловской — 32,5 тыс., из Херсонской — 21 тыс. и т. д., а всего в переселении в это время участвовало 70 губерний из 82.

Но как бы ни увеличивалось переселение, оно не могло разрешить аграрный вопрос русской деревни, хотя окраины и располагали огромными земельными угодьями, пригодными для земледелия.

Плотность населения в Европейской России почти в 4 раза была ниже, чем в Царстве Польском; в Средней Азии она составляла всего лишь 2,5 человека на 1 квадратную версту, а в Сибири — только 0,5 (см. табл. на стр. 236).

Из таблицы видно, что о 819,2 млн. десятин земли не имелось никаких сведений. Недаром В. И. Ленин, анализируя эту таблицу, писал: «...как мало мы еще знаем об окраинах России»¹.

Многочисленные пережитки феодализма в русской деревне задерживали колонизацию.

Уничтожение крепостного права содействовало росту колонизации, в частности колонизации Новороссии. Ликвидация всевозможных остатков крепостничества могла явиться важнейшим условием усиления колонизации. В. И. Ленин писал: «Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяиничающий» посредством отрезных земель барин»².

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 64.

² Там же, стр. 65.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ФОНДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX В.
(кроме Финляндии)¹

	Всего земли		В том числе		В том числе угодия				Население в 1897 г.	
	кв. вёрст тысяч	десятин млн.	земли, о которой нет ника- ких сведе- ний, млн. дес.	земли на учете млн. дес.	пашни	покося	леса	итого	всего тыс.	на 1 кв. версту
миллионы десятин										
10 губерний Царства Польского .	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9 402,2	84,3
38 губерний на запад от Волги .	1 755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губерний на север и восток от Волги	2 474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губерний Европей- ской России	4 230,5	441,0	—	441,0	115,9	25,8	166,0	307,7	93 442,9	22,1
Кавказ	411,7	42,9	22,1	20,8	6,5	2,2	2,5	11,2	9 289,4	22,6
Сибирь	10 966,1	1 142,6	629,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5 758,8	0,5
Средняя Азия	3 141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7 746,7	2,5
Итого Азиатская Россия . .	14 519,4	1 512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российской империя . .	18 861,5	1 965,4	819,2	1 146,2	135,0	34,4	300,0	469,4	125 640,0	6,7

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 63.

С развитием капитализма подвижность населения возросла, в частности возросла эмиграция населения из России. До крестьянской реформы эмиграция была очень незначительной.

По числу эмигрантов Россия в XIX столетии занимала третье место вслед за Великобританией и Германией; за Россией по числу эмигрантов шли Италия, бывш. Австро-Венгрия и т. д.

Среди причин, вызывавших эмиграцию, значительную роль играли политические факторы, вместе с тем большое значение имели и экономические причины. Рост производительных сил в России проходил сравнительно с ростом населения всё же медленно.

Население страны возросло за счёт естественного прироста, а также за счёт увеличения территории в течение XIX в. свыше чем в $3\frac{1}{2}$ раза, в результате чего удельный вес России в общей численности населения Европы значительно увеличился. В год всеобщей переписи (1897 г.) население России достигло 126 млн. человек. Некоторое увеличение населения за период капитализма объясняется присоединением к Российской империи колонизуемых территорий. Но этот фактор не имел в тот период большого значения; в основном рост населения страны обязан естественному приросту, обусловленному исключительно высокой рождаемостью. Быстрый рост населения страны при наличии других благоприятных условий — один из важнейших факторов в экономическом развитии страны.

Как уже указывалось, дореволюционная Россия была страной очень высокой рождаемости и высокого коэффициента смертности. Быстро растущая численность населения страны увеличивала массу труда, но при этом очень важен достигнутый уровень производительности труда. Последний был весьма низок, в особенности в сельском хозяйстве. В этих условиях быстрый рост населения усиливал в частности остроту многочисленных голодных лет, постигавших весьма часто нашу страну. Среди крупных европейских стран Россия занимала одно из первых мест по коэффициенту смертности и одно из последних по уровню жизни широких масс народа, по размеру народного дохода на душу населения, по уровню производительности народного труда.

При изучении экономической истории России необходимо уделять серьёзное внимание быстрому росту населения, поскольку этот рост бесспорно влияет на развитие общества, облегчая или замедляя это развитие; но рост населения не может быть главной силой, определяющей развитие общества. Превеличение значения роста населения в развитии производительных сил России наблюдаем мы в работах академика

М. Ковалевского. Он говорил: «...среди производительных сил России быстрый рост её населения кажется мне важнейшим из всех. Природные богатства страны оставались бы частью не утилизированными, не увеличивайся число производителей, и промышленность не находила бы сбыта для всех своих произведений, не увеличивайся из года в год число потребителей. Поэтому, чтобы судить с знанием дела о нашей экономической политике, следует всегда отправляться от того факта, что на пространстве в 5 млн. и несколько сот тысяч квадратных километров мы имеем население в 63 млн. человек, плотность которого увеличивается, в особенности в земледельческой зоне, зоне чернозёма. Нет лучшего доказательства того, что Россия самою природой своей почвы и характером занятий массы своего населения призвана быть прежде всего и преимущественно крупным производителем сырья»¹. М. Ковалевский ошибся не только в оценке значения населения в экономическом развитии России, но и в характеристике перспектив развития нашей страны, предназначая ей незавидную роль производителя сырья.

Быстрый рост народонаселения России имел в своей основе высокий коэффициент рождаемости, который хотя и снижался по мере развития капитализма, но всё же был значительно выше, как это видно из нижеследующих данных, чем в других европейских государствах.

На 1 тыс. жителей в 50 губерниях Европейской России приходилось рождений²:

1861—1870 гг.	51,9
1871—1880 »	49,1
1881—1890 »	48,7
1891—1900 »	48,7

За время капиталистического развития России рождаемость несколько снизилась. Эта тенденция наблюдалась и позднее, в годы монополистической стадии капитализма: в 1901—1905 гг. коэффициент рождаемости составил 47,7, в 1906—1910 гг. — 45,3 и в 1911—1913 гг. — 44,1. Падение рождаемости наблюдалось и в других капиталистических странах.

¹ М. Ковалевский, Экономический строй России, 1900, стр. 11—12.

² См. В. И. Покровский, Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения, стр. 12.

КОЭФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ
ПО НЕКОТОРЫМ ЕВРОПЕЙСКИМ СТРАНАМ¹
(на 1 тыс. душ населения)

Годы	Англия и Уэльс	Франция	Германия	Швеция	Норвегия	Бельгия
1855—1859 . .	34,2	26,4	35,5	33,4	33,4	30,4
1895—1899 . .	29,6	22,0	36,1	27,0	30,1	29,0

Снижение коэффициента рождаемости наблюдалось не только в этих странах, но и в аграрных странах Юго-Восточной Европы (Венгрия, Болгария, Румыния, Испания и т. д.). В основе этого явления лежали причины прежде всего экономического порядка. Сопоставление данных, приведённых в этой таблице, с соответствующими данными по России показывает, насколько больше была рождаемость в России, чем в указанных странах.

Длительное сокращение рождаемости впервые было констатировано в конце первой четверти XIX в. во Франции, затем с 70-х годов XIX столетия понижение коэффициента рождаемости наблюдалось и в других западноевропейских странах.

В конце первой четверти XIX в. максимального коэффициента рождаемости достигают Швеция, Норвегия, Финляндия, в 70-х годах — Англия, а затем — Германия, Польша, Италия.

Имевший место факт снижения прироста населения объясняется прежде всего падением рождаемости.

В конце XIX в. коэффициент рождаемости в России был выше, чем во Франции, в два с лишним раза, выше, чем в Англии, почти на 70 % и выше, чем в Германии, на 35 %.

Дореволюционная Россия была вместе с тем и страной весьма высокой смертности населения, особенно в детском возрасте. По тем же приблизительным данным, коэффициент смертности в России хотя и снижался, тем не менее он сильно превышал смертность в Германии, Франции и в Англии. В России он составлял (на 1 тыс. человек):

1861—1870 гг.	38,7
1871—1880 »	35,5
1881—1890 »	34,2
1891—1900 »	32,8

¹ См. *Kuczynski*, *The Balance of births and deaths*, New-York 1928.

За 1901—1905 гг. коэффициент смертности приблизительно равнялся 31, за 1906—1910—29,2 и за 1911—1913 гг. — 27,2. Особенно смертность населения возрастала в неурожайные годы, как, например, в 1892 г.

Высокая смертность как следствие низкого экономического развития страны, следствие бедности сильно задерживала быстрый рост народонаселения. Характерно, что у нас, в России, в противоположность многим другим странам смертность в сельских местностях была выше, чем в городских, что отражало особенно низкий уровень жизни русского крестьянина.

Эти материалы показывают, что снижение смертности в России происходило несколько быстрее, нежели снижение рождаемости; это в свою очередь увеличивало прирост населения.

КОЭФИЦИЕНТ СМЕРТНОСТИ НА 1 ТЫС. ДУШ НАСЕЛЕНИЯ
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЕВРОПЕЙСКИМ СТРАНАМ¹

Годы	Англия	Франция	Германия	Швеция
1841—1850 . .	22,4	23,3	26,8	20,6
1891—1900 . .	18,2	21,5	22,2	16,4

В результате снижения коэффициента смертности население европейских стран, несмотря на падение рождаемости, всё же возрастало. Однако надо иметь в виду, что падение рождаемости шло в этих странах всё ускоряющимися темпами, падение же смертности — замедляющимися, что и дало основание демографам сделать вывод об уменьшении прироста населения.

¹ Данные показывают смертность населения собственно только метрополии. В колониях смертность населения исключительно высокая. Известно, что эксплуатация английским империализмом колониальных народов приводит к вымиранию населения некоторых колоний Великобритании. Кроме того, смертность весьма неодинакова у различных классов капиталистического общества. Так, при среднем уровне смертности детей в Англии, принятом за 100, смертность в 1930—1932 гг. равнялась у средних и высших классов только 53, а у низкооплачиваемых рабочих — 125 (см. *Titmuss, Birtli, Poverty and Wealth*, London 1943).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ РЫНОК В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Пореформенная экономика характеризуется дальнейшим углублением общественного разделения труда — основы создания внутреннего рынка. Основными показателями роста внутреннего рынка являлись: рост товарного обращения, торгово-промышленного населения, разложение крестьянства и рост отхожих неземледельческих промыслов, возрастающее использование наёмного труда. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» подробно исследовал вопрос об образовании внутреннего рынка в России, о направлении развития русского народного хозяйства, показав прогрессивную роль капитализма в повышении производительных сил общественного труда, обобществлении его, опровергнув утверждения народников о невозможности развития капитализма в России.

Процесс создания внутреннего рынка происходил двумя путями: «...с одной стороны, *средства производства*, от которых «освобождается» мелкий производитель, превращаются в капитал в руках их нового владельца, служат для производства товаров, и, следовательно, сами превращаются в товар... С другой стороны, *средства существования* для этого мелкого производителя становятся вещественными элементами переменного капитала, т. е. денежной суммы, расходуемой предпринимателем (все равно, землевладельцем ли, подрядчиком, лесопромышленником, фабрикантом и т. д.) на наем рабочих. Таким образом эти средства существования превращаются теперь также в товар, т. е. создают внутренний рынок на предметы потребления»¹.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 46.

По мере развития промышленности рынок предъявлял всё больший спрос на средства производства. Строительство железных дорог и отраслей тяжёлой промышленности вызывало всё растущий спрос на металл, уголь, лес. Ослабление натуральных форм хозяйства в деревне, рост пролетариата увеличивали спрос на предметы потребления — пищу, одежду и т. д., создавая рынок для лёгкой промышленности.

Промышленная продукция, значительно возросшая за время промышленного капитализма и достигавшая в 1900 г. свыше 4 млрд. руб., реализовывалась за небольшим исключением (внутрипромышленное потребление, экспорт) на внутреннем рынке.

Процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны: «...развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»¹.

Именно обоими этими путями и создавался рынок в пореформенной России. Интенсивное развитие капиталистической промышленности в центре России, всё большее и большее разложение крестьянства означало развитие капитализма «вглубь». Вместе с тем процесс образования рынка в России имел ту особенность, что «...Россия, — как писал В. И. Ленин, — находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах»².

В пореформенный период капитализм в России довольно интенсивно распространялся на новые территории — Сибирь, Казахстан, Башкирию, Туркестан, Кавказ и т. д. Вместе с тем надо заметить, что развитие российского капитализма вширь вследствие возможности колонизации окраин задерживало в известной степени развитие капитализма «вглубь».

Присоединение окраин к России имело прогрессивное значение. Энгельс в письме к Марксу писал, что «...господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»³. В присоединённых областях развивались более передовые формы производства, возникал ряд новых отраслей хозяйства, эти районы втягивались в мировое товарное обращение.

Капитализм, подвергая окраины России экономическому подчинению, разлагал патриархальные и феодальные отноше-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

ния колонизируемых окраин, вызывал в них рост употребления наёмного труда, рост городского населения, разложение крестьянства и т. д. В. И. Ленин, говоря о Кавказе, показал, как капитализм втягивал его в «...мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»¹. Фабриканты старались выйти за пределы старых рынков России, сбывая свою продукцию населению колонизируемых окраин. Процесс экономического подчинения окраин был в значительной степени связан с развитием железнодорожного транспорта, проведением железных дорог, связывающих центральные районы страны с колонизируемыми окраинами.

В первый период пореформенного времени внутренний товарооборот питала главным образом продукция сельского хозяйства, в производстве которой продолжала быть занята большая часть населения страны. По мере развития товарно-денежных отношений, по мере создания современных капитализму путей сообщения всё большая часть продукции сельского хозяйства превращалась в товар².

При росте сельскохозяйственной продукции, товарности земледелия и животноводства товарооборот страны, естественно, возрастал, правда в большей степени всё же за счёт значительно быстрее развивавшейся промышленности, нежели сельского хозяйства. В товарообороте страны по мере развития капитализма всё большее и большее значение начали приобретать промышленные товары. Увеличению товарности сельского хозяйства содействовал рост сельскохозяйственной продукции, урожайности и производительности труда. Вместе с тем налоговое обложение крестьянства, необходимость уплаты выкупных платежей за землю и т. д. увеличивали потребность крестьянина в деньгах, вынуждая его продавать значительную часть своей сельскохозяйственной продукции.

Как известно, товарное обращение предшествует товарному производству. Развитие капитализма в России в корне изменило характер и значение торговли и торгового капитала.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 521.

² Нам кажется, утверждение П. И. Лященко, что «в общем товарность зернового производства может быть определена к началу XX в. до 50%», преувеличено (см. «История народного хозяйства СССР», т. II, 1948, стр. 141). Такой процент товарности зернового хозяйства мог быть лишь в помещичьих хозяйствах. Товарность русского сельского хозяйства перед первой мировой войной равнялась 26%, в том числе у помещиков — 47, у кулаков — 34, у середняков и бедняков — 14,7%.

Торговля и торговый капитал возникли задолго до капитализма. «...Как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же неммыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»¹.

Местным рынкам свойственны были самые примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Различные представители торгового капитала отнимали у производителя не только прибавочный продукт, но часто и долю необходимого продукта. «Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение. Число этих мелких пиявок громадно (по сравнению с скудным количеством продукта у крестьян), и для обозначения их существует богатый подбор местных названий. Вспомните всех этих прасолов, шibaев, щетинников, маяков, ивашей, булыней и т. д.»²

В первые годы после реформы торговля носила на себе всё ещё сильный отпечаток крепостнической экономики: относительно небольшие её размеры, всё ещё незначительное участие крупного капитала и т. д., огромное значение гужевых перевозок, слабое развитие кредита, большая роль ярмарок, сельских базаров и т. д.

Живучесть ярмарок как результат позднего развития капитализма в России объяснялась слабостью путей сообщения, имевших особое значение при громадности нашей страны и редкости населения, слабостью кредита и недостаточным количеством крупных капиталов. В 1868 г. в Европейской России насчитывалось 1 159 городских и 5 337 сельских ярмарок с размером оборота в 459 млн. руб. (привоз) и 305 млн. руб. (продажа)³.

Несмотря на то, что количество ярмарок в пореформенное время увеличилось, их значение во внутренней торговле снизилось. В 1894 г. в Европейской России имелось 15 910 ярмарок, т. е. раза в 2½ больше, чем в 1868 г., а обороты их равнялись по привозу 573,2 млн. руб. и по продаже 459,5 млн. руб., т. е. выросли очень незначительно.

По другим источникам обороты ярмарок определялись несколько в иных величинах, но всё же ясно, что по мере разви-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 333.

² Там же.

³ См. «Военно-статистический сборник», вып. IV, 1871, стр. 643.

тия капитализма значение ярмарок в торговле снижалось, изменялся и характер ярмарочной торговли. Снижение оборотов, правда в меньшей степени, коснулось и Нижегородской ярмарки, максимальный оборот которой равнялся в 1881 г. 243 млн. руб. Но Нижегородская ярмарка занимала особое положение в силу ряда специфических условий, содействовавших её развитию, — географическое положение, удобный водный транспорт и т. д. Второе место после Нижегородской ярмарки занимала Ирбитская ярмарка — крупнейший центр по торговле пушными товарами. На сокращение оборотов этой ярмарки повлияло проведение железных дорог — Уральской и Сибирской.

Сохранилась группа оптовых ярмарок и на Украине. Существовало несколько специализированных ярмарок: конские ярмарки в Волжско-Камском и других бассейнах, лесные ярмарки в Томске, Минске и других местах, ярмарки по торговле скотом и т. д. Темп отмирания ярмарочной торговли находился в прямой зависимости от темпов экономического развития района страны, от интенсивности проведения в нём железных дорог.

Наибольшее значение в конце XIX в. ярмарки имели в Сибири, в среднеазиатских и других районах России с редким населением и слабыми транспортными связями.

Одной из форм внутренней торговли, распространённой в докапиталистической русской деревне, сохранившейся и в пореформенное время, но оттеснённой капиталистической торговлей, были базары. Обороты базаров и торжков исчислялись в несколько сот миллионов рублей. В. И. Ленин писал, что «чем дальше пойдет развитие торговли, сближая деревню с городом, вытесняя примитивные сельские базары и подрывая монопольное положение деревенского лавочника, чем более будут развиваться европейски правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, — тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства»¹.

Разложение крестьянства в сильнейшей степени содействовало образованию внутреннего рынка как за счёт предметов потребления, так и за счёт средств производства.

По мере развития капитализма всё усиливалось в торговле значение товарных бирж как центров оптовой торговли². Феодално-крепостная экономика не содействовала развитию биржевой торговли. До 1861 г. в России было всего несколько

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 152—153.

² Первая товарная биржа в России была организована Петром Великим, «дабы всероссийское купечество яко рассыпную хранину пакн собрать», П. С. З. № 3708,

бирж — в Петербурге, Одессе, Москве, Нижнем, Рыбинске и Варшаве, в то время как в конце XIX и начале XX в. их насчитывалось уже несколько десятков, в том числе несколько специализированных бирж (хлебные, по продаже скота, яичные, каменноугольная, лесная и др.)¹.

Биржа представляет развитую форму торговли; содействуя всевозможной спекуляции и ажиотажу, она в то же время помогала централизации торгового оборота.

Серьёзное значение во внутриторговом обороте России имела монопольная продажа государством водки, дававшая значительные доходы в бюджет.

Наряду со многими другими формами торговли существовала и кооперативная торговля, удельный вес которой во всём торговом обороте страны был незначителен.

Кооперативная торговля производилась в форме потребительских и сельскохозяйственных обществ, всевозможных кредитных товариществ и различных кустарных кооперативов.

Капитализм ставит узкие рамки достижениям кооперативной торговли. В эпоху монополий кооперативам было ещё труднее бороться за своё существование.

В. И. Ленин писал, что «...кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением»².

Определить объём внутреннего товарооборота дореволюционной России весьма трудно ввиду отсутствия надлежащего учёта, поэтому нижеприводимые данные по этому вопросу имеют условное значение.

Оборот товарной торговли достигал в 1898 г. 4 442 млн. руб.³, в том числе:

	Млн. руб.
1) мануфактурный, галантерейный и др. товары	923
2) хлеб в муке и зерне	880
3) колониальный и бакалейный товар	612
4) каменный уголь, дрова, лес и другие строительные материалы	188
5) вино, спирт, пиво	186
6) скот, мясо, дичь, яйца, зелень	180
7) драгоценные металлы	175
Итого по семи главным группам	3 144
Прочие товары	1 298

Итого по торговле товарами 4 442

¹ См. Ю. Д. Филиппов, Биржа, 1912, стр. 163, 197, 198.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 395.

³ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XLIV.

Но так как во внутренней торговле многие товары оборачиваются в год не один раз, а несколько, то с учётом этого обстоятельства внутренний оборот будет составлять около 9 903 млн. руб.¹

ДИНАМИКА УЧЁТНОГО ТОВАРООБОРОТА РОССИИ
за 1885—1900 гг.²
(в ценах соответствующих лет в млн. руб.)

Годы	Промышленных предприятий		Торговых предприятий	Всего	
	фабрично-заводск.	кустарно-ремеслен.		абс.	в %
1885	1 155	647	3 503	5 305	100
1886	1 203	624	3 534	5 361	105
1887	1 326	697	4 111	6 134	115
1888	1 469	739	4 025	6 233	117
1889	1 596	704	3 950	6 250	118
1890	1 544	774	4 033	6 351	120
1891	1 561	762	4 010	6 333	119
1892	1 602	742	4 110	6 454	122
1893	1 749	812	4 438	6 999	132
1894	1 950	821	4 854	7 625	144
1895	2 189	869	5 184	8 242	155
1896	2 410	886	5 332	8 628	162
1897	2 669	927	5 518	9 114	172
1898	2 999	963	5 737	9 699	183
1899	3 503	1 161	7 305	11 969	225
1900	3 761	1 516	6 995	12 272	231

По данным за 15 лет, объём учётного товарооборота возрос в 2,3 раза, в то время как число торговых заведений, обязанных выборкой патентов (опт и розница, мелочный торг, ларьки, развоз, разнос), увеличилось в меньшей степени, что свидетельствует о процессе концентрации торговли.

¹ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XLIX. В «Экономическом обозрении» внутренний оборот торговли Европейской России определялся в 1900 г. в 6 млрд. руб. (см. «Экономическое обозрение» № 8, 1924, стр. 12).

² См. С. Г. Струмилин, Очерки советской экономики, 1928, стр. 250, а также «Плановое хозяйство» № 5, 1925, стр. 118.

По мере развития капитализма и в области торговли происходил процесс концентрации и централизации капитала, приводивший к господству крупного капитала и в области сферы обращения. Весь учтённый товароборот России составлял в конце периода промышленного капитализма около 12 млрд. руб., с дополнением же внутрикрестьянского оборота он будет ещё больше. Цифра довольно большая, но если её отнести к численности населения России, то на душу населения товароборот будет всё ещё невысокий, вполне соответствующий относительно низким нормам потребления промышленных товаров.

По приблизительным подсчётам, в России в торговле было занято в 1885 г. 1 027 тыс. человек. Но эти данные не вполне учитывали многочисленную массу всевозможных разносчиков и т. д. Поэтому не без оснований писал «Военно-статистический сборник», что «число лиц, принимающих в ней (торговле. — П. Х.) прямое участие, достигает нескольких миллионов»¹. Следовательно, в области торговли была занята огромная масса труда, в значительной степени непроизводительного. «Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости. Это — просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую»².

Производительность труда в торговле повышалась сравнительно медленно. В 1885 г. годовой оборот на одного работника равнялся 5 330 товарным руб., а в 1900 г. — 6 760 руб., или на 26,9% больше. За эти 15 лет производительность труда в торговле снижалась в отношении к предыдущему году 6 раз.

Не только производительность торгового работника, но и торговые обороты значительно колебались. Это вполне естественно для капиталистического хозяйства, развивающегося циклически. К тому же в России на размер товарооборота известное влияние оказывали неурожаи, хотя продукция сельского хозяйства по мере развития капитализма играла всё меньшую и меньшую роль. Торговые кризисы как проявление экономических кризисов в сфере обращения выражались в затруднении сбыта товаров, падении цен и, как следствие, в снижении торговых оборотов, в банкротствах и т. д. По мере развития капиталистической промышленности и сельского хозяйства, по мере роста внутреннего и внешнего рынка торговые кризисы принимают всё более глубокий характер. Каждый промышленный кризис перепроизводства неизбежно в большей или

¹ «Военно-статистический сборник», вып. IV, Спб. 1871, стр. 527,

² К. Маркс, Капитал, т. II, 1949, стр. 145,

меньшей степени отражался на сфере обращения, в частности на внешней и внутренней торговле.

Для России имел первенствующее значение внутренний рынок; на внешний рынок вывозилась хотя и растущая, но всё же незначительная часть сельскохозяйственной, и ещё меньше промышленной, продукции страны. Россия, отстававшая в экономическом отношении от развитых капиталистических стран, много теряла на внешней торговле в связи с неэквивалентным обменом, поскольку наша страна имела более низкую производительность труда в народном хозяйстве и, следовательно, более высокую стоимость товаров. По мере развития капитализма проблема внешнего рынка становилась всё острее.

В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам внешней торговли, что обуславливалось необходимостью окончательно развенчать ложную народническую теорию о роли внешней торговли.

Как известно, народники, пытаясь доказать, что будто бы в России капитализм не имеет почвы для развития, выдвинули ошибочную теорию о том, что капитализм якобы не может развиваться без внешнего рынка. Эта народническая теория покоилась на ложном мнении, что прибавочная стоимость не может быть реализована внутри страны, ибо происходит разорение крестьянства, а следовательно, и сужение внутреннего рынка.

В. И. Ленин в реферате «По поводу так называемого вопроса о рынке», в работе «К характеристике экономического романтизма», в книге «Развитие капитализма в России» и в ряде других работ с предельной ясностью обосновал и развил дальше учение Маркса о месте и роли внешней торговли, доказал полнейшую несостоятельность народнической теории реализации.

Основоположники марксизма-ленинизма подчёркивают в первую очередь специфические для капитализма условия, определяющие необходимость внешней торговли.

«Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости в частности), а, во-1-х, тем, что капитализм является лишь как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации»¹.

Законом капиталистического производства, в отличие от докапиталистических способов производства, является стремление к безграничному расширению производства. «И так как

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 43.

обособленность и замкнутость государств разрушены уже товарным обращением, то естественное стремление каждой капиталистической отрасли промышленности ведет ее к необходимости «искать внешнего рынка»¹.

В. И. Ленин рассматривал развитие внешней торговли в преформенной России как один из показателей роста товарного обращения. Оборот внешней торговли возрос за годы промышленного капитализма почти в 4 раза; темп роста оборота внешней торговли несколько отставал от темпа роста промышленной продукции и обгонял темп роста сельскохозяйственной продукции. Развитие транспорта оказало огромное влияние на рост внешней торговли.

Если рассчитать оборот внешней торговли на одного жителя, то увеличение получится примерно в 2 раза (в 1861—1865 гг. на одного жителя приходилось 4 р. 70 к., а в 1897—1901 гг. — 10 р. 11 к.).

Несмотря на рост внешней торговли России, удельный вес её в международном товарообороте к концу столетия не только не увеличился, но даже, правда незначительно, снизился с 3,6% в 1850 г. до 3,4% в 1899 г.

Торговля шла главным образом через европейскую границу. По мере роста железнодорожной сети внешняя торговля по сухопутной границе начинала играть всё большую роль (так что в 1899 г. сухопутный привоз равнялся 53,5%). Ввоз по отдельным морям к общему привозу морем в 1900 г. составлял: по Балтийскому морю — 70,4%, по Чёрному и Азовскому — 22,3, по Каспийскому — 6,8, по Белому — 0,5%, соответственно вывоз распределялся так: 43,6%, 50,5, 2,9 и 3%.

Как и всё хозяйство, внешняя торговля подвергалась влиянию периодических мировых промышленных кризисов, поскольку Россия всё более и более, по мере развития капитализма, включалась в систему мирового хозяйства.

Как результат кризиса 1866/67 г. имелось снижение объёма внешней торговли в следующем, 1868 г.: экспорт снизился с 244,8 млн. до 226,6 млн. руб., импорт — с 265 млн. до 260,9 млн. руб. Кризис 1882/83 г. был довольно продолжительным и, несомненно, отразился на снижении экспорта в течение нескольких последующих лет. Некоторое снижение русского вывоза, которое явилось предвестником кризиса 1890 г., имело место ещё в 1889 г., в год же кризиса снизились как вывоз, так и ввоз товаров из-за границы.

Падение импорта отмечалось и во время кризиса в начале XX в. Промышленные кризисы, сужавшие внутренний

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 44.

рынок в стране, особенно усиливали значение внешнего рынка.

Развитие русской внешней торговли проходило исключительно неравномерно. За 40 лет стоимость вывоза товаров снижалась в отношении предыдущего года 14 раз, а стоимость ввоза ещё больше — 19 раз. На размер оборота внешней торговли России влияли различные факторы: экономические кризисы, размер урожая в стране, войны, таможенная политика и т. д.

Во время мировых экономических кризисов уменьшался спрос на товары, вывозимые из России; точно так же и Россия во время кризисов снижала спрос на товары. В стоимости экспорта из России продукция сельского хозяйства занимала основное место. Поэтому в годы неурожая, очень часто посещавших Россию, размер вывозимого хлеба и сырья резко снижался. Так, неурожай 1871 г. привёл к снижению экспорта в следующем году; неурожайные годы 1875, 1880, 1885, 1891 и 1892 обусловили снижение экспорта, и особенно сильное в 1880 и 1892 гг. Царское правительство усиленно пыталось увеличивать экспорт, так как платёжный баланс страны мог быть, как правило, покрыт только за счёт активного торгового баланса. Потребности промышленного развития страны требовали ввоза металла, машин и т. д.; необходимо было ежегодно уплачивать крупные суммы процентов по полученным царским правительством внешним займам, а также по займам частных железных дорог и проценты по другим кредитным фондам. Все эти расходы резко увеличивали пассив платёжного баланса и оплачивались главным образом за счёт форсирования экспорта, вывоза хлеба и сырья в первую очередь, так как других крупных доходов (от иностранных инвестиций, от фрахта и т. д.) Россия не имела.

Правда, росла добыча золота в стране, что давало возможность сводить концы с концами. Несмотря на активный торговый баланс, происходило в большинстве случаев превышение вывоза золота над его ввозом.

Россия не только не имела доходов от фрахта, но и платила большие суммы за пользование чужими судами, поскольку русская внешняя торговля в силу экономической отсталости страны осуществлялась на чужом флоте. Среди пришедших судов в русские порты в 1900 г. большая часть падала на суда под английским флагом — 36,5%, под германским флагом — 12,6, под датским флагом — 9,8, под шведским и норвежским флагами — 8,5 и под русским флагом — только 11,8%. Структура русского экспорта и импорта отражала отсталый, аграрный характер российского капитализма.

На первом месте среди экспортируемых из России товаров

стоял хлеб. Царское правительство всячески форсировало экспорт хлеба за счёт недоедания трудящихся. «Не доедим, а вывезем», — так цинично заявлял министр финансов Вышнеградский. Форсирование хлебного экспорта не давало возможности создавать значительные хлебные резервы в стране, в результате чего неурожай означал голод для многочисленных слоёв населения.

В общей сумме экспорта в 1861—1865 гг. стоимость хлеба составляла 301 млн. руб., или около 33 %, повышаясь в отдельные годы до половины всей ценности вывоза или резко падая, как было в 1892 г. в результате неурожая предыдущего года. Весь же экспорт сельскохозяйственных продуктов составлял около 75—80 % стоимости вывоза.

За первое пореформенное пятилетие Россия вывозила ежегодно в среднем 86,2 млн. пуд. хлебных продуктов, а за 1896—1900 гг. — уже 444,2 млн., т. е. в 5 раз больше.

Годовой экспорт ржи, пшеницы, муки, крупы, отрубей — всех хлебных продуктов был следующий:

Годы	Млн. руб.	Млн. пуд.
1861—1865	60,3	86,2
1866—1870	104,8	135,8
1871—1875	179,9	199,6
1876—1880	291,1	286,5
1881—1885	309,6	303,5
1886—1890	342,6	420,7
1891—1895	306,3	441,1
1896—1900	322,8	444,2

Экспорт хлебных товаров возрастал значительно быстрее, чем увеличение сбора хлеба в стране, в результате чего в первое пятилетие после реформы Россия вывозила около 4—5 %, а в конце столетия — уже около 15 % чистого сбора.

При анализе хлебного экспорта России необходимо учитывать действие аграрного кризиса последней четверти XIX в.

Важнейшей причиной этого кризиса являлся наплыв в результате строительства железных дорог и усовершенствований в океанском транспорте североамериканского и русского хлеба на европейский рынок.

«Океанские пароходы, северо- и южноамериканские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особым странам. Это были, с одной стороны, североамериканские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для обработки плугом, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной культуре и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И против этой конкуренции — конкуренции девственной степной почвы и русских и индийских крестьян, подавленных непосильными податями, — европейский арендатор и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться»¹.

В результате аграрного кризиса, охватившего Европу и США, цены на хлеб с конца 70-х годов начали падать, и лишь в конце столетия началось повышение цен.

ДВИЖЕНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ЦЕН
НА ПШЕНИЦУ И РОЖЬ, ЭКСПОРТИРУЕМЫЕ
ИЗ РОССИИ²
(в коп. за 1 пуд в среднем за пятилетие)

Годы	Пшеница	Рожь
1871—1875	90,1	65,7
1876—1880	85,1	63,1
1881—1885	76,7	63,4
1886—1890	64,6	42,5
1891—1895	55,6	46,6

Аграрный кризис значительно отразился на экономике нашей страны, хотя и не остановил в ней общего поступательного развития капитализма.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 738—739.

² См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. 12, 35.

Объём промышленной продукции, как мы видели выше, увеличился в России за этот период весьма значительно.

В первые пореформенные годы второе место по стоимости экспортируемых товаров принадлежало шерсти, третье — льну, далее — семенам масличных, салу, пеньке, лесу и т. д.

Из промышленных товаров вывозились изделия льняной и хлопчатобумажной промышленности, занимавшие в стоимости всего экспорта лишь несколько процентов, точно так же как вывоз металлов (кроме золота, серебра и платины) не достигал и 2%.

В конце столетия опять на первом месте среди экспортируемых товаров стоял хлеб, на втором лес.

Стоимость вывозимого леса равнялась в 1861 г. 5,8 млн. руб., а в 1900 г. — 58 млн. руб. Такой значительный рост экспорта леса объясняется тем, что экспорт леса был обложен вывозной пошлиной, отменённой в 1866 г. Русский лес шёл главным образом в Англию, Германию, Голландию, Францию и другие страны.

Третье место принадлежало попрежнему льну, четвёртое — семенам масличных, пятое — яйцам и т. д. Таким образом, лён продолжал занимать значительное место в русском экспорте в отличие от пеньки, экспорт которой в связи с конкуренцией джута почти не увеличился.

Из России вывозилось в конце века ежегодно свыше 12 млн. пуд. льна против 4,5 млн. пуд. в первое пятилетие после реформы, вывоз же льняных тканей в 90-х годах был меньше, чем 30 лет назад, в то время как экспорт хлопчатобумажных тканей, особенно в восточные страны, значительно увеличился.

В результате роста товарности сельского хозяйства возрос экспорт продуктов животноводства и птицеводства: в 1861—1865 гг. из России было вывезено, преимущественно в Германию, Австро-Венгрию, Англию, Бельгию, 1,4 млн. яиц, а в конце XIX столетия вывозилось ежегодно около 1,5 млрд. яиц; в 1861—1865 гг. в среднем было вывезено 95 тыс. пуд. масла, а в конце XIX в. — 400—450 тыс. пуд.

Из продуктов животноводства снизилось относительно и абсолютно значение экспорта сала в связи с вытеснением стеариновых свечей электричеством и керосином, заменой смазочного сала маслами, получаемыми из нефти.

В связи с бурным развитием нефтяной промышленности в России, начиная с 80-х годов, значительно возрос экспорт нефти, достигший в 1896 г. 64 млн. пуд. на сумму 28,9 млн. руб., направляемый главным образом в Турцию, Англию, Францию, Германию, Бельгию.

Значение металлов как статьи экспорта в конце XIX в. снизилось; среди экспортируемых промышленных товаров с

конца 70-х годов начинает возрастать роль сахара, производство которого резко увеличилось. Сахар вывозился как в восточные, так и в европейские страны. В среднем за 1861—1865 гг. было вывезено сахара всего 74 тыс. пуд., в 1876—1880 гг. — 1 108 тыс., в 1881—1885 гг. — 925 тыс., в 1891—1895 гг. — 4 687 тыс., в 1896 г. — 13 602 тыс., в 1898 г. — 7 294 тыс. пуд. Особенно возрос экспорт сахара с 1876 г. после установления возврата акциза на вывезенный сахар и премии 80 коп. с пуда. К тому же внутренний рынок на сахар был защищён высокой таможенной пошлиной; в этих условиях русские сахарозаводчики могли за счёт повышения цен на сахар внутри страны продавать его на внешнем рынке ниже стоимости. Сахар продавался главным образом Англии, Персии, Италии; цена русского сахарного песка в Лондоне была почти в 3 раза ниже цены на песок в Киеве.

В общем изменения в структуре русского экспорта, происшедшие за период промышленного капитализма, сводятся к следующему: повысилось значение вывоза хлеба, яиц, леса, сахара, нефти и продуктов из неё, снизилось значение экспорта сала, льна, в особенности пеньки, и металлов.

Россия оставалась, несмотря на относительно быстрый рост промышленности, аграрной страной, вывозящей продукцию сельского хозяйства и сырые материалы, в большинстве случаев необработанные. Вывоз товаров промышленности (ткани, сахар, керосин) играл относительно незначительную роль.

В конце столетия первое место во внешней торговле России принадлежало уже не Англии, как было в дореформенные годы, а Германии; в последнюю направлялось около четверти стоимости всего экспорта. Россия экспортировала в Германию главным образом пшеницу и рожь, лес, яйца, лён, ячмень, семена льняное и др., скот, пеньку, щетину, шкуры, жмыхи, овчины, масло, икру, нефть и т. д. — т. е. вывоз состоял почти полностью из сельскохозяйственных продуктов. Подобные же товары вывозила Россия и в Англию, доля которой в русском экспорте составляла в конце века около 20 %, в то время как в первой половине XIX в. торговый оборот России с Англией превышал торговый оборот России с Германией в несколько раз.

Относительное падение роли Англии в торговле с Россией выражалось в снижении ввоза в Англию русского хлеба и леса в связи с усилением экспорта их, главным образом из-за океана (США, Канада), а также в снижении ввоза в Англию сала и пеньки. Первое место по продаже хлеба в Англии принадлежало в этот период уже США. Положение первого про-

дава на английском рынке Россия сохранила лишь в отношении льна, марганцевой руды и жмыхов.

Главными статьями русского экспорта во Францию были хлеб и лён; вывоз в Соединённые Штаты составлял совершенно незначительную величину — 2,4 млн. руб., в Китай — 5,8 млн. руб. Экспорт товаров из России в Китай начал систематически падать с 50-х годов XIX в., поскольку России трудно было конкурировать преимущественно с английскими товарами, доставлявшимися в Китай морем после открытия для иностранцев китайских морских портов. Сухопутная же доставка тканей из центра России в Китай сильно удорожала их. Лишь с введением в эксплуатацию великой Сибирской магистрали экспорт в Китай возрос; правда, увеличение было не очень большое (до 5—6 млн. руб. против 2 млн. в 70-х и 80-х годах). В Китай экспортировались преимущественно хлопчатобумажные ткани, затем кожи, пушнина, керосин и т. д.

Россия вывозила в восточные страны главным образом промышленные товары. Правда, вывоз промышленных изделий в стоимости всего экспорта страны продолжал занимать всё ещё незначительную долю, составляя в конце XIX столетия всего лишь 3—4%; но в экспорте товаров в восточные страны промышленные изделия являлись главной статьёй вывоза. Так, например, Россия сильно подчинила персидский рынок, вывозя в Персию хлопчатобумажные ткани, керосин, сахар, металлы и другие товары. Оборот русско-персидской торговли достиг в 1890—1899 гг. 28,4 млн. руб. против 5,9 млн. в 1862—1871 гг. Проведение железных и шоссейных дорог, организация учётно-ссудного банка в 1890 г. и т. д., содействуя проникновению в Персию русского капитала, приводили к обострению отношений с английским капиталом, занимавшим в этой стране крепкие позиции.

ВЫВОЗ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ В РАЗЛИЧНЫЕ
СТРАНЫ
в среднем за 1896—1898 гг.¹

Страны	Стоимость вывоза (в млн. руб.)	В % к итогу
Германия	179,6	25,1
Англия	150,6	21,1
Голландия	76,8	10,7

¹ См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XXXVIII—XXXIX.

ВЫВОЗ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ В РАЗЛИЧНЫЕ
СТРАНЫ

в среднем за 1896—1898 гг.¹

Страны	Стоимость вывоза (в млн. руб.)	В % к итогу
Франция	63,5	8,9
Италия	40,8	5,7
Австрия	37,1	5,2
Турция	13,9	1,9
Дания	9,4	1,3
Швеция и Норвегия . .	12,9	1,8
Китай	5,8	0,8
Испания и Португалия .	5,6	0,8
США	2,4	0,3
Прочие страны	117,6	16,4
Итого	716,0	100,0

Как видно из таблицы, третье место в торговле с Россией принадлежало старой торговой и колониальной стране — Голландии. Россия вывозила в Голландию пшеницу, рожь, овёс, кукурузу, лес, льняное семя, кожи, шкуры, марганцевую руду, жмых и др. Эти цифры в некоторой части завышают оборот торговли России с Голландией, поскольку известная часть товаров, направляемых в Голландию, предназначалась для Германии.

В ещё большей степени, нежели экспорт, был неравномерен импорт товаров в Россию: как уже отмечалось, с 1860 по 1900 г. объём импорта снижался в отношении предыдущего года 19 раз. Кризисы, таможенная политика, войны и т. д. — всё это оказывало известное влияние на движение внешней торговли.

Потребности экономического развития страны требовали ввоза в Россию машин, металла, химикалий и т. д., в то же самое время напряжённость финансового положения страны, огромный внешний долг царского правительства заставляли господствующие классы сдерживать импорт товаров с целью получения активного торгового сальдо и сведения концов с концами по платёжеспособному балансу.

¹ См. сноску на стр. 257.

Импорт России на протяжении длительного времени почти систематически снижался.

Снижение импорта было обусловлено влиянием аграрного кризиса, охватившего Европу и США и характеризовавшегося длительным снижением цен на хлеб. В этих условиях русский экспорт с преобладанием в нём продукции сельского хозяйства не мог быть устойчивым; в действительности он в этот период хотя и не так часто, но тоже подвергался колебаниям. На снижение импорта оказала влияние также политика царского правительства, направленная ввиду подготавливаемой денежной реформы на накопление золотых запасов путём сокращения импорта.

Собственно политика активной внешней торговли преследовалась царским правительством и в другие годы, в результате чего за период 1860—1900 гг. лишь в течение 12 лет не было получено активное сальдо по внешней торговле.

Структура импорта в первое пятилетие после реформы была такова: наибольшую статью ввоза составлял хлопок-сырец — 95 млн. руб., а с хлопчатой бумагой — 109 млн. руб., затем чай — 73,6 млн., краски и красильные вещества — 42,9 млн., на 37,4 млн. руб. было ввезено машин и аппаратов и почти на такую же сумму вин (на 34,9 млн.), столько же было затрачено на импорт сахара (34,0 млн.). Приблизительно 8% стоимости импорта (67,3 млн. руб.) падало на ввозимые хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани.

Наряду с готовыми тканями привозилось сырьё для отечественной текстильной промышленности. Кроме хлопка и хлопчатобумажной пряжи ввозились шерсть, шёлк-сырец, шёлк пряденый и кручёный. Текстильная промышленность была в нашей стране в это время уже относительно развита, поэтому естественно, что среди импортируемых товаров сырьё для этой отрасли занимало первое место.

Из товаров для производительного потребления кроме указанных выше ввозились: металл не в деле — на 28,9 млн. руб., каменный уголь, кокс и т. д. — на 14,6 млн.; удельный вес этих товаров был ничтожен, но он резко возрос в конце столетия.

Сырьё, полуфабрикаты, готовые товары для потребления господствовавшей знати (вино, чай, кофе, сладости, табак и др.) — вот основные статьи импорта в первые годы после крестьянской реформы.

Это был ввоз страны сельскохозяйственной с слабо развитой промышленностью, хотя и вступившей на путь капитализма. Пореформенное развитие страны, характеризовавшееся ростом товарно-денежных отношений, интенсивными процессами расслоения крестьянства, ростом промышленности, сооружением многочисленной сети железных дорог и т. д., отрази-

лось и на структуре внешней торговли, в частности импорта. Прежде всего сократился не только относительно, но и абсолютно, в результате развития соответствующих отраслей внутри страны, ввоз сахара, табака, масла, хлопчатобумажных тканей и некоторых других товаров. Внутренним рынком этих товаров овладел «отечественный» капитал. В конце столетия первое место среди ввозимых товаров принадлежало уже машинам и аппаратам; стоимость их ввоза составляла 10—15% общей стоимости импорта. Ввозились машины как для сельского хозяйства, так и для промышленности и транспорта. Следующие данные иллюстрируют рост ввоза сельскохозяйственных машин из-за границы:

Периоды	Тыс. пуд.	Тыс. руб.
1869—1872 гг.	259,4	787,9
1873—1876 »	566,3	2 283,9
1877—1880 »	629,5	3 593,7
1881—1884 »	961,8	6 318,0
1885—1888 »	399,5	2 032,0
1889—1892 »	509,2	2 596,0
1893—1896 »	864,8	4 863,0

Приводя эти данные, В. И. Ленин писал:

«Пореформенная эпоха делится на четыре периода по развитию сельскохозяйственного машиностроения и употребления машин в сельском хозяйстве. Первый период охватывает последние годы перед крестьянской реформой и первые годы после нее. Помещики бросились было покупать заграничные машины, чтобы обойтись без «дарового» труда крепостных и устранить затруднения по найму вольных рабочих. Попытка эта кончилась, разумеется, неудачей; горячка скоро остыла, и с 1863—1864 гг. спрос на заграничные машины упал. С конца 70-х годов начался второй период, продолжавшийся до 1885 г. Этот период характеризуется чрезвычайно правильным и чрезвычайно быстрым ростом привоза машин из-за границы; внутреннее производство возрастает тоже правильно, но медленнее, чем привоз. С 1881 по 1884 г. привоз сельскохозяйственных машин возрастал особенно быстро, что объясняется отчасти отменой в 1881 году беспошлинного ввоза чу-

гуна и железа для надобностей заводов, изготавливающих сельскохозяйственные машины. Третий период — с 1885 г. до начала 90-х годов. Сельскохозяйственные машины, ввозившиеся до этого времени беспошлинно, облагаются в этом году пошлиной (50 коп. золотом с пуда). Высокая пошлина понижает в громадных размерах ввоз машин, причем и внутреннее производство развивается медленно под влиянием сельскохозяйственного кризиса, начало которого относится именно к этому периоду. Наконец, с начала 1890-х годов начинается, видимо, четвертый период, когда опять поднимается ввоз сельскохозяйственных машин и особенно быстро растет внутреннее производство их»¹.

Неравномерность свойственна была не только ввозу сельскохозяйственных машин, но и общему импорту машин и аппаратов. Значительный взлёт импорта машин имелся в 70-х годах (не все годы); 80-е же годы характеризуются падением ввоза машин из-за границы в сравнении с предыдущим десятилетием. Промышленный подъём 90-х годов привёл к росту импорта оборудования, и этот рост продолжался до конца столетия. Таким образом, несмотря на значительный рост русской машиностроительной промышленности (в 1897 г. насчитывалось 682 машиностроительных завода с 120,3 тыс. рабочих и продукцией на 142 млн. руб. против 126 заводов, 18 тыс. рабочих и 12 млн. руб. продукции в 1865 г.), она не могла удовлетворить внутренний спрос на машины и оборудование, и Россия была вынуждена ввозить значительную часть машин, необходимых промышленности, транспорту, сельскому хозяйству и поставляемых в конце века главным образом из Германии (большее половины ввоза), затем из Англии и других государств.

Хлопок, занимавший в пореформенное время первое место среди импортируемых товаров в нашу страну, в конце века занял уже второе место — на него падало около 10% стоимости всего ввоза. Хлопчатобумажная промышленность, передовая отрасль в смысле применения вольнонаёмного труда и машин, в пореформенные годы развивалась более быстро, чем хлопководство в Средней Азии и Закавказье, в результате чего Россия перед первой мировой войной около половины своей потребности в хлопке удовлетворяла импортом, преимущественно из США, Египта, Персии и Англии.

Третье место принадлежало импорту металла не в деле: в 1861—1865 гг., за пятилетие, его было ввезено на 28,9 млн. руб., а в 1899 г. ввоз составлял 45,8 млн. руб. Привоз металла,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 183—184.

систематически возрастая, достиг большой цифры в 1880 г. — 63,9 млн. руб., потом начал снижаться и возрос опять в период промышленного подъёма 90-х годов, достигнув в 1896 г. максимальной цифры — 64 млн. руб.

Развивавшаяся промышленность и транспорт предъявляли огромный спрос на металл, который не способна была удовлетворить отечественная металлургия. Снижение пошлин на металл (см. ниже) и разрешение беспошлинного ввоза металла для машиностроительных заводов содействовали росту импорта железа в Россию; до 1880 г. импорт чёрных металлов превышал производство их в России, затем постепенно металлургическая промышленность стала всё в большей степени, при помощи различных форм покровительства, овладевать внутренним рынком, хотя всё ещё не удовлетворяя его полностью. В конце столетия резко возрос импорт каменного угля, в первую очередь для петербургской промышленности и других прибалтийских городов.

Попрежнему ввозились на значительные суммы чай, шерсть, фрукты, ягоды, вина и т. п.

Резко уменьшился привоз соли, сахара, сократился привоз хлопчатобумажных тканей и других товаров.

Россия представляла большой рынок для сбыта промышленных товаров более развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран. Этот рынок был объектом острой конкуренции между капиталистическими странами.

В конце XIX в. свыше 30% всей стоимости привозимых товаров Россия импортировала из Германии. Немецкий капитализм, развив свою промышленность в значительной степени за счёт французских капиталов, не без успеха начал конкурировать со страной, являвшейся ранее всеобщей мастерской мира — с Англией, оттеснив её и с русского рынка. Россия закупала в Германии почти половину всех ввозимых машин, металлических изделий, продуктов химической промышленности, шерстяных изделий и др.; Германия ввозила также значительную массу товаров колониального происхождения. Немецкий капитал, вытесняя другие страны с русского рынка, всё больше и больше забирал в свои руки внешнюю торговлю России. Ниже мы подробнее остановимся на русско-германской таможенной войне в 90-х годах, проводимой Германией с целью задержки промышленного развития России и обеспечения рынка для немецкого промышленного капитализма, превращавшегося в монополистический капитализм.

Стоимость ввозимых товаров из Англии составляла 18,8% всего русского импорта. Англия продолжала играть первую роль в отношении привоза каменного угля, бумажной пря-

жи и различных пряностей; в отношении же снабжения машинами, химическими товарами, металлом, шерстью она занимала после Германии второе место.

СРЕДНЕГОДОВОЙ ВВОЗ ТОВАРОВ В РОССИЮ
ИЗ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН в 1896—1898 гг.

Страны	Стоимость привоза (в млн. руб.)	В % к итогу
Германия	190,7	32,4
Англия	110,3	18,8
США	54,6	9,3
Китай	40,3	6,9
Франция	25,1	4,3
Австрия	22,0	3,7
Голландия	7,2	1,2
Дания	3,2	0,5
Турция	6,4	1,1
Италия	10,2	1,7
Испания и Португалия .	4,1	0,7
Швеция и Норвегия . .	9,3	1,5
Прочие страны	165,7	17,9
Итого	589,1	100,0

Россия имела большое пассивное сальдо по торговле с США, откуда она ввозила главным образом хлопок, машины, металл и металлические изделия. Точно так же имелся большой постоянный пассив по торговле с Китаем. Основной статьёй русского импорта из Китая и в этот период был чай, привоз которого в пореформенное время резко возрос. Импорт из Персии достиг в 90-х годах 15 млн. руб., причём на Россию приходилось около половины всего экспорта Персии; главными предметами его были хлопок, ковры, рис, фрукты.

В конце XIX в. проблема рынков, в частности восточных рынков, для русского капитализма становится острее. Экономические кризисы, поражавшие народное хозяйство, неурожай, ведущие к понижению покупательной способности крестьянства, всевозможные крепостнические пережитки, задерживав-

шие рост внутреннего рынка «вглубь», и т. д. — всё это обостряло борьбу за внешние рынки, в частности за рынки стран Востока.

На развитие внешней торговли существенное влияние оказывала таможенная политика царского правительства, выражавшая интересы господствующих классов России¹.

В. И. Ленин писал, что «...вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики...»²

Принципы свободной торговли были впервые выдвинуты страной с развитой промышленностью — Англией. Когда промышленность Англии сильно развилась, то «вывоз промышленных товаров во все возрастающих количествах действительно сделался для этой страны вопросом жизни и смерти... Свобода торговли сделалась лозунгом дня. Ближайшая задача английских фабрикантов и их глашатаев политико-экономов состояла в том, чтобы заставить все другие страны поверить в евангелие фритредерства и создать, таким образом, мир, в котором Англия была бы большим промышленным центром, а все остальные страны — зависящими от нее сельскохозяйственными провинциями»³.

Россия была и после реформы земледельческой страной. Правительство, под давлением требований промышленной буржуазии, вынуждено было всё в большей степени становиться на путь промышленного протекционизма, выражавшегося в различных формах: покровительственная таможенная политика, казённые заказы, покровительственный характер политике железнодорожного строительства и т. д.

«Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной *«крупной промышленности»* в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п.»⁴

Промышленная буржуазия, наиболее заинтересованная в строгой политике усиленного протекционизма, по мере укрепления своего экономического могущества всё громче требо-

¹ О таможенной политике см.: М. Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века, 1911; Е. Кун, Развитие нашего таможенного обложения за последние десятилетия, 1917; Колесов, Таможенная политика России за последнее время, 1890; М. Бензман, О таможенном покровительстве промышленности, 1891; В. Витчевский, Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до наших дней, 1909.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 416.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 311—312.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 65.

вала высоких таможенных пошлин, видя в них главное средство успешного развития промышленности. Правда, внутри промышленной буржуазии тоже происходила борьба вокруг тарифной политики: так, например, владельцы металлургических заводов добивались увеличения пошлин на металл, а капиталисты — владельцы машиностроительных заводов, наоборот, требовали снижения пошлин на металл, собственники прядильных фабрик требовали повышения пошлин на пряжу, а фабриканты ткацких фабрик — снижения пошлин на неё. Но это была борьба внутри класса капиталистов за сверхприбыль, не нарушавшая общности их коренных интересов.

В целом промышленная буржуазия видела в покровительственной системе едва ли не главное средство промышленного развития страны; часть помещиков тоже была заинтересована в покровительственных пошлинах на сахар, кожи и другие товары.

Как мы уже отмечали, среди русских буржуазных учёных-экономистов не было единства взглядов на проблему внешней торговли.

Например, Вернадский, Горлов, Бабст, в известной степени Бунге стояли за свободную торговлю, за фритредерство, а некоторые даже считали высокие пошлины на промышленные товары «смягчённой формой рабства»¹. Экономисты-народники также возражали против протекционистской политики царского правительства, поскольку протекционизм, с их точки зрения, помогает искусственному образованию капитализма в России.

Крупнейшим представителем протекционизма последней четверти XIX в. был великий русский химик и крупный экономист Д. И. Менделеев, написавший ряд интересных экономических работ: «К познанию России», «Заветные мысли», «Толковый тариф» и др. В одной из своих работ он писал, что стоит «...за рациональный протекционизм; что фритредерство, как учение, очень шатко; что фритредерский образ действия подходит лишь к странам, уже укрепившим сзю заводско-фабричную промышленность; что протекционизм, как абсолютное учение, есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство, и что протекционный способ действия совершенно уместен ныне для России, как был уместен и для Англии — в своё время, когда ей грозило остаться разорённым и бедным островом Атлантического океана»².

¹ Я. Новиков, Протекционизм, 1890, стр. 2.

² Д. И. Менделеев, Толковый тариф, вып. I, 1891, стр. VIII.

Основной идеей работ Д. И. Менделеева является мысль о необходимости развития промышленности в России и усиления экономической самостоятельности страны: «надо заботиться... не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько об росте всех видов промышленности»¹. В работе «Заветные мысли» он пишет, что вся его книга сводится к тому, чтобы убедить в необходимости широкого роста русской промышленности².

Д. И. Менделеев исчислял и показывал глубину отставания России от США по производству промышленных товаров на душу населения. В России в конце прошлого века, по его подсчётам, стоимость промышленных товаров, приходившихся на душу населения, составляла только 20—30 руб., а в США—300—400 руб. Он не только установил степень экономического отставания России от передовой в технико-экономическом отношении страны, но и определил примерные затраты, которые необходимо вложить в русскую промышленность, чтобы догнать Америку. «Если мы хотим догнать американцев хотя в 20—30 лет, нам надо вкладывать в промышленность не менее как по 700 миллионов рублей в год»³, — писал Менделеев. Заботясь об экономической самостоятельности своей родины, он особенное значение придавал развитию в России обрабатывающей промышленности. «Будущее... страны нашей पहले всего зависит от меры развития у нас передельвающей промышленности», — указывал он. Большую роль в развитии индустрии Д. И. Менделеев приписывал покровительственным тарифам (себя он называл «убеждённым протекционистом»⁴). Он указывал на условия, породившие фритредерство Адама Смита, как и на условия, влиявшие на возникновение протекционизма Листа и Кэри. По его мнению, не только США, но и Англия своими капиталами обязаны покровительственной системе, которая существовала в последние «лет 200 со времени Кромвеля», а потом, когда английская промышленность окрепла, была отменена. Такой же путь советовал он избрать и России, т. е. до тех пор, пока русская промышленность не окрепла, проводить политику последовательного протекционизма.

Д. И. Менделеев усиленно занимался прикладными экономическими вопросами. Он изучал проблемы развития горно-заводской промышленности Урала, нефтяной промышленности,

---

¹ Д. И. Менделеев, *Заветные мысли*, 1904, стр. 141.

² См. там же, стр. 412.

³ Д. И. Менделеев, *Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности*, 1899, 2-е чтение, стр. 10.

⁴ Д. И. Менделеев, *Заветные мысли*, 1904, стр. 27.

подземной газификации углей, орошения Заволжья и т. п. В 90-х годах он руководил специальной комиссией по изучению развития горной промышленности Урала. Своими трудами Д. И. Менделеев содействовал изучению природных и экономических ресурсов России. Круг народнохозяйственных вопросов, которые исследовал Д. И. Менделеев, был очень широк. Он затронул поставленную ещё М. В. Ломоносовым проблему освоения Северного Ледовитого океана: «В Ледовитом океане будущая Россия должна найти свои пути выхода, и думается мне, что это будет наверное, когда побережья сибирских рек густо заселятся и когда для богатств громадного края необходим будет морской выход. Лыды, по существу своему, не страшны»¹. Д. И. Менделеев высказал очень ценные мысли о тенденции перемещения центра хозяйственной деятельности нашей страны на Восток.

Д. И. Менделеев был горячим патриотом. Он последовательно боролся с недооценкой значения русских учёных во всех областях науки и презирал тех, кто слепо преклонялся перед авторитетом Запада. Он правильно считал, что «научная известность учёного составляет гордость не одну личную, но и общую русскую».

Период промышленного капитализма в России характеризуется усилением протекционистской системы — таможенное обложение ввозимых товаров возрастало. В 1857—1868 гг. оно равнялось (ценность пошлин к стоимости импортируемых товаров) 17,6%; в 1869—1876 гг. — 12,8; в 1881—1884 гг. — 18,7; в 1885—1890 гг. — 28,3; в 1891—1900 гг. — 33%².

Вместе с тем за отдельные отрезки времени этого периода имело место понижение пошлин (например, на чёрный металл) и отмена их на ряд товаров (машины, хлопок и др.).

Быстрое развитие промышленности и железнодорожного строительства после реформы требовало увеличения ввоза машин, металла, железнодорожного оборудования и т. д., что вызывало необходимость смягчения условий ввоза этих товаров, снижение на них пошлин.

Вследствие задолженности России за границей требовались ежегодно большие суммы как для уплаты процентов по займам, так и для погашения их. Напряжённость финансового состояния страны усугубилась ещё и тем, что начиная с 1872 г. и до 1877 г. торговый баланс России был пассивен. Все эти обстоятельства и вынудили попридержаться импорт, резко повысить размер таможенного обложения ввозимых товаров.

¹ Д. И. Менделеев, Заветные мысли, стр. 209.

² См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XXXIII.

После 1877 г. пошлины неоднократно повышались с целью увеличения доходов государственного казначейства и усиления покровительства отдельным отраслям промышленности. Была вновь введена в 1878 г. пошлина на хлопок; в конце 1881 г. была введена 10-процентная надбавка к пошлинам по всем статьям привоза, кроме соли. В 1882 г. были обложены пошлиной многие товары, привозившиеся согласно тарифу 1868 г. беспошлинно, а на ряд товаров пошлины были увеличены; далее, в 1885 г. были повышены пошлины с некоторыми исключениями ещё на 20%¹ в целях уравнивания торгового баланса, поскольку цены на сельскохозяйственные продукты и в первую очередь на хлеб в связи с аграрным кризисом снижались.

С 1880 г. был отменён беспошлинный ввоз железа и чугуна для машиностроительных заводов и железнодорожных компаний; по мере увеличения продукции металлургической промышленности на юге России неоднократно повышались пошлины на чугун, железо и сталь; начиная с 1884 г. каменный уголь стали также облагать пошлиной, которая в дальнейшем неоднократно повышалась. В 1885 г. были введены пошлины на сельскохозяйственные машины. В дальнейшем были повышены пошлины на ряд других товаров, продукты химической промышленности, шерсть и т. д.

В 1890 г. царское правительство повысило в связи с повышением курса кредитного рубля все таможенные пошлины, за небольшим исключением, на 20%.

Все эти частичные изменения в таможенном тарифе, происходившие на протяжении 1877—1890 гг., нашли окончательное выражение в тарифе 1891 г., в результате принятия которого размер таможенных пошлин составлял к стоимости ввозимых товаров 33%. Размер пошлин по этому тарифу по сравнению с тарифом 1868 г. увеличился по чугуну в 10 раз, по керосину — в 3, на рельсы — в 4¹/₂, на машины — в 8, на паровозы — в 4 раза², на хлопчатобумажные ткани — в 2 раза.

Таможенные доходы, равнявшиеся в 1860 г. 49,9 млн. руб., в 1880 г. — 104,9 млн., в 1890 г. — 126,5 млн. и в 1900 г. — 209,7 млн. руб., росли значительно быстрее объёма импорта. Главную долю таможенных доходов (свыше 97%) составляли пошлины на привозимые товары; что же касается пошлин на экспортируемые товары, то они составляли в конце века не более 1/4 млн. руб.

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 157—158.

² См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, 1902, стр. XXXIII.

В результате таможенное обложение в России было в этот период по основным промышленным товарам выше, чем, например, в Германии, Франции и США¹. Ф. Энгельс писал, что конкуренция Англии принудила к политике ограждения покровительственными пошлинами почти все большие страны².

В отношении России речь шла не только об английском соперничестве, но, в не меньшей степени, и о попытках экономического подчинения её немецким капиталом.

Высокие таможенные пошлины были вызваны не только необходимостью покровительства отдельным отраслям и финансовыми соображениями, но они устанавливались часто в ответ на повышение пошлин в других государствах на вывозимые русские товары и в первую очередь на хлеб. Так, в 1893 г. Германия установила пошлину на русский хлеб, превышавшую в 2 раза с лишним размер пошлины на хлеб, ввозимый в Германию из других государств. Таможенная война между Россией и Германией, едва не приведшая к вооружённому столкновению, изобиловала различными формами борьбы, в частности резкими взаимными повышениями пошлин, и закончилась заключением торгового договора 1894 года³.

Этот торговый договор послужил дальнейшим звеном на пути укрепления позиций германского капитализма в России.

Таким образом, создание со стороны России высоких покровительственных пошлин на ввозимые товары обеспечивало российской буржуазии внутренний рынок для сбыта товаров русской промышленности. Эти высокие барьеры помогали отечественной буржуазии получать огромные сверхприбыли за счёт ограбления внутреннего потребителя. Высокие таможенные пошлины, сильно уменьшая, а в отдельных случаях уничтожая конкуренцию иностранных товаров, способствовали в конце XIX в. приливу иностранного капитала в Россию.

Две главные причины определяли таможенную политику царского правительства: желание создать собственную промышленность и второе — фискальные соображения.

Последние оказывали большое влияние на таможенную политику, поскольку таможенные пошлины составляли значительную долю доходной части бюджета. Таможенные пошлины

¹ См. С. А. Покровский, Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, 1947, стр. 275.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 37.

³ Бисмарк говорил русскому послу в 1886 г.: «Вы, кажется, намерены в ближайшее время поднять тарифы на железо и уголь. Я не стану скрывать, что эта мера будет иметь самое плачевное влияние на нашу промышленность». Далее, Бисмарк угрожал повышением ставок на русский хлеб, ввозимый в Германию (см. «История дипломатии», т. II, 1945, стр. 81).

наряду с активным сальдо по торговому балансу служили важнейшим источником расплаты с границей по займам.

«Русское государство, — писал Ф. Энгельс в 1894 г., — при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, вынуждено было в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей... Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от границы, самодовлеющей промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки»¹.

Финансовые затруднения царского правительства были одной из причин резкого повышения таможенных пошлин в 1877 г. — с 1 января 1877 г. пошлины начали взиматься в золотой валюте, что означало усиление таможенного обложения на 25% по отношению к среднему курсу кредитного рубля во время действия тарифа 1868 г. и на 30% по курсу во время введения золотых пошлин; в последующие годы значение этого факта ещё более возросло ввиду последовавшего снижения вексельного курса².

Вопрос о таможенной политике должен рассматриваться исторически.

На начальных стадиях развития капиталистической промышленности введение пошлин как мера временная, подлежащая отмене после укрепления промышленности, может иметь прогрессивное значение. Однако в действительности, как показывает развитие промышленности, отрасли, пользующиеся покровительством, всячески стремятся сохранить его и в дальнейшем. В этом случае ярко выступает консервативность и реакционность протекционизма конца XIX в., поскольку он задерживал развитие производительных сил.

В. И. Ленин, исходя из программы революционного уничтожения капитализма и замены его социалистическим обществом, в конце 90-х годов, когда капитализм превращался уже в монополистический капитализм, писал, что русские маркси-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 399—400.

² См. «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», 1893, отдел XIX, стр. 156—157.

сты «...должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов — тузов, — так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма»¹.

Известно, что К. Маркс также высказывался за свободную торговлю, поскольку «...система свободной торговли ускоряет социальную революцию»².

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 416.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 461.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ФИНАНСОВАЯ И КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ПЕРИОДА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Финансовое состояние России в пореформенное время продолжало быть весьма тяжёлым, в особенности в первые годы ¹. Даже обыкновенные государственные бюджеты были дефицитными до конца 80-х годов, а денежное обращение было весьма расстроеным, в то время как развитие капитализма всё более настойчиво требовало твёрдой валюты и финансов в стране.

Неупорядоченность финансово-денежной системы отражалась в сильнейшей степени на трудящихся — на рабочем классе и на трудовом крестьянстве.

Царскому правительству необходимы были деньги не только для придворной роскоши, содержания огромного аппарата чиновников, армии, не только для обильных подачек дворянству, но и для развития промышленности и транспорта. Правительство продолжало покрывать дефициты бюджета иностранными и внутренними займами, а также выпуском бумажных денег.

«...Внутреннее положение в России, — писал Ф. Энгельс в 1871 г., — далеко не удовлетворительно. Финансы почти безнадежно расстроены...» ²

Финансовое положение страны отражало её экономическое состояние, её отсталый, сельскохозяйственный характер, низ-

---

¹ В 1862 г. Александр II написал на докладе министра финансов по вопросу о необходимости сокращения государственных расходов: «Картина представлена весьма грустная и положение наше действительно критическое...» (см. М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 484).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 274. О степени финансовых затруднений в тот период говорит хотя бы продажа Россией Соединённым Штатам Америки в 1867 г. Аляски и Алеутских островов за 7 200 тыс. долл. Конечно, здесь играли роль и политические соображения.

кую производительность труда. Потребность в средствах значительно превышала внутренние возможности развивавшегося капитализма, обременённого многочисленными феодальными пережитками. Основной налогоплательщик, дававший главную часть всех доходов бюджета, был крайне переобременён налогами, в то время как господствующие классы были почти свободны от уплаты налогов.

Крестьяне должны были выплачивать высокие выкупные платежи — дань помещикам, высокий поземельный налог, различные местные сборы и т. д.

В. И. Ленин писал, что в Воронежской губернии подати в конце 80-х годов поглощали 70% чистого дохода крестьянского хозяйства, это были подати только по форме, «...а на деле это — прежняя крепостническая эксплуатация *«тяглогового сословия»*»¹. Таким образом, изменения в области налоговой политики в большей части коснулись формы взимания (публичность государственных росписей, принцип кассового единства и т. д.) податей, но не их существа. Подати взимались по принципу круговой поруки. Круговая порука являлась фактором сохранения крепостнических пережитков, служила одним из средств закабаления деревенской бедноты зажиточными слоями.

Крестьянство было обременено также выполнением натуральных повинностей — подворной, дорожной и др. По мере развития капитализма в государственном бюджете всё большую роль стали играть косвенные налоги — питейный, сахарный, табачный, соляной и т. д. В конце 80-х годов были введены налоги на керосин и спички, повышены акцизы на сахар, табак, водку. Косвенные налоги, как и прямые, платили трудящиеся России — крестьяне и рабочие. «Крестьяне и рабочие вместе составляют $\frac{9}{10}$ всего населения и платят $\frac{9}{10}$ или $\frac{8}{10}$ всех косвенных налогов. А из всех доходов крестьяне и рабочие получают, наверное, не больше $\frac{4}{10}$!»²

В 1861 г. из 417 млн. руб. всех доходов бюджета так называемый питейный доход давал 126 млн. руб., подати и оброк — 53 млн., таможенные пошлины — 33 млн. руб.; в 1899 г. из 1 857 млн. руб. всех доходов питейный доход давал 310 млн. руб., казённые железные дороги и различные платежи железнодорожных обществ — 358 млн., подати — 60 млн., выкупные платежи — 95 млн., акцизные доходы на табак, сахар, керосин и др. — 139 млн. и таможенный доход — 219 млн. руб. Таким образом, за период промышленного капитализма доход от продажи водки возрос почти в 3 раза, резко увеличились

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 89.

² В. И. Ленин, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 365.

акцизные доходы на предметы первой необходимости — соль, керосин, табак, увеличились также таможенные доходы, особенно в конце столетия, когда таможенные пошлины достигли более высоких размеров. Займы внешние и внутренние как источник покрытия дефицитов в бюджете приобретали всё большее значение, в особенности в период учредительской горячки в конце 70-х годов и в период промышленного подъёма 90-х годов.

Путём увеличения государственной задолженности, повышения таможенных пошлин и т. д., а главное за счёт усиления обложения трудящихся было достигнуто внешнее улучшение финансового состояния страны, поскольку обыкновенный бюджет перестал быть дефицитным.

С 1888 г. так называемый обыкновенный бюджет начал сводиться без дефицита¹. Вместе с тем продолжала существовать дефицитность по общему бюджету государства. Таким образом, «благополучие», достигнутое в обыкновенном бюджете, было весьма условным, поскольку сведение обыкновенного бюджета без дефицита не означало отсутствия дефицита вообще. Это, к сожалению, забывают некоторые наши экономисты, изучающие историю русского народного хозяйства. К тому же отсутствие дефицита в бюджете капиталистического государства далеко не является исчерпывающим показателем хорошего финансового состояния страны. Более того, многочисленные факты из экономической истории, в частности России, показывают, что при растущих доходах казны народное хозяйство страны может не только не идти вперёд, а может разоряться. Такое финансовое благополучие носило в известной степени показной, внешний характер и было рассчитано главным образом на получение иностранных кредитов, в которых царское правительство остро нуждалось. Как мы уже отмечали, сведение концов с концами в бюджете было получено прежде всего за счёт усиления косвенных налогов и обложения крестьянства. Несмотря на все усилия при взимании налогов, недоимки всё увеличивались, в частности и в годы, когда бюджет был сведён без дефицита. В 1898 г. недоимки составили (в процентах к годовому складу податных сборов): в Казанской губ. — 418, в Симбирской губ. — 277, в Уфимской — 397, в Самарской — 363, в Оренбургской — 277 и т. д.² Следовательно, налоговый пресс не соответствовал платёжеспособности крестьянских хо-

¹ Движение государственного бюджета с 1861 по 1900 г. (см. «Министерство финансов 1802—1902», ч. I и II, 1902, стр. 632—639; 640—641; 646—649).

² См. «Труды особого совещания 1899—1901 гг. Исследование экономического положения центрально-чернозёмных губерний», 1901, стр. 8, составил А. Д. Поленов.

зайств или, как писал Ф. Энгельс, «налоговые тиски отказываются служить...»¹

В 1882 г. правительство снизило выкупные платежи на 12 млн. руб., но при колоссальных недоимках это снижение имело очень малое значение.

Расходная часть бюджета, составлявшего, по нашим подсчётам, около 15—20% народного дохода страны, в значительной степени носила непроизводительный характер. Значительная часть расходов приходилась на долю военного и морского министерств; из общей суммы обыкновенных расходов бюджета 1899 г. в 1 463 млн. руб. на военное и морское министерства приходилось 417,2 млн. руб., на оплату платежей по государственным долгам — 275,7 млн. руб. и т. д. Кроме содержания армии значительные средства бюджета тратились на содержание полиции, чиновников, чтобы с их помощью удерживать народ в повиновении.

Большие суммы расходов бюджета проходили по министерству финансов (237 млн. руб.) и по министерству путей сообщения (288 млн. руб.). Эти средства расходовались государством на выдачу казённых субсидий и различных премий промышленным и железнодорожным капиталистам, на выкуп частных предприятий в казну и т. д. Таким образом, расходы, проходившие по ведомству министерств финансов и путей сообщения, скрывали различные субсидии промышленной буржуазии за счёт государственной казны, финансирование и эксплуатацию казённых железных дорог, заводов и т. д.

Платежи по государственным долгам в начале пореформенного периода составляли около 50 млн. руб., а в конце столетия возросли до 275 млн. руб. (1899 г.), что составляло почти 20% расходов по обыкновенному бюджету, превышая, например, раз в 10 расходы по министерству просвещения.

Рост платежей по государственным долгам отражал рост самого государственного долга.

Динамика государственного долга была следующая²:

1861 г.	1 264 млн. руб.	
1876 »	2 949 »	»
1886 »	4 418 »	»
1892 »	4 905 »	»
1903 »	6 679 »	»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 263.

² См. М. И. Боголепов, Государственный долг, 1910, стр. 26—27.

Государственный долг непрерывно возрастал¹, начиная с первых лет после реформы 1861 г., и достиг в годы промышленного подъёма конца XIX в. невиданных размеров. Уже в середине 80-х годов Россия по величине государственного долга занимала третье место, после Франции и Англии, а по уплате процентов по долгам — второе.

Государственный внешний долг России в процентах к народному богатству страны составлял большую величину, чем в таких богатых странах, как США, Великобритания и Германия; но он был ниже, чем в Италии, Австро-Венгрии, Испании, Португалии и ряде других стран. Потребности в средствах для финансирования железнодорожного и промышленного строительства, потребность в золоте в связи с подготовляемой реформой и т. д. объясняют возрастание государственного долга в 90-х годах. Россия не имела доходов ни от иностранных инвестиций, ни от фрахта; основными статьями, дававшими ей возможность свести платёжеспособный баланс, были займы, активное торговое сальдо и добыча золота внутри страны.

Займы были одним из основных источников пополнения государственной казны и покрытия дефицитов бюджета. Царское правительство довольно часто прибегало к позаймствованиям и в Государственном банке. В этих случаях выпуск банкнот имел внешнюю форму кредитной сделки, на деле же это был выпуск бумажных денег с целью покрытия бюджетного дефицита.

По мере развития промышленного капитализма государственные займы, в частности внутренние, приобретали всё большее значение как источник дохода, в противоположность дореформенному периоду, когда они не играли такой роли. Большое значение для покрытия дефицитов в бюджете имел тогда, как мы видели выше, выпуск ассигнаций. Однако возможность мобилизации средств путём внутренних займов не была безграничной. Более того, внутренние займы часто не давали того эффекта, на который рассчитывало царское правительство: в силу недостатка капиталов в стране правительство в целях создания впечатления о покрытии подпиской займов с превышением часто вынуждено было ссужать себя собственными деньгами.

Государственный долг увеличивался быстрее продукции народного хозяйства. Особенно росли внешние займы царского

¹ Ф. Энгельс писал в 1869 г.: «Русские строят теперь, как бешеные, и занимают деньги, как безумные, — за три года около 47.000.000 (!) фунтов стерлингов...» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 189).

правительства. На промышленный подъём 90-х годов оказал несомненное влияние приток иностранного капитала в Россию. «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его»¹. Вместе с тем иностранные займы, в большом количестве полученные царским правительством, сделали Россию данницей иностранного капитала, державшего в своих руках некоторые важные отрасли народного хозяйства.

Большая внешняя задолженность вынуждала постоянно искать золото для уплаты процентов по государственным долгам. Часто проценты по старым займам уплачивались путём заключения новых займов. Значительная часть государственного долга была израсходована на железнодорожное строительство, буржуазия очень много выигрывала от железнодорожных концессий, поскольку правительство предоставляло акционерам все будущие прибыли, а на государство взваливало все убытки. Кроме того, значительная часть средств была израсходована на выдачи казённых субсидий и различных премий промышленным предприятиям. Внешние займы помогли увеличить золотой фонд русского казначейства в период подготовки денежной реформы 1897 г. Получение займов за границей часто было связано с большими трудностями: расстроенное денежное обращение, хронические дефициты в бюджете, обилие русских бумаг на биржах, низкая котировка рубля за границей и т. д. подрывали кредит царского правительства за границей, поэтому временами оно испытывало большие затруднения при заключении иностранных займов².

На фондовой бирже за границей обращалось много русских ценных бумаг. Ф. Энгельс в 1885 г., перечисляя русские займы, обращавшиеся на лондонской бирже, указывал суммы, полученные по ним русским правительством:

Заем 1870 г.	12 млн. ф. ст.
» 1871 »	12 » » »
» 1872 »	15 » » »
» 1873 »	15 » » »
» 1875 »	15 » » »

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 231.

² «...Каждый новый заем,—писал Ф. Энгельс в 1874—1875 гг.,—встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удастся еще доставать деньги!» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 263).

Итого за шесть лет, писал Ф. Энгельс, — 1870—1875 гг. — 69 миллионов ф. ст., т. е. 1 380 миллионов марок.

Далее Ф. Энгельс писал о ряде займов меньшего значения, котирующихся на берлинской бирже¹.

Наличие многочисленных русских фондов на биржах приводило часто к спекуляции этими фондами. Так, в 1887 г. в Германии начался настоящий поход против русских фондов, которым руководило само германское правительство с целью заставить Россию пойти на уступки в области таможенной политики. В итоге этой спекуляции значительная часть русских фондов перешла в руки французского капитала.

Капиталистическому производству имманентно присущ кредит. Кредит помогает мобилизации капитала, убыстряет процесс производства, в известной степени снижает издержки денежного обращения, облегчает уравнивание нормы прибыли и т. д. Но кредит при капитализме имеет две стороны: с одной стороны, он содействует росту производительных сил, с другой — усиливает противоречия капиталистического производства и «...тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства»².

Развитие капитализма в России требовало создания соответствующей капитализму кредитной системы. В течение сравнительно короткого времени в России была создана кредитная система, игравшая важнейшую роль аккумуляции денежных средств. В конце периода промышленного капитализма кроме Государственного банка, Дворянского и Крестьянского банков поземельного кредита имелось 39 акционерных коммерческих банков, несколько сот обществ взаимного кредита, свыше 200 городских банков и довольно многочисленная сеть сберегательных касс. В. И. Ленин приводил в качестве показателя банковых оборотов и накопления капитала данные о росте сумм выдач Государственного банка, суммы вкладов на текущий счёт, обороты ссудо-сберегательных товариществ и касс.

Перед самой отменой крепостного права, в 1860 г., был создан Государственный банк, на который была возложена задача «упрочения денежной и кредитной системы». На банк было возложено производство следующих операций: учёт векселей и других срочных бумаг, выдача ссуд, за исключением ипотечных, покупка и продажа золота, серебра и ценных бумаг, приём вкладов на хранение, на текущий счёт и т. д.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 506, 510.

² К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 454.

На Государственный банк была возложена также задача ликвидации Заёмного и Коммерческого банков, убытки которых сильно отражались первое время на ресурсах банка. Русский Государственный банк имел большие особенности: так, ему не было предоставлено право самостоятельной эмиссии, он выпускал кредитные билеты по требованиям правительства, выпуск кредитных билетов для коммерческих целей происходил в каждом случае по специальным указам и т. д. Основные средства банка составляли средства казны, а не взносы предприятий и частных лиц.

На динамике количества кредитных билетов мы ниже остановимся подробно. Что же касается вкладов, то начиная с середины 90-х годов большая часть их состояла из казённых сумм. Ресурсы Государственного банка состояли, стало быть, преимущественно из казённых вкладов и кредитных билетов, депозиты же частных лиц и капиталистической промышленности постепенно в большей степени концентрировались в акционерных банках. Что же касается активных операций банка, то они изменились следующим образом: сумма учёта векселей и специальные текущие счета под векселя возросли с 32 млн. в 1861 г. до 261 млн. руб. в 1900 г.; ссуды и специальные текущие счета под процентные бумаги — с 11 млн. до 73 млн., прочие ссуды — с 3 млн. до 72 млн.; количество золота возросло с 82 млн. до 843 млн. руб., т. е. в 10 раз. По сравнению с любым акционерным банком коммерческие операции Государственного банка были очень большие, но, как мы увидим ниже, общая сумма учётно-ссудных операций всех акционерных коммерческих банков сравнялась в конце 80-х годов с суммой этих операций в Государственном банке и в дальнейшем превысила её в несколько раз.

Первый акционерный Коммерческий банк, как мы указывали выше, возник в Петербурге в 1864 г., далее возник банк в Москве, затем в Харькове, Киеве; в начале 70-х годов вновь и вновь создавались новые банки: ажиотаж на банковых акциях сменил спекуляцию на акциях железных дорог. Увеличивалось число земельных, городских банков, банков обществ взаимного кредита и т. д. Среди учредителей новых банков значительную роль начал играть иностранный капитал. Часть акций первого русского акционерного банка была куплена немецкими банкирами. При организации других банков — Международного коммерческого, Рижского коммерческого и Русского банка для внешней торговли — немецкий капитал, позднее, правда, вытесненный французским капиталом, также принимал участие. Однако роль иностранного капитала в капиталах русских акционерных банков периода промышленного

капитализма была всё же невелика (не свыше 10 %); роль иностранного капитала в русских банках, как и в экономике России вообще, значительно усиливается в эпоху империализма.

Количество акционерных коммерческих банков было следующее (на конец года):

Годы	Число	Годы	Число
1864 . .	1	1869 . .	6
1865 . .	1	1870 . .	12
1866 . .	2	1871 . .	21
1867 . .	2	1872 . .	29
1868 . .	4	1873 . .	39

Из капитала в 347 млн. руб. вновь учреждённых акционерных обществ в России за 1871—1873 гг. 124,6 млн. руб. приходилось на банки и другие кредитные учреждения.

После невиданной учредительской банковской горячки в развитии банковского дела наступает застой, а затем и кризис. Поднимается неоднократно вопрос о прекращении учреждения новых банков. В 1875 г. происходит крупный крах московского Коммерческого ссудного банка. Влияние краха этого банка было очень большим. Впоследствии целый ряд банков ликвидировал свои дела: ростовский на Дону Коммерческий — в 1876 г., кишинёвский Коммерческий — в 1878 г., одесский Коммерческий — в 1878 г., каменец-подольский Коммерческий — в 1879 г., ревельский Коммерческий — в 1880 г.; Промышленный банк в Москве был объявлен несостоятельным, то же было и с кронштадтским Коммерческим банком и т. д.

Средства, которыми располагали акционерные банки, характер их активных и пассивных операций в период промышленного капитализма характеризуются следующими показателями.

За 26 лет собственные капиталы акционерных банков увеличились со 103,5 млн. руб. в 1874 г. до 275,2 млн. в 1900 г.; депозиты и текущие счета — с 274,5 млн. руб. до 547,9 млн. руб. Значение вкладов — срочных и бессрочных — в конце рассматриваемого периода снизилось, в то время как значение текущих счетов возросло,

Акционерные банки, собирая деньги, превращали их в ссудный капитал. Основными активными операциями банков были учёт векселей и ссуды под ценные бумаги, под залог товаров и в форме специальных текущих счетов. Учётный процент в акционерных банках был, как правило, выше учётной ставки Государственного банка, дисконтная политика которого являлась одним из средств воздействия банка на денежный рынок страны. Учёт векселей в акционерных банках в 1900 г. равнялся 406,4 млн. руб., а в Государственном банке учёт и специальные текущие счета под векселя составляли в этом году только 261 млн. руб.

До промышленного подъёма 90-х годов в общем деятельность акционерных банков развивалась сравнительно слабо: сумма баланса этих банков с 1874 по 1890 г. увеличилась совершенно незначительно, а учётно-ссудные операции и в особенности учёт векселей даже снизились. Невиданный в экономической истории России промышленный подъём 90-х годов и проведение денежной реформы в конце этого десятилетия сыграли огромную роль в развитии деятельности акционерных коммерческих банков: за это десятилетие сумма баланса банков возросла больше чем в 2 раза, в несколько раз увеличилось число отделений банков, значительно увеличились учётно-ссудные операции и т. д. Ипотечный кредит состоял из нескольких акционерных земельных банков и двух крупных государственных банков — Крестьянского поземельного банка и Дворянского земельного банка. Баланс 10 акционерных земельных банков равнялся на 1 января 1904 г. 1 202 млн. руб. Основными операциями их были долгосрочные ссуды под залог «сельскохозяйственной недвижимости» — 568,5 млн. руб., городской недвижимости — 422,4 млн. руб., краткосрочные же ссуды равнялись всего 14,7 млн. руб.

Акционерные земельные банки, осуществляя крупные земельные спекуляции, способствовали росту землевладения деревенской буржуазии. В 1883 г. был организован государственный Крестьянский поземельный банк с целью выдачи ссуд крестьянам. Развитие капитализма вело к переходу земельной собственности от дворянства к деревенской буржуазии; Крестьянский банк, выдавая ссуды преимущественно кулацкой части деревни, помогал дворянству на выгодных условиях продать свою землю.

Как видно, количество земли, купленной через банк, значительно увеличилось, за исключением пятилетия (1891—1895 гг.), на которое приходится год сильного неурожая, отразившегося очень жестоко на сельском хозяйстве. Крестьянский банк явился важнейшим орудием в руках царского

правительства в проведении столыпинской аграрной политики.

ПОКУПКА КРЕСТЬЯНАМИ ЗЕМЛИ ЧЕРЕЗ
КРЕСТЬЯНСКИЙ БАНК за 1883—1900 гг.¹

Годы	Число ссуд	Количе- ство деся- тин земли
1883—1885	1 941	546 286
1886—1890	5 426	1 033 116
1891—1895	7 558	832 463
1896—1900	19 878	2 689 953

При освобождении крестьян помещики получили от правительства огромную выкупную сумму в форме государственных долговых обязательств. Но, «как и следовало ожидать, — писал Ф. Энгельс, — дворянство немедленно промотало большую часть полученных денег...»² Росла задолженность крупных помещиков-землевладельцев. К. Маркс, в письме к Даниельсону отмечая в 1881 г. «...поразительный рост *задолженности крупных землевладельцев...*», считал весьма интересным изучить и показать, как русское дворянство «кристаллизуется» в общественной реторте под влиянием «новых столпов общества»³.

Учреждённый в 1885 г. Дворянский земельный банк был создан в целях поддержания помещичьего хозяйства царской России.

Государственный Дворянский земельный банк был создан «для выдачи ссуд потомственным дворянам под залог земельной собственности». Этот банк пользовался, естественно, особым покровительством царского правительства: так, оно приняло на государство убытки этого банка, снизило в 1897 г. размер процента по ссудам Дворянского банка, разрешило причислить к капитальному долгу недоимки дворян по полученным ссудам и т. д.

¹ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 609.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 252.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 111.

Н. Г. Чернышевский, указывая на недостатки дореформенных банков, зависевших от казначейства, писал, что «давались ссуды часто только на мотовство помещиков...»¹ Различными льготами царское правительство поддерживало дворянское землевладение, стремясь сохранить землю в руках помещиков. Однако неумолимое развитие капитализма подрывало помещичьи латифундии с их всевозможными отработками и кабалой для крестьянства. Дворянский банк, поддерживая своими ссудами, льготами дворян-землевладельцев, тормозил развитие капитализма в сельском хозяйстве, тормозил развитие производительных сил страны.

Кредитная система России включает и организацию краткосрочного кредита — обществ взаимного кредита, городских общественных банков и учреждений мелкого кредита, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, земских касс мелкого кредита и т. д.

Общества взаимного кредита и городские банки обслуживали главным образом область мелкой торговли и мелкой промышленности, частично выдавая ссуды. На 1 января 1897 г. насчитывалось в России 98 обществ взаимного кредита с 64,5 тыс. членами и с общей суммой баланса в 201,1 млн. руб. Несмотря на создание многих акционерных обществ коммерческого кредита, продолжали существовать и банкирские конторы, правда, часть их слилась с акционерными банками и роль их была очень незначительна; наряду с кредитными учреждениями государственного, частного и кооперативного характера продолжал всё ещё существовать и ростовщический кредит, преимущественно в деревне, расширявшийся особенно в неурожайные годы, которые, к сожалению, так часто посещали русскую деревню. О размерах накопления капитала даёт представление также рост числа сберегательных касс и их вкладов. В 1880 г. насчитывалось 75 касс, в 1897 г. — 4315, в 1902 г. — 5629². Остаток вкладов к концу года составлял в 1870 г. 5 млн. руб., в 1880 г. — 8 млн., в 1890 г. — 139 млн. и в 1900 г. — 662 млн. руб. Следовательно, сберегательные кассы играли большую роль в деле концентрации сбережений. Развитие промышленного капитализма в России означало создание широкой сети кредитных учреждений капиталистического типа во главе с крупными банками.

Кредитная система сыграла важную роль в развитии производительных сил капитализма и вместе с тем в обострении противоречий капиталистического производства. Она явилась

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. X, ч. II, 1906, Приложение, стр. 49.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 488; А. Гурьев, Очерк развития кредитных учреждений в России, 1904, стр. 237.

важнейшим средством концентрации и централизации производства и капитала, средством, ускорившим возникновение монополистического капитализма в России.

ДИНАМИКА ЧИСЛА КНИЖЕК И ОСТАТКОВ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС РОССИИ с 1870 по 1900 г.¹
на конец года

Годы	Число книжек (тыс.)	Остаток вкладов (млн. руб.)	Годы	Число книжек (тыс.)	Остаток вкладов (млн. руб.)
1870	75	5	1889	638	111
1875	82	5	1890	793	139
1880	104	8	1891	999	191
1881	111	9	1892	1 194	239
1882	125	11	1893	1 409	283
1883	146	13	1894	1 664	330
1884	171	17	1895	1 907	368
1885	219	25	1896	2 160	409
1886	306	42	1897	2 448	466
1887	417	65	1898	2 792	537
1888	524	88	1899	3 145	608
			1900	3 551	662

Нормальное денежное обращение — весьма важная предпосылка успешного развития хозяйства. Выше мы указывали на то, что интересы развивавшейся промышленности и товарных отношений ещё в первой половине XIX в. требовали упорядочения денежного обращения. Реформой Канкринна 1839 — 1843 гг. были изъяты из обращения ассигнации и выпущены так называемые кредитные билеты. Формально реформа установила серебряный монометаллизм, поскольку серебряный рубль был объявлен основой денежной системы России. «Серебряная российского чекана монета отныне впредь устанавливается главною государственною платёжною монетою, а серебряный рубль настоящего достоинства... главною и непременною законною мерой обращающихся в государстве денег»².

¹ См. «Отчёт государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г.», 1916, стр. 16.

² Любопытно, как изменялась покупательная способность русского серебряного рубля.

Известный историк В. Ключевский в 1884 г. в работе «Русский рубль XVI—XVIII вв.», стр. 72, писал, что, «определяя по ценам хлеба меновое отношение старого московского, потом всероссийского рубля к нынешнему

В дальнейшем наряду со свободной чеканкой серебра происходила свободная чеканка и золота; кредитные же билеты разменивались на серебро и на золото. Поэтому в действительности серебряного монометаллизма не существовало. Следует сказать, что выпуск кредитных билетов диктовался не потребностями товарооборота, а потребностями казны, поэтому они являлись скорее бумажными деньгами, подлежащими размену на серебро и золото. В конце 40-х годов начались значительные колебания денежного курса, а начавшаяся Крымская война привела по существу к крушению денежной системы, установленной реформой 1839—1843 гг., поскольку размен кредитных билетов на золото и серебро был прекращён; цены возросли, и в 1854 г. был запрещён вывоз золота за границу. Попытка восстановить размен на металлическую монету в годы до крестьянской реформы не привела к успеху, кредитные билеты в силу своего обесценения вытесняли из обращения металлическую монету. Таким образом, накануне и в период крестьянской реформы Россия имела расстроенное денежное обращение, упорядочение которого, как писали крупнейшие буржуазные экономисты, являлось важнейшей предпосылкой развития народного хозяйства¹.

Развивавшемуся капитализму требовалось устойчивое денежное обращение, без которого трудно было получать царскому правительству займы за границей, без которого не мог быть организован капиталистический кредит и т. д. Отсутствие твёрдой валюты затрудняло прилив иностранного капитала в Россию. В 1862 г. царское правительство разрешило размен кредитных билетов на золото и серебро, однако он был отменён уже в конце следующего года. Новой эры в денежном обращении не получилось, как хотел Александр II, написав на проекте указа о размене: «Дай бог, чтобы это было началом новой эры».

Полученный Россией перед введением размена иностранный заём в 85 млн. руб. был лишь наполовину употреблён на

кредитному, получаем такие приблизительные цифры:

Рубль 1500 г.	стоит не менее	100 нынешних
» 1501—1550 гг.	» »	63—83 »
» 1601—1612 »	» »	12 »
» 1651—1700 »	» »	17 »
» 1701—1725 »	» »	9 »

¹ Профессор Московского университета, редактор журнала «Акционер» И. Бабст писал: «Слова: «Денег нет», выражают совершенно справедливо, что денежное обращение у нас расстроено и что это главная причина замешательства в нашей торговле, промышленности и в целом народном хозяйстве» (см. *И. Бабст, Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства*, 1860, стр. 5).

увеличение разменного фонда, около же половины ушло на покрытие дефицита бюджета. В 1863 г. ухудшился и торговый баланс, что также увеличивало предъявление кредитных билетов к размену. Политическое состояние страны также не благоприятствовало успешному проведению реформы: многочисленные восстания крестьян, польское восстание и т. д.

Таким образом, хотя количество кредитных билетов в обращении в результате реформы несколько уменьшилось, но она закончилась провалом¹ и своим результатом имела уменьшение разменного фонда и увеличение внешней задолженности. Курс кредитного рубля упал. Царское правительство, вводя размен кредитных билетов на золото и серебро, не провело минимальных предварительных условий, обеспечивавших успешное его осуществление, за исключением получения внешнего займа, большая часть которого пошла не на увеличение разменного фонда, а на покрытие дефицитов бюджета.

Металлическое покрытие кредитного рубля составляло в 1862 г. 11,2%, в 1863 г. — 11,6, а уже в 1864 г. — 8,7%. Движение денежной бумажной массы не испытывало особенных изменений в дальнейшем вплоть до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: в 1865 г. находилось в обращении кредитных билетов на сумму 679 млн. руб., а в 1876 г. — 797 млн., т. е. за 11 лет увеличилось на 118 млн. руб., или почти на 17%. Начавшаяся война против Турции потребовала больших расходов и стоила России больше 1 млрд. руб. Царское правительство было вынуждено выпустить кредитных билетов в течение двух лет на колоссальную сумму по тому времени — на 398 млн. руб. Именно в это время, писал К. Маркс, «...в России... ни одно производство не процветает в такой мере, как фабрикация кредитных билетов»². Инфляция ударила прежде всего по рабочему классу, поскольку рост цен ни в какой степени не стоял в соответствии с увеличением номинальной заработной платы. Чрезмерный выпуск бумажных денег понижал стоимость, представляемую бумажными деньгами, а уменьшение последней усиливало потребность в выпуске новых денежных знаков, поскольку обесцененные денежные знаки не могли нормально обслужить процесс обращения

¹ К. Маркс писал об этой реформе, что «эта нелепая операция, — искусственная поддержка разменного курса средствами правительства, — принадлежит XVIII веку. Ныне лишь финансовые алхимики в России употребляют подобные приемы. Со времени смерти Николая эти карикатурные манипуляции, повторяясь периодически, стоили России по крайней мере 120 миллионов рублей. Но это в духе правительства, которое серьезно верит еще во всемогущество государства. Другие правительства знают по крайней мере, что «деньги не признают никакого господина» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 313).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 34.

товаров. Общее количество кредитных билетов равнялось в начале 1879 г. 1 188,1 млн. руб.; металлическое покрытие составляло только 12,4% против 28,8% в 1876 г. (см. табл. на стр. 288). Курс кредитного рубля составлял в золотых копейках на 1 января 1878 г. 69,1 коп.

Как видно из таблицы, разменный фонд начиная с 1876 г. уменьшался под влиянием различных манипуляций царского правительства, направленных на поддержание курса рубля.

«Русское правительство уже в течение ряда лет старается поднять курс своих бумажных денег, который в России оно понижает непрекращающимися выпусками неразменных банкнот; для этого оно столь же непрерывно скупает в Лондоне векселя на Россию. В результате это удовольствие обошлось ему в течение немногих лет в 60 млн. рублей...»¹

Повышение курса было весьма незначительное и непродолжительное, а в конечном счёте Государственный банк прекратил выплату по иностранным векселям золота и серебра². Помещики как должники государства и банков выигрывали от падения курса рубля. При падающей валюте помещики-экспортёры получали за вырученное золото за границей большее количество бумажных денег в России. Казначейство иногда принимало специальные меры к снижению курса рубля, чтобы дать экспортёрам сельскохозяйственных товаров премию. Против реформы и упорядочения денежного обращения возражала также часть всевозможных спекулянтов, в частности банковских спекулянтов, поскольку они теряли весьма выгодный объект спекуляции — кредитный рубль, дававший огромные прибыли. Однако капиталистическое развитие требовало создания соответствующей денежной системы.

Делаются попытки изъять из обращения кредитные билеты: в 1883 г. — 30 млн., в 1884 г. — 30 млн. и в 1885 г. — 27 млн., а всего было изъято 87 млн. руб. Ставилась задача: уменьшая количество кредитных рублей, довести бумажный рубль до паритета. После этого в течение 6 лет денежная масса остаётся без изменений; увеличение числа кредитных билетов произошло лишь в голодные 90-е годы. Реформа денежного

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 179.

² «Русское правительство, — писал К. Маркс по этому поводу, — заявило уже свою несостоятельность, допустив петербургский (государственный) банк объявить, что он не будет более уплачивать свои заграничные векселя золотом (или серебром). Я ожидал этого; — но что переходит всякую меру, это тот факт, что это правительство, прежде чем притти к подобной «неприятной» мере, сделало снова глупость, пытаясь в продолжение двух или трех недель искусственно поддерживать курс размена на лондонской бирже. Дело стоило ему около 20 миллионов рублей; это все равно, как если бы оно бросило эти деньги в Темзу» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 313).

**ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ВЫПУЩЕННЫХ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ
И РАЗМЕННОГО ФОНДА с 1862 по 1897 г.¹**

Годы	Весь разменный фонд (руб.) на 1 января	Количество выпу- щенных кредитных билетов на 1 января (руб.)	Процентное отно- шение металл. части разменного фонда к количе- ству кредитных билетов
1862	97 338 186	713 596 178	11,2
1863	91 967 664	691 104 562	11,6
1864	67 713 025	636 525 857	8,7
1865	82 507 570	673 574 599	8,1
1866	81 972 703	677 964 732	8,4
1867	81 077 017	709 044 046	8,1
1868	88 999 727	715 113 776	9,1
1869	156 424 047	724 406 213	18,3
1870	153 816 023	721 788 189	19,6
1871	149 723 489	715 809 884	19,8
1872	158 127 645	772 914 040	20,2
1873	197 783 056	771 019 451	25,4
1874	226 176 068	796 962 463	27,2
1875	231 227 085	797 313 480	28,8
1876	231 227 085	797 313 480	28,8
1877	180 535 803	790 022 025	18,9
1878	180 085 803	1 039 922 025	14,2
1879	176 785 803	1 188 115 125	12,4
1880	173 163 041	1 162 515 125	13,2
1881	171 472 495	1 133 515 125	15,1
1882	171 472 495	1 133 515 125	15,1
1883	171 472 495	1 133 515 125	15,1
1884	171 472 495	1 103 515 125	15,5
1885	171 472 495	1 073 515 125	16,0
1886	171 472 495	1 046 433 349	16,4
1887	171 472 496	1 046 433 349	16,4
1888	211 472 496	1 046 295 384	20,2
1889	211 472 496	1 046 295 384	20,2
1890	211 472 496	1 046 295 384	20,2
1891	211 505 032	1 046 295 384	20,2
1892	286 505 032	1 121 295 384	25,6
1893	361 505 032	1 196 295 384	30,2
1894	361 505 032	1 196 281 634	30,2
1895	351 938 723	1 121 281 634	31,4
1896	450 000 000	1 121 281 634	40,1
1897	500 000 000	1 121 281 634	44,6

¹ «Денежное обращение в России», т. I. Историко-статистическое исследование М. Кашкарова, 1898, стр. 72—73.

обращения, т. е. установление денежного обращения, основанного на золоте, становилась всё более необходимой, тем более что в таких странах, как Англия, Франция и Германия, она была уже проведена. Но для проведения денежной реформы, для размена кредитных билетов — бумажных денег — на золото необходимо было иметь громадный золотой запас; к созданию этого запаса и вынуждено было приступить царское правительство. Как мы видели выше, с 1882 г. и до 1899 г. торговый баланс России был активен; всячески усиливался экспорт и в первую очередь экспорт хлеба, в организации которого активную роль играл и Государственный банк; вместе с тем сдерживался, и в первую очередь высокими пошлинами, импорт товаров. В итоге не только активен был торговый баланс, но за 1881—1897 гг. был активен и платёжный баланс. Были приняты меры к ликвидации дефицитов бюджета, в частности путём усиления налогового обложения трудящегося населения. На увеличение золотого запаса в стране оказало известное влияние форсирование добычи золота и особенно внешние займы: внешний долг России возрос за время с 1893 по 1898 г. на 1 млрд. руб. с лишним. Наконец, в системе мероприятий по подготовке реформы имела значение и девизная политика правительства.

Всё это позволило накопить Государственному банку к 1897 г. 1 095 млн. руб., т. е. сумму, почти равную количеству кредитных билетов, находившихся в обращении. После некоторых предварительных мероприятий (разрешение сделок на золото, разрешение Государственному банку покупать и продавать золотую монету и др.) была проведена в годы промышленного подъёма денежная реформа, установившая систему золотого монометаллизма. Фактически была проведена девальвация рубля. Кредитный рубль был приравнен к $66\frac{2}{3}$ коп. золотом, т. е. по фактически установившемуся в то время курсу. Золотой рубль содержал 17,424 доли чистого золота. Реформа, таким образом, содействовала уменьшению на одну треть внутреннего государственного долга, но, с другой стороны, её проведение было сопряжено с получением из-за границы в форме займов огромной массы золота, увеличившей, естественно, задолженность царского правительства. Царизм, положив в основу своей денежной системы золото, хотел создать впечатление экономической мощи страны. Но это золото в значительной степени было занято Россией в других странах.

На основе денежной реформы Государственному банку было предоставлено право эмиссии банкнот. Закон о выпуске кредитных билетов и о золотом покрытии предоставлял Государственному банку право выпускать кредитные билеты

в размере, строго ограниченном настоятельными потребностями денежного обращения под обеспечение золотом; сумма золота, обеспечивающего билеты, должна была быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышала 600 млн. руб. Кредитные билеты, находившиеся в обращении и составлявшие свыше 600 млн. руб., должны были быть обеспечены золотом рубль на рубль. Следовательно, Государственному банку было предоставлено право выпускать кредитные билеты, не покрытые золотом, в пределах 300 млн. руб. Выпущенные Государственным банком кредитные билеты должны были обмениваться им на золото. В итоге реформы денежное обращение России складывалось из золотых монет, кредитных билетов, из серебряной и мелкой медной монеты.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ РОССИИ в 1897—1899 гг.¹
(в млн. руб. на 1 декабря)

	1897 г.	1898 г.	1899 г.
Золото	137	436	642
Высокопробное серебро	75	122	144
Кредитные билеты . . .	928	691	518
Всего . . .	1 140	1 249	1 304

Удельный вес золотых монет в структуре денежного обращения в первые годы после реформы значительно повысился, в то время как удельный вес банкнот снизился; в дальнейшем, в период империализма, как мы увидим ниже, соотношение изменилось.

В обращении находилось золота в 1898 г. на сумму 436 млн. руб., а в активах банка в России и за границей имелось золота в 2 с лишним раза больше — 1 185 млн. руб. Но этот золотой блеск царской казны, как мы уже отмечали, был обманчив, поскольку страна должна была по внешним займам больше этой суммы.

Введение твердой валюты и золотого монометаллизма способствовало дальнейшему развитию капитализма в нашей стране как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, развитию кредитной системы, приливу иностранных капиталов в Россию и т. д. Следовательно, не только «отечественный»

¹ См. «Отчёт Государственного банка за 1916 г.», 1917, стр. 54—55.

капитализм, но и иностранный был заинтересован в создании твёрдой валюты в России.

Капиталистическая денежная и кредитная система — очень тонкий инструмент, отражающий всякие изменения, происходящие в производстве. Кризисы, потрясавшие экономику России, естественно, отражались на денежном рынке в сфере кредита, банков, финансов. К. Маркс различает два вида денежных кризисов: денежные кризисы как фазу экономического кризиса и самостоятельные кризисы в сфере банков, бирж и т. д. «Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы»¹. Независимые от экономических кризисов денежные кризисы возникают в результате специфических обстоятельств — войн, спекуляции и т. д. Так, например, кризис денежного обращения в России в 1877—1878 гг. явился результатом начала русско-турецкой войны. Денежный кризис как отражение мирового экономического кризиса отмечается в России в 1847 г.

Ещё в конце первой половины XIX в. на экономику России оказывало влияние мировое капиталистическое хозяйство. К. Маркс в статье «Международные обзоры», говоря о кризисе 1847 г., указывал среди городов, в которых имели место банковские крахи, Петербург.

«Уже в октябре сказалось влияние кризиса на континенте. Одновременно произошли банкротства в Брюсселе, Гамбурге, Бремене, ...С.-Петербурге, Лиссабоне и Венеции»².

Кризис, начавшийся в Англии, в самых различных формах отразился затем и на других странах, в частности на России. Так как Россия вывозила много хлеба в Англию, то крахи английских хлебных фирм отразились на финансовом положении экспортёров хлеба. Мы уже отмечали влияние экономического кризиса 1857 г. на денежно-кредитную сферу. Журнал «Экономический указатель», руководимый либеральным экономистом Вернадским, по этому поводу писал: «...некоторыми домами получены обратно векселя, неоплаченные в чужих краях, вследствие чего два дома уже остановили платежи... Такое состояние дел конечно не может быть благоприятным

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 145, примечание.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 225.

для нашей внешней торговли, а потому почти все русские товары остаются в настоящее время без требования»¹.

Через неделю этот журнал писал следующее: «Денежный кризис на европейских рынках не прекращается... Такое, почти небывалое, замешательство повсеместно поставило торговлю в крайне затруднительное положение, а в наших портах вовсе остановило её. Здесь и в Риге никакого нет требования на все русские товары для будущего года; все дела здешней биржи ограничиваются спекуляцией на *сало*»². Денежный кризис проявился в недостатке денег, в уменьшении возможности учёта векселей, в падении курса акций, в высоком проценте и т. д. Падение курса акций означало обесценение фиктивного капитала.

«Акциионерный кризис обнаружился несколько позже, — писал академик Безобразов, — начался в 1859 г. и разразился окончательно в 1860 г. ...Немногие из акционерных предприятий уцелели, почти исключительно те, которые существовали до войны... Недостаток сбыта, накопление непроданных товаров, трудность и медленность всех денежных оборотов, высокий дисконт, невозможность отыскания капиталов за самые высокие проценты, ...всеобщее безденежье...»³

Яркое описание промышленного кризиса и его проявлений в сфере кредита и денежного обращения даёт Шипов. Он пишет: «Сначала казалось, что акционерные дела идут весьма хорошо и публика обратилась к ним с необыкновенным доверием. Акции всех обществ весьма легко перепродавались на бирже и часто заменяли наличные деньги или облигации. Но скоро всё изменилось. Невыгодный (платёжный) баланс произвёл невыгодный курс и вызвал большой спрос монеты... банки перестали выдавать ссуды под недвижимые свободные имения и дома. Акции потеряли свою ценность и не могли уже заменять попрежнему денежных знаков... недостаток денег сделался повсеместным»⁴.

Проявление кризиса конца 50-х годов в «кредитно-денежной сфере русского капитализма было очень сильное, притом значительно более сильное, нежели в процессе производства. К. Маркс, говоря о панике на бирже, писал: «Русские 4½-процентные бумаги, которые 2 апреля котировались по 100, 28 апреля упали до 87»⁵. «Журнал для акционеров» так оценивал

¹ «Экономический указатель» от 5 декабря 1857 г., стр. 1115.

² «Экономический указатель» от 12 декабря 1857 г., стр. 1139.

³ В. Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, 1863, ч. II, стр. 24.

⁴ А. Шипов, Куда и отчего исчезли у нас деньги?, 1860, стр. 33—34.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 142.

действие кризиса на все стороны экономической жизни России:

«Обращаясь воспоминаниями к прошедшему году, прежде всего вспадает на мысль желание, чтобы впредь никогда б не повторился подобный год самых тяжких испытаний в сфере финансовой, промышленной и торговой, год страданий, помрачивших едва ли не все проявления нашей экономической жизни. Денежный кризис с его пагубными последствиями, как-то: исчезновение монеты, крайнее колебание и ослабление вексельного курса, быстрое падение кредитных ценностей, непомерное вздорожание предметов потребления, стеснение сбыта товаров, прекращение платежей, ликвидация могучих коммерческих фирм — всё это прервало всякого рода хозяйственные соображения и расчёты, жестоко потрясло доверие и парализовало все обороты. Смутилась Москва и с ней все наши внутренние рынки от неожиданной несостоятельности торгового дома П. Алексева; поражена удивлением С. Петербургская биржа... при вести о решении барона А. Штиглица ликвидировать свои дела»¹.

По мере развития капитализма и создания крупной машинной индустрии кризисы в кредитно-денежной системе как проявление промышленных кризисов перепроизводства принимают периодический характер. Ни один промышленный кризис в России не происходил без денежного кризиса, выразившегося в недостатке денег, в свёртывании кредитных операций, в банкротствах, в повышении учётного процента, в падении курсов акций и т. д. Начало кризиса характеризуется максимальным спросом на ссудный капитал, в то время как предложение его сокращается, в результате — учётный процент повышается и достигает своего максимума.

«Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, кредит внезапно иссякает, платежи прекращаются, процесс воспроизводства парализуется и, за упомянутыми выше исключениями, наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездейственного промышленного капитала»². В результате промышленного кризиса 1866 г. учётная ставка Государственного банка повысилась с 5—5½% в начале года до 7½% (14 октября) и 8% в 1867 г. (16 июня); симптомы денежного кризиса как проявления промышленного кризиса 1873 г. уже отмечались в 1872 г.

Учётная ставка повысилась до 8% в конце 1872 г. (3 октября) и 7½% в начале 1873 г. Затем учётная ставка начала

¹ «Журнал для акционеров» № 156 от 6 января 1860 г., стр. 1291.

² К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 502.

постепенно снижаться до 7% (27 января), до 6½ (5 февраля), до 6 (31 марта), до 5½ (23 апреля) и до 4½% в мае 1873 г.

Промышленный кризис проявлялся в сфере кредита многочисленными банкротствами. Значительная часть банков коммерческого кредита, возникших в период учредительской горячки 1870—1872 гг., потерпела крах, как, например, банки Херсонский, Курский, Рыбинский, Скопинский. Позднее произошёл крупнейший банковский крах в России — Московского Коммерческого ссудного банка.

Точно так же и в последующие годы кризисы сферы денежного обращения и кредита являлись неперенным спутником промышленных кризисов и проявлялись в первую очередь в недостатке платёжеспособных средств. Перед кризисом 1883 г. обнаруживается прежде всего недостаток денег, денежный голод.

«Денег нет, застой в делах, — писала биржевая газета, — упадок торговли и дороговизна... купец закрывает свою лавочку, банкир вылетает в трубу, фабрикант сбывает товары за бесценок... Мы присутствуем, как бы, при полном расстройстве нашего экономического положения».

Через несколько месяцев газета уже более определённо заявляет, что «общие жалобы на безденежье, отсутствие кредита и возрастающую с каждым днём дороговизну, раздающиеся всё громче и громче из всех уголков России, указывают на то, что мы переживаем тяжкий экономический кризис».

Как мы сказали выше, денежные кризисы как особую фазу экономических кризисов следует отличать от особых видов кризиса, «центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы» (К. Маркс). Таким кризисом был, например, денежный кризис в России в начале 1899 г., который происходил в условиях интенсивного промышленного подъёма 90-х годов, закончившегося, как известно, промышленным кризисом в начале 900-х годов.

Кризису предшествовал интенсивный промышленный подъём, рост банковской деятельности, рост акционерных предприятий, курса ценных бумаг и т. д.

Первыми предвестниками кризиса были банкротства двух крупнейших фирм — фон Дервиза и Мамонтова, связанных с многочисленными и разнообразными предприятиями народного хозяйства России. «Падение столь крупных предприятий оказало удручающее влияние на ход биржи и банков, особенно имевших в достаточном количестве в своих портфелях финансовые векселя. Положение денежного рынка представлялось очень серьёзным, а вместе с этим оно ухудшалось вздорожа-

нием денег в Берлине и Лондоне благодаря войне Англии с Трансваалем, которой, повидимому, вначале никто не придавал серьёзного значения. Поражения англичан затянули войну, и на мировом рынке, каковым является лондонский, сильно повысился учётно-ссудный процент, повлёкший за собой и ухудшение положения денежного рынка в большей или меньшей мере во всём мире»¹.

Учётная ставка Государственного банка была повышена в середине 1899 г. с 4½ до 5%, также поднялась и частная учётная ставка; ещё более поднялась учётная ставка Государственного банка; в конце года она составляла 7%, свидетельствуя о том напряжении денежного рынка, которое имело место в это время. Проявление кризиса далее выразилось в многочисленных банкротствах, в большом падении курсовой стоимости акций и т. д. Денежный кризис сопровождался позднее промышленным кризисом, и крах был «...такой крутой, какого еще Россия не видывала»².

---

¹ «Народное хозяйство» № 3, 1900, стр. 15.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4. стр. 74.

Раздел третий

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ЭПОХУ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И МОНОПОЛИИ

В конце XIX — начале XX в. промышленный капитализм превратился в монополистический капитализм, представляющий собой высшую и последнюю стадию капитализма — империализм.

В. И. Ленин дал следующее классическое определение монополистического капитализма.

«1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹.

Изучая процесс концентрации производства и образования монополий, В. И. Ленин указывал на три основных этапа в истории развития монополий:

«1) 1860-ые и 1870-ые годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»².

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 253.

² Там же, стр. 190.

Для характеристики монополистического капитализма имеет огромное значение закон неравномерного экономического и политического развития, открытый В. И. Лениным и развитый дальше в работах И. В. Сталина. «Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделённого мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариатом отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»¹.

В силу неравномерного развития капитализма указанные признаки империализма развивались в отдельных капиталистических странах не в одинаковой степени. Капитализм в России также, хотя и с некоторым запозданием в сравнении с другими более развитыми капиталистическими странами, перерастал с конца XIX — начала XX в. в монополистический капитализм.

По вопросу о времени возникновения монополистического капитализма в России существовала большая путаница: одни исследователи вообще отрицали наличие империализма в России, другие датировали его возникновение после 1905 г., третьи — в период промышленного подъёма 1909—1913 гг.

Конечно, не имеет ничего общего с действительностью утверждение, например, М. Н. Покровского о том, что «...Россия первой половины XIX века был знаком империализм в самом подлинном его виде...»²

Абсолютно неправильно устанавливать год возникновения империализма. В. И. Ленин писал по этому поводу следующее:

«Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, напр., о том, к какому году или десятилетию относится «скончателное» установление империализма»³.

Процесс концентрации производства интенсивно происходил в России ещё в конце XIX в.; возникновение отдельных синдикатов также имело место уже в 70—80-х годах прошлого столетия, в 90-х годах развитие синдикатского движения вступает в новую полосу, а после кризиса, в начале XX в.,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 106.

² М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, 1924, стр. 383.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 254.

монополии становятся одной из основ всей хозяйственной жизни страны.

«Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно»¹.

В. И. Ленин дал не только указания о хронологических датах эпохи империализма в России, но и охарактеризовал особенности российского монополистического капитализма.

Российский монополистический капитализм, представлявший собой военно-феодальный империализм², имел много особенностей. Одной из основных особенностей российского империализма было то, что здесь высокоразвитые формы капитала сочетались с отсталым социально-политическим строем, с отсталыми формами полукрепостнических отношений.

Характеризуя социально-экономическую структуру царской России эпохи монополизма, В. И. Ленин указывал, что наряду с развитым промышленным и финансовым капитализмом имелось самое отсталое землевладение, что в России «...новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»³. И. В. Сталин, развивая ленинские положения об особенностях российского империализма, указывал, что Россия «...не была и не могла быть классической страной империализма...»⁴, хотя и являлась средоточием, узловым пунктом всех империалистических противоречий.

В. И. Ленин определял место царской России в ряду капиталистических государств следующим образом. На первом месте он ставил «три главные (вполне самостоятельные страны)»: Англию, Германию, США. На втором месте: Францию, Россию, Японию — «второстепенные: (первоклассные, но не вполне самостоятельные)»⁵.

Судя по «Ленинским сборникам» и другим источникам, В. И. Ленин не смог, по условиям царской цензуры, включить значительную часть материалов о России в книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Развитие монополистического капитализма в России, как и в других капиталистических государствах, характеризовалось в первую очередь усиленным процессом концентрации. Быстрый рост концентрации производства в России имел место ещё в пореформенный период. Уже в книге «Развитие капи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 331.

² См. И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 75; В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 4, стр. 277.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 246.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 74.

⁵ «Ленинский сборник» XXII, стр. 335.

тализма в России» В. И. Ленин блестяще показал концентрацию фабрично-заводской промышленности.

В плане брошюры «Империализм, как высшая стадия капитализма» при характеристике процессов концентрации в России В. И. Ленин указывал на свою книгу «Развитие капитализма в России». Он писал: «Рост крупного производства. Концентрация производства. Переписи 1882—1895—1907 в Германии, 1900—1910 в Соединенных Штатах. То же о России («Развитие капитализма»?)»¹.

Следует подчеркнуть, что промышленность России характеризовалась крупным размером мануфактур, а затем и фабрик; средний размер прядильных и ткацких фабрик в 90-х годах был выше, чем в промышленности Англии, Германии и США. По мере развития капитализма и внедрения механического оборудования быстро развивался процесс укрупнения промышленных предприятий в России.

Русская промышленность вообще отличалась высокой степенью концентрации рабочей силы на предприятиях; степень концентрации основного капитала была меньшей, так как органический состав капитала был ниже, в результате на равных по основному капиталу предприятиях в России и в более развитых капиталистических странах было занято далеко не одинаковое количество рабочих.

Ко времени возникновения крупной промышленности в России имелась уже значительная концентрация капитала, в частности торгового капитала, который был необходимым историческим условием развития крупной промышленности. Образованию крупных предприятий содействовали, с одной стороны, концентрация капитала и, с другой стороны, то обстоятельство, что в силу более позднего развития капитализма в России организовывались последние, с точки зрения тогдашнего уровня техники, формы организации капиталистической промышленности, т. е. крупные предприятия. Наконец, на размер предприятий в России оказала влияние также высокая степень комбинации производства в ряде отраслей промышленности.

Процесс концентрации производства наблюдался во всех основных отраслях капиталистической промышленности, но темпы роста отдельных предприятий, отраслей и районов, как и всё промышленное развитие России в эпоху монополистического капитализма, отличались крайней неравномерностью.

На предприятиях хлопчатобумажной промышленности с количеством рабочих свыше тысячи человек работало в 1866 г. 43,2%, а в 1879 г. — уже 56,9% всех рабочих, занятых в этой

¹ «Ленинский сборник» XXVII, стр. 104.

отрасли. За время с 1866 по 1879 г. увеличилось количество фабрик с числом рабочих от 1 тыс. до 5 тыс. и более — с 26 до 41; с числом рабочих от 500 до 1 тыс. — с 27 до 44; с числом рабочих от 100 до 500 — со 115 до 118.

В 1890 г. насчитывалось уже 59 хлопчатобумажных фабрик с количеством рабочих более 1 тыс., 43 фабрики с количеством рабочих от 500 до 1 тыс. и 106 фабрик, имеющих от 100 до 500 рабочих¹.

Увеличивался средний размер хлопчатобумажных фабрик по количеству рабочих, а также по объёму продукции. Так, годовая стоимость производства хлопчатобумажной фабрики в 1865 г. в среднем составляла около 87 тыс. руб., а в 1890 г. — уже около 462 тыс. руб.

Интенсивный процесс концентрации производства наблюдался и в металлургической промышленности России и в первую очередь в металлургии юга нашей страны.

Особенно сильно происходил процесс концентрации в нашей промышленности в годы промышленного подъёма 90-х годов. В результате этого процесса крупные предприятия, т. е. с численностью рабочих свыше 1 тыс. человек, сосредоточивали в конце XIX в. около половины всех рабочих, в то время как в 1879 г. на них было 32,8%. Многие отрасли русской промышленности ещё на стадии мануфактуры характеризовались крупным размером своих предприятий. Но по мере развития капитализма и внедрения механического оборудования процесс укрупнения промышленных предприятий интенсивно развивался. Крупные механизированные предприятия были технически оснащены лучше, чем предприятия мелкие, имели, как правило, более высокий уровень производительности труда, что позволяло им подавлять более мелкие предприятия, создавая для себя выгодное положение на рынке.

«Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма»².

Для характеристики концентрации русской промышленности за годы империализма мы можем использовать данные о распределении рабочих по фабрично-заводским предприятиям, которые публиковались в «Сводах отчётов фабричных инспекторов» за соответствующие годы (см. табл. на стр. 301).

¹ См. «Указатель фабрик и заводов Европейской России», сост. П. Орлов и С. Будагов, 1894, стр. IX. В списки фабрик не включены только те предприятия, годовая производительность которых составляет менее 2 тыс. руб.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 184.

УРОВЕНЬ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1901, 1910 и 1914 гг.
(предприятия, подчинённые надзору фабричной инспекции)¹

Число рабочих на одно заведение	Число заведений						Число рабочих					
	1901		1910		1914		1901		1910		1914	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 50	12 740	70,5	9 909	65,7	8 929	63,5	243 615	14,3	219 665	11,6	199 922	10,2
51—100	2 428	13,4	2 201	14,6	2 088	14,9	171 170	10,1	158 704	8,3	148 954	7,6
101—500	2 238	12,6	2 213	14,7	2 252	16,1	492 095	28,9	507 886	26,7	504 440	25,7
501—1 000	403	2,2	433	2,9	432	3,1	269 133	15,8	302 840	15,9	296 347	15,1
Свыше 1 000	243	1,3	324	2,1	344	2,4	525 637	30,9	713 648	37,5	811 197	41,4
	18 102	100,0	15 080	100,0	14 046	100,0	1 701 650	100,0	1 902 743	100,0	1 960 860	100,0

¹ См. «Свод отчётов фабричных инспекторов за 1910 г.», 1911, стр. XV, и за 1914 г., стр. XVIII.

В. И. Ленин, приводя часть этих данных за 1901 и 1910 гг. в статье «Концентрация производства в России», опубликованной в 1912 г., писал:

«Число мелких заведений *уменьшается*: мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики разоряются и гибнут, переходят в ряды служащих, иногда пролетариев.

Число крупнейших предприятий быстро растёт, и ещё больше растёт их доля во всем производстве...

Крупнейшие фабрики душат мелкие и все больше сосредоточивают производство. Все более крупные массы рабочих собираются в небольшом числе предприятий, но вся прибыль от труда объединённых миллионов рабочих достаётся горстке миллионеров»¹. В самом деле, удельный вес мелких предприятий с числом рабочих до 50 человек снизился как по числу заведений, так и по числу рабочих, в то время как значение крупнейших предприятий с числом рабочих свыше 500 и свыше 1 тыс. человек увеличилось. В 1914 г. в русской промышленности, подчинённой надзору фабричной инспекции, на предприятиях с числом рабочих на одно заведение более 1 тыс., составлявших всего лишь 2,4% общего числа заведений, было занято 811 197 рабочих, или 41,4%. На предприятиях размером свыше 500 рабочих на одно заведение было занято, по этим данным, 56,5% всех рабочих. Уровень концентрации русской промышленности в эпоху империализма не только не был ниже, но даже превосходил уровень концентрации промышленности США. «Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих»².

Все основные отрасли русской промышленности имели высокий уровень концентрации производства. Так, в чёрной металлургии в конце столетия 30,9% всех рабочих этой отрасли промышленности, а на юге почти 70% были сосредоточены на предприятиях с числом рабочих свыше 1 тыс. Уровень концентрации металлургической промышленности юга был выше, чем на Урале; точно так же как и размер самих агрегатов (доменные и мартеновские печи и т. д.) был больше. Технический уровень металлургии юга был значительно выше, чем на Урале.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 248—249.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 127.

**КОНЦЕНТРАЦИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ в 1900 г.**

Группа предприятий по числу рабочих	Процентное распределение числа предприятий по группам		
	Россия	Урал	юг
16—500	54,3	65,2	18,2
501—1 000	14,8	18,3	13,6
1 001—3 000	28,4	16,5	54,6
Свыше 3 000	2,5	—	13,6
Итого	100	100	100

О росте и о степени концентрации чёрной металлургии юга России и Урала можно судить по следующим данным:

Годы	Число заводов		Выплавка чугуна (в тыс. пуд.)			
			на 1 завод		на 1 действующую домну	
	Урал	юг	Урал	юг	Урал	юг
1890	63	9	440	1 500	256	960
1900	76	20	663	4 600	359	2 040
1910	50	13	770	9 650	500	3 140

Выплавка чугуна на один металлургический завод увеличилась на Урале с 440 тыс. пуд. в 1890 г. до 770 тыс. пуд. в 1910 г., а на юге — с 1 500 тыс. пуд. до 9 650 тыс. пуд., т. е. больше чем в 6 раз.

Увеличилась также концентрация в каменноугольной промышленности России: добыча угля на одну шахту возросла с 4,1 тыс. т в 1891 г. до 10,06 тыс. в 1901 г. и 25,21 тыс. т в 1911 г. В ряде отраслей промышленности число промышленных предприятий сократилось при большом увеличении численности рабочих и продукции.

Наконец, для характеристики концентрации за период капитализма приведём материалы по текстильной промышленности Ивановской области. За период с 1867 по 1913 г. текстильная промышленность этого района страны уменьшила

число своих предприятий за счёт ликвидации мелких заведений, при одновременном росте числа рабочих и ещё более сильным увеличении объёма произведённой продукции. В итоге процесса концентрации в 1913 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 90% общего числа рабочих и произведено 91,8% продукции текстильной промышленности области; в том числе на фабриках с числом рабочих от 2 тыс. до 4 999 было произведено 33,9% продукции и на фабриках-гигантах с числом рабочих свыше 5 тыс. — 26,6% продукции.

Монополистический капитализм усилил процесс укрупнения промышленности и сосредоточения её в руках наиболее крупных капиталистических групп. В 1913 г. почти 80% всех рабочих хлопчатобумажной промышленности работало на фабриках с количеством рабочих свыше тысячи и 10,4% рабочих — на фабриках с количеством рабочих от 501 до 1 000.

**ДИНАМИКА КОНЦЕНТРАЦИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
(в % к итогу)¹

Группы предприятий по числу рабочих	1867 г.			1913 г.		
	число предприя- тий	число рабо- чих	сумма продук- ции	число предприя- тий	число рабо- чих	сумма продук- ции
До 99 рабочих .	73,6	9,4	14,5	8,8	0,4	0,3
От 100 до 499 .	15,6	22,2	32,8	41,7	9,6	8,9
» 500 » 999 .	6,0	22,8	30,1	16,2	10,4	8,8
» 1000 » 1999 .	3,1	22,8	14,3	17,1	20,5	21,5
» 2000 » 4999 .	1,7	22,8	8,3	11,8	32,4	33,9
От 5000 и более .	—	—	—	4,4	25,7	26,6
Итого по всем группам	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Распределение хлопчатобумажных предприятий, подведомственных фабричной инспекции, по количеству рабочих видно из таблицы, приведённой на стр. 306—307. Из таблицы следует, что всего в 1913 г. насчитывалось в России 834 хлопчатобумажных предприятия с 566 тыс. рабочих.

Концентрации рабочих на крупных предприятиях хлопчато-

¹ «Районы Ивановской промышленной области», ч. I. Экономическая характеристика, М. — Иваново, 1933, стр. 10—11.

бумажной промышленности соответствовала в определённом отношении и концентрация оборудования.

Так, на 114 хлопчатобумажных фабриках перед первой мировой войной оборудование концентрировалось следующим образом: на предприятиях мощностью до 50 тыс. веретён было сосредоточено 16,5% всего количества веретён; от 50 тыс. до 100 тыс. веретён — 41,7%; от 100 тыс. до 200 тыс. — 24,4% и на предприятиях мощностью свыше 200 тыс. веретён — 17,4%; предприятий соответственно насчитывалось 51, 37, 21 и 5¹.

Наряду с сосредоточением всё большей доли промышленности на крупных предприятиях происходила концентрация промышленности в руках наиболее крупных капиталистических групп. Так, фирма Кноп контролировала больше десятка предприятий. Капиталист Ф. Кноп являлся в 1909 г. членом правления шести текстильных объединений; кроме того, он состоял членом совета двух банков. Другой из братьев Кноп, кроме участия в трёх мануфактурах, состоял членом правления товарищества Э. Циндель, а также членом совета одного из банков. Братья Кноп по существу контролировали значительную часть всего хлопкопрядильного производства.

Капиталист Н. Второв, стоявший во главе одного из объединений, принимал участие в товариществе Баранова, а также в крупнейшем предприятии Коншина в Серпухове. Примеров, иллюстрирующих сосредоточение хлопчатобумажной промышленности в руках крупных капиталистических групп, можно привести много.

Одновременно с процессом сосредоточения производства на более крупных предприятиях наблюдается в эпоху монополистического капитализма процесс комбинирования производства.

«...Крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (напр., выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), — либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (напр., обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.)»².

В ряде отраслей (чёрная металлургия, текстильная и др.) русской промышленности процесс комбинации достиг в эпоху

¹ Исчислено по книге «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», 1914, отдел К — «Обработка волокнистых веществ», № 300—832.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 186.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ
(ГРУППИРОВКА ПРЕДПРИЯТИЙ ПО

	До 10		От 11 до 20		От 21 до 30		От 31 до 50		От 51 до 100	
	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих
Итого по России:										
В абсолютном количестве	56	402	103	1638	76	1928	72	2968	81	5999
» процентах	6,7	0,1	12,4	0,3	9,1	0,3	8,6	0,5	9,7	1,1

монополистического капитализма высокого уровня. Например, русская хлопчатобумажная промышленность характеризовалась не только высокой степенью концентрации, но и высокой степенью комбинирования производства. Так, в 1912 г. на прядильных фабриках было сосредоточено 34 960 рабочих и 2 202,5 тыс. веретён; на ткацких фабриках — 83 167 рабочих и 70 тыс. самоткацких станков, а на прядильно-ткацких фабриках — 154 646 рабочих, 4 076 тыс. веретён и 67,4 тыс. самоткацких станков; на ткацко-красильно-отделочных — 54 314 рабочих и 30,7 тыс. самоткацких станков; на прядильно-ткацко-красильно-отделочных фабриках — 128 042 рабочих, 2 309 тыс. веретён и 54,3 тыс. самоткацких станков¹. Всего на комбинированных предприятиях России было сосредоточено около 70 % всех ткацких станков и рабочих этой отрасли промышленности и свыше 70 % прядильных веретён. Такой степени комбинирования хлопчатобумажной промышленности не наблюдалось ни в одной капиталистической стране; лишь в США эта отрасль имела более высокую степень комбинирования прядения с ткачеством, но отделочное производство там комбинировано с другими производствами очень слабо.

Капиталисты ткацких предприятий, желая уничтожить зависимость от фабрикантов прядильных фабрик, создавали комбинированные предприятия. Устраняя некоторые издержки, в частности по транспорту пряжи и тканей, комбинированные хлопчатобумажные предприятия имели возможность получения более высокой прибыли по сравнению с некомбинирован-

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг. и 1914 г.», вып. VIII и IX, стр. 22—31.

* Исчислено по «Своду отчётов фабричных инспекторов за 1913 г.», стр. 88—89.

ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ в 1913 г. *
КОЛИЧЕСТВУ РАБОЧИХ)

От 101 до 200		От 201 до 400		От 401 до 500		От 501 до 1 000		Свѣ шѣ 1 000		Всего	
предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих	предприя- тий	рабочих
67	9997	80	23 019	45	20 501	83	59 993	171	439 657	834	566 137
8,0	1,8	9,6	4,1	5,4	3,6	10,0	10,6	20,5	77,6	100	100

ными: по приблизительному подсчёту, крупные комбинированные предприятия Московской и западной части Владимирской губернии приносили 15—20% на затраченный капитал, тогда как более мелкие ткацкие фабрики восточной части Владимирской губернии, работавшие на покупной пряже, — только 7—10%.

Несомненно, что на организацию крупных комбинатов наряду с другими причинами толкала и таможенная политика царского правительства, которое в неодинаковой степени покровительствовало в разное время отдельным производствам.

Концентрация производства особенно усиливалась после промышленных кризисов. «...Кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии»¹.

Особенно сильное влияние на процесс концентрации и возникновение монополий в России оказал кризис 1900—1903 гг., приведший к гибели множества мелких предприятий и возникновению крупнейших монополистических объединений.

Основные причины кризиса 1900—1903 гг. лежали в общих закономерностях капиталистического хозяйства и в первую очередь в основном противоречии капитализма, противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Кризис в России имел ряд специфических черт, обусловленных особенностями экономического и политического строя России. Одной из характерных особенностей этого кризиса

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 197.

является то, что он отличался значительной остротой и продолжительностью.

«Вот уже почти два года, — писал В. И. Ленин в августе 1901 г., — как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами»¹.

Эта острота кризиса была обусловлена в значительной степени голодовками крестьян.

«В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян»².

Промышленному кризису предшествовал денежный кризис: учётная ставка Государственного банка в конце 1899 г. поднялась до 7%, усилилось в конце года падение курса ценных бумаг, золотые резервы Государственного банка сократились.

Учреждение акционерных обществ резко уменьшилось. Если в 1899 г. было учреждено 325 акционерных обществ, то в 1902 г. — всего 78. Один за другим начинают терпеть крах банки.

По поводу банковых крахов В. И. Ленин писал:

«Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора — напр., над банками. Но никакой надзор не мешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 73.

² Там же, стр. 77.

с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис»¹.

Многочисленные банкротства, резкое падение курсовой стоимости акций и т. д. сопровождали кризис.

О степени падения стоимости бумаг 98 русских предприятий даёт представление следующая таблица:

КУРСОВАЯ СТОИМОСТЬ БУМАГ, КОТИРОВАВШИХСЯ
НА ПАРИЖСКОЙ И БРЮССЕЛЬСКОЙ БИРЖАХ
(в тыс. фр.)

	15 октяб- ря 1899 г.	15 октяб- ря 1901 г.	Падение (в %)
50 металлургических и механических обществ . . .	862 043	298 069	65
18 каменноугольных . . .	347 148	185 957	46
6 стекольных	17 987	3 632	79
7 газовых и электрических	36 820	13 140	64
8 строительных	8 794	3 092	65
8 различных	43 540	32 402	25
Всего . . .	1 316 332	536 292	59

Большое падение курсов бумаг было и на петербургской бирже. Если сравнить высшие курсы, до которых поднимались акции предприятий в 1899 г., с низшими курсами, в 1901 или 1902 гг., то окажется, что за время кризиса курсы акций пали: Путиловского завода — на 67,1%, Сормовского завода — на 74,0, Русско-Балтийского вагоностроительного завода — на 63,4, Брянского рельсопрокатного — на 86,5, Нефтяного производства Нобеля — на 39,7, Бакинского нефтяного общества — на 67,4, Самсониевской бумагопрядильни — на 50, Юго-Восточной железной дороги — на 52,6, С.-Петербургского учётного и ссудного банка — на 59,3, Русского для внешней торговли банка — на 45,9% и т. д.

Подводя итоги 1900 г., биржевая газета писала:

«Деловому миру истекший год принёс новые ограничения. Торгово-промышленный кризис постепенно обострился, достиг предела, который превзошёл опасения самых мрачных пессимистов. Резкое падение курсов разных ценных бумаг, банкротства, сокращение размеров производства на фабриках и заводах — таковы наиболее наглядные проявления этого кризиса. Перечисление банкротств только разных крупных предприятий

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 76—77,

могло бы составить своего рода весьма почтенных размеров мортиролог. Так, в Петербурге прекратили платежи известная фирма Паллизена с пассивом свыше 6 млн. руб., а также популярная банкирская контора Кузнецова и Никитина. На Волге ликвидировало дела старейшее пароходное общество «Зевека». В Лодзи оказалось несостоятельным акционерное общество мануфактуры Бари. В Варшаве покончило своё существование несколько фирм... Если ранее кризисы испытывала главным образом металлургическая промышленность, то в минувшем году он распространился почти на все отрасли.

Кризис привёл к сокращению рабочих во многих отраслях промышленности. В корреспонденциях, помещённых в газете «Искра», сообщалось о растущей безработице вследствие развёртывания промышленного кризиса.

«Безработица становится всё сильнее, и сведения о ней приходят отовсюду. В «Южном рабочем» (№ 3, ноябрь 1900 г.) пишут:

«В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах — везде сокращение работы, увольнение рабочих десятками и сотнями, — везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встаёт в рабочих посёлках... Заработная плата упала до последней степени... В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В Николаеве общее число уволенных доходит до 2 000 человек, в Мариуполе — до 600. В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе: некоторые заводы, как, например, вагонные мастерские Франко-Русского Общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами. Даже в железнодорожных мастерских работы сокращены более чем на половину, причём проектированная правительством постройка нового пути Екатеринославской дороги по случаю войны с Китаем отменена». В петербургском «Рабочем листке» (№ 4, декабрь 1900 г.) читаем: «Сотнями выгоняют наши «кормильцы» и «поилыцы» рабочих за ворота, на холод и голод. Как тени, ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтон и др... Зарботки почти на всех фабриках понижены на 20—30 проц. У Торнтон ткачи вырабатывают от 6—8 руб. в месяц, у Максвеля женщины — 3—4 руб., мужчины 8—11 руб., у Паля подёнщики получают 20 коп. в день и т. п.» Про Костромскую губернию и про Шуйско-Ивановский фабричный район газеты сообщают, что многие фабрики сократили про-

изводство и распустили половину или треть рабочих, а оставшимся убавили плату на 30 проц... Увеличиваются воровство и грабежи. Орехово-Зуево переполнено толпами пришлых из разных мест безработных, ютящихся по всевозможным конурам и страшно бедствующих в ожидании какого ни на есть заработка»¹.

Кризис жестоко ударял по русскому рабочему классу. Росла безработица во всех крупных промышленных пунктах России по мере усиления кризиса.

«Нижегородский листок» писал в феврале 1900 г., что «начавшийся осенью прошлого года промышленный кризис коснулся и Нижнего. Осенью усиленно сокращали штат рабочих на Сормовских заводах и на заводе Доброва и Набольца; сокращение это продолжалось до доброй половины зимы. Рассчитывали рабочих и на заводе Курбатова. К заводскому кризису присоединился ряд крахов в паровом мире, благодаря которым остались без работы целые группы судовых рабочих, как, например, масленщики, кочегары, слесаря и т. д. И рабочий люд вполне основательно и справедливо назвал нынешнюю зиму «тяжёлой»...»

«Орловский вестник» писал в конце апреля, что «положение рабочего населения г. Тулы становится всё более и более тягостным. Фабрики и заводы сокращают или вовсе приостанавливают свою деятельность, уменьшается точно так же спрос на рабочие руки; напротив, количество последних увеличивается. Многие рабочие давно уже перезаложили свои более или менее ценные вещи, даже кое-что и из домашнего скарба, чтобы только не остаться без хлеба...»

В Донецком районе с сентября по март прекратили платежи 18 бельгийских предприятий, преимущественно передельных. По сообщению газеты «Приднепровский край» (январь 1900 г.), «с прекращением работ на мариупольских заводах несколько тысяч рассчитанных рабочих за неимением заработка разошлись с заводов и увеличили собою толпу голодающего пролетариата».

Кризис привёл к снижению цен на многие промышленные товары. Так, в 1901 г. цены снизились по сравнению с предыдущим годом на миткаль, на каменный уголь, нефть, керосин, чугунное литьё, железо кровельное, медь, сахар и др. Из отраслей тяжёлой индустрии кризис особенно поразил чёрную металлургию, в результате чего выплавка металла снизилась в 1902 г. до 158,6 млн. пуд., а в 1903 г. — до 151,9 млн. пуд. против 179,1 млн. пуд. в 1900 г.

¹ «Искра» № 2, февраль 1901 г.

Уменьшилась в 1902—1903 гг. и добыча нефти. В результате кризиса масса предприятий (около 3 тыс.) прекратила свою деятельность и была ликвидирована. Это были преимущественно мелкие предприятия, после закрытия которых уровень концентрации промышленности повысился.

В конце 1903 г. промышленность начала выходить из кризиса, но цикл был нарушен начавшейся русско-японской войной. В 1905 г. имело место общее снижение промышленного производства, объясняемое политическими условиями; что же касается снижения производства в 1907—1908 гг., это была тяжелейшая депрессия, граничащая с кризисом. Результатом этой депрессии явилось резкое сокращение в ряде отраслей промышленности производства и числа рабочих.

Следующие данные показывают уменьшение числа рабочих на крупнейших предприятиях Петербурга с 1 января 1907 по 1 января 1908 г.:

Название предприятий	Состояло рабочих на 1 января 1907 г.	Состояло рабочих на 1 января 1908 г.	Число уволенных
Путиловский завод	10 950	7 000	3 950
Невский судостроительный и механический завод	5 000	3 500	1 500
Вагоностроительный завод	2 100	400	1 700
Металлический завод	2 000	1 700	300
Механический завод Нобеля	800	700	100
Машиностроительный завод Лесснера . .	600	400	200
Чугуно-труболитейный завод	460	300	160
Механический завод Копелль	400	280	120

В некоторых отраслях последствия кризиса ощущались сильно и в 1909 г.

«Особого упоминания заслуживает непрекращающийся кризис нашей металлургической промышленности, особенно той её части, которая зависит от железнодорожных и казённых заказов. Переживаемый этой промышленностью в течение последних лет кризис в истекшем году не обнаружил признаков улучшения. Крупные заводы, по преимуществу вагоностроительные и судостроительные, как Коломенский, Русско-Балтийский, Усть-Катавский, Гартмана, сокращали производство и число занятых рабочих. На Сормовском заводе число рабочих сокращено наполовину: с 10 тыс. до 5 тыс. человек. Но помимо уменьшения числа рабочих сокращалась и продолжи-

тельность работы. Вследствие недостатка работы, доносит окружный инспектор Поволжского округа, некоторые цехи Саратовского завода приостанавливались. Паровозные цехи не работали около 1½ месяца, полускатный — 1 месяц, ковочный — 5 месяцев, бандажный работал всего 3 месяца и то с перерывами, причём штат рабочих был далеко не полный...

Фактически, однако, работа производилась в течение 3 дней в неделю... Кроме того, целый ряд мелких железнотельных и переделочных заводов, главным образом в Саратовской, Пермской, Уфимской, Нижегородской, Московской губерниях, сократили своё производство или вовсе закрылись. Из изложенного нельзя не усмотреть, что застой в нашей металлургической промышленности с особенной остротой отражается в Северо-восточном районе, которому при общем стеснённом положении металлургического производства конкуренция с южными заводами становится особенно затруднительной»¹.

Таким образом, анализ ряда отраслей промышленности со всей очевидностью подтверждает наличие в России значительной концентрации промышленности. Товарищ Сталин писал, что была достигнута «небывалая концентрация русской промышленности накануне революции»².

На основе концентрации промышленности в России в конце XIX в. и особенно интенсивно в начале XX в. возникают монополистические объединения, так как «...концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо несколькими десятками гигантских предприятий легко придти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий»³.

Возникновение монополий является основным фактором, определяющим экономическую сторону империализма.

В. И. Ленин указывал, что «экономически основное в этом процессе (процесс перерастания капитализма в империализм. — П. Х.) есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»⁴.

Однако это отнюдь не означает ликвидации конкуренции и конкурентной борьбы. В. И. Ленин, развивая далее мысль, пишет: «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»⁵.

¹ «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.», Введение, стр. XI.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 127.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 185.

⁴ Там же, стр. 252.

⁵ Там же, стр. 253.

Более того, эта конкурентная борьба достигает исключительной остроты. Теперь борьба происходит между крупными трестами, синдикатами, концернами, монополизировавшими целые отрасли, ворочающими миллиардами; в этих условиях конкуренция принимает характер удущения «...монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»¹.

Возникновение монопольных объединений в отдельных отраслях промышленности в России относится ещё к 80-м годам XIX в. Одним из первых объединений был сахарный синдикат, организованный в 1887 г. Синдикат весьма быстро, в силу большой концентрации производства, начал охватывать эту отрасль промышленности: из 219 заводов в 1887/88 г. 171 завод, или 78%, участвовал в синдикате, а в 1892/93 г. из 224 заводов уже участвовали 203 завода, или 91%².

ДИНАМИКА ПРОДУКЦИИ, ЧИСЛА РАБОЧИХ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СВЕКЛОСАХАРНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ с 1899/1900 по 1914/15 г.³

Годы	Учётная продукция (в тыс. пуд.)	Число рабочих	Выработка на одного рабо- чего (в пуд.)
1899—1900	48 477	105 059	461,4
1900/01	49 240	106 360	463,0
1901/02	58 567	109 778	533,5
1902/03	64 257	109 095	589,0
1903/04	63 538	107 936	588,7
1904/05	52 115	110 302	472,5
1905/06	53 253	117 031	455,0
1906/07	78 106	119 283	654,8
1907/08	76 737	116 751	657,3
1908/09	68 934	114 369	602,7
1909/10	63 041	113 831	553,8
1910/11	114 885	117 001	982,0
1911/12	112 813	122 484	921,0
1912/13	75 422	124 452	606,0
1913/14	93 091	128 391	725,1
1914/15	105 084	107 199	930,3

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 194.

² См. П. П. Янжул, Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства, 1895, стр. 128 и 131.

³ См. «1905 г. Статистика производств, облагаемых акцизом», 1908, вып. II, стр. 134, 136; «1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом», 1917, ч. I, вып. II, стр. 3, 5.

Объём производства и производительность труда увеличивались в этой отрасли крайне неравномерно: за этот период годовой размер продукции снижался в отношении к предыдущему году много раз, точно так же и производительность труда. Динамика производительности труда находилась в прямом соответствии с динамикой объёма производства свеклосахарной промышленности: годы снижения объёма производства были годами снижения и производительности труда, и наоборот. Например, максимальное количество сахара в довоенной России было произведено в 1910/11 г., в этом же году имелся и максимальный за всё это время рост выработки сахара на одного рабочего. Общий циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявлялся и в этой отрасли промышленности. На многочисленные колебания объёма производства и производительности труда в сахарной промышленности влияло в известной степени и сельское хозяйство — количество собранной свёклы, её качество и т. д. Ввиду резких колебаний объёма производства и производительности труда в свеклосахарной промышленности России для сравнений в частности выработки рабочих необходимо брать данные за ряд лет.

При этом характерно заметить, что в конце XIX в. и в период империализма число лет со снижающейся производительностью труда относительно возросло. Это обстоятельство нельзя не поставить в связь с монополизацией сахарной про-

ВЫРАБОТКА САХАРА НА ОДНОГО РАБОЧЕГО
ПО РАЙОНАМ И В ЦЕЛОМ ПО РОССИИ (в пуд.)¹

Годы	Юго-Запад-ный	Централь-ный	Восточ-ный	Привис-лин-ский	Россия
1905/06	411	595	227	478	455
1906/07	679	770	429	497	655
1907/08	662	868	436	443	657
1908/09	631	753	282	428	603
1909/10	549	707	354	438	554
1910/11	1 008	1 331	627	567	982
1911/12	939	1 226	491	589	921
1912/13	541	809	329	606	606
1913/14	693	1 024	530	447	725
1914/15	882	1 274	637	—	980

¹ См. «1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом», 1917, ч. I, вып. II, стр. 6.

мышленности. Отрицательное влияние синдикатов на развитие сахарной промышленности сказалось уже в первый год возникновения сахарного синдиката в России — 1887 г.; благодаря искусственной недогрузке сахарной промышленности объём производства и производительность труда в 1887 г. сократились.

Следует отметить неравномерное развитие свеклосахарной промышленности в отдельных районах страны.

Наиболее высокую производительность труда имели в связи с бóльшим отработанным в течение года временем заводы, расположенные в центре страны.

Развитие рафинадного производства было несколько иное, чем свеклосахарного.

Авторы статистики производств, облагаемых акцизом, приводя выработку рабочих в рафинадном производстве за 10 лет, писали, что «повидимому успехов технических, сокращающих рабочий труд, здесь не заметно».

Производительность труда на сахарных заводах очень сильно зависела от размера предприятий.

На различных по размеру рафинадных заводах была следующая производительность труда:

ГОДОВАЯ ВЫРАБОТКА РАФИНАДА НА ОДНОГО
РАБОЧЕГО
НА КРУПНЫХ, СРЕДНИХ И МЕЛКИХ ЗАВОДАХ¹
(в пуд.)

На заводах с выработкой:	1895/96 г.	1896/97 г.	1897/98 г.
а) свыше 1 млн. пуд. .	1 844	1 985	2 111
б) от 500 тыс. пуд. до 1 млн. пуд.	1 717	1 589	1 628
в) до 500 тыс. пуд. . .	1 277	793	1 324

Таким образом, уровень годовой выработки рабочего был тем выше, чем крупнее сахарный завод.

Несмотря на значительный рост производительности труда в сахарной промышленности России, уровень производительности труда в ней далеко отставал от производительности труда в промышленности США и Германии. Годовая выработка сахара на одного рабочего в 1914/15 г. в России равнялась 980 пуд. (см. табл. на стр. 315), а в США рабочий в силу лучшей технической оснащённости сахарной промышленности, более высокой его квалификации и уровня реальной заработной платы вырабатывал в 1914 г. в несколько раз больше.

¹ См. «Статистика производств, облагаемых акцизом за 1899 г.», 1901, стр. 343.

Данные о количестве рабочей силы и мощности энергетического аппарата свеклосахарной промышленности России и США дают представление о том, насколько отставала в отношении энерговооружённости дореволюционная русская сахарная промышленность, что и являлось основной причиной низкой производительности труда.

В технической отсталости русской сахарной промышленности значительную роль сыграл и сахарный синдикат, который тормозил внедрение новой техники в эту отрасль промышленности.

Сахарозаводчики, получавшие специальные премии от царского правительства за экспорт сахара и сбывавшие продукцию на внутреннем рынке по высоким ценам, извлекая баснословные прибыли, были мало заинтересованы в техническом перевооружении своих предприятий, в результате чего технический уровень этой отрасли русской промышленности, как и всей промышленности в целом, был сравнительно низок.

В. И. Ленин писал в 1917 г., что «тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»¹.

Очень сильно увеличилась концентрация производства и образование монополий и в нефтяной промышленности. В 1909/10 г. только 16 фирм с добычей нефти свыше 10 млн. пудов каждая концентрировали в своих руках 55 % всех скважин и 66 % всей добычи нефти. В области же торговли керосином и нефтяными остатками господствующее положение занимали две фирмы — Т-во бр. Нобель и о-во «Мазут», сосредоточившие в своих руках 70 % всего отпуска керосина и почти всю торговлю нефтяными остатками.

Монополии в русской нефтяной промышленности, овладев внутренним рынком, имели большой удельный вес и на мировом рынке. «Керосиновый рынок мира — писал Ейдэльс в 1905 году — и теперь еще поделен между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом» (Standard Oil С-у) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожают, в течение вот уже нескольких лет, пятеро врагов»: 1) истощение американских источников нефти; 2) конкурционная фирма Манташева в Баку; 3) источники нефти в Австрии и 4) в Румынии; 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатейшие фирмы Самюэля и Шелля, связанные также с английским капиталом)»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 331.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 236.

Перед империалистической войной 1914—1918 гг. три монополистические организации — «Нобель», «Ройяль-Дэтч-Шелл» (англо-голландский трест) и Русское генеральное нефтяное общество концентрировали 86 % всех акционерных капиталов русской нефтяной промышленности и контролировали 60 % всей добычи нефти.

Нефтяная промышленность России, как мы уже отмечали, развивалась в последней трети XIX в. с исключительной быстротой. Так, в 1900 г. добыча нефти в России превосходила добычу её в США на 2 млн. т. Совершенно иную картину мы наблюдаем в этой отрасли промышленности в годы империализма. Объём производства и производительность труда не только не увеличивались, но, за исключением нескольких лет, снижались.

Широкая монополизация нефтяной промышленности России и большая роль в ней иностранного капитала явились важнейшими причинами падения добычи нефти и производительности труда в этой отрасли в эпоху монополистического капитализма. Нефтепромышленники в условиях получения монопольных цен мало внимания обращали на технический прогресс производства, часто умышленно сокращали добычу нефти в стране, хищнически эксплуатируя нефтяные месторождения.

Наличие дешёвой рабочей силы не содействовало быстрому развитию техники в русской нефтедобывающей промышленности. Синдикатское движение, сдерживая производство, тормозило рост техники и производительности труда. Так, в Баку, на который приходилась подавляющая часть всей добываемой нефти в России, динамика добычи нефти на одного рабочего была следующей (см. табл. на стр. 319).

Таким образом, добыча нефти почти систематически снижалась в Бакинском районе, как и по всей стране. Максимальное количество нефти в дореволюционной России было добыто в 1901 г., когда общая добыча составила 706,3 млн. пуд. В 1902 г. добыча нефти в связи с промышленным кризисом снизилась до 670,5 млн. пуд., а в 1903 г. — до 630,2 млн. пуд.¹ В. И. Ленин в связи с этим писал: «В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 млн. пуд. нефтяных продуктов на сумму 53½ млн. руб., а в 1900 г. уже 192 млн. пуд. на сумму 72 млн. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на 18½ млн. руб.! Такое «одно предприятие» держится объеди-

¹ См. «Народное хозяйство в 1913 г.», 1914, стр. 337—338.

ДИНАМИКА ДОБЫЧИ НЕФТИ, ЧИСЛА РАБОЧИХ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В НЕФТЯНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ БАКУ с 1902 по 1917 г.

Годы	Добыча нефти в стране (в млн. пуд.)	Добыча нефти на 5 главных площадах (в млн. пуд.)	Число ра- бочих на 5 главных площадах	Добыча нефти на одного рабочего в год (в тыс. пуд.)
1902	670,5	637,7	21 815	29,2
1903	630,2	598,2	23 435	25,5
1904	656,4	616,8	24 449	25,2
1905	455,9	410,0	28 502	14,4
1906	491,3	450,6	26 178	17,2
1907	523,7	474,0	33 993	14,0
1908	528,6	463,3	26 241	17,6
1909	563,3	492,0	22 887	21,5
1910	588,4	488,7	22 970	21,3
1911	558,6	444,9	21 579	20,6
1912	569,3	450,4	22 467	20,0
1913	561,3	430,0	26 285	16,4
1914	543,4	389,3	26 295	14,8
1915	572,5	403,0	27 152	14,8
1916	593,6	426,2	28 529	14,9
1917	500,5	358,8	28 209	12,7

ненным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добычей нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Т-во Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 млн. руб., а в 1900 г. — 6 млн. руб., из которых акционеры получили по 1 300 руб. на пай в 5 000 руб., а пять членов правления получили награды 528 000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросаются в бешеную гонку для

¹ См. «Народное хозяйство в 1913 г.», 1914, стр. 337—338; «Народное хозяйство в 1915 г.», 1918, стр. 276; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 75, 77, 78; К. А. Пажитнов, Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности, 1940, стр. 139, 162.

захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?»¹

Промышленный подъём, начавшийся в России после 1908 г., привёл и к небольшому увеличению добычи нефти: в 1909 г. — 563,3 млн. пуд. и в 1910 г. — 588,4 млн. пуд.²

И. В. Сталин в статье «Письма с Кавказа», опубликованной в 1910 г., писал: «Добыча нефти в этом году повысилась до 500 миллионов пудов — цифра, до которой не доходила добыча ни одного из последних четырёх годов (в прошлом году 467 млн. пудов). Благодаря увеличению спроса на жидкое топливо со стороны центрально-промышленного района и переходу с донецкого угля на нефть Юго-Восточной, Рязанско-Уральской и Московско-Казанской железных дорог, вывоз нефти в этом году значительно обогнал вывоз прошлого года. Цены на нефть, вопреки воплям нефтепромышленников, не падают, а остаются старые, ибо средняя цена за год получается та же, что и в прошлом году (21 копейка). А благословенные скважины то и дело разражаются фонтанами, награждая нефтепромышленников дождём нефти»³.

Почти систематическому падению добычи нефти в России в годы монополистического капитализма соответствовало и снижение производительности труда в этой отрасли вследствие медленного технического прогресса.

Незначительное повышение производительности труда в 1909 и 1910 гг. сменилось дальнейшим снижением её в последующие годы, несмотря на увеличение энерговооружённости труда в нефтяной промышленности (в 1911 г. она располагала, при 34,1 тыс. рабочих, машинами в 147,6 тыс. л. с., или больше 4 л. с. на рабочего против 2,3 л. с. в 1900 г. и 0,81 л. с. в 1883 г.)⁴. Можно себе представить, какое падение производительности труда было бы в нефтяной промышленности, если бы относительному ухудшению естественных условий (увеличение глубин скважин, падение доли фонтанной нефти и т. д.) не противостоял рост механических сил, приходящихся на одного рабочего. Увеличение глубины скважины требует в условиях неизменной или слабо развивающейся техники дополнительных затрат труда на единицу продукции. Глубина скважин в Баку за эти 15 лет возросла с 145,8 саж. в 1902 г. до 184 саж. в 1917 г., а в Грозном — с 192 саж. до 269,3 саж. (1913 г.); доля

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 75.

² См. «Народное хозяйство в 1913 г.», 1914, стр. 337—338; «Народное хозяйство в 1915 г.», 1918, стр. 276; «Народное хозяйство в 1916 г.», 1922, вып. VII, стр. 75, 77, 78.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 174—175.

⁴ См. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности за 1911 г.», стр. 528—529.

фонтанной нефти значительно снизилась. Результатом медленного технического прогресса, ухудшения естественных условий и широкой монополизации отрасли было систематическое падение производительности труда. Экономия труда, связанная с техническим прогрессом, не перекрывала дополнительных затрат труда, вызываемых в частности ухудшением естественных условий нефтяной промышленности России. При быстром развитии техники технический прогресс, как показывает опыт Америки в тот период, преодолевал отрицательное влияние на производительность труда в нефтяной индустрии, оказываемое ухудшением естественных условий. В США в связи с огромным ростом энерговооруженности труда динамика годовой выработки на одного рабочего нефтяной промышленности была следующей: в 1870 г. — 7,3 тыс. пуд., в 1880 г. — 17,4 тыс., в 1902 г. — 38,6 тыс. пуд. В результате быстрого технического прогресса производительность труда в нефтяной промышленности США была значительно выше, чем в России, в то время как в последней четверти XIX в. имелось обратное соотношение уровней производительности труда в этих двух странах.

Общая динамика производительности труда в Бакинском районе была следующей:

Годы	Добыча нефти на одного человека (в т)		Затрата труда на добычу 1 т нефти	
	в год	в день	в днях	в часах
1889	741,0	2,1	0,5	6
1903	418,0	1,2	0,8	9
1913	267,2	0,8	1,2	11

Максимальный уровень производительности труда в довоенной русской нефтяной промышленности был достигнут в конце 80-х годов XIX в. В период монополистического капитализма производительность труда в нефтяной промышленности снизилась, в результате чего годовая добыча нефти одним рабочим в 1913 г. была почти в 3 раза ниже, чем в 1889 г.

Первые попытки организации синдиката в каменноугольной промышленности России относятся к концу 90-х годов XIX в. Именно в этот период возникает монополия в Домбровском каменноугольном бассейне, результатом деятельности которых явился угольный голод в Варшаве в 1898 г. Как и в других отраслях промышленности, кризис в начале XX в.

усилил концентрацию и монополизацию каменноугольной промышленности. Концентрация каменноугольной промышленности достигла такой степени, что крупные угольные предприятия с добычей свыше 5 млн. т давали в 1913 г. свыше 85% общей добычи угля в Донбассе, предприятия с добычей от 1 до 5 млн. — около 10%, а на меньшие предприятия приходилось всего лишь несколько процентов продукции. В 1904 г. был организован синдикат «Продуголь», в значительной степени подчинённый французскому капиталу и охвативший до 75% продукции угольных копей Донецкого бассейна; далее возникают другие синдикаты в угольной промышленности — Черемховский, Забайкальский. «Продуголь», монополизировав в значительной степени внутренний рынок, начал повышать цены на уголь, не останавливаясь в достижении этой цели ни перед сокращением производства и организацией угольного голода в стране, ни перед удушением своих конкурентов и т. п. Монополии, устанавливая высокие внутренние цены на уголь, мало внимания уделяли техническому прогрессу в каменноугольной промышленности, использованию производственных мощностей каменноугольной промышленности и росту производительности труда.

Хотя добыча каменного угля в России возросла с 1 млрд. пуд. в 1901 г. до 2 млрд. пуд. с лишком в 1913 г., технический уровень каменноугольной промышленности развивался слабо, в результате чего выработка рабочих в каменноугольной промышленности России не только не повысилась, но даже снизилась за годы монополистического капитализма. С 1905 г. в области производительности труда в этой отрасли наблюдалось застойное положение; характерно, что именно в эти годы особенно сильно развивалась монополизация угольной промышленности.

Имело место значительное недоиспользование производственных мощностей каменноугольной промышленности. Так, фактическая добыча угля в 1913 г. в акционерном обществе Брянских каменноугольных копей составила 32,93 млн. пуд. при возможной добыче в 59,5 млн.; в Екатерининском горно-промышленном акционерном обществе фактическая добыча составила 57,86 млн. пуд., а возможная — 70 млн.; в Южно-русском каменноугольном акционерном обществе — соответственно 61 и 81 млн. пуд.; во Франко-русском акционерном обществе Берестов — Крымск — 26,77 и 38,5 млн. пуд.; в акционерном обществе Государево-Байрацких копей — 16,81 и 26 млн. пуд.

В результате медленного развития каменноугольной промышленности внутреннее производство перед первой мировой войной удовлетворяло меньший процент потребности в угле,

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И В ОТДЕЛЬНЫХ БАСЕЙНАХ с 1900 по 1911 г.¹

Годовая выработка на одного рабочего (занятого в копях и на поверхности)												
Годы	Россия		В том числе							Сибирь	Домбровский бассейн	
			Подмосковный бассейн	Южный бассейн	Урал							
	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)	в тыс. пуд.	(1884 г. = 100)
1899	10,0	115,0	7,3	110,6	8,8	120,6	6,6	143,5	4,8	141,2	17,5	129,6
1900	9,0	103,5	7,7	116,7	7,9	108,2	7,1	154,4	7,6	223,5	15,9	117,8
1901	8,5	97,7	7,0	106,1	7,6	104,1	8,1	176,1	6,9	202,3	14,3	105,9
1902	9,5	109,2	6,3	95,5	8,6	117,8	8,4	182,6	8,7	255,9	14,1	104,5
1903	10,3	118,4	6,4	97,0	9,4	128,8	7,9	171,7	8,2	241,2	15,6	115,6
1904	10,2	117,2	7,1	107,6	9,5	130,1	7,9	171,7	8,4	247,1	14,2	105,2
1905	9,5	109,2	5,5	83,3	9,3	127,4	7,1	154,4	9,2	270,6	11,5	85,2
1906	9,1	104,6	8,3	125,8	8,3	113,7	7,7	167,4	9,3	273,5	13,7	101,5
1907	9,6	110,4	7,5	113,6	9,2	126,0	7,0	152,2	7,3	214,7	13,9	103,0
1908	9,1	104,6	8,3	125,8	8,2	112,3	7,1	154,4	13,6	400,0	13,5	100,0
1909	9,7	111,5	6,0	90,9	8,4	115,1	7,8	169,6	13,3	391,2	13,6	100,7
1910	9,5	109,2	7,9	119,7	8,5	116,4	8,7	189,1	11,7	344,1	13,9	103,0
1911	9,6	110,4	6,1	92,4	8,8	120,6	8,0	173,9	9,6	282,4	13,2	112,6

¹ Исчислено по «Сборникам статистических сведений о горнозаводской промышленности России» за соответствующие годы.

чем это было в начале 900-х годов; другими словами, доля импортного угля в потреблении его Россией увеличилась.

Развитие каменноугольной промышленности было весьма неравномерным не только по годам, но и по отдельным бассейнам. Донбасс в 1864 г. давал лишь 28,5%, а в 1913 г. — 70,3% добываемого угля в стране.

Донецкий бассейн занял по причине внедрения более передовой техники, отсутствия замкнутости и дореформенных порядков, тормозивших развитие индустрии на Урале, положение первой угольной базы России. Правда, рост добычи угля и здесь не был систематическим; циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявлялся в изменении объёма производства — годы подъёма сменялись годами кризисов, застоя и т. д. Динамика ежегодной добычи угля не всегда совпадала с динамикой производительности труда; последняя росла и в каменноугольной промышленности южного бассейна страны крайне неравномерно.

В каменноугольной промышленности России, как и вообще в добывающих отраслях, огромную роль играл низкооплачиваемый неквалифицированный и малоквалифицированный труд, эксплуатация которого сильно тормозила внедрение новой техники и рост производительности труда в каменноугольной промышленности.

Дореволюционная русская каменноугольная промышленность при слабой её механизации в некоторые годы своего подъёма испытывала недостаток рабочих. В «Обзоре горной промышленности» писали, что «обычным тормозом, задерживающим надлежащее развитие донецкой каменноугольной промышленности, является недостаток рабочих». В этом не было ничего особенного, ибо труд шахтёра, самый тяжёлый, оплачивался в дореволюционной России плохо; материальный уровень его жизни был низок. Даже министр финансов, говоря о недостатке рабочей силы в Донбассе в 1912 г., признавал, что «до настоящего времени в Донецком бассейне не представилось возможности создать для рабочих достаточно удобные условия жизни и обеспечить рудники постоянным контингентом рабочих...»¹

Подавляющая часть рабочих Донецкого бассейна являлась пришлым элементом, возвращавшимся домой на летние сельские работы, причём этот отлив рабочих проявлялся особенно сильно в годы высоких урожаев. Особенно большую нужду

---

¹ См. «Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 г.», 1913, ч. II, стр. 24, 65.

шахтёры испытывали в жилище. Плохие условия жизни рабочих дополнились в годы войны снижением заработной платы, ухудшением питания и т. д. Всё это сказалось на кривой производительности труда, уровень которой в каменноугольной промышленности Донбасса составил в 1917 г. меньше 60 % от уровня 1913 г. Несмотря на значительное увеличение числа рабочих в каменноугольной промышленности Донбасса (с 168 тыс. в 1913 г. до 280 тыс. в 1917 г.), в силу резкого падения производительности труда добыча угля снизилась.

Уровень производительности труда в каменноугольной промышленности России был значительно ниже уровня производительности труда более развитых капиталистических государств.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В КАМЕННО-
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ,
США, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В 1913 г.

(годовая добыча угля на одного
рабочего в т)

США (битуминозный уголь)	759
Великобритания	264
Германия	287
Франция	203
Россия (Донбасс)	153

Ещё больше было отставание России по производству каменного угля на душу населения.

Такова была степень отставания каменноугольной промышленности России от наиболее развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран.

Не меньшая отсталость свойственна была и другой отрасли тяжёлой индустрии — металлургической. Производство чугуна в России и процесс концентрации металлургической промышленности развивались относительно быстро, в особенности в 90-х годах. Однако дальнейшее развитие этой отрасли промышленности было замедленным (за исключением периода 1909—1913 гг.), что усиливало отставание России от ряда развитых капиталистических стран. Достаточно сказать, что выплавка чугуна в России, равная в 1900 г. 179,1 млн. пуд., в 1913 г. достигла лишь 283 млн. пуд. В отсталости металлургической промышленности России немалую роль сыграли монополистические объединения («Продамет», «Кровля», «Гвоздь» и др.), в значительной степени подчинившие себе внутренний рынок России после кризиса 1900—1903 гг.

Степень монополизации рынка, например «Продаметом», видна из того, что этот синдикат в 1912 г. реализовал 81% сортового железа, 78% листового и универсального железа от общей продажи этих товаров в России¹.

Слабый технический прогресс, недоиспользование производственных возможностей тормозили рост металлургической промышленности. Производственная способность металлургических заводов в 1903 г. была использована лишь на 53%, в 1904 г. — на 61, в 1908 г. — на 54, в 1911 г. — на 63, в 1912 г. — на 71%.

Слабое развитие чёрной металлургии выражалось также в недостаточно быстрых темпах роста производительности труда в этой отрасли.

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА И ВЫРАБОТКА НА ОДНОГО РАБОЧЕГО²

Годы	Выплавка чугуна в России (в млн. пуд.)	Выплавка чугуна на одного рабочего в год (в тыс. пуд.)
1900	179,1	6,9
1904	181,4	9,0
1905	166,8	7,7
1906	166,0	7,9
1907	172,1	7,9
1908	172,4	8,1
1909	176,8	8,9
1910	185,8	10,8
1911	219,4	10,4
1912	256,3	11,7
1913	283,0	12,5

Выплавка чугуна на одного рабочего резко увеличилась в 1904 г., в последующие же годы депрессии производительность понизилась; промышленный подъём означал и более быстрое (за исключением 1911 г.) повышение производительности труда в чёрной металлургии России.

¹ См. «Статистический ежегодник на 1914 г.», 1914, стр. 181.

² Ежегодные сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России; «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915, стр. 208.

В результате относительно быстрого роста производительности труда в чёрной металлургии в конце XIX и в течение XX столетия уровень её в 1913 г. был выше уровня первых лет после крестьянской реформы почти в 4,5 раза; в 1863 г. выработка условного чугуна на одного рабочего за год равнялась 21,7 т, а в 1913 г. — 96,2 т. Характерно, что повышение производительности в чёрной металлургии было больше, чем рост энерговооружённости рабочих, в то время как в добывающих отраслях наблюдалось обратное соотношение.

Рост производительности труда был связан с ростом органического состава капитала, с возрастающей механизацией производства, с внедрением передовой технологии в эту отрасль промышленности. Горячее доменное дутьё, плавка чугуна на минеральном топливе, бессемеровские и томасовские конверторы, мартеновские печи и т. д. — вот неполный перечень технических достижений, внедрённых в русскую чёрную металлургию и оказавших огромное влияние на динамику производительности труда в сторону её повышения. В чёрной металлургии зависимость уровня производительности труда от степени концентрации производства очень большая. На протяжении всего рассматриваемого периода размер агрегатов — доменных, мартеновских печей и т. п. — увеличивался; в результате производительность труда росла в чёрной металлургии хотя и не систематически, но всё же относительно быстро. Но в царской России темпы роста производительности труда в чёрной металлургии были далеко не достаточными, чтобы ликвидировать отставание этой отрасли в области производительности труда от передовых капиталистических стран.

Страны	Годовая выплавка чугуна на одного рабочего в год (в т)
Россия	205
Франция	239
Англия	356
Германия	404
США	811

Таким образом, уровень производительности труда в металлургической промышленности России был перед первой мировой войной почти в 4 раза ниже, чем в США, почти в 2 раза ниже, чем в Германии и в Англии, и несколько ниже, чем во Франции.

Во время первой мировой войны производство чугуна, как и вся продукция чёрной металлургии, снизилось; небольшое

увеличение его в 1916 г. было так незначительно, что всё же производство в этом году не достигало довоенного уровня.

Господство монополий сказывалось не только в перечисленных отраслях. Не было ни одной отрасли крупной промышленности, в которой монополии не получили бы развития: в рудной промышленности действовал синдикат «Продаруд», в отрасли, производившей вагоны, — синдикат «Продвагон», синдикат паровозостроительных заводов, рельсовый синдикат, монополии в табачной, спичечной, пищевой промышленности, в частности в соледобытии, в строительной, в текстильной промышленности, на транспорте и т. д. К началу 1913 г. имелось в России 82 синдиката и различных соглашений синдикатского характера.

В текстильной промышленности временные монополистические объединения отмечались в 90-х годах, в XX же столетии монополии и в этой отрасли стали важнейшим явлением хозяйственной жизни.

В 1901 г. образовался синдикат джутовых фабрик, объединивший 12 предприятий и централизовавший продажу производимых этими фабриками товаров по ценам, установленным синдикатом. К этому же примерно времени относится возникновение синдиката петербургских фабрикантов полотна. Этот синдикат вступил в тесную связь с польскими фабрикантами. В 1903 г. состоялось соглашение Невской ниточной фабрики с английским ниточным трестом, которое вскоре привело к установлению почти полного господства этого международного синдиката на русском внутреннем рынке.

После русско-японской войны и первой русской революции процесс развития монополий в русской промышленности, в частности в текстильной, значительно усилился.

Монополии преследовали прежде всего задачу повышения цен на ткани внутри страны. В результате возникновения монополий в хлопчатобумажной промышленности центрального района цена ситца в 1907 г. повысилась до 14½ коп. за аршин против 11 коп. в 1904 г. На собрании крупных текстильных фабрикантов Московского промышленного района, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. 18 мая 1908 г. было принято решение поддерживать прежнее повышение цен на ситец (несмотря на удешевление хлопка в этом сезоне), в то время как некоторые «дикие» фабриканты смогли понизить цены на ситец от 10 до 20%.

В 1913 г. три крупнейшие в Московском районе текстильные фирмы (товарищество Даниловской мануфактуры, товарищество Коншина и товарищество Гюбнера) создали синдикат «Товарищество для внутренней и вывозной торговли». Этот синдикат, поставивший себе целью регулирование усло-

вий производства и сбыта как на внутренних, так и на внешних рынках, объединил в своих руках более половины производства ситцев московских фабрик.

В 1913 г. происходили совещания хлопчатобумажных фабрикантов, после чего организовалось «Общество хлопчатобумажных фабрикантов», ставившее задачей регулирование производства хлопчатобумажных тканей и торговли в центральном районе и охватившее почти 50% предприятий этой отрасли промышленности.

Монополизация хлопчатобумажной промышленности преследовала наряду с повышением цен внутри страны также задачу усиления экспорта тканей. В атмосфере борьбы за внешние рынки и возникали некоторые синдикаты в текстильной промышленности. Сверхприбыль, вырученная внутри страны, должна была компенсировать потери от реализации товаров по низким ценам на внешних рынках с целью их завоевания. В предвоенные годы около 90% вывозимых из России хлопчатобумажных тканей направлялось в азиатские страны — Иран, Китай, Монголию, Афганистан, Турцию и др.¹ Наибольшая часть тканей экспортировалась из России в Персию, рынок которой в отличие от турецкого был сильно подчинён российской буржуазией, которая в конкурентной борьбе с Англией оттеснила на второе место ввоз хлопчатобумажных тканей из Англии. В целом же русский капитализм не добился большого расширения экспорта хлопчатобумажных тканей. Так, вывоз тканей из России (в процентах к их производству) составлял в 1902 г. около 3,5, в 1912 г. — около 4,8².

Монополистическая стадия капитализма характеризуется особо острой борьбой за источники сырья вообще и для хлопчатобумажной промышленности в частности. В эти годы хлопчатобумажная промышленность России сильно увеличила производство хлопка внутри страны.

Если в 1890 г. русский хлопок составлял 23,8% от всего переработанного за год хлопка, а в 1900 г. — 38,2%, то в 1910 г. он уже составлял 50,9%. Это, конечно, очень усиливало хлопчатобумажную промышленность России в международной

¹ О русской торговле на Востоке см. *Н. Кротков*, Русская мануфактура и её конкуренты на китайском рынке, 1914; *Н. Шавров*, Внешняя торговля Персии и участие в ней России, 1913; *А. Субботин*, Россия и Англия на среднеазиатских рынках, 1887; *Р. Бакулин*, Очерки торговли с Персией, 1875.

² Исчислено по книгам: «Обзор внешней торговли России за 1912 г.», ч. I, 1913, стр. 8—9; «Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 г.», ч. II, 1915, стр. 68; «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг.», 1911, стр. 2.

конкурентной борьбе. Если английские капиталисты всячески развивали производство хлопка в Египте, то русские капиталисты — в Туркестане. Именно «...таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут прийти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках»¹.

Однако, несмотря на рост хлопководства внутри страны, роль импортного хлопка в промышленности России оставалась ещё высокой. Хлопчатобумажная промышленность России испытывала большие затруднения с хлопком, когда подвоз его из США с начала войны 1914 г. усложнился и цены на хлопок повысились. Ввоз заграничного хлопка в Россию в 1914—1915 гг. уменьшился против предыдущего года почти вдвое.

Развитие хлопчатобумажной промышленности в эпоху империализма проходило медленнее, чем в 90-х годах. За 1890—1900 гг. число веретён в хлопчатобумажной промышленности увеличилось на 92,2%, ткацких станков — на 73,6, производство пряжи — на 97,5, производство суровья — на 75,4, а за 1900—1910 гг. увеличение соответственно составило 25; 41,1; 38,4 и 45,7%.

Производственный аппарат хлопчатобумажной промышленности России в XX в. увеличивался в среднем ежегодно уже только на 160 тыс. веретён против 220 тыс. за предшествующий период; ежегодное увеличение числа ткацких станков, составлявшее за 1890—1900 гг. около 6 400, снизилось за 1900—1910 гг. до 6 200. Более медленное увеличение оборудования в прядильном производстве по сравнению с ткацким следует объяснить тем, что в эти годы в прядильное производство внедрялись новые ватерные машины, более производительные, чем сельфакторы; число последних в первые годы этого десятилетия даже снижается, в то время как число ватерных веретён интенсивно растёт. В результате значительного внедрения ватеров продукция на один веретёно-час в 1910 г. была на 5%, а на станко-час лишь на 3,2% больше, чем в 1900 г.

Под влиянием кризиса начала XX в. концентрация и монополизация текстильной промышленности усилились. В результате закрытия ряда предприятий и неполной работы объём производства промышленности за 1900—1903 гг. снизился. На улицу было выброшено несколько десятков тысяч рабочих, заработная плата сократилась. Хлопчатобумажную промышлен-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 249.

ность, опирающуюся главным образом на крестьянский рынок, кризис захватил в меньшей степени, чем отрасли тяжёлой промышленности, например металлургическую. Торгово-промышленный кризис в хлопчатобумажной отрасли сказался в затруднениях с реализацией тканей и в некотором снижении объёма переработанного хлопка в 1900 г.

В 1901 г. количество изготовленной пряжи и переработанного хлопка в отношении к предыдущему году увеличилось соответственно лишь на 0,4% и 0,7%. В 1902 г. хлопчатобумажная промышленность показывает уже большое увеличение объёма производства, не повторявшееся в последующие годы вплоть до 1906 г.

В первый год русской революции 1905—1907 гг. производство хлопчатобумажной промышленности в связи с политическими событиями сократилось почти на 10%. В 1905 г. бастовало значительное число текстильщиков. Особенно выделялась стачка иваново-вознесенских рабочих, руководимая Северным комитетом большевиков, длившаяся около двух с половиной месяцев. Эта стачка «...показала образец мужества, стойкости, выдержки, солидарности рабочего класса. Она послужила настоящей школой политического воспитания иваново-вознесенских рабочих»¹.

1906, 1907 и 1908 годы характеризуются значительным ростом производства хлопчатобумажной пряжи и тканей, который, замедлившись в 1909 г. (когда, между прочим, имело место снижение цен на пряжу и миткаль), продолжался, правда с меньшей силой, и в 1910—1913 гг. Увеличение хлопчатобумажного производства находилось в связи с общим промышленным подъёмом в России. Рост хлопчатобумажного производства подтверждается следующими данными.

Изготовлено было пряжи в 1911 г. 21 млн. пуд., в 1912 г. — 22 млн., в 1913 г. — 22,7 млн. пуд.; соответственно произведено было суровья — 18 500 тыс., 19 019 тыс. и 19 589 тыс. пуд.² Наряду с ростом продукции наблюдалось расширение и основного капитала хлопчатобумажной промышленности. В 1911 г. насчитывалось 8 672 тыс. веретён, в 1912 г. — 8 800 тыс., в 1913 г. — 8 950 тыс. и в 1914 г. — 9 112 тыс.³, что означало увеличение в 1912 г. — на 128 тыс., в 1913 г. — на 150 тыс. и в 1914 г. — на 162 тыс. веретён. Анализ данных, характеризующих обновление основного капитала и рост продукции в хлопчатобумажной промышленности России, показывает, что эта

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 57.

² См. «Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 г.», ч. II, 1915, стр. 67—68.

³ См. там же, стр. 66.

отрасль индустрии развивалась наиболее быстрыми темпами в период промышленного подъема 90-х годов.

Темп роста хлопчатобумажной промышленности России в XX в. примерно соответствовал темпу роста хлопчатобумажной промышленности США и Германии; однако уровень производительности труда в этой отрасли в предвоенные годы был значительно ниже у нас, чем в США и Англии.

Уровень производительности труда в русской хлопчатобумажной промышленности перед войной был почти в 2 раза ниже, чем в Англии, ещё большее отставание производительности труда в России было по сравнению с США.

В хлопчатобумажной промышленности США в 1914 г. было произведено 5 695 млн. м ткани (весом около 49 млн. пуд.) и около 55 млн. пуд. пряжи при 393,4 тыс. рабочих¹. В русской промышленности в 1913 г. было произведено 22,7 млн. пуд. пряжи и 19,6 млн. пуд. суровых тканей при большей численности рабочих.

Годовая выработка рабочего в хлопчатобумажной промышленности России накануне войны была, следовательно, раза в 4 ниже, чем в США.

Первая мировая война, подорвав производительные силы всего народного хозяйства России, не могла не повлиять отрицательным образом и на состояние хлопчатобумажной промышленности. Объем производства и производительность труда во многих отраслях промышленности с начала войны систематически падали. Следующая таблица характеризует движение основных показателей хлопчатобумажной промышленности России за период 1913—1917 гг.:

ДИНАМИКА ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ за 1913 — 1917 гг.²

Годы	Количество рабочих (в тыс.)	Валовая продукция (в тыс. довоен. руб.)	Выработка на одного рабочего в год	
			в руб.	в %
1913	475,5	1 042 857,9	2 193	100,0
1914	473,3	1 017 547,6	2 150	98,0
1915	467,9	999 825,9	2 137	97,4
1916	454,6	843 867,2	1 856	84,6
1917	463,3	566 796,9	1 223	55,8

¹ См. Census of U. S. Manufactures, 1919, 1923, стр. 160, 169, 172.

² «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, вып. 1 и 2, М. 1926, отдел I, таблицы, стр. 410.

Объём производства хлопчатобумажной промышленности в 1917 г. уменьшился против 1913 г. почти в 2 раза, производительность труда также резко снизилась. Уменьшение объёма отдельных производств не было при этом равномерным. Наибольшее падение произошло в ткацком и ситценабивном производствах, а производство ваты, например, за время войны систематически увеличивалось.

Во время первой мировой войны снижение производительности труда в промышленности, как и во всём народном хозяйстве, явилось следствием дезорганизации производства, расстройств транспорта, нехватки топлива, сырья и прежде всего следствием подрыва главнейшего фактора производства — рабочей силы. Военные мобилизации вызвали замену квалифицированной части рабочих неквалифицированной, в частности увеличилось применение женского и детского труда.

Так, в хлопчатобумажной промышленности на непрерывно действовавших одних и тех же предприятиях за время войны произошли следующие изменения в составе рабочих: среднее суточное число рабочих-мужчин с малолетними и подростками уменьшилось со 188 тыс. в 1913 г. до 135 тыс. в 1917 г., в то время как число женщин тоже с малолетними и подростками возросло с 230 тыс. до 265 тыс. Число малолетних рабочих увеличилось за это время больше чем в 2 раза. Повышение роли необученного женского и малолетнего труда обусловило падение среднего уровня квалификации рабочих во время войны.

В период первой мировой войны усилилась эксплуатация дешёвой рабочей силы женщин и детей, что было одной из причин особенно высоких прибылей, получаемых текстильными фабрикантами во время войны. По подсчётам официального «Вестника финансов», только по 142 наиболее важным текстильным предприятиям прибыль капиталистов возросла с 68 млн. руб. в 1912 г. до 174 млн. руб. в 1915 г.¹

На производительность труда оказало особенно отрицательное влияние ухудшение питания рабочих, которое и до войны было далеко не удовлетворительным. Так, семейный текстильный рабочий в Серее в 1910 г. потреблял в сутки: белков — 82,58 г, жиров — 38,56 г и углеводов — 564,5 г; богородский текстильщик в 1909 г. — 73,43 г белков, 54,93 г жиров и 504,79 г углеводов; петербургский семейный текстильщик в 1908 г. — 111,53 г белков, 52,88 г жиров и 562,39 г углеводов.

Несмотря на то что посевная площадь хлопка и объём хлопчатобумажного производства резко уменьшились лишь

¹ См «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 21, 1917, стр. 292.

в 1917 г., разрушение этой отрасли началось значительно раньше. Уже с начала первой мировой войны подрывались все элементы производственного процесса отрасли: труд, оборудование, сырьевое и топливное хозяйство.

Помимо ненормальной эксплуатации оборудования текстильных предприятий, а также ненормального его восстановления и ремонта (последний, между прочим, основывался в известной степени на получении из-за границы запасных частей) основной капитал хлопчатобумажной промышленности за годы войны подвергся частично и прямому физическому разрушению. За период войны имело место уменьшение числа станков и веретён в хлопчатобумажной промышленности России¹.

Кроме того, под влиянием снижения квалификационного уровня рабочих хлопчатобумажных предприятий и недостаточного восстановления и ремонта оборудования текстильных фабрик использование оборудования с начала войны систематически снижалось. Коэффициент полезного действия ткацких станков по отношению к 1913 г. (принятому за 100) на Тверской мануфактуре на станках, вырабатывавших демикотон и одежные ткани, снизился в 1917 г. до 81,2 и 81,8, на Рябовской — до 81 (жаккардовые ткани)². В среднем понижение использования ткацких станков к 1917 г. составило около 20%.

Выше мы видели, что годовая выработка на одного рабочего в хлопчатобумажной промышленности в 1917 г. снизилась и составила лишь 55,8% от выработки 1913 г. Падение кривой производительности труда на хлопчатобумажных фабриках с начала первой мировой войны можно проследить также и по отдельным предприятиям. Так, например, производительность труда на фабрике И. П. Сковцова в 1916—1917 гг. составила 73,9% от уровня 1913—1914 гг. Падение производительности труда сопровождалось увеличением числа рабочих на единицу оборудования. В «мануфактуре» Сковцова количество рабочих на тысячу веретён увеличилось в 1916—1917 гг. до 20,6 против 14,4 в 1913—1914 гг.

Падение производительности труда не ограничилось только прядильным производством — оно охватило также ткацкое и отделочное производства хлопчатобумажной промышленности. Недостаток статистического материала за этот период затрудняет анализ динамики выработки рабочего в натуральных единицах по отдельным производствам. Поэтому приходится

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922, стр. 121.

² См. «Труды секции промышленности и товарооборота», т. I, НКФ, 1926, стр. 60—61.

ограничиться данными по отдельным предприятиям. В качестве примера изменения производительности труда в ситце-набивном производстве приведём данные по нескольким фабрикам.

В 1917 г. годовая выработка на одного рабочего на ситце-набивной фабрике Коншина уменьшилась почти в $2\frac{1}{2}$ раза по сравнению с уровнем выработки 1913 г.

Огромное падение производительности труда отмечается также на ситцевой фабрике «Тверская мануфактура». Годовая выработка на одного рабочего на этой фабрике снизилась уже в 1916 г. до 74,5% от выработки 1913 г.

Большое падение производительности труда произошло также и в ткацком производстве.

Производительность труда рабочего в час показывает несколько меньшее падение, чем годовая выработка на одного рабочего, так как среднее время, отработанное одним рабочим, в различные годы неодинаково. В хлопчатобумажной промышленности среднее число проработанных дней на непрерывно действовавших предприятиях составляло в 1913 г. 266, в 1914 г. — 258, в 1915 г. — 272 и в 1916 г. — 266, а в 1917 г. — 240¹.

С учётом отработанного времени производительность труда одного рабочего хлопчатобумажной промышленности в час упала в 1917 г. до 70—75% (от часовой выработки 1913 г.), в то время как годовая выработка снизилась до 55,8%. Изношенность оборудования, перебои с поставкой хлеба, топлива, хлопка, снижение квалификации рабочих и т. д. были основными причинами огромного падения производительности труда в текстильной промышленности, как и во всём народном хозяйстве России.

Развитие русской промышленности в XX в. показывает, что монополии сделались одной из важнейших сторон хозяйственной жизни страны. Развитие монополистических объединений, конечно, не уничтожало конкуренции, которая продолжала существовать в ещё более острой форме между монополиями и внутри них.

Как мы видели выше, монополии всячески повышали цены на товары, поскольку им удавалось диктовать их внутреннему рынку. Монополии, как известно, делят прежде всего внутренний рынок, но при капитализме внутренний рынок тесно связан с внешним рынком. В результате действия монополий цены на внутреннем рынке растут. За период монополистического капитализма в России цены на главные промышленные

---

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, М. 1926, отдел I, таблицы, стр. 163;

товары неуклонно возрастали. Так, цена пуда хлопчатобумажной пряжи равнялась в 1899 г. 14 руб., в 1903 г. — 14,83, в 1906 г. — 19,17, в 1907 г. — 21,32, в 1911 г. — 19,59 руб.; цена пуда каменного угля антрацит (Ростов-на-Дону) повысилась с 15,6 коп. в 1899 г. до 20,2 коп. в 1908 г. и 25,1 коп. в 1913 г. Колоссальное повышение цен имело место в нефтяной промышленности: пуд нефти в Баку стоил 14 коп. в 1899 г., цена его повысилась в 1906 г. до 25,5 коп. и 42,7 коп. в 1913 г.; в целом индекс цен на промышленные товары также возрос, несмотря на то что в промышленности имел место рост производительности труда.

Следовательно, крупным монополиям удавалось реализовать часть товаров не по ценам, складывавшимся в условиях свободной конкуренции, а по ценам, продиктованным монополиями. Монопольные цены значительно превышали средний уровень цен, соответствующий общественно-необходимому труду. Конечно, закон стоимости сохраняет своё действие и в эпоху монополистического капитализма, поскольку монопольная цена не уничтожает «...границы, определяемые стоимостью товаров...»¹, но характер действия закона стоимости претерпевает изменения.

Монополии в России, получая высокие прибыли и будучи тесно связаны с иностранными промышленными монополиями и банками, забирали при помощи высоких цен значительную часть народного дохода страны, тормозя тем самым рост её производительных сил. О засилье монополий в хозяйственной жизни России журнал «Финансовое обозрение» писал следующее:

«Синдикатами полна наша действительность, от них стонет казна и обыватель, плачется на их деятельность волжское пароходство и всё русское земство, жалуется на них каждый город, которому приходится защищать обывателя и себя то от осветительного треста, то от электрического синдиката, то от соглашения мясников или дровяников»². Внутри монополий и между монополиями происходила острая конкурентная борьба. Внутри синдикатов борьба обострялась за доли (квоты), за условия получения сырья, топлива и т. д. Монополии боролись с аутсайдерами и с другими монополистическими объединениями. Так, например, «Продамет» путём различных методов (боевые цены и т. д.) конкурировал с уральскими, польскими и московскими заводами, не входившими в этот синдикат, с синдикатом «Кровля» и т. д.

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 875.

² «Финансовое обозрение» № 3, 1913, стр. 2.

С начала XX в. возникают в России монопольные объединения и на транспорте. «Желдороги, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменно-угольной и железодобывательной...»¹

В. И. Ленин показал, как связан транспорт в эпоху монополистического капитализма с промышленностью, с промышленными и банковскими монополиями, с финансовой олигархией и т. д. Он считал, что статистика железных дорог чрезвычайно точно выражает быстроту роста капитализма и финансового капитала. Эпоха империализма характеризуется исключительной неравномерностью развития транспорта между странами и внутри отдельных стран.

Россия, которая по скорости роста железнодорожной сети за период 1890—1913 гг. стояла на первом месте, впереди США, Великобритании, Франции и Германии, имела внутри страны весьма неравномерное развитие транспорта, а по длине сети и тем более по расчёту на душу населения или на единицу территории значительно уступала США и Великобритании.

Наиболее густую сеть имел перед первой мировой войной южный горнопромышленный район и юго-западные губернии России (23,7 км на 1 000 км²), затем центрально-чернозёмный район — 22,3 км, центрально-промышленный район — 17,9, западный район — 17,5; в Сибири на 1 000 км² приходился всего лишь 1 км железнодорожной сети, на Дальнем Востоке ещё меньше — 0,5 км, на Урале — 2,2 км.

Война заставила усилить железнодорожное строительство, в результате чего в военные годы (1914—1916) открывалось ежегодно больше железных дорог, чем в предвоенные годы: в 1916 г. было сдано в эксплуатацию 4 193 км железнодорожных путей. Большие работы были проведены по завершению строительства Сибирской магистрали (на территории России), было построено несколько железных дорог на Урале, в Средней Азии; сооружена имевшая большое стратегическое значение Мурманская железная дорога и т. д.

Железные дороги требуют огромных капиталов, стоимость сооружения 1 версты колебалась от 64,9 тыс. руб. в 1893 г. до 74 тыс. руб. в 1913 г. В силу большой капиталоемкости строительство дорог осуществлялось преимущественно предприятиями акционерной формы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 178.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ, ПОСТРОЕННЫХ
КАЗНОЙ И ЧАСТНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ¹
(в вёрстах)

Годы	Железные дороги, построенные казной	Железные дороги, построенные частными обществами
1891 — 1900	7 750	11 272
1901 — 1909	7 542	3 678
1910	1 177	468
1911	—	1 761
1912	762	5 818

В XX столетии в России ежегодные капиталовложения в железнодорожный транспорт почти равнялись вложениям в промышленность, а основной капитал железных дорог превышал в 1913 г. основной капитал фабрично-заводской промышленности. Иностранный капитал проник не только в важнейшие отрасли русской промышленности, но через систему банков и участие в акционерных обществах он играл крупную роль в железнодорожном хозяйстве.

В эпоху монополистического капитализма можно отметить два периода оживления в железнодорожном строительстве России, правда, значительно уступавших по своему размеру подъёму железнодорожного строительства 90-х годов. Первый период оживления имел место после промышленного кризиса 1900—1903 гг. — в годы 1904—1907 — и второй, совпавший с предвоенным промышленным подъёмом и захвативший годы первой мировой войны. В. И. Ленин писал в начале 900-х годов: «Железодельательные и прочие промышленные тузы радостно потирают руки, слыша об оживлении железнодорожного строительства. Решено строить большие линии: Петербург — Вятка, Бологое — Седлец, Оренбург — Ташкент, гарантированы правительством железнодорожные займы на 37 миллионов (обществ Московско-Казанской, Лодзинской и Юго-Восточных дорог), предположены линии: Москва — Кыштым, Камышин — Астрахань и Черноморская»².

В 1906 г. было закончено строительство железной дороги Ташкент — Оренбург, способствовавшей привозу хлопка из Средней Азии; в этом же году было закончено строительство дороги Обухово — Вологда — Вятка, создавшей прямую связь

¹ См. «Статистический ежегодник на 1913 г.», под ред. Шарого, СПб. 1913, стр. 577.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 257.

Петербурга с Уралом. Окончанием строительства Кругобайкальской железной дороги было завершено соединение Владивостока с Европейской Россией. Несмотря на относительно быстрые темпы роста железнодорожного строительства в отдельные периоды, первая мировая война показала слабости нашей железнодорожной сети. Относительная густота железнодорожной сети далеко уступала наиболее развитым капиталистическим странам, хотя по длине железных дорог Россия перед войной стояла на одном из первых мест в мире.

длина железнодорожной сети, грузооборот и производительность труда на железных дорогах России за 1900—1913 гг.¹

Годы	Длина сети средняя годовая (в тыс. вёрст)	Персонал (в тыс. работников)	Грузы (в млрд. пудо-вёрст)	Пассажиры (в млн. пассажиро-вёрст)	Итого перевозок		
					всего (в млрд. приведённых пудо-вёрст)	на одну версту (в млн. пудо-вёрст)	на одного работника (в млн. пудо-вёрст)
1900	47,8	554,4	2 224	12 187	2 955	61,9	5,33
1901	49,9	615,4	2 241	12 500	2 991	59,9	4,87
1902	52,1	631,7	2 305	12 562	3 059	58,7	4,83
1903	52,9	669,0	2 556	13 654	3 376	63,8	5,05
1904	53,7	711,9	2 729	17 529	3 781	70,4	5,31
1905	54,9	751,2	2 581	18 245	3 676	66,9	4,89
1906	57,2	825,3	2 813	19 331	3 973	69,4	4,82
1907	59,3	836,0	3 074	17 767	4 139	69,8	4,95
1908	59,9	844,2	3 058	19 135	4 206	70,2	4,98
1909	60,1	797,9	3 325	20 088	4 528	75,4	5,63
1910	60,5	771,9	3 467	21 771	4 720	78,0	6,11
1911	61,3	806,9	3 735	22 640	5 015	81,8	6,22
1912	62,3	836,2	4 091	25 092	5 240	84,1	6,26
1913	63,7	815,5	3 990	27 472	5 638	88,4	6,74

Неравномерность развития транспорта, как и всей капиталистической экономики, проявлялась и в неравномерности роста производительности труда. Несмотря на то что с 1883 по 1913 г. производительность труда на железных дорогах возросла почти в 2 раза, в течение этого периода имело место 10 раз снижение производительности труда в отношении

¹ В работу сети включены и бесплатные перевозки. Одна пассажиро-верста принята эквивалентной по себестоимости 60 пудо-вёрстам груза (см. С. Г. Струмилин, Очерки советской экономики, 1928, стр. 204—205).

уровня предыдущего года, причём характерно, что в большинстве случаев годы снижения её не были годами снижения грузооборота и объёма перевозок вообще. Производительность труда на отдельных железных дорогах была неодинаковой, что помимо различного технического и организационного уровня дорог объяснялось и характером перевозимых грузов.

Развитие капитализма, внося глубокие изменения в экономику страны, влияло и на состав грузов. Так, если хлебные грузы составляли в 1884 г. 34,6% общего грузооборота, то в 1913 г. они снизились до 13,8%; хлеб уступил первое место (в 1908 г.) каменному углю. Значение промышленных грузов систематически увеличивалось. Наряду со структурой серьёзные изменения претерпевала и география грузовых потоков. Дореволюционным русским железным дорогам свойственна была большая сезонность, определяемая главным образом сельскохозяйственным характером страны. Грузооборот резко повышался после сбора урожая и значительно снижался весной, в период дорожной гужевой распутицы.

Дороги, занятые перевозкой главным образом промышленной продукции, имели большую интенсивность движения, что влияло и на производительность труда на этих дорогах. Дороги, занятые преимущественно перевозкой хлеба, имели большие годовые колебания в количестве перевозимых грузов в течение года и в связи с размером урожая в том или ином году. Однако уровень производительности труда на транспорте складывался главным образом под влиянием следующих основных факторов: технической вооружённости, организации труда и дальности пробега грузов и пассажиров.

УРОВЕНЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ЖЕЛЕЗНЫХ
ДОРОГАХ РОССИИ, США, АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ
И ЯПОНИИ в 1913 г.¹

Страны	Длина железно- дорожной сети (в тыс. км)	Персонал (в тыс.)	Всего перевозок (в млрд. т-км привезённой про- дукции)	На одного работника перевозок (в тыс. т-км)
Россия	68,0	815,5	99,1	121,6
США	344,3	1 759,1	533,5	303,2
Германия	50,7	692,7	93,9	135,6
Великобритания	32,6	618,3	65,9	106,6
Франция	40,8	359,3	44,5	123,9
Япония	8,6	112,1	10,9	97,3

¹ Исчислено по следующим источникам: «Капиталистические страны», т. II, 1937, и «Материалы по статистике путей сообщения»,

Эти данные в некоторой степени условны, в частности потому, что соотношение между грузооборотом и пассажирским движением в отдельных странах неодинаково; некоторая несопоставимость создаётся и характером учёта работников, так, например, в число персонала, занятого на железных дорогах Англии, повидимому, вошла часть работников, обслуживавших подсобные для железных дорог предприятия, с учётом чего производительность труда на английских железных дорогах, возможно, будет несколько выше. В целом же эти цифры правильно характеризуют уровень производительности труда на железнодорожном транспорте главных капиталистических стран. Производительность труда на железных дорогах России в 1913 г. была раза в $2\frac{1}{2}$ —3 ниже, чем в США, и несколько выше, чем в Англии и Японии.

В техническом отношении русский транспорт тогда был ниже американского. Так, средняя сила тяги паровоза и средняя подъёмная сила вагонов была в 2 раза меньше, чем в США; свыше 80% рельсов в нашей стране было облегчённого типа.

Отставание железнодорожного транспорта России в области производительности труда объясняется также организацией труда на дореволюционных русских железных дорогах; в России на 1 эксплуатационный километр железной дороги приходилось 11,8 человека, а в США — только 4,87¹. Таким образом, несмотря на то что у нас дальность пробега коммерческих грузов была больше, чем в США (517 км против 449), уровень производительности труда был ниже. Наибольшее количество работников на 1 км пути имели железные дороги Англии, что в условиях незначительной дальности пробега грузов, слабого использования подвижного состава (коэффициент использования грузоподъёмности вагонов, пробег вагонов и т. д.) определяло относительно низкую производительность труда в Англии, несмотря на интенсивность использования (количество перевозок на 1 км) железных дорог.

Монополистический капитализм с его тенденцией к загниванию не исключает быстрого роста отдельных отраслей производства. «...Отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху

вып. 92, 1929. США — железные дороги I класса; Германия — железные дороги общества «государственные железные дороги»; Франция — вся сеть общественного значения; Япония — государственные железные дороги. По Японии и Франции взяты коммерческие грузы; по России — материалы из работы С. Г. Струмилина «Очерки советской экономики», 1930, стр. 196—197.

¹ См. «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 92, 1929, стр. 5, 8.

империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост... становится вообще более неравномерным...»¹

Темпы развития русской промышленности в эпоху империализма были таковы, что продукция возросла за этот период немного менее чем в 2 раза. Рост предприятий и отраслей производства был неравномерен, наиболее быстро росли отрасли, производившие средства производства. По ориентировочному, но любопытному исчислению цитированного нами выше немецкого конъюнктурного института, темп роста промышленности России по сравнению с другими капиталистическими странами был следующий:

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ВАЖНЕЙШИХ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
(1913 г. = 100)²

Годы	Германия	Британия	Франция	Россия	Италия	Соединенные Штаты	Весь мир
1860	14	34	26	8	—	8	14
1900	65	79	66	61	56	54	60
1910	89	85	89	84	99	89	88

По этим данным, продукция промышленности России увеличилась за период с 1860 по 1913 г. в 12 с лишним раз; её рост в этот период был быстрее, чем темп роста немецкой, английской и французской промышленности. Однако в силу малых абсолютных размеров промышленного производства в дореволюционной России она оставалась, сравнительно с этими странами, отсталой в технико-экономическом отношении страной как по общим размерам промышленной продукции, так и в особенности по размеру её на душу населения. Эта отсталость была обусловлена в первую очередь влиянием феодальных пережитков, тормозивших развитие капитализма в стране. В. И. Ленин писал: «Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 286.

² См. Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Sonderheft 31, 1933, S. 18 (горная, железная, текстильная, пищевая).

вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным»¹.

Развитие промышленности проходило циклично. Особенно выделялся по темпам роста промышленный подъём 90-х годов, также сравнительно интенсивно проходил подъём 1909—1913 гг. Хотя в отдельных отраслях снижение производства имелось ещё и в 1909 г., всё же с этого года наблюдалось во всей промышленности оживление, перешедшее далее в общий промышленный подъём, прерванный началом первой мировой войны.

Темп промышленного развития России за 1909—1913 гг. был весьма высокий: так, добыча каменного угля возросла с 1 588 млн. пуд. до 2 200 млн., или почти на 40% против 24% в США, 28 в Германии, 7 в Великобритании и 9% во Франции; выплавка чугуна возросла в России на 61%, в США — на 20, в Германии — на 33, в Великобритании — на 8, во Франции — на 46%; увеличились также производство сахара, потребление хлопка, обороты внешней торговли.

Интенсивно развивалось акционерное учредительство. Новые предприятия, как правило, имели более высокий органический состав капитала, более высокую технику производства, а технический прогресс, имевший место в ряде отраслей промышленности, и в особенности рост интенсивности труда обуславливали рост производительности труда в промышленности в этот период.

Для характеристики динамики производительности труда в русской промышленности за первые годы монополистической стадии капитализма используем следующие источники: для 1900 г. — «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом» и для 1908 г. — «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи»².

В 1900 г. по кругу предприятий промышленности, охвативших 1,3 млн. рабочих, годовая выработка рабочего равнялась 1 491 руб., энерговооружённость — 0,63 л. с., годовая выработка рабочего в 1908 г. равнялась 1 934 руб., энерговооружён-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 527.

² См. «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г.», под ред. Варзара, 1903, и «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», под ред. Варзара, 1912.

ность — 0,76 л. с. Стало быть, производительность труда увеличилась за эти восемь лет (продукция в ценах соответствующих лет) на 29,7%, а энерговооружённость — на 20,6%. Индекс промышленных цен в 1908 г. был выше примерно на 10%, чем в 1900 г., так что с учётом изменения цен рост производительности труда будет меньше. Другие источники говорят примерно о таком же росте производительности труда с 1900 до 1908 г. По данным фабрично-заводской промышленности, по предприятиям, не облагаемым акцизом (по району переписи 1918 г.), рост производительности труда в 1908 г. против 1900 г. равнялся 25%, а в 1913 г. — 56,6%¹. С учётом изменения цен рост производительности труда за первые тринадцать лет будет составлять около 45%. Не следует при этом забывать, что исходный год (1900), взятый нами при сравнении, — год кризиса.

Характерно отметить, что рост производительности труда за эти два отрезка времени различен. Это объясняется тем, что на период 1900—1908 гг. падает промышленный кризис 1900—1903 гг. и последовавшая за ним депрессия, в то время как после 1908 г. наступил промышленный подъём, за время которого сильно возросли не только объём производства, но и производительность труда в русской промышленности. В общем, сопоставляя темпы роста производительности труда в русской промышленности за отдельные периоды, сравнивая годовую выработку продукции на одного рабочего (учитывая при этом изменение промышленных цен), можно видеть, что уровень производительности труда в 1913 г. был примерно в 2,5—3 раза выше уровня, имевшегося в первые годы после крестьянской реформы. Несмотря на такое увеличение, дореволюционная Россия сильно отставала по производительности труда от развитых капиталистических стран. Годовая производительность одного фабрично-заводского рабочего в России в 1908 г. составляла 1 810 руб., а в Америке в 1860 г. — 2 860 руб. и в 1910 г. — 6 264 руб. Таким образом, в довоенной России уровень производительности труда в промышленности был в 3,5 раза ниже, чем в США. Кроме того, надо ещё принять во внимание то, что в России в предвоенные годы большую роль играла мелкая промышленность, в которой производительность труда была ниже, чем в фабрично-заводской промышленности, с учётом этого уровень производительности труда в русской промышленности будет несколько ниже. В 1914 г. в связи с уменьшением stráботанного

---

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», 1926, стр. 83.

времени в течение года, а главное в связи с мобилизацией квалифицированных рабочих в армию производительность труда понизилась, правда, незначительно.

ДИНАМИКА ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ
НА ОДНОГО РАБОЧЕГО В ПЕРИОД 1913—1917 гг.
ПО НЕПРЕРЫВНО ДЕЙСТВОВАВШИМ ПРЕДПРИЯТИЯМ¹
(в ценах 1913 г.)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
В рублях	2 349	2 335	2 590	2 496	1 690
» процентах	100	99,4	110,3	106,3	71,9

В 1915 г. производительность труда в русской промышленности была выше, чем в предыдущем году; это объясняется увеличением рабочего времени в течение года и частичным возвращением квалифицированных рабочих на предприятия.

Империалистическая война привела к резкому усилению эксплуатации рабочего класса. В 1915 г. было отменено запрещение подземных и ночных работ для женщин и детей в каменноугольной промышленности. В этом же году министру торговли и промышленности предоставлено было право увеличивать рабочее время, делать отступления от законодательства, регулирующего труд женщин и детей, и т. д. Увеличение рабочего времени не могло всё же приостановить падения производительности труда, вызванного ухудшением материального уровня рабочих, в частности ухудшением питания, снижением квалификации, общими недостатками в организации производства, обусловленными военным временем.

По отдельным отраслям промышленности динамика производительности труда за годы войны была крайне неодинаковой. Интересно, что даже в 1917 г. производительность труда в отраслях промышленности, вырабатывавших предметы вооружения, была почти на 13% выше уровня 1913 г., в то время

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», 1926, стр. 37.

как в отраслях «невоенных» она упала до 64,5% ¹. Наибольший рост производительности труда в 1916 г. имели следующие отрасли: отрасль, производящая машины, инструменты и аппараты, металлообрабатывающая, химическая. Выработка валовой продукции на одного рабочего в химической промышленности в 1916 г. была выше, чем в 1913 г., на 32,5%; в металлообрабатывающей — на 27,9, а в отрасли, производящей машины, инструменты и аппараты, — на 40,1%. Эти отрасли промышленности имели не только рост производительности труда, но и рост объема производства; рост производительности труда в отдельных отраслях промышленности в период войны находился почти в прямой зависимости от объема производства, от загрузки этих отраслей промышленности.

В XX столетии на технический прогресс и рост производительности труда оказала тормозящее влияние широкая монополизация главных отраслей добывающей промышленности (уголь, нефть, металлургия и т. д.).

Особенно слабое повышение производительности труда имели отрасли добывающей промышленности — каменноугольная, золотодобывающая, железорудная, нефтяная и др.

В добывающих отраслях индустрии на динамику производительности труда известное влияние оказали естественные условия. Ухудшение последних при слабом техническом прогрессе определило крайне медленное повышение производительности труда в одних отраслях, застойное положение в других и падение производительности труда в некоторых отраслях добывающей промышленности.

Техника в добывающих отраслях промышленности хотя и медленно, но всё же развивалась, но дополнительные затраты труда, вызываемые, например, углублением шахт, скважин и т. д., не перекрывались техническим прогрессом в силу недостаточной его интенсивности. Так, например, снижение производительности труда в золотодобывающей промышленности под влиянием ухудшения естественных условий не всегда компенсировалось ростом техники.

Годовая добыча золота на рабочего в России в 1909—1911 гг. не изменилась по сравнению с уровнем 1883—1885 гг. ² Лишь в 1894—1898 гг. производительность труда была несколько более высокой под влиянием промышленного подъёма 90-х годов. Производительность труда в золотодобывающей

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», 1926, стр. 57.

² См. «Учёные записки», вып. 123, изд. МГУ, 1947, стр. 184.

промышленности находилась в сильной зависимости от открытия богатых рудников и, с другой стороны, от истощения рудников.

Рудники Восточной Сибири были более богатыми, и производительность труда на них была раза в 3—4 выше, чем на рудниках Урала и Западной Сибири. Этот разрыв в уровне производительности труда наблюдался на всём протяжении рассматриваемого периода; под влиянием техники он несколько уменьшился, но не уничтожился. Влияние техники на производительность труда в золотодобывающей промышленности несомненно. Производительность труда и в золотодобывающей промышленности складывалась под воздействием целого ряда факторов. Влияния естественных условий даже в этой специфической отрасли промышленности нельзя переоценивать. Отсутствие, по существу говоря, роста производительности труда в золотодобывающей промышленности России за время с 1878 по 1911 г. объясняется почти неизменным уровнем техники в этой отрасли производства, низкой квалификацией рабочих и т. д.: например, драги начали применяться в России лишь с 1901 г. и то в незначительном количестве.

Эксплуатация дешёвого, малоквалифицированного труда задерживала механизацию золотодобывающей промышленности, как и других отраслей промышленности царской России.

Исключительную неравномерность в движении производительности труда мы наблюдаем и в других отраслях добывающей промышленности России: в железорудной, в медедобывающей, соляной. Характерно, что в большинстве отраслей добывающей промышленности рост энерговооружённости труда был много больше роста производительности труда, что свидетельствует, между прочим, и о слабом использовании производственного аппарата промышленности в эпоху империализма.

Низкая квалификация рабочих, изменение естественных условий добычи руды при слабом техническом прогрессе сильно влияли на динамику производительности в добывающих отраслях промышленности, в частности в железорудной.

Кроме того, различные естественные условия, при слабом уровне техники, определяли очень различный уровень производительности труда в отдельных районах страны. Так, годовая добыча одним рабочим железной руды на рудниках Криворожского бассейна была почти в 3 раза выше, чем на рудниках Центра и Царства Польского, и раза в 2,5 выше, чем на рудниках Урала.

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В ЖЕЛЕЗОРУДНЫХ БАССЕЙНАХ
РОССИИ в 1913 и 1914 гг.¹**

	Добыча железной руды (в тыс. пуд.)		Число рабочих		Добыто руды на одного рабочего (в тыс. пуд.)	
	1913	1914	1913	1914	1913	1914
По Криворожскому бассейну	387 778	289 201	23 595	21 085	16,4	13,7
По Уралу	104 795	111 339	17 222	17 351	6,1	6,4
В Центральной России .	25 064	23 424	4 421	3 776	5,7	6,2
В Царстве Польском . .	19 000	—	3 237	—	5,87	—

Остатки дореформенных порядков на Урале, низкая заработная плата, хищническая эксплуатация природных богатств, отсталая техника и т. д. определяли и низкий уровень производительности труда не только в железорудной промышленности Урала, но и в каменноугольной, металлургической и др. Механизация железорудного производства на Урале была чрезвычайно слабой: из всех двигателей, имевшихся в этой отрасли в 1911 г., мощность которых определялась в 9 437 л. с., было сосредоточено на рудниках Украины двигателей мощностью в 8 тыс. л. с., или около 85 %. Низкая энерговооружённость определяла и низкую производительность труда в горной промышленности Урала.

В связи с ростом промышленного производства росло число рабочих, занятых в этой отрасли хозяйства. Конечно, рост не был систематическим, но в общем численность рабочих (по сводам отчётов фабричных инспекторов) увеличилась в промышленности, подчинённой фабричной инспекции, с 1 692,3 тыс. человек в 1901 г. до 2 282,1 тыс. в 1914 г. (на 1 января соответствующего года); численность рабочих горной и горнозаводской промышленности увеличилась соответственно с 506,5 тыс. человек до 647,7 тыс.

Эти данные, как и данные, относящиеся к фабрично-заводской промышленности, не вполне точны: некоторые источники

¹ См. «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», П. 1915, стр. 172, 187, 193—194, 196.

оценивают численность рабочих в горнозаводской промышленности в 1913 г. в 811 тыс. человек. На железнодорожном транспорте было занято рабочих и служащих в 1913 г. до 815 тыс. человек¹. Кроме этих основных групп фабрично-заводских рабочих надо учесть работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и др., и, приняв во внимание имевшийся известный недоучёт рабочей силы, мы получим общую численность пролетариата без строительных рабочих в 4—4,5 млн. человек. Численность строительных рабочих, которые по своему положению «...резко отличаются от лесных рабочих, приближаясь более к фабричным»², также увеличилась. В. И. Ленин, основываясь на данных отдельных губерний, определял численность строительных рабочих для 90-х годов в Европейской России не менее 1 млн. человек, считая эту цифру минимальной. Число строительных рабочих, так же как и промышленных, возросло в течение первых лет XX в. Об этом свидетельствует хотя бы значительный рост отхожих промыслов. Так, количество паспортов (сроком не более года), выбранных в течение года по 50 губерниям Европейской России, равнялось за период 1861—1870 гг. 1 285,6 тыс., за 1891—1900 гг. — 6 952 тыс. и за период 1906—1910 гг. — 9 399,4 тыс., или соответственно на тысячу сельских жителей 24, 83 и 94 паспорта³.

Численность строительных рабочих в этот период должна быть определена не менее 1,5—2 млн. человек, а общая численность рабочих, занятых в промышленности, строительстве и путях сообщения России перед мировой войной, — 6—7 млн.

В этот период произошли значительные изменения в формировании промышленного пролетариата, уменьшились связи его с сельским хозяйством вследствие развития крупной машинной индустрии и т. д. Этот процесс был показан В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» на материалах, относившихся ещё к 80-м годам XIX в. В 1908 г. процент мужчин, уходивших на летние полевые работы, по фабрикам Московской области составил: 5,7 — по хлопчатобумажным фабрикам, 2,6 — по механическим заводам и 19,3 — по шелковым фабрикам⁴; процент крестьян жителей

¹ См. «Статистический сборник министерства путей сообщения», вып. 141, ч. III, 1917.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 468.

³ См. «Материалы высочайше учреждённой комиссии по исследованию благосостояния сельского населения», Спб. 1903.

⁴ См. И. М. Козьминых-Ланин, Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии, 1912, табл. III, IX, XII.

Петербурга, уходивших на летние работы в деревни в 1910 г., равнялся 10,4¹. Эти материалы и целый ряд других, в частности данные переписи 1918 г.², показывают значительное уменьшение связи русских рабочих с сельским хозяйством, имевшее не только экономическое, но и политическое значение. «Усилилась, — писал В. И. Ленин, — чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей»³.

Этот пролетариат многими качествами отличался от рабочих первого периода пореформенного времени и тем более от рабочих фабрик дореформенных. Русский рабочий класс эпохи монополистического капитализма превратился «...в величайшую силу политической жизни страны»⁴.

Русский рабочий класс имел более низкую заработную плату и более продолжительный рабочий день по сравнению с рабочими в более развитых в технико-экономическом отношении капиталистических странах. Лишь в конце 90-х годов (1897 г.) царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивавший рабочий день 11½ час. Продолжительность рабочего дня довольно значительно колебалась по отдельным отраслям промышленности и районам страны. Обследование Козьминых-Ланина даёт сводку о продолжительности работы 219 тыс. рабочих Московской губернии в 1908 г.⁵ Эти данные следующим образом характеризуют продолжительность рабочего дня:

Число рабочих часов в сутки	Число рабочих
До 8 час.	4 398
От 8 до 9 час.	87 402
» 9 » 10 »	94 403
» 10 » 11 »	20 202
» 11 » 12 »	13 189
» 12 час. и более	75
Итого . . . 219 669	

¹ См. «Петроград по переписи 15 декабря 1910 года», под ред В. В. Степанова, стр. 290.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», вып. II, 1926, стр. 124—133.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 442.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 128.

⁵ См. И. М. Козьминых-Ланин, Рабочий день и рабочий год в Московской губернии, М. 1912, стр. 5, 10, 11.

Из таблицы видно, как незначительно было число рабочих, работавших не более 8 час. в сутки. Вместе с тем число рабочих с рабочим днём свыше 10 час. составляло очень значительную величину — около 33,5 тыс. человек, причём здесь не учитывается ещё сверхурочная работа.

Если сравнить продолжительность рабочего дня в 1913 г. с той, которая была установлена обследованием министерства торговли и промышленности в 1904 г., т. е. в конце предшествующего периода, то в ней можно отметить дальнейший сдвиг в сторону сокращения.

Незначительное сокращение рабочего времени, которое имело место в некоторых отраслях, капитал компенсировал ростом интенсивности труда. Но во многих отраслях производства продолжительность рабочего дня оставалась всё ещё чрезмерной. По данным обследования 1913 г., охватившего почти 2¼ млн. фабрично-заводских рабочих, 117 тыс. рабочих мужчин работало 12 и больше часов, 120 тыс. рабочих мужчин — от 11¼ до 11¾ часа и т. д. В 1914 г. на предприятиях, подчинённых горной инспекции, 10-часовой рабочий день был у 31,78% рабочих, 9,94% рабочих работали от 10 до 11 час. и свыше 19% всех рабочих работало 11 и более часов в сутки.

Продолжительный рабочий день и низкая оплата труда — характерные черты русской промышленности. Годовая заработная плата рабочего в дореволюционной России была в несколько раз меньше, чем заработная плата американского рабочего, отставая также, хотя и в меньшей степени, от заработной платы рабочих Англии, Германии и Франции. Жестокая эксплуатация рабочих в соединении с полицейским режимом царизма создавали невыносимые условия существования для рабочего класса России. На наступление капитала на жизненный уровень трудящихся, на всякие происки царского самодержавия рабочий класс отвечал массовыми стачками, цели которых не ограничивались только экономическими требованиями, а переплетались с требованиями политическими, что «...придавало массовым стачкам особую революционную силу»¹.

Стачечная борьба русских рабочих в 1905 г., как указывал В. И. Ленин, «...дала чрезвычайно крупные успехи не только в политической, но и в экономической области»².

Во время первой русской революции требование о сокращении продолжительности рабочего времени являлось одним из основных требований экономических забастовок.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 142.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 234.

Динамика заработной платы русских фабрично-заводских рабочих в промышленности, подчинённой надзору фабричной инспекции, была следующей¹:

Годы	Годовой заработок (в руб.)	Годы	Годовой заработок (в руб.)
1901	201	1908	242
1902	202	1909	236
1903	208	1910	242
1904	213	1911	251
1905	205	1912	255
1906	231	1913	264
1907	241		

Из таблицы видно, что после 1905 г. заработная плата резко повысилась. «Мы видим отсюда, что 1905-й год был годом перелома. Именно, после 1905-го года заработная плата *сразу* поднимается с 205 до 231 рубля в год, т.-е. на 26 рублей, более чем на 10%»².

Таким образом, несомненно, что в результате первой русской революции жизненный уровень русского рабочего повысился.

«Повышение заработной платы за один год испытало такой толчок, что никакие последующие усилия капиталистов (которые, как известно, отнимали все завоевания пятого года одно за другим) не могли свести рабочего к прежнему низкому уровню жизни»³.

Следовательно, годовой заработок рабочего в 1913 г. в денежном выражении был процентов на 30 выше, чем в первые годы XX в.; правда, реальный жизненный уровень рабочего класса изменился не в такой степени, поскольку за этот период имело место повышение цен на ряд промышленных товаров и общее увеличение индекса промышленных цен.

Уровень заработной платы в отдельных отраслях промышленности был очень различен: так, в 1913 г. у металлистов она равнялась 402 руб. в год, в хлопчатобумажной промышленности — 215 руб., в пищевой — 189 руб.⁴

¹ См. «Свод отчётов фабричных инспекторов за 1911 г.», Спб. 1912; то же за 1913 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 234.

³ Там же, стр. 235.

⁴ См. «Свод отчётов фабричных инспекторов за 1913 г.», Спб. 1914, стр. LI.

Первая мировая война сильно ухудшила положение рабочего класса: был удлинён рабочий день, заработная плата снизилась уже в первый год войны.

ДВИЖЕНИЕ МЕСЯЧНОЙ ЗАРАБОТНОЙ
ПЛАТЫ
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО РАБОЧЕГО
(в товарных рублях)

1913 г.	22,00
1914 »	21,30
1915 »	20,60
1916 »	20,20
1917 »	17,79

При низкой заработной плате всех рабочих в довоенной России заработная плата в текстильной промышленности всегда была относительно ниже, чем в других основных отраслях.

Так, в 1913 г. средний годовой заработок промышленного рабочего в промышленности России равнялся 258 руб., в то время как заработок рабочего-хлопчатобумажника составлял лишь 206 руб., металлиста — 357 руб. Данные переписи 1918 г. показывают, что заработная плата текстильщиков за все 5 лет (1913—1917 гг.) была значительно ниже (примерно на 20—30 %) средней заработной платы рабочих всей промышленности.

ДЕНЕЖНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ В НЕПРЕРЫВНО
ДЕЙСТВОВАВШИХ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ЗАВЕДЕНИЯХ¹

Годы	Годовой заработок одного рабочего					
	вся промышленность		хлопчатобумажная		металлообрабатывающая	
	в бумажных рублях	в довоенных рублях	в бумажных рублях	в довоенных рублях	в бумажных рублях	в довоенных рублях
1913	258	258	206	206	357	357
1914	275	272	209	207	382	378
1915	365	281	275	212	499	384
1916	573	278	403	196	775	377
1917	1 703	220	1 425	184	1 960	254

Эти материалы дают представление лишь о соотношении заработной платы рабочих в отдельных отраслях промышлен-

¹ «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», 1926, т. XXVI, отд. I, таблицы, стр. 128, 141, 152.

ности, но не характеризуют удовлетворительно движения реальной заработной платы за годы войны. Между тем по материалам фабричной инспекции было уже показано падение реальной заработной платы текстильщиков в 1916 г. примерно на 25 %. Конец же 1916 и начало 1917 г. дают ещё большее снижение реальной заработной платы, что, естественно, оказало неблагоприятное влияние на производительность труда в промышленности.

История революционного движения в нашей стране показывает, что тяжёлое экономическое положение русского рабочего, полицейско-бюрократический гнёт царизма вызывали отпор со стороны рабочего класса, всё более сильный по мере роста политического сознания пролетариата. Отдельные мероприятия, законы, направленные к частичному регулированию рабочего дня, условий труда и т. д., были достигнуты в результате тяжёлой и продолжительной борьбы пролетарских масс.

«История показывает, — писал товарищ Сталин в статье «Фабричное законодательство» и пролетарская борьба», — что каждому «фабричному закону» предшествует частичная или всеобщая стачка. Июньскому закону 1882 года (о найме детей, рабочем времени для них и учреждении фабричной инспекции) предшествовали стачки в Нарве, Перми, Петербурге и Жирардове в том же году. Июньско-октябрьские законы 1886 года (о штрафах, расчётных книжках и т. д.) были прямым результатом стачек 1885—86 годов в центральном районе. Июньскому закону 1897 года (о сокращении рабочего дня) предшествовали стачки 1895—96 годов в Петербурге. Законы 1903 года (об «ответственности предпринимателей» и «фабричных старостах») были прямым результатом «южных стачек» в том же году. Наконец, законы от 15 ноября 1906 года (о сокращении рабочего дня и воскресном отдыхе приказчиков, конторщиков и ремесленников) являются прямым результатом июньско-июльских стачек текущего года по всей России»¹.

Стачки — мощное политическое и экономическое оружие в руках рабочего класса. Статистика стачек у нас, в России, велась только с 1895 года². Главным недостатком её является преуменьшение сведений о числе бастовавших рабочих и то, что статистикой были охвачены только рабочие предприятий, подчинённых фабричной инспекции, следовательно, рабочие горных, железнодорожных и других предприятий не были

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 291.

² См. «Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг.»; «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.»; «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трёхлетие 1906—1908 гг.»

учтены, но и в таком виде эта статистика даёт богатейшие материалы о стачечной борьбе русских рабочих в период 90-х и 900-х годов.

ДИНАМИКА ЧИСЛА СТАЧЕК И БАСТОВАВШИХ РАБОЧИХ В РОССИИ
с 1895 по 1912 г.¹

Годы	Число стачек		Число бастовавших рабочих	
	всего	% всех заведений	всего	% всех рабочих
1895	68	0,4	31 195	2,0
1896	118	0,6	29 527	1,9
1897	145	0,7	59 870	4,0
1898	215	1,1	43 150	2,9
1899	189	1,0	57 498	3,8
1900	125	0,7	29 389	1,7
1901	164	1,0	32 218	1,9
1902	123	0,7	36 671	2,2
1903	550	3,2	86 832	5,1
1904	68	0,4	24 904	1,5
1905	13 995	93,2	2 863 173	163,8
1906	6 114	42,2	1 108 406	65,8
1907	3 573	23,8	740 074	41,9
1908	892	5,9	176 101	9,7
1909	340	2,3	64 166	3,5
1910	222	1,4	46 623	2,4
1911	466	2,8	105 110	5,1
1912	1 918	?	683 361	?

Таблица даёт яркую картину стачечного движения. До 1905 г. общее число бастовавших рабочих, по этим данным, не превышало 5,1% всех рабочих, это был предреволюционный период стачечного движения. 1905 год даёт невиданный в истории рабочего движения взлёт стачечного движения, продолжавшийся, хотя и с несколько меньшей силой, в 1906 и в 1907 гг. В 1905 г. имелось почти 14 тыс. стачек с числом бастовавших рабочих 2,9 млн. человек. Бастовало свыше 90% всех заведений. В этом году несколько больше половины всех рабочих бастовало в среднем по 2 раза, а в таких промышленных центрах, как Петербургская и Варшавская губернии, в среднем рабочий бастовал почти 4 раза в год.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 484.

За период 1895—1908 гг. группировка стачек была следующей: политические стачки охватывали 59,9% всех стачечников; стачки из-за заработной платы охватывали 24,3% всех стачечников, из-за рабочего дня — 10,9%, из-за условий труда — 4,8%. Период реакции дал снижение стачечного движения рабочих, но в 1911 г. замечается вновь рост числа стачек, а в 1912 г. имел место «...настоящий подъем революционного движения... когда вспыхнули массовые политические стачки в связи с ленским расстрелом рабочих»¹. В авангарде стачечного движения и революционного движения вообще шёл рабочий класс Петербурга, Прибалтийского края, Москвы и т. д. Стаечное движение продолжало нарастать: в 1913 г., по официальным данным, бастовало 861 тыс. рабочих, а по более полным данным, 1 272 тыс., в первой же половине 1914 г. участвовало в стачках около 1,5 млн. рабочих.

Развитие рабочего движения приводило к тому, что стачки втягивали в борьбу и крестьянство; за 1910—1914 гг. произошло свыше 13 тыс. крестьянских выступлений.

«Революционное стачечное движение и демонстрации, руководимые большевистской партией, показывали, что рабочий класс ведет борьбу не за частичные требования, не за «реформы», а за освобождение народа от царизма. Страна шла навстречу новой революции»².

Пролетариат крупнейших промышленных центров России играл передовую роль в стачечном и революционном движении. Крупные предприятия давали большее не только абсолютно, но и относительно число участников стачек.

В. И. Ленин приводил следующую таблицу, показывающую связь концентрации производства и интенсивности стачечного движения:

ИЗ 100 РАБОЧИХ КАЖДОГО РАЗРЯДА БАСТОВАЛО *:

Разряды заведений		1895—1904 гг., т. е. 10 лет в сумме	За один 1905 г.
До 20	рабочих .	2,7	47,0
От 21 до 50	» . .	7,5	89,4
» 51 » 100	» . .	9,4	108,9
» 101 » 500	» . .	21,5	160,2
» 501 » 1 000	» . .	49,9	163,8
Свыше 1 000	» . .	89,7	231,9

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 140.

² Там же, стр. 143.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 487.

Эти данные показывают, что на крупнейших предприятиях было значительно большее число бастовавших рабочих, чем на мелких.

Высокий уровень концентрации русской промышленности имел огромное влияние на стачечное движение и на развитие революционного рабочего движения вообще. «Едва ли нужно доказывать, — писал товарищ Сталин, — что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны»¹.

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 127—128.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КОНЦЕНТРАЦИЯ И НОВАЯ РОЛЬ БАНКОВ. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Процесс концентрации происходил не только в русской промышленности, конкуренция вела также к концентрации и централизации банков.

«По мере развития банковского дела, — писал В. И. Ленин, — и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран»¹. Концентрация банковского дела в России сильно повысилась ещё в 90-х годах XIX в.; кризис в начале XX в. и последовавшая за ним депрессия усилили концентрацию банков. Так, в 1901 г. были ликвидированы харьковский Торговый банк, екатеринославский Коммерческий, Петербургско-Азовский; в 1904 г. — петербургско-московский и костромской Коммерческие банки; в 1909 г. были ликвидированы среднеазиатский Коммерческий, минский Коммерческий, Балтийский Торгово-промышленный банки и др. Банков в этот период было ликвидировано больше, чем возникло их вновь.

Концентрация банков приводила к тому, что главная масса всех средств коммерческих банков сосредоточивалась в крупных и крупнейших банках. Так, если в 1900 г. основная часть средств русских акционерных банков была сосредоточена в банках с капиталом размером до 9,9 млн. руб. — 43,7% и в банках с капиталом размером от 10 до 19,9 млн. руб. — 32,9%, то в 1914 г. больше половины всех капиталов банков — 52,1%

---

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 22, изд. 4, стр. 198.

было сосредоточено в семи крупнейших банках с капиталом свыше 30 млн. руб. Концентрация больше половины всех средств в руках этих банков превращала их в монополистов банковского дела, поскольку они могли распоряжаться и в значительной степени диктовать свою волю относительно более мелким банкам, формально самостоятельным, но фактически сильно подчинённым этим крупнейшим банкам.

КОНЦЕНТРАЦИЯ АКЦИОНЕРНЫХ БАНКОВ В РОССИИ¹

На 1 января	1-я группа — до 9,9 млн. руб.			2-я группа — от 10 до 19,9 млн. руб.			3-я группа — от 20 до 29,9 млн. руб.			4-я группа — от 30 млн. руб. и выше		
	сумма капиталов			сумма капиталов			сумма капиталов			сумма капиталов		
	число банков	в млн. руб.	в %	число банков	в млн. руб.	в %	число банков	в млн. руб.	в %	число банков	в млн. руб.	в %
1900 г.	30	82,4	43,7	6	62,0	32,9	2	44,0	23,4	—	—	—
1910 »	20	59,6	25,2	6	72,0	30,4	2	45,0	19,0	2	60,0	25,4
1914 »	24	63,0	10,8	11	130,5	22,5	4	85,0	14,6	7	303,0	52,1

Крупнейшими акционерными русскими банками по размерам своих капиталов были (на 1 января 1914 г.): Азовско-Донской (92,5 млн. руб.), СПБ Международный (79 млн. руб.), Русско-Азиатский (78,5 млн. руб.), Русский банк для внешней торговли (67,8 млн. руб.), Русский Торгово-промышленный (44,5 млн. руб.), Волжско-Камский (38,2 млн. руб.), Сибирский Торговый, СПБ частный коммерческий и т. д.

Во время предвоенного промышленного подъёма число банков увеличилось с 31 в 1910 г. до 47 в 1914 г., но размер капитала, приходившегося на один банк, не только не уменьшился, но увеличился. Сумма баланса всех банков возросла с 1 382,2 млн. руб. на 1 января 1901 г. до 6 233 млн. в 1914 г., соответственно размер акционерного капитала увеличился с 188,4 млн. руб. до 585 млн.; возросли также резервный капитал, депозиты, текущие счета и т. д. Резкое увеличение суммы балансов банков в годы войны и в особенности с 1916 г. было главным образом следствием инфляции.

Таким образом, на счетах коммерческих банков собирались всё более и более крупные суммы, искавшие высокоприбыльного применения.

Размер основного капитала, приходящегося на один банк, значительно возрос, особенно большие размеры капитала были у петербургских и московских банков; банки провинциальных

¹ Число банков на единицу меньше против числа банков, приводимых в нижеследующей таблице, так как в эти данные не включено отделение Парижского банка «Лионский кредит».

гродов были относительно мелкие, и значение их по мере развития монополистического капитализма падало.

Многие мелкие банки становились часто по существу простыми отделениями крупнейших банков. Быстрый рост отделений банков в России в эпоху монополистического капитализма (в 1900 г. их насчитывалось 242, а в 1914 г. — уже 743) свидетельствует в свою очередь об усилении влияния крупных банков и показывает, «...как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы...»¹

Процесс укрупнения банков происходил как в форме ликвидации мелких банков, так и в форме централизации, слияния отдельных банков в более крупные банки; именно таким образом были организованы Азовско-Донской банк, Соединённый банк, Северный банк и др. Начиная с 1910 г. происходила упорная борьба за ликвидацию самостоятельного существования Сибирского Торгового банка и за слияние его с Русско-Азиатским, а потом с петербургским Коммерческим частным банком; было произведено слияние белостокского Коммерческого банка с Русско-Французским и т. д.

«В 1908 г. возникает «Соединённый банк» путём слияния трёх банков — Московского Международного, Южно-Русского Промышленного и Орловского Коммерческого. В 1910 г. основан был Русско-Азиатский банк путём слияния Северного банка с Русско-Китайским. В 1909 г. Азовско-Донским банком скуплены были акции минского Коммерческого банка, и ещё раньше — акции киевского частного Коммерческого, которые, однако, вновь были проданы в 1910 г. В 1909 г. Соединённым банком скуплены были акции Балтийского Торгово-промышленного банка в Ревеле. Русско-Французский банк, открывшийся в 1912 г., поглотил белостокский Коммерческий, предполагал присоединить к себе также Воронежский и Киевский частный банки и банкирский дом Вавельберга...»² Процесс концентрации банков не исчерпывается прямым поглощением крупными банками более мелких. Банки объединялись в группы и на основе договоров об общности действий.

«Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*»³.

Коммерческие банки играли основную роль в накоплении денежных средств по сравнению с всевозможными обществами

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 201.

² «Банковое дело», 1927, стр. 152.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 207.

взаимного кредита, городскими банками и Государственным банком. Русский Государственный банк в отличие от банков крупных капиталистических стран действовал не средствами частных лиц и капиталистических предприятий, а главным образом средствами казны, располагая огромным золотым фондом. Вклады и текущие счета Государственного банка составляли в 1901 г. 671 млн. руб., в том числе казны — 480 млн. руб.; соответственно в 1914 г. — 1 228 млн. и 951 млн. руб.

«В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы»...»¹ В России также возросло как число счетов, так и размер вкладов сберегательных касс. Вклады в сберегательные кассы составили в 1900 г. 662 млн. руб., в то время как депозиты в банках в этом году равнялись 245,2 млн. руб. и текущие счета — 303,5 млн. руб.; но накануне войны сумма депозитов и текущих счетов банков уже несколько превышала размер вкладов в сберегательные кассы. Банки всё больше подчиняли сберегательные кассы и всевозможные мелкие кредитные товарищества. В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях сберегательных касс и крупных банков, писал: «...миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов те же магнаты банкового капитала...»²

Крупные банки через сберегательные кассы и всевозможные кредитные товарищества имели возможность распоряжаться также денежными доходами мелких хозяйчиков, служащих и т. д. Вклады сберегательных касс шли на поддержку государственного кредита.

ДИНАМИКА ЧИСЛА СЧЕТОВ И ВКЛАДОВ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАССАХ
РОССИИ (НА КОНЕЦ ГОДА)*

Годы	Число счетов (в тыс.)	Вклады (в млн. руб.)	Годы	Число счетов (в тыс.)	Вклады (в млн. руб.)
1900	3 551	662	1909	6 940	1 283
1901	3 949	723	1910	7 436	1 397
1902	4 369	784	1911	7 972	1 503
1903	4 854	861	1912	8 455	1 595
1904	5 127	911	1913	8 992	1 685
1905	4 988	831	1914	9 241	1 835
1906	5 665	1 035	1915	9 985	2 449
1907	6 210	1 149	1916	12 161	3 890
1908	6 560	1 208			

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 205.

² Там же.

³ «Отчёт государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 год», 1916, стр. 16.

За время первой мировой войны концентрация банков ещё более усилилась. На 1 января 1917 г. 8 крупнейших акционерных банков-монополистов сосредоточивали 66% всей суммы сводных балансов банков.

Концентрация банков и образование монополий обуславливают изменение взаимоотношений между банками и промышленностью. Банки, концентрируя в своих руках громадные капиталы, превращаются из скромных посредников в всемогущих монополистов, которые благодаря упрочению связей с торгово-промышленными предприятиями, монополиями не только могут точно знать состояние дел этих предприятий, контролировать их деятельность, но и «...*всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.»¹

Промышленно-торговые предприятия, таким образом, попадают всё в более полную зависимость от банков, происходит сращивание банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала. Этот процесс протекал интенсивно и в России. «Следовательно, — писал В. И. Ленин, — слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»².

Сращивание банковского капитала с промышленным происходило у нас, в России, в различных формах — путём концентрации в банках акций промышленных и транспортных предприятий, через кредитные операции, различные финансовые реорганизации, путём установления личной унии банков с промышленно-торговыми предприятиями и т. д.

По различным материалам можно проследить процесс сращивания банковского капитала с промышленным, происходивший в России. Между заводами и банками образуется тесное взаимодействие. Долг завода всё увеличивается. Для того чтобы дать обеспечение, завод закладывает свои пай, и, таким образом, владельцем т-ва является уже фактически банк; недвижимое имущество — самый завод — служит обеспечением уплаты акциза. Наступает год кризиса. Пошатнувшееся предприятие уже окончательно остаётся за банком; представители банка входят в правление завода, который поглощает всё новые и новые средства.

Роль банков в сахарной промышленности была охарактеризована товарищем министра финансов следующим образом: «Из обмена мнений об участии банков в сахарной промышлен-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 203.

² Там же, стр. 220.

ности выяснилось, что нельзя отрицать влияния банков на промышленность, что влияние это переходит тесные границы кредита и что участие банков в акционерных и товарищеских предприятиях является преобладающим... Некоторые банки принимают самое широкое участие в сахарной промышленности, и это участие выражается не одним только открытием кредитов, но, в некоторых случаях, и участием в самых предприятиях и в торговле сахаром».

Аналогичная картина наблюдалась и в текстильной промышленности, где банки захватили торговлю сырьём — хлопком, поэтому не случайно, что накануне первой мировой войны снабжение хлопком центрального района производилось главным образом посредством банков (Русско-Азиатского и Азовско-Донского).

В эпоху монополистического капитализма коммерческие банки стали производить в широких размерах торговлю хлебом, салом, углем, сахаром, хлопком и т. д. Так, в 1909 г. весь экспорт хлеба из Николаевского порта равнялся 101 млн. пуд., в том числе 36 млн. пуд., или около 35%, было отгружено банками. На съездах представителей биржевой торговли раздавались многочисленные вопли о том, что «банки уклоняются от первоначальных задач финансирования торговли и промышленности в сторону приобретения прав по торговле за свой счёт», что «банки не только дают, но и умерщвляют частную торговую инициативу», что необходимо «воспретить банкам заниматься комиссионной, торговой и в особенности экспортной деятельностью». Между банками и отдельными синдикатами, как, например, «Продуголь», имелись секретные договоры.

Журнал «Финансовое обозрение» в статье «Банки и Продуголь», не высказывая претензий к давно известной монопольной политике «Продугля», писал:

«Но ещё печальнее, что имеются указания о прикосновенности к делам «Продугля» целого ряда наших солиднейших банков, репутация которых была до сих пор безупречна, а именно: Волжско-Камского, Азовско-Донского и Северного...

Мы ставим вопрос перед банками:

1. Правда ли, что по мысли Северного банка образовалось соглашение между обществом «Продуголь» и тремя крупнейшими банками: Волжско-Камским, Азовско-Донским и Северным, по которому общество обязалось вести все свои кредитные операции исключительно при содействии трёх указанных банков и подчиняться путём особой системы бухгалтерии самому тщательному контролю последних?

2. Правда ли, что указанные банки обязались в свою очередь предоставить обществу «Продуголь» особенно благоприят-

ятные условия по учёту его векселей, фактур, накладных и вообще по всем его кредитным операциям?

3. Правда ли, что, оказывая неограниченный кредит и привилегированный кредит обществу «Продуголь», указанные банки сократили и сделали более тяжёлым таковой для независимых каменноугольных предприятий и тем отдали в руки «Продугля» весь каменноугольный рынок?

4. Правда ли, что, сознавая недопустимость по законам такого соглашения, банки заключили его без соблюдения каких-либо формальностей?

5. Правда ли, что указанными банками приняты меры к сокрытию в своих книгах своеобразного характера по операциям с обществом «Продуголь»?

Правда ли всё это? Неужели наши банки приложили свою руку к тому «делу», которое нанесло столько вреда русской промышленности, которое одному только мин. пут. сообщения причиняло в год более 1,5 млн. руб. убытков?»¹

Русские банки, в которых играл значительную роль иностранный капитал, вкладывали средства в крупнейшие синдикаты. В. И. Ленин приводил следующие данные Е. Агада: из всей «мощи» петербургских крупнейших банков в 8 235 млн. руб. «...функционирующего капитала — 3 687 миллионов, т. е. свыше 40 %, приходится, по расчету автора, на синдикаты: Продуголь, Продамет, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности»².

Одновременно с увеличением в портфелях банков количества акций промышленных предприятий устанавливается личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли.

Многие фабриканты одновременно являлись и членами советов банков. Эту личную унию банков «...с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торговопромышленных предприятий и обратно»³ можно проследить в различных отраслях промышленности. Так, в состав совета Московского банка входили известные текстильные фабриканты Рябушинский, Дербенев, Коновалов и др.⁴ В совете Московского купеческого банка также встречаем крупнейших капиталистов русской промышленности — Баранова (Троицко-Александровская мануфактура), Кнопа,

¹ «Финансовое обозрение» № 4 за 1910 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 220.

³ Там же, стр. 208.

⁴ См. «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», раздел «Банки и кредитные учреждения», «М», № 836, изд. 2, 1914.

Морозова, Прохорова (владелец Прохоровской мануфактуры) и др. Московский торговый банк и Московский учётный банк также тесно срослись с текстильной промышленностью. В советах этих банков встречаем известных воротил текстильной промышленности — А. Кнопа, А. Карзинкина (член правления Ярославской мануфактуры), К. Гучкова, Е. Морозова и др.¹

Личная уния банков с промышленными предприятиями заключалась также и в том, что директора банков состояли членами правлений предприятий. Так, член Азовско-Донского банка Я. Минц участвовал в правлении Серпуховской и Богородско-Глуховской мануфактур. Наиболее крупные капиталисты имели связи не с одним банком, например, братья Кноп были связаны с четырьмя банками, Прохоров — с тремя, Дербеневы — с двумя и т. д. Председатель правления Русско-Азиатского банка Путилов занимал следующие должности: директора нефтяного общества т-во «Лианозова и К^о» и директора общества Московско-Казанской железной дороги; кроме того, он состоял членом правления следующих обществ: нефтяного общества «Нобель» и «Эмба — Каспий», Николаевских судостроительных заводов, общества «Лена Гольдфильдс» и др. и был председателем правления общества Путиловских паровозостроительных заводов.

Наконец, «личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством»². Характеризуя соотношение классов в России периода 1904—1916 гг., В. И. Ленин в частности писал:

«Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики»³.

Во время войны персональная уния сращивания банков с государственным аппаратом усилилась. В. И. Ленин, разоблачая связи банков с правительством, писал в апреле 1917 г.:

«Бывший министр иностранных дел и нынешний товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Покровский вступил членом Совета в Русский для внешней торговли банк. В члены Совета банка вступил также бывший председатель Совета министров граф В. Н. Коковцов...

Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр... *а в скольких банках участвуют (директорами,*

¹ См. «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», раздел «Банки», «М», № 837, 839 и 840, изд. 2, 1914.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 209.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 111.

пайщиками, фактическими хозяевами) нынешние министры Гучков, Терещенко, Коновалов?..»¹

Банки вкладывали свои средства в промышленные, транспортные и торговые предприятия. Значительная доля этих средств вкладывалась в акционерные общества, что усиливало сращивание банковского и промышленного капитала. Банки способствовали росту акционерных обществ, они выступали организаторами их, получая при этом большую учредительскую прибыль.

УЧРЕЖДЕНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ²

Годы	Число	Основной капитал (в млн. руб.)	Годы	Число	Основной капитал (в млн. руб.)
1899	325	363,3	1909	82	75,0
1900	202	250,8	1910	104	108,8
1901	135	107,6	1911	166	185,3
1902	78	73,2	1912	202	233,5
1903	76	68,1	1913	241	403,1
1904	84	85,2	1914	180	239,2
1905	75	74,9	1915	138	189,8
1906	85	69,4	1916	244	381,8
1907	109	122,7	1917	335	825,5

Централизация капиталов в акционерных обществах приводила к образованию крупных предприятий. «Отсюда: ...Колоссальное расширение размеров производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала»³.

Учреждение акционерных обществ достигло больших размеров в России ещё в период промышленного подъёма 90-х годов. В начале XX в. под влиянием кризиса и последовавшей депрессии учреждение акционерных обществ уменьшилось, и, как видно из приведённой таблицы, перелом произошёл лишь в 1907 г.

Среди капиталов акционерных обществ значительную роль играл иностранный капитал, иностранные банки: в 1900 г. на долю иностранных акционерных обществ приходилось около

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 96.

² «Статистика акционерного дела в России» № 318, вып. 11, Харьков 1908, стр. VI; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922, стр. 155.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 449.

29%¹ всего основного капитала акционерных обществ России. Акционерные общества учреждались в различных отраслях промышленности, транспорта и торговли.

Так, в 1909 г. в отраслях горной промышленности было организовано 13 обществ, в торговле — 17, в пищевой промышленности — 12, в текстильной — 9, а всего 82 акционерных общества; в 1913 г. из 241 общества 40 приходилось на горное дело, 39 — на торговлю, 28 — на обработку металла, 31 — на пищевую промышленность и т. д.

Война усилила процесс слияния банковского и промышленного капитала, усилила монополизацию промышленности.

Финансовый капитал, получавший огромные прибыли во время войны, всячески усиливал спекулятивное учредительство. Учредительство новых предприятий во время войны достигло очень больших размеров.

УЧРЕДИТЕЛЬСТВО ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ²

	Учреждено предприя- тий	Капиталы учреждённых предприятий (в млн. руб.)
С августа 1914 г. по август 1915 г.	250	208
» » 1915 » » 1916 »	477	545
» » 1916 » » 1917 »	826	1 056

Акционерная форма организации предприятий давала возможность крупнейшим банкам господствовать над огромными массами чужого капитала, поскольку «...достаточно владеть 40% акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества, ибо известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д.»³ Крупные банки, владея контрольным пакетом акций, фактически были хозяевами этих предприятий. Посредством акционерных обществ капиталисты распоряжались не только «своим» капиталом, но и акциями многочисленных их мелких держателей. В. И. Ленин в статье «Рост капиталистического богатства» приводил следующие данные о деятельности в России страховых акционерных обществ с 1902 по 1911 г.:

¹ См. Л. Воронов, Иностранные капиталы в России, 1901, стр. 24.

² См. «Стенографический отчёт заседания Экономического совета при Временном правительстве» № 3 от 24 июля 1917 г., стр. 25.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 216.

УЧРЕЖДЕНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ¹⁾
(а—число, б—капитал в млн. руб.)

Годы	Обработка волокни- стых ве- ществ	Бумажно- полигра- фическое производ- ство	Механиче- ская обработка дерева	Выплав- ка и обработ- ка метал- ла	Обработка			Производ- ство хими- ческих продуктов	Торго- вая дело	Пере- возка	Благо- устрой- ство	Разные отрас- ли	Всего
					мине- раль- ных ве- ществ	про- дуктов живот- новод- ства	пище- вых и вкусо- вых ве- ществ						
1909 а б	9 15,0	3 3,1	2 0,8	4 2,2	— —	2 1,6	12 7,8	5 1,9	13 19,9	17 6,9	5 1,3	7 9,2	82 75,0
1910 а б	10 9,7	8 4,4	5 1,5	9 26,5	1 0,2	2 0,5	17 20,6	11 5,1	9 15,9	15 8,9	8 4,6	2 1,3	104 108,8
1911 а б	18 23,1	4 5,9	— —	14 18,9	6 4,4	7 2,8	26 23,3	6 3,4	29 57,8	28 25,7	16 8,5	7 5,2	166 185,3
1912 а б	20 22,8	11 4,9	10 7,0	24 28,8	13 8,6	3 1,9	26 26,3	3 3,7	26 56,5	28 31,1	19 13,9	14 25,0	202 233,5
1913 а б	15 16,2	9 11,7	14 4,7	28 75,6	13 17,4	3 4,8	31 30,0	13 7,5	40 145,7	39 19,5	17 26,2	14 40,4	241 403,1
1914 а б	12 15,3	12 7,9	6 5,7	19 16,9	4 2,2	6 7,6	16 10,3	5 2,0	26 71,1	30 53,7	25 20,6	14 16,6	180 239,2
1915 а б	12 14,2	8 7,3	6 25,0	11 19,8	4 1,9	5 3,8	14 19,9	6 7,7	27 46,8	20 14,5	17 12,0	6 16,1	138 189,8
1916 а б	16 35,3	6 14,7	6 2,6	38 64,0	10 12,8	4 3,0	20 18,3	17 20,5	43 107,7	43 31,7	26 32,0	11 33,2	244 381,8
1917 а б	26 84,4	18 26,6	20 75,0	34 89,6	5 5,3	13 17,6	28 81,7	17 21,6	58 177,2	41 57,4	28 28,0	36 134,2	335 825,5

¹⁾ Обзоры главных отраслей промышленности и торговли за 1911 год, стр. 28, и за 1912 год, стр. 50; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922, стр. 155.

«Акционерный капитал был в 1902 году 31 $\frac{1}{3}$ миллиона рублей (в 21 акционерном предприятии), а в 1911 году (то же 21 предприятие) — 34,8 миллиона рублей...

Посмотрите, как развернулись за десять лет наши страховые короли. Дивиденд на акционерный капитал составлял в среднем за 10 лет *свыше* 10 процентов!! Недурная прибыль? В худший год десятилетия «заработали» — по 6 копеек на рубль, а в лучшие годы по 12 копеек!

Запасные капиталы удвоились: в 1902 году они составляли 152 миллиона руб., а в 1911 году — 327 миллионов. Имущество почти что удвоилось: в 1902 году было 44 миллиона, в 1911 — 76 миллионов.

Итого, 32 миллиона *нового* имущества за десять лет в двадцати одном предприятии!»¹

Усилению роли крупных монополий, в частности банковских, особенно содействовала так называемая система участия. В. И. Ленин, приведя данные актива 19 русских коммерческих банков за октябрь — ноябрь 1913 г., писал о размерах системы участия в русских крупных банках, что «по этим данным, из почти 4-х миллиардов рублей, составляющих «работающий» капитал крупных банков, *свыше* $\frac{3}{4}$, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковое трио: Парижский союз; Парижский и Нидерландский; Генеральное общество) и берлинских (особенно Немецкий и Учетное общество). Два крупнейших русских банка «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («СПБ международный торговый банк») повысили свои капиталы с 1906 по 1912 г. с 44 до 98 милл. руб., а резервы с 15 до 39 милл., «работая на $\frac{3}{4}$ немецкими капиталами»; первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого банка», второй — берлинского «Учетного общества». Добрый Агад глубоко возмущается тем, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций и что поэтому русские акционеры бес-сливки. И разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: напр., берлинский «Немецкий банк», вводя в Берлине акции Сибирского торгового банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т.-е. почти вдвое, «заработав» около 6 милл. рублей барыша, который Гильфердинг назвал «учредительским барышом»»².

Банки, приобретая акции различных предприятий, учреждая новые акционерные общества, всё более и более становились

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 177—178.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 219—220.

хозяевами этих предприятий; одновременно промышленные монополии покупали акции срачиваемых с ними банков.

«Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»¹.

Финансовый капитал в России, господствовавший во всех основных отраслях народного хозяйства, присваивал огромные массы чужого труда и капитала, прибирал к рукам громадные прибыли от учредительства, выпуска ценных бумаг, государственных займов и т. п., «...закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам»².

Этот процесс усиления господства финансовой олигархии убыстрялся тем, что в России финансовый капитал, укрепляя свои связи с государственным аппаратом страны, получал огромную прибыль от так называемого государственного хозяйства, используя систему кредита, бюджет, специальные ссуды промышленности и т. д.

Акционерные коммерческие банки имели крепкие связи с государственным аппаратом. «Русские министры финансов назначают директоров банков (часто из чиновников), — через «Кредитную канцелярию» выдают миллионы в субсидии банкам и т. д.»³ Эти субсидии доходили до 800—1 000 млн. руб.

Россия хотя и стояла на пятом месте по сумме ценных бумаг после наиболее богатых капиталистических стран — 31 млрд. фр. (в 1910 г.), всё же растущая эмиссия ценных бумаг (в 1908 г. было выпущено их на 900 млн. руб., а в 1912 г. — уже на 1 350 млн. руб.) служила крупным источником образования финансового капитала.

Бюджет царской России, увеличившийся с 1,7 млрд. руб. в 1900 г. до 3,4 млрд. в 1913 г. в доходной части, за все эти годы в своей ординарной части давал превышение доходов над расходами даже в годы русско-японской войны. Однако сведение ординарного бюджета без дефицита не означало ещё отсутствия дефицита вообще. Дело в том, что с учётом чрезвычайных расходов, даже по официальным данным за многие годы этого периода, расходы превышали доходы⁴, в особенности в 1904 г., не говоря уже о военных годах (1914—1917 гг.).

Дефициты, как и прежде, покрывались главным образом займами. В. И. Ленин в статье «По поводу государственной росписи» писал в 1902 г.:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 214.

² Там же, стр. 220.

³ В. И. Ленин, Тетради по империализму, 1939, стр. 92.

⁴ См. «Ежегодник России 1910 г.», 1911, стр. 638, и «Ежегодник России 1915 г.», 1916, отдел XII, стр. 4.

«Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1 946 млн.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 млн. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 млн. руб. (весь заем был в 148 млн. руб., но 21 млн. еще не дополучен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 млн. руб., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 млн. руб. не покрыть расхода в 144 млн. руб. Во-вторых, в свободную наличность (114 млн. руб.) вошли 63 млн. руб. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы *искусственно уменьшаете* предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздуть «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 руб. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно», ввиду китайской войны) и пр.»¹

В структуре доходной части бюджета 1913 г. основные статьи были следующие: прямые налоги — 273 млн. руб., косвенные (табачный, сахарный, спичечный, нефтяной и др.) — 708 млн. руб., различные пошлины — 231 млн. руб., доход от казенной винной монополии — 899 млн. руб., доходы от казенного имущества и капитала (железные дороги, казенные заводы, от банковых операций и др.) — 1 044 млн. руб. и т. д.

Доходная часть бюджета возросла не только в связи с ростом народного хозяйства, но и в связи с ростом тяжести обложения, в особенности косвенных налогов, поднявшихся с 505 млн. руб. в 1900 г. до 708 млн. в 1913 г., а с включением винной монополии — с 775 млн. руб. до 1 607 млн., а также в связи с увеличением таможенного дохода, возросшего благодаря усилению протекционизма в эпоху империализма. Косвенные налоги падали всей тяжестью на трудящееся население. «Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Малоимущая и неимущая масса составляет $\frac{9}{10}$ всего народонаселения, потребляет $\frac{9}{10}$ всех обложенных продуктов и платит $\frac{9}{10}$ всей

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 304—305.

суммы косвенных налогов, а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых»¹.

Среди чрезвычайных доходов основное и главное значение имели доходы от государственных внутренних и внешних займов, достигшие в 1904 г. 383 млн. руб., а в 1905 и 1906 гг. ещё больше — 789 млн. и 1 077 млн. руб. (о займах см. ниже).

В расходной части обыкновенного бюджета, который достиг в 1913 г. 3 094 млн. руб., основная часть средств — 482 млн. руб. — проходила по министерству финансов, а с учётом государственного кредита — 906 млн. руб., по министерству путей сообщения — 640 млн. руб., по военному и морскому министерствам расходы лишь по обыкновенному бюджету увеличились до 826 млн. руб. Монополистическая стадия капитализма с её законченностью территориального раздела мира неизбежно связана с ростом вооружений, с милитаризмом; рост военных бюджетов в эпоху империализма характерен и для других капиталистических стран.

Эксплоатация казённых железных дорог, являвшихся часто убыточными, всевозможные «пособия» акционерным обществам железных дорог, прямые и косвенные поддержки промышленных предприятий и т. д. составляли большую долю средств, проходивших по двум первым министерствам, большую долю бюджета. Характерны незначительные средства, отпускавшиеся царским правительством на просвещение: расходы по министерству просвещения в 1900 г., составлявшие всего лишь 34 млн. руб., были почти равны расходам ведомства святейшего синода и в несколько раз были меньше расходов министерства внутренних дел². В. И. Ленин писал в 1902 г., что «Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 млн. руб. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 млн. руб. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию, и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов»³.

Среди чрезвычайных расходов немалая роль принадлежит расходам по сооружению и выкупу железных дорог, выдаче обществам железных дорог субсидий, достигавших, например в 1902 г., 101 млн. руб. На погашение государственного долга было израсходовано в 1906 г. 445 млн. руб.⁴ К чрезвычайным расходам нужно отнести также расходы, вызванные войнами

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 309.

² См. «Ежегодник России 1910 г.», Спб. 1911, стр. 644—647.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 308—309.

⁴ См. «Ежегодник России 1910 г.», Спб. 1911, стр. 648—649.

и их последствиями, расходы по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая. В 1901 г. последние составили мизерную величину в 20 млн. руб., в 1906 г. — 110 млн., в 1912 г. — 2 млн. руб. В. И. Ленин иронически указывал, что помощь крестьянам в 1901 г. в 20 млн. руб. при недоборе хлеба в 250 млн. руб. не являлась очень «щедрой»¹.

Финансисты царского правительства всячески пытались добиться превышения доходов над расходами, пытались достигнуть так называемой «свободной наличности». В. И. Ленин в статье «Свободная наличность» показал способы образования этой наличности (займы, повышение цен на водку и т. д.).

С началом империалистической войны, вызвавшей колоссальные расходы, этой «свободной наличности» хватило лишь всего на несколько дней.

На период монополистического капитализма приходится две крупнейшие войны, в которых участвовала Россия. Мы видели раньше, что Россия на протяжении всего XIX в., имея несовершенную финансовую систему, проводила войны главным образом за счёт выпуска бумажных денег. Русско-японская война, стоимость которой для России определена свыше 3 млрд. руб. золотом², вновь создала положение, при котором бюджет не мог покрыть все расходы, связанные с войной, тем более что при растущих расходах доходы обыкновенного бюджета в эти годы не увеличивались: в 1904 г. обыкновенные доходы даже снизились против предыдущего года; в 1905 г., несмотря на резкое увеличение многих налогов, доходы были меньше, чем в 1903 г. Русско-японская война была профинансирована главным образом за счёт займов и в частности за счёт иностранных займов.

Царское правительство, введя с огромными трудностями и затратами за счёт трудящихся золотую валюту, предпочло внешние займы, главным образом французские, бумажному денежному обращению при финансировании этой войны. Конечно, это увеличило ещё больше государственный долг России и ещё сильнее обременило бюджет расходами по оплате процентов и по погашению самих займов, и без того игравших в русском бюджете в этот период большую роль.

Во время первой мировой войны обыкновенный бюджет вновь не смог изыскать средств для ведения войны. Это произошло не только потому, что целый ряд доходов бюджета был сокращён во время войны в связи, например, с отменой водочной монополии, дававшей перед войной свыше одной четверти всех доходов бюджета, в связи с уменьшением таможенного

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 308.

² «Министерство финансов, 1904—1913 гг.», стр. 10.

дохода, доходов от железных дорог, лесного хозяйства и т. д.

Военные расходы были велики, а бюджет и народный доход России по сравнению с ними были незначительны. Военные расходы за первую мировую войну определяются, по различным источникам, довольно неодинаково, в бумажной валюте они исчисляются в 52 млрд. руб., а в пересчёте по индексу — в 21 млрд. довоенных рублей¹. Цифра колоссальная. Военные расходы России в период первой мировой войны по сравнению с русско-японской войной возросли почти в десять раз и не шли ни в какое сравнение с увеличением государственного бюджета и народного дохода за период между этими двумя войнами. Расходы на войны возрастали в огромной степени: если расходы России по Крымской войне измерялись сотнями миллионов рублей, по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. — около 1 млрд., то русско-японская война стоила нашей стране уже несколько миллиардов, а первая мировая война — несколько десятков миллиардов рублей. Даже с учётом изменения покупательной силы денег за рассматриваемый период стоимость войн исключительно возрастала.

Царское правительство решало проблему финансирования первой мировой войны опять старыми методами — займами и в первую очередь внешними займами и выпуском бумажных денег. С начала войны был введён ряд новых налогов и были повышены существовавшие налоги².

На внешних займах мы остановимся ниже, что же касается внутренних долгосрочных займов, то семь займов, выпущенных на протяжении войны царским и Временным правительствами, дали к сентябрю 1917 г. 10,5 млрд. руб., краткосрочные обязательства — несколько млрд. руб., выпуск бумажных денег дал, как мы увидим ниже, около 19 млрд. руб. Общая сумма полученных за время войны Россией займов за границу определяется в 6—8 млрд. руб. Определить эту цифру точно весьма трудно, поскольку эти займы выражаются в разной валюте. Из этой суммы внешних займов около 1 млрд. руб. были получены во Франции, по 200 млн. руб. в США и Японии, а основная часть средств была получена от английского правительства. После русско-японской войны, из которой Россия вышла ослабленной, английское правительство охотнее, чем прежде, предоставляло займы царскому правительству.

В результате всего этого государственная задолженность России, ложившаяся на плечи трудового народа, сильно воз-

¹ См. «Большая советская энциклопедия», т. 12, стр. 356.

² См. Н. А. Михайлов, Государственные доходы и расходы России во время войны, 1917.

росла. Огромный внешний долг наложил определённый отпечаток на характер финансового капитала в России.

Уже в начале XX в. Россия была второй страной в мире по государственному долгу и первой по размеру ежегодных расходов, идущих на уплату процентов, поскольку кредит стоил у нас весьма дорого. Правда, на душу населения государственный долг в России был меньше, чем во многих странах, составляя на начало 1913 г. 53 руб. против 148 руб. в Англии и 146 руб. в Германии, но при этом национальный доход на душу населения в нашей стране составлял относительно этих стран также меньшую величину. Франция занимала первое место в мире по абсолютному размеру государственного долга и по его размеру на душу населения. Государственный долг России возрос с 6 392 млн. руб. в 1901 г. до 10 488 млн. в 1914 г.

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА
РОССИИ¹
(на конец года)

1901 г. . . . 6 392 млн. руб.	1911 г. . . . 8 958 млн. руб.
1904 » . . . 7 082 » »	1912 » . . . 8 858 » »
1906 » . . . 8 626 » »	1913 » . . . 8 824 » »
1907 » . . . 8 726 » »	1914 » . . . 10 488 » »
1908 » . . . 8 852 » »	1915 » . . . 18 877 » »
1909 » . . . 9 055 » »	1916 » . . . 25 221 » »
1910 » . . . 9 030 » »	

Перед первой мировой войной внешний государственный долг немного превышал внутренний. За время первой мировой войны государственный долг возрос до колоссальных размеров. Политика царского правительства поставила Россию в финансовую зависимость от иностранных государств. Выплата одних лишь процентов по внешним займам составляла значительную часть бюджета. Царизм был «...агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине, Брюсселе»².

Концентрация производства и развитие монополий внесли изменения в капиталистическую кредитную систему России, в частности в деятельность Государственного банка. Русский Государственный банк во многом отличался от европейских уже потому, что основными ресурсами нашего Государственного банка были средства казны. Из всех вкладов и текущих

¹ «Военные займы», Сборник статей под ред. М. И. Туган-Барановского, 1917, приложение. (За 1915, 1916 гг. — по сметам.)

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 75.

счетов банка на начало 1914 г. в сумме 1 228 млн. руб. средства казначейства составляли 951 млн. руб., или свыше 75 %, остальные являлись депозитами частных лиц и учреждений. Государственный банк не являлся представителем чистой формы эмиссионного учреждения.

Государственный банк в сильной степени зависел от царского правительства и в отличие от прежнего времени являлся должником казначейства. По размерам своей коммерческой деятельности Государственный банк превышал любой русский коммерческий акционерный банк — явление, специфически свойственное русской капиталистической кредитной системе. Правда, учётно-ссудные операции всех акционерных банков уже в 90-х годах XIX в. превышали соответствующие операции Государственного банка, а в 1914 г. это превышение достигло трёхкратного размера. При общей дороговизне кредита в России по сравнению с более богатыми капиталистическими странами ставки Государственного банка были ниже ставок частных банков. Эти ставки в эпоху монополистического капитализма были следующие ¹:

Годы	Средняя ставка Государственного банка	Средняя частная учётная ставка в Петербурге
1900	5,52	6,18
1901	5,14	5,67
1902	4,55	4,65
1903	4,50	5,00
1904	5,42	5,86
1905	5,69	5,87
1906	7,28	7,35
1907	7,12	6,97
1908	5,92	6,04
1909	4,95	5,13
1911	4,50	5,00
1912	5,06	5,10
1913	6,00	6,11

Почти за все годы учётная ставка Государственного банка была ниже частной ставки. Государственный банк — этот «банк банков» — кредитовал в первую очередь коммерческие банки, кредиты же частным лицам и учреждениям составляли меньшую часть его учётно-ссудных операций. Среди последних основное место принадлежало учёту и специальным текущим счетам под векселя, объём которых увеличился с 261 млн. руб.

¹ Частная учётная ставка взята по первоклассным векселям, регистрируемым на бирже.

в 1900 г. до 596 млн. в 1914 г.; операции в форме ссуд и специальных текущих счетов под процентные бумаги достигли в 1914 г. 203 млн. руб. против 73 млн. в 1900 г. Перед войной Государственный банк давал большие хлебные ссуды, финансируя хлебные операции в больших размерах.

Государственный банк кредитовал не только акционерные банки, но и другие кредитные учреждения России — учреждения мелкого кредита, ипотечные банки, содействующие помещику землевладению. Государственный банк, покровительствуя монополиям, оказывал им вопреки уставу долгосрочные ссуды: задолженность капиталистической промышленности банку увеличилась во время кризиса 900-х годов в два раза с лишним. В. И. Ленин писал по этому вопросу, что «Гос. банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведение. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству!»¹

Перед первой империалистической войной задолженность капиталистических предприятий банку колебалась от 80 млн. до 100 млн. руб.

Начиная с 1900 и до 1905 г. размер золотого фонда превышал количество кредитных билетов; Государственный банк использовал право выпуска кредитных билетов, не обеспеченных золотом, лишь в 1906 г.

Русско-японская война и революция 1905 г. значительно подорвали экономику царской России, денежное обращение в этот период было напряженным, ибо в связи с выпуском краткосрочных обязательств и кредитных билетов, не обеспеченных золотом, Государственный банк стоял перед опасностью невозможности размена бумажных денег на золото. Количество кредитных билетов в обращении увеличилось с 578 млн. руб. в 1904 г. до 854 млн. руб. в 1905 г. и до 1 208 млн. руб. в 1906 г., т. е. за два года увеличение произошло больше чем в два раза. С помощью кабальных займов во Франции золотой запас Государственного банка был увеличен.

Со второго года мировой войны положение радикальным образом меняется. Золотое покрытие рубля начинает снижаться, структура денежного обращения с начала войны начинает резко меняться: количество золота в обращении снижается с 629 млн. руб. (на 1 января) в 1913 г. до 494 млн. руб. в 1914 г. и 443 млн. руб. в 1916 г., в то время как численность кредитных билетов интенсивно возрастает — с 1 495 млн. руб. в 1913 г. до 5 617 млн. руб. в 1916 г. Что же касается увеличения золотого запаса Государственного банка с 1 732 млн. руб.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 306.

в 1915 г. до 2 260 млн. руб. в 1916 г. и 3 617 млн. руб. в 1917 г., то надо учесть, что «золото за границей» это «вовсе не золото, а текущий счёт, открытый Английским банком, имевший целью предоставить Государственному банку формальную возможность увеличения эмиссии на случай отказа Государственной думы в расширении эмиссионного права Государственного банка»¹. Золотой запас во время войны в действительности снизился. Согласно уставу Государственный банк мог выпустить кредитных билетов, не обеспеченных золотом, всего лишь на 300 млн. руб.; однако в дальнейшем это положение было изменено.

Выпуск бумажных денег царское правительство использовало наряду с долгосрочными займами и краткосрочными обязательствами для финансирования войны. В июле 1914 г. был отменён обмен бумажных денег на золото, вместе с тем эмиссионное право Госбанка было увеличено с 300 млн. руб. до 1,5 млрд. руб., а потом ещё четыре раза царское правительство увеличивало эту сумму, доведя её законом от 27 декабря 1916 г. до 6,5 млрд. руб.; буржуазное Временное правительство увеличило эту цифру указом от 7 сентября 1917 г. до 14,5 млрд. руб. Временное правительство продолжало политику безудержной инфляции. В результате перед Октябрьской революцией в обращении было кредитных билетов почти на 19 млрд. руб. Цены интенсивно росли, покупательная способность рубля ещё более интенсивно падала.

КУРС РУБЛЯ В ЛОНДОНЕ
(в процентах к паритету, среднемесячный)

Ме- сяц Год	Ян- варь	Фев- раль	Март	Ап- рель	Май	Июнь	Июль	Ав- густ	Сен- тябрь	Ок- тябрь	Но- ябрь	Де- кабрь
1914	—	—	—	—	—	—	—	—	80,4	84,3	80,6	80,6
1915	82,8	83,3	82,9	81,4	76,9	74,3	66,1	70,0	68,6	66,8	64,6	61,2
1916	58,9	62,7	62,1	61,3	60,7	60,9	60,4	62,9	63,1	60,6	59,4	59,2
1917	57,2	56,2	56,7	55,5	52,5	45,7	42,9	36,6	31,8	27,3	—	—

Следовательно, роль бумажных денег в финансировании первой мировой войны была весьма значительной, ими было покрыто около 40% всех расходов на войну. Политика царского и Временного правительств, направленная на финансирование империалистической войны путём кабальных займов, чрезмерной инфляции, ложилась тяжёлым бременем на плечи народных масс.

¹ «Банковое дело», Харьков 1927, стр. 150.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВЫВОЗ И ВВОЗ КАПИТАЛА. ВЫВОЗ И ВВОЗ ТОВАРОВ

В. И. Ленин писал, что «для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*»¹. Таким образом, вывоз капитала является одним из основных признаков монополистического капитализма. Вывоз капитала имел место и в эпоху промышленного капитализма, но в эпоху империализма он приобрёл важнейшее значение. Возник громадный «избыток капитала» в передовых капиталистических странах. Конечно, этот избыток имеет относительное значение.

«Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения»².

Россия не являлась страной классического империализма и в том смысле, что вывоз капитала в другие страны у неё не играл решающего значения. Наоборот, она в больших размерах ввозила капитал из более развитых стран.

Роль иностранного капитала для страны, ввозящей его, противоречива: прилив иностранного капитала, несомненно, ускоряет развитие капитализма, но вместе с этим страна, импортирующая капитал, всё больше и больше попадает в экономическую и политическую зависимость от страны-кредитора.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 228.

² Там же, стр. 229.

Страна, экспортирующая капитал, и страна, импортирующая его, отнюдь не являются равноправными в этом отношении, как пытался, например, доказывать в своё время Брандт. Он писал, что «раз экспортирующие страны заинтересованы если не в большей, то по крайней мере в одинаковой степени в экспорте капиталов, в какой заинтересованы импортирующие страны в приливе к ним капиталов, то очевидно, что об экономическом давлении одной страны на другую не может быть речи. В совершающемся международном экономическом акте *обе стороны являются полноправными*, обе одинаково зависят друг от друга и, следовательно, могут друг другу диктовать условия, клонящиеся к обоюдной выгоде»¹.

Промышленное развитие страны представители царизма, например Витте, мыслили главным образом за счёт привлечения иностранных капиталов. Витте предлагал усилить ввоз иностранного капитала в Россию, т. е. усилить её зависимость от зарубежных стран, считая, что «странно даже говорить о какой-то опасности для русской самобытности от ищущих у нас заработка иностранцев и иностранных капиталов»².

Относительно слабое развитие производительных сил, наличие многих феодальных пережитков, огромных колониальных окраин и т. д. — всё это при недостатке капиталов в стране не создавало условий для вывоза капитала из России в широких размерах. В экономике России и в эпоху монополистического капитализма экспорт товаров в сильной степени преобладал над вывозом капитала. Размер учтённого вывезенного капитала, по некоторым источникам, определяется цифрой в несколько сот миллионов руб. за всё время, тогда как экспорт товаров из России лишь в 1900 г. составлял 716 млн. руб., а в 1913 г. — 1 520 млн. руб.

Имевший место вывоз капитала из России был направлен в восточные страны: Персию, Афганистан, Манчжурию, Монголию, часть в Турцию и Балканские страны. В 1896 г. учётно-ссудный русский банк предоставил Персии заём в 1 млн. ф. ст., а в 1900 г. несколько банков предоставили Персии заём в 25 млн. руб. «Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий»³. В результате получения займов персидское правительство предоставило России ряд концес-

¹ Б. Ф. Брандт, Иностранные капиталы и их влияние на экономическое развитие страны, ч. I, 1898, стр. 47.

² С. Ю. Витте, Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, 1912, стр. 141.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 231.

сий. В конечном счёте Персия превратилась в полуколонию царизма и английского империализма, завладевших экономикой этой страны, державших её внешнюю торговлю в своих руках. Банки, предоставившие Китаю заём, «выторговали» себе право прокладки железной дороги, право на получение концессий на лес и т. д.

Русско-Китайский банк, слившийся в 1910 г. с Северным в Русско-Азиатский банк, представлял собой банк колониального типа. Отделения его имелись в Париже, в Лондоне, в Китае, Манчжурии, Японии, Монголии, Средней Азии, Бомбее и т. д. Он имел крупные привилегии от китайского правительства. Этот банк финансировал ряд предприятий в Манчжурии, а созданный Сибирский банк в значительной степени подчинил вывоз из России в Китай хлеба, нефти и сахара. Незначительный экспорт капитала имел место в Балканские страны. Но вывоз капитала из России далеко не имел того значения, которое он имел в таких странах, как Англия, Франция, Германия и др. Царское правительство в огромных размерах ввозило капитал в Россию, закабалая её в экономическом и политическом отношении. Конечно, привоз капитала в Россию в период промышленного капитализма ускорял развитие русского капитализма. В частности одной из причин промышленного подъёма 90-х годов в России был большой прилив капитала в нашу страну. Многие исследователи иностранного капитала преувеличивали роль его в экономике России, обращая при этом внимание главным образом на то ускорение роста производительных сил страны, которое было следствием ввоза капитала из-за границы, не учитывая всех отрицательных последствий импорта капитала.

Иностранный капитал играл особенно большую роль в эпоху монополистического капитализма, усиливая монополизацию промышленности, отвлекая от производительного использования накопления, образованные в народном хозяйстве России, препятствуя общему росту производительных сил в стране. Большая роль иностранного капитала в дореволюционной России отрицательно сказывалась на экономическом и политическом положении страны.

Перед первой мировой войной металлургия России и каменно-угольная промышленность Донбасса почти на три четверти зависели от иностранного капитала. Около половины добычи нефти находилось в руках англо-французского капитала.

Засилие иностранного капитала, главным образом французского, английского и бельгийского, в важнейших отраслях промышленности России плюс миллиардные займы, заключённые царизмом во Франции и Англии, «...приковали царизм к

англо-французскому империализму, превратили Россию в данницу этих стран, в их полуколонии»¹.

Дореволюционная Россия, относясь к числу стран, в которых «...прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»², являлась весьма выгодной страной для приложения капитала. Прибыль, получаемая капиталом, была в России значительно выше³, чем в странах с более развитым капитализмом. Об этом свидетельствует то, что учётный процент на протяжении промышленного и монополистического капитализма был в России значительно выше, чем в более развитых странах.

СРЕДНЕГОДОВОЙ БАНКОВСКИЙ УЧЁТНЫЙ
ПРОЦЕНТ⁴

	1886 г.	1890 г.	1899 г.
В Петербурге	5	5,85	5,59
» Лондоне	3,04	4,55	3,75
» Париже	3,00	3,00	3,06
» Еерлине	3,29	4,38	4,98
» Брюсселе	2,75	3,20	3,91

И на протяжении XX столетия в России был более высокий уровень ссудного процента, чем в западных державах, что видно из следующих данных (см. табл. на стр. 383).

Характерно, что в капиталистической России учётный процент, подвергаясь различным колебаниям и циклическим изменениям, не показывал заметного удешевления. Цена на землю в России хотя и повышалась в пореформенное время⁵,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 156.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 229.

³ Профессор Тиме писал: «Большой приманкой для иностранных капиталистов является и крупный дивиденд за последние годы в размере от 20 до 30%, выданный акционерам некоторых заводских предприятий, в то время когда за границей 8—10% считаются весьма хорошим доходом и обыкновенно 4—5% и меньше» («Горный журнал» № 1 за 1897 г.).

⁴ «Статистический ежегодник на 1914 год», 1914, стр. 829; «Банковая энциклопедия», т. I, 1914, стр. 310.

⁵ В 1891 г. средняя цена земли не превышала 39 руб.; за время с 1892 по 1896 г. средние цены колебались от 45 до 52 руб.; в 1898 г. средняя цена равнялась 76 руб.; в 1902 г. средняя цена повышается до 108 руб.; в 1906 г. — от 118 до 132 руб. (см. А. Кауфман, Аграрный вопрос в России, 1908, стр. 96—97).

		Петербург		Лондон		Париж		Берлин	
		выс- ший	низ- ший	выс- ший	низ- ший	выс- ший	низ- ший	выс- ший	низ- ший
Официаль- ный ди- сконт . .	1911 г.	4 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	4	3	3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	5	4
	1913 г.	6	6	5	4 ¹ / ₂	4	4	5 ¹ / ₂	5
Частный ди- сконт . .	1911 г.	7	5 ¹ / ₂	4 ³ / ₁₆	1 ³ / ₁₆	3 ¹ / ₂	2 ¹ / ₈	5	2 ¹ / ₄
	1913 г.	7 ¹ / ₂	6	5	3 ⁹ / ₁₆	4	3 ¹ / ₂	6	3 ¹ / ₈

но была значительно ниже уровня земельных цен в странах более развитого капитализма, что делало более выгодным приложение иностранного капитала в России, способствуя получению высокой прибыли. Низкая заработная плата русского рабочего в свою очередь повышала норму прибыли. В самом деле, средний заработок фабрично-заводского рабочего в России в 1911 г. равнялся 251 руб. в год, а в Америке в 1910 г. — 1 036 руб., т. е. в России средний заработок был более чем вчетверо ниже американского.

Уровень заработной платы русского рабочего был более чем в два раза ниже уровня заработной платы британских рабочих. Токарь по обработке металла зарабатывал в день в Москве в 1906 г. 2 р. 15 к., а в Лондоне — 2 р. 72 к., соответственно чернорабочий — 1 руб. и 1 р. 92 к.; каменщик — 1 р. 19 к. и 3 р. 50 к., плотник — 1 р. 28 к. и 3 р. 50 к. и т. д.; годовая заработная плата рабочего хлопчатобумажной промышленности России равнялась 200 руб., в Соединённом Королевстве — 460 руб. и т. д.

В. И. Ленин писал, что «...в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 93.

Следует также отметить, что усиленному стремлению иностранного капитала в Россию способствовал и тот факт, что уровень таможенных пошлин в России был в период монополистического капитализма весьма высокий.

В результате всех этих причин иностранный капитал охотно шёл в Россию как в форме ссудного, так и производительного.

Уже в 90-х годах в промышленность были вложены значительные иностранные капиталы. В. И. Ленин, конспектируя «Finanz-Archiv», статью Шульце «Французский капитал в России», выписал, что «в конце 1899 года в России было 146 иностранных концессионных обществ, с общей суммой капитала в 765 миллионов рублей или 2075 миллионов франков. Из них на Францию приходилось 792, на Бельгию — 734, на Германию — 261, на Англию — 231 миллион франков»¹.

После некоторой задержки прилива капитала во время кризиса 900-х годов вновь начало расти учредительство акционерных обществ. Перед империалистической войной около одной трети акционерного капитала принадлежало иностранному капиталу, вложения которого в промышленность, транспорт и торговлю составляли сумму порядка 1,5—2 млрд. руб. Наиболее зависима от иностранного капитала была русская горная промышленность, затем металлообрабатывающая, текстильная, химическая и другие отрасли. Царская Россия была резервом западного монополистического капитала и в том отношении, что «...она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливно и металлургию...»² Около трети всех вложенных иностранных капиталов в акционерные общества в России приходилось на долю французского ростовщического империализма.

«В 1912 году Францией вложено в России в русские предприятия 367,66 млн. рублей=около 990 млн. франков (в том числе 115,5 млн. рублей — железные дороги; 96,25 — государственные предприятия; 70,9 — торговля, банки и т. д.)»³.

Большая роль иностранного капитала была не только в промышленности, но и в такой важнейшей отрасли экономики, как банки. В подготовительных материалах В. И. Ленина к работе «Империализм» имеются данные, которые он берёт из

¹ В. И. Ленин, Тетради по империализму, 1939, стр. 279.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 75.

³ В. И. Ленин, Тетради по империализму, 1939, стр. 280.

«Finanz-Archiv», изданного в 1915 г., о размере иностранных капиталов в России.

Франция . . .	около 20 миллиардов	марок	
Германия . .	4—5,5	»	»
Англия . . .	0,25	»	»
Бельгия . . .	0,6	»	»

Сумма, указанная В. И. Лениным, — 24—26,35 млрд. марок¹.

Такая роль иностранного капитала в экономике страны создавала большую зависимость России от иностранных государств, реальную угрозу её самостоятельности. Выше мы уже указывали на то, что крупнейшие петербургские банки находились перед первой мировой войной под сильным влиянием французских и других заграничных банков. Роль иностранного капитала в акционерных банках увеличилась в период монополистического капитализма.

Как и в промышленности, первая роль в банках принадлежала французскому капиталу, затем немецкому, английскому, и четвертое место занимал голландский капитал. Иностраный капитал через посредство банков усиливал зависимость нашей страны от заграницы, выжимая огромные прибыли из русского народного хозяйства.

Иностранный финансовый капитал извлёк из нашей страны только за 20 лет (1891—1910 гг.) без всякого эквивалента около 2760 млн. руб. золотом². Вот какие огромные средства вынуждена была выплачивать Россия иностранному капиталу, на что уходила значительная доля народного дохода страны.

Иностранный капитал, вложенный в русские банки, получал огромные прибыли от учредительства и спекуляций акциями, от размещения правительственных займов и всевозможных гарантированных правительством железнодорожных акций; иностранный капитал получал, наконец, в России значительно более высокий процент по ссудам, нежели в странах «перезрелого» капитализма. Капиталы коммерческих банков и их влияние на экономику страны за время войны значительно увеличились. Удельный вес иностранного капитала в основном капитале ведущих коммерческих банков составлял на 1 января 1917 г. 47%, а в таких банках, как Русско-Азиатский, — 79, петроградский частный Коммерческий банк — 58, Соединённый банк — 50% и т. д.

¹ См. «Ленинский сборник» XXVII, стр. 309.

² См. С. Г. Струмилин, *Очерки советской экономики*, 1928, стр. 195.

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ВАЖНЕЙШИХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ НА 1 ЯНВАРЯ 1917 г.¹

Название банка	Основной капитал (в млн. руб.)	В том числе иностранный капитал	
		в млн. руб.	в %
Русско-Азиатский	55	43,5	79
Петроградский частный . .	40	23,2	58
Ссединённый банк	40	20,0	50
Русский Торгово-промышленный	35	15,0	43
Петроградский Международный	60	24,0	40
Русский для внешней торговли	60	24,0	40
Азовско-Донской	60	22,0	37
Сибирский торговый	30	8,0	27
Итого	380	179,7	47

Таким образом, в наиболее крупных банках иностранный капитал составлял почти половину всей суммы основных капиталов этих банков.

Иностранный капитал, владея очень важными позициями в крупнейших акционерных банках, оказывал сильное влияние на банковскую систему России.

Иностранные займы были выгодны не только иностранным монополиям, но и русским монополиям. Известно, что монополии получают огромные прибыли от займов, так как «при займах страна занимающая получает обыкновенно не более 90 % всей суммы; 10 % достается банкам и другим посредникам»².

Так, полученный Россией заём от Франции на 843 млн. руб. за вычетом всех расходов дал реально только 704,3 млн. руб. Наша страна уже в последней четверти XIX в. заслужила репутацию колоссального должника. Выше мы приводили данные о внешнем государственном долге.

¹ См. Справочник «Русские банки в 1917 году», 1918, стр. 10, 28, 40, 45, 52, 62, 78, 98; П. В. Оль, Иностранные капиталы в России, 1922, стр. 30—137.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 221.

Особенно быстро возрастал внешний государственный долг России во время войны. Весь государственный долг России составлял в 1916 г. уже больше 25 млрд. руб., а в 1917 г. — 62 млрд.; в результате этого абсолютное и относительное значение платежей по процентам и в погашение долга резко возросло. Товарищ Сталин, говоря о том, что Россия находится в тупике (август 1917 г.), писал:

«В России до войны государственная задолженность равнялась 9 миллиардам, причём для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей в год, между тем как за три года войны задолженность доходит до 60 миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда рублей»¹.

В эпоху финансового капитала меняется характер государственных займов. «...Условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д.»² Таким образом, займы используются как средство усиления вывоза товаров.

«Франция, давая займы России, «прижала» ее в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 года...»³

Внешние займы используются как важнейшее средство империалистической политики, как средство политического и экономического закабаления стран. Так, почти миллиардным займом финансовый капитал Франции помог в 1906 г. царскому правительству задуть первую русскую революцию. Американский финансовый капитал в 1917 г. при помощи доллара пытался задуть русскую революцию. «В момент, — писал товарищ Сталин в августе 1917 года, — когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить её, — американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Миллюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение»⁴.

Раздел мира между союзами капиталистов и между великими державами, господство финансового капитала сильно меняют характер внешней и внутренней торговли.

На основе концентрации производства и банков происходит концентрация как капиталистической внутренней, так и

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 190.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 231—232.

³ Там же, стр. 232.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 234—235.

внешней торговли. В. И. Ленин обращает особенное внимание на утверждение автора книги «Многоголовочные фирмы» о том, что наблюдается ««проявление процесса концентрации... в торговле, как и в фабричной промышленности»»¹.

В результате образования монополий в различных отраслях русской промышленности на внутреннем рынке наблюдалось значительное повышение цен почти на все промышленные и сельскохозяйственные товары при росте производительности труда в народном хозяйстве в этот период. Монополии, защищённые высокими таможенными пошлинами, повышая цены на внутреннем рынке, реализовали иногда свою продукцию на внешних рынках ниже стоимости, а иногда ниже издержек производства этих товаров.

Возросли роль и значение банков во внутренней и внешней торговле. Наиболее крупные коммерческие банки помимо других форм влияния на товарооборот страны сами непосредственно производили торговлю хлебом, углем, хлопком и другими товарами. Банки играли большую роль не только на внутреннем рынке, но и во внешней торговле.

Иностранный капитал имел большое влияние не только в сфере производства, но и в сфере торговли. Вложения иностранного капитала в торговлю составляли на начало 1917 г. 81 млн. руб. Через находившиеся в зависимости от иностранного капитала коммерческие банки иностранный капитал в значительной степени влиял и на внутренний рынок России.

Внутренний товарооборот — одна из самых неизученных областей экономической жизни России, поэтому установить точно размер товарооборота крайне трудно; учтённый товарооборот равнялся в 1900 г. 12,3 млрд. руб. и в 1913 г. — 19,6 млрд. руб., т. е. имело место значительное увеличение товарооборота, означавшее вместе с тем и увеличение численности полупроизводительного населения, т. е. населения, занятого в торговле. Численность работников торговли достигала в 1913 г. больше 2 млн. человек. Рост производительности труда в торговле составлял в 1913 г. по сравнению с 1885 г. 20,3%, причём за эти 28 лет производительность труда работников торговли снижалась в сравнении с предыдущим годом 13 раз, в частности особенно сильно в 1900 кризисном году.

Наряду с новейшими формами торговли в России вплоть до Октябрьской революции имели место самые отсталые, патриархальные формы внутренней торговли. Таким образом, и в области торговли подтверждается тезис В. И. Ленина о том, что новейший капитализм был оплетён в России особенно густой сетью докапиталистических отношений.

---

¹ «Ленинский сборник» XXII, стр. 39.

Господство монополий ведёт к усилению борьбы за внешние рынки, к введению запретительных таможенных пошлин и т. д. «Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу»¹.

Таможенные тарифы, достигая огромных размеров, по существу носят во многих случаях запретительный характер.

ОТНОШЕНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ТАРИФОВ К ЦЕНАМ 1913 г. (в %)²

Страны	Продовольствие	Полуфабрикаты	Фабрикаты
Германия	21,8	15,3	10,0
Франция	29,2	25,3	16,3
Италия	22,0	25,0	14,6
Бельгия	25,5	7,6	9,5
Швеция	24,2	25,3	24,5
Румыния	34,7	30,0	25,5
Болгария	24,7	24,2	19,5
Испания	41,5	26,0	42,5

Характерно, что в послевоенный период размер таможенных тарифов был ещё больше увеличен. Что касается России, то мы уже видели выше, что к концу XIX в. таможенное обложение достигало 33% к стоимости ввозимых товаров.

Роль протекционизма в эпоху финансового капитала меняется. Таможенные пошлины, защищая внутренний рынок, обеспечивали монополиям высокие цены, помогая захватывать новые внешние рынки.

Борьба за внешние рынки исключительно обостряется. Монополии прибегают к разнообразным формам борьбы, направленным к повышению таможенных барьеров в своей стране и к снижению или ликвидации их в других странах.

Возникновение монополий привело «...к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил еще Энгельс в III томе «Капитала») как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам»³: с целью завоевания рынков монополии применяют продажу товаров на внешнем рынке по ценам, значи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 232.

² Liepman, Tariff levels, 1938.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 276—277.

тельно более низким, чем на внутреннем рынке (например, продажа русского сахара в Лондоне и т. д.), а иногда по ценам ниже издержек производства. В. И. Ленин, характеризуя систему вывоза по бросовым ценам, писал: «...внутри страны картель продает свои продукты по монопольно-высокой цене, а за границу сбывает в три-дешева, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д.»¹

Между отдельными странами существовали различия в отношении размера таможенных пошлин, особенно значительные по отдельным товарам: одни страны с большей силой осуществляли промышленный, другие — аграрный протекционизм. Но факты показывают, писал В. И. Ленин, «...что различия между отдельными капиталистическими странами, напр., в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»².

Высокие таможенные пошлины, существовавшие в России в эпоху монополистического капитализма, иностранный капитал преодолевал экспортом капитала в форме ссудного или производственного.

«Таможенные пошлины высоки, — прибыли необъятны — вот иностранный капитал и переселяется *внутрь* России. Американский трест — союз миллионеров-капиталистов — построил, напр., громадный завод с.-х. машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе, а в Бердянске капиталист Джон Гривевс строят сельскохозяйственные машины»³.

Между капиталистическими странами происходила острая борьба за русский рынок. Особенно активную борьбу вела Германия, пытавшаяся всеми мерами противодействовать промышленному развитию России с целью обеспечить широкий русский рынок для товаров немецкой промышленности.

Торговые договоры между Россией и Германией 1894 и 1904 гг. создавали широкие возможности для усиления вывоза товаров из Германии.

Немецкий электротехнический трест (АЕГ), договорившись с американским трестом, полностью овладел русским рынком электротехнических изделий. Роль иностранного капитала вообще была значительной в русской внешней торговле. Эта роль видна в частности из того, что русский торговый флот

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 277.

² Там же, стр. 188.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 112—113.

обеспечивал не больше десятой части всего морского грузо-оборота, в связи с чем приходилось выплачивать значительные суммы за фрахт иностранных судов.

Оборот внешней торговли России увеличился с 1900 по 1913 г. в два с лишним раза. Царизм всячески продолжал форсировать экспорт, добившись за все эти годы активного торгового сальдо, являвшегося важнейшим источником расплаты по внешним займам и т. д. Однако в динамике вывоза и ввоза имелись колебания, определявшиеся кризисами, неурожаями и т. д. Объём вывоза снижался в годы сильной депрессии, граничившей с кризисом в 1907 и 1908 гг., имелось также снижение и в 1912 г.; объём ввоза также снижался несколько раз в довоенный период.

Несмотря на получение значительного активного сальдо от внешней торговли за все эти годы, напряжённость платёжного баланса не уменьшалась. За 1898—1913 гг. актив платёжного баланса складывался из следующих статей: поступления от экспорта 17 435 млн. руб., инвестиции иностранных капиталов в промышленность, банки и т. д. 2 225 млн., государственные займы 2 000 млн. и прочие поступления 240 млн.; а всего 21 900 млн. руб.; структура пассива была такая: платежи по импорту 13 313 млн. руб.; проценты, дивиденды и выкуп ценных бумаг 5 400 млн., расходы русских за границей 2 000 млн., прочие расходы 415 млн., увеличение золотого фонда 772 млн. руб.¹

Первый год войны дал большое снижение внешней торговли и пассивное торговое сальдо, которое оставалось и во все последующие годы войны. Снижение вывоза во время войны по физическому объёму было ещё больше ввиду роста цен на товары. Резкое превышение ввоза над вывозом способствовало тому огромному возрастанию внешнего государственного долга, о котором мы говорили выше.

Сальдо от внешней торговли за это время было меньше платежей, связанных с выплатами по государственным займам. Правда, в годы перед войной росла добыча золота в стране: в 1900 г. было добыто 38,8 т, в 1909 г. — 48,0 т, в 1911 г. — 52 т². Однако и с учётом этого обстоятельства свести платёжный баланс можно было лишь при условии получения новых внешних займов, ложившихся тяжёлым бременем на трудовой народ.

Структура внешней торговли России и в период монополистического капитализма отражала характер страны, отставшей

¹ См. «Вестник финансов» № 5, 1928, стр. 82.

² См. «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915, стр. 25.

в экономическом отношении. Экспорт хлеба продолжал играть главную роль среди товаров, вывозимых из России, достигая в отдельные годы огромной цифры (847 млн. пуд. в 1910 г., или 18% валового сбора); экспорт форсировался в целях получения активного сальдо, а также и тем, что этот период характеризуется значительным повышением цен на хлеб на мировом рынке.

Вывоз хлебных товаров составлял в отдельные годы несколько больше половины всего экспорта, как, например, в 1905 и 1909 гг. Кроме хлебных товаров основными статьями экспорта являлись лес, яйца, масло, лён, кожи, пушнина; вывоз промышленных товаров играл хотя несколько и возросшую, но всё же незначительную роль (вывозились ткани хлопчатобумажные, металлы, сахар, шерсть, нефтепродукты и др.). С начала войны значение хлеба как статьи экспорта систематически снижалось и упало в 1917 г. до 2,1% стоимости вывоза из России; при сокращении объёма экспорта в это время резко повысилось относительное значение льна и леса как предметов экспорта.

Среди ввозимых товаров на первом месте стояли промышленные товары и различные сырые материалы: ввозился в больших объёмах хлопок, машины и аппараты, шерсть, металлы (чёрные и цветные), каменный уголь, чай, химические товары и т. д.

На протяжении всего довоенного периода первой страной по объёму русского экспорта, а также и импорта являлась Германия, оттеснившая далеко назад Англию, игравшую раньше главную роль в русской торговле.

Германский финансовый капитал всеми средствами добивался понижения таможенных пошлин в России и повышения таможенного барьера на товары, ввозимые из России в Германию.

Из всей суммы экспорта России в 1901 г. в 761 млн. руб. на Германию приходилось 179 млн. руб., а из всего русского импорта, составлявшего в этом году 593 млн. руб., — 210 млн. руб. приходилось на Германию; перед войной же почти половина всех привозимых товаров в Россию шла из Германии. Последняя вывозила из России хлеб и различное сырьё, а поставляла преимущественно промышленные изделия.

Россия имела пассивное сальдо от торговли с Германией. Немецкие помещики, добившись увеличения пошлин на ввозимые хлебные товары, тем самым сокращали ввоз русского хлеба в Германию и даже вытесняли Россию с европейских хлебных рынков вывозом своего хлеба¹.

¹ См. А. Рыбников, Торговая политика Германии и война, 1915.

Второе место по объёму торговли принадлежало Англии, ввозившей из России лесоматериалы, хлеб, яйца, нефтепродукты, марганцевую руду, кожевенное сырьё и т. д. и привозившей к нам главным образом каменный уголь, машины, каучук, хлопок, шерсть и бумажную пряжу. Во время войны привоз товаров из Англии в Россию и в первую очередь военных материалов в ценностном выражении увеличился; под ввозимые товары Англия в значительной степени предоставляла России и внешние займы; на неё приходилось около 70 % всего военного долга царской России.

Третье место в торговле с Россией принадлежало маленькой, но старой колониальной стране — Голландии, вывозившей из нашей страны хлеб, лес, руду, отруби и т. д. и ввозившей каучук, кофе, какао и другие товары. Объём внешней торговли России с Голландией включает в значительной степени экспорт хлеба из России в Германию, шедший через Голландию. После Голландии четвёртое место по объёму вывозимых из России товаров принадлежало Франции, далее шли Австрия, Персия, Финляндия и т. д.

В отличие от торговли с западноевропейскими государствами в восточные страны Россия вывозила преимущественно промышленные товары. Так, она поставляла Персии основную часть таких товаров, как сахар, керосин, железо, стеклянные изделия, бумагу, хлопчатобумажные ткани и т. д., и ввозила к себе сырые продукты — хлопок, фрукты, рис, икру и т. п.

В значительной степени такой же характер носил русский экспорт и в другие восточные страны — Китай, Афганистан и др.

Монополистический капитал добился серьёзных привилегий в торговле с некоторыми странами. Созданием банков, понижением таможенного обложения ввозимых в эти страны товаров, продажей товаров ниже издержек производства, системой возврата экспортёрам пошлин и т. д. монополистическим объединениям удавалось расширять рынки сбыта. Всё это одновременно вело к глубокому обострению противоречий с конкурентами. Борьба за внешние рынки, за рынки сырья, рынки приложения капитала и т. д. достигает в эпоху финансового капитала невиданной ранее остроты.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В ЭПОХУ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Особенность экономики России состояла в том, что у неё было «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»¹

В самом деле, из 395 млн. десятин земли в 50 губерниях Европейской России в 1905 г. частных земель было 101,7 млн. десятин (25,8%), наделной — 138,8 млн. (35,1%) и земель казны, уделов, церкви и монастырей — 154,7 млн. (39,1%)². Эти цифры ясно говорят о том, что землевладение в России в эпоху империализма ещё в значительной степени было крепостническим, хотя развитие капитализма сделало громадные успехи как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Владельцами личной земельной собственности были дворяне, крестьяне, купцы и почётные граждане, духовенство, мещане. Из 85,9 млн. десятин земли дворянству принадлежало 53,2 млн., крестьянам — 13,2 млн. десятин.

Следовательно, дворянство продолжало быть главным собственником земли. Однако, сравнивая распределение частновладельческой земли в начале XX в. с данными поземельной статистики 1877 г.³, мы обнаруживаем, что доля дворян в землепользовании снизилась с 73,1 до 53,2 млн. десятин, в то время как удельный вес крестьян, купцов, мещан и прочих сословий, как собственников земли, увеличился. Хотя и медлен-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 406.

² См. «Статистика землевладения 1905 г.» Свод данных по 50 губерниям Европейской России, 1907, стр. 11—15.

³ См. «Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г.», вып. I—LX, 1892—1897.

но, но происходил процесс образования буржуазной частной собственности на землю; зажиточная часть крестьянства всё в большей степени превращалась в земельных собственников.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ
(ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ) ПО СОСЛОВИЯМ¹

Сословия владельцев	Принадлежало				В 1905 г.	
	в 1877 г.		в 1905 г.		увеличилось (+) уменьшилось (-)	
	млн. де- сятин	%	млн. де- сятин	%	млн. де- сятин	во сколь- ко раз
Дворянам . .	73,1	79,9	53,2	61,9	— 19,9	— 1,40
Духовным ли- цам	0,2	0,2	0,3	0,4	+ 0,1	+ 1,74
Купцам и по- чётным граж- данам . . .	9,8	10,7	12,9	15,0	+ 3,1	+ 1,30
Мещанам . . .	1,9	2,1	3,8	4,4	+ 1,9	+ 1,85
Крестьянам .	5,8	6,3	13,2	15,4	+ 7,4	+ 2,21
Прочии сосло- виям	0,3	0,3	2,2	2,5	+ 1,9	+ 8,07
Иностранным подданным .	0,4	0,5	0,3	0,4	— 0,1	— 1,52
<i>Всего личным собствен- никам . .</i>	91,5	100,0	85,9	100,0	— 5,6	— 1,09

Кроме частновладельческих земель крестьянство имело наделённые земли. Наделённых земель имелось в 1905 г. 138,8 млн. десятин, а за вычетом земель, не распределённых по дворам, — 136,9 млн. десятин, которые находились во владении около 12,25 млн. дворов; в среднем на один двор приходилось 11,1 десятины против 13,2 десятины в 1877 г.

Наделённые земли хотя и не в такой степени, как частновладельческие, но также были распределены неравномерно.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 56.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ¹

Группы дворов	Дворов	Десятин	В среднем на один двор десятин
До 5 десятин	2 857 650	9 030 333	3,1
5—8 »	3 317 601	21 706 550	6,5
Всего до 8 десятин .	6 175 251	30 736 883	4,9
8—15 десятин	3 932 485	42 182 923	10,7
15—30 »	1 551 904	31 271 922	20,1
Свыше 30 »	617 715	32 695 510	52,9
Итого в Европейской России	12 277 355	136 887 238	11,1

Следовательно, около половины наделной земли находилось в руках 2,1 млн. дворов наиболее зажиточных групп крестьянства, имевших перевес над беднейшим крестьянством в распределении наделной земли. Хотя главная часть наделной земли в этот период использовалась по принципу общинного землепользования (из 136,9 млн. десятин на общинное пользование приходилось 114,1 млн. десятин), община далеко не гарантировала уравнительности в землепользовании. Расслоение крестьянства происходило и внутри общины. В 1893 г. процент безземельных дворов равнялся 7, процент же безлошадных крестьянских дворов по 50 губерниям Европейской России равнялся в 1899—1901 гг. 29,3.

Распределение скота между крестьянскими хозяйствами было более неравномерным, чем распределение наделной земли. О неравномерности пользования землёй даёт яркое представление распределение арендованной и купчей земли, сосредоточенной преимущественно в руках зажиточных групп. «Аренда, — писал В. И. Ленин, — растёт во *всех* капиталистических странах при самых различных формах землевладения»². Но в силу наличия многочисленных феодально-крепостнических пережитков в русском сельском хозяйстве аренда носила на себе отпечаток этих отношений.

В России аренда земли начала развиваться после крестьянской реформы, но она была доступна главным образом зажиточным группам крестьянства, арендующим землю «... не от

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 59.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 128.

нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньги»¹.

По данным комитета по оскудению Центра, в 1901 г. в аренду сдавалось 19% частновладельческой земли, а в отдельных губерниях почти половина наделной земли; средняя арендная цена равнялась за год с десятины в том же году 7,1 руб., резко колеблясь по губерниям, так же как и продажные цены на землю; средняя цена одной десятины земли равнялась в 1888—1897 гг., по нотариальным данным, 43 руб. и при покупках с содействием Крестьянского банка 71 руб. (1896—1900 гг.)².

Средние цифры о количестве сдаваемой земли в аренду и средние цены на землю мало ещё о чём говорят.

Беднейшие группы крестьянства арендовали землю по более высоким ценам, чем богатые крестьяне. Распределение арендованной земли, а также купчей было очень неравномерным.

Суть землевладения в России в начале XX в., как и в конце предыдущего столетия, состояла в том, что «...на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10¹/₂ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутора населения) с 70 млн. десятин земли»³.

Отсталость землевладения, наличие множества пережитков крепостничества в русской деревне было важнейшей причиной аграрного движения в начале 900-х годов, причиной обострения классовой борьбы между помещиками и крестьянством, между зажиточными группами крестьянства и беднотой. Восстания крестьян охватили многие районы России, в особенности Центр, Поволжье, Закавказье и т. д. В результате аграрных движений крестьянства земельный вопрос был выдвинут на одно из первых мест в жизни нашей страны.

Первая русская революция окончилась поражением. Одной из основных причин поражения революции было то, что «...крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»⁴.

Наступила столыпинская реакция. Царское правительство, подавляя революционное движение рабочих и крестьянских масс, видело, что одними репрессиями, расстрелами, каторгами, тюрьмами нельзя укрепить расшатанный революционным дви-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 81.

² См. И. В. Чернышёв, Аграрный вопрос в России, 1927, стр. 79—82.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 63.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 241.

жением царский строй, что необходимо найти прочную опору, которая помогла бы сохранить царизм. Поэтому, подавив революцию, царское правительство приступило к экономическим реформам в деревне, создавая деревенскую буржуазию как опору царизма в деревне. 9 ноября 1906 г. был издан закон о выделении крестьян из общины на хутора.

В. И. Ленин, определяя характер новой аграрной политики царского самодержавия, указывал, что это есть «...насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков»¹. Царское правительство путём насильственного разрушения общинного землевладения и насаждения частной собственности на надельную землю, главным образом в хуторской форме, делало ставку на «крепкого мужика», на создание крестьянской буржуазии. Помещики проводили эту реформу, сохраняя за собой землевладение и всячески помогая зажиточному крестьянству обезземелить крестьян. Всего с 1906 по 1915 г. из общин выделилось выше 2 млн. домохозяев, а вместе с домохозяевами общин, в которых не было переделов, — около 2,5 млн. домохозяев — из общего числа 12—13 млн. дворов. Среди районов страны на первом месте по удельному весу укреплённой в личную собственность земли стояла Киевская губерния — 50,7 %, потом районы Новороссийский, Белорусский и т. д. Выход из общины достиг максимального размера в 1909 г., когда выбыло 579 тыс. домохозяев, затем волна выходов начинает спадать, и с началом войны этот процесс почти совсем прекратился. На хутора и отруба выделялось некоторое число зажиточных крестьян. Об этом красноречиво говорят даже средние данные, характеризующие экономическое состояние хуторян и общинников. По Елифанскому уезду, Тульской губернии², приходилось 7,6 десятины посева на одно хозяйство у хуторян и 4,19 — у хозяйств общинников; в Вышневолоцком уезде, Тверской губернии, приходилось земли на один двор хуторян 23,6 десятины, у прочих крестьян — 14,4³; в некоторых районах Псковской губернии соответственно — 23,9 и 9,2 десятины⁴, в Полтавской губернии — 26,4 и 7,7 десятины⁵ и т. д.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 420.

² «Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Елифанский уезд», ч. II, Тула 1916, стр. 107.

³ «Землеустройство в Вышневолоцком уезде Тверской губернии», стр. 626—627.

⁴ «Результаты исследования 110 хозяйств мелкого единоличного владения Псковской губернии», 1910, стр. 7.

⁵ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года», стр. 237—238.

Эти средние данные не дают вполне правильной картины уже потому, что среди хуторян выделялись зажиточные кулацкие хозяйства.

Богатые группы крестьянства, выходя на хутора и отруба, скупали у малоимущих крестьян землю по дешёвой цене, в результате чего большие массы крестьянства лишались земли и превращались в настоящих пролетариев. Зажиточность хуторян была очень различна; имелось два разряда хуторян. В. И. Ленин в статье «К вопросу об аграрной политике современного правительства» писал: «Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это — зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отлично. Такие крестьяне, выделяясь и скупая наделы бедноты, несомненно, обогащаются на чужой счет, еще больше разоряя и закабалая массу населения. Но таких хуторян, повторяю, *совсем немного*.

Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян — нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться. «Некуда, так хоть на хутора» — вот как говорят эти крестьяне. Голодая и мучаясь на нищенском хозяйстве, они уцепились за последнюю соломинку, ради пособия на переселение, ради ссуды на устройство. Они быются на хуторах, как рыба об лед; они продают весь хлеб на то, чтобы собрать взнос в банк; они вечно в долгу; бедствуют отчаянно; живут как нищие; их *прогоняют* с хуторов за *невзнос платы*, и они превращаются окончательно в бездомных бродяг»¹.

С целью проведения этой буржуазной реформы царское правительство выдавало крестьянам ссуды на покупку земли и устройство хуторов, главным образом через Крестьянский банк. Крестьянский и Дворянский ипотечные банки явились серьёзными рычагами в руках царского правительства при проведении столыпинской земельной политики. Кроме этих банков в этот период имелись из учреждений ипотечного кредита в России: 10 акционерных земельных банков, 36 городских и губернских кредитных обществ. Крестьянский банк выдавал ссуды при покупке земли на отруба в размере 95% оценки земли, при покупке земли на хутора — 100. Большая часть земли была куплена у дворян, которым банк платил высокие цены за землю. Через Крестьянский банк за время с 1883 по 1915 г. было куплено, по официальной статистике, 17,7 млн. десятин земли² для крестьян, сельских об-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 163—164.

² «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 609.

ществ и др. Деятельность банка была особенно интенсивной после революции 1905 г. «Подумайте только, — писал В. И. Ленин, — какая золотая река течет теперь помещикам, чиновникам, адвокатам, купцам в виде миллионов, раздаваемых «крестьянским» банком перепуганным помещикам!»¹

Столыпинская аграрная реформа явилась тем последним клапаном, с помощью которого царскому правительству удалось отсрочить гибель старого крепостнического землевладения.

«Отсрочка» старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным, состоит в том, что открыт еще один и притом *последний* клапан, который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения. Открыт клапан и выпущен несколько пар — тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, — далее, тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубях, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде.

Наконец, открыт клапан и выпущен пар тем, что кое-где устранена особенно нестерпимая чересполосица и облегчена необходимая при капитализме мобилизация крестьянской земли»².

Выше мы видели, что распродажа помещичьих и мобилизация частновладельческих земель происходили и до 1905 г. Крестьянские восстания во время революции 1905 г., падение арендных цен, повышение цен на землю при помощи Крестьянского банка — всё это способствовало продаже помещичьих земель, в результате чего помещичье землевладение сократилось к 1917 г. почти в 2 раза против начала 60-х годов.

Столыпинская реформа послужила сильным средством мобилизации и наделных земель, перехода их из рук в руки. Укрепление земли в частную собственность в условиях России явилось «...орудием освобождения крестьян от земли»³, так как значительная часть «укрепленцев», преимущественно беднота, продавала землю, а зажиточные группы крестьянства покупали её, другими словами, происходил процесс концентрации земли в руках незначительной группы сельской буржуазии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 294.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 226.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 258.

С 1907 по 1915 г. 1 201 тыс. продавцов-крестьян было продано 3 953 тыс. десятин надельной земли. Следовательно, в среднем на одного продавца приходилось всего лишь около 3 десятин земли; это показывает, что продавала землю деревенская беднота, среди которой значительная часть была переселенцы. Характерно, что процесс мобилизации надельной земли всё усиливался.

ПРОДАЖА НАДЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ
(по Европейской России)¹

Годы	Число продавцов	Количество проданной земли (десятин)	Цена проданной земли (тыс. руб.)
1908	36 152	157 099	14 452
1909	87 458	373 009	31 444
1910	134 267	524 856	48 297
1911	147 782	533 857	52 207
1912	206 879	677 279	76 599
1913	232 146	724 331	90 471
1914	178 003	707 265	97 480
Итого за 1908—1914 гг.	1 022 637	3 697 696	410 950

Наибольшая продажа надельных земель была в районах страны, где получило широкое распространение столыпинское землеустройство. Этими районами были Новороссия, Центрально-Земледельческий и Нижне-Волжский районы.

Продавали землю беднейшие, малоимущие слои крестьянства; скупали же зажиточные и кулацкие хозяйства.

Следующие данные по Центрально-Земледельческому району дают представление об использовании надельной земли после землеустройства: продолжали обрабатывать землю только 68,2%; сдавали в аренду 12,4; продали всю землю 19, продали часть 0,4%²; в трёх волостях Богородицкого уезда,

¹ См. «Сборник статистических сведений министерства юстиции» за 1908—1914 гг.: по 1 января 1909 г., 1910, вып. 24, стр. 228; по 1 января 1910 г., 1911, вып. 25, стр. 374; по 1 января 1911 г., 1912, вып. 26, стр. 385; по 1 января 1912 г., 1913, вып. 27, стр. 385; по 1 января 1913 г., 1914, вып. 28, стр. 397; по 1 января 1914 г., 1915, вып. 29, стр. 397; по 1 января 1915 г., 1916, вып. 30, стр. 286.

² См. И. В. Чернышёв, Община после Указа 9 ноября 1906 г., ч. 1, 1917, стр. 158.

Тулъской губернии, продолжали обрабатывать укрепленную землю 61,1 %; сдавали в аренду 14,7; продали всю землю 18,3, продали часть 5,9% ¹.

В 1912 г. министерство внутренних дел провело обследование по вопросу о мобилизации наделных земель, т. е. о купле-продаже их, в четырёх губерниях — Витебской, Пермской, Ставропольской и Самарской (Николаевский уезд). Из 106 095 дворов укрепленцев этих четырёх губерний на начало 1912 г. продали землю 27 558 дворов, или 25,5 %.

Из числа продавших землю по этим четырём губерниям больше 10 тыс. дворов не занимались сельским хозяйством; лишь очень незначительная часть домохозяев продавала её с целью улучшения хозяйства или для покупки других участков. Подавляющее же большинство продавало землю в связи с переселением в Сибирь, со сменой занятий, нуждой, неурожаями и т. д.

Число продавцов земли в целом по стране и по отдельным губерниям было больше числа покупателей, что указывало на процесс концентрации земли, или, как писал В. И. Ленин в статье «Мобилизация наделных земель», «...сосредоточение ее в меньшем числе рук» ².

В Ставропольской губернии продало землю 14 282 укрепленца, а купило землю 7 489 человек. Из них 3 290 купило *более 15 десятин*, в том числе 580 человек купило по 50—100 десятин, 85 — по 100—500, 7 человек — по 500 — 1 000 десятин. В Николаевском уезде, Самарской губернии, 142 человека купило по 50—100 десятин, 102 — по 100—500, 2 человека — по 500—1 000 десятин.

Столыпинская реформа ухудшила положение бедноты. Усилились нищета и разорение бедняцких и середняцких масс. Частые неурожаи усугубляли крайне бедственное положение крестьянства. «...Единственный вполне реальный результат столыпинской ломки есть голодовка 30 миллионов», — писал В. И. Ленин в 1912 г. В годы наивысшего выхода крестьян из общины крестьянское движение пошло несколько на убыль, но потом «...на почве столкновения общинников с хуторянами происходит усиление крестьянского движения против помещиков и кулаков-хуторян» ³.

Только за период 1910—1914 гг. произошло по всей стране около 17 тыс. крестьянских выступлений против помещиков и сельской буржуазии.

¹ См. И. В. Мозжухин, Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии, 1917, стр. 293.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 259.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 95.

ЧИСЛО ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА
с 1907 до 1914 г.

Годы	Годы
1907 . . . . . 2 557	1911 . . . . . 4 567
1908 . . . . . 2 045	1912 . . . . . 4 567
1909 . . . . . 2 528	1913 . . . . . 1 810
1910 . . . . . 6 275	1914 6

20 435

Составной частью столыпинской аграрной реформы наряду с разрушением общины путём выделения крестьян на хутора явилась политика переселения крестьян. Нет сомнения, что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России. Россия имела значительный запас свободных, незанятых земель, особенно в Сибири, в которой плотность населения в 1916 г. не достигала одного жителя на квадратную версту; низкая плотность населения имела и в среднеазиатских областях.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЧАСТЯМ РОССИИ в 1916 г.¹

Районы	Пространство (в кв. вёрстах)	Число жителей (в тыс.)	Жителей на одну кв. версту	
			всего	сельских
Европейская Россия	4 250 574,8	133 552,3	31,4	26,7
Кавказ	412 310,8	13 422,0	32,2	27,7
Сибирь	10 996 345,8	10 558,4	0,9	0,8
Среднеазиатские области	3 110 623,7	11 757,5	3,8	3,2
Итого . . .	18 769 855,1	169 290,2	9,1	7,7
Финляндия	286 041,8	3 314,7	11,6	9,9
Всего . . .	19 055 896,9	172 604,9	9,0	7,7

¹ См. «Статистический ежегодник России 1916 г.», вып. 1, 1918, стр. 48

Под влиянием крестьянского движения царское правительство перешло от политики сдерживания и помех переселению крестьян к политике усиления переселений с целью «...«разредить» атмосферу в России, постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь»¹. Помещики полагали, что с помощью приоткрытия этого клапана удастся разрядить или смягчить аграрные противоречия в центральных районах России.

В условиях наличия остатков крепостничества, малоземелья крестьян Европейской России и общего тяжёлого положения их крестьяне готовы были «...бежать не только в Сибирь, но и на край света...»² Закон 9 ноября 1906 г. облегчал «...для переселенцев ликвидацию остатков своего хозяйства на родине...»³

За первые десятилетия после реформы, с 1860 по 1884 г., численность переселенцев составила около 300 тыс. человек, т. е. в среднем по 12 тыс. человек за год; с 1885 по 1895 г. — 161 тыс. человек и с 1896 по 1900 г. — 932 тыс., или в среднем около 186 тыс. человек за год⁴. Вначале колонизационная волна направлялась на юго-восток России, потом на Кавказ и Предкавказье, затем в Сибирь. В XX столетии движение переселенцев было следующее⁵:

Годы	Численность переселенцев и ходоков обоего пола	Годы	Численность переселенцев и ходоков обоего пола
1901	120 249	1909	707 463
1902	110 930	1910	352 950
1903	114 836	1911	226 062
1904	46 732	1912	259 585
1905	44 019	1913	327 430
1906	218 878	1914	336 409
1907	572 579	1915	28 185
1908	758 812		

Следовательно, с 1906 г. и в особенности с 1907 г. начался громадный рост переселенцев, который достиг своего макси-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 159.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 74.

³ Там же.

⁴ См. «Статистический ежегодник России 1915 г.», 1916, раздел II, стр. 21.

⁵ См. «Ежегодник России 1910 г.», 1911, стр. 775; «Статистический ежегодник России 1915 г.», 1916, раздел II, стр. 13, 24—25.

му в 1908 г.; затем переселенческая волна начала спадать, повысившись незначительно лишь в 1913 и 1914 гг. В этот период сильно возросло переселенческое движение из украинских губерний — из Екатеринославской, Полтавской, Харьковской, Херсонской и др.; значительно увеличилось оно и из таких мест, как Вятская губерния, Пензенская, Воронежская, Саратовская и пр.

СРЕДНЕЕ ЕЖЕГОДНОЕ ЧИСЛО ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

Губ. \ Вых.	За 1897— 1903 гг.	За 1910— 1914 гг.
Итого по стране . . .	113 502	300 541
В том числе		
Воронежская	5 260	13 092
Екатеринославская	3 498	22 940
Киевская	2 954	10 918
Пензенская	2 203	10 211
Полтавская	11 166	22 326
Саратовская	2 521	7 949
Тверичская	2 258	11 846
Харьковская	5 065	17 449
Херсонская	3 014	19 847

Более показательны данные о численности переселенцев (ходыки и переселенцы) за больший отрезок времени. С 1896 по 1914 г. на первом месте была Полтавская губерния, давшая 373 тыс. переселенцев, затем Черниговская — 273 тыс., далее Курская — 232 тыс., Могилёвская — 223 тыс., Екатеринославская — 218 тыс., Харьковская — 214 тыс., Воронежская — 213 тыс., Херсонская — 168 тыс., Тамбовская — 157 тыс. переселенцев и т. д. В. И. Ленин писал в 1913 г. в статье «Еще о переселенческом деле», что «до сих пор от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ всего числа переселенцев шли из малороссийских и средне-черноземных губерний. Это — тот центр России, где всего сильнее остатки крепостничества, где всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живет особенно тяжело»².

¹ См. «Ежегодник России за 1904 г.», 1905, стр. 115—116, и «Ежегодник России 1915 г.», 1916, раздел II, стр. 9—11.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 69.

Переселенческая волна, как мы видели выше, достигнув максимума в 1908 г., затем начала спадать. Следовательно, «...разредить атмосферу господам официальным поощрениям переселений удалось всего на какие-нибудь *четыре* года (1906—1909)»¹.

После этого имело место значительное возвращение переселенцев «обратно». Возвращение обнищавших, голодных переселенцев обратно на родину представители царского правительства всячески замазывали, выпячивая лишь то, что переселенцы превращали пустые земли в культурные, что они являются носителями более высокой культуры земледелия. Колоссальный процент возвращавшихся переселенцев, доходивший, как, например, в неурожайном 1911 г., до 64, свидетельствовал о крахе столыпинской реформы.

ОБРАТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (без ходоков)²

Годы	Число переселенцев	Возвратилось обратно	% обратных переселенцев
1905	38 750	3 795	9,8
1906	141 294	6 158	4,4
1907	427 339	27 195	6,4
1908	664 777	37 882	5,7
1909	619 320	82 287	13,3
Итого . . .	1 891 480	157 317	8,3
Среднее . . .	378 296	31 463	8,3
1910	316 163	114 893	36,3
1911	189 791	117 308	64,3
1912	201 027	57 319	28,5
1913	234 877	42 956	18,3
1914	241 874	27 594	11,4
Итого . . .	1 183 732	360 070	30,4
Среднее . . .	236 746	72 014	30,4
1915	27 651	10 089	36,5

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 47.

² См.: «Статистический ежегодник России 1915 г.», 1916, раздел II, стр. 27.

Начиная с 1910 г. в среднем почти одна треть всех переселенцев возвращалась обратно, что обостряло аграрный кризис в стране. Возвращалась обратно обычно наиболее бедная, всё потерявшая часть крестьянства. Рост возвращавшихся переселенцев показывает, как писал В. И. Ленин в статье «Значение переселенческого дела», что «...борьба с аграрным кризисом пятого года в России посредством переселений вызвала *отсрочку* кризиса лишь на самое короткое время и притом ценю несравненно большего обострения и расширения арены кризиса к переживаемому нами времени»¹.

Негодная организация переселенческого дела свидетельствовала о том, что и в этом вопросе прогнивший строй ничего не смог сделать для хозяйственного развития страны, а между тем при правильной организации переселения оно помогло бы развитию производительных сил страны.

Столыпинская реформа ухудшила положение маломощных крестьян. В результате её проведения дифференциация крестьянства усилилась. Землевладение оставалось в значительной степени крепостническим. Производство хлеба и в особенности товарного было сосредоточено главным образом в руках кулаков и помещиков.

И. В. Сталин, анализируя хлебное производство в довоенной России, приводит следующие данные²:

До войны	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн. пуд.	%	млн. пуд.	%	
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Середняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого . . .	5 000	100,0	1 300,6	100,0	26,0

Помещики, производя перед войной 12% хлеба, выбрасывали на рынок товарного хлеба 21,6%; кулаки — соответственно 38 и 50%.

В среднем за ряд лет валовой сбор хлеба перед войной достиг цифры почти в 5 млрд. пуд., а в 1913 урожайном году — даже несколько больше этой цифры, при этом валовой сбор хлеба и урожайность резко колебались в отдельные годы,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 47.

² См. И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 85.

Значительное снижение валового сбора хлебов за период монополистического капитализма имело место в 1901, 1906 и 1911 гг.

ДИНАМИКА ВАЛОВОГО СБОРА ХЛЕБА И ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ
РОССИИ за 1900—1913 гг.¹

Годы	В млн. пуд.	В тыс. десятин	
	72 губернии и области Российской империи	72 губернии и области Российской империи	В том числе 50 губерний Европейской России
1900	3 496,7	78 789	66 712
1901	3 059,1	80 073	67 833
1902	4 128,7	80 044	67 839
1903	3 951,9	82 121	69 116
1904	4 418,3	83 242	69 963
1905	3 783,8	83 779	70 476
1906	3 256,8	84 724	70 956
1907	3 722,5	84 086	69 660
1908	3 845,9	84 403	69 607
1909	4 717,5	86 004	70 249
1910	4 610,8	88 587	72 201
1911	3 699,9	90 459	72 970
1912	4 828,7	88 867	71 414
1913	5 404,1	92 643	73 163

¹ В подсчёт вошли 72 губернии и области Российской империи. Не вошли: 10 закавказских губерний, 5 губерний Восточной Сибири, Уральская область и 4 туркестанских губернии.

В 1907 г. валовой сбор по этим губерниям составлял 187,1 млн. пуд., а по империи вместе с ними — 3 909,7 млн. пуд. Посевная площадь составляла 4 133 тыс. десятин, по империи — 88 219 тыс. десятин.

В 1908 г. валовой сбор по этим губерниям составлял 210,1 млн. пуд., а по империи вместе с ними — 4 056 млн. пуд. Посевная площадь — 4 459 тыс. десятин, по империи — 88 862 тыс. десятин. В 1909 г. валовой сбор продовольственных хлебов и овса равнялся по империи 4 938 млн. пуд., в 1911 г. — 3 878 млн. пуд., в 1912 г. — 5 072 млн. пуд. и в 1913 г. — 5 637 млн. пуд.

Хлеба учитывались следующие: рожь, пшеница, ячмень, полба, гречиха, просо, кукуруза, горох, чечевица, бобы и овёс.

См. следующие источники: ЦСК. Урожай 1900 года; «Ежегодник России» за 1910, 1913, 1915 гг.; «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» за 1910, 1913, 1915, 1917 гг.

Неурожай 1901 г. совпал с промышленным кризисом, поэтому его последствия были особенно тяжелы. В. И. Ленин в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» писал: «...никто же не станет отрицать, что именно остатки крепостного права, во всей их совокупности, обуславливают те постоянные голодовки миллионов крестьян, которые сразу выделяют Россию из числа всех цивилизованных наций»¹.

Валовой сбор хлебов снизился в 1901 г. по 50 губерниям Европейской России до 2,5 млрд. пуд.

В. И. Ленин бичевал политику царского правительства в отношении голодавших крестьян, его мизерную помощь голодавшим и полицейские меры, направленные на то, «...чтобы не «шумели» о бедствии»²; «...нынешний грандиозный голод проходит, — писал В. И. Ленин, — при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне»³.

Урожайность хлебов, выражавшая в известной степени производительность сельскохозяйственного труда, как и в предыдущие годы, подвергалась резким колебаниям: так, средний сбор с десятины озимой ржи в пудах составил в 1899 г. 53,8 пуда, в 1901 г. — только 43,2 пуда и в 1906 г. — 37,1 пуда.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало росту производительных сил, но этот рост происходил неравномерно и медленно в силу того, что сельское хозяйство России было опутано массой всевозможных феодальных пережитков.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, подрывая отработочную систему и другие пережитки крепостничества, усиливало классовую дифференциацию в деревне. Капитализм, способствуя внедрению машин, удобрений в сельское хозяйство России, создав «...крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих»⁴, повышал производительность труда в сельском хозяйстве, в результате чего относительно уменьшавшееся сельское население России производило возраставшее количество сельскохозяйственной продукции. Доля сельского населения в России равнялась в 1897 г. 87,4 и на 1 января 1914 г. — 86,1%⁵. Средний сбор зерновых хлебов в Российской империи

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 124.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 82.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 67.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 271.

⁵ См. «Статистический ежегодник на 1914 г.», стр. 6.

за 1864—1866 гг. равнялся 240,7 млн. четвертей, или около 1 900 млн. пуд., а за пятилетие (1909—1913 гг.) — 4 870 млн. пуд.¹, т. е. увеличился больше чем в 2,7 раза. Сельскохозяйственное население дореволюционной России, уменьшаясь относительно, абсолютно увеличивалось, но оно всё же в после-реформенный период увеличилось в меньшей степени, чем производство зерновых хлебов и всей сельскохозяйственной продукции. Однако для решения вопроса о производительности земледельческого труда недостаточно сравнить темпы роста населения и сбора зерновых хлебов, так как затраты труда на производство зерновых хлебов хотя и являлись в общем балансе труда деревни основными, но они не исчерпывали всех трудовых затрат деревни. В 60-х годах XIX в. главная часть труда в земледелии была занята производством зерновых хлебов; в то же время известное количество его тратилось на производство льна, картофеля и свёклы.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось возникновением новых отраслей хозяйства, значительно более быстрым ростом производства картофеля, свёклы, табака, чем зерновых хлебов. В 1861 и 1866 гг. в 50 губерниях Европейской России было собрано около 200—250 млн. пуд.² картофеля, а средний сбор картофеля за пятилетие (1911—1915 гг.) составлял 1 433 млн. пуд.³, т. е. увеличился в 6—7 раз. В среднем в 1860—1865 гг. собирали ежегодно около 1,3 млн. пуд. табаку, а за пятилетие (1911—1915 гг.) сбор его равнялся 6,9 млн. пуд., увеличение почти в 5 раз. Площадь посевов свекловицы составляла в 60-х годах около 100 тыс. десятин, а в 1911—1915 гг. — 700 тыс. десятин; в результате роста посевных площадей и урожайности значительно возросло количество собираемой и обрабатываемой свекловицы; средний сбор свёклы за 1911—1915 гг. равнялся 73 млн. берковцев.

В. И. Ленин, отмечая в «Развитии капитализма в России», что количество переработанной свёклы в 1895/96 — 1897/98 гг. возросло по сравнению с 60-ми годами более чем в 8 раз, делал вывод, что «...в громадной степени повысилась урожайность свеклы, т. е. производительность труда в крупных, капи-

---

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 61.

² См. «Доклад высочайше учреждённой комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», 1873, Приложения, стр. 15.

³ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 35 (взята 51 губерния Европейской России),

талистически организованных, имениях»¹. Производство таких культур, как картофель, свёкла, табак, увеличилось в пореформенное время значительно больше, чем возросло население, и ещё больше, чем сельскохозяйственное население России. Продукция огородничества и садоводства тоже значительно увеличилась. Возникли такие новые отрасли растениеводства, как хлопководство; производство хлопка-сырца в 1915 г. достигло 38,9 млн. пуд., что отразилось, между прочим, на производстве льна, сильно замедлив его увеличение: в 60-х годах производилось льна-волокна в России около 12 млн. пуд., а в 1911—1915 гг. — 26,5 млн. пуд.² В результате всех этих причин произошли значительные изменения в распределении труда, занятого в производстве отдельных сельскохозяйственных культур: относительно снизилась роль труда, занятого производством зерновых хлебов, и соответственно увеличилась доля труда, занятого производством технических культур (свёкла, хлопок, табак) и картофеля. Несмотря на всё это, основная масса сельскохозяйственного труда России и в XX в. была занята производством зерна: в 1913 г. валовая продукция зерна (в ценах 1926/27 г.) составляла 3 840,5 млн. руб., а продукция технических культур — 781,9 млн.³, или около 20%.

Дореволюционная Россия производила больше, чем США, ржи, пшеницы, ячменя, овса, льна, картофеля, свёклы и меньше — кукурузы, хлопка, табака, сеяных трав и других кормовых, которые в посевной площади США составляли тогда около 20% против примерно 2% в нашей стране.

К числу основных отраслей сельского хозяйства относится наряду с зерновыми и техническими культурами животноводство, которое потребляло в дореволюционной России значительное количество труда. Скотоводство развивалось более медленно, чем земледелие. Это отставание, наблюдаемое ещё во второй половине XIX в., продолжало усиливаться в эпоху монополистического капитализма. Численность скота в дореволюционной России была следующей: в 1856 г. в России имелось 18,6 млн. лошадей, 26,2 млн. голов рогатого скота, 9,7 млн. свиней, 52,2 млн. овец⁴; в 1914 г. имелось 34,4 млн. лошадей, 51,3 млн. голов крупного рогатого скота, 78,7 млн. овец и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 249.

² См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 122.

³ См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, стр. 86.

⁴ См. «Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.», 1858, стр. 220—221.

16,6 млн. свиней¹; по переписи 1916 г., количество скота в России было несколько больше, чем по этим данным.

Следовательно, поголовье скота и продукция животноводства за весь капиталистический период развития России возросли немного больше чем в 2 раза, при росте продукции зерновых хлебов в 2,7 раза, при значительно большем росте технических культур и картофеля и при увеличении сельскохозяйственного населения России примерно в 2,2 раза.

Таким образом, производительность сельскохозяйственного труда возросла; при этом должно быть учтено также усиление неземледельческого отходничества по мере развития капиталистических отношений. Число неземледельческих отхожих рабочих В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» определял не менее 3 млн. человек².

По данным буржуазной статистики, валовая сельскохозяйственная продукция в 50 губерниях Европейской России равнялась в 1900 г. 2 985 млн. руб., а в 1909—1913 гг. (в тех же ценах) — 3 995 млн. руб.³, т. е. за 13 лет увеличилась на 33,9% при значительно меньшем увеличении сельскохозяйственного населения страны за это время. Эти данные свидетельствуют о росте производительности сельскохозяйственного труда. Повышение производительности труда в земледелии определялось расширением посевных площадей, увеличением урожайности хлебов, а также количества скота и его продуктивности. Обилие земель давало возможность развивать хозяйство вширь. По сравнению с сельским хозяйством главных европейских государств наше сельское хозяйство носило характер экстенсивного хозяйства: затраты капитала (удобрений, машин и т. д.) на единицу площади были значительно меньше, чем в Германии, Англии, Франции, США.

В результате низкой обеспеченности скотом естественных удобрений на единицу площади в России было относительно меньше, чем в указанных странах; химических удобрений (фосфориты, суперфосфат, калийные соли, сернокислый аммоний и т. д.) на единицу посева у нас вносилось также меньше⁴, вследствие чего естественные и искусственные удобрения, вносимые в предвоенные годы в почву, не покрывали тех питательных веществ, которые брались из почвы ежегодным урожаем.

---

¹ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 237.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 505.

³ См. «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг.», 1918, стр. 44.

⁴ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 650—656.

Незначительность вносимых в почву удобрений, отсталая система полеводства, низкая механизация сельскохозяйственных работ, хищническое использование естественных ресурсов определяли низкую урожайность хлебов в России, несмотря на наличие значительных площадей под чернозёмом, а низкая урожайность была выражением до известной степени и низкой производительности труда в этой основной отрасли народного хозяйства дореволюционной России.

УРОЖАЙНОСТЬ ПШЕНИЦЫ, РЖИ, ОВСА,
КУКУРУЗЫ И КАРТОФЕЛЯ В РОССИИ, США,
ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И ГЕРМАНИИ за 1911—1915 гг.¹
(в пуд. с десятины)

Страны	Пшеница	Рожь	Овёс	Кукуруза	Картофель
Россия	45	54	52	74	489
США	69	68	77	111	440
Франция	86	68	83	81	570
Англия	146	—	119	—	1 012
Германия	146	120	127	—	904

Наиболее близко по урожайности и по количеству скота на единицу посевной площади к дореволюционной России стояли США. Несмотря на более низкую урожайность хлебов в США против Германии, Англии, Франции, производительность труда в сельском хозяйстве США была более высокой, чем в этих странах. Следовательно, уровень урожайности и производительности труда в сельском хозяйстве иногда и не совпадает. Германия имела значительно более высокую урожайность и более низкую производительность труда в сельском хозяйстве, чем США. При относительно незначительном отставании России от США по урожайности в области производительности сельскохозяйственного труда отставание было более значительным.

Отставание России в уровне производительности труда определялось более низкой энерговооружённостью и механизацией труда в сельском хозяйстве.

Это отставание было обусловлено также меньшей посевной площадью, приходящейся на душу населения.

¹ См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 117—118 (по Германии за 1911—1914 гг.; по Франции кукуруза за 1911—1914 гг.).

Дореволюционная Россия при населении, превышавшем 170 млн. человек, обрабатывала около 100 млн. десятин; США при населении почти в 2 раза меньшем обрабатывали 98,8 млн. десятин (1914 г.), т. е. имели примерно столько же обработанной земли. В результате этого в США на душу населения размер посевной площади был почти в 2 раза больше, чем в России. Однако следует учесть, что хотя население России было почти в 2 раза больше, чем в США, но производством сельскохозяйственной продукции у нас было занято населения значительно больше чем в 2 раза по сравнению с США, ибо структура народного хозяйства России и США была далеко не одинаковой; в силу слабого развития промышленности процент населения, занятого сельским хозяйством, в дореволюционной России был значительно выше, чем в США. Следовательно, сельскохозяйственное население США, в несколько раз меньшее сельскохозяйственного населения России, обрабатывало равное количество земли и производило больше сельскохозяйственной продукции.

Слабое развитие животноводства в России было одной из причин большой сезонности сельскохозяйственных работ, что также резко сказывалось на производительности сельскохозяйственного труда. Следующая таблица показывает отставание России по поголовью скота от США.

На 100 жителей приходилось следующее количество голов скота ¹:

	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец	Коз	Свиней
Россия	19,7	29,3	44,9	3,1	9,5
США	21,4	62,2	49,8	3,7	68,9
Германия	4,9	30,0	7,5	5,1	25,5
Франция	5,8	32,1	30,5	3,1	11,2

Число лошадей, овец и коз на душу населения в России примерно было одинаково с США и выше (лошади и овцы), чем в Германии и Франции. Количество же свиней на душу населения в США было в 7 раз, а крупного рогатого скота в 2 с лишним раза больше, чем в дореволюционной России.

¹ Данные по России за 1914 г., по Франции за 1916 г., по Германии за 1915 г., по США за 1916 г. См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 259—260.

Наконец, низкая урожайность, будучи результатом вышперечисленных факторов, также сказывалась на уровне производительности труда в сельском хозяйстве нашей страны.

По нашим ориентировочным подсчётам, годовая выработка продукции на одного работника в сельском хозяйстве России в годы перед первой мировой войной была значительно ниже, чем в США. Эта разница уровней производительности сельскохозяйственного труда объяснялась также наличием в России большого аграрного перенаселения. Вследствие отсталости дореволюционной экономики, слабого развития промышленности, низкого уровня техники народного хозяйства и т. д. значительные трудовые ресурсы деревни не находили применения в других сферах производства.

Итак, меньшая энерговооружённость труда, слабое развитие животноводства и связанная с этим большая сезонность сельского хозяйства дореволюционной России, меньшая освоенность земель сельскохозяйственного значения и, наконец, более низкая урожайность — основные факторы отставания России в области производительности сельскохозяйственного труда, факторы, обусловленные главной причиной — наличием всевозможных пережитков крепостничества в русской деревне, окончательно сломленных лишь Великой Октябрьской социалистической революцией.

Характерной особенностью капитализма является крайняя неравномерность его развития, получающая своё выражение в частности в резком отставании сельского хозяйства от промышленности.

Это отставание сельского хозяйства, как показал Маркс, «...вытекает не из природы земли, а из того, что земля требует других общественных отношений...»¹

В эпоху монополистического капитализма, когда усиливается хищническая эксплуатация сельского хозяйства финансовым капиталом, разрыв в уровнях развития промышленности и сельского хозяйства, противоположность между городом и деревней ещё более углубляется.

В России этот процесс усугублялся ещё наличием всевозможных пережитков крепостничества в русской деревне.

За время капиталистического развития России производительность труда в сельском хозяйстве увеличилась примерно на 50—60% против трёхкратного увеличения производительности труда в промышленности и в 2½ раза на железнодорожном транспорте. Итак, производительность сельскохозяйственного

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 233.

труда возросла в несколько раз меньше, чем производительность труда в сфере промышленности и транспорта.

«Что земледельческий труд в процессе развития капиталистического производства стал относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с той же быстротой и не в той же мере»¹.

Первая мировая война сильно отразилась на состоянии сельского хозяйства России. Отлив рабочей силы в армию в условиях низкой механизации сельского хозяйства, сокращения внутреннего производства и ввоза сельскохозяйственных машин, уменьшения количества рабочего скота повлиял на производительность этой главной отрасли народного хозяйства дореволюционной России.

По некоторым источникам, убыль скота к августу 1916 г. достигла одной четверти². В результате войны имело место также значительное снижение привоза и внутреннего производства искусственных удобрений.

В 1913 г. было потреблено в России 46 млн. пуд. искусственных удобрений, из которых 33 млн. пуд. было получено из Германии и только 13 млн. пуд. произведено внутри страны. В 1914 г. привоз минеральных удобрений составил 15,9 млн. пуд., а в 1915 г. упал до чрезвычайно мизерной величины — 202 тыс. пуд. Производство сельскохозяйственных машин упало в 1917 г. до 15% от уровня 1913 г. В связи с уменьшением численности скота, сокращением ввоза и производства искусственных удобрений, уменьшением производства сельскохозяйственных машин, уменьшением рабочих рук сократились посевные площади и имело место падение урожайности.

ДИНАМИКА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ
(всех хлебов, включая картофель)
за 1913—1917 гг.

Годы	Млн. десяти	%
1913	102,7	100,0
1914	99,6	97,0
1915	89,0	86,6
1916	83,9	81,7
1917	85,8	83,5

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, 1936, стр. 115.

² См. «Производство особой финансово-экономической комиссии», 25 ноября 1916 г., № 190, стр. 33.

Общий сбор хлебов в 1917 г. упал примерно до 80—82% от среднего уровня за пятилетие (1909—1913 гг.) и ещё больше по сравнению с урожайным 1913 г.

ОБЩИЙ СБОР ХЛЕБОВ
(без картофеля)

Годы	Млн. пуд.	%
1913	5 637	100,0
1914	4 490	79,7
1915	4 526,3	80,4
1916	3 941,5	70,1
1917	3 812,1	67,8

Сокращение товарного хлеба было значительно больше, чем валового сбора, что имело особенно важное значение для снабжения армии и населения. Всё же снижение валовой продукции в сельском хозяйстве было меньше, чем в промышленности.

Цены на продукты сельского хозяйства с начала войны стали повышаться. Интенсивность этого повышения видна из следующих данных:

ДИНАМИКА ЦЕН В ПРОЦЕНТАХ К ОСЕННИМ
ЦЕНАМ 1909—1913 гг., ПРИНЯТЫМ за 100

Годы	Рожь	
	нечернозёмная полоса	чернозёмная полоса
1914	113	101
1915	182	171
1916	282	226
1917	1 661	1 146

Росли цены не только на зерновые продукты, но и на все другие продукты питания. Экспорт сельскохозяйственных продуктов уже в 1916 г. почти прекратился, лишь вывоз льна и пеньки составлял всё ещё значительный процент по сравнению с довоенным уровнем.

Производительные силы сельского хозяйства России были во время войны сильно подорваны; пострадали, конечно, главным образом маломощные крестьянские хозяйства. По данным

сельскохозяйственной переписи 1917 г., из общего числа 11 970 тыс. хозяйств крестьянского типа (по 35 губерниям) 1 594 тыс. хозяйств не имели никакого скота, 3 343 тыс. хозяйств были без рабочего скота, 2 479 тыс. хозяйств — без коров, 980 тыс. хозяйств безземельных, 1 677 тыс. хозяйств беспосевных¹.

Таким образом, создавшееся в ходе империалистической войны положение в сельском хозяйстве особенно тяжело отразилось на беднейшем крестьянстве, которое впадало в ещё большую нищету и разорение. Всё это не могло не сказаться на революционизировании крестьянства. Усилившаяся революционная борьба рабочего класса встречала сочувствие и поддержку со стороны миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели, жаждавших мира, хлеба, свободы.

---

¹ См. «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I, т. VII, 1921, стр. 208—209.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху монополистического капитализма противоречия «...между трудом и капиталом... между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории... между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира»¹ достигают особой остроты.

Экономический раздел мира между союзами капиталистов тесно связан с разделом мира между великими державами. На грани XIX и XX вв. мир был поделён, в дальнейшем раздел его мог совершаться лишь на основе ожесточённой военной борьбы. Россия по численности населения, проживавшего в колониях, занимала третье место среди шести великих держав, вслед за Англией и Францией, а по площади колоний — второе место после Англии. В 1876 г. в колониях России проживало 15,9 млн. человек, в 1914 г. — 33,2 млн.² Российский монополистический капитализм, имея внутренние колонии, распространял своё экономическое влияние и на ряд полуколониальных стран. «...Царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистическая война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?»³

В. И. Ленин, приводя таблицу колониальных владений шести великих держав, указывал, что среди этих держав имелись

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 72—73.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 245.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 75.

молодые, быстро развивавшиеся страны, старые капиталистические страны, и, наконец, указывал на Россию, «...страну наиболее отставшую в экономическом отношении...»¹

Эта экономическая отсталость дореволюционной России проявлялась в том, что по объёму промышленной продукции и в особенности по душевым нормам промышленного производства, по размеру народного дохода на душу населения, по доле населения, занятого в промышленности, по уровню технической вооружённости и производительности труда и, наконец, по общему уровню развития производительных сил наша страна сильно отставала от Англии, Германии и США.

В целом в народном хозяйстве России производительность труда возросла за период капитализма в 2—2,5 раза, при значительных колебаниях по отдельным сферам материального производства; сравнительно медленный рост производительности труда в сельском хозяйстве России, в котором занято было подавляющее количество населения, определил медленный рост производительности труда во всём народном хозяйстве, несмотря на быстрый его рост в обрабатывающей промышленности страны. Однако по сравнению с крепостническим периодом этот рост был очень быстрым. Так, академик С. Г. Струмилин считает, что если уровень производительности труда в народном хозяйстве России XVII в. принять за единицу, то к моменту падения крепостного права в России этот уровень едва ли поднялся более чем на 0,1².

Возможно, рост производительности труда был несколько больше, однако он не мог идти ни в какое сравнение с увеличением производительности труда в русском народном хозяйстве в эпоху капитализма. «Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве»³.

Хотя Россия и была в технико-экономическом отношении отсталой страной по сравнению со странами более развитого капитализма, но капитализм и в России создал относительно огромные производительные силы. В. И. Ленин, определяя место России среди капиталистических государств, как мы видели выше, относил её наряду с Францией и Японией к странам второстепенным, первоклассным, но не вполне самостоятельным⁴. В. И. Ленин указывал, что «без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»⁵.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 246.

² См. С. Г. Струмилин, Наука и производительность труда, 1931, стр. 14.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 342.

⁴ См. «Ленинский сборник» XXII, стр. 335.

⁵ См. «Ленинский сборник» XI, стр. 397.

«Технико-экономическая отсталость нашей страны, — указывал товарищ Сталин, — не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны»¹.

Различные причины тормозили и сдерживали процесс экономического развития России. Известную роль в этом, в особенности на ранних ступенях развития нашей страны, сыграла географическая среда — суровый климат, относительно низкое плодородие почвы и т. д.

Многие буржуазные учёные объясняли отставание России в экономическом отношении характером географической среды. Так, например, историк С. Соловьёв выдвигал на первый план при объяснении русского исторического процесса характер географической среды, природных условий и т. п. Такая точка зрения ничего общего не имеет с материалистическим взглядом на историю развития общества.

Марксистско-ленинская материалистическая философия исходит из того, что географическая среда хотя и оказывает влияние на развитие общества, тем не менее она не может являться определяющей.

«Географическая среда, — писал товарищ Сталин, — бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием...»²

Россия, обладая огромными естественными ресурсами: большим количеством земли (в том числе значительная часть чернозёма), леса, полезных ископаемых и т. д., всё же относительно медленно продвигалась по пути своего экономического развития.

Экономическое развитие нашей страны имело много своеобразных черт. При тождественности основных черт исторического процесса в Западной Европе и в России последняя имела, как указывал В. И. Ленин, «...громадные особенности ...как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении»³. В XI веке Русь не была отсталой страной. Она шла впереди многих европейских стран, опередивших её только позднее, когда Русь оказалась в особо тяжёлых условиях, приняв на себя удар монгольских полчищ и загородив собою Западную Европу⁴. Татарское иго, продолжавшееся более двух столетий, подорвало экономику Киевской Руси и сильно задержало

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 248.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 548.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 5.

⁴ См. Б. Д. Греков, Киевская Русь, 1944, стр. 280.

развитие производительных сил нашей страны. «...Судьба России была решена на 2½ столетия. Монголы проникают внутрь России, опустошая все огнем и мечом...»¹

В результате систематических опустошений земель Русского государства, наложения больших налогов на население, нападения на торговые караваны русских, направлявшихся в Византию и другие страны, наконец, запрещения пользоваться судоходством по Чёрному морю и т. д. экономическое развитие Руси было сильно задержано.

Россия, лишённая в течение длительного времени выхода к Чёрному морю, а также и к Балтийскому, стоявшая в значительной степени в стороне от мировых торговых путей и от экономических последствий великих географических открытий, не могла обеспечить быстрый экономический рост.

«Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого. Ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья рек были от нее удаленными. Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы — естественный выход продукции Северной России, так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченского пролива в руках кочевников и грабителей татар»².

Исторические условия развития Русского государства были таковы, что и после освобождения от татарского ига Россия вынуждена была отстаивать своё существование в борьбе с многочисленными противниками, среди которых были такие, которые опережали её в экономическом отношении. Русское государство затрачивало значительную часть своих сил на многочисленные войны, отвлекая тем самым огромную долю труда от производительного применения. Значительным тормозом в развитии производительных сил нашей страны явилась также феодальная раздробленность, длившаяся несколько веков. Ряд западноевропейских государств, находившихся в более благоприятных исторических и географических условиях, развивался быстрее.

Соединённые Штаты Америки, являясь почти до конца XVIII столетия колонией Англии, были слабо развитой в экономическом отношении страной, в конце же XIX в. перегнали Англию и другие страны и стали наиболее развитой в экономическом отношении страной. Благоприятные исторические условия развития США, отсутствие необходимости затрачивать огромные средства на защиту политической самостоятель-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938, стр. 224.

² *Marx Karl*, Secret diplomatic history of the eighteenth century, London 1899, chapter VI, p. 87.

ности государства, отсутствие в США, за исключением южных районов, феодального землевладения, наличие богатых естественных ресурсов и т. д. обеспечили быстрый рост производительных сил США.

Экономическое развитие Англии нельзя объяснить вне её колониальной политики, работорговли, ограбления многих народов. Так, эксплуатация одной лишь Индии принесла англичанам колоссальные богатства. Островное положение Великобритании, длительное монопольное положение в области внешней торговли и т. д. — всё это способствовало обогащению английской буржуазии и аристократии, быстрому развитию капитализма.

Крепостничество и царизм были главной причиной, задерживавшей рост производительных сил Русского государства, особенно в первой половине XIX в.

Уровень развития производительных сил в России был не одинаков по сравнению с другими странами в различные периоды нашей истории. Реформы Петра Великого, несомненно, способствовали хозяйственному развитию России.

Россия после Петра, например, по производству чугуна стояла на одном из первых мест в мире. Не только русское железо, но и полотно вывозилось в значительных размерах. В 1740 г. в России было произведено 1 952 тыс. пуд. чугуна¹, а в Англии — только 1 222 тыс., во Франции — 1 586 тыс. пуд., в Германии — 1 080 тыс. пуд., а в Соединённых Штатах в тот период было произведено чугуна 61 тыс. пуд.², т. е. всего лишь несколько процентов от производства его в России. И далее, на протяжении второй половины XVIII в. Россия являлась первой страной по количеству производимого чугуна. Таким образом, Россия в XVIII в. по одной из важнейших отраслей промышленности опередила ряд высокоразвитых для того времени европейских стран.

В первой половине XIX в. — в период кризиса и разложения феодально-крепостнического способа производства — резко усилилось отставание экономики России от ушедших вперёд от неё стран.

В начале XIX в. Россию по выплавке чугуна обгоняет Англия, позднее — США и Франция, а в 50-х годах XIX в. — Германия. Производительность труда в русской промышленности росла слабо, и этот незначительный рост происходил главным образом в отраслях, основывавшихся на вольнонаёмном труде.

¹ См. С. Г. Струмилин, Горнозаводской Урал петровской эпохи, 1945, стр. 16; С. П. Сигов, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, 1936.

² См. М. G. Mulhall, The dictionary of statistics, London 1909, p. 332.

Урожайность в сельском хозяйстве почти не изменялась. В поисках путей увеличения доходов и повышения производительности труда в сельском хозяйстве помещики заменяли барщину оброчной формой эксплуатации. Введение оброка, создавая некоторые возможности экономического развития, не решало задачи повышения производительности труда в сельском хозяйстве и общей задачи развития производительных сил.

«Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве»¹. Медленное развитие производительных сил, экономическая отсталость страны в первой половине XIX в. определили и военное поражение России в Севастопольскую кампанию. В. И. Ленин писал, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России».

Отмена крепостного права ускорила экономическое развитие России, но не ликвидировала её отсталость.

Пережитки феодализма, существовавшие в самых разнообразных формах, тормозили развитие хозяйства. В. И. Ленин писал: «...главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости России, застой всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть *отработочная система*, т. е. прямой пережиток крепостничества»².

Хотя в отдельные периоды русская промышленность и развивалась очень быстро, Россия в эпоху своего капиталистического развития не уничтожила технико-экономической отсталости.

Царизм не смог обеспечить ликвидацию отсталости нашей страны. К политике царизма вполне применимы слова Ф. Энгельса о том, что «...политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве»³.

В поисках средств для промышленного развития царизм встал на путь получения кабальных займов и сдачи концессий, втянув тем самым Россию ещё больше «...в ярмо полуколониального существования...»⁴

Иностранный капитал, пользуясь большой свободой применения в России, тормозил возникновение отраслей промышленности, наличие которых создало бы военно-экономическую

---

¹ История ВКП(б). Краткий курс», стр. 5.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 70—71.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 1931, стр. 381.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 196.

самостоятельность страны, и пытался держать Россию на положении придатка к передовым в технико-экономическом отношении государствам.

В результате технико-экономической отсталости России иностранные государства, в частности Германия, навязывали иногда России крайне невыгодные торговые договоры и т. д.

В. И. Ленин накануне первой мировой войны, говоря о причинах экономической отсталости дореволюционной России, писал:

«...почему это развитие капитализма и культуры идет у нас с черепашьей медленностью? почему мы отстаем все больше и больше? почему эта увеличивающаяся отсталость делает необходимую экстренную быстроту и «стачки»?

На этот вопрос, вполне ясный каждому сознательному рабочему, сатрапы нашей промышленности боятся ответить именно потому, что они — сатрапы. Они — не представители свободного и сильного капитала... а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение»¹.

Эта характеристика помогает понять, почему страна, располагавшая богатейшими естественными ресурсами, высокой концентрацией промышленности, населённая великим трудолюбивым, талантливым народом, выдвинувшим из своей среды многочисленную плеяду гениальных людей во всех областях науки и культуры, отставала в технико-экономическом отношении от ряда государств.

Первая мировая война явилась результатом действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, приведшего к изменению соотношения сил в лагере империализма.

«...Неравномерность развития капиталистических стран, — говорит товарищ Сталин, — обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма... В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними... Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война...»²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 262.

² И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., 1946, стр. 6—7.

За время первой мировой войны в экономике всех стран произошли большие изменения. «За время войны мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде»¹.

Отсталость экономики России, её зависимость — экономическая, техническая, финансовая и политическая — от более развитых капиталистических стран особенно резко проявились в годы первой мировой войны. В годы войны резко обозначился кризис главных отраслей промышленности — металлургии, топлива, транспорта; не менее резко возрастал из года в год дефицит бюджета, пассивный характер торгового баланса, рост продовольственных затруднений и т. д. Кризис охватил не только промышленное производство, но и сельское хозяйство. Всё это сказалось в значительном падении национального дохода страны, в увеличении её экономической зависимости от других государств. Выше мы характеризовали влияние войны на отдельные области экономики России. Здесь же ограничимся приведением общих, сводных данных, характеризующих действие войны на народное хозяйство. Первая мировая война отвлекла в России на продолжительное время от производственного труда около 14 млн. человек, или почти половину трудоспособных мужчин. Россия понесла в первой мировой войне огромные жертвы: по различным исчислениям, эти потери определяются от 1 700 тыс. человек до 2 300 тыс. человек.

Промышленное производство и производительность труда в промышленности упали; в меньшей степени, но также значительно снизилась продукция сельского хозяйства; сократились посевные площади и сбор хлебов. Расстройство производства вызвало расстройство всей сферы обращения. Цены на товары повысились, курс рубля падал, количество денежных знаков в обращении перед Октябрьской революцией составляло колоссальную цифру — почти 20 млрд. руб., а государственный долг — свыше 60 млрд. руб. Из года в год быстро росло отрицательное сальдо во внешней торговле России. Несмотря на введение многих новых налогов во время войны, дефицит по бюджету возрастал из года в год стремительными темпами. Во время войны народный доход систематически падал из года в год, а военные расходы возрастали так, что в последнее время около половины народного дохода шло на военные нужды.

Экономическое состояние страны всё более и более ухудшалось. И. В. Сталин в статье «Чего хотят капиталисты?» писал в августе 1917 г.:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 204—205.

«Что Россия загнана в тупик, что она переживает глубокий кризис, что она на краю гибели, — это, конечно, верно.

Но не странно ли, что:

1) В России до войны был избыток хлеба, причём мы вывозили его ежегодно 400—500 миллионов пудов, а теперь, во время войны, у нас нехватает хлеба, мы принуждены голодать.

2) В России до войны государственная задолженность равнялась 9 миллиардам, причём для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей в год, между тем как за три года войны задолженность доходит до 60 миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда рублей»¹.

Война довела хозяйственную жизнь России до глубокого расстройтва. Росла безработица, росло число стачек. «Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья, — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица!»². В 1915 г. было 928 забастовок, в 1916 г. было уже 1 284 забастовки с 951 тыс. участников. Особенной глубины достигло расстройство продовольственного, сырьевого и топливного снабжения в первые месяцы 1917 г.

В 1917 г. стачечное движение всё расширялось: лишь в январе и феврале число бастовавших рабочих достигло 676,3 тыс. Революционное движение рабочего класса, поддержанное борьбой миллионов крестьянских и солдатских масс, обеспечило победу февральской буржуазно-демократической революции. Большевицкая партия во главе с В. И. Лениным и И. В. Сталиным намечает план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

«В области экономической переходные меры сводились: к национализации всех земель в стране при конфискации помещичьих земель, к слиянию всех банков в один национальный банк и введению контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов, к введению контроля над общественным производством и распределением продуктов»³.

Временное буржуазное правительство несколько не остановило углубления хозяйственного кризиса в стране, кризис с неослабной силой продолжал развиваться: валовая продукция фабрично-заводской промышленности сократилась в 1917 г. по сравнению с предыдущим годом на 36,4 %, продолжалось сокращение посевных площадей в сельском хозяйстве.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 190.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 299.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 177.

Финансово-денежный кризис усиливался, быстро росли цены, а реальная заработная плата так же быстро снижалась. Колоссальный выпуск бумажных денег содействовал спекуляции. Усиливалась разруха на транспорте: на начало 1917 г. больших паровозов было 3 382, или 16,5%, на 1 октября — 5 374, или 25,8% паровозного парка; вагонный парк сократился с 537,3 тыс. до 382,6 тыс. вагонов, или на 28,7%.

В. И. Ленин писал в статье «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой»: «Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая совершенно целый ряд важнейших производств, лишаящая сельских хозяев возможности вести хозяйство в необходимых размерах, прерывающая железнодорожные сообщения, лишаящая многомиллионное промышленное население и города подвоза хлеба, такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватив ряд отраслей»¹.

В. И. Ленин, разоблачая контрреволюционный характер деятельности Временного правительства, намечал в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» проведение ряда необходимых экономических мероприятий: национализацию банков и синдикатов, отмену коммерческой тайны, регулирование потребления, мероприятия против финансового краха.

В. И. Ленин, развивая идею о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, писал: «Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не *делая шагов* к нему...

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его...»² Так большевики, основываясь на ленинской теории о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране ставили вопрос о переходе от буржуазной революции к социалистической.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 475.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 333.

И. В. Сталин, развивая ленинское учение о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране, о возможности прорыва цепи империализма в наиболее слабом её звене, писал: «В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции»¹.

Среди причин, определивших сравнительно лёгкую победу социалистической революции в России, были следующие главные причины:

«1. Октябрьская революция имела перед собой такого, сравнительно слабого, плохо организованного, политически мало опытного врага, как русская буржуазия...

2. Во главе Октябрьской революции стоял такой революционный класс, как рабочий класс России, класс, закаленный в боях, прошедший в короткий срок две революции и завоевавший к кануну третьей революции авторитет вождя народа в борьбе за мир, за землю, за свободу, за социализм...

3. Рабочий класс России имел такого серьезного союзника в революции, как крестьянская беднота, составлявшая громадное большинство крестьянского населения.

...Наличие союза рабочего класса и крестьянской бедноты определило и поведение середняков, которые долго колебались и только перед Октябрьским восстанием повернулись, как следует, в сторону революции, присоединившись к крестьянской бедноте. Нечего и доказывать, что без такого союза Октябрьская революция не могла бы победить.

4. Во главе рабочего класса стояла такая, испытанная в политических боях, партия, как партия большевиков... достаточно смелая для того, чтобы повести народ на решительный штурм, и достаточно осмотрительная для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели, — только такая партия могла так умело соединить в один общий революционный поток такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетенных народов за национальное равноправие и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата.

Несомненно, что соединение этих различных революционных потоков в один общий мощный революционный поток решило судьбу капитализма в России.

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 97.

5. Октябрьская революция началась в такой момент, когда империалистическая война была еще в разгаре, когда главные буржуазные государства были расколоты на два враждебных лагеря, когда они, будучи заняты войной друг с другом и ослабляя друг друга, не имели возможности серьезно вмешаться в «русские дела» и активно выступить против Октябрьской революции»¹.

* *
*

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории России. Революция уничтожила капитализм в нашей стране, отняла у буржуазии средства производства и превратила их в собственность всего народа, в общественную собственность.

Советская власть провела величайшие в истории акты уже в первый период своего существования: ликвидацию помещичьего землевладения и национализацию земли, национализацию банков, аннулирование государственных долгов, введение государственной монополии внешней торговли, установление рабочего контроля как переходного мероприятия к национализации промышленности и т. д. В. И. Ленин называл время осуществления этих невиданных в истории мероприятий советской власти периодом красногвардейской атаки на капитал. Осуществление всех этих мероприятий проходило в условиях ожесточённой классовой борьбы.

Великая Октябрьская революция создала новые закономерности развития производительных сил, она создала условия и возможности для ликвидации экономической отсталости России и превращения её в передовую страну.

Уже в первые месяцы после Октябрьской революции, в тяжёлые для советской власти дни, В. И. Ленин говорил: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»².

Приступить вплотную к разрешению этой задачи наш народ смог лишь после ликвидации иностранной военной интервенции и гражданской войны. В плане Гоэлро была намечена первая огромная программа развития производительных сил России, программа ликвидации технико-экономической отсталости нашей родины.

---

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 202—204.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXII, изд. 3, стр. 376.

«Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую»¹, — писал В. И. Ленин. «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет»², — говорил И. В. Сталин в своей исторической речи «О задачах хозяйственников».

Преимущества социалистической системы хозяйства, высокие темпы развития промышленности обеспечили в течение трёх пятилеток создание индустриальной мощи Советского Союза.

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г., указывая на большие достижения в развитии советского народного хозяйства, товарищ Сталин поставил задачу перегнать главные капиталистические страны также и в экономическом отношении, т. е. по производству промышленных товаров на душу населения.

Наша страна сделала в течение трёх довоенных пятилеток огромные успехи в развитии промышленного производства, в разработке естественных богатств, в подъёме культурного уровня населения и т. д.

Перед Отечественной войной в СССР производилось 15 млн. т. чугуна, т. е. почти в 4 раза больше, чем в 1913 г.; 18 млн. 300 тыс. т. стали, т. е. в 4 с половиной раза больше, чем в 1913 г.; 31 млн. т. нефти, т. е. в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 г.

Экономическая база Советского Союза явилась важнейшим фактором в победе советского народа над немецким империализмом, посягавшим на независимость нашего отечества, важнейшим фактором мощного развития нашей страны в послевоенный период.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 396.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 329.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДИНАМИКА ВАЖНЕЙШИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

с 1800

Годы	Население (в млн.)	Сбор хле- бов (в млн. четвертей)	Выплавка чугуна (в млн. пуд.)	Добыча золота в России (в тыс. кг чистого металла)	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года (в км)
	1	2	3	4	5
1800	35,5	{ —	—	—	—
1801	37,8		—	—	—
1802	38,1		—	—	—
1803	38,4		—	—	—
1804	38,7		—	—	—
1805	39,0		—	—	—
1806	39,3		155	12,2	—
1807	39,7		—	—	—
1808	40,0		—	—	—
1809	40,3		—	—	—
1810	40,7	—	—	—	—
1811	41,0	—	—	—	—
1812	41,4	—	—	—	—
1813	42,2	—	—	—	—
1814	43,4	—	—	0,26	—
1815	45,2	—	—	0,23	—
1816	45,9	—	—	0,26	—
1817	46,6	—	—	0,30	—
1818	47,2	—	—	0,27	—
1819	47,9	—	—	0,23	—

¹ Ассигнациями до 1839 г., с 1840 г. кредитными.

Таблица 1

НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ
по 1861 г.

Производство сахарного пес- ка (в тыс. пуд.)	Ввоз хлопка- волокна в Россию (в тыс. пуд.)	Число рабочих в промышлен- ности (в тыс.)	Внешняя торговля России (в млн. рублей) ¹		Курс ассигна- ционного и кредитного рубля (в коп.)
			вывоз товаров	ввоз товаров	
6	7	8	9	10	11
0,1	—	—	—	—	—
0,2	—	—	—	—	—
0,2	—	—	63,3	45,8	80,00
0,2	—	—	67,1	44,5	79,33
0,2	—	95,2	59,0	42,7	77,00
0,2	—	—	72,4	46,1	73,00
0,3	—	—	62,6	43,3	67,50
0,4	—	—	53,6	33,2	53,75
0,7	—	—	...	...	...
1,0	—	—	...	...	...
1,0	—	—	...	...	...
1,2	—	137,8	...	...	...
1,5	85	119,1	139,3	76,4	25,2
3,0	42	—	132,4	121,5	25,2
3,5	32	170, 6	194,1	113,1	20,0
3,5	46	172,9	219,4	113,8	20,00
4,0	36	187,1	200,2	129,3	25,33
4,0	50	187,3	294,6	167,2	25,17
4,5	68	178,4	255,9	181,2	25,25
4,5	99	176,6	215,1	177,1	26,33

Годы	Население (в млн.)	Сбор хле- бов (в млн. четвертей)	Выплавка чугуна (в млн. пуд.)	Добыча золота в России (в тыс. кг чистого металла)	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года (в км)
	1	2	3	4	5
1820	48,6	—	—	0,32	—
1821	49,3	—	—	0,46	—
1822	50,1	—	—	0,88	—
1823	50,8	—	—	1,73	—
1824	51,5	—	—	3,36	—
1825	52,3	—	10,0	3,89	—
1826	53,0	—	—	3,77	—
1827	53,8	—	—	4,29	—
1828	54,6	—	—	4,78	—
1829	55,3	—	—	4,73	—
1830	56,1	—	11,2	6,27	—
1831	56,9	—	11,0	6,59	—
1832	57,7	—	9,9	6,92	—
1833	58,5	—	9,7	6,71	—
1834	59,3	—	11,3	6,63	—
1835	60,2	—	10,5	6,44	—
1836	60,6	—	10,9	6,65	—
1837	61,0	179	—	7,25	—
1838	61,5	—	10,9	7,26	27
1839	61,9	—	—	8,12	—
1840	62,4	—	—	7,50	—
1841	62,9	—	11,0	10,59	—
1842	63,5	—	—	14,88	—
1843	64,0	—	—	20,53	—
1844	64,6	209,7	11,4	20,96	—

Продолжение табл. 1

Производство сахарного пес- ка (в тыс. пуд.)	Ввоз хлопка- волокна в Россию (в тыс. пуд.)	Число рабочих в промышлен- ности (в тыс.)	Внешняя торговля России (в млн. рублей)		Курс ассигна- ций и кредит- ного рубля (в коп.)
			вывоз товаров	ввоз товаров	
6	7	8	9	10	11
5,5	37	179,6	222,5	245,2	26,33
6,5	59	183,4	200,1	208,0	25,67
7,0	99	172,8	188,2	156,5	26,25
8,5	77	185,8	197,7	160,4	26,20
10,0	55	200,8	205,3	178,7	26,50
15,0	62	210,6	244,6	191,3	26,40
15,0	105	206,4	190,3	193,5	26,77
25,0	68	209,5	238,3	207,9	26,83
29,0	92	225,4	206,4	200,9	26,83
29,0	134	231,6	226,8	215,9	27,29
32,0	116	253,9	272,3	198,1	26,33
33,0	105	264,4	244,2	177,0	26,89
38,0	127	272,5	261,0	196,0	27,17
45,0	139	274,0	249,3	193,1	27,25
60,0	152	279,7	228,9	218,1	27,40
90,0	222	288,1	226,7	222,8	27,4
100,0	259	324,2	282,4	237,3	27,1
100,0	263	376,8	263,5	251,8	27,4
110,0	327	412,7	312,9	247,7	27,2
120,0	355	455,0	341,2	249,2	28,9
130,0	398	435,8	85,4	78,1	101,5
146,0	314	429,6	89,3	80,8	100,5
150,0	513	455,8	85,0	84,6	97,9
300,0	472	466,6	82,2	75,0	97,3
400,0	588	469,2	93,4	78,5	98,5

Годы	Население (в млн.)	Сбор хле- бов (в млн. четвертей)	Выплавка чугуна (в млн. пуд.)	Добыча золота в России (в тыс. кг чистого металла)	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года (в км)
	1	2	3	4	5
1845	65,2	{ 209,7	—	21,41	144
1846	65,8		13,1	26,40	278
1847	66,5		11,9	28,78	368
1848	67,1		12,1	27,60	382
1849	67,8		11,6	26,01	—
1850	68,5	—	13,9	23,82	501
1851	69,0	—	12,6	24,14	1004
1852	69,5	—	13,1	22,39	—
1853	70,1	—	14,5	23,96	1049
1854	70,6	—	14,1	26,14	—
1855	71,1	—	15,3	27,01	—
1856	71,6	—	15,8	27,11	—
1857	72,1	{ 220	13,0	28,40	1170
1858	72,8		16,9	27,65	—
1859	73,9		16,5	25,26	1336
1860	74,1		18,2	24,42	1626
1861	73,6		17,4	23,85	2238

Источники: К графе 1. «Статистический ежегодник России за 1916 г.», вып. 1, 1918, стр. 85 (без Финляндии).

Е. З. Волков, Динамика народонаселения СССР за 80 лет, 1930, стр. 8. В таблице, приводимой Волковым, ошибка за 1815 г.

К графе 2. Данные о количестве собранного хлеба в России за этот период, так же как и данные о численности населения, довольно условны, цифра 155 млн. четвертей является среднегодовым сбором за 1800—1813 гг., точно так же цифры 179 млн. четвертей за 1834—1840 гг., 209,7 млн. четвертей за 1840—1847 гг. и 220 млн. четвертей за 1857—1863 гг. (см. «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования сельского хозяйства России», 1873, стр. 8—9). Данные по Европейской России, без Финляндии и Польши. Адроссов, Хозяйственная статистика России, 1827; Арсеньев, Начертание статистики Российского государства 1818; Л. В. Тенгоборский, О производительных силах России, ч. 1, 1854; «Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», изд. 3, 1857.

К графе 3. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. 3, 1859, стр. 331; данные о производстве чугуна с 1830 г.

Продолжение табл. 1

Производство сахарного пес- ка (в тыс. пуд.)	Ввоз хлопко- волокна в Россию (в тыс. пуд.)	Число рабочих в промышлен- ности (в тыс.)	Внешняя торговля России (в млн. рублей)		Курс ассигна- ций и кредит- ного рубля (в коп.)
			вывоз товаров	ввоз товаров	
6	7	8	9	10	11
350,0	750	507,6	92,2	83,2	98,1
500,0	729	508,6	102,4	87,0	98,6
600,0	862	532,1	148,3	89,2	99,5
496,5	1 231	483,5	88,0	90,8	95,0
772,9	1 555	495,4	95,9	96,2	95,7
1 063,6	1 201	501,6	98,1	93,9	98,7
1 195,0	1 391	465,0	97,4	103,7	97,9
1 106,7	1 835	470,9	114,8	100,9	98,8
1 190,0	1 934	481,0	147,7	102,3	99,5
1 379,3	1 636	459,6	65,3	70,4	94,2
948,6	1 548	483,2	39,5	72,7	93,0
2 611,8	2 221	518,7	160,3	122,6	98,4
1 911,4	2 439	591,4	169,7	151,7	96,3
2 438,4	2 678	572,7	151,2	149,4	94,6
3 369,4	2 932	610,7	165,7	159,3	83,5
3 398,3	2 840	565,1	181,4	159,3	94,4
2 581,2	2 643	522,5	177,2	167,1	88,7

без Финляндии и Царства Польского см. «Военно-статистический сборник», вып. 4, 1871, стр. 287.

К графе 4. Ф. Михалевский, Золото как денежный товар, 1937, стр. 179.

К графе 5. «Мировые экономические кризисы», т. 1, 1937, стр. 517.

К графе 6. М. А. Толпыгин, Сахарная промышленность от основания её до настоящего времени, Киев 1894, стр. 11—13.

К графе 7. В. Юферев, Хлопководство в Туркестане, 1925, стр. 144.

К графе 8. Источники см. выше стр. 27; о численности рабочих см. также А. Семёнов, Изучение исторических сведений, ч. 3, стр. 482; М. Тузан-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 65.

К графе 9. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. 1, СПб. 1902. Таблицы, стр. 116, 117.

К графе 10. То же, стр. 140, 141 (торговля Финляндии с иностранными государствами не включена ни по ввозу, ни по вывозу).

К графе 11. Курс ассигнаций и кредитного рубля в золотых копейках (1 рубль = $\frac{1}{10}$ империала) — по тому же источнику, стр. 327—328.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ
(в тыс. руб. ассигнационных до 1840 г.,

Годы	Обыкновенные (постоянные) доходы						Оборотные доходы, поступавшие а) за счёт разных мест, б) возврата, произведённый из казны за счёт разных мест расходов
	подати подушные, оброчные и др.	питейный доход	соля- ной доход	таможен- ный доход	остальные обыкновенные доходы	итого	
1803	в отчётах нет подразделений по роду доходов						101 597
1804							179
1805	44 846	26 151	6 945	11 927	17 311	107 180	179
1806	44 080	26 347	6 553	10 181	18 792	105 953	413
1807	44 454	34 634	6 882	9 134	19 661	114 765	277
1808	48 408	34 203	7 664	5 523	26 835	122 633	704
1809	52 597	35 631	8 100	8 428	29 121	133 877	1 690
1810	82 348	36 747	14 699	11 185	33 064	178 043	4 508
1811	80 645	75 374	16 452	15 828	44 496	232 795	10 077
1812	87 949	73 292	14 336	19 315	40 721	235 613	2 849
1813	102 823	75 028	17 781	31 599	42 391	269 622	6 685
1814	118 227	83 835	19 695	25 848	49 167	296 772	3 757
1815	132 798	100 031	16 228	26 161	47 698	322 916	1 040
1816	132 301	114 629	18 857	27 397	53 839	347 023	1 469
1817	127 002	109 642	19 781	43 220	56 871	356 516	15 219
1818	129 674	108 958	19 101	43 558	65 624	366 915	1 502
1819	132 832	155 119	22 046	43 823	68 490	422 310	20 548
1820	132 321	157 281	21 376	52 483	83 587	447 048	17 154
1821	119 117	151 720	21 291	49 733	67 878	409 739	19 048
1822	125 083	138 578	23 963	40 776	62 684	391 084	6 060
1823	133 887	131 205	27 646	41 214	64 613	398 565	8 602
1824	118 042	120 984	23 850	50 226	66 838	379 940	7 590
1825	120 758	117 413	21 715	54 353	82 764	397 003	6 809

РОССИИ за 1803—1860 гг.
далее — серебряных)

Таблица 2

Единовременные доходы и поступления в возмещение военных издержек	Займы и суммы, полученные из кредитных установлений и других мест на подкрепление Государственного казначейства					Всего доходов вообще
	из ассигнационного Банка	из других кредитных установлений	из разных мест	от займов	итого	
—	6 000	2 370	790	—	9 160	110 936
—	4 448	4 740	505	—	9 693	113 399
—	28 083	1 062	461	—	29 606	136 868
1 676	8 224	165	4 592	—	12 981	121 023
17 936	24 547	8 926	5 254	417	39 144	172 122
4 122	92 049	41 423	5 757	—	139 229	266 688
59	127 573	31 574	373	1 613	161 133	296 759
29 769	35 246	7 513	—	1 673	44 432	256 752
29 817	6 408	6 193	6 988	—	19 589	292 278
12 738	68 200	9 745	2 839	—	80 784	331 984
65 588	100 940	13 610	1 416	—	115 966	457 861
62 537	54 686	59 087	3 300	—	117 073	480 139
51 908	30 198	24 681	1 993	—	56 872	432 736
54 920	5 600	26 457	1 999	—	34 056	436 838
32 598	—	22 539	10 231	—	32 770	437 103
33 676	—	42 033	—	—	42 033	444 126
29 071	—	11 753	—	—	11 753	483 682
11 254	—	3 082	—	—	3 082	478 538
20 177	—	—	3 371	955	4 326	453 290
12 923	—	—	13 022	27 065	40 087	450 154
4 925	—	22 512	700	28 122	51 334	463 426
9 812	—	8 354	—	2 114	10 468	407 810
1 973	—	12 202	694	—	12 896	418 681

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Годы	Обыкновенные (постоянные) доходы					
	подати подушные, оброчные и другие	питейный доход	соляной доход	таможенный доход	остальные обыкновенные доходы	итого
1826	117 591	116 601	23 049	56 968	76 035	390 244
1827	126 095	105 135	24 014	62 915	74 872	393 031
1828	119 280	106 672	22 410	62 852	73 006	384 220
1829	123 513	112 129	24 683	66 614	76 814	403 753
1830	115 930	108 629	26 613	66 411	75 633	393 216
1831	118 005	115 329	26 316	68 403	78 466	406 519
1832	141 995	118 155	26 458	81 515	82 538	450 661
1833	120 990	116 851	25 519	81 759	83 598	428 717
1834	115 172	122 058	23 471	80 653	89 111	430 465
1835	156 775	131 281	25 785	78 307	102 979	495 127
1836	159 451	138 664	26 089	81 684	113 675	519 563
1837	161 942	139 644	25 719	89 514	109 811	526 630
1838	163 487	146 718	27 960	87 280	117 380	542 825
1839	162 262	152 885	33 920	89 181	119 528	557 776
1840	41 621	43 694	7 466	26 374	36 319	155 474
1841	42 677	46 872	8 761	26 564	35 695	160 569
1842	44 717	49 593	8 587	29 777	40 491	173 165
1843	46 222	54 543	8 577	29 502	40 394	179 238
1844	46 716	57 348	9 834	31 889	40 383	186 170
1845	44 312	58 844	8 945	30 434	42 374	184 909
1846	45 172	62 853	9 286	30 331	44 469	192 111
1847	46 430	64 192	9 747	29 126	46 597	196 092
1848	43 650	64 340	8 913	29 588	48 527	195 018
1849	45 434	63 762	8 901	29 938	50 006	198 041
1850	45 402	63 353	8 694	30 089	54 208	201 746
1851	44 984	74 828	7 528	30 684	54 100	212 124
1852	48 044	79 170	6 628	32 062	55 684	221 588
1853	47 530	82 058	7 294	27 973	54 660	219 515
1854	46 050	77 075	9 193	20 235	59 963	212 516

Источники: «Министерство финансов 1802—1902», ч. 1, СПб. 1902, стр. 624—627.

Продолжение табл. 2

ДОХОДЫ

Оборотные доходы	Единовременные доходы	Займы					Всего доходов обыкновенных и прочих.
		из кредитных учреждений и других мест	внешние займы	билеты Государственного казначейства	кредитные билеты, оставшиеся от обмена на ассигнации	итого	
10 025	4 048	10 664	—	—	—	10 664	414 981
15 536	—	6 316	—	—	—	6 316	414 883
20 446	1 628	11 000	—	—	—	11 000	417 294
13 580	188	2 000	—	—	—	2 000	419 521
16 468	6 696	12 105	—	—	—	12 105	428 485
35 196	1 072	2 498	—	—	—	2 498	445 285
32 174	91	10 220	—	—	—	10 220	493 146
43 123	2 897	26 954	—	—	—	26 954	501 691
39 199	1 677	30 005	—	40 000	—	70 005	541 346
35 654	3 539	50 234	—	—	—	50 234	584 554
42 586	1 749	20 740	—	—	—	20 740	584 638
43 412	1 602	16 113	—	—	—	16 113	587 757
38 447	410	26 425	—	—	—	26 425	608 107
41 977	335	36 357	—	—	—	36 357	636 445
12 848	633	6 476	—	12 000	—	18 476	187 431
13 455	7 395	2 365	4 952	—	—	7 317	188 736
20 816	54	17 833	10 301	—	—	28 134	222 169
20 409	—	15 209	7 322	—	—	22 531	222 178
19 727	—	14 526	5 540	—	—	20 066	225 963
16 867	—	15 459	5 767	—	—	21 226	223 002
21 321	2 700	16 655	—	—	—	16 655	232 787
23 764	2 700	15 637	9 232	12 000	—	36 869	259 425
25 058	5 294	25 748	1 085	15 000	—	41 833	267 203
19 045	2 000	40 073	2 214	12 000	3 000	57 287	276 373
21 138	427	43 118	31 405	3 000	1 000	78 523	301 834
19 167	—	36 633	—	—	—	36 633	267 924
30 391	415	25 045	—	—	—	25 045	277 439
41 810	4 000	45 915	—	—	—	45 915	311 240
45 141	25 804	57 932	17 381	18 000	—	93 313	376 774

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Годы	Обыкновенные (постоянные) доходы										оборотные доходы
	подати и оброки	за право торговли	питейный доход	соляной доход	табачный и сахарный доход	таможенный доход	лесной доход	казённые железные дороги и платежи железнодорожных обществ	прочие доходы	итого обыкновенных доходов	
1855	43 231	4 142	79 236	8 849	2 058	17 914	891	—	52 508	208 829	61 080
1856	46 603	4 351	88 369	7 728	2 684	29 868	1 164	—	50 968	231 735	130 061
1857	50 128	4 543	88 683	7 490	2 920	35 713	1 191	1 000	49 339	241 007	56 284
1858	47 756	4 861	97 238	7 084	2 866	33 838	1 418	500	52 196	247 757	44 977
1859	49 660	5 161	120 218	8 121	2 969	32 881	1 783	2 500	55 961	279 254	55 447
1860	52 310	5 290	124 997	7 631	2 898	33 741	2 169	1 000	47 849	277 885	81 602

Источники: «Министерство финансов 1802—1902», ч. I, Спб. 1902, стр. 632—633,

Продолжение табл. 2

ДОХОДЫ

Итого обыкновенных и оборотных доходов вместе	Чрезвычайные ресурсы							Всего обыкновенных и чрезвычайных доходов
	из разных посторонних капиталов, банковых, экономических и др.	из капиталов, принадлежащих казне (выкупа бессрочных займов, военных и др.)	займов				Итого	
			внутренних и внешних	из кредитных установлений	от выпуска кредитных билетов	специальных ресурсов для постройки железных дорог и портов		
269 909	2 700	—	30 549	31 188	198 900	—	263 337	533 246
361 796	1 997	800	47 864	24 446	191 967	—	267 074	628 870
297 291	4 452	6 592	11 136	15 107	12 200	—	49 487	346 778
292 734	2 405	53 000	752	9 244	—	—	65 401	358 135
334 701	459	7 435	281	5 531	—	—	13 706	348 407
359 487	26 685	1 256	49 600	1 723	—	—	79 264	438 751

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

(в тыс. руб. ассигнационных до

Годы	Платежи по государственному долгам ¹	Императорский двор и высшие госуд. учреждения	Духовное ведомство	Министерство народного просвещения	Министерство иностранных дел	Военное министерство	Морское министерство	Министерство финансов
1803								в отчёте за 1803 г. нет точного рас
1804	—	9 786	1 510	3 181	1 443	41 942	10 742	28 478
1805	—	9 791	1 516	2 601	1 759	43 184	14 058	27 358
1806	—	9 842	1 530	2 767	1 804	44 304	14 836	22 885
1807	—	10 198	1 688	2 947	1 808	63 402	17 155	32 273
1808	—	10 755	1 671	3 153	2 407	118 525	20 824	54 349
1809	—	11 952	2 608	3 604	2 243	112 279	23 757	82 773
1810	—	14 516	1 941	2 509	2 580	127 936	19 614	73 712
1811	—	12 720	2 389	3 505	4 015	122 414	14 490	90 965
1812	—	13 517	2 226	2 782	3 736	160 843	23 001	114 495
1813	—	13 943	2 810	2 655	3 769	264 702	20 140	88 234
1814	—	15 487	2 226	2 413	3 353	278 775	22 278	112 769
1815	—	15 365	2 673	2 352	4 822	213 966	16 868	113 006
1816	—	23 667	2 342	2 470	6 596	234 380	19 590	118 753
1817	41 331	24 166	2 934	3 092	4 652	178 979	23 220	123 710
1818	56 749	24 457	1 989	3 825	4 742	188 851	23 151	101 235
1819	56 853	20 188	6 016		5 604	188 431	26 188	124 827
1820	66 102	22 954	6 548		6 165	197 771	25 837	139 607
1821	58 127	19 326	7 928		7 244	204 404	27 281	118 847
1822	61 642	20 146	8 725		6 510	185 889	25 216	113 310
1823	66 272	21 257	6 553		6 873	195 556	26 717	117 399
1824	60 934	22 799	6 538		6 443	157 236	23 013	102 066
1825	56 765	23 997	4965	3 636	5 457	155 202	24 225	100 723

Источники: «Министерство финансов 1802—1902», ч. 1, Спб. 1902, стр. 620—621.

¹ До 1817 г. расходы на платежи по займам показывались по отчётам в числе расходов по смете министерства финансов.

Таблица 3

РОССИИ ЗА 1803—1860 гг.
1840 г., далее — серебряных)

Министерство коммерции	Министерство внутренних дел	Министерство полиции	Управление почт	Главное управление путей сообщения	Министерство юстиции	Управление государственного контроля	За счёт разных мест	Итого
пределения расходов по ведомствам								109 412
4 162	18 128	—	—	—	2 568	—	223	122 163
3 981	18 018	—	—	—	2 737	—	446	125 449
2 833	18 741	—	—	—	2 728	—	189	122 459
4 884	21 100	—	—	—	2 774	—	792	159 021
5 447	27 998	—	—	—	2 788	—	296	248 213
4 141	32 450	—	—	—	2 648	—	—	278 455
1 230	28 196	—	—	3 686	3 062	—	—	278 982
—	7 241 ²	7 940	—	3 376	3 100	—	—	272 155
—	6 331	8 872	—	3 361	2 833	196	—	342 193
—	3 959	17 278	—	2 444	3 193	253	—	423 380
—	4 636	9 754	—	2 138	3 134	251	—	457 214
—	4 955	11 603	—	2 243	3 175	248	—	391 276
—	5 098	9 046	—	2 727	3 187	249	—	428 105
—	15 815	10 304	—	6 771	3 153	294	—	438 424
—	19 237	8 457	—	6 997	3 302	293	—	443 285
—	22 152	8 777	—	12 733	3 787	394	—	475 950
—	14 683	—	4 128	11 316	4 365	328	—	499 804
—	19 078	—	4 348	10 436	4 966	334	—	482 319
—	16 464	—	4 763	8 238	5 089	479	—	456 471
—	17 003	—	4 929	11 033	5 053	503	—	479 148
—	18 241	—	5 051	8 998	5 242	466	—	417 027
—	17 118	—	4 975	10 112	5 813	472	—	413 460

² Значительное понижение расходов по министерству внутренних дел с 1811 г. объясняется выделением части их в смету министерства полиции и перенесением ассигнований по соляной операции в смету министерства финансов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Годы	Платежи по государственному долгу	Императорский двор и высшие государственные учреждения	Духовное ведомство	Министерство иностранных дел	Военное министерство	Морское министерство	Министерство финансов	Министерство государственных имуществ
1826	48 594	29 165	4 233	7 825	154 139	22 894	82 085	—
1827	61 944	26 202	3 562	6 191	161 817	27 310	76 583	—
1828	46 582	25 560	3 744	6 374	151 500	30 589	75 504	—
1829	55 986	23 375	4 012	6 038	161 751	32 149	76 140	—
1830	71 740	22 348	4 034	7 047	153 679	33 047	73 725	—
1831	51 752	22 658	3 386	6 302	160 446	32 954	91 713	—
1832	88 889	22 254	3 158	6 275	177 692	30 184	82 589	—
1833	73 577	21 380	3 344	7 362	175 186	32 922	97 770	—
1834	77 931	22 259	3 367	6 830	172 716	34 835	108 075	—
1835	99 788	22 651	3 779	6 506	201 446	42 696	105 161	—
1836	92 568	23 426	3 982	6 385	197 251	38 740	101 677	—
1837	82 193	25 870	3 978	7 160	199 383	38 040	96 728	—
1838	86 602	36 388	3 949	6 819	199 692	39 989	91 212	11 400
1839	88 796	39 861	4 162	6 560	222 368	40 768	92 032	16 111
1840	21 138	9 843	1 297	2 315	70 227	12 691	30 034	5 090
1841	29 251	8 912	1 158	2 039	68 849	12 572	29 928	5 174
1842	27 685	9 419	1 796	1 967	72 325	13 436	34 302	4 742
1843	27 046	9 670	2 041	1 998	67 661	14 392	36 779	4 882
1844	29 587	11 600	3 690	2 209	68 207	14 536	30 683	5 231
1845	29 680	9 758	3 405	1 847	71 968	14 457	31 596	5 314
1846	33 806	11 852	3 665	2 019	74 558	13 368	36 742	5 164
1847	33 553	10 201	3 601	1 954	74 277	14 689	34 333	6 064
1848	41 082	9 843	3 655	1 987	97 269	16 630	40 761	5 839
1849	35 706	9 772	2 497	2 111	102 378	15 407	41 133	5 367
1850	42 677	9 640	3 738	1 986	103 045	17 911	40 182	5 451
1851	46 266	10 536	3 841	1 898	88 611	18 199	40 860	5 785
1852	44 604	9 705	4 040	1 987	82 546	17 934	43 901	4 833
1853	52 589	9 532	4 120	1 950	103 479	20 751	41 868	4 666
1854	53 645	9 046	4 389	2 347	178 694	20 337	44 727	3 172

Источники: «Министерство финансов 1802—1902», ч. 1, Спб. 1902, стр. 628—629.

Продолжение табл. 3

РАСХОДЫ

Министерство внутренних дел	Главное управление почт	Министерство народного просвещения	Главное управление путей сообщения	Министерство юстиции	Государственный контроль	Итого	Оборотные расходы	Всего
17 721	5 235	3 555	11 926	5 862	476	393 710	10 206	403 916
17 546	5 546	4 134	11 849	6 011	752	409 447	12 170	421 617
19 288	5 524	3 724	11 742	6 159	591	386 881	20 045	406 926
19 109	5 462	4 091	12 104	6 355	774	407 346	20 560	427 906
19 191	6 036	4 750	12 119	6 678	1 194	415 488	12 359	427 847
21 603	4 262	4 412	11 104	6 539	883	418 014	28 575	446 589
21 738	2 926	4 792	11 594	6 877	903	459 871	36 743	496 614
21 712	4 529	5 089	11 865	6 904	925	462 565	32 483	495 048
21 854	5 468	6 228	16 195	7 268	917	483 943	43 605	527 548
26 133	7 371	7 210	17 022	8 876	923	549 562	37 531	587 093
25 848	5 249	8 128	22 233	10 039	946	536 470	47 002	583 472
26 441	5 692	8 066	21 419	10 307	865	526 142	47 193	573 335
28 553	6 485	8 181	24 503	10 561	852	555 186	41 329	596 515
28 098	5 676	9 149	24 832	10 982	873	590 268	37 657	627 925
8 653	3 735	2 544	5 755	3 281	268	176 871	11 109	187 980
8 546	2 787	2 712	5 360	3 496	214	180 998	14 769	195 767
9 234	4 374	2 731	6 916	3 521	225	192 673	17 873	210 546
9 077	2 457	2 746	10 210	3 644	243	192 846	18 667	211 513
8 991	2 440	2 757	17 161	3 696	228	201 016	20 854	221 870
9 952	2 506	2 780	17 810	3 671	229	204 973	19 110	224 083
10 354	2 907	2 800	22 307	3 640	225	223 407	21 343	244 750
10 813	2 850	2 830	22 718	3 582	221	221 686	23 287	244 973
11 274	2 977	2 816	21 592	3 556	224	259 505	24 684	284 189
11 146	3 080	2 733	14 363	3 568	218	249 479	20 986	270 465
11 263	3 181	2 810	20 437	3 545	218	266 084	21 103	287 187
11 220	3 678	2 842	21 759	3 596	219	259 310	21 305	280 615
10 999	3 662	2 841	19 420	3 587	205	250 264	29 995	280 259
9 063	3 957	2 831	18 267	3 530	201	276 804	36 282	313 086
9 602	4 347	2 845	12 214	3 534	195	349 094	34 665	383 759

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Годы	Платежи по государственным долгам	Высшие государственные учреждения	Духовное ведомство	Министерство императорского двора	Министерство иностранных дел	Военное министерство	Морское министерство	Министерство финансов	Министерство государственных имуществ
1855	65 233	804	4 312	9 422	1 742	239 823	30 263	79 518	3 612
1856	66 167	1 216	4 476	14 670	2 151	233 154	26 728	78 658	3 972
1857	62 916	1 038	4 541	11 654	2 739	101 848	20 427	48.942	3 662
1858	49 103	1 175	4 965	10 258	2 147	89 154	19 140	109 565	3 445
1859	56 325	1 092	4 836	9 900	2 256	106 692	20 307	53 496	3 930
1860	112 067	978	4 766	9 596	2 196	106 655	22 144	60 530	3 769

И с т о ч н и к: «Министерство финансов 1802—1902», ч. 1, СПб. 1902, стр. 636.

РАСХОДЫ

Продолжение табл. 3

Министерство внутренних дел и управление почт	Министерство народного просвещения	Министерство путей сообщения	Министерство юстиции	Государственный контроль	Гражданское управление Закавказского края	Итого	Оборотные расходы	Итого с оборотными расходами	Всего вообще
14 247	2 833	11 929	3 532	200	—	467 470	58 500	525 970	525 970
14 288	2 909	16 705	3 617	210	—	468 921	150 444	619 365	619 365
14 757	2 947	13 673	3 652	205	—	293 001	54 855	347 856	347 856
14 015	2 849	11 237	3 692	200	—	320 945	42 411	363 356	363 356
13 143	3 252	12 559	3 868	213	2 148	294 057	56 458	350 515	350 515
12 856	3 495	9 799	4 452	212	2 800	356 315	81 924	438 239	438 239

ДИНАМИКА ВАЖНЕЙШИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ
с 1860

Годы	Население (в млн.) ¹	Сбор зерновых хлебов в 50 губ. ²		Выплавка чугуна (в млн. пуд.) ³	Добыча ка- менного угля (в млн. пуд.) ⁴
		(в млн. пудов)	(в млн. четвертей)		
1860	74,1	—	—	20,5	18,3
1861	73,6	—	216	19,5	23,5
1862	73,8	—	—	15,3	21,1
1863	74,3	—	—	17,0	21,9
1864	74,7	—	199	18,3	24,4
1865	75,1	—	182	18,3	23,3
1866	76,5	—	220	18,6	27,8
1867	79,9	—	—	17,6	26,7
1868	81,9	—	—	19,8	27,5
1869	83,4	—	—	20,1	36,8
1870	84,5	—	282	21,9	42,3
1871	85,4	—	219	21,9	50,6
1872	86,6	—	242	24,4	66,3
1873	87,9	—	241	23,2	71,6
1874	89,9	—	271	23,1	78,8
1875	90,2	—	208	26,1	103,8
1876	91,4	—	237	27,0	111,3
1877	92,2	—	267	24,4	109,1
1878	93,0	—	276	25,5	154,0
1879	95,3	—	—	26,4	178,2
1880	97,7	—	—	27,4	200,8
1881	100,0	—	—	28,7	213,3
1882	102,4	—	—	29,2	230,2
1883	104,7	—	280	29,4	242,8
1884	106,7	—	294	31,1	239,9
1885	108,8	—	247	32,2	260,6
1886	110,9	—	290	32,4	279,4
1887	113,1	—	330	37,4	276,8
1888	115,3	—	315	40,7	316,6
1889	116,6	—	247	45,2	379,4
1890	117,8	—	293	56,6	367,2
1891	119,0	—	229	61,3	380,5
1892	120,2	—	266	65,4	424,1
1893	121,5	—	378	70,1	464,8
1894	122,7	—	380	81,3	534,9
1895	123,9	2 681	—	88,7	555,5
1896	125,1	2 727	—	99,0	572,5
1897	126,4	2 267	—	114,8	633,9
1898	128,4	2 629	—	136,8	751,4
1899	130,3	3 024	—	165,4	853,1

Таблица 4

НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ
по 1917 г.

Потребле- ние хлопка (в млн. пуд.) ⁵	Производ- ство сахара (в млн. пуд.) ⁶	Добыча золота (в тоннах чистого металла) ⁷	Строительная длина же- лезнодорож- ной сети на конец года (в тыс. км) ⁸	Ввоз товаров в Россию ⁹	Вывоз товаров из России ¹⁰
				(в тыс. руб.)	
2,8	—	24,4	1,6	159 303	181 383
2,6	—	23,8	2,2	167 111	177 180
0,9	—	23,9	3,5	152 870	180 430
1,1	1,9	23,9	3,5	154 698	154 473
1,6	2,9	22,9	3,6	175 312	186 745
1,6	3,9	25,8	3,8	164 305	209 188
2,9	3,0	27,2	4,6	205 288	222 908
3,3	5,7	27,0	5,0	265 281	244 794
2,6	7,5	28,0	6,8	260 924	226 596
3,2	5,1	33,2	8,2	341 965	264 442
2,8	6,4	35,4	10,7	335 927	359 953
4,2	7,5	39,3	13,6	368 509	369 271
3,6	5,5	41,4	14,4	435 226	327 041
3,5	7,5	33,2	16,2	442 970	364 440
4,7	7,8	33,2	18,2	471 381	431 812
5,2	8,0	32,7	19,0	531 056	381 952
4,7	9,5	33,6	19,6	477 582	400 700
4,4	12,8	41,2	21,1	321 047	527 936
7,2	10,5	42,1	22,4	595 582	618 166
6,5	11,1	43,1	22,7	587 683	627 768
5,7	12,5	43,3	22,9	622 812	498 672
9,1	12,4	36,8	23,1	517 713	506 423
7,8	17,2	36,1	23,4	566 792	617 796
8,9	17,5	34,9	24,1	562 232	640 295
7,4	18,7	35,7	25,0	536 936	589 901
7,6	20,9	33,0	26,0	435 388	537 906
8,4	29,0	33,4	27,3	426 511	484 106
11,3	25,9	34,9	28,2	399 627	617 308
8,4	23,7	35,2	29,4	386 142	784 046
10,4	28,4	37,2	29,9	431 971	750 875
8,3	24,6	39,4	30,6	406 650	692 240
9,3	28,5	39,1	30,7	371 584	707 388
9,9	29,6	43,0	31,2	399 544	475 580
11,4	24,4	44,9	32,9	449 610	599 211
11,6	35,3	42,9	35,2	553 644	668 753
12,3	32,3	41,1	37,0	526 147	689 082
13,7	41,5	37,2	39,5	585 527	688 572
13,7	38,7	38,2	41,6	559 998	729 708
14,2	39,9	38,8	44,6	617 459	732 673
16,1	41,7	38,9	49,8	650 485	626 983

Годы	Население (в млн.) ¹	Сбор зерновых хлебов в 50 губ. ²		Выплавка чугуна (в млн. пуд.) ³	Добыча ка- менного угля (в млн. пуд.) ⁴
		(в млн. пудов)	(в млн. четвертей)		
1900	132,9	2 950	—	179,1	986,3
1901	134,8	2 552	—	175,0	1 009,0
1902	136,6	3 452	—	158,6	1 005,2
1903	139,1	3 207	—	151,9	1 090,9
1904	141,4	3 757	—	181,4	1 197,1
1905	143,9	2 984	—	166,8	1 139,7
1906	146,4	2 498	—	166,0	1 326,5
1907	149,1	2 924	—	172,1	1 587,3
1908	152,5	3 004	—	172,4	1 581,4
1909	157,1	3 848	—	176,8	1 587,6
1910	160,7	3 693	—	185,8	1 526,3
1911	163,9	2 891	—	219,4	1 734,7
1912	167,9	3 778	—	256,3	1 903,8
1913	170,9	4 240	—	283,0	2 200,1
1914	175,1	3 278	—	264,1	2 175,4
1915	178,9	3 590	—	225,3	1 905,5
1916	181,5	3 036	—	231,9	1 954,7
1917	184,6	2 646	—	190,5	1 746,9

Источники: ¹ «Статистический ежегодник России за 1916 г.», вып. I, 1918, стр. 85.

С. З. Волков, Динамика народонаселения за 80 лет, 1930, стр. 8, табл. 1—2 (население дано без Финляндии, Хивы и Бухары).

² 1861 г. — «Доклад высочайше учрежденной комиссии». Приложение IV, стр. 9; 1864—1866 гг. Военно-статистический сборник, вып. IV, 1871, стр. 239—240; 1870—1878 гг. — «Сборник сведений по департаменту земледелия и сельской промышленности», вып. II, 1880, стр. 47—49; с 1883 по 1887 г. — «Статистика Российской империи», т. X, 1890, стр. 92—95; с 1888 по 1913 г. — «Статистика Российской империи», урожай соответствующего года, изд. ЦСК (данные с 1861 по 1913 г. относятся к 50 губерниям Европейской России); с 1914 по 1915 г. — «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917 (данные по 51 губернии Европейской России); 1916 и 1917 гг. — «Урожай хлебов в России в 1917 г.», под ред. Лосицкого, 1918, стр. 16 (взяты рожь, пшеница, овёс, ячмень, просо и гречиха).

До 1883 г. установить перечень хлебов, входивших в валовой сбор, не представлялось возможным; с 1883 по 1916 г. включены: рожь, пшеница, овёс, кукуруза, гречиха, просо, горох, полба, ячмень. Не включены: бобы, чечевица и озимый ячмень (до 1914 г.); сбор за 1917 г. включает: рожь, пшеницу, овёс, ячмень, просо, гречиху. Не учтённые за отдельные годы некоторые культуры не могут изменить общую динамику сбора зерновых хлебов, так как доля их очень незначительна.

³ С 1860 по 1872 г. — «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. Тимирязева, т. I, 1873; с 1873 по 1886 г. — «Статистика Российской империи, т. X. Сборник сведений по России», 1890, стр. 149; с 1887 по 1908 г. — «Ежегодные сборники статистических сведений горнозаводской промышленности России»; с 1909 по 1914 г. — «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915; 1915—1917 гг. — «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I;

1917 г. — «Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.». Производство чугуна дано с 1911 г. без Финляндии (в которой выплавка не составляла даже 0,5% от общего итога выплавки России); 1915—1917 гг. — без Польши.

⁴ С 1860 по 1887 г. — «Статистика Российской империи», т. X. «Сборник сведений по России», 1890, стр. 151; с 1888 по 1912 г. — «Ежегодные сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России» и «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915; с 1913 по 1917 г. — «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I (добыча угля за 1915—1917 гг. без Польши, в 1916 г. не учтена также добыча Восточно-Сибирского бассейна; в 1917 г. — Восточно-Сибирского бассейна и добыча на Кавказе).

Продолжение табл. 4

Потребле- ние хлопка (в млн. пуд.) ⁵	Производ- ство сахара (в млн. пуд.) ⁶	Добыча золота (в тоннах чистого ме- талла) ⁷	Строительная длина же- лезнодорож- ной сети на конец года (в тыс. км) ⁸	Ввоз товаров в Россию ⁹	Вывоз товаров из России ¹⁰
				(в тыс. руб.)	
16,0	48,5	38,8	53,2	626 375	716 217
16,0	49,2	39,1	56,4	593 425	761 583
16,1	58,6	34,9	57,6	599 151	860 222
17,5	64,3	34,7	58,4	681 670	1 001 179
18,0	63,5	33,9	59,6	651 403	1 006 384
18,2	52,1	33,5	61,1	635 087	1 077 325
18,1	53,3	36,8	63,6	800 690	1 094 886
19,5	78,1	37,8	65,5	847 365	1 053 010
21,2	76,7	42,4	65,9	912 630	998 250
21,3	68,9	48,7	66,3	906 340	1 427 675
22,1	63,0	53,9	66,6	1 084 442	1 449 084
21,4	114,9	52,0	68,0	1 161 682	1 591 411
25,7	112,8	47,8	68,9	1 171 772	1 518 799
25,9	75,4	49,2	70,2	1 374 031	1 520 133
—	93,1	51,8	73,0	1 097 987	956 090
—	105,1	40,1	75,9	1 138 564	401 834
—	100,7	30,3	80,1	2 451 199	577 297
—	81,61	30,9	81,1	2 316 748	463 963
(за 10 мес.)					

⁵ С 1860 по 1889 г. — М. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1934, стр. 244; с 1890 г. — «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», 1901, и «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг.», 1911; с 1911 по 1913 г. — «Народное хозяйство России», 1913; с 1860 по 1889 г. показано количество иностранного и среднеазиатского хлопка, поступившего на внутреннее потребление России (кроме Финляндии), а за последующие годы количества переработанного хлопка. Следует заметить, что размер поступившего хлопка на рынок и переработанного хлопка за отдельные годы не совпадает. Данных о потреблении хлопка за 1914—1917 гг., повидимому, нет, имеются следующие данные о снабжении хлопком: в 1914/15 г. — 24,6 млн. пуд., в 1915/16 г. — 29,2 млн. пуд. (см. «Объяснительную записку министра финансов... на 1917 г.», ч. II, 1916, стр. 59).

⁶ «Ежегодники министерства финансов», вып. II, III, IV, V, VII, VIII, X, XII, XIII, XVI, XVII, XVIII; «Статистика производств, облагаемых акцизом» за 1897 и 1898 гг., за 1905 г. и за 1915 г. Производство сахара дано за 1862/63—1866/67 гг. без Польши, за все остальные годы — по империи в целом, причём произведённый сахар за год относится к хозяйственному году, так что, например, 1,9 млн. пуд. сахара (1863 г.) произведено за 1862/63 г. До 1881/82 г. показана выработка сахарного песка, после этого года — сахарный песок и рафинад, произведённый на свеклосахарных заводах. Источник данных за 1916 и 1917 гг. — «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922, стр. 125.

⁷ С 1860 по 1905 г. — Ф. Михалевский, Золото как денежный товар, 1937, стр. 179; с 1906 по 1915 г. — «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», 1915, стр. 4; 1916 и 1917 гг. — «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», 1921, стр. 80.

⁸ «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», 1937, стр. 517.

⁹ а) С 1860 по 1900 г. — «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, Спб. 1902, таблицы, стр. 141, 196—197.

б) С 1901 по 1917 г. — «Статистический справочник по народному хозяйству», под ред. С. А. Клепикова, вып. IV, Л. 1924, стр. 54—55.

¹⁰ а) Те же источники, стр. 117, 190—191.

б) Те же источники, стр. 58—59.

Таблица 5

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА В РОССИИ
(в млн. пуд.)

Годы	Юг Рос- сии	Урал	Подмо- сковный район	Северный район	Царство Польское	Итого ¹
1887	4,2	23,8	4,4	—	3,7	36,1
1888	5,4	24,4	4,6	—	4,8	39,2
1889	8,5	24,9	5,1	—	5,4	43,9
1890	13,4	28,2	5,8	0,005	7,4	54,8
1891	15,5	30,4	6,2	0,007	7,5	59,6
1892	17,2	31,1	6,4	0,021	8,8	53,521
1893	20,0	31,4	7,2	0,041	9,8	68,441
1894	27,4	33,7	7,7	0,052	10,7	79,552
1895	34,0	33,6	7,7	0,043	11,3	86,643
1896	39,2	36,2	8,4	0,046	13,3	97,146
1897	46,3	41,2	10,9	0,108	13,7	112,208
1898	61,5	44,6	11,3	0,404	15,8	133,604
1899	82,6	45,6	14,9	1,7	18,7	163,5
1900	91,9	50,5	14,3	2,0	18,1	176,8
1901	92,0	49,2	11,0	1,1	19,6	172,9
1902	84,3	44,8	8,5	1,9	17,1	156,6
1903	83,3	41,1	5,7	1,5	18,6	150,2
1904	110,6	40,1	5,7	0,8	22,8	180,0
1905	103,1	41,1	5,2	0,8	15,3	165,5
1906	102,0	38,2	5,3	0,3	18,4	164,2
1907	111,1	38,5	4,8	0,2	17,4	172,0
1908	117,4	35,8	4,9	0,2	12,8	171,1
1909	122,9	34,9	4,2	0,1	13,2	175,3
1910	126,4	39,1	4,7	0,1	15,3	185,6
1911	147,7	44,9	5,5	0,1	21,2	219,4
1912	173,4	50,6	8,3	0,1	23,9	256,3
1913	189,7	55,8	11,8	0,1	25,6	283,0
1914	186,2	52,4	10,5	0,1	14,9	264,1
1915	167,5	50,3	7,1	0,1	—	225,0
1916	176,2	46,0	9,7	0,005	—	231,9

Источники: «Народное хозяйство в 1913 г.», Ггр. 1914, стр. 372; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, Ггр. 1922, стр. 96—97.

¹ Итоговые данные о выплавке чугуна по этим источникам расходятся за некоторые годы на незначительную величину с цифрами, приведёнными в предыдущей таблице.

Таблица 6

ПРОИЗВОДСТВО СОРТОВОГО МЕТАЛЛА В РОССИИ
(железо и сталь, в тыс. пуд.)

Годы	Юг России	Урал	Подмо- сковный район	При- волж- ский район	Север и Прибалт. районы	Царство Поль- ское	Всего в импер.
1887	3 283	15 737	4 111	—	5 584	6 857	35 572
1888	3 404	15 889	4 680	—	4 704	6 376	35 053
1889	5 223	17 567	6 707	—	5 234	6 442	41 173
1890	8 622	17 558	8 331	—	6 370	7 503	48 385
1891	11 105	18 775	8 117	—	6 941	7 487	52 426
1892	14 800	20 191	6 890	—	9 189	9 419	60 489
1893	17 757	21 720	7 246	—	10 230	11 007	67 959
1894	18 207	23 087	9 013	—	11 928	11 615	73 850
1895	21 795	23 507	9 277	—	11 737	13 000	79 316
1896	28 580	24 810	9 728	—	13 067	15 143	91 328
1897	34 023	26 223	12 106	—	14 581	16 455	103 388
1898	47 379	30 854	13 927	—	12 866	20 177	125 202
1899	61 850	32 334	14 605	—	15 900	20 785	145 474
1900	75 791	33 780	19 373	—	11 351	22 730	163 024
1901	75 079	35 649	17 672	—	6 458	23 072	157 931
1902	68 946	38 540	16 149	—	7 409	20 874	151 919
1903	63 929	28 339	6 523	7 127	9 172	20 244	135 334
1904	72 799	29 459	7 379	9 306	12 010	21 638	152 591
1905	68 258	32 673	7 507	8 457	10 037	16 887	143 819
1906	63 223	30 791	6 994	8 418	10 715	19 410	139 551
1907	73 141	30 307	7 761	7 417	9 806	19 781	148 213
1908	75 351	31 641	6 407	7 289	9 553	17 321	147 562
1909	88 978	33 595	7 364	6 291	9 399	17 243	162 870
1910	98 885	36 962	8 928	8 419	10 484	20 490	184 168
1911	112 748	37 172	9 425	7 560	13 183	22 619	202 707
1912	128 268	39 442	9 686	10 353	15 360	24 638	227 747
1913	141 044	40 812	11 101	10 067	16 439	27 088	246 551
1914	144 246	40 596	11 901	10 138	15 820	17 331	240 032
1915	125 649	40 268	11 184	9 269	12 967	—	199 346
1916	130 303	40 987	11 010	9 068	14 494	—	205 862

Источники: «Народное хозяйство в 1913 г.», Пгр. 1914, стр. 380—381; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, Пгр. 1922, стр. 112—113.

Таблица 7

ДОБЫЧА КАМЕННОГО УГЛЯ В ОСНОВНЫХ БАССЕЙНАХ РОССИИ
(в млн. пуд.)

Годы	Донецкий бассейн	Домбров- ский бассейн	Урал	Подмо- сков- ный район	Кавказ	Турке- стан	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1885	114 946	109 282	10 875	21 308	213	417	2 431	550
1886	128 655	120 057	12 107	19 652	133	340	1 180	410
1887	125 484	121 156	9 972	17 589	216	366	880	556
1888	136 760	147 357	12 757	16 865	511	426	1 102	600
1889	189 869	151 109	16 040	18 697	667	423	1 040	650
1890	183 249	150 793	15 224	14 268	605	301	1 178	893
1891	191 859	158 831	14 989	11 021	490	494	1 288	1 078
1892	218 057	175 991	15 438	10 972	1 039	351	1 300	781
1893	239 832	193 359	15 899	10 941	1 612	833	1 119	751
1894	295 852	204 708	17 010	11 847	1 790	508	1 351	1 131
1895	298 311	224 765	17 632	10 158	1 136	508	1 425	1 173
1896	311 763	223 645	22 297	9 636	1 853	409	1 507	1 090
1897	414 730	229 824	21 747	12 349	1 321	435	709	2 739
1898	461 883	249 510	23 550	9 864	1 901	486	1 402	2 844
1899	562 795	242 488	22 104	13 686	2 221	439	4 423	4 974
1900	671 652	251 825	22 692	17 612	3 926	607	9 389	8 580
1901	674 811	256 679	32 240	15 573	3 399	721	14 413	21 053
1902	654 902	263 370	33 431	12 899	2 974	850	12 697	28 130
1903	707 141	295 116	29 983	13 298	3 091	1 028	15 219	28 698
1904	798 570	287 000	31 533	13 196	4 215	1 463	18 852	41 178
1905	785 285	218 884	30 058	13 075	1 796	2 405	26 840	62 565
1906	869 433	282 722	47 291	19 551	2 355	2 376	30 182	77 656
1907	1 060 530	300 095	42 681	21 248	2 862	1 952	31 529	46 711
1908	1 114 880	344 330	45 738	20 047	3 172	2 093	36 423	41 876
1909	1 082 737	347 524	49 617	15 461	2 507	2 716	33 948	56 699
1910	1 018 780	340 712	43 037	13 910	2 967	3 428	31 571	67 302
1911	1 217 630	360 409	42 445	10 855	3 385	6 432	32 446	65 537
1912	1 304 560	394 530	57 497	12 935	4 269	5 994	43 209	80 590
1913	1 560 950	426 310	73 460	18 340	4 270	8 410	53 600	69 720
1914	1 683 780	231 010	84 200	18 989	4 014	9 401	60 641	82 490
1915	1 626 580	—	78 660	28 417	4 596	10 000	(78 163)	80 900
1916	1 736 410	—	92 284	42 476	3 883	11 965	(82 595)	119 095
1917 ¹	1 491 140	—	50 055	23 073	1 432	5 500	47 157	75 580

Источники: «Народное хозяйство в 1913 г.», Пгр. 1914, стр. 305; 1914—1915 гг. — «Народное хозяйство в 1915 г.», Пгр. 1918, стр. 265; 1916—1917 гг. — «Народное хозяйство в 1916 г.», Пгр. 1922, стр. 67, 65.

¹ Данные за 1917 г. по всем бассейнам, кроме Донбасса, за первое полугодие.

Таблица 8

ДОБЫЧА НЕФТИ В РОССИИ
(в млн. пуд.)

Годы	Четыре старые ба- кинские площади	Бинагады	Сурахань	Остров Святой	Остров Челекен	Грозный	Майкоп	Эмба	Ферган- ская об- ласть	Всего
1885	115,0	—	—	—	—	—	—	—	—	115,0
1886	123,0	—	—	—	—	—	—	—	—	123,0
1887	155,0	—	—	—	—	—	—	—	—	155,0
1888	182,0	—	—	—	—	—	—	—	—	182,0
1889	192,0	—	—	—	—	—	—	—	—	192,0
1890	226,0	—	—	—	—	—	—	—	—	226,0
1891	275,0	—	—	—	—	—	—	—	—	275,0
1892	286,0	—	—	—	—	—	—	—	—	286,0
1893	325,0	—	—	—	—	—	—	—	—	325,0
1894	297,0	—	—	—	—	—	—	—	—	297,0
1895	377,0	—	—	—	—	—	—	—	—	377,0
1896	386,0	—	—	—	—	17,2	—	—	—	403,2
1897	422,0	0,2	—	—	—	27,6	—	—	—	449,8
1898	486,0	0,2	—	—	—	17,7	—	—	—	503,9
1899	525,0	0,2	—	—	—	25,2	—	—	—	550,4
1900	600,0	0,4	—	—	—	30,7	—	—	—	631,1
1901	671,0	0,5	—	—	—	34,8	—	—	—	706,3
1902	636,0	0,4	—	—	—	32,1	—	—	—	670,5
1903	597,0	0,3	—	—	—	32,8	—	—	0,1	630,2
1904	615,0	0,3	—	0,5	—	40,1	—	—	0,5	656,4
1905	410,0	0,3	—	0,4	—	43,1	—	—	2,1	455,9
1906	448,0	0,3	—	0,5	—	38,2	—	—	4,3	491,3
1907	476,0	4,7	0,2	0,2	—	39,4	—	—	3,2	523,7
1908	467,0	5,2	0,3	1,1	—	52,1	0,1	—	2,8	528,6
1909	491,0	7,4	1,7	1,7	3,0	57,0	0,6	—	0,9	563,3
1910	481,0	9,0	10,4	1,4	9,6	74,0	1,3	—	1,7	588,4
1911	431,0	7,0	19,7	2,6	13,3	75,2	7,8	—	2,0	558,6
1912	434,0	10,0	31,4	3,3	13,0	65,4	9,2	1,0	2,0	569,3
1913	407,8	14,6	39,7	4,7	8,0	73,7	4,8	6,0	2,0	561,3
1914	345,0	21,9	51,3	6,0	5,0	98,4	3,8	16,6	1,8	543,4
1915	342,9	32,1	62,8	6,0	4,0	88,0	7,5	16,6	2,0	572,5
1916	330,4	34,5	96,4	6,8	3,0	102,7	2,0	15,5	2,2	593,6
1917	263,1	29,6	96,1	6,9	1,6	85,1	1,0	15,6	1,5	500,5

Источники: «Народное хозяйство в 1913 г.», Пгр. 1914, стр. 337—338; «Народное хозяйство в 1915 г.», Пгр. 1918, стр. 276; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 75—78.

РАЗВИТИЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШ

Годы	Количество веретён			В том числе						Число ткацких станков		
				сельфакторных			ватерных					
	в тыс.	в процентах к		в тыс.	в процентах к		в тыс.	в процен-тах к		в тыс.	в процен-тах к	
		1890 г.	предыду-щему го-ду		1890 г.	предыду-щему го-ду		1890 г.	предыду-щему го-ду		1890 г.	предыду-щему го-ду
1890	3 457	100,0	—	2 678	100,0	—	779	100,0	—	87	100,0	—
1891	3 746	108,3	108,3	2 851	106,5	106,5	895	114,8	114,8	90	103,4	103,4
1892	3 860	111,7	103,0	2 908	108,6	102,0	951	122,1	106,4	94	108,0	104,4
1893	4 153	120,1	107,6	3 033	113,3	104,3	1 120	143,7	117,7	101	116,1	107,4
1894	4 359	126,1	105,0	3 060	114,3	100,9	1 299	166,7	116,0	105	120,8	104,0
1895	4 577	132,4	105,0	3 141	117,3	102,6	1 436	184,2	110,5	108	124,1	102,7
1896	5 062	146,4	110,6	3 429	128,1	109,2	1 633	209,5	113,7	113	129,9	104,6
1897	5 333	154,2	105,3	3 504	130,9	102,2	1 829	234,6	112,0	119	136,9	105,3
1898	5 516	159,5	103,4	3 499	130,7	99,9	2 017	258,7	110,3	134	154,0	112,5
1899	6 091	176,2	110,4	3 619	135,2	103,4	2 472	317,1	122,6	146	167,8	108,6
1900	6 646	192,2	109,1	3 755	140,2	103,8	2 891	371,1	116,9	151	173,6	103,4
1901	6 864	198,6	103,3	3 750	140,0	99,9	3 113	399,6	107,7	158	181,6	104,6
1902	6 997	202,4	101,9	3 730	139,3	99,5	3 266	419,3	104,9	165	189,7	104,3
1903	7 146	206,7	102,1	3 783	141,3	101,4	3 363	431,7	103,0	171	196,6	103,6
1904	7 285	210,7	101,9	3 818	142,6	100,9	3 467	445,1	103,1	176	202,3	102,9
1905	7 351	212,6	100,9	3 836	143,2	100,4	3 516	451,3	101,4	179	205,8	101,7
1906	7 444	215,3	101,3	3 854	143,9	100,5	3 590	460,8	102,1	183	210,3	102,1
1907	7 562	218,7	101,6	3 835	143,2	99,5	3 726	478,3	103,8	188	216,1	102,8
1908	7 807	225,8	103,2	3 810	142,3	99,3	3 997	513,1	107,3	194	223,1	103,2
1909	8 065	233,3	103,3	3 790	141,5	99,5	4 275	548,8	107,0	201	231,0	103,6
1910	8 306	240,3	103,0	3 747	139,9	98,9	4 560	585,4	106,7	213	244,8	106,0

Источники: «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», 1901, стр. 2—3; «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг.», 1911, стр. 2—3 (все относительные величины исчислены нами).

Таблица 9

ЛЕННОСТИ РОССИИ ЗА 1890—1910 гг.

Изготовлено продукции за год						Переработано хлопка ¹							
бумажной пряжи			суровья			всего			в том числе				
в тыс. пуд.	в процен-тах к		в тыс. пуд.	в процен-тах к		в тыс. пуд. ¹	в процен-тах к		иностран-ного		русского		
	1890 г.	предыду-щему го-ду		1890 г.	предыду-щему го-ду		1890 г.	предыду-щему го-ду	в тыс. пуд.	в процен-тах к ито-гу	в тыс. пуд.	в процен-тах к ито-гу	
7 394	100,0	—	6 671	100,0	—	8 328	100,0	—	5 981	71,8	1 986	23,8	
8 178	110,6	110,6	7 011	105,1	105,1	9 257	111,2	111,2	6 225	67,2	2 675	28,9	
8 743	118,2	106,9	7 686	115,2	109,6	9 992	120,0	107,9	6 977	69,8	2 659	26,6	
10 071	136,2	115,2	8 543	128,1	111,2	11 398	136,9	114,1	7 398	64,9	3 616	31,7	
10 256	138,7	101,8	8 517	127,7	99,7	11 616	139,5	102,0	8 396	72,3	3 219	27,7	
10 863	146,9	105,9	8 791	131,8	103,2	12 294	147,6	105,8	8 379	68,2	3 518	28,6	
12 073	163,3	111,1	9 190	137,8	104,5	13 689	164,4	111,3	8 832	64,5	4 450	32,5	
12 118	163,9	100,4	9 708	145,5	105,6	13 704	164,6	100,1	8 815	64,3	4 472	32,6	
12 645	171,0	104,4	10 770	161,4	110,9	14 243	171,0	103,9	9 691	68,0	4 120	28,9	
14 426	195,1	114,1	11 595	173,8	107,7	16 127	193,7	113,2	10 954	67,9	5 173	32,1	
14 605	197,5	101,2	11 703	175,4	100,9	16 007	192,2	99,3	9 896	61,8	6 111	38,2	
14 665	198,3	100,4	12 260	183,8	104,8	16 123	193,6	100,7	9 384	58,2	6 739	41,8	
15 804	213,7	107,8	13 078	196,0	106,7	17 427	209,2	108,1	10 470	60,1	6 957	39,9	
16 206	219,2	102,5	13 396	200,8	102,4	18 000	216,1	103,3	12 302	68,3	5 698	31,7	
16 647	225,1	102,7	13 568	203,4	101,3	18 241	219,0	101,3	11 584	63,5	6 657	36,5	
15 153	204,9	91,0	12 520	187,7	92,3	16 683	200,3	91,5	9 852	59,1	6 831	40,9	
16 248	219,7	107,2	13 777	206,5	110,0	18 080	217,1	108,4	9 441	52,2	8 639	47,8	
17 671	238,9	108,8	14 439	216,4	104,8	19 494	234,0	107,8	9 361	48,0	10 133	52,0	
19 004	257,0	107,5	15 501	232,4	107,4	21 151	253,9	108,5	12 939	61,3	8 192	38,7	
19 342	261,6	101,8	15 878	238,0	102,4	21 274	255,4	100,6	10 509	49,4	10 765	50,6	
20 216	273,4	104,5	17 052	255,6	107,4	22 086	265,2	103,8	10 846	49,1	11 240	50,9	

¹ За некоторые годы сумма иностранного и русского хлопка даёт немного менее 100%.

Таблица 10

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ В РОССИИ
с 1838 по 1917 г. (в км)¹

Годы	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года	Открыто же- лезнодорож- ных линий за год	Годы	Строительная длина желез- нодорожной сети на конец года	Открыто же- лезнодорож- ных линий за год
1838 . . .	27	27	1884 . . .	25 007	862
1845 . . .	144	117	1885 . . .	26 024	1 017
1846 . . .	278	134	1886 . . .	27 245	1 321
1847 . . .	368	90	1887 . . .	28 240	895
1848 . . .	382	14	1888 . . .	29 428	1 188
1850 . . .	501	119	1889 . . .	29 933	505
1851 . . .	1 004	503	1890 . . .	30 596	663
1853 . . .	1 049	45	1891 . . .	30 723	127
1857 . . .	1 170	121	1892 . . .	31 202	479
1859 . . .	1 336	166	1893 . . .	32 870	1 668
1860 . . .	1 626	290	1894 . . .	35 206	2 336
1861 . . .	2 238	612	1895 . . .	37 058	1 852
1862 . . .	3 516	1 278	1896 . . .	39 546	2 488
1863 . . .	3 521	5	1897 . . .	41 585	2 029
1864 . . .	3 616	95	1898 . . .	44 622	3 037
1865 . . .	3 842	226	1899 . . .	49 870	5 248
1866 . . .	4 573	731	1900 . . .	53 234	3 364
1867 . . .	5 038	465	1901 . . .	56 452	3 218
1868 . . .	6 786	1 748	1902 . . .	57 599	1 147
1869 . . .	8 166	1 380	1903 . . .	58 362	763
1870 . . .	10 731	2 565	1904 . . .	59 616	1 254
1871 . . .	13 641	2 910	1905 . . .	61 085	1 469
1872 . . .	14 360	719	1906 . . .	63 623	2 538
1873 . . .	16 206	1 846	1907 . . .	65 500	1 877
1874 . . .	18 220	2 014	1908 . . .	65 919	419
1875 . . .	19 029	809	1909 . . .	66 345	426
1876 . . .	19 633	604	1910 . . .	66 581	236
1877 . . .	21 092	1 459	1911 . . .	68 027	1 446
1878 . . .	22 371	1 279	1912 . . .	68 954	927
1879 . . .	22 680	309	1913 . . .	70 156	1 202
1880 . . .	22 865	185	1914 . . .	73 022	2 866
1881 . . .	23 091	226	1915 . . .	75 946	2 924
1882 . . .	23 429	338	1916 . . .	80 139	4 193
1883 . . .	24 145	716	1917 . . .	81 116	977

Источники: «Официальные данные ЦОЧ НКПС СССР»; «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I, стр. 517.

¹ Исключая 1 590 км линий общего пользования, построенных за период 1838—1917 гг.; точные годы постройки этих линий не установлены.

Таблица 11

ПРИРОСТ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА РАЗРЕШЕННЫХ
АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ И ПАЕВЫХ ТОВАРИЩЕСТВ

Годы	Тыс. руб.	Годы	Тыс. руб.
1799—1854 . . .	27 174	1883	41 700
1855	750	1884	46 175
1856	10 300	1885	38 460
1857	7 500	1886	20 610
1858	28 760	1887	24 170
1859	5 930	1888	46 165
1860	6 769	1889	45 955
1861	5 550	1890	63 415
1862	2 000	1891	27 495
1863	850	1892	25 202
1864	2 900	1893	61 113
1865	7 450	1894	59 550
1866	4 180	1895	129 363
1867	3 720	1896	232 640
1868	10 545	1897	239 324
1869	6 140	1898	256 237
1870	23 450	1899	430 879
1871	30 779	1900	336 833
1872	61 945	1901	140 152
1873	86 857	1902	69 148
1874	51 130	1903	82 403
1875	37 040	1904	94 050
1876	38 748	1905	99 738
1877	25 894	1906	127 264
1878	8 702	1907	115 778
1879	28 455	1908	139 198
1880	51 165	1909	37 578
1881	50 225	1910	173 414
1882	42 310		

Источники: с 1799 по 1906 г. — «Статистика акционерного дела в России», изд. Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России, под ред. Н. Ф. фон Дитмара, вып. II, № 318, Харьков 1908, стр. VI—VII; с 1907 по 1910 г. — «Статистический ежегодник на 1913 г.», под ред. В. И. Шарого, Спб. 1913, стр. 309.

УЧРЕЖДЕНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ

А — число, В — капитал

Годы	Банки и прочие кредитные учрежде- ния	Железные дороги	Судоход- ство	Страховые общества	Горная и металлур- гическая промыш- ленность	Сахарная промыш- ленность
1831—1840						
А	—	1	2	3	—	6
В	—	1,0	1,5	2,6	—	2,5
1841—1850						
А	—	—	3	7	1	—
В	—	—	2,2	6,0	1,9	—
1851—1855						
А	—	—	6	1	2	1
В	—	—	5,9	0,2	1,9	0,4
1856—1860						
А	1	8	25	3	2	2
В	50,0	177,8	30,9	5,4	1,5	1,4
1861—1865						
А	2	4	4	—	1	2
В	60,0	22,6	1,2	—	0,4	0,9
1866—1870						
А	13	35	5	7	2	11
В	42,3	586,3	1,5	8,2	0,9	8,8
1871—1873						
А	58	14	6	6	15	31
В	124,6	89,6	4,6	7,7	23,0	17,0
1874—1878						
А	1	9	10	3	12	31
В	0,5	33,0	6,6	8,5	8,0	18,1
1879—1881						
А	2	1	6	5	7	7
В	2,0	8,3	14,2	8,5	8,8	4,9

Таблица 12

ОБЩЕСТВ В РОССИИ (по отраслям народного хозяйства)
(в млн. руб.)

Газ	Стеарино- вая и мы- ловарен- ная про- мышлен- ность	Ткацко- прядиль- ные фаб- рики	Мукомоль- ная про- мышлен- ность	Прочие отрасли промыш- ленности	Торговля	Разные отрасли	Всего
2	3	5	—	9	2	5	38
1,4	1,4	3,8	—	13,6	2,3	6,5	36,6
—	—	2	—	2	—	3	18
—	—	1,7	—	1,4	—	0,5	13,7
—	1	—	—	2	2	3	18
—	0,4	—	—	2,2	4,2	1,2	16,4
2	2	14	1	29	7	12	108
4,6	0,9	11,3	0,4	19,2	7,6	6,0	317,0
—	1	3	—	16	3	8	44
—	0,1	1,5	—	10,6	1,1	1,0	99,4
3	1	1	—	18	2	6	104
3,1	1,5	0,3	—	12,6	1,0	2,7	669,2
1	1	5	2	55	9	24	227
0,6	0,7	4,2	3,0	46,4	3,9	21,7	347,0
—	—	7	2	78	1	23	177
—	—	10,1	0,9	72,2	0,1	17,7	175,7
—	—	10	2	40	4	11	95
—	—	10,2	0,6	45,1	7,3	20,0	129,9

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА (50 гу

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Буйволы	Ослы	Мулы и лошаки
Т ы с я ч					
1864—1869	15 499,0	20 966,0	—		
1881	15 534,3	22 122,4	—	0,1	
1882	15 518,5	21 725,1	—	—	
1887	15 778,3	23 072,1	—	0,1	
1888	19 663,3	24 909,3	—	—	
1890	19 778,7	25 528,0	—	—	
1891	17 313,1	25 323,7	—	—	
1892	16 649,2	23 973,1	35,9	0,4	
1894	16 679,2	24 072,6	35,9	0,5	
1895	17 042,2	24 521,3	0,4	0,7	
1896	18 756,8	29 547,0	0,7	2,2	0,5
1897	18 831,1	30 706,3	5,0	2,1	0,5
1898	19 081,4	30 152,8	0,7	2,0	0,4
1899	19 622,6	30 944,4	0,5	2,4	0,6
1900	19 743,8	31 661,2	2,0	2,2	0,7
1901	20 159,7	31 902,5	1,3	2,5	0,5
1902	20 478,2	32 184,3	0,8	1,8	0,6
1903	20 348,2	31 844,1	0,4	2,1	0,3
1904	20 746,1	31 869,8	0,2	1,4 ^{a)}	0,3
1905	20 783,1	31 193,9	0,3	1,8	0,5
1906	20 468,3	30 514,2	0,4	1,6 ^{a)}	0,6
1907	20 477,6	29 675,1	0,2	2,2	0,6
1908	20 598,2	29 686,6	0,9	1,9 ^{a)}	5,9
1909	21 321,3	30 491,8	0,4	2,1	4,9
1910	21 863,2	31 314,6	0,5	2,5	4,0
1911	21 819,6	31 023,1	0,3	2,6	4,6
1912	22 130,6	31 017,2	0,4	2,8	6,1
1913	22 771,0	31 973,6	0,4	6,6	6,2
1914	21 281,2	30 442,7	0,1	3,2	5,9

И с т о ч н и к: «Сборники статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1915, стр. 242—243; 1917, стр. 240—241.

а) Кроме того, 0,3 тыс. ослов и мулов не распределено по категориям.

б) Кроме того, 550,6 тыс. овец и коз не распределено по категориям.

Таблица 13

В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ за 1864—1914 гг.
берний)

Вер- блюды	Олени	Овцы			Козы	Свиньи
		грубшёр- стные	тонкорун- ные	всего овец		
г о л о в						
—	—	32 516,0	11 655,0	44 171,0	1 392,0	9 391,0
18,3	—	33 208,2	12 313,5	45 521,8	1 156,6	9 254,9
18,3	—	33 300,5	12 053,4	45 353,9	1 141,5	8 949,8
18,3	—	—	12 758,2	47 293,0	992,2	9 722,3
—	—	—	—	44 465,4	—	9 243,0
—	—	—	—	46 052,2	—	9 553,7
—	—	—	—	39 769,0	—	9 554,7
120,6	261,0	—	—	39 957,8	868,6	8 827,1
170,6	305,2	—	—	37 323,3	915,0	8 832,8
120,9	367,5	—	—	38 212,1	915,5	9 187,8
130,6	338,3	41 026,7	5 338,9	46 365,6	955,1	13 258,2
183,9	285,3	39 340,3	6 412,0	45 753,1	1 045,6	12 915,4
192,4	227,3	39 900,5	6 390,4	46 290,9	974,0	11 983,5
185,9	303,2	40 158,9	5 372,9	45 531,7	1 070,9	11 568,8
213,5	350,1	42 062,8	5 565,4	47 628,2	1 017,4	11 761,1
217,5	356,7	33 881,1	4 922,0	38 803,1	1 178,0	12 116,6
211,9	364,8	43 026,0	4 790,0	47 816,0	1 128,9	11 648,9
244,0	409,2	42 139,5	4 786,9	46 926,4	1 005,9	11 438,4
232,9	432,9	40 674,1 ^{а)}	5 778,2	46 452,3	937,7 ^{а)}	11 993,8
208,8	436,7	39 849,6 ^{а)}	3 517,4	45 367,0	968,9 ^{а)}	11 471,1
264,1	455,2	37 559,5	4 607,8	42 167,3	897,4	11 858,3
248,4	408,9	37 885,7	2 863,0	40 748,8	838,5	11 574,8
277,2	430,1	37 077,1	2 533,6	39 916,2 ^{а)}	749,9	11 389,3
260,5	480,0	37 718,3	2 213,1	39 931,4	781,7	11 330,2
303,9	462,2	39 498,5	2 235,3	40 733,8	856,6	12 048,6
281,6	460,8	36 106,8	2 018,7	40 156,5 ^{б)}	854,4	12 654,2
301,3	463,6	37 496,8	2 124,6	39 621,5	766,4	12 636,4
309,8	605,4	39 287,2	2 139,3	41 426,5	872,9	13 458,3
309,8	449,8	36 375,0	2 494,6	38 869,9	837,4	12 960,1

а) Кроме того, 498,6 тыс. овец и коз не распределено по категориям.

б) Кроме того, 305,5 тыс. овец грубошёрстных и тонкорунных не распределено по категориям.

в) В том числе 2 030,9 тыс. овец не распределено по категориям.

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Годы	В тыс. кредитных рублей			В % к 1860 г.	
	вывоз	ввоз	оборот	вывоз	ввоз
	1	2	3	4	5
1860	181 383	159 303	340 686	100,0	100,0
1861	177 180	167 111	344 291	97,7	104,9
1862	180 430	152 870	333 300	99,5	96,0
1863	154 473	154 698	309 171	85,2	97,1
1864	186 745	175 312	362 057	102,9	110,0
1865	209 188	164 305	373 493	115,3	103,1
1866	222 908	205 288	428 196	122,9	128,9
1867	244 794	265 281	510 075	135,0	166,5
1868	226 596	260 924	487 520	124,9	163,8
1869	264 442	341 965	606 407	145,8	214,7
1870	359 958	335 927	695 885	198,5	210,9
1871	369 271	368 509	737 780	203,6	231,3
1872	327 041	435 226	762 267	125,2	273,2
1873	364 440	442 970	807 410	200,9	278,1
1874	431 812	471 381	903 193	238,1	295,9
1875	381 952	531 056	913 008	210,6	333,4
1876	400 700	477 582	878 282	220,9	299,8
1877	527 936	321 047	848 983	291,1	201,5
1878	618 166	595 582	1 213 748	340,8	373,9
1879	627 768	587 683	1 215 451	346,1	368,9
1880	498 672	622 812	1 121 484	274,9	391,0
1881	506 423	517 713	1 024 136	279,2	325,0
1882	617 796	566 792	1 184 588	340,6	355,8
1883	640 295	562 232	1 202 527	353,0	352,9
1884	589 901	536 936	1 126 837	325,2	337,1
1885	537 906	435 388	973 294	296,6	273,3
1886	484 106	426 511	910 617	266,9	267,7
1887	617 308	399 627	1 016 935	340,3	250,9
1888	784 046	386 142	1 170 188	432,3	242,4
1889	750 875	431 971	1 182 846	414,0	271,2
1890	692 240	406 650	1 098 890	381,6	255,3
1891	707 388	371 584	1 078 972	390,0	233,3
1892	475 580	399 544	875 124	262,2	250,8
1893	599 211	449 610	1 048 821	330,4	282,2
1894	668 753	553 644	1 222 397	363,7	347,5
1895	689 082	526 147	1 215 229	379,9	330,3
1896	688 572	585 527	1 274 099	379,6	367,6
1897	729 708	559 993	1 289 706	402,3	351,5
1898	732 672	617 459	1 350 131	403,9	387,6
1899	626 982	650 485	1 277 467	345,7	408,3
1900	716 218	626 375	1 342 593	394,9	393,2

Источник: Графы 1 и 2 взяты по «Сборнику сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, 1902, стр. 117, 141, 190, 191, 197, 196—таблицы; графы 3—10 исчислены нами.

Таблица 14

РОССИИ с 1860 по 1900 г.¹

оборот	В % к предыдущему году			Превышение вывоза (+) над ввозом или ввоза над вывозом (—) (в тыс. руб.)
	вывоз	ввоз	оборот	
6	7	8	9	10
100,0	—	—	—	+ 22 080
101,1	97,7	104,9	101,1	+ 10 069
97,8	101,8	91,5	96,8	+ 27 560
90,7	85,6	101,2	92,8	— 225
106,3	120,9	113,3	117,1	+ 11 433
109,6	112,0	93,7	103,2	+ 44 883
125,7	106,6	124,9	114,6	+ 17 620
149,7	109,8	129,2	119,1	— 20 487
143,1	92,6	98,4	95,6	— 34 328
178,0	116,7	131,1	124,4	— 77 523
204,3	136,1	98,2	114,8	+ 24 031
216,6	102,6	109,7	106,0	+ 762
223,7	88,6	118,1	103,3	— 108 185
237,0	111,4	101,8	105,9	— 78 530
265,1	118,5	106,4	111,9	— 39 568
268,0	88,5	112,7	101,1	— 149 104
257,8	104,9	89,9	96,2	— 76 882
249,2	131,8	67,2	96,7	+ 206 889
356,3	117,1	185,5	143,0	+ 22 584
356,8	101,6	98,7	100,1	+ 40 085
329,2	79,4	106,0	92,3	— 124 140
300,6	101,6	83,1	91,3	— 11 290
347,7	122,0	109,5	115,7	+ 51 004
353,0	103,6	99,2	101,5	+ 78 063
330,8	92,1	95,5	93,7	+ 52 965
285,7	91,2	81,1	86,4	+ 102 518
267,3	90,0	98,0	93,6	+ 57 595
298,5	127,5	93,7	111,7	+ 217 681
343,5	127,0	96,6	115,1	+ 397 904
347,2	95,8	111,9	101,1	+ 318 904
322,6	92,2	94,1	92,9	+ 285 590
316,7	102,2	91,4	98,2	+ 335 804
256,9	67,2	107,5	81,1	+ 76 036
307,9	126,0	112,5	119,8	+ 149 601
358,8	111,6	123,1	116,5	+ 115 109
356,7	103,0	95,0	99,4	+ 162 935
374,0	99,9	111,3	104,8	+ 103 045
378,6	106,0	95,6	101,2	+ 169 710
396,3	100,4	110,3	104,7	+ 115 213
375,0	85,6	105,3	94,6	— 23 503
394,1	114,2	96,3	105,1	+ 89 842

¹ Сведения по торговле по европейской и азиатской границам и по торговле России с Финляндией. Торговля Финляндии с иностранными государствами не включена.

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Годы	В тыс. руб.			В % к	
	вывоз	ввоз	оборот	вывоз	ввоз
	1	2	3	4	5
1900	716 218	626 375	1 442 593	100,0	100,0
1901	761 583	593 425	1 355 008	106,3	94,7
1902	860 222	599 151	1 459 373	120,1	95,7
1903	1 001 179	681 670	1 682 849	139,8	108,8
1904	1 006 384	651 403	1 657 787	140,5	104,0
1905	1 077 325	635 087	1 712 412	150,4	101,4
1906	1 094 886	800 690	1 895 576	152,9	127,8
1907	1 053 010	847 365	1 900 375	147,0	135,3
1908	998 250	912 630	1 910 880	139,4	145,7
1909	1 427 674	906 340	2 334 014	199,3	144,7
1910	1 449 084	1 084 442	2 533 526	202,3	173,1
1911	1 591 411	1 161 682	2 753 093	222,2	185,5
1912	1 518 799	1 171 772	2 690 571	212,1	187,1
1913	1 520 133	1 374 031	2 894 164	212,2	219,4
1914	956 090	1 097 987	2 054 077	133,5	175,3
1915	401 834	1 138 565	1 540 399	56,1	181,8
1916	577 297	2 451 199	3 028 496	80,6	391,3
1917	463 963	2 316 748	2 780 711	64,8	369,9

Источник: Графы 1 и 2 взяты по «Статистическому справочнику по народному хозяйству», под ред. С. А. Клепикова, 1924, вып. IV, стр. 54—55, 58—59; графы 3—10 исчислены нами.

Таблица 15

РОССИИ с 1900 по 1917 г.

1900 г.	В % к предыдущему году			Превышение вывоза над ввозом (+) или ввоза над вывозом (-) (в тыс. руб.)
	оборот	вывоз	ввоз	
	6	7	8	
				10
100,0	—	—	—	+ 89 843
100,9	106,3	94,7	100,9	+ 168 158
108,7	113,0	101,0	107,7	+ 261 071
125,3	116,4	113,8	115,3	+ 319 509
123,5	100,5	95,6	98,5	+ 354 931
127,5	107,0	97,5	103,3	+ 442 238
141,2	101,6	126,1	110,7	+ 294 196
141,5	96,2	105,8	100,3	+ 205 645
142,3	94,8	107,7	100,6	+ 85 620
173,8	143,0	99,3	122,1	+ 521 334
188,7	101,5	119,7	108,5	+ 364 642
205,1	109,8	107,2	108,7	+ 429 729
200,4	95,4	100,8	97,7	+ 347 027
215,6	100,0	117,3	107,6	+ 146 102
153,0	62,9	79,9	71,0	— 141 897
114,7	42,0	103,7	75,0	— 736 731
225,6	143,7	215,3	196,6	— 1 873 902
207,1	80,4	94,5	91,8	— 1 852 785

СТРУКТУРА ВЫВОЗА (ГЛАВНЕЙШИХ ТОВАРОВ) ИЗ РОССИИ
(в процентах к общему)

Годы	Весь вывоз товаров (в тыс. кредитных рублей)	Всего хлебов с крупой, мукой и отрубями	Семена маслич-ные	Масло растительное	Выжимки из семян масличных	Лесной товар всякий, кроме дерева ценных пород	Яйца	Масло коровье
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1861	177 180	39,6	7,5	0,2	0,1	3,3	0,0	0,3
1862	180 430	32,4	10,0	0,8	0,3	3,3	0,0	0,2
1863	154 473	31,5	8,0	0,1	0,2	3,9	0,0	0,2
1864	186 745	31,0	10,5	0,6	0,2	4,0	0,0	0,6
1865	209 188	31,6	8,1	1,0	0,1	4,5	0,0	0,6
1866	222 908	35,1	8,0	0,6	0,2	4,6	0,0	0,6
1867	244 794	42,7	8,5	0,9	0,1	4,4	0,0	0,4
1868	226 596	35,3	12,5	0,4	0,2	5,5	0,0	0,6
1869	264 442	35,8	12,8	0,1	0,1	4,4	0,0	0,6
1870	359 958	46,3	8,3	0,0	0,2	3,7	0,0	0,4
1871	369 271	50,7	8,8	0,0	0,2	3,8	0,1	0,5
1872	327 041	42,2	7,8	0,0	0,3	6,9	0,2	0,3
1873	364 440	46,3	8,3	0,0	0,2	8,2	0,1	0,3
1874	431 812	50,6	8,3	0,1	0,2	7,8	0,1	0,3
1875	381 952	48,9	8,4	0,0	0,2	7,2	0,1	0,4
1876	400 700	52,4	6,6	0,0	0,3	7,7	0,2	0,4
1877	527 936	51,2	4,9	0,0	0,3	6,0	0,2	0,3
1878	618 166	60,5	7,4	0,0	0,2	4,9	0,3	0,3
1879	627 768	58,8	8,0	0,0	0,2	4,0	0,3	0,3
1880	498 672	46,5	9,4	0,0	0,4	6,6	0,2	0,4
1881	506 423	48,9	7,7	0,0	0,4	5,9	0,2	0,3
1882	617 796	53,3	7,2	0,0	0,5	5,7	0,2	0,4
1883	640 295	55,8	5,5	0,0	0,7	5,9	0,3	0,6
1884	589 901	54,5	4,4	0,0	1,0	6,0	0,5	0,5
1885	537 906	54,3	2,4	0,1	0,9	4,9	0,6	0,4

Источники: 1861—1900 гг. — «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I; 1901—1903 гг. — «Ежегодник России 1905 г.»; 1904—1910 гг. — «Статистический ежегодник на 1912 г.»;

Таблица 16

с 1861 по 1917 г. ПО ВСЕМ ГРАНИЦАМ
вывозу товаров)

Сало скотское	Щетина	Всего металлов, кроме золота, серебра и платины	Лён	Пенька	Льняная и пеньковая пакля	Шерсть в сыром виде	Канаты, верёвки, бечёвки	Изделия льняные и пеньковые	Изделия бумажные	Нефть и продукты из неё	Сахар всякий
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
7,2	1,1	1,1	7,7	4,5	1,1	9,7	0,5	0,5	2,6	0,0	0,5
5,6	1,2	0,8	9,2	5,2	1,1	10,7	0,7	0,9	2,5	0,0	0,4
6,4	2,0	1,3	10,7	5,2	1,4	9,9	1,0	0,7	2,1	0,0	0,2
4,9	1,8	1,4	8,6	4,8	0,8	10,8	0,8	0,7	2,3	0,0	0,2
5,7	1,6	0,9	12,5	5,3	0,9	6,1	0,6	1,0	2,1	0,0	0,1
5,9	1,5	1,1	8,2	4,4	0,9	7,5	0,6	0,6	3,7	0,0	0,1
4,9	1,2	0,9	7,9	3,6	0,6	4,3	0,5	0,4	4,9	0,0	0,1
4,4	1,4	0,8	12,8	3,6	1,0	5,6	0,6	0,6	0,5	0,0	0,0
3,2	3,4	0,7	12,4	4,0	1,1	3,1	0,5	1,0	0,8	0,0	0,0
2,0	2,4	0,6	15,9	3,1	0,8	2,4	0,4	0,4	0,3	0,0	0,0
1,3	2,7	0,3	13,4	3,3	0,7	2,4	0,3	0,4	0,2	0,0	0,0
1,0	1,8	1,2	11,6	3,7	1,0	5,0	0,5	0,4	0,3	0,0	0,0
1,1	0,7	0,6	11,2	3,1	0,5	2,7	0,4	0,3	0,3	0,0	0,0
0,7	0,7	0,5	11,2	3,1	0,5	2,8	0,3	0,3	0,3	0,0	0,0
0,6	1,1	0,5	12,1	3,1	0,6	3,1	0,3	0,2	0,2	0,0	0,0
0,8	0,9	0,3	8,2	2,4	1,2	3,5	0,2	0,2	0,2	0,1	0,5
1,2	0,7	0,3	12,0	2,9	0,8	4,4	0,2	0,2	0,2	0,0	3,5
0,6	0,7	0,2	9,1	2,6	0,7	2,0	0,2	0,1	0,1	0,0	0,3
0,3	0,5	0,3	11,1	2,9	0,7	2,0	0,2	0,2	0,3	0,0	0,2
0,5	0,9	1,8	11,2	3,5	1,2	3,6	0,2	0,3	0,4	0,0	0,3
0,3	0,8	0,3	13,8	3,5	1,5	2,6	0,2	0,2	0,4	0,5	0,1
0,4	0,9	0,6	10,6	2,8	0,9	2,7	0,3	0,2	0,4	0,5	0,1
0,2	0,8	0,2	8,9	2,8	0,9	3,0	0,2	0,2	0,3	0,9	0,1
0,2	0,9	0,2	9,9	2,4	1,1	3,0	0,2	0,2	0,3	1,7	0,1
0,2	1,0	0,2	8,8	2,4	1,2	2,5	0,2	0,1	0,6	2,2	3,7

1908—1912 гг. — «Статистический ежегодник на 1914 г.»; 1914—1917 гг. — «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922 г.

Годы	Весь вывоз товаров (в тыс. кредитных рублей)	Всего хлебов с крупой, мукой и отрубями	Семена масличные	Масло растительное	Выжимки из семян масличных	Лесной товар всякий, кроме дерева ценных пород	Яйца	Масло коровье
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1886	484 106	48,2	4,0	0,1	0,8	4,2	1,1	0,5
1887	617 308	52,2	5,7	0,1	0,7	4,5	1,3	0,5
1888	784 046	56,4	4,7	0,1	0,7	4,9	1,5	0,6
1889	750 875	50,1	5,4	0,1	0,9	7,3	1,3	0,6
1890	692 240	49,0	6,2	0,1	0,9	7,7	1,8	0,4
1891	707 388	50,1	4,4	0,1	1,1	6,1	1,8	0,6
1892	475 580	34,5	4,3	0,1	1,9	10,3	2,6	0,7
1893	599 211	49,4	4,2	0,1	1,8	6,7	2,2	0,6
1894	668 753	57,0	4,1	0,1	1,7	5,8	2,3	0,5
1895	689 082	48,7	6,0	0,1	1,5	5,8	2,9	0,4
1896	688 572	46,8	6,4	0,1	1,5	6,7	3,2	0,5
1897	729 708	48,5	5,7	0,1	1,7	7,5	3,5	0,7
1898	732 673	50,6	3,2	0,1	1,9	7,8	4,3	0,9
1899	626 983	41,5	4,0	0,1	2,5	8,5	4,6	1,1
1900	716 217	42,8	4,9	0,1	2,2	8,1	4,4	1,9
1902	860 222	50,3	1,7	—	2,0	—	4,5	3,3
1903	1 001 179	48,0	1,3	—	2,0	—	5,1	3,2
1904	1 006 384	49,3	1,1	0,1	2,0	7,3	5,4	3,0
1905	1 077 325	52,8	1,2	0,1	1,9	7,1	5,7	2,9
1906	1 094 886	43,1	1,4	0,1	2,4	9,0	5,1	4,1
1907	1 053 010	40,9	1,2	0,1	2,5	10,2	5,1	4,6
1908	998 250	38,0	2,0	0,2	3,3	11,1	5,5	4,6
1909	1 427 675	52,5	1,0	0,1	2,4	8,9	4,4	3,4
1910	1 449 084	51,5	1,6	0,1	2,2	9,5	4,4	3,5
1911	1 591 411	46,5	1,8	0,1	2,2	8,9	5,1	4,5
1912	1 518 799	36,3	2,1	0,1	2,6	10,1	5,6	4,5
1913	1 520 133	39,1	1,4	0,2	2,5	10,9	6,0	4,7
1914	956 090	37,0	1,4	0,1	2,4	11,1	6,1	5,2
1915	401 834	17,8	0,4	0,3	1,2	7,2	3,6	16,4
1916	577 297	18,5	0,7	0,2	1,1	10,0	1,1	0,0
1917	463 963	2,1	0,4	0,5	0,8	17,0	0,2	0,0

Продолжение табл. 16

Сало скотское	Щетина	Всего металлов, кроме золота, серебра и платины	Лён	Пенька	Льняная и пеньковая пакля	Шерсть в сыром виде	Канаты, верёвки, бечёвки	Изделия льняные и пеньковые	Изделия бумажные	Нефть и продукты из неё	Сахар всякий
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
0,2	1,2	0,2	8,0	2,4	1,1	4,6	0,3	0,2	0,7	2,7	2,7
0,2	1,2	0,1	7,7	3,2	1,0	2,8	0,2	0,1	0,8	2,3	3,0
0,1	1,2	0,1	7,8	2,2	0,9	1,9	0,2	0,1	0,7	3,2	2,9
0,1	1,5	0,1	7,7	2,8	0,7	3,4	0,2	0,1	0,5	3,6	2,7
0,2	1,3	0,2	8,3	2,4	0,8	2,3	0,2	0,1	0,6	4,0	2,0
0,1	1,1	0,2	6,9	2,3	0,8	2,2	0,2	0,1	0,7	4,3	4,4
0,1	1,4	0,4	10,9	2,9	1,2	2,5	0,3	0,1	1,5	5,7	2,3
0,1	1,0	0,2	9,9	2,0	0,8	1,1	0,1	0,1	1,3	3,8	1,7
0,1	0,9	0,1	6,4	2,0	0,8	0,9	0,1	0,1	1,0	3,0	3,2
0,1	1,0	0,2	9,8	2,6	0,8	0,9	0,1	0,1	1,3	4,0	2,7
0,1	0,9	0,3	8,2	2,1	1,1	1,1	0,1	0,1	1,3	4,2	4,0
0,1	1,0	0,3	7,0	1,3	1,0	1,2	0,1	0,1	1,6	3,5	2,9
0,1	0,8	0,2	7,4	1,2	0,9	0,9	0,1	0,2	1,6	3,6	2,1
0,1	1,1	0,2	8,0	1,4	1,0	1,1	0,1	0,1	1,6	5,0	2,5
0,0	0,8	0,2	6,1	1,1	0,9	0,8	0,1	0,1	1,6	6,5	3,5
—	0,7	0,3	6,0	0,9	0,6	0,6	—	0,1	2,0	4,9	2,0
—	0,5	0,2	7,2	1,0	0,7	0,5	—	0,1	2,1	5,3	2,5
0,0	0,5	0,2	4,5	0,9	0,7	0,6	—	0,1	2,1	5,9	2,4
0,0	0,4	0,2	6,3	0,9	0,6	0,5	—	0,1	1,9	2,7	1,7
0,0	0,4	0,5	5,6	0,9	0,7	0,7	—	0,2	2,3	2,2	1,8
0,0	0,5	1,4	5,5	1,2	0,8	0,6	—	0,1	2,0	2,8	2,2
0,0	0,4	0,9	5,8	1,2	0,9	0,3	—	0,1	2,1	3,2	3,4
0,0	0,3	0,7	4,3	0,7	0,6	0,5	—	0,1	1,6	2,4	2,0
0,0	0,4	0,4	4,7	0,7	0,6	0,4	—	0,0	0,1	2,0	0,6
0,0	0,4	0,4	4,0	1,0	0,5	0,4	—	0,1	2,0	1,9	4,2
0,0	0,6	0,2	7,1	1,1	0,7	0,7	—	0,1	2,5	2,5	3,7
0,0	0,6	0,2	5,7	1,3	0,6	0,7	—	0,1	2,9	3,3	1,8
0,0	0,6	0,3	6,7	1,2	0,8	0,5	—	0,1	3,9	3,4	2,8
0,1	1,2	1,7	7,7	1,2	2,0	0,3	—	0,3	7,8	1,3	7,9
0,2	1,7	2,8	17,0	2,8	2,7	—	—	0,1	0,3	0,8	2,0
0,3	3,2	4,3	36,8	3,0	3,1	—	—	—	0,6	1,3	1,0

СТРУКТУРА ПРИВОЗА (ГЛАВНЕЙШИХ ТОВАРОВ)
(в процентах к

Годы	Весь ввоз товаров (в тыс. кредитных рублей)	Хлопок-сырец	Всего красок и красильных веществ	Машины и аппараты	Хлопчатая бумага пряденая	Шерсть и пуха чесаная и нечесаная, пряденая и непряденая	Шёлк-сырец, шёлк пряденый и кручёный	Изделия		
								хлопчатобумажные	шерстяные	шёлковые
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1861	167 111	12,8	6,2	5,3	2,0	2,9	1,9	4,7	2,6	3,0
1862	152 870	4,8	6,0	5,9	1,2	2,2	2,0	3,8	2,2	2,7
1863	154 698	8,5	4,8	3,8	1,2	1,8	1,7	3,0	2,0	2,4
1864	175 312	18,2	4,2	4,1	2,2	2,4	1,7	3,1	1,9	1,8
1865	164 305	13,1	5,3	3,9	1,9	3,2	1,7	3,7	2,2	2,3
1866	205 288	20,2	4,2	5,5	1,8	2,8	1,5	3,5	2,2	1,9
1867	265 281	16,9	4,2	6,3	1,9	3,4	2,5	3,6	2,5	2,1
1868	260 924	14,1	4,5	7,2	1,8	3,7	1,7	3,4	2,5	2,2
1869	341 965	10,8	3,8	5,3	1,5	3,2	1,6	2,7	2,8	1,3
1870	335 927	9,6	4,0	7,7	2,2	3,9	2,3	2,9	2,8	1,3
1871	368 509	13,2	4,6	5,8	2,4	3,8	1,9	2,6	2,9	1,6
1872	435 226	11,0	3,5	7,2	2,9	3,5	1,6	3,0	3,4	1,7
1873	442 970	8,6	3,1	5,8	3,1	3,0	1,9	2,6	3,0	1,3
1874	471 381	11,7	3,4	5,5	2,9	3,5	1,8	2,3	2,9	1,3
1875	531 056	10,1	3,2	8,2	2,9	3,7	1,8	2,1	3,1	1,3
1876	477 582	8,3	2,9	5,9	3,1	2,7	1,7	2,0	2,8	1,0
1877	321 047	11,3	3,7	8,5	1,9	3,6	1,0	1,3	2,1	0,6
1878	595 582	11,6	2,9	13,0	3,2	4,1	2,0	1,3	1,9	0,6
1879	587 683	10,4	3,1	8,3	5,2	5,1	2,4	1,3	2,3	0,7
1880	622 812	8,6	2,7	11,0	3,4	3,9	1,8	1,5	2,0	0,6
1881	517 713	16,6	3,3	4,5	2,8	4,6	2,1	1,6	1,6	0,5
1882	566 792	13,1	3,8	4,8	2,7	5,1	1,9	1,4	1,7	0,5
1883	562 232	16,9	3,6	3,5	1,9	4,8	1,9	1,2	1,2	0,5
1884	536 936	14,6	4,2	3,2	1,6	3,5	1,9	1,0	1,1	0,5
1885	435 388	15,7	3,6	2,8	1,8	4,9	1,6	1,2	1,1	0,6

Источники: 1861—1900 гг. — «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I; 1901—1903 гг. — «Ежегодник России 1905 г.»; 1904—1910 гг. — «Статистический ежегодник на 1912 г.»;

Таблица 17

В РОССИЮ с 1861 по 1917 г. ПО ВСЕМ ГРАНИЦАМ
общему ввозу)

Вина виноград- ные, шипучие и нешипучие	чай	Сахар	Кофе	Фрукты, ягоды, орехи, рожки, миндаль	Масла расти- тельные	Рыба всякая и икра	Табак	Всего кож, выде- ланных и невы- деланных	Всего металлов не в деле	Уголь каменный, древесный, кокс, торф	Всего химических и фармацевтиче- ских продуктов и материалов
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
4,9	4,4	3,5	2,4	3,3	4,0	2,1	2,3	0,8	3,1	1,4	2,0
5,1	12,0	4,4	2,6	3,8	4,2	3,0	2,2	0,9	3,2	1,7	2,0
4,5	11,2	7,6	2,4	3,9	4,0	3,1	2,0	0,9	3,9	1,9	2,6
3,8	8,3	4,5	1,9	3,1	3,3	2,1	1,9	0,9	3,0	2,8	2,7
3,1	9,8	1,1	2,3	2,9	4,1	2,6	1,9	0,8	4,6	1,0	1,7
2,9	6,9	3,8	1,9	2,8	3,4	1,8	1,8	0,6	4,7	1,0	2,0
2,7	7,3	1,4	1,7	2,3	2,8	1,7	1,5	0,6	8,7	0,9	1,9
2,9	8,3	0,4	1,4	2,8	3,1	1,9	1,5	0,6	7,2	0,7	2,3
2,5	8,7	0,3	1,5	2,4	2,9	1,2	1,5	0,4	7,5	2,1	1,2
2,7	7,2	0,1	1,4	2,2	3,3	1,3	1,4	0,5	9,3	2,3	1,7
2,7	7,4	0,1	1,5	2,4	3,6	1,4	1,4	0,6	8,7	3,1	1,9
3,0	9,8	0,7	1,1	2,7	3,3	1,8	2,4	1,2	6,0	2,4	1,7
3,5	9,9	0,3	1,1	2,5	2,9	1,5	1,3	0,9	8,8	2,4	2,7
3,1	8,8	0,6	1,2	2,3	3,1	1,6	1,8	0,8	10,0	1,9	2,4
3,0	9,2	1,4	1,1	2,1	2,3	1,1	1,7	1,2	9,4	1,6	3,0
3,7	11,1	0,4	1,2	2,8	2,4	1,4	4,1	1,2	10,7	2,6	1,7
1,0	9,5	0,0	1,0	2,2	2,7	1,5	0,5	1,0	15,5	4,0	1,9
1,6	8,9	0,0	1,0	1,8	2,6	1,3	0,8	1,1	10,4	2,9	3,7
2,1	10,1	0,0	1,2	2,2	2,8	1,2	0,8	1,7	10,0	2,2	4,1
3,0	13,8	0,0	1,1	1,8	2,5	1,4	1,6	1,1	10,3	2,9	3,2
2,2	11,0	0,0	1,2	2,4	2,6	1,8	1,0	1,0	7,4	2,9	3,7
2,5	12,1	0,1	1,3	2,5	2,8	2,2	1,1	1,3	6,0	2,8	4,9
3,2	13,2	0,1	1,2	2,4	3,3	1,7	0,9	1,2	6,2	3,2	3,0
3,6	14,9	0,0	1,6	2,5	3,2	2,0	0,9	1,3	6,4	3,0	3,1
2,4	12,7	0,0	1,7	2,7	2,7	2,0	1,1	1,8	6,3	3,6	3,4

1908—1913 гг. — «Статистический ежегодник на 1914 г.»; 1914—1917 гг. — «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII.

Годы	Весь ввоз товаров (в тыс. кредитных рублей)	Хлопок-сырец	Всего красок и красильных веществ	Машины и аппараты	Хлопчатая бумага пряденая	Шерсть и пушасная и нечесаная, пряденая и непряденая	Шёлк-сырец, шёлк прядёный и кручёный	Изделия		
								хлопчатобумажные	шерстяные	шёлковые
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1886	426 511	17,2	3,1	3,4	1,8	4,4	1,6	1,0	1,0	0,5
1887	399 627	25,2	3,3	3,4	2,5	4,5	2,1	1,0	0,8	0,5
1888	386 142	19,6	4,0	4,9	2,7	6,6	3,1	0,9	0,7	0,5
1889	431 971	21,7	3,7	5,3	2,4	5,0	2,5	1,0	0,9	0,6
1890	406 650	20,0	3,7	5,2	2,2	5,2	2,2	1,0	1,0	0,6
1891	371 584	19,2	3,4	5,8	1,4	4,5	2,5	1,1	1,1	0,7
1892	399 544	22,0	3,3	6,0	1,0	3,9	2,5	0,9	0,8	0,5
1893	449 610	14,7	2,8	6,4	1,0	6,5	2,7	0,8	0,8	0,6
1894	553 644	16,7	2,7	8,3	0,8	5,0	2,3	0,8	0,9	0,7
1895	526 147	11,8	3,1	10,1	0,8	6,3	2,1	0,8	1,1	0,6
1896	585 527	13,0	2,8	11,2	0,7	4,4	2,1	0,8	1,1	0,7
1897	559 998	12,6	2,5	9,8	0,7	5,6	1,8	0,9	1,1	0,6
1898	617 459	11,5	2,2	13,0	0,7	5,9	1,7	0,9	1,0	0,8
1899	650 485	8,9	2,0	15,3	1,0	4,3	1,8	0,9	1,1	0,8
1900	626 375	10,9	1,8	12,2	0,7	3,7	2,2	1,0	1,1	0,8
1902	599 151	11,4	2,0	8,8	0,9	6,1	2,6	1,1	1,4	0,7
1903	631 670	15,7	1,8	9,1	0,8	5,5	2,3	0,9	1,3	1,0
1904	651 403	16,6	1,7	8,5	0,7	3,7	2,0	0,9	1,2	0,7
1905	635 087	11,5	1,7	8,8	0,6	5,3	1,9	1,2	1,4	0,9
1906	800 690	9,8	1,7	7,5	0,9	5,0	2,0	2,6	1,2	0,7
1907	847 365	10,8	1,6	8,1	1,1	5,9	2,4	1,5	1,5	0,9
1908	912 630	13,1	1,4	8,9	0,9	5,3	2,1	1,8	1,5	0,9
1909	906 340	10,7	1,4	10,7	1,0	7,0	2,4	1,3	1,3	0,9
1910	1 084 442	11,0	1,2	10,5	1,0	6,6	2,5	1,1	1,1	0,5
1911	1 161 682	10,1	1,2	12,7	1,1	2,6	2,5	1,5	1,5	0,9
1912	1 171 772	8,0	1,1	12,8	1,1	5,6	2,5	1,3	1,4	0,6
1913	1 374 031	8,3	1,1	12,3	0,7	5,8	2,5	1,1	1,3	0,6
1914	1 097 987	9,5	0,9	12,0	0,6	5,7	2,2	1,4	1,3	0,6
1915	1 138 564	9,0	0,6	4,9	0,3	1,6	1,3	1,1	5,1	0,4
1916	2 451 199	4,0	1,0	7,8	0,2	1,6	0,9	0,7	3,7	0,2
1917	2 316 748	2,8	0,9	6,4	0,5	1,2	0,7	1,4	4,7	0,1

Продолжение табл. 17

Вина виноград- ные шипучие и нешипучие	Чай	Сахар	Кофе	Фрукты, ягоды, орехи, рожки, миндаль	Масла расти- тельные	Рыба всякая и икра	Табак	Всего кож выде- ланных и невы- деланных	Всего металлов не в деле	Уголь каменный, древесный, кокс, торф	Всего химических и фармацевтиче- ских продуктов и материалов
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
2,0	15,3	0,0	1,4	2,5	2,4	2,2	1,0	1,5	6,3	3,2	3,2
1,9	11,3	0,0	1,0	2,1	2,3	2,2	1,0	1,4	4,9	2,9	3,3
1,9	8,5	0,0	1,3	2,3	2,2	2,2	0,6	1,9	4,9	3,4	3,3
1,8	7,4	0,0	1,1	2,3	1,8	2,4	0,7	2,0	6,1	3,5	3,1
1,8	8,1	0,0	1,4	2,2	1,8	2,4	0,7	2,0	7,1	3,1	3,2
2,0	8,7	0,0	1,4	2,1	1,8	2,6	0,7	1,8	6,3	3,3	3,2
1,6	8,9	0,0	1,5	2,1	1,6	3,0	0,5	1,4	6,9	3,1	3,4
1,6	8,1	1,6	1,5	2,5	1,3	3,1	0,5	1,8	8,9	3,2	3,0
1,5	7,2	0,0	1,0	2,1	1,2	2,5	0,4	2,6	9,7	2,8	2,4
1,5	7,4	0,0	1,1	2,4	1,2	2,6	0,4	2,2	10,2	3,0	2,4
1,5	7,2	0,0	0,9	2,2	1,2	2,5	0,4	2,5	10,9	2,8	2,4
1,6	7,5	0,0	1,1	2,1	1,2	2,1	0,4	2,3	10,4	2,6	2,7
1,6	7,2	0,0	1,0	2,0	1,1	2,2	0,4	2,2	8,0	2,8	2,1
1,7	6,7	0,0	0,9	1,8	0,9	2,2	0,4	2,2	7,0	4,7	2,0
1,6	7,5	0,0	0,9	2,3	0,8	2,5	0,4	2,3	5,9	6,8	2,1
1,7	8,3	—	0,8	2,2	0,6	2,6	0,4	2,3	5,0	3,8	2,3
1,6	7,1	—	0,7	2,4	0,4	3,0	0,4	2,2	4,4	3,2	2,0
1,3	7,3	0,0	0,8	2,6	0,8	3,3	0,3	2,1	5,0	4,1	2,1
1,2	7,4	0,0	0,8	2,2	0,8	3,2	0,3	2,6	5,4	4,2	2,2
1,3	9,7	0,1	0,8	2,7	0,7	3,0	0,3	2,3	4,0	3,7	2,1
1,1	9,0	0,1	0,8	2,3	0,6	3,7	0,2	2,6	3,4	3,6	2,2
1,2	7,4	0,04	0,7	2,3	0,7	3,2	0,2	3,3	2,8	3,5	1,9
1,2	6,5	0,0	0,7	2,4	0,6	3,3	0,2	3,7	2,6	3,5	1,9
1,1	5,5	0,1	0,6	1,2	0,5	2,4	0,1	3,6	2,6	3,1	2,0
1,1	5,1	0,05	0,7	2,4	0,5	2,8	0,1	3,3	3,2	3,4	2,0
1,0	5,1	0,0	0,8	2,4	0,5	3,1	0,1	2,8	4,0	4,8	2,2
0,9	4,5	0,0	0,7	2,5	0,4	2,8	0,1	3,1	4,1	6,4	2,0
0,7	5,9	0,0	0,5	2,4	0,4	2,5	0,1	2,8	5,5	4,8	2,3
0,2	7,3	0,0	0,8	1,8	0,5	0,9	0,1	2,2	13,1	1,4	4,5
0,1	2,8	0,0	0,3	0,3	0,5	1,3	0,1	1,3	13,3	2,0	5,3
0,0	2,2	0,3	1,4	0,2	0,6	2,1	0,2	2,8	9,3	2,1	3,4

Таблица 18

ЯРМАРКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ за 1868 и 1863 гг.

Губернии	Число ярмарок						Размер оборотов (тыс. руб.)			
	городских		сельских		всего		привезено товаров		из них продано	
	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.
Архангельская . . .	6	5	12	11	18	16	2 312	2 328	1 820	1 993
Астраханская . . .	10	10	70	51	80	61	5 635	4 373	2 588	733
Бессарабская . . .	21	20	11	7	32	27	305	181	151	126
Виленская	8	4	57	54	63	60	367	367	187	117
Витебская	25	23	17	19	46	42	878	949	464	370
Владимирская . . .	15	17	11	9	23	26	2 826	2 518	1 172	1 275
Вологодская	30	26	186	135	216	161	2 221	2 458	1 198	1 009
Волынская	51	44	126	155	177	199	525	1 020	294	598
Воронежская	44	45	362	335	406	380	18 043	6 170	9 805	2 609
Вятская	20	27	127	48	147	75	3 750	3 031	1 870	1 468
Гродненская	30	23	119	82	149	105	370	947	235	533
Донская область . .	—	—	—	—	162	147	—	—	—	—
Екатеринославская	24	28	333	395	357	423	16 945	18 216	7 359	7 575
Казанская	13	10	30	23	43	33	1 316	566	435	222
Калужская	28	34	85	74	113	118	946	841	479	400
Киевская	32	26	114	115	146	141	5 697	4 712	2 847	1 796
Ковенская	12	8	86	50	98	58	260	189	136	69
Костромская	22	19	48	37	70	56	1 317	1 016	682	635
Курляндская	13	15	50	47	63	62	162	177	118	102
Курская	56	55	320	299	376	354	7 482	8 817	4 300	5 887
Лифляндская	24	27	30	31	54	58	1 310	1 262	620	430
Минская	14	15	44	45	58	60	161	174	90	112
Могилёвская	19	17	55	56	74	73	1 774	1 342	1 026	674
Московская	28	27	138	98	166	125	818	804	434	417
Нижегородская . . .	8	7	55	48	63	51	126 041	101 186	104 506	90 857
Новгородская	23	23	86	71	109	94	959	1 268	347	422
Олонецкая	13	13	54	15	67	28	1 260	1 071	717	626

Продолжение табл. 18

Губернии	Число ярмарок						Размер оборотов (тыс. руб.)			
	городских		сельских		всего		привезено товаров		из них продано	
	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.	1868 г.	1863 г.
Оренбургская . . .	6	13	24	90	30	103	1 420	9 683	1 310	5 773
Орловская	18	16	60	57	78	73	1 210	988	635	387
Пензенская	18	18	36	26	56	44	2 412	1 778	664	793
Пермская	21	24	259	157	280	181	64 270	59 560	47 900	39 799
Подольская	11	3	114	23	125	26	3 104	3 064	1 456	897
Полтавская	58	63	390	388	448	451	35 070	40 494	20 978	23 119
Псковская	24	23	7	17	31	40	720	951	311	399
Рязанская	25	23	84	74	109	97	1 606	639	649	319
Самарская	18	20	120	147	138	167	9 961	10 356	4 940	3 716
С.-Петербургская . .	6	7	48	27	54	34	503	674	303	409
Саратовская	23	26	99	96	122	122	6 074	5 692	2 822	2 238
Симбирская	13	10	68	43	81	53	7 931	6 781	4 940	4 074
Смоленская	19	21	14	6	33	27	585	444	366	239
Таврическая	17	17	72	67	89	84	7 740	3 893	3 346	1 026
Тамбовская	23	23	146	166	169	189	5 717	5 285	2 215	2 184
Тверская	24	21	139	130	163	151	2 179	2 124	1 407	1 036
Тульская	39	38	70	66	109	104	887	506	389	269
Уфимская	10	—	74	—	84	—	8 367	—	4 291	—
Харьковская	79	77	518	525	597	602	67 004	43 937	43 492	24 534
Херсонская	38	37	117	98	155	135	16 150	7 487	10 632	4 027
Черниговская . . .	51	52	175	164	226	216	8 406	8 189	5 462	4 214
Эстляндская	15	14	18	16	33	30	512	475	406	301
Ярославская	14	13	79	75	93	88	4 080	3 386	2 416	1 826

Источники: «Военно-статистический сборник», вып. IV, «Россия», Спб. 1871, стр. 643.

Таблица 19

ЕЖЕГОДНЫЙ ПРИВОЗ, ПРОДАЖА И ОСТАТКИ ТОВАРОВ НА
ЯРМАРКЕ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ (с 1817 по 1881 г.)

Годы	Привезено	Продано	Осталось
(рублей ассигнациями)			
1817	92 606 000	51 365 000	41 241 000
1818	114 677 245	71 587 300	43 089 945
1819	139 094 188	67 921 450	71 172 738
1820	148 398 296	106 967 631	41 430 665
1821	143 270 181	84 279 724	58 990 457
1822	161 543 885	86 399 431	37 144 454
1823	101 941 575	49 642 715	52 298 860
1824	83 186 292	40 513 673	42 672 619
1825	70 806 292	46 845 824	23 960 468
1826	72 216 166	47 932 546	24 293 620
1827	91 296 464	52 410 926	38 885 538
1828	93 989 122	57 371 399	36 617 723
1829	103 883 586	86 014 092	17 869 494
1830	106 107 990	91 281 940	14 826 050
1831	128 762 800	97 616 025	31 146 775
1832	138 207 618	116 158 508	22 049 110
1833	146 135 681	117 210 676	28 925 005
1834	140 474 355	107 693 395	32 780 960
1835	142 591 640	116 965 740	25 625 900
1836	148 955 595	126 514 045	22 441 550
1837	146 638 181	125 567 881	21 070 300
1838	156 192 500	129 234 580	26 957 920
1839	161 643 674	137 100 774	24 542 900

•

(рублей серебром)

1840	47 265 000	38 829 000	8 436 000
1841	50 506 600	41 704 200	8 802 400
1842	47 105 800	38 446 600	8 659 200
1843	47 942 200	39 119 900	8 822 300
1844	50 396 000	42 741 800	7 654 200
1845	55 843 700	48 650 100	7 193 600
1846	57 214 900	50 345 500	6 869 400
1847	55 951 900	48 725 900	7 226 000

Продолжение табл. 19

Годы	Привезено	Продано	Осталось
1848	51 682 100	43 763 700	7 918 400
1849	55 492 500	45 541 500	9 951 000
1850	55 984 600	46 293 300	9 691 300
1851	60 975 700	53 694 000	7 281 700
1852	65 038 500	57 808 900	7 229 600
1853	63 459 300	54 417 700	9 041 600
1854	59 175 180	50 180 500	8 994 680
1855	63 784 795	57 004 725	6 780 070
1856	69 593 760	62 504 370	7 089 390
1857	87 142 665	79 539 120	7 603 545
1858	96 333 495	89 197 475	7 136 020
1859	105 000 000	97 897 000	7 103 000
1860	104 610 000	95 586 400	9 023 600
1861	98 400 900	85 747 500	12 653 400
1862	103 009 850	94 522 950	8 486 900
1863	102 707 400	92 598 000	10 109 400
1864	111 347 600	94 679 550	16 668 050
1865	112 782 000	99 595 320	13 186 680
1866	126 702 800	113 817 990	12 884 810
1867	126 512 000	105 256 600	21 255 400
1868	125 857 000	110 180 950	15 676 050
1869	144 191 000	128 306 000	15 885 000
1870	142 914 000	125 334 000	17 580 000
1871	157 563 000	132 470 800	25 092 200
1872	177 522 000	154 333 000	23 189 000
1873	158 089 000	138 313 000	19 776 000
1874	180 201 000	164 805 000	15 396 000
1875	169 768 000	154 048 000	15 720 000
1876	169 359 000	150 124 600	19 234 000
1877	145 955 000	128 441 000	77 514 000
1878	141 610 000	128 170 000	13 440 000
1879	180 644 200	162 946 400	17 677 800
1880	200 446 000	170 271 000	30 174 000
1881	246 180 000	242 995 000	30 085 000

Источники: В. Безобразов, Народное хозяйство России, ч. I, Спб. 1882, Приложение VIII, стр. 301—302, «Военно-статистический сборник», вып. IV, Спб. 1871, стр. 649.

Таблица 20

ДИНАМИКА ПОШЛИННОГО ОБЛОЖЕНИЯ В % К СТОИМОСТИ
ВВЕЗЁННЫХ ТОВАРОВ

Годы	Жизненные припасы	Сырые и полу- обработанные материалы	Обработанные изделия	Все товары вообще
1851	45,1	7,5	25,1	26,1
1852	47,9	7,1	23,4	29,4
1853	41,2	6,1	20,3	23,9
1854	39,2	7,0	23,4	22,8
1855	33,1	7,0	24,3	23,7
1856	35,0	5,8	23,1	21,2
1857	38,3	7,9	22,7	21,1
1858	38,0	9,0	22,5	19,9
1859	39,7	7,7	23,2	18,4
1860	38,9	8,5	22,5	19,0
1861	31,5	6,7	18,8	17,5
1862	28,6	7,6	17,3	19,4
1863	31,2	7,3	16,2	20,1
1864	29,4	5,0	16,1	16,1
1866	35,1	9,0	13,8	16,3
1867	33,7	7,9	13,6	15,0
1868	31,6	8,1	12,6	14,9
1869	31,9	7,8	9,3	12,2
1870	31,8	7,7	11,8	12,9
1871	31,7	8,4	16,3	13,7
1872	25,6	8,4	14,6	12,1
1873	25,8	8,2	13,1	11,9
1874	25,5	8,6	14,0	11,8
1875	25,6	7,9	12,6	11,7

Продолжение табл. 20

Годы	Жизненные припасы	Сырые и полу- обработанные материалы	Обработанные изделия	Все товары вообще
1876	27,5	7,6	14,6	14,0
1877	36,6	10,5	14,6	15,0
1878	35,9	11,4	14,6	15,4
1879	37,0	11,3	18,3	17,0
1880	33,1	11,7	16,6	17,2
1881	30,3	11,8	21,2	16,5
1882	32,4	11,2	18,5	17,1
1883	33,3	12,0	18,8	19,4
1884	32,8	11,8	18,3	19,6
1885	41,1	13,8	24,9	23,7
1886	50,9	16,1	29,5	27,8
1887	59,2	16,7	32,1	29,2
1888	70,4	18,1	28,6	31,9
1889	62,0	17,7	27,1	28,6
1890	59,6	18,3	26,0	28,7
1891	64,5	20,5	30,1	31,9
1892	68,8	22,4	27,7	33,1
1893	62,3	20,6	28,1	31,9
1894	63,2	23,2	24,6	30,4
1895	63,9	24,5	24,1	31,9
1896	65,0	25,8	24,7	32,1
1897	67,8	29,5	26,5	35,2
1898	69,4	31,8	25,8	36,2
1899	68,8	28,8	25,6	34,1
1900	71,7	23,7	24,6	32,5

• ВЫВОЗ ОСНОВНЫХ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ (в тыс.)

Годы	Всего вывезено товаров	В т о м							
		всего хлеба (с крупой, мукой и отрубями)	семена маслич- ные	в том числе		масло расти- тельное	выжимки из семян	лесной товар всякий, кроме де- рева драгоцен- ных пород	яйца
				семя льняное	семя коноп- ляное				
1900	716 218	306 402	35 211	28 677	795	720	15 531	58 216	31 313
1902	860 222	433 002	14 628	9 763	1 198	—	17 163	55 680	38 627
1903	1 001 179	480 219	12 531	8 236	1 093	—	19 802	66 308	51 089
1904	1 006 384	496 443	10 874	5 842	715	812	20 285	73 198	54 336
1905	1 077 325	568 326	12 698	8 803	1 342	848	20 090	76 867	60 941
1906	1 094 886	471 979	15 109	10 563	1 868	921	25 781	98 248	56 157
1907	1 053 010	430 558	12 956	7 759	1 837	1 337	26 225	107 794	53 247
1908	998 250	379 616	20 323	13 915	1 478	1 942	33 205	111 239	54 851
1909	1 427 675	749 382	14 811	10 543	657	963	33 649	126 575	62 213
1910	1 449 084	745 878	23 593	19 279	451	946	31 637	137 630	63 689
1911	1 591 411	739 466	28 821	21 270	929	1 452	34 427	142 368	80 760
1912	1 518 799	551 295	31 270	20 392	929	1 511	39 080	153 380	84 672
1913	1 520 133	594 501	21 234	10 070	1 417	2 305	38 687	164 930	90 646
1914	956 090	353 947	12 957	8 660	545	1 216	22 736	105 750	58 508
1915	401 834	71 374	1 615	1 324	37	1 072	4 759	28 746	14 320
1916 ¹ . . .	577 297	106 683	4 106	3 898	—	1 319	6 520	57 539	6 619
1917 ¹ . . .	463 963	9 593	1 671	1 463	—	2 248	3 647	78 894	853

Источники: «Ежегодник России 1905 г.»; Статистические ежегодники на 1912 и 1914 гг., под редакцией Шарого; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, 1922; итог вывоза за 1916 и 1917 гг. по статистическому справочнику по народному хозяйству, под ред. С. А. Клепикова, вып. IV, 1924.

Таблица 21

ПО ВСЕМ ГРАНИЦАМ с 1900 по 1917 г.
руб.)

ч и с л е

масло коровье	сало скотское топленое	щетина	всего металлов не в деле, кроме золота, серебра и платины	лён	пенька	льняная и пень- ковая пакля	шерсть в сыром виде	изделия льняные и пеньковые	изделия бумаж- ные	нефть и нефте- продукты	сахар всякий
13 476	1 311	5 508	1 172	43 820	8 147	5 256	5 895	729	11 719	46 267	25 274
28 4 4	—	5 899	2 869	51 412	7 709	5 244	4 801	769	17 204	42 366	17 400
32 041	—	4 766	2 021	71 632	9 781	7 138	5 352	1 244	20 899	52 687	25 177
29 855	138	5 151	1 744	45 435	9 414	6 547	6 389	819	21 034	59 575	23 762
31 499	248	4 538	1 975	68 293	9 913	6 779	5 693	1 166	20 518	29 216	18 069
44 812	251	4 373	5 974	61 319	10 092	7 963	7 311	1 877	24 823	24 537	19 510
47 978	119	4 931	15 175	57 956	13 038	8 833	6 051	1 162	21 479	29 554	23 336
45 709	81	4 133	8 660	58 157	12 044	9 122	3 416	1 054	20 479	31 774	34 372
48 862	125	4 756	10 621	60 761	10 551	9 044	6 583	1 144	23 401	34 752	28 233
50 882	88	6 046	5 682	67 653	9 727	8 565	5 184	536	1 743	28 298	8 493
71 141	112	6 766	6 983	63 844	15 890	8 231	7 706	1 357	32 024	30 439	66 288
68 535	119	9 497	3 428	107 539	17 400	10 588	9 964	1 320	37 763	38 412	56 670
71 558	165	8 871	3 615	86 817	20 369	9 872	10 271	1 348	43 895	50 086	27 558
49 363	49	5 622	2 504	64 265	11 732	7 523	4 379	1 378	36 861	32 149	27 096
65 815	418	4 990	6 805	31 097	4 679	8 212	1 293	1 033	31 298	5 098	31 722
23	1 324	10 100	16 318	98 261	16 254	13 574	—	440	1 683	4 786	11 427
74	1 578	14 977	20 163	170 898	13 717	15 116	—	44	2 678	6 216	4 731

¹ За 1916 и 1917 гг. по отдельным товарам сведения неполные.

ПРИВОЗ В РОССИЮ ГЛАВНЕЙШИХ

(в тыс.)

Годы	Весь привоз	В том								
		хлопок-сырец	всего красок и красильных веществ	машины и аппа- раты	хлопчатая бума- га пряденая	шерсть и пуша- чесаная и нечеса- ная, пряденая и непряденая	шёлк-сырец и шёлк пряденый и кручёный	изделия		
								хлопчаточ- бумажные	шерстяные и полушерстя- ные	шёлковые и полушёлко- вые
1900 . .	626 375	68 036	11 199	76 271	4 502	23 289	13 913	6 030	7 084	4 716
1902 . .	599 151	68 134	11 799	52 643	5 142	36 392	15 366	6 481	8 395	4 488
1903 . .	681 670	107 096	12 523	62 066	5 169	37 451	15 549	6 264	9 132	6 871
1904 . .	651 403	108 422	10 979	55 513	4 363	24 114	12 763	6 092	7 691	4 807
1905 . .	635 087	73 008	10 515	55 915	3 954	33 571	12 126	7 893	9 112	5 662
1906 . .	800 690	78 161	13 655	59 834	7 184	39 671	16 123	21 130	9 854	5 887
1907 . .	847 365	91 365	13 347	69 030	9 026	49 572	20 110	12 527	12 682	7 662
1908 . .	912 630	119 468	13 029	81 381	8 420	48 380	19 449	16 878	13 629	8 231
1909 . .	906 340	97 059	12 565	96 938	9 392	63 269	21 669	11 854	11 663	8 317
1910 . .	1 084 442	119 229	12 829	113 361	10 492	71 541	27 211	12 188	12 384	5 953
1911 . .	1 161 682	116 788	13 655	147 247	13 223	30 139	29 162	17 770	17 159	9 962
1912 . .	1 171 772	94 258	12 902	150 454	12 820	65 899	29 385	15 043	16 739	6 741
1913 . .	1 374 031	114 041	14 970	169 291	9 836	79 366	34 542	15 233	17 432	7 937
1914 . .	1 097 987	103 937	10 409	131 876	6 977	62 198	24 097	14 876	14 386	6 423
1915 . .	1 138 564	101 982	6 688	56 207	2 998	18 730	14 720	13 068	58 463	4 580
1916 . .	2 451 199	97 409	25 672	192 280	4 364	38 595	22 417	17 713	89 794	5 883
1917 . .	2 316 748	64 725	20 125	148 785	12 446	27 328	15 172	33 068	108 432	3 357

Источники: «Ежегодник России 1905 г.»; Статистические ежегодники на 1914 г. и 1912 г., под ред. Шарого; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII.

Таблица 22

ТОВАРОВ с 1900 по 1917 г.

руб.)

числа

вино	чай	сахар всякий	кофе	фрукты, ягоды, орехи, рожки, миндаль	масла раститель- ные всякие	рыба всякая и икра	табак и изделия из него	всего кож выде- ланных и не- выделанных	всего металла не в деле, кроме драгоценных металлов	уголь каменный, древесный, кокс, торф	всего химиче- ских и фармацев- тических продук- тов и материалов
10 134	47 223	89	5 555	14 261	5 198	15 612	2 266	14 350	37 014	42 298	13 014
10 159	49 803	—	4 997	13 429	3 506	15 666	2 593	13 478	29 696	22 903	13 546
10 562	48 305	—	5 070	16 202	3 015	20 138	2 365	14 670	30 097	21 895	13 334
8 258	47 393	156	5 136	16 751	5 267	21 351	2 227	13 564	32 416	26 812	13 899
7 696	47 156	199	5 307	14 002	4 806	20 371	2 215	16 877	34 464	26 730	14 185
10 678	77 444	798	6 065	21 674	5 341	23 906	2 348	18 485	32 026	29 816	16 530
9 442	76 578	435	6 367	19 212	5 388	31 121	2 082	21 671	29 069	30 455	18 424
11 385	67 789	368	6 486	21 071	5 942	28 998	2 171	30 085	25 307	31 616	17 227
10 918	59 241	99	6 561	22 993	5 716	29 939	1 512	33 216	23 893	32 036	17 742
11 487	59 444	1 165	6 726	13 146	5 510	26 399	1 440	38 765	27 969	33 797	21 600
12 376	59 180	546	8 924	27 495	5 840	32 586	1 453	37 898	37 359	39 790	23 109
11 828	59 292	29	9 526	27 871	6 299	36 774	1 500	32 365	46 524	55 897	26 274
13 088	62 169	34	9 027	34 779	5 756	38 232	1 495	42 987	56 378	87 483	28 088
8 122	64 712	20	5 616	26 106	4 819	27 487	1 371	30 896	60 661	53 067	25 543
2 141	83 327	20	8 879	20 122	5 492	10 246	1 069	24 937	148 620	15 568	51 601
2 130	68 677	103	6 709	7 110	11 157	32 977	3 108	32 420	325 608	48 239	129 815
959	51 098	5 997	31 349	3 724	14 526	48 188	3 808	64 897	216 226	47 906	81 011

1922; итог вывоза за 1916 и 1917 гг. по статистическому справочнику по народ-
ному хозяйству, под ред. С. А. Клепикова, вып. IV, 1924.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫВОЗА ИЗ

(в тыс.)

Страны назначения	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Англия	156 751	189 101	218 196	230 424	249 206	225 447	228 504	220 513
Германия	178 855	203 155	233 090	234 844	255 312	284 675	291 041	278 992
Франция	61 222	55 143	76 098	61 782	64 466	76 506	73 414	64 625
Швеция	—	—	—	—	—	—	—	4 724
Норвегия	—	—	—	—	—	—	—	5 752
Австрия	30 217	35 614	36 897	40 599	45 660	45 045	42 626	48 968
Голландия	84 689	103 099	101 130	99 257	126 802	107 959	114 382	93 815
Швейцария	—	—	—	—	—	—	—	—
Дания	25 893	27 849	27 391	30 379	23 382	30 772	29 913	31 491
Финляндия	38 699	38 030	46 653	46 323	39 007	47 277	49 659	48 762
Румыния	—	—	—	—	—	—	—	12 823
Прочие зап. европ. го- сударства	58 938	77 423	100 152	96 969	107 263	93 289	71 661	80 959
Всего в Зап. Европу	635 264	729 414	839 607	840 577	911 098	910 970	901 200	891 424
Китай	9 711	9 315	22 441	22 972	31 588	57 530	26 440	23 285
Япония	—	—	—	—	—	—	—	5 115
Турция	21 931	15 848	18 834	25 300	15 866	15 242	19 319	22 765
Персия	23 486	24 045	27 386	27 286	26 060	31 756	28 264	26 657
Афганистан	—	—	—	—	—	—	—	3 015
Ост-Индия	—	—	—	—	—	—	—	307
Всего в Азию	55 128	49 208	68 661	75 558	73 514	104 528	74 023	81 144
Соединён- ные Шта- ты	4 009	4 374	5 355	4 362	3 546	5 712	8 414	2 822
Прочие амер- ик. госу- дарства	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего в Америку	4 009	4 374	5 355	4 362	3 546	5 712	8 414	2 822
Остальные страны	67 182	77 226	87 556	85 887	89 167	73 676	69 373	22 860
Всего	761 583	860 222	1 001 179	1 006 384	1 077 325	1 094 886	1 053 010	998 250

Источники: «Статистический справочник по народному хозяйству», под ред.
С. А. Клепикова, вып. IV, 1924, стр. 58—59.

Таблица 23

РОССИИ ПО СТРАНАМ за 1901 — 1917 гг.
золотых рублей)

1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
288 885	315 476	337 032	327 811	267 801	189 606	155 537	184 149	236 673
387 119	390 640	490 526	453 828	453 584	249 157	—	—	—
89 062	93 646	90 813	98 157	100 876	55 636	17 430	66 723	49 056
11 033	8 907	8 940	10 315	11 422	6 354	4 579	6 185	14 788
8 092	6 154	9 957	4 848	6 696	5 046	440	2 321	2 853
60 875	49 735	67 930	73 409	65 297	38 908	—	—	—
189 198	195 982	188 799	153 991	177 412	94 696	2	1 040	208
168	236	393	318	—	—	—	622	—
36 728	26 534	35 605	38 085	36 425	17 876	412	1 768	4 147
51 802	42 821	53 668	49 622	55 284	55 730	132 714	199 119	129 070
15 783	15 049	29 720	20 333	21 692	12 736	3 320	4 588	288
154 389	169 606	127 921	127 646	157 220	107 356	1 648	1 224	118
1 293 134	1 314 786	1 441 304	1 358 363	1 353 709	833 101	316 082	467 739	437 201
21 782	20 158	25 598	30 688	31 490	28 765	20 829	20 808	—
2 106	2 103	1 692	1 652	1 409	1 282	4 074	6 031	—
27 682	27 859	33 580	30 126	35 783	15 466	—	—	—
32 302	37 904	44 551	52 997	57 703	52 865	51 203	48 467	—
3 366	4 399	5 579	6 464	5 946	4 874	5 227	3 815	—
179	21	30	58	41	57	13	153	—
87 427	92 444	111 030	121 985	132 372	103 309	81 346	79 274	—
11 496	9 489	13 467	18 007	14 155	8 774	3 798	28 450	26 480
—	—	502	—	—	—	—	—	—
11 496	9 489	13 969	18 007	14 155	8 774	3 798	28 450	26 480
35 627	32 365	25 108	20 444	19 897	10 906	608	1 834	282
1 427 674	1 449 084	1 591 411	1 518 799	1 520 133	956 090	401 834	577 297	463 963

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИВОЗА В
(в тыс.)

Страны-от- правители	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Англия	102 967	99 224	113 870	103 391	97 410	105 726	114 935	120 286
Германия	210 954	208 472	241 897	228 155	240 411	298 422	337 367	348 426
Франция	27 792	26 883	27 913	26 548	26 131	28 717	29 420	36 288
Швеция	—	—	—	—	—	—	—	10 132
Норвегия	—	—	—	—	—	—	—	8 361
Латвия	—	—	—	—	—	—	—	—
Эстония	—	—	—	—	—	—	—	—
Австрия	24 901	23 962	27 098	21 429	19 653	21 357	24 108	26 500
Голландия	8 550	11 417	10 580	11 387	12 274	13 233	11 405	11 496
Швейцария	—	—	—	—	—	—	—	4 614
Дания	4 568	4 271	5 812	6 601	4 131	6 437	5 915	8 754
Финляндия	22 032	22 633	22 616	24 517	26 764	31 983	29 187	28 750
Прочие зап.- европ. го- сударства	19 114	16 295	17 166	16 510	16 809	18 104	22 114	29 447
Всего из Зап. Европы	420 878	413 157	466 952	438 538	443 583	523 979	574 451	633 054
Китай	46 903	52 177	56 498	52 455	60 549	97 427	89 742	93 344
Япония	—	—	—	—	—	—	—	11 058
Турция	8 074	7 544	7 384	7 368	6 727	7 826	7 218	7 453
Персия	25 482	23 486	26 480	23 866	22 312	24 503	25 314	28 471
Афганистан	—	—	—	—	—	—	—	2 730
Ост-Индия	—	—	—	—	—	—	—	20 135
Прочие азиат. го- сударства	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего из Азии	80 459	83 207	90 362	83 689	89 588	129 756	122 274	163 191
Соединён- ные Штаты	34 921	39 949	63 167	62 926	40 836	47 450	55 588	79 215
Канада	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие аме- рик. го- сударства	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего из Америки	34 921	39 949	63 167	62 926	40 836	47 450	55 588	79 215
Остальные страны	57 167	62 838	61 189	66 250	61 080	99 505	95 052	37 170
В с е г о	593 425	599 151	681 670	651 403	635 087	800 690	847 365	912 630

И с т о ч н и к: «Статистический справочник по народному хозяйству», под ред. С. А.

РОССИЮ ПО СТРАНАМ за 1901 — 1917 гг.
золотых рублей)

Таблица 24

1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
127 946	153 847	155 081	142 356	173 011	171 142	287 385	656 292	797 754
363 263	449 794	487 780	532 346	652 209	429 723	25 012	9 762	9 105
49 547	60 972	56 781	56 343	56 990	43 897	29 809	131 468	229 943
7 620	7 614	9 988	10 621	16 926	11 218	54 877	91 743	94 438
8 798	6 522	8 304	10 696	9 770	6 928	5 958	29 764	52 765
—	—	—	—	—	—	—	—	—
27 315	35 026	34 265	32 659	35 698	23 786	1 424	2 506	230
18 068	20 444	17 513	19 215	21 389	19 442	8 788	9 026	5 755
4 716	9 054	7 228	3 306	5 240	3 837	4 437	11 575	—
7 936	7 719	7 678	6 424	12 867	7 324	7 554	12 227	9 440
32 974	35 992	39 993	42 587	50 959	53 721	91 848	210 480	215 284
24 447	32 097	33 838	30 734	36 183	29 529	12 841	14 894	7 862
672 630	819 081	858 449	887 287	1 071 242	800 547	529 933	1 179 737	1 422 576
74 612	78 813	82 311	76 254	84 054	89 558	119 506	154 808	13 962
5 259	4 231	4 200	5 038	4 844	12 004	134 547	262 728	174 394
8 824	10 836	10 227	16 210	18 439	10 128	579	1 692	—
31 579	36 702	35 402	35 427	43 626	41 346	52 974	84 444	—
4 328	4 486	5 051	5 381	6 299	5 325	7 775	11 442	—
18 974	21 937	28 789	29 847	34 550	30 022	12 269	24 062	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
143 576	157 005	166 980	168 157	191 812	188 383	327 650	539 176	188 356
57 854	74 441	102 488	87 430	79 093	80 162	258 715	701 580	705 816
—	—	—	—	—	—	—	—	—
357	518	439	900	—	—	—	—	—
58 211	74 959	102 927	88 330	79 093	80 162	258 715	701 580	705 816
31 923	33 397	34 326	27 998	31 884	28 895	22 267	30 706	—
906 340	1 084 442	1 161 682	1 171 772	1 374 031	1 097 987	1 138 565	2 451 199	2 316 748

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
(в тыс. серебра)

Годы	О б ы к н о						
	подати и оброки	за право торговли	питейный доход	соляной доход	табачный и сахар- ный до- ход	таможен- ный доход	лесной доход
1861 . .	53 201	5 242	126 288	7 074	3 592	32 753	2 369
1862 . .	52 852	3 185	129 806	9 201	3 867	33 075	2 800
1863 . .	63 675	8 995	130 479	8 551	4 169	34 120	3 513
1864 . .	66 178	9 037	114 836	7 331	4 974	27 115	3 618
1865 . .	69 046	9 598	123 910	9 096	5 548	26 268	3 975
1866 . .	66 012	8 348	121 519	10 813	5 659	31 674	4 307
1867 . .	79 753	9 516	133 930	11 743	8 590	37 004	5 198
1868 . .	89 021	10 361	133 802	10 943	10 036	37 499	6 193
1869 . .	92 178	11 690	137 671	9 887	9 597	41 587	7 329
1870 . .	98 184	11 965	164 353	12 042	10 498	42 685	8 063
1871 . .	95 924	12 248	175 149	12 770	11 879	48 840	8 741
1872 . .	95 962	12 244	173 362	13 081	12 454	55 278	9 682
1873 . .	94 746	13 014	179 929	11 859	14 411	55 729	10 274
1874 . .	96 599	12 652	201 584	11 802	15 001	57 736	10 547
1875 . .	119 311	14 626	198 053	11 391	14 220	63 651	11 101
1876 . .	117 027	15 243	191 778	11 572	15 932	72 560	10 813
1877 . .	118 962	14 975	190 881	10 339	19 355	52 585	9 869
1878 . .	122 054	15 007	214 688	10 290	17 553	80 659	11 443
1879 . .	119 529	16 402	229 499	13 604	18 110	93 218	13 256
1880 . .	112 567	15 294	223 437	13 795	17 841	96 375	14 519

Таблица 25а

ДОХОДЫ за 1861—1880 гг.
ных рублей)

в е н н ы е д о х о д ы			Оборот- ные доходы	Итого обыкно- венные и оборотные доходы вместе	Чрезвычайные ресурсы	
казённые железные дороги и платежи железно- дорожных обществ	прочие доходы	итого обыкно- венных доходов			из разных посторонних капиталов: банковых, экономических и др.	из капиталов, принадлежа- щих казне (выкупа бес- срочных зай- мов, военных и др.)
2 660	96 751	329 930	77 699	407 629	9 593	202
2 500	53 575	290 861	85 040	375 901	1 641	4 398
9 234	81 551	344 287	38 591	382 878	6 570	—
9 158	81 879	324 126	22 601	346 727	—	—
10 898	98 158	356 497	17 362	373 859	—	—
12 536	84 062	344 930	11 496	356 426	7 324	—
16 901	99 152	401 787	13 182	414 969	—	—
15 348	92 647	405 850	15 710	421 560	—	—
16 797	109 055	435 791	21 705	457 496	—	—
13 983	98 663	460 436	20 123	480 559	—	—
14 035	108 381	487 967	20 221	508 188	—	—
17 642	100 037	489 742	33 315	523 057	—	—
17 748	112 469	510 179	27 763	537 942	—	—
15 506	109 615	531 042	26 692	557 734	—	—
20 009	105 729	558 091	18 402	576 493	—	—
13 766	91 460	540 151	19 112	559 263	—	—
17 712	90 839	525 517	23 314	548 831	—	—
23 720	105 823	601 237	24 736	625 973	—	—
19 212	121 877	644 707	17 247	661 954	—	—
13 462	121 248	628 538	22 479	651 017	—	—

Годы	Чрезвычайные ресурсы					
	займов				Итого	Всего обыкно- венных, оборотных и чрезвычайных доходов
	внутрен- них и внешних	из кредит- ных уста- новлений	от выпус- ка кредит- ных биле- тов	специальных ресурсов для постройки железных до- рог и портов		
1861	—	—	—	—	9 795	417 424
1862	14 758	—	—	—	20 797	396 698
1863	39 000	—	—	—	45 570	428 448
1864	44 095	—	—	—	44 095	390 822
1865	26 797	—	—	—	26 797	400 656
1866	59 861	—	—	18 342	85 527	441 953
1867	19 447	—	—	48 182	67 629	482 598
1868	7 248	—	—	41 098	48 346	469 906
1869	21	—	—	44 866	44 887	502 383
1870	—	—	—	80 939	80 939	561 498

Продолжение табл. 25а

Годы	Чрезвычайные ресурсы					
	займов				Итого	Всего обыкновенных, оборотных и чрезвычайных доходов
	внутренних и внешних	из кредитных установлений	от выпуска кредитных билетов	специальных ресурсов для постройки железных дорог и портов		
1871	—	—	—	79 891	79 891	588 079
1872	—	—	—	71 414	71 414	594 471
1873	—	—	—	79 239	79 239	617 181
1874	—	—	—	40 774	40 774	598 508
1875	—	—	—	70 882	70 882	647 375
1876	—	—	—	57 558	57 558	616 821
1877	310 036	—	—	20 231	330 267	879 098
1878	306 222	—	—	38 544	344 766	970 739
1879	288 132	—	—	15 192	303 324	965 278
1880	12 082	—	—	77 536	89 618	740 635

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
(в тыс.)

Годы	О б ы к н о в е н				
	подати и сборы с доходов	за право торговли	питейный доход	прочие акцизные доходы: табачный, сахарный и нефтяной	таможенный доход
1881	116 699	23 251	225 365	16 465	85 763
1882	115 221	20 396	252 889	22 843	94 461
1883	110 745	20 810	253 569	28 186	96 924
1884	105 260	20 999	244 004	32 594	96 932
1885	105 072	25 668	231 230	33 548	95 027
1886	96 707	28 020	236 977	35 262	112 447
1887	52 779	28 862	257 624	47 255	107 425
1888	52 086	31 783	265 125	54 520	141 310
1889	55 540	32 857	274 920	59 913	138 051
1890	54 844	34 339	268 381	64 685	141 939
1891	52 949	34 072	247 442	64 290	128 438
1892	55 942	35 402	269 046	75 274	130 552
1893	60 021	40 475	260 834	85 104	165 989
1894	59 596	42 432	297 386	100 248	183 782

Таблица 256

ДОХОДЫ за 1881—1894 гг.
руб.)

ные доходы

лесной дохо	казенные железные дороги и платежи железно- дорожных обществ	выкупные платежи	прочие доходы	оборотные поступления	итого обыкновенных доходов
14 834	19 418	—	125 090	24 869	651 754
14 893	21 015	—	141 702	20 292	703 712
13 311	26 402	—	144 489	4 545	698 981
13 271	40 524	—	145 882	5 062	704 528
13 065	51 930	46 608	156 219	3 916	762 283
13 174	52 326	48 788	153 144	3 834	780 679
13 587	53 406	88 958	175 990	3 775	829 661
15 402	76 888	92 270	166 978	2 170	898 532
17 207	82 974	91 747	170 906	2 921	927 036
16 734	88 065	88 232	182 726	3 741	943 686
16 219	98 674	69 049	177 756	2 705	891 594
18 769	111 103	77 088	196 989	—	970 165
21 756	119 667	98 994	192 845	—	1 045 685
25 844	155 455	92 819	196 224	—	1 153 786

Гбды	Чрезвычайные доходы					Всего обыкновенных и чрезвычайных доходов
	займы	поступления в возврат расходов на железные дороги и остатки же- лезнодорож- ных капиталов	поступления из специаль- ных капита- лов и других сумм	военное вознагражде- ние	итого	
1881	91 390	63 775	—	—	155 165	806 919
1882	131	27 883	—	—	28 014	731 726
1883	54 371	16 572	—	—	70 943	769 924
1884	221 104	—	—	2 471	223 575	928 103
1885	50 504	8 899	9 468	2 747	71 618	833 901
1886	149 565	26 408	—	1 533	177 506	958 185
1887	131 793	348	9 898	2 504	144 543	974 204

Продолжение табл. 256

Годы	Чрезвычайные доходы					Всего обыкновенных и чрезвычайных доходов
	займы	поступления в возврат расходов на железные дороги и остатки же- лезнодорож- ных капиталов	поступления из специаль- ных капита- лов и других сумм	военное вознагражде- ние	итого	
1888	51 287	887	2 489	708	55 371	953 903
1889	41 428	12 510	4 000	4 961	62 899	989 935
1890	72 149	16 470	6 708	8 360	103 687	1 047 373
1891	1 843	24 652	6 430	4 276	37 201	928 795
1892	165 777	29 114	470	3 318	198 679	1 168 844
1893	164 358	970	5 094	3 953	174 375	1 220 060
1894	52 702	22 548	639	3 040	78 929	1 232 715

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

(в тыс.)

Годы	О б ы к н о в е н				
	подати и сборы с доходов	за право торговли	питейный доход	прочие акцизные доходы: табачный, сахарный, нефтя- ной и спичечный	таможенный доход
1895 .	63 164	42 761	298 215	109 519	178 605
1896 .	54 244	45 280	294 299	105 988	182 303
1897 .	54 810	46 617	280 129	120 664	195 615
1898 .	55 693	48 167	289 573	126 398	218 910
1899 .	60 273	61 073	310 297	139 424	219 276

Годы	Ч р е з ы ч а й	
	займы	поступления в возврат расхо- дов на железные дороги и остатки железнодорож- ных капиталов
1895	156 937	5 388
1896	32 917	10 584
1897	40 027	2 313
1898	82 756	3 522
1899	181 675	869

Таблица 25в

ДОХОДЫ за 1895—1899 гг.
руб).

ные доходы					
доход от казённой продажи питей	лесной доход	казённые желез- ные дороги и платежи желез- нодорожных обществ	выкупные платежи	прочие доходы	Итого обыкновен- ных доходов
—	28 670	217 701	101 297	215 887	1 255 819
27 789	33 619	312 374	96 946	215 877	1 368 719
52 448	37 704	293 134	88 519	246 746	1 416 386
102 164	41 474	363 008	86 152	253 315	1 584 854
110 756	48 108	358 170	95 496	270 440	1 673 313

Продолжение табл. 25в

ные доходы		Всего обыкновенных и чрезвычайных доходов
поступления из спе- циальных капиталов и других источников	итого чрезвычайных доходов	
—	162 275	1 418 094
—	43 501	1 412 220
251	42 591	1 458 977
1 540	87 818	1 672 672
1 305	183 849	1 857 162

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ, (в тыс.)

Наименование дохода	1900 г.	1901 г.
Отдел I. Прямые налоги		
Налоги поземельный, с недвижимых имуществ и подати	45 979	44 704
Государственный промысловый налог	69 840	68 824
Сбор с доходов от денежных капиталов	16 092	17 362
Итого	131 911	130 890
Отдел II. Косвенные налоги		
Сборы с питей	164 448	97 180
Табачный доход	41 196	45 706
От обложения папиросн. гильз и разрезной папиросной бумаги	—	—
Сахарный доход	63 296	71 754
Нефтяной »	25 503	28 680
Спичечный »	7 366	7 930
Таможенный »	203 546	219 237
Итого	505 355	470 487
Отдел III. Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские и с записи документов	37 796	42 243
С переходящих имуществ	23 473	23 352
С товаров и судов в портах	2 070	2 646
С пассажиров и грузов, перевозимых по железным дорогам в пассажирских и товаропассажирских поездах	13 723	14 807
С застрахованных от огня имуществ	3 847	4 087
Пошлины разных наименований	7 784	7 940
Итого	88 693	95 075
Отдел IV. Правительственные регалии		
Горный доход	4 674	4 398
Монетный доход	4 199	3 232
Почтовый »	30 319	32 088
Телеграфный и телефонный доход	19 696	20 288
Доход от казённой винной операции	270 279	379 079
Итого	329 167	439 085

Источники: «Ежегодник России 1910 г.», Спб. 1911, стр. 640—643; «Статистический ежегодник России 1915 г.», Пгр. 1916, отд. XII, стр. 6—9.

Таблица 25г

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОСТУПИВШИЕ в 1900—1914 гг.
руб.)

1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
49 800	49 884	49 527	45 316	60 527	63 459
65 934	67 590	67 027	62 048	82 452	99 164
17 347	17 757	18 325	19 532	20 203	20 699
133 081	135 231	134 879	126 896	163 182	183 322
39 085	34 172	29 794	29 771	39 394	41 117
45 374	49 028	48 719	46 586	59 903	54 050
—	—	—	—	—	—
81 277	75 542	78 817	78 734	108 826	101 467
29 649	31 968	34 785	29 948	29 863	36 833
8 163	8 074	7 672	10 820	14 991	15 871
224 990	241 466	218 794	212 795	241 270	260 477
428 538	440 250	418 581	408 654	494 247	509 815
45 112	48 981	48 377	46 887	53 949	59 252
23 761	24 665	22 750	20 423	21 968	25 491
3 992	3 530	3 493	3 006	3 262	3 154
15 589	16 740	17 054	15 632	18 584	18 615
4 137	4 116	4 258	4 294	4 583	4 891
8 494	9 259	8 317	9 753	10 922	11 214
101 085	107 291	104 249	99 995	113 268	122 617
2 720	347	196	63	36	119
3 650	5 570	4 374	5 099	5 257	6 846
34 431	36 677	40 807	43 184	46 005	49 510
20 445	21 597	25 575	28 057	28 246	27 016
484 558	542 288	543 484	609 365	697 504	707 142
545 804	606 479	614 436	685 768	777 048	790 633

Наименование дохода	1908 г.	1909 г.
Отдел I. Прямые налоги		
Налоги поземельный, с недвижимых имуществ и подати	67 479	71 075
Государственный промысловый налог	104 833	104 201
Сбор с доходов от денежных капиталов	21 871	23 413
Итого	194 183	198 689
Отдел II. Косвенные налоги		
Сборы с питей	39 054	40 161
Табачный доход	56 209	45 362
От обложения папиросн. гильз и разрезной папиросной бумаги	—	3 534
Сахарный доход	93 613	107 398
Нефтяной »	41 656	41 841
Спичечный »	16 709	17 233
Таможенный »	279 251	274 317
Итого	526 492	529 846
Отдел III. Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские и с записи документов	65 589	72 694
С переходящих имуществ	31 148	34 213
С товаров и судов в портах	3 105	3 732
С пассажиров и грузов, перевозимых по железным дорогам в пассажирских и товаропассажирских поездах	20 394	22 828
С застрахованных от огня имуществ	5 106	5 276
Пошлины разных наименований	12 082	12 976
Итого	137 424	151 719
Отдел IV. Правительственные регалии		
Горный доход	73	88
Монетный »	5 062	7 486
Почтовый »	52 506	58 176
Телеграфный и телефонный доход	27 192	29 613
Доход от казённой винной операции	709 003	718 884
Итого	793 836	814 247

Продолжение табл. 25г

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
72 340 118 396 25 389	69 626 125 681 28 763	80 551 132 307 30 414	87 295 150 118 35 104	77 250 166 344 36 964
216 125	224 070	243 272	272 517	280 558
44 015 50 477	47 664 66 342	48 899 72 593	53 729 78 753	41 322 92 838
4 577 127 323 46 910 18 465 300 930	4 556 122 714 42 488 18 639 327 619	4 417 127 765 50 038 19 354 327 378	4 878 149 175 48 593 20 056 352 917	5 288 139 528 54 950 23 664 303 863
592 697	630 022	650 444	708 101	661 453
82 846 39 097 4 101	92 927 44 913 4 193	101 791 44 502 3 919	111 844 48 360 11 044	105 181 38 203 7 497
24 532 5 695 14 106	27 998 6 032 13 980	28 267 6 202 14 573	30 812 6 658 22 512	31 435 6 559 20 230
170 377	190 043	199 254	231 230	209 105
333 3 207 63 802 31 380 767 033	197 3 980 68 206 34 526 783 132	430 7 256 72 713 37 966 824 692	669 5 117 79 065 40 733 899 299	790 14 673 80 616 46 918 503 904
865 755	890 041	943 057	1 024 883	646 901

Наименование дохода	1900 г.	1901 г.
Отдел V. Казённые имущества и капиталы		
Оброчные статьи и промыслы	20 753	25 677
Лесной доход	55 739	56 683
Казённые железные дороги	361 659	378 617
Казённые заводы, технич. заведения и склады	16 025	16 319
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и от банковых операций	16 037	12 953
Прибыли от участия казны в доходах частных железных дорог	3 306	3 493
Итого . . .	473 519	493 742
Отдел VI. Отчуждение государствен. имуществ		
Доход от продажи недвижимых имуществ . .	620	763
Отдел VII. Выкупные платежи	96 230	89 970
Отдел VIII. Возмещение расходов Государствен- ного казначейства		
Обязательные платежи обществ железных дорог	8 983	10 901
Возврат ссуд и других расходов	38 298	39 091
Пособие Государственному казначейству из по- сторонних источников	18 808	17 275
Военное вознаграждение	5 007	4 639
Итого . . .	71 096	71 906
Отдел IX. Доходы разного рода — разные мелкие и случайные доходы	7 538	7 539
Всего обыкновенных доходов . . .	1 704 129	1 799 457

Продолжение табл. 25г

1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
25 164	24 418	24 447	26 824	22 272	29 835
58 219	62 051	60 053	52 102	57 534	58 987
407 912	453 354	454 588	431 503	490 885	510 338
13 581	11 365	12 522	15 439	11 699	13 863
17 387	17 104	17 709	23 622	19 813	22 204
1 453	2 363	2 334	3 560	407	1 027
523 716	570 655	571 653	553 050	602 610	636 254
928	658	817	674	693	684
89 741	88 785	81 614	55 426	34 993	649
7 614	12 275	11 957	11 552	6 956	7 479
31 948	33 186	31 124	30 150	34 473	36 092
19 948	21 958	27 461	23 860	19 918	20 253
15 565	7 752	11 725	12 167	10 249	10 698
75 075	75 171	82 267	77 729	71 596	74 522
7 436	7 281	9 765	16 366	14 033	23 978
1 905 404	2 031 801	2 018 261	2 024 558	2 271 670	2 342 474

Наименование дохода	1908 г.	1909 г.
Отдел V. Казённые имущества и капиталы		
Оброчные статьи и промыслы	31 968	32 382
Лесной доход	60 638	63 924
Казённые железные дороги	512 523	567 937
Казённые заводы, технич. заведения и склады	14 812	14 291
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и от банковых операций	27 171	28 204
Прибыли от участия казны в доходах частных железных дорог	1 334	1 720
Итого . . .	648 446	708 458
Отдел VI. Отчуждение государственн. имуществ		
Доход от продажи недвижимых имуществ . .	528	1 027
Отдел VII. Выкупные платежи	710	765
Отдел VIII. Возмещение расходов Государствен- ного казначейства		
Обязательные платежи обществ железных дорог	9 884	12 899
Возврат ссуд и других расходов	46 616	44 547
Пособие Государственному казначейству из по- сторонних источников	29 540	31 682
Военное вознаграждение	10 673	10 816
Итого . . .	96 713	99 944
Отдел IX. Доходы разного рода — разные мелкие и случайные доходы	19 476	21 646
Всего обыкновенных доходов . . .	2 417 808	2 526 341

Продолжение табл. 25г

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
31 518	28 176	38 340	40 619	37 655
72 123	80 361	84 588	92 376	78 039
625 917	708 001	742 389	813 604	733 355
15 930	18 959	18 069	26 052	26 510
47 259	33 085	34 401	44 505	53 592
3 868	19 480	19 922	26 584	35 369
796 615	888 062	937 709	1 043 740	964 520
1 328	1 646	2 121	2 858	1 073
890	876	870	1 194	1 931
21 690	18 097	18 757	20 580	18 234
50 499	47 851	56 296	45 426	50 163
38 138	35 225	31 946	34 784	30 348
7 634	7 868	2 696	15 887	8 757
117 961	109 041	109 695	116 677	107 502
19 239	17 982	19 495	16 160	25 055
2 780 987	2 951 783	3 105 917	3 417 360	2 898 098

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ДОХОДЫ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

Наименование чрезвычайных ресурсов	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
От государственных займов	28 950	157 558	198 685	40 524	382 935	789 551
Вклады в Государственный банк на вечные времена . .	2 546	2 564	3 061	3 091	2 354	1 807
От железнодорожных обществ в возврат ссуд и расходов. .	158	327	12	58 340	59	18
Освободившиеся специальные капиталы, обращаемые в общие средства Государственного казначейства	885	1 535	131	7	3	2 116
Остатки строительных капиталов железных дорог . . .	30	1 932	259	14	2	23
В возврат ссуд, выданных на усиление общего продовольственного капитала	—	—	—	—	—	—
Разного рода поступления единовременного характера . .	—	—	—	68 931	—	—
Итого . . .	32 569	163 916	202 148	170 937	385 353	793 515

Источники: 1900—1905 гг. — «Ежегодник России 1910 г.», Спб. 1911, стр. 648—649; 1906—1914 гг. — «Ежегодник России 1915 г.», Пгр. 1916, отдел XII, стр. 14—15.

Таблица 250

ПОСТУПИВШИЕ с 1900 по 1914 г. (в тыс. руб.)

1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
1 077 006	135 266	188 820	148 909	—	—	—	—	1 595 347
1 622	1 638	1 788	2 356	3 018	2 144	1 485	1 536	1 760
—	69	—	—	158	—	—	—	—
5 483	—	83	128	268	—	53	2 466	560
—	—	—	—	193	9	—	1 097	—
—	6 065	7 481	—	18 988	354	223	8 547	5 876
—	5	2 688	11 351	1 624	61	52	199	53
1 084 111	143 043	200 860	162 744	24 249	2 568	1 813	13 845	1 603 596

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ РОССИИ

Годы	О б ы к н о в е н -					
	платежи по государствен- ным долгам	высшие госу- дарственные учреждения	духовное ведомство	министерство император- ского двора	министерство иностраных дел	военное ми- нистерство
1861	50 566	1 248	4 988	10 665	2 412	115 965
1862	52 516	1 307	4 998	9 000	2 947	114 209
1863	56 868	1 190	5 327	7 668	2 055	155 632
1864	73 706	1 508	4 873	9 885	2 661	155 131
1865	71 659	1 528	5 718	10 381	2 523	140 019
1866	74 747	1 789	5 838	11 168	2 622	129 687
1867	82 363	2 277	6 785	10 934	2 755	127 250
1868	83 154	2 449	7 295	10 531	2 728	136 701
1869	87 590	2 628	7 954	10 280	2 476	147 702
1870	86 040	2 535	8 738	10 317	2 490	145 211
1871	85 067	2 455	9 223	10 910	2 473	159 257
1872	88 282	2 588	9 392	10 812	2 518	165 925
1873	93 381	2 477	9 491	13 031	2 569	175 033
1874	93 843	2 597	9 609	11 993	2 659	172 480
1875	107 478	2 842	9 617	11 473	2 795	175 432
1876	109 345	2 662	9 873	11 629	3 242	191 312
1877	115 086	2 634	10 064	9 479	3 886	191 562
1878	140 327	3 067	10 048	10 480	3 891	187 331
1879	172 448	2 946	10 098	11 849	4 151	187 453
1880	173 473	2 995	10 183	11 107	4 787	208 576

(в тыс. серебряных рублей)

Таблица 26а

н ы е р а с х о д ы

морское ми- нистерство	министерство финансов	министерство государствен- ных имуществ	министерство внутренних дел и управ- ление почт	министерство народного просвещения	министерство путей сооб- щения	министерство юстиции
23 566	93 563	5 210	13 452	3 617	11 548	5 655
20 887	55 262	4 867	14 346	4 116	17 479	5 435
23 375	61 766	13 461	20 619	5 967	26 311	6 287
26 205	59 396	9 250	22 760	6 254	30 696	6 429
23 246	67 701	9 493	25 879	6 758	32 393	6 895
24 013	80 464	8 746	29 671	6 769	23 762	7 824
18 183	80 241	7 256	36 694	8 507	24 329	9 954
18 019	86 033	7 532	37 047	8 707	22 073	10 331
18 684	90 770	7 665	39 061	9 480	24 917	10 560
20 135	91 220	8 439	41 665	10 284	34 310	10 793
21 145	91 104	9 639	42 945	10 810	34 026	11 529
22 321	103 255	9 864	43 411	11 586	31 908	11 785
25 767	100 921	9 993	43 903	12 379	29 009	11 972
26 229	100 360	20 020	44 910	13 450	22 560	12 824
25 852	79 726	20 714	52 407	14 331	17 272	13 498
27 109	80 299	19 779	53 644	15 189	24 515	15 591
28 102	84 074	19 708	54 074	15 661	26 692	15 488
26 086	92 490	18 288	55 178	15 965	12 115 ¹	15 902
27 329	94 386	18 258	59 542	16 407	11 750	16 372
29 354	112 731	19 862	62 673	16 861	12 973	16 822

¹ Расходы по смете министерства путей сообщения сократились от перенесения в смету министерства финансов платежей по обществам железных дорог по гарантии дохода по выпущенным ими облигациям.

Годы	Государственный контроль	Главное управление государственного коннозаводства	Гражданское управление Закавказского края	Итого с оборотными расходами
1861	217	—	2 625	413 797
1862	218	—	3 089	392 988
1863	225	682	3 260	432 200
1864	350	603	3 592	437 071
1865	695	582	3 660	428 236
1866	1 404	610	4 184	413 298
1867	1 898	587	4 891	424 904
1868	1 887	601	6 195	441 283
1869	1 892	650	6 489	468 798
1870	1 947	641	6 999	481 764
1871	1 912	641	6 599	499 735
1872	2 001	702	6 077	522 427
1873	2 057	679	6 478	539 140
1874	2 102	709	6 972	543 317
1875	2 110	775	6 899	543 221
1876	2 185	834	6 898	574 106
1877	2 223	769	7 048	586 550
1878	2 152	809	7 163	601 292
1879	2 184	848	7 871	643 892
1880	2 297	906	8 905	694 505

Продолжение табл. 26а

Годы	Чрезвычайные расходы		Всего обыкновенных и чрезвычайных расходов
	на сооружение дорог и портов	на военные потребности	
1861	—	—	413 797
1862	—	—	392 988
1863	—	—	432 200
1864	—	—	437 071
1865	—	—	428 236
1866	25 194	—	438 492
1867	35 397	—	460 301
1868	50 788	—	492 071
1869	65 948	—	534 746
1870	82 132	—	563 896
1871	56 862	—	556 597
1872	60 207	—	582 634
1873	72 839	—	611 979
1874	58 624	—	601 941
1875	61 636	—	604 857
1876	79 366	50 998	704 470
1877	105 242	429 328	1 121 120
1878	66 811	408 143	1 076 246
1879	35 711	132 109	811 712
1880	44 061	54 818	793 384

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

Годы	Обыкновенные							
	платежи по государствен- ным долгам	высшие госу- дарственные учреждения	духовное ведомство	министерство император- ского двора	министерство иностранных дел	военное ми- нистерство	морское ми- нистерство	министерство финансов
1881 . .	195 600	2 171	10 171	10 342	4 203	225 664	30 467	108 369
1882 . .	200 650	2 211	10 304	11 462	4 185	202 437	30 998	101 176
1883 . .	200 702	2 015	10 490	12 072	4 272	201 565	31 745	100 600
1884 . .	209 875	2 190	10 600	10 560	4 467	199 967	34 843	97 408
1885 . .	263 595	2 138	10 717	10 560	4 119	206 652	38 872	108 244
1886 . .	264 119	2 145	11 021	10 560	4 465	211 995	45 038	116 346
1887 . .	280 908	2 098	10 999	10 560	4 736	210 953	40 359	109 067
1888 . .	279 432	2 146	11 017	10 560	4 705	212 096	40 915	107 637
1889 . .	270 693	2 065	11 186	10 560	4 591	225 989	40 784	107 662
1890 . .	262 684	2 208	12 098	10 560	4 811	228 110	40 693	109 214
1891 . .	248 020	2 648	11 340	10 560	4 784	226 108	45 468	113 427
1892 . .	251 078	2 865	11 466	10 525	4 753	236 159	48 186	120 178
1893 . .	266 903	2 240	12 310	10 522	5 125	236 676	50 852	124 384
1894 . .	270 893	2 286	13 309	11 797	4 992	239 136	51 227	132 338

Источник: «Министерство финансов 1802—1902», ч. II, Спб. 1902, стр. 642—643.

Таблица 266

за 1881—1894 гг. (в тыс. руб.)

расходы								Итого
министерство государствен- ных иму- ществ	министерство внутренних дел	министерство народного просвещения	министерство путей сооб- щения	министерство юстиции	государствен- ный контроль	Главное уп- равление го- сударствен- ного конно- заводства	Гражданское управление Закавказско- го края	
19 837	67 458	17 414	12 147	16 847	2 213	904	8 606	732 413
20 001	68 131	18 149	10 940	17 297	2 371	912	7 829	709 053
21 010	69 985	18 645	20 639	17 995	2 774	910	8 254	723 637
21 760	71 296	19 462	21 817	19 681	3 019	958	—	727 903
22 831	71 330	20 349	22 949	20 147	3 093	1 018	—	806 614
22 486	72 603	21 163	25 826	20 374	3 179	1 072	—	832 392
22 350	72 576	20 684	25 834	20 443	3 186	1 097	—	835 850
22 131	72 710	21 478	29 931	21 237	3 328	1 096	—	840 419
24 435	75 663	21 941	36 066	21 622	3 501	1 123	—	857 881
24 249	76 354	22 639	56 290	22 861	3 873	1 136	—	877 780
24 532	80 203	22 769	56 148	23 874	4 220	1 248	—	875 349
24 154	82 117	21 746	67 407	24 506	4 278	1 266	—	910 684
25 297	83 259	22 410	75 571	25 608	4 493	1 305	—	946 955
27 875	84 688	22 145	98 143	25 963	4 897	1 508	—	991 197

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

(в тыс.)

Годы	Чрезвычайные расходы					Всего вообще обыкновенных и чрезвычай- ных расходов
	на соору- жение, приобре- тение в казну и улучшение железных дорог и портов	погаше- ние и кон- версии займов	на чрез- вычайные военные потребно- сти, пере- вооруже- ние и дру- гие расхо- ды по воен- ной части	разные чрезвычай- ные расходы	итого	
1881	27 891	50 000	29 981	—	107 872	840 285
1882	27 214	50 000	2 104	—	79 318	788 371
1883	30 393	50 000	—	—	80 393	804 066
1884	37 930	50 000	—	—	87 930	815 833
1885	56 524	50 000	—	—	106 524	913 138
1886	62 631	50 000	—	—	112 631	945 023
1887	45 093	50 000	—	—	95 093	930 943

Продолжение табл. 266

за 1881—1894 гг.

руб.)

Годы	Чрезвычайные расходы					Всего вообще обыкновенных и чрезвычай- ных расходов
	на соору- жение, приобре- тение в казну и улучшение железных дорог и портов	погаше- ние и кон- версии займов	на чрез- вычайные военные потребно- сти, пере- вооруже- ние и дру- гие расхо- ды по воен- ной части	разные чрезвычай- ные расходы	итого	
1888	36 848	50 000	—	—	86 848	927 267
1889	36 958	68 000	—	—	104 958	962 839
1890	113 983	51 761	12 988	—	178 732	1 056 512
1891	44 297	94 310	26 654	75 037	240 298	1 115 647
1892	100 888	—	26 428	87 456	214 772	1 125 456
1893	63 351	13 261	36 969	—	113 581	1 060 536
1894	78 361	669	42 551	42 363	163 944	1 155 141

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

(в тыс.

Годы	Обыкновенные					
	платежи по государственным долгам	высшие государственные учреждения	духовное ведомство	министерства императорского двора	министерство иностранных дел	военное министерство
1895	284 898	2 464	13 809	12 678	5 166	285 444
1896	268 214	2 805	17 571	14 450	4 860	294 359
1897	258 558	2 730	19 806	12 968	4 930	293 789
1898	273 514	2 840	20 437	12 740	5 018	303 277
1899	275 755	3 193	21 247	12 984	5 537	333 579

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

(в тыс.

Годы	главное управление государственного коннозаводства	Итого	Чрезвычайные		
			на сооружение железных дорог и выкуп частных железных дорог в казну	на выдачу ссуд обществу железных дорог	на досрочное погашение и конверсии займов и операционные расходы
1895	1 461	1 137 810	101 547	—	123 888
1896	1 497	1 229 044	132 358	—	5 208
1897	1 601	1 299 649	130 671	—	33 000
1898	1 699	1 358 275	114 474	24 800	64 447
1899	2 116	1 463 573	102 509	60 367	100 260

Таблица 266

РАСХОДЫ за 1895—1899 гг.

руб.)

расходы

морское министер- ство	министер- ство финансов	министер- ство зем- леделия и государст- венных имуществ	министер- ство внут- ренних дел	министер- ство на- родного просвеще- ния	министер- ство путей сообщения	мини- стерство юстиции	государст- венный контроль
57 155	140 649	29 933	86 193	23 573	162 950	26 097	5 340
59 531	188 545	31 920	90 205	24 995	195 971	27 955	6 166
85 275	204 325	33 172	80 458	26 476	226 861	41 832	6 868
67 289	214 332	35 616	80 176	26 921	264 995	42 335	7 086
83 612	237 233	37 158	81 633	29 127	288 187	44 829	7 383

Продолжение табл. 266

РАСХОДЫ за 1895—1899 гг.

руб.)

расходы

на усиле- ние обмен- ного фонда и погаше- ние бес- процент- ного долга	на возна- граждение за отмену права про- пинации	на удов- летворе- ние пот- ребностей, вызванных неурожаем	на судо- строение и расходы по воен- ным об- стоятель- ствам	итого	Всего рас- ходов обыкновенных и чрезвычай- ных
157 574	—	—	—	383 009	1 520 819
117 743	—	—	—	255 309	1 484 353
31 278	—	—	—	194 949	1 494 598
75 000	10 000	35 215	90 000	413 936	1 772 211
50 000	2 803	5 600	—	321 539	1 785 112

ОБЫКНОВЕННЫЕ РАСХОДЫ, ДЕЙСТВИЕ

(в тыс.)

Название министерств и главных управлений	1900 г.	1901 г.
Министерство императорского двора	12 905	12 924
Высшие государственные учреждения	3 225	3 305
Ведомство Святейшего синода	23 697	24 071
Министерство внутренних дел	88 168	88 705
Министерство финансов	280 171	307 590
В том числе:		
1) На пособия обществам железных дорог и другие расходы по железнодорожной части	5 990	2 085
2) На расходы по казённой продаже питей		
а) Подготовительные работы по введению и рас- пространению винной монополии	24 929	20 560
б) Операционные расходы	87 826	124 940
Министерство юстиции	45 956	46 058
» иностранных дел	5 390	5 378
» народного просвещения	33 596	33 442
» путей сообщения	366 832	388 640
В том числе:		
а) На эксплуатацию казённых железных дорог	237 074	269 353
б) На улучшение и усиление железных дорог	89 698	83 994
Главное управление торгового мореплавания и портов	—	—
Министерство торговли и промышленности	—	—
Главное управление землеустройства и земледелия	40 668	41 137
Главное управление государственного конноза- водства	1 851	1 586
Военное министерство	331 541	334 606
Фонд на случай повышения стоимости провианта и фуража	2 000	800
Морское министерство	88 561	93 046
Государственный контроль	7 666	7 049
В том числе:		
На содержание железнодорожного контроля	3 868	3 118
Система государственного кредита	266 959	276 550
В том числе:		
По железнодорожным долгам	112 264	126 150
Расходы, не предусмотренные сметами, на экс- трасные в течение года надобности	—	—
Всего обыкновенных расходов	1 599 186	1 664 887

Таблица 262

ТЕЛЬНО ПРОИЗВЕДЁННЫЕ в 1900—1914 гг.
(руб.)

1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
17 528	15 941	15 355	16 537	16 505	16 509
3 528	3 661	3 767	4 259	5 671	6 419
28 164	28 517	29 062	28 944	29 153	29 349
93 965	100 145	105 548	114 387	136 276	140 355
334 409	366 382	349 704	339 056	353 203	429 272
6 121	16 195	19 997	4 915	5 813	38 141
7 561	6 146	2 992	—	—	—
150 797	164 446	163 733	169 229	178 291	221 342
47 114	49 111	50 730	50 074	53 540	56 442
6 063	6 116	6 019	5 898	5 913	6 308
36 770	39 353	42 433	42 836	43 989	45 653
446 239	456 427	449 036	448 964	477 215	507 649
307 522	316 921	328 543	336 398	377 187	401 291
100 836	99 509	90 338	81 753	71 535	74 462
—	—	12 034	12 339	—	—
—	—	—	—	31 850	32 156
43 425	51 843	47 396	47 446	36 242	46 634
2 168	2 077	1 865	1 827	1 750	1 839
343 121	350 920	372 434	378 077	392 548	405 684
1 312	1 500	2 000	1 498	—	—
100 405	113 936	112 917	116 694	111 641	87 711
7 640	8 383	8 980	9 056	9 106	9 582
3 343	3 588	3 629	3 755	3 864	3 622
290 289	288 714	297 567	306 556	356 532	374 406
128 794	135 703	136 143	132 376	134 886	132 347
—	—	—	728	—	—
1 802 140	1 883 026	1 906 847	1 925 176	2 061 134	2 195 968

Название министерств и главных управлений	1908 г.	1909 г.
Министерство императорского двора	17 649	16 440
Высшие государственные учреждения	8 320	8 473
Ведомство Святейшего синода	29 763	31 474
Министерство внутренних дел	147 302	155 603
Министерство финансов	432 482	459 842
В том числе:		
1) На пособия обществам железных дорог и другие расходы по железнодорожной части .	30 144	40 795
2) На расходы по казённой продаже питей		
а) Подготовительные работы по введению и рас- пространению винной монополии	—	—
б) Операционные расходы	212 123	196 326
Министерство юстиции	64 980	73 833
» иностранных дел	6 504	7 008
» народного просвещения	53 043	64 262
» путей сообщения	571 238	551 475
В том числе:		
а) На эксплуатацию казённых железных дорог .	462 113	443 637
б) На улучшение и усиление железных дорог .	74 180	70 905
Главное управление торгового мореплавания и портов	—	—
Министерство торговли и промышленности . . .	33 129	39 261
Главное управление землеустройства и земледелия	58 042	71 224
Главное управление государственного конноза- водства	1 849	1 954
Военное министерство	462 553	473 375
Фонд на случай повышения стоимости провианта и фуража	—	—
Морское министерство	93 484	92 224
Государственный контроль	9 807	10 015
В том числе:		
На содержание железнодорожного контроля . .	3 776	3 786
Система государственного кредита	397 605	394 961
В том числе:		
По железнодорожным долгам	137 055	134 985
Расходы, не предусмотренные сметах, на экс- тренные в течение года надобности	—	—
Всего обыкновенных расходов . . .	2 387 750	2 451 424

Продолжение табл. 26г

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
16 835	16 734	17 375	17 362	17 148
9 041	8 168	8 102	9 440	9 279
34 201	36 853	39 976	45 665	49 388
160 421	167 917	178 669	185 383	207 376
409 412	403 244	424 653	482 258	445 744
19 766	10 463	9 772	9 135	10 358
—	—	—	—	—
188 288	187 803	198 772	234 995	208 384
75 870	78 786	86 431	92 693	100 628
6 633	7 163	8 143	11 500	9 095
79 840	97 883	118 147	143 074	153 576
537 316	543 110	555 203	640 686	705 210
432 960	429 688	442 763	499 084	557 203
65 307	68 121	66 615	87 383	95 553
—	—	—	—	—
39 163	41 627	53 547	64 557	59 882
85 642	103 510	119 891	135 842	146 238
1 913	2 171	2 876	3 314	3 274
484 913	497 775	527 878	581 100	427 413
—	—	—	—	—
112 736	120 969	176 083	244 847	214 104
10 219	10 768	11 130	12 149	12 509
3 797	4 049	4 055	4 773	4 988
409 002	399 318	393 660	424 378	365 835
137 781	133 019	132 515	142 131	118 546
—	—	—	—	—
2 473 157	2 535 996	2 721 764	3 094 248	2 927 099

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ РАСХОДЫ,

в 1900—1914 гг.

Наименование чрезвычайных расходов	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
На сооружение железных дорог	52 898	37 370	155 813	166 525	98 901	72 774
Погашение государственного долга	50 000	6 099	384	13 697	—	14 998
На усиление обществен. по империи продовольствен. капитала	—	—	—	—	—	—
Выкуп железных дорог . . .	28 149	11 106	—	—	—	—
На выдачу обществам железных дорог	85 895	82 000	101 500	9 270	51 355	5 987
Пособие населению, пострадавшему от неурожая	—	20 000	18 620	5 000	1 500	40 605
На хозяйственно-операцион. и другие расходы военного ведомства	—	—	—	—	—	—
На постройку новых и капитальное улучшение существующих портов (по министерству торговли и промышленности)	—	—	—	—	—	—
Расходы, вызванные событиями в Китае	61 843	43 675	81 852	3 259	—	535
Расходы, вызванные войной с Японией и её последствиями	—	—	—	—	676 841	1 137 299
Разные расходы	5 008	9 120	6 867	27 091	2 253	7 379
Итого	283 793	209 370	365 036	224 842	830 850	1 279 577

Таблица 260

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОИЗВЕДЁННЫЕ

(в тыс. руб.)

1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
41 336	48 846	60 022	59 890	63 002	95 788	110 862	133 293	93 320
444 869	52 979	52 979	—	4 724	45 296	149 146	—	16 859
—	—	—	—	—	90 990	35 566	—	—
—	—	—	—	—	—	32 203	—	—
155	5 300	6 078	2 600	1 400	1 419	1 966	1 633	800
110 548	89 545	23 954	—	—	7 780	1 961	—	—
—	—	52 023	64 891	50 000	50 568	110 494	135 415	1 817 170
—	—	4 172	85	—	—	6 242	18 000	8 560
—	—	—	—	—	—	—	—	—
528 830	185 741	65 718	17 408	2 844	2 013	385	203	870
25 825	4 229	8 153	11 239	1 533	15 841	472	121	101
1 151 563	386 640	273 104	156 113	123 503	309 695	449 297	288 665	1 937 680

Таблица 27

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ БАЛАНСА ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
(в млн. руб. на 1 января)

Годы	Актив						Пассив		
	золото в России и за границей	серебро и разменная монета, марки и знаки	Учётно-ссудные операции				кредитные билеты в обращении (за исключением билетов в кассе банка)	вклады и текущие счета, средства казны и текущие счета в сберкассах	в том числе средства казны
			Учёт и специальные текущие счета под векселя	ссуды и специальные текущие счета под процентные бумаги	прочие ссуды	процентные бумаги, принадлежащие банку			
1861	82	52	32	11	3	1	713	62	30
1862	72	53	39	23	4	3	714	146	33
1863	82	43	30	11	5	8	691	202	42
1864	65	31	23	14	5	11	637	224	62
1865	72	13	23	17	4	4	664	206	40
1866	78	11	26	34	4	14	662	212	40
1867	78	16	39	58	5	26	697	197	32
1868	90	20	34	27	5	8	675	204	49
1869	189	29	30	30	5	7	703	233	50
1870	201	22	51	45	4	9	694	262	62
1871	205	8	55	33	3	14	694	228	56
1872	236	6	30	40	3	13	752	207	32
1873	285	10	51	24	11	14	748	211	17
1874	296	25	53	35	10	5	774	224	17
1875	310	32	71	35	10	11	764	256	30
1876	310	31	94	63	11	11	752	311	48
1877	187	28	98	100	13	16	767	290	60
1878	204	19	66	106	13	67	1 014	305	39
1879	230	12	73	100	11	26	1 153	289	30
1880	276	5	96	155	13	30	1 130	268	42
1881	298	3	101	110	14	36	1 085	313	89
1882	271	3	90	101	28	23	1 028	299	70
1883	264	3	101	118	25	27	973	318	58
1884	298	3	111	111	22	70	909	344	79
1885	303	4	105	93	25	24	900	357	66
1886	367	6	86	73	28	125	907	392	72

Продолжение табл. 27

Годы	Актив						Пассив		
	золото в России и за границей	серебро и разменная монета, марки и знаки	Учётно-ссудные операции			процентные бумаги, принадлежащие банку	кредитные билеты в обращении (за исключением билетов в кассе банка)	вклады и текущие счета, средства казны и текущие счета в сберкассах	в том числе средства казны
			учёт и спе- циальные те- кущие счета под векселя	ссуды и спе- циальные те- кущие счета, под процент- ные бумаги	прочие ссуды				
1887	382	7	87	64	35	118	941	407	118
1888	390	7	153	74	37	71	971	432	167
1889	430	6	171	71	36	99	973	436	185
1890	475	6	152	69	38	33	928	389	162
1891	576	7	103	57	34	37	907	437	200
1892	642	6	119	67	32	42	1 055	454	204
1893	852	6	91	46	31	53	1 074	427	148
1894	895	5	184	59	54	55	1 072	454	172
1895	912	7	218	69	76	45	1 048	580	331
1896	964	8	215	88	103	50	1 055	556	324
1897	1 095	17	208	88	77	24	1 068	560	332
1898	1 185	40	156	63	62	25	901	698	419
1899	1 008	43	170	52	53	29	662	684	472
1900	843	57	261	73	72	52	491	813	594
1901	737	65	271	108	101	44	555	671	480
1902	709	73	329	127	104	40	542	738	499
1903	769	72	270	111	105	49	554	726	354
1904	909	76	272	100	109	58	578	854	554
1905	1 032	80	190	111	110	62	854	650	351
1906	927	33	372	281	123	85	1 207	554	290
1907	1 191	47	243	170	118	98	1 195	587	301
1908	1 169	54	293	148	125	98	1 155	640	357
1909	1 220	70	251	130	120	101	1 087	695	433
1910	1 415	70	226	89	152	71	1 174	739	427
1911	1 450	61	336	150	181	85	1 234	937	651
1912	1 436	61	505	203	216	116	1 327	1 134	857
1913	1 556	64	539	211	217	129	1 495	1 154	873
1914	1 695	61	596	203	274	108	1 665	1 228	951
1915	1 732	45	619	254	250	149	2 947	1 126	602
1916	2 260	40	382	635	219	272	5 617	1 835	794
1917	3 617	119	232	543	122	128	9 103	2 892	1 357

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ СВОДНОГО БАЛАНСА АКЦИОНЕР
(в млн. руб.)

Годы	Число банков	Баланс	П а с		
			капитал		
			основной	запасный и проч.	итого
1874	39	517,6	101,2	2,3	103,5
1875	39	595,3	105,7	2,7	108,4
1876	38	582,8	104,0	3,7	107,7
1877	37	498,7	100,5	5,7	106,2
1878	36	515,9	97,0	5,3	102,3
1879	35	491,7	92,8	6,0	98,8
1880	33	431,4	87,9	7,3	95,2
1881	33	439,6	88,8	8,8	97,1
1882	34	491,1	101,6	10,5	112,1
1883	34	487,5	103,1	12,2	115,3
1884	34	484,0	103,8	13,9	117,7
1885	34	504,4	104,2	15,9	120,1
1886	34	549,0	104,7	17,8	122,5
1887	34	568,5	103,4	19,3	122,7
1888	34	557,3	105,4	20,7	126,1
1889	34	583,8	108,1	21,7	129,8
1890	34	575,3	110,0	23,3	133,3
1891	34	656,6	116,5	27,0	143,5
1892	34	698,9	117,3	28,4	145,7
1893	34	728,7	118,5	29,9	148,4
1894	35	714,3	114,6	32,8	147,4

Таблица 28

НЫХ БАНКОВ КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА
на 1 января)

с и в

вклады срочные и бессрочные	текущие счета	итого	корреспон- дентские счета	акцептованные тратты
154,4	120,1	274,5	62,0	5,5
179,3	120,4	299,7	102,4	3,7
173,2	104,5	277,7	94,5	2,3
146,2	81,1	227,3	78,1	1,7
128,1	146,5	274,6	67,8	2,0
116,6	137,7	254,3	71,6	2,2
93,9	103,1	197,0	64,4	2,2
96,8	110,1	206,9	62,3	2,8
102,9	124,1	227,0	75,7	1,6
99,6	110,9	210,5	78,0	1,3
94,1	119,5	213,6	72,1	1,3
96,5	122,7	219,2	91,1	1,4
110,5	153,7	264,2	96,4	1,0
103,5	151,6	255,1	109,7	0,8
92,2	142,8	235,0	113,4	0,6
89,3	122,3	211,6	147,9	0,9
99,6	130,5	230,1	119,2	0,7
114,9	172,8	287,7	150,0	0,7
127,7	191,8	319,5	133,9	1,0
110,8	174,6	285,4	184,1	0,7
102,8	165,0	267,8	163,6	3,6

Годы	Число банков	Баланс	П а с		
			капитал		
			основной	запасный и проч.	итого
1895	35	864,7	138,6	35,5	174,1
1896	35	955,0	160,2	51,2	211,4
1897	35	1 084,7	161,0	65,2	226,2
1898	37	1 223,6	167,7	68,8	236,5
1899	38	1 382,9	182,1	82,7	264,8
1900	39	1 380,2	188,4	86,8	275,2
1901	39	1 382,2	188,4	84,5	272,9
1902	37	1 385,3	191,8	80,3	272,1
1903	37	1 522,6	185,8	70,4	256,2
1904	37	1 773,7	194,3	74,5	268,8
1905	35	1 865,4	192,0	77,3	269,3
1906	35	1 913,8	193,6	79,1	272,7
1907	35	1 883,5	211,1	84,8	295,9
1908	35	2 007,3	223,5	87,7	311,2
1909	34	2 250,0	222,1	89,9	312,0
1910	31	2 611,6	236,6	95,5	332,1
1911	33	3 825,4	306,5	136,7	443,2
1912	34	4 476,6	384,1	176,1	560,2
1913	45	5 498,0	518,2	222,7	740,9
1914	47	6 233,0	585,0	251,5	836,5
1915	50	6 526,3	632,0	274,1	906,1
1916	50	8 434,0	646,3	284,3	930,6
1917	44	13 051,3	679,7	313,9	993,6

Продолжение табл. 28.

с и в

вклады срочные и бессрочные	текущие счета	итого	корреспон- дентские счета	акцептованные траты
115,3	192,4	307,7	223,4	1,6
133,6	171,6	305,2	246,7	3,3
150,4	203,6	354,0	282,0	3,7
168,4	279,7	448,1	322,8	5,1
231,2	320,1	551,3	313,9	9,5
245,6	302,3	547,9	293,4	5,3
235,2	300,9	536,1	280,0	5,4
229,9	315,0	544,9	273,9	4,1
236,0	377,3	613,3	335,9	3,3
264,6	457,5	722,1	402,6	4,0
254,4	521,2	775,6	439,1	4,3
214,2	457,2	671,4	435,2	5,2
217,0	543,9	760,9	434,1	5,5
239,8	578,3	818,1	443,7	6,1
290,1	686,7	976,8	498,4	7,5
334,0	928,2	1 262,2	529,1	9,2
422,9	1 252,1	1 675,0	782,6	36,6
528,9	1 288,4	1 817,3	986,3	45,2
657,7	1 635,6	2 293,3	1 208,9	91,8
752,9	1 786,1	2 539,0	1 458,1	120,4
711,3	2 161,9	2 873,2	1 545,9	92,4
632,9	3 298,2	3 931,1	1 965,5	39,5
678,1	6 069,5	6 747,6	2 345,7	61,3

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ СВОДНОГО БАЛАНСА АКЦИОНЕР
(в млн. руб.)

Годы	А к		
	касса	учётная операция	ссуды
			сроч
			под процент- ные бумаги
1874	10,8	209,0	90,3
1875	10,0	240,4	92,5
1876	10,3	239,1	73,9
1877	9,1	193,4	64,8
1878	10,8	157,1	59,7
1879	13,1	138,8	57,7
1880	10,9	138,0	65,9
1881	10,9	146,3	71,4
1882	9,0	151,5	69,1
1883	10,2	156,3	66,3
1884	10,7	162,0	62,5
1885	11,4	157,2	60,8
1886	11,5	153,1	60,5
1887	15,4	147,1	66,8
1888	13,5	139,7	58,4
1889	13,7	139,6	61,3
1890	14,6	143,0	58,6
1891	18,0	176,5	55,1
1892	22,6	155,3	57,1
1893	23,6	184,5	50,4
1894	27,9	175,3	57,5
1895	,5	204,7	48,9
1896	,0	213,4	50,7
1897	30,4	241,8	47,9
1898	36,8	316,1	50,5
1899	36,4	413,1	53,8

Продолжение табл. 28

НЫХ БАНКОВ КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА
 на 1 января)

т и в

ные	всего ссуд срочных и бес- срочных под процентные бумаги	корреспонденты	ценные бумаги, принадлежащие банкам
под товары, документы на товары и драго- ценные металлы			
18,5	108,6	77,3	17,9
18,7	113,1	130,2	11,8
21,4	106,5	115,6	14,7
11,1	90,0	96,8	14,6
4,9	82,1	88,4	26,1
4,3	100,3	79,7	54,5
6,3	106,5	73,0	31,1
5,4	109,2	77,8	21,0
5,8	127,9	86,4	36,2
6,7	121,2	85,8	32,4
9,0	123,5	94,2	23,8
6,5	130,7	96,0	23,9
6,6	137,2	97,2	38,9
6,8	158,9	103,9	46,5
6,7	166,8	108,0	41,5
11,0	161,6	137,2	37,9
11,0	163,7	122,9	37,0
11,4	164,3	127,2	57,2
12,9	169,4	157,8	60,2
15,1	192,2	150,0	55,2
13,8	189,0	151,6	53,6
14,1	231,1	191,7	52,0
16,7	253,9	214,9	64,4
23,3	257,2	258,0	80,5
19,9	253,9	285,0	87,4
23,1	290,4	259,2	99,5

Годы	А к		
	касса	учётная операция	ссуды
			сроч
			под процентные бумаги
1900	31,3	406,4	57,5
1901	31,5	432,5	57,2
1902	31,2	454,9	48,2
1903	33,5	541,1	47,3
1904	37,9	631,2	44,9
1905	43,0	632,2	41,5
1906	44,2	555,3	42,9
1907	39,3	549,2	38,0
1908	40,1	612,4	34,9
1909	41,9	715,8	35,1
1910	48,3	837,5	32,6
1911	64,1	1 082,9	31,4
1912	68,6	1 240,5	33,3
1913	95,3	1 453,9	48,4
1914	106,4	1 546,5	56,1
1915	143,1	1 667,3	52,9
1916	164,5	1 967,1	54,7
1917	192,5	2 991,5	226,7

Источники: «Русские акционерные коммерческие банки по отчётам за 1914 год», 1914, стр. 60—61;

Данные за 1915—1917 гг. «Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России» на 1 января 1916 г., 1916, стр. 3—7, и на 1 января 1917 г., 1917, стр. 1—5.

Продолжение табл. 28

Т и в			
ные	всего ссуд срочных и бес- срочных под про- центные бумаги	корреспонденты	ценные бумаги, принадлежащие банку
под товары, документы на товары и драго- ценные металлы			
21,8	274,5	281,9	108,6
18,4	258,3	268,0	105,3
18,1	236,2	257,7	101,9
26,3	246,3	240,9	106,8
26,8	258,3	282,8	109,3
67,1 ¹	250,5	314,9	107,9
71,9 ¹	288,8	351,1	100,7
81,4 ¹	285,1	356,0	106,7
99,3 ¹	286,2	363,4	107,5
112,6 ¹	286,5	418,9	114,1
183,3 ¹	331,3	431,4	147,2
319,7 ¹	530,3	659,8	192,6
42,8	633,2	817,8	244,0
26,1	895,0	1 199,3	276,0
28,1	998,0	1 471,2	314,9
21,8	931,4	1 645,7	486,4
26,7	1011,0	2 343,3	690,5
115,0	1456,9	3 488,2	866,1

¹ В том числе специальный текущий счёт под товары;

Таблица 29

ЧИСЛО СБЕРКНИЖЕК И ОСТАТКИ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС

(конец года)

Годы	Число сберегатель- ных книжек (в тыс.)	Вклады (в млн. руб.)	Годы	Число сберегатель- ных книжек (в тыс.)	Вклады (в млн. руб.)
1870 . . .	75	5	1897 . . .	2 448	466
1875 . . .	82	5	1898 . . .	2 792	537
1880 . . .	104	8	1899 . . .	3 145	608
1881 . . .	111	9	1900 . . .	3 551	662
1882 . . .	125	11	1901 . . .	3 949	723
1883 . . .	146	13	1902 . . .	4 369	784
1884 . . .	171	17	1903 . . .	4 854	861
1885 . . .	219	25	1904 . . .	5 127	911
1886 . . .	306	42	1905 . . .	4 988	831
1887 . . .	417	65	1906 . . .	5 665	1 035
1888 . . .	524	88	1907 . . .	6 210	1 149
1889 . . .	638	111	1908 . . .	6 560	1 208
1890 . . .	798	139	1909 . . .	6 940	1 283
1891 . . .	999	191	1910 . . .	7 436	1 397
1892 . . .	1 194	239	1911 . . .	7 972	1 503
1893 . . .	1 409	283	1912 . . .	8 455	1 595
1894 . . .	1 664	330	1913 . . .	8 992	1 685
1895 . . .	1 907	368	1914 . . .	9 241	1 835
1896 . . .	2 160	409	1915 . . .	9 985	2 449

Источники: «Отчёты государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г.», 1916, стр. 16—17.

Таблица 30

УЧЁТНАЯ СТАВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
(даты изменений)

А — средняя ставка
В — число изменений

Дата	%	Дата	%	Дата	%	Дата	%	Дата	%
1860 г.		1861 г.		1862 г.		1863 г.		1864 г.	
1/I	5½	10/II	6 и 6½	14/II	6½	25/I	5½	31/I	8
24/II	5	24/II	6	2/III	6	19/VII	6	8/II	7 и 8
11/VI	5½	30/VI	7	25/V	5½	8/XI	7 и 8	14/II	6½ и 7
19/VII	6	А	6,60	11/XI	5	29/XI	8 и 9	22/II	6 и 6½
30/IX	6½	В	3	А	5,77	А	6,01	6/III	5½ и 6
28/X	6½ и 7			В	4	В	4	4/V	5 и 5½
А	5,75							7/VIII	5½ и 6
В	6							10/IX	6½
								13/IX	6
								18/XII	7
								А	6,08
								В	10
1865 г.		1866 г.		1867 г.		1868 г.		1869 г.	
26/II	6½	25/II	5½	16/VI	8	28/III	7	7/II	5
12/III	6	15/IV	5	А	7,77	22/IV	6½	16/V	4½
19/IV	5½	18/VI	5½	В	1	31/V	6	22/VIII	5
2/VII	6	8/VII	6			1/VII	5½	28/VIII	5½
А	6,07	15/VII	6½			А	6,35	31/X	6
В	4	16/IX	7			В	4	А	5,17
		14/X	7½					В	5
		А	6,22						
		В	7						

Источники: По 20 марта 1914 г. — «Банковая энциклопедия», под ред. проф. Яснопольского, т. I, 1914, стр. 368—370.

С 16 июля 1914 г. — «Русские акционерные коммерческие банки по отчётам за 1916 г.», 1917.

До 1893 г. Государственным банком применялась одна и та же учётная ставка для векселей всех сроков (до 6 месяцев); с 1893 г. взяты ставки для векселей сроком до 3 месяцев; до 1895 г. применялись разные учётные ставки по районам; в таблице приведены ставки, применявшиеся в Петербурге, которые большей частью были ниже ставок провинциальных контор и отделений банка.

Средняя ставка взята из «Мировых экономических кризисов», т. III, стр. 788,

Продолжение табл. 30

Дата %	Дата %	Дата %	Дата %	Дата %
1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.
9/VII 6½	11/XII 7	24/III 6	12/I 7½	20/IV 6
31/VII 7	A 7,94	1/IX 6½	27/I 7	6/V 5½
27/XI 8	B 1	9/IX 7	5/II 6½	8/VII 5
A 6,55		3/X 8	31/III 6	28/IX 5½
B 3		A 6,80	23/IV 5½	5/X 6
		B 4	27/IV 5	12/XI 5½
			12/V 4½	30/XI 5
			30/VI 5½	A 5,72
			16/VII 6	B 7
			27/VIII 6½	
			10/IX 7	
			8/X 7½	
			17/XI 7	
			26/XI 6½	
			A 6,28	
			B 14	
1875 г.	1876 г.	1877 г.		1885 г.
15/II 4	24/I 6	12/II 6	1878¹	12/XII 5
5/IX 5	16/IV 6½	A 6,12	1879¹	A 5,95
6/X 5½	19/VI 7	B 1	1880¹	B 1
20/X 6	A 6,59		1881¹	
29/XI 5½	B 3		1882¹	
A 4,62			1883¹	
B 5			1884¹	
			A 6,00	

¹ Изменений не было.

Продолжение табл. 30

Дата %	Дата %	Дата %	Дата %	Дата %
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
1886 г. ¹	29/VII 5 $\frac{1}{2}$	22/II 5 $\frac{1}{2}$	20/X 6	11/II 4 $\frac{1}{2}$
1887 г. ¹	27/VIII 6	27/VIII 6	A 5,40	8/X 5
A 5,00	A 5,39	20/XI 5 $\frac{1}{2}$	B 1	19/X 6
	B 2	A 5,69		A 4,88
		B 3		B 3
1892 г.	1893 г.	1894 г. ¹	1895 г.	1896 г. ¹
18/I 5 $\frac{1}{2}$	18/II 4	A 4,00	15/V 4 $\frac{1}{2}$	A 4,50
8/V 4 $\frac{1}{2}$	27/VIII 4 $\frac{1}{2}$		18/VIII 5	
A 4,87	9/X 5		26/IX 6	
B 2	12/XI 4 $\frac{1}{2}$		6/XI 5 $\frac{1}{2}$	
	11/XII 4		20/XI 4 $\frac{1}{2}$	
	A 4,26		A 4,58	
	B 5		B 5	
1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
11/IX 5	10/I 4 $\frac{1}{2}$	7/I 5	16/I 5 $\frac{1}{2}$	16/IV 5
A 4,65	30/IX 5 $\frac{1}{2}$	5/V 4 $\frac{1}{2}$	A 5,52	A 5,14
B 1	11/XI 6	13/VI 5	B 1	B 1
	A 4,71	3/VIII 5 $\frac{1}{2}$		
	B 3	26/IX 6		
		11/XII 7		
		31/XII 6		
		A 5,36		
		B 7		

¹ Изменений не было.

Продолжение табл. 30

Дата %	Дата %	Дата %	Дата %	Дата %
1902 г. 4/II 4 ¹ / ₂ A 4,55 B 1	1903 г. ¹ A 4,50	1904 г. 31/I 5 ¹ / ₂ A 5,42 B 1	1905 г. 9/XI 6 ¹ / ₂ 30/XI 7 A 5,69 B 2	1906 г. 9/I 8 4/IV 7 ¹ / ₂ 23/IV 7 1/VI 6 ¹ / ₂ 7/IX 7 ¹ / ₂ A 7,28 B 5
1907 г. 22/I 7 26/X 7 ¹ / ₂ A 7,12 B 2	1908 г. 6/I 7 15/I 6 ¹ / ₂ 27/IV 6 20/VI 5 ¹ / ₂ A 5,92 B 4	1909 г. 22/III 5 6/IX 6 ¹ / ₂ A 4,95 B 2	1910 ¹ A 4,50 1911 ¹	1912 г. 3/III 5 16/X 5 ¹ / ₂ 2/XII 6 A 5,06 B 3
1913 г. ¹ A 6	1914 г. 20/III 5 ¹ / ₂ 16/VII 6 A 5,84 B 2	1915 г. ¹ A 6	1916 г. ¹ A 6	

¹ Изменений не было.

Таблица 31

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ В НАРОДНОМ ОБРАЩЕНИИ РОССИИ
(на 1 января)ЗОЛОТО, СЕРЕБРО И КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ
(в млн. руб.)

Годы	Всего	Годы	Золото	Серебро высоко- пробное	Кредит- ные билеты	Всего
1865	664	1896	—	—	1 055	1 055
1866	662	1897	36	30	1 068	1 134
1867	697	1898	148	79	901	1 128
1868	675	1899	451	122	662	1 235
1869	703	1900	641	145	491	1 277
1870	694	1901	683	146	555	1 384
1871	695	1902	694	140	542	1 376
1872	752	1903	732	138	554	1 424
1873	748	1904	775	133	578	1 486
1874	774	1905	684	123	854	1 661
1875	764	1906	838	133	1 208	2 179
1876	752	1907	642	120	1 195	1 957
1877	767	1908	622	120	1 155	1 897
1878	1 015	1909	561	111	1 087	1 759
1879	1 153	1910	581	112	1 174	1 867
1880	1 130	1911	642	116	1 234	1 992
1881	1 085	1912	656	118	1 326	2 100
1882	1 028	1913	629	120	1 495	2 244
1883	973	1914	494	123	1 665	2 282
1884	959	1915	460	141	2 947	3 548
1885	900	1916	443	145	5 617	6 205
1886	907	1917	436	144	9 104	9 684
1887	941	—	—	—	—	—
1888	971	—	—	—	—	—
1889	973	—	—	—	—	—
1890	928	—	—	—	—	—
1891	907	—	—	—	—	—
1892	1 055	—	—	—	—	—
1893	1 074	—	—	—	—	—
1894	1 072	—	—	—	—	—
1895	1 048	—	—	—	—	—

СОДЕРЖАНИЕ

От автора . . . . . 3—6

Раздел первый

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Глава первая. Кризис сельского хозяйства . . . . . 7—25

Сущность крепостнической системы в сельском хозяйстве. Формы докапиталистической ренты. Оброчная форма эксплуатации. Рост товарных отношений в сельском хозяйстве. Значение роста экспорта хлеба. Динамика сельскохозяйственного производства и производительности труда в первой половине XIX в. Проблема производительности вольнонаёмного и крепостного труда. Обострение классовой борьбы перед крестьянской реформой.

Глава вторая. Формы промышленности и её развитие . 26—72

Форма промышленности. Рост капиталистической мануфактуры и фабрики. Динамика числа предприятий и рабочих. Борьба крупного производства с мелким. Отраслевая структура промышленности. Особенности развития отдельных отраслей в этот период. Формы промышленности и производительность труда. Территориальное расположение промышленности. Сдвиги в отраслевой структуре промышленности в связи с ростом капиталистических форм хозяйства. Темп роста производительности труда.

Глава третья. Динамика и структура населения . . . . 73—84

Влияние населения на развитие общества. Динамика населения и её особенности в России. Классовая структура населения России в XVIII в. и первой половине XIX в. Феодально-крепостнический способ производства и движение населения . .

Глава четвёртая. Рост товарного обращения . . . . . 85—113

Рост товарного производства, общественного разделения труда и проблема рынка. Рост товарного обращения. Торговый капитал и разложение феодально-крепостнического способа

производства. Роль внутреннего и внешнего рынков в этот период. Формы внутренней торговли. Роль и динамика внешней торговли. Структура экспорта и импорта. Проблема таможенной политики. Фритредерство и протекционизм.

Глава пятая. Расстройство финансово-денежной системы феодально-крепостной России . . . . . 114—133

Рост товарного производства и состояние денежного обращения, финансов и кредита. Расстройство финансовой системы. Хронические дефициты и структура бюджетов. Формы и тяжесть обложения налогами трудящегося населения. Проблема внешних займов. Рост государственного долга. Инфляция как средство покрытия хронических дефицитов. Динамика денежного обращения. К. Маркс и Ф. Энгельс о финансово-денежном состоянии России этого периода. Характер кредита в условиях господства крепостнических отношений. Рост товарно-капиталистических отношений и развитие кредита в России.

Глава шестая. Краткая характеристика русской экономической мысли эпохи феодально-крепостного хозяйства 134—153

Краткая характеристика развития русской экономической мысли. Особенности развития русской экономической мысли. Экономическая мысль раннего периода. Экономические взгляды Ордин-Нащокина и Ю. Крижанича, И. Посошкова, М. Ломоносова, А. Радищева, декабристов, Н. Мордвинова, славянофилов, А. Герцена, Н. Чернышевского.

Раздел второй

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

Глава седьмая. Развитие капитализма в сельском хозяйстве 154—172

Крестьянская реформа и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Расслоение крестьянства. Барщинная и капиталистическая система в сельском хозяйстве после реформы. Распределение частновладельческой и наделной земли. Пролетаризация крестьянства. Налоговый гнёт. Общественно-экономический строй помещичьего хозяйства. Землевладение в XIX в. Рост торгового характера сельского хозяйства. Рост производительности труда в сельском хозяйстве. Развитие сельского хозяйства и феодальные пережитки. Географическое размещение сельскохозяйственного производства. Сбор хлеба в отдельных районах страны в период промышленного капитализма. Возникновение новых отраслей сельскохозяйственного производства.

Глава восьмая. Развитие капитализма в промышленности и на транспорте . . . . . 173—227

Формы промышленности в пореформенной экономике. Вытеснение мелкого производства машинной индустрией. Темпы роста русской промышленности по сравнению с другими странами. Развитие капитализма и динамика отдельных отраслей промышленности. Значение отраслей лёгкой промышленности. Развитие капитализма и роль транспорта в расширении внутреннего и внешнего рынков.

Циклический характер развития капиталистической промышленности в России. Промышленные кризисы. Положение рабочего класса и классовая борьба.

Глава девятая. Развитие капитализма и демографические сдвиги в стране . . . . . 228—241

Классовый состав населения эпохи промышленного капитализма. Проблема избыточного населения. Общественное разделение труда и структура населения. Развитие капитализма и движение населения по стране. Проблема колонизации и связь её с аграрным вопросом. Крестьянские переселения. Эмиграция и иммиграция. Темпы роста населения России в период капитализма. Динамика населения России по сравнению с другими капиталистическими странами.

Глава десятая. Внутренний и внешний рынок в период промышленного капитализма . . . . . 242—271

Рост общественного разделения труда и создание внутреннего рынка. Влияние роста товарного обращения, торгово-промышленного населения, использования наёмного труда, разложения крестьянства на внутренний рынок. Формы внутренней торговли, её динамика и объём. Соотношение внутреннего и внешнего рынков в России. Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны. Рост внешней торговли как один из показателей роста товарного обращения. Динамика и структура внешней торговли. Платёжный баланс. Аграрный характер страны и внешняя торговля. Неравномерность развития внешней торговли. Россия и внешние рынки. Борьба капиталистических стран за рынки. Проблема свободной торговли и протекционизма в период промышленного капитализма. Расцвет протекционизма в России в конце XIX в. Ф. Энгельс и В. И. Ленин о таможенной политике царского правительства.

Глава одиннадцатая. Финансовая и кредитно-денежная система периода промышленного капитализма . . . . . 272—295

Расстроенность финансов после реформы. Тяжёлое финансовое состояние страны, как отражение её экономического положения. Налоговый гнёт на трудящихся. Анализ бюджетов. Достижение бездефицитности обыкновенного бюджета при наличии общих дефицитов. Недоимки как выражение обеднения крестьянства. Рост государственного долга. Кредитная система эпохи промышленного капитализма. Роль государственного банка. Возникновение акционерных коммерческих банков и их роль в накоплении капитала. Ипотечные банки и другие кредитные учреждения. Развитие капитализма и состояние денежного обращения в России. К. Маркс о денежном обращении в России. Попытки господствующих классов укрепить денежное обращение. Подготовка и проведение денежной реформы. Денежные кризисы как фаза экономических кризисов; самостоятельные денежные кризисы.

Раздел третий

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
В ЭПОХУ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА**

Глава двенадцатая. Концентрация промышленности и монополии . . . . . 296—357

Возникновение монополистического капитализма в России. Уровень концентрации производства в отдельных отраслях. Комбинирование в русской промышленности. Кризис 90-х годов и его влияние на промышленность. Движение производства и развитие монополий в отдельных отраслях промышленности. Движение цен в эпоху господства монополий. Монополии и положение рабочего класса. Обострение классовой борьбы в эпоху монополистического капитализма.

Глава тринадцатая. Концентрация и новая роль банков. Финансовый капитал . . . . . 358—378

Концентрация банков. Взаимоотношения между банками и промышленностью: Акционерные общества. Система участия в русских банках. Финансовый капитал. Коммерческие банки и Государственный банк России. Уровень учётного процента в Государственном банке и в частных банках в период империализма. Бюджет и денежное обращение эпохи империализма.

Глава четырнадцатая. Вывоз и ввоз капитала. Вывоз и ввоз товаров . . . . . 379—393

Вывоз капитала из России. Ввоз капитала. Анализ причин прилива капитала (норма прибыли, цена земли, уровень заработной платы, уровень процента). Формы ввоза капитала и его последствия. Роль иностранного капитала в русской промышленности, банках и других отраслях народного хозяйства. Характеристика внешней торговли России в период империализма. Роль протекционизма в эпоху монополий. Размер и структура внешней торговли.

Глава пятнадцатая. Экономика сельского хозяйства России в эпоху монополистического капитализма . . . 394—418

Классовые отношения в сельском хозяйстве. Анализ землевладения в эпоху монополистического капитализма. Частное землевладение. Распределение наделных земель. Крестьянские движения. Столыпинская реформа и её последствия. Мобилизация землевладения после столыпинской реформы. Переселение крестьян — составная часть столыпинской аграрной реформы. Размеры и география переселения. Количество «возвращенцев»-переселенцев. В. И. Ленин о переселенческой политике царского правительства. Крестьянские движения перед мировой войной. Динамика и структура сельскохозяйственной продукции России в эпоху империализма. Техничко-экономический уровень сельского хозяйства России по сравнению с сельским хозяйством Англии, Германии, США. Состояние сельского хозяйства России во время первой мировой войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . . 419—431

Приложения . . . . . 433—545

Редактор *В. Вашенцева*
Ответственный корректор *Л. Лозинская*
Переплёт и титульный лист
работы художника *М. Малкина*
Технический редактор *А. Тюннеева*

Подписано в печать 17 октября 1950 г. Тираж 20 тыс. экз.
А08604. Бумага 60×92¹/₁₆. 17,25 бумажных. 34¹/₂ печ. л.
31,1 уч.-изд. л. Заказ № 1949. Цена 10 р.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

10 руб.

П. А. ХРОМОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

РАЗВИТИЕ

РОССИИ

В XIX-XE
ВЕКАХ